

**Эдгар Райс Берроуз
Принцесса Марса
Боги Марса
Владыка Марса**

* * *

Посвящается моему сыну Джеку

Принцесса Марса

Предисловие К читателям этой книги

Представляя вам публикацию странной рукописи капитана Картера, я хочу немного рассказать об этом примечательном человеке. Уверен, это будет интересно читателям.

Мое первое воспоминание о капитане Картере касается тех немногих месяцев, что он провел в доме моего отца в Виргинии, как раз перед началом Гражданской войны. Мне тогда было около пяти лет от роду, однако я хорошо помню этого высокого, смуглого, атлетически сложенного мужчину, которого я называл дядей Джеком.

Казалось, капитан постоянно улыбался; он принимал участие в

подвижных детских играх с той же дружеской сердечностью, какую являл и в светских развлечениях дам и кавалеров его возраста; порой он мог битый час просидеть с моей старой бабушкой, потчужа ее историями о своих странных, необыкновенных приключениях в разных частях света. Мы все любили его, а наши рабы поклонялись земле, по которой он ходил.

Он представлял собой образец мужественности – при росте шесть футов и два дюйма Картер был широк в плечах, узок в бедрах и мог похвастать осанкой тренированного человека. Черты его лица отличались правильностью, он всегда был чисто выбрит и коротко стриг свои черные волосы. В его серых, стального оттенка, глазах отражалась сильная и прямая натура, полная огня и энергии. Его манеры были безупречны, а учтивость соответствовала представлениям о джентльмене-южанине высшего класса.

Он представлял собой образец мужественности

Его искусство верховой езды вызывало восторг и восхищение даже в этом краю великолепных наездников. Я частенько слышал, как мой отец предостерегал дядю Джека насчет его рискованной и беспечной манеры держаться в седле, но тот лишь смеялся в ответ и говорил, что еще не родилась лошадь, способная его сбросить.

Как только разразилась война, он уехал, и я не видел его около пятнадцати лет. Когда же он вернулся, без предупреждения, я был весьма удивлен тем, что он совершенно не постарел и внешне никак не изменился. На людях он выглядел тем же искренним и счастливым человеком, которого мы знали прежде. Но я замечал, как он сидит часами в одиночестве, глядя в небеса, и на его лице появляется выражение страстной тоски и отчаяния;

и вечером и ночью можно было застать его за этим странным занятием, но причины такого поведения я не знал, пока не прочел спустя годы его рукопись.

Он рассказывал нам, что некоторое время после войны занимался

горным делом в Аризоне и был весьма успешен в разведке полезных ископаемых. Слова капитана подтверждались неограниченными средствами, имевшимися в его распоряжении. Что же касалось подробностей его жизни в те годы, он в них не вдавался, то есть вообще об этом не упоминал.

Картер пробыл у нас около года, а потом уехал в Нью-Йорк, где приобрел небольшое поместье на Гудзоне. Я раз в год навещал его, когда мне приходилось бывать в Нью-Йорке по торговым делам, — мы с отцом в то время владели и управляли сетью универсальных магазинов по всей Виргинии. У капитана Картера был небольшой, но очень красивый дом, стоявший над обрывом у реки, и во время одного из моих последних визитов, зимой 1885 года, я отметил, что капитан много пишет; как я теперь предполагаю, он работал как раз над этой рукописью.

В тот раз Картер попросил меня позаботиться о поместье, если с ним что-нибудь случится, и отдал мне ключи от сейфа, стоявшего в кабинете. Он пояснил, что там находится его волеизъявление, а также некоторые инструкции, которым я должен буду следовать в точности, в чем он и заставил меня поклясться.

Перед тем как улечься в постель, я увидел в окно, что он стоит в лунном свете на краю крутого берега, спускавшегося к Гудзону, и протягивает руки к небесам, словно просит о чем-то. Тогда я подумал, что он молится, хотя никогда не замечал, чтобы капитан был религиозным человеком в строгом смысле этого слова.

Несколько месяцев спустя после моего возвращения домой, кажется, первого марта 1886 года, я получил телеграмму, в которой капитан просил меня немедленно приехать. Он хорошо относился ко всем молодым членам семьи Картер, но именно я был его любимцем. Надо ли удивляться, что я поспешил выполнить его просьбу.

Я прибыл на маленькую станцию, расположенную примерно в миле от его владений, утром четвертого марта 1886 года. В ответ на просьбу отвезти меня к капитану Картеру кучер сказал, что для друзей капитана у него плохие новости: он был найден мертвым сегодня на рассвете, обнаружил его сторож соседнего имения.

Почему-то это известие ничуть меня не удивило. Я постарался добраться до дома капитана как можно скорее, чтобы позаботиться о покойном и о его имуществе.

Сторожа вместе с главой местной полиции я нашел в маленьком кабинете Картера. С ними были несколько горожан. Очевидец сообщил мне то небольшое, что касалось обнаружения тела, которое, по его словам, было еще теплым, когда он на него наткнулся. По описанию, капитан лежал на снегу, вытянувшись во весь рост и простирая руки над

головой к краю обрыва. Когда сторож показал то место, мне сразу вспомнилось, что именно там я видел моего покойного друга с воздетыми к небесам руками.

Никаких признаков насилия на теле не было, и после краткого расследования местный коронер пришел к выводу о смерти от сердечного приступа. Оставшись в кабинете один, я открыл сейф и извлек содержимое того ящика, в котором, как говорил мне капитан, находятся все инструкции. Они были немного странными, надо признать, но я последовал им со всей скрупулезностью и преданностью, на какие только был способен.

Капитан распорядился доставить его тело в Виргинию, не бальзамируя, и положить в открытый гроб в склепе, подготовленном им заранее и, как я узнал позже, оборудованном отличной вентиляцией. В инструкции особо подчеркивалось, что я должен лично присмотреть за исполнением последней воли умершего и держать происходящее в тайне, если потребуется.

Что касается его собственности, то я должен был получать полный доход с поместья в течение двадцати пяти лет, после чего оно переходило ко мне. Дальнейшие инструкции касались как раз этой рукописи: предписывалось одиннадцать лет хранить ее в запечатанном виде без прочтения; также запрещалось обнародовать ее в течение двадцати одного года после его смерти.

Весьма странной особенностью склепа, где до сих пор лежит тело Картера, являлась массивная дверь, снабженная одной-единственной огромной золоченой пружинной задвижкой, которую можно было открыть только изнутри.

Искренне ваш, Эдгар Райс Берроуз.

I

На холмах Аризоны

Я очень старый человек; сколько мне лет, я и сам не знаю. Возможно, сто, а может быть, и больше, точно сказать не могу, потому что не старею, как другие люди, а детство напрочь стерлось из памяти. Насколько помню, я всегда был мужчиной, мужчиной около тридцати лет. Сегодня я выгляжу точно так же, как сорок и более лет назад, и все же ощущаю, что не могу жить вечно; что однажды придет настоящая смерть, после которой нет воскрешения. Не знаю, с чего бы мне бояться конца, — ведь я уже дважды умирал и по-прежнему жив, — тем не менее я испытываю перед смертью тот же ужас, что и вы, ни разу не покидавшие этот свет, и, по-моему, именно этот страх убеждает меня в собственной смертности.

И из-за этой убежденности я твердо решил записать историю самых

интересных периодов моей жизни и моего небытия. Я не способен объяснить сей феномен; могу лишь изложить словами обычного солдата удачи хронику тех странных событий, что произошли за десять лет, пока мое мертвое тело лежало, скрытое в одной из пещер Аризоны.

Я никогда не рассказывал об этом, и ни один смертный человек не увидит эту рукопись до тех пор, пока меня не поглотит вечность. Знаю, обычный, средний человеческий ум не поверит в то, что не способен осмыслить, и мне вовсе не хочется быть осмеянным публикой, проповедниками и газетчиками и выглядеть величайшим лжецом, в то время как я всего лишь стремлюсь поведать простую правду, которую когда-нибудь подтвердит наука. Возможно, знания, полученные мною на Марсе, и сведения, которые я могу запечатлеть в этой хронике, отчасти помогут вам понять загадку близкой к нам планеты — для меня же ее тайны открыты.

Меня зовут Джон Картер, но я более известен как капитан Джек Картер из Виргинии. В конце Гражданской войны я обнаружил, что обладаю несколькими сотнями тысяч долларов (в деньгах Конфедерации) и званием капитана кавалерийского подразделения армии, которая больше не существовала; я был слугой государства, растаявшего вместе с надеждами южан. Лишенный руководства, денег и предоставленный сам себе, я преисполнился решимости отправиться на юго-запад и попытаться поймать удачу в поисках золота.

Я потратил почти год, ведя геолого-разведочные работы вместе с другим офицером Конфедерации, капитаном Джеймсом К. Пауэллом из Ричмонда. Нам очень повезло, потому что в конце зимы 1865 года, после множества трудностей и лишений, мы наткнулись на такую богатую золотоносную жилу, какую только могли вообразить в своих мечтах. Пауэлл, имевший образование горного инженера, заявил, что здесь за каких-нибудь три месяца ничего не стоит добыть металла на миллион долларов.

Поскольку оборудование у нас было чрезвычайно примитивным, мы решили, что один из нас должен вернуться к цивилизации, приобрести все необходимые машины и нанять солидное количество людей, чтобы начать разработку этой кварцевой жилы.

Пауэлл хорошо изучил эти места, был знаком с горным делом и знал, какие механизмы нам потребуются, поэтому мы пришли к выводу, что будет лучше, если именно он отправится в эту поездку. А я должен был охранять нашу заявку на тот случай, если вдруг на жилу наткнется какой-нибудь бродячий золотоискатель.

Третьего марта 1866 года мы погрузили необходимые припасы на двух осликов, и Пауэлл, попрощавшись со мной, вскочил на лошадь и начал спускаться по горному склону — первая часть его пути пролегла

через долину.

То утро, как почти всегда в Аризоне, было ясным и замечательным; я наблюдал, как всадник и выючные животные осторожно пробираются вниз по откосам, и время от времени замечал их, когда они поднимались на какой-нибудь холмик или пересекали ровное место. Последний раз я видел Пауэлла около трех часов дня, когда он приблизился к тени, что отбрасывал хребет по другую сторону узкой долины.

Примерно полчаса спустя я случайно посмотрел туда и был весьма удивлен, заметив три маленькие точки примерно в том же месте, где в последний раз мне попались на глаза мой друг и два его осла. Я вовсе не склонен к бессмысленной тревоге, но чем больше я старался убедить себя, что с Пауэллом все в порядке и точки на самом деле являются антилопами или мустангами, тем меньше мне верилось в это.

С тех пор как мы пришли в это место, нам ни разу не встречались враждебные индейцы, и потому беспечность наша не знала границ. Мы считали глупостью истории о многочисленных жестоких мародерах, что устраивают засады на дорогах, убивают и грабят белых путников, имеющих несчастье попасться к ним в лапы.

Пауэлл, насколько я знал, был отлично вооружен, более того, он мог похвастать опытом в сражениях с краснокожими. Однако я сам много лет воевал с индейцами-сиу на Севере, поэтому у меня были основания предполагать, что столкновение с бандой коварных апачей не оставит моему другу шансов. Наконец я не мог дольше выносить подозрений и, вооружившись двумя кольтами и карабином, надел на себя два полных патронташа и оседлал лошадь, чтобы ехать по утренним следам Пауэлла.

Добравшись до сравнительно ровного участка, я пустил своего коня легким галопом и скакал так все время, пока позволяла тропа. Ближе к сумеркам я очутился у места, где несколько тропинок пересекались с путем Пауэлла, и нашел отпечатки копыт трех неподкованных пони, причем они неслись во весь опор.

Я поспешил по их следу, пока не вынужден был остановиться из-за темноты, подождал, когда поднимется луна, и тут только принялся размышлять о разумности такой погони. Возможно, я просто навывдумывал каких-то бессмысленных опасностей, словно нервная старая домохозяйка. Вот догоню Пауэлла, и мы вдоволь посмеемся над моими страхами. Однако я не был склонен к сентиментальности, и чувство долга, куда бы оно ни завело, всю мою жизнь являлось для меня чем-то вроде фетиша; и это сделало мне честь в трех республиках, которым я служил, и стало причиной награды, полученной от некоего старого и могущественного императора и нескольких менее сильных королей, на чьей службе мой клинок много раз обагрялся кровью.

Около девяти вечера луна наконец осветила тропу достаточно ярко, чтобы можно было продолжить путь. Я не встретил каких-либо трудностей, двигаясь дальше, временами даже пускал лошадь быстрой рысью и около полуночи добрался до небольшого озерца, возле которого Пауэлл, предположительно, должен был остановиться на отдых. Я выскочил на открытое место внезапно и увидел: там совершенно пусто – ни малейших признаков того, что кто-то устраивал стоянку.

Я с интересом отметил, что гнавшиеся за Пауэллом (в чем я теперь не сомневался) всадники лишь ненадолго задержались у озерца; они постоянно двигались с той же скоростью, что и мой друг.

Теперь я был уверен, что эти люди – апачи, желающие захватить Пауэлла живым, просто для того, чтобы получить дьявольское наслаждение, мучая его. Поэтому я поскакал вперед с опасной скоростью, вопреки всему надеясь, что сумею нагнать краснокожих негодяев, прежде чем они нападут на Пауэлла.

Мои размышления внезапно прервало слабое эхо двух выстрелов далеко впереди. Я понимал, что сейчас Пауэлл нуждается во мне, как никогда, и сразу же подстегнул лошадь, погнав ее по узкой и опасной горной тропе.

Я несся вперед, наверное, с милую, не слыша больше никаких звуков, и тут вдруг дорога вышла на небольшое открытое плато возле самой высокой точки перевала. Перед этим я проскочил через узкое ущелье и теперь, очутившись на плоском участке земли, увидел нечто, наполнившее меня ужасом и отвращением.

Ровную площадку сплошь усеяли белые индейские вигвамы, чуть ли не полтысячи краснокожих воинов собрались в центре лагеря. Их внимание было так поглощено неким предметом, что они не заметили меня, и я легко мог бы вернуться в темное ущелье и сбежать без особого риска. Однако тот факт, что эта мысль пришла ко мне лишь на следующий день, еще не дает мне права претендовать на звание героя, каковым меня могли бы наградить после рассказа об этом эпизоде.

Я не верю, что создан из того же материала, что и герои, поскольку из всех тех сотен случаев, когда мои импульсивные действия сталкивали меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного примера, когда бы альтернативное решение приходило мне в голову раньше чем через несколько часов. Мой ум явно устроен так, что я неосознанно выбираю путь долга, не предаваясь утомительным мыслительным процессам. Но как бы то ни было, я никогда не сожалел о том, что мне не свойственна трусость.

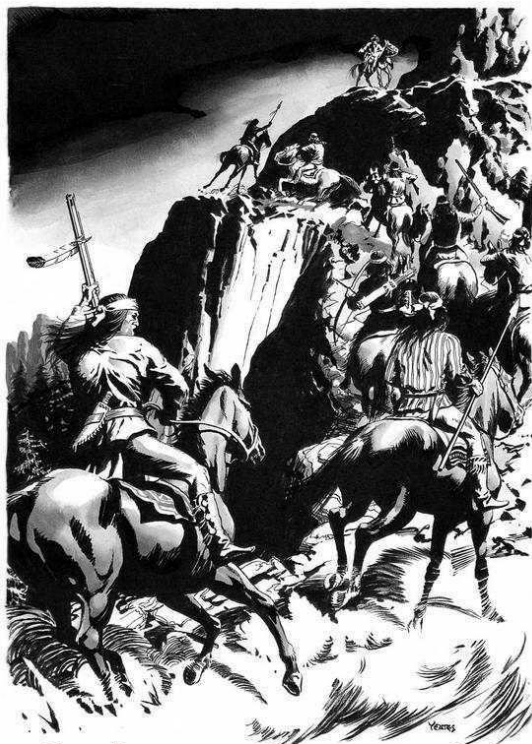
Конечно, в то мгновение я пребывал в совершенной уверенности, что центром внимания индейцев является Пауэлл, однако не знаю,

опередила ли эта мысль мои действия или наоборот – стоило мне увидеть эту сцену, как я выхватил свои револьверы и ринулся на целую армию воинов, бешено стреляя и крича во всю силу легких. Будучи один, я не мог бы выбрать лучшую тактику, потому что краснокожие, от неожиданности решившие, что на них напал полк регулярной армии, развернулись и бросились бежать во все стороны, хватая луки, стрелы и винтовки.

Картина, которая открылась мне в результате их поспешного бегства, наполнила меня мрачной тревогой и яростью. Под яркими лучами аризонской луны лежал Пауэлл, и его тело буквально оцетинилось вражескими индейскими стрелами. В том, что он погиб, сомневаться не приходилось, и все же я должен был спасти от рук апачей тело друга без промедления, как если бы вырывал его из объятий смерти.

Подскакав вплотную к нему, я наклонился в седле и, схватив мертвого Пауэлла за патронташ, быстро бросил его на холку своей лошади. Взгляд назад убедил меня, что отправляться по той тропе, по которой я добрался сюда, было бы куда более рискованно, чем двинуться вперед через небольшое плато, и потому, дав шпоры моей бедной лошадке, я помчался через открытую местность к перевалу, который отчетливо виднелся в дальнем конце поляны.

К этому времени индейцы поняли, что я один, и с проклятиями пустились за мной в погоню, вслед мне полетели стрелы и пули из винтовок.

Индейцы с проклятиями пустились за мной в погоню

Но при лунном свете в цель могут попасть разве что проклятия, к тому же дикари были слишком разозлены моей внезапной выходкой и тем, что противник оказался довольно шустрой мишенью.

Все это спасло меня от разнообразных вражеских снарядов и позволило укрыться в тени, окружавшей вершины, прежде чем апачи сумели организовать грамотное преследование.

Я отпустил поводья, потому что знал: лошадь отыщет верный путь скорее меня. Но вышло иначе, вскоре она вынесла меня в теснину, тянущуюся к верхней части хребта, а я-то надеялся, что выберусь в долину

и окажусь в безопасности. Похоже, именно своей лошади я обязан жизнью и теми необычными испытаниями и приключениями, что выпали на мою долю в последующие десять лет.

Когда пронзительные крики гнавшихся за мной дикарей затихли где-то слева, мне стало ясно, что я еду по другой дороге.

Я сообразил, что они обогнули каменистые зубцы на краю плато с левой стороны, а моя лошадь увезла меня и тело Пауэлла вправо.

Заставив коня подойти к ровному выступу, с которого просматривалась тропа внизу и слева, я увидел банду дикарей, исчезавшую за соседней вершиной.

Было ясно, что индейцы вскоре обнаружат свою ошибку и поиски возобновятся уже в правильном направлении, как только они отыщут мой след.

Я проехал немного дальше и тут увидел отличную тропу, огибавшую высокий утес. Она была ровной и довольно широкой, причем вела именно туда, куда я намеревался ехать. Скала поднималась справа от меня на несколько сотен футов, а слева примерно такой же высоты отвесная стена обрывалась в каменистое ущелье.

Через какую-нибудь сотню ярдов пришлось резко повернуть вправо, и я оказался у входа в большую пещеру – наверное, фута четыре в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Здесь тропа заканчивалась.

Уже наступило утро, и, как обычно в Аризоне, без всяких признаков рассвета внезапно вспыхнул солнечный свет.

Спешившись, я положил тело Пауэлла на землю. Самый тщательный осмотр не обнаружил в нем даже слабых признаков жизни. Почти целый час я хлопотал над ним, вливая воду из своей фляги в его мертвые губы, омывая ему лицо и растирая руки, хотя прекрасно понимал, что он мертв.

Я очень любил Пауэлла; он был во всех отношениях настоящим мужчиной – прекрасно воспитанный джентльмен, южанин, верный, стойкий, истинный друг. Наконец я с чувством глубочайшего горя бросил примитивные попытки оживить его.

Оставив тело Пауэлла там, где оно лежало, я забрался в пещеру для разведки. Она оказалась очень просторной, должно быть, не меньше сотни футов в диаметре и футов тридцать-сорок высотой; ровный, сильно истертый пол и многие другие свидетельства говорили о том, что некогда, в давние времена, эта пещера была обитаемой. Дальняя ее часть терялась в густой тьме, так что я не мог различить, есть ли из нее другие выходы или нет.

Продолжая исследование, я начал ощущать, как меня охватывает приятная сонливость, и решил, что это, конечно, результат усталости от долгого и трудного пути и реакция на возбуждение схватки и погони. Я

чувствовал себя в относительной безопасности, потому что знал: один человек может защитить узкую тропу от целой армии.

Вскоре дремота совсем одолела меня, и я чуть не поддался сильному желанию упасть на пол пещеры и несколько минут отдохнуть, но я понимал, что делать этого нельзя: сон означал бы неминуемую смерть от рук моих краснокожих приятелей, которые могли найти меня в любой момент. С огромным усилием я направился к выходу из пещеры, но пошатнулся, прислонился к боковой стене – и бессильно сполз на пол.

II

Бегство от мертвеца

Чувство сладкой сонливости охватило меня, мои мышцы расслабились, и я уже готов был отдаться во власть Морфея, когда до моих ушей долетел стук копыт приближающихся лошадей. Я попытался вскочить на ноги, но с ужасом обнаружил, что тело отказывается подчиняться моей воле. Я полностью проснулся, но был так же не способен шевельнуться, как если бы обратился в камень. И лишь тогда, в первый раз, я заметил, что пещеру наполняет едва заметный, чрезвычайно легкий туман. Различить его можно было только на фоне выхода, сквозь который проникал дневной свет. Мои ноздри ощутили слабый острый запах – оставалось предположить, что я попал под действие какого-то ядовитого газа, но почему при полной ясности мысли мои конечности не слушались, объяснить было невозможно.

Я лежал лицом к выходу и видел короткий отрезок тропы между пещерой и краем утеса. Стук лошадиных копыт затих, и я рассудил, что индейцы, видимо, осторожно пробираются вдоль обрыва по узкому выступу, направляясь к моей обитаемой могиле. Я помню, как надеялся тогда, что они расправятся со мной быстро, поскольку мне вовсе не доставляла удовольствия мысль о бесконечных пытках, которым апачи могли меня подвергнуть, если бы им того захотелось.

Мне пришлось ждать не слишком долго. Тихий шорох предупредил меня о близости врагов, а потом из-за края скалы осторожно высунулось раскрашенное лицо, над которым колыхались перья боевого головного убора, – и глаза дикаря заглянули в мои глаза. В том, что он мог меня видеть в тусклом свете внутри пещеры, я был уверен – лучи утреннего солнца падали в отверстие входа.

Но индеец, вместо того чтобы двинуться ко мне, просто стоял и смотрел; его глаза выпучились, челюсть отвисла. Потом появилось еще одно раскрашенное лицо, и третье, и четвертое, и пятое, дикари вытягивали шею и заглядывали друг другу через плечо. И на каждом лице были написаны страх и благоговение, но почему – я понятия не

имел и узнал это лишь десять лет спустя. Я понимал, что за спиной тех, кто рассматривал меня, толпились другие индейцы, – это следовало из того, что первые оборачивались и что-то шептали стоящим сзади.

Внезапно из глубины пещеры позади меня раздался негромкий, но отчетливый стонущий звук, и, как только он достиг ушей индейцев, они развернулись и убежали в ужасе, подгоняемые паникой. Они стремились оказаться как можно дальше от того невидимого, что таилось в темноте, и в этой спешке один из воинов сорвался с тропы и полетел с утеса на камни вниз головой. Яростные крики краснокожих еще некоторое время разносились над каньоном, а потом все снова стихло.

Звук, напугавший дикарей, не повторялся, но этого было достаточно для того, чтобы я принялся раздумывать о возможных ужасах, скрытых в тени за моей спиной. Страх – понятие относительное, так что сейчас я могу оценить свои чувства в тот момент лишь в сравнении с прошлым и будущим опытом, ведь я оказывался в опасности и до, и после этого случая. Признаюсь без стыда: если то, что я испытал в несколько последующих минут, было страхом, то пусть Бог поможет трусам, потому что трусость, без всякого сомнения, сама по себе является наказанием.

Парализованный, лежа спиной к чему-то ужасному, к некой неведомой угрозе, один звук которой заставил свирепых апачей развернуться и броситься бежать, словно стадо овец при виде волков, я думал, что нет и не может быть худшего положения для мужчины, который привык сражаться за свою жизнь со всей силой и энергией.

Несколько раз мне казалось, будто я слышу тихие звуки позади, словно там кто-то осторожно двигался, но и этот легкий шум исчез, и я мог размышлять о своем положении, ни на что не отвлекаясь. Впрочем, мне оставалось лишь строить неопределенные догадки о причинах своего паралича и надеяться, что он пройдет так же внезапно, как одолел меня.

Позже, днем, моя лошадь, стоявшая без привязи перед пещерой, медленно отправилась куда-то по тропе, явно решив поискать себе пищи и воды, а я остался один с таинственным невидимым компаньоном и мертвым телом моего друга. Оно лежало так, что я мог его видеть, на том же месте, где я его положил ранним утром.

Примерно до полуночи, насколько я мог судить, вокруг было тихо, стояла полная, глубокая тишина; а потом внезапно ужасающий стон, такой же как утром, ворвался в мои уши, и снова из черной тени в глубине пещеры послышался шум чьего-то движения и тихий шорох, будто кто-то ворошил сухие листья. Потрясение для моих и без того перенапряженных нервов было чрезвычайным, и я с нечеловеческим

усилием попытался разорвать чудовищные невидимые путы. Это была работа ума, воли, нервов; мускулы тут не участвовали, потому что я не мог шевельнуть даже мизинцем, тем не менее в бой были брошены все внутренние резервы. И тут что-то поддалось, я испытал краткое ощущение тошноты, раздался щелчок, словно лопнула стальная проволока, — и вот я уже стою, прислонившись спиной к стене пещеры, лицом к неведомому врагу.

А потом в пещеру хлынул лунный свет, и я увидел прямо перед собой мое собственное тело — оно лежало так все эти часы, глаза смотрели на вход, а руки бессильно раскинулись на земле. Я уставился сначала на бесчувственное тело на полу пещеры, а потом на себя самого, пребывая в крайнем замешательстве: ведь на земле я лежал одетым и в то же время стоял рядом нагой, как в миг своего появления на свет.

Переход был столь внезапным, столь неожиданным, что на время я забыл обо всем, кроме моей удивительной метаморфозы. Мелькнула мысль: вот она, смерть! Неужели я действительно перешел грань между жизнью и небытием? Но в это не слишком верилось, ведь я ощущал, как сердце бьется у меня в груди после отчаянных усилий освободиться от странного наркоза, который сковывал меня. Мое дыхание было быстрым и неглубоким, холодный пот выступал из всех пор моего тела, а древнее испытание щипком подтвердило тот факт, что я могу быть чем угодно, только не призраком.

Тут зловещий стон в глубине пещеры повторился, и я сразу вспомнил о своем удручающем положении. Будучи обнаженным и безоружным, я не имел никакого желания встречаться с невидимым существом, угрожавшим мне.

Мои револьверы находились на поясе моего же безжизненного тела, которого я, по непостижимой причине, не мог заставить себя коснуться. Карабин же лежал в чехле, пристегнутом к седлу лошади, а поскольку та куда-то ушла, я остался без средств защиты. Похоже, единственным выходом было бегство, и это решение крепло оттого, что шелестящий звук повторился, и теперь, в темноте, при возбужденном воображении, мне мерещилось, будто зловещее существо украдкой ползет в мою сторону.

Не в силах больше сопротивляться искушению бежать, я быстро выпрыгнул сквозь отверстие в скале под свет звезд тихой аризонской ночи. Свежий, прохладный горный воздух подействовал ободряюще, и я ощутил, как меня переполняют новая жизнь и новая отвага. Я остановился на краю каменного выступа и выбрал себя за то, что поддался необоснованному страху. В течение долгих часов, которые я провел в пещере в беспомощном состоянии, ничто, кажется, не повредило мне; и если хорошо подумать, применяя спокойную логику,

то нетрудно будет убедиться: услышанные мной шумы наверняка имели совершенно естественные и безопасные причины; скорее всего, конфигурация самой пещеры такова, что даже легкий ветерок, ворвавшийся внутрь, мог породить напугавшие меня звуки.

Я решил в этом разобраться, но сначала вскинул голову, чтобы наполнить легкие чистым, бодрящим ночным воздухом гор. И тут моему взору открылся прекрасный вид на скалистое ущелье и раскинувшуюся далеко внизу, поросшую кактусами плоскую равнину, которую лунный свет превратил в картину, исполненную великолепия и невиданного очарования.

Мало какие из западных чудес вдохновляют более, чем освещенные луной пейзажи Аризоны; серебристые горные вершины вдали, странный свет и тени на склонах и в руслах ручьев, гротескные очертания сухих, но прекрасных кактусов создают зрелище, которое зачаровывает и воодушевляет; как будто перед вами предстает некий умерший забытый мир, абсолютно не похожий ни на одно место на Земле.

Погрузившись в созерцание, я перевел взгляд на небо, где мириады светил образовали гигантский плотный шатер над земными красотами. И тут же мое внимание привлекла большая красная звезда, повисшая над далеким горизонтом. Глядя на нее, я ощутил ее неотразимые чары — это была не просто звезда, на меня взирал Марс, бог войны, а для меня, солдата, он всегда обладал обаянием непреодолимой силы. Я смотрел на него в глубокой ночи, и он как будто звал меня сквозь немыслимую пустоту, манил, притягивал, как магнит притягивает к себе крупички железа.

Страстное желание охватило меня; я закрыл глаза, протянул руки к богу, олицетворяющему военное искусство, и почувствовал, как с внезапностью мысли меня влечет сквозь пустое необъятное пространство. И это было мгновение невероятного холода и беспредельной тьмы.

III

Мое прибытие на Марс

Я открыл глаза и увидел странный и таинственный ландшафт. Я знал, что очутился на Марсе. Меня не покидала твердая уверенность, что я вижу его наяву, находясь в здравом рассудке. Я не спал, мне незачем было себя щипать; мое глубинное сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, как вы осознаете себя на Земле. Вы ведь в этом не сомневаетесь; не сомневался и я.

Я обнаружил, что лежу ничком на плотном ковре из желтоватых, похожих на мох растений, расстилающихся во все стороны куда хватал

глаз. Судя по всему, я оказался в глубокой круглой впадине, над краями которой виднелись вдали неровные очертания низких холмов.

Стояла середина дня, солнце вовсю сияло надо мной, опалая жаром мою обнаженную кожу, но зной ощущался не сильнее, чем в то же время суток где-нибудь в пустыне Аризоны. Тут и там выступали из почвы похожие на кварц камни, блестевшие на солнце, а слева, примерно в сотне ярдов, я заметил приземистое ограждение высотой фута четыре. Ни воды, ни других растений, кроме мха, я не видел, а поскольку сильно хотелось пить, решил исследовать окрестности.

Велико же было мое удивление, когда я вскочил на ноги, – пожалуй, это был первый сюрприз, преподнесенный мне на Марсе. Дело в том, что рывок, который на Земле просто привел бы человека в вертикальное положение, здесь подбросил меня в воздух не меньше чем на три ярда. Но я мягко опустился на мох, не испытав особого потрясения.

Пришлось постепенно приспосабливаться, что поначалу выглядело глупым до невозможности. Я обнаружил, что должен заново учиться ходить, ведь мышечные усилия, позволявшие легко и спокойно передвигаться на Земле, здесь, на Марсе, играли со мной странные шутки.

Вместо того чтобы шагать в нормальной и достойной манере, я в результате своих попыток совершал разнообразные прыжки, поднимался надо мхом на пару футов и после второго или третьего скачка падал на живот или на спину. Мышцы, идеально приспособленные и привыкшие к условиям земного притяжения, не слушались меня в первые минуты пребывания на Марсе, где гравитация и атмосферное давление были куда ниже.

Однако я преисполнился решимости добраться до низкой постройки, которая была единственным видимым свидетельством чьего-то присутствия, поэтому быстро додумался до первейшего способа передвижения человека – и пополз на четвереньках. Это мне удалось отлично, и через несколько секунд я уже достиг невысокой круглой ограды.

С ближайшей ко мне стороны не видно было ни дверей, ни окон, но, поскольку стена не превышала четырех футов в высоту, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее... Моим глазам открылось зрелище, способное поразить самое смелое воображение.

Окруженное стеной пространство защищала крыша из стекла дюйма в три или четыре толщиной, а под ней лежали несколько сотен больших яиц, идеально круглых и снежно-белых. Яйца были почти одинаковыми по размеру, примерно два с половиной фута в диаметре.

Пять или шесть из них уже треснули, и в солнечном свете сидели, моргая, гротескные существа, заставившие меня усомниться в

собственном здравомыслии. Они как будто состояли в основном из головы, хотя и имели крошечные тощие тела, длинные шеи и по шесть ног – то есть, как я узнал впоследствии, по две ноги и руки и по паре «сменных» конечностей, которые могли служить и руками, и ногами. Глаза уродцев были чрезвычайно широко расставлены чуть выше центральной линии и вращались назад или вперед, независимо один от другого, что позволяло странным созданиям смотреть в любом направлении или в двух сразу и при этом не поворачиваться.

Уши, расположенные немного выше глаз и ближе друг к другу, были маленькими, похожими на чашевидные антенны, и у этих юных представителей марсианского вида выступали не более чем на дюйм. Нос же представлял собой длинную щель посередине лица, между ртом и ушами.

Шерсть на их телах не росла, а кожа имела очень светлый желтовато-зеленый оттенок. У взрослых марсиан, как я узнал довольно скоро, она становилась оливкового цвета, причем мужские особи были темнее женских. Да и голова с возрастом приобретала более правильные пропорции по отношению к телу, чем у новорожденных.

Радужные оболочки их глаз были кроваво-красными, точно у альбиносов, а зрачки – темными. Зато белки сверкали белизной, как и зубы. И это добавляло свирепости и без того пугающей, ужасной внешности марсиан, равно как и острые клыки, загнутые вверх до того уровня, где у землянина расположены глаза. Зубы по цвету вовсе не напоминали слоновую кость, скорее белейший и самый блестящий фарфор. На фоне темноватой кожи клыки выделялись поразительным образом, придавая этому оружию особенно грозный вид.

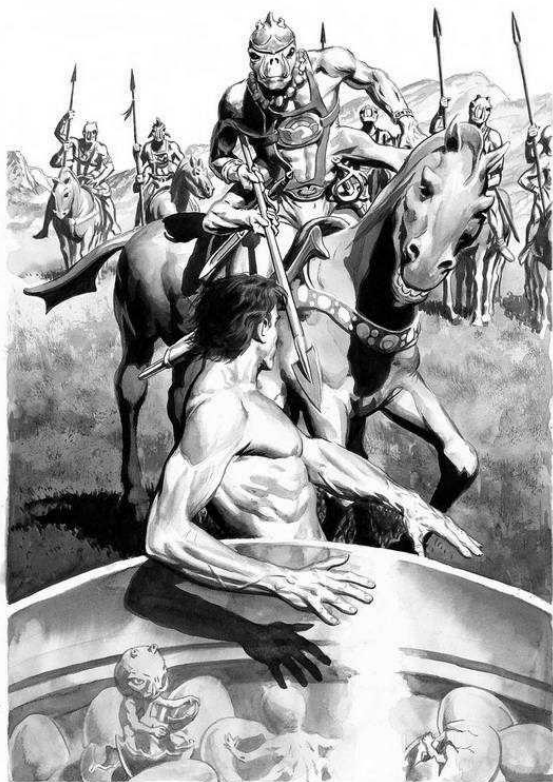
Большую часть этих подробностей я отметил позже, у меня не было времени на то, чтобы поразмышлять о чуде моего открытия. Я видел, что яйца начинают трескаться, и, пока наблюдал за тем, как маленькие чудовища выбирают свет, ко мне незаметно подкрались сзади два десятка взрослых марсиан.

Беззвучно шагая по мягкому мху, который покрывал практически всю поверхность Марса, за исключением замерзших областей на полюсах и возделанных земель, они могли без труда захватить меня в плен, однако их намерения были куда более зловещими. И только звякнувшее случайно вооружение предводителя предупредило меня.

Моя жизнь висела на тончайшем волоске, и я частенько изумляюсь тому, что сумел спастись с такой легкостью. Если бы ружье вождя, висевшее на ремнях сбоку седла, не задело о толстый конец здоровенного копия с металлическим наконечником, я бы не успел заподозрить приближения гибели. Однако негромкий звук заставил меня оглянуться, и тут я увидел меньше чем в десяти футах от моей

груди острие огромного копья длиной в сорок футов с наконечником из блестящего металла, а держала его верховая копия тех маленьких дьяволов, за которыми я наблюдал.

Но какими же хилыми и безвредными казались они теперь, рядом с гигантской и пугающей инкарнацией ненависти, мести и смерти... Насколько я мог понять, передо мной высился марсианин мужского пола. Он был ростом в полных пятнадцать футов и на Земле при таких размерах весил бы добрых четыреста фунтов.

Я увидел меньше чем в десяти футах от моей груди острие огромного копья

Вождь сидел в седле, подобно всаднику на лошади; он сжимал брюхо животного нижними конечностями, в то время как ладони его правых рук держали низко, у бока «скакуна», чудовищное копье; две левых руки были вытянуты в сторону, чтобы удерживать равновесие, потому что монстр, на котором он ехал, не имел ни уздечки, ни поводьев, ни каких-либо иных средств управления.

А этот зверь! Есть ли вообще земные слова, чтобы описать его! В холке он достигал около десяти футов; у него было по четыре ноги с каждого боку; широкий плоский хвост, шире на конце, чем у корня, выпрямлялся горизонтально, когда существо бежало; огромная пасть

разверзалась от рыла до длинной мощной шеи...

Как и его хозяин, чудовище было полностью лишено растительности на теле, его темная синевато-серая кожа отличалась чрезвычайной гладкостью и блестела. Живот был белым, а на лапах цвет менялся от шиферно-серого на плечах и бедрах до ярко-желтого на ступнях, снабженных подушками, что также объясняло бесшумность приближения инопланетян. Надо сказать, отсутствие когтей в совокупности со множеством ног является одной из характерных черт фауны Марса. Только высшее существо, человек, и еще одно животное, единственное местное млекопитающее, имеют хорошо сформированные ногти. На планете вовсе нет копытных представителей животного мира.

За первым угрожавшим мне демоном тащились еще девятнадцать, очень похожих друг на друга, различать их по индивидуальным

признакам я научился уже потом. Точно так же не найти двух абсолютно одинаковых людей, хотя все мы отлиты по одной форме. В общем, эта картина или, скорее, материализовавшийся ночной кошмар, только что описанный мною во всей красе, произвел на меня ужасное впечатление, когда я повернулся.

Поскольку я был безоружен и наг, первый закон природы сработал сам собой, будучи единственным возможным решением насущной проблемы, – я ринулся в сторону от направленного на меня наконечника копья. И, как следствие, совершил вполне земной и в то же время сверхчеловеческий прыжок на крышу марсианского инкубатора (именно так я назвал про себя эту конструкцию).

Мое усилие увенчалось успехом, изумившим меня самого ничуть не меньше, чем марсианских воинов, поскольку я взлетел на добрых тридцать футов в воздух и приземлился в сотне футов от преследователей, на противоположной стороне огороженного пространства.

Я легко, даже не пошатнувшись, опустился на мягкий мох и обернулся. Мои враги столпились у дальней стены. Одни таращились на меня с выражением, которое я потом научился распознавать как крайнее изумление, а другие вроде были довольны тем, что я не повредил их молодняку.

Они переговаривались тихими голосами и жестикулировали, показывая на меня. Когда они поняли, что я не сделал ничего плохого маленьким марсианам и у меня нет оружия, их ярость, должно быть, поутихла, но позже я узнал, что в первую очередь мне на пользу послужил мой невероятный прыжок.

Хотя марсиане огромны и кости у них очень крупны, их мускулы приспособлены лишь к той силе притяжения, которую они должны преодолевать. И в результате жители Красной планеты несравнимо менее проворны и сильны по отношению к весу, чем любой землянин, и у меня есть сомнение, что кто-то из них смог бы сдвинуться с места, перенесись он вдруг на Землю; то есть я просто уверен, что они не сумели бы этого сделать.

Моя ловкость выглядела столь же невероятной на Марсе, какой показалась бы на Земле, и от желания уничтожить меня мои враги внезапно перешли к восторгу. Теперь они смотрели на пришельца как на некое чудо, которое следовало немедленно поймать и показать друзьям.

Отсрочка, полученная благодаря моему неожиданному проворству, позволила мне построить планы на ближайшее будущее и хорошенько приглядеться к инопланетным воинам, ведь мысленно я все еще не мог отделить их от тех людей, что всего за день до этого преследовали меня.

Я отметил, что каждый марсианин вооружен еще кое-чем, кроме огромного копья, описанного выше. Оружие, которое заставило меня отказаться от попытки бегства, выглядело определенно как винтовка, и я почему-то не сомневался, что противники умеют отлично обращаться с ним.

Марсианские ружья были из белого металла, с деревянными прикладами, и позже я узнал, что это дерево с очень легкой древесиной крайне трудно вырастить, поэтому оно высоко ценилось на Марсе, а на Земле не нашлось бы ничего подобного ему. Металл ружейных стволов представлял собой некий сплав, в основном состоявший из алюминия и стали, которую марсиане научились закаливать до гораздо более прочного состояния, чем умеем мы. Вес такого оружия сравнительно невелик, и при малом калибре, силе взрывчатки и огромной длине ствола оно смертельно опасно на расстояниях, просто немыслимых на Земле. Теоретически дальность действия для этих винтовок – триста миль; правда, фактически, даже при хорошем видоискателе, они могут поразить цель не более чем на расстоянии около двухсот миль.

Но в тот момент мне было достаточно вида марсианского огнестрельного оружия, чтобы проникнуться к нему большим уважением, и, должно быть, некие телепатические силы предостерегли меня от попытки бежать при ясном свете дня под прицелом двадцати таких вот смертельных механизмов.

Марсиане, немного посоветовавшись, ускакали в том направлении, откуда прибыли, но один из них остался возле ограды. Проехав примерно двести ярдов, они развернули своих скакунов к нам и оттуда принялись наблюдать за воином около инкубатора.

Это был именно тот, чье копьё оказалось так близко от меня, и он явно являлся предводителем банды, потому что все остальные как будто отъехали в сторону по его приказу. Когда отряд остановился, командир спешился, положил копьё и пошел вокруг инкубатора в мою сторону, такой же безоружный и обнаженный, как и я, если не считать украшений на голове, руках, ногах и груди.

Примерно в пятидесяти футах от меня он снял громадный металлический браслет и протянул его мне на открытой ладони, что-то говоря чистым звучным голосом на языке, которого я, разумеется, понять не мог. Потом марсианин замер, словно ожидая моего ответа, насторожил похожие на антенны уши и еще сильнее скосил странные глаза в мою сторону.

Поскольку молчание стало невыносимым, я решил рискнуть и вступить в диалог, ведь у нас с инопланетянином, предположительно, началось нечто вроде мирных переговоров. То, что вождь оставил оружие и отогнал подальше свой отряд, прежде чем приблизиться ко

мне, на Земле означало бы вполне добрые намерения. Может, и на Марсе есть схожий ритуал?

Прижав ладони к сердцу, я низко поклонился марсианину и объяснил, что, хотя чужая речь мне непонятна, его действия говорят о мире и дружбе и в настоящий момент это для меня самое дорогое. Конечно, в его глазах я мог выглядеть бессмысленно мычащим существом, но он понял жест, сделанный мной сразу после краткого приветствия.

Протянув к марсианину руки, я подошел, взял с его раскрытой ладони браслет и застегнул над своим локтем; улыбаясь, я замер в ожидании. Его широкий рот расплылся в ответной улыбке, и, соединив одну из своих промежуточных рук с моей, инопланетянин повлек меня к скакуну. В то же время вождь взмахом велел своим подчиненным приблизиться. Они рванулись к нам стремительно, но тут же сбавили ход по его сигналу. Главный марсианин явно побоялся, что я могу снова очень испугаться и упрыгать слишком далеко.

Обменявшись несколькими словами со своими людьми, он знаком показал мне, что я могу сесть позади одного из них, а потом вскочил на свое чудовище. А тот, с которым должен был ехать я, протянул ко мне две или три конечности и поднял меня на блестящую спину своего скакуна. Мне пришлось крепко ухватиться за ремни и пряжки, удерживающие оружие и украшения всадника.

Вся кавалькада развернулась и помчалась прочь, в сторону далекой гряды холмов.

IV

Пленник

Отряд проскакал, наверное, уже с десятков миль, когда начался крутой подъем. Мы приближались, как я узнал позже, к берегу давно пересохшего моря, на дне которого и произошла моя встреча с Марсом.

Вскоре мы добрались до подножия холмов и, после того как проехали по узкому ущелью, очутились на открытой равнине. Вдали я увидел плоскую возвышенность, где стоял огромный город. К нему мы и помчались по подобию разрушенной дороги. У края плоскогорья она резко обрывалась и переходила в широкие ступени.

Скакуны одолели их, и при ближайшем рассмотрении я понял, что здания пусты. Хотя с виду они не казались совсем разрушенными, все равно было похоже, что здесь никто не жил долгие годы, а может быть, и века. Ближе к центру города располагалась большая площадь, на ней и в округе устроили лагерь примерно девять или десять сотен существ того же вида, что и мои захватчики, — именно так я теперь думал о них, несмотря на учтывую форму моего пленения.

Если не считать украшений, все эти существа были совершенно

нагими. Женщины мало чем отличались от мужчин, разве что клыки у них выглядели намного крупнее по отношению к росту и у некоторых загибались почти до ушей, высоко сидящих на голове. «Дамы» были помельче, посветлее мастью, а на пальцах рук и ног у них виднелись рудиментарные ногти, полностью отсутствовавшие у мужских особей. Взрослые женщины достигали в росте десяти-двенадцати футов.

Дети тоже были светлыми, даже светлее женщин, и, на мой взгляд, казались совершенно одинаковыми, разве что старшие переросли младших.

Среди марсиан я не заметил стариков, разница в возрасте в глаза не бросалась, все выглядели существами зрелыми, лет эдак сорока, — и оказалось, что они с годами не меняются. А тысячелетние инопланетяне добровольно отправлялись в последний путь — странное паломничество к реке Исс. Никто не знал, куда она течет, никто оттуда не возвращался, да никому бы и не позволили остаться в живых после того, как он погрузился в ее холодные темные воды.

Всего лишь один марсианин из тысячи мог умереть от какой-нибудь болезни, и примерно двадцать уходили в добровольное изгнание. Остальные девятьсот семьдесят девять погибали на дуэлях, охоте или войне, но, пожалуй, бóльшая часть не доживала до взросления из-за огромных белых марсианских обезьян — их жертвами становилось огромное количество малышей. В среднем после достижения зрелости марсиане живут около трехсот лет, но могли бы дотягивать и до тысячи, если бы не разнообразные обстоятельства, приводящие их к гибели. Из-за того что ресурсы планеты истощились, стало необходимо сокращать продолжительность жизни, тогда как весьма развитое искусство терапии и хирургии обеспечивало долголетие. Судя по всему, жизнь для марсиан утратила ценность: они увлекались рискованными видами спорта, а между разными сообществами почти непрерывно шли войны.

Были и другие, вполне естественные причины, ведущие к сокращению населения, но ничто не могло сравниться по действенности со смертельным оружием, которого не выпускали из рук ни один взрослый мужчина и ни одна взрослая женщина Марса.

Когда мы приблизились к лагерю и мое присутствие было замечено, нас тут же окружили сотни существ, выразивших намерение стащить чужака со спины скакуна. Но командир отряда что-то крикнул, шум поутих, и отряд легкой рысью пересек площадь и подъехал к входу в здание, поразившее меня невысказанным величием.

Оно было невысоким, но занимало обширное пространство. Это чудо выстроили из сияющего белого мрамора с орнаментами из золотых и бриллиантовых камней, которые сверкали и искрились на солнце. Портал главного входа шириной примерно в сто футов немного

выступал вперед, а над центральным холлом раскинулся гигантский балдахин. Лестницы не было, ко второму этажу здания вел пандус с небольшим наклоном, наверху он выходил в огромное помещение, окруженное галереями.

В этом зале, уставленном резными деревянными столами и стульями, собралось примерно сорок-пятьдесят марсиан мужского пола; они стояли у ступеней помоста. На нем сидел на корточках огромный воин, увешанный металлическими украшениями, яркими перьями и кожаными ремнями прекрасной выделки, которые были усыпаны драгоценными камнями. С его плеч свисал короткий плащ из белого меха, подбитый блестящим алым шелком.

Но что сильнее всего поразило меня в этом собрании и в самом зале, где толпились марсиане, так это явное несоответствие размеров имевшихся здесь столов, стульев и прочей мебели росту хозяев; все эти предметы подходили разве что для людей вроде меня, громадные марсиане едва ли могли устроиться на таких стульях и в таких креслах, а под столами просто не нашлось бы места для их длинных ног. Мне стало ясно, что на Марсе были и другие обитатели, кроме тех диких гротескных существ, в чьих руках я очутился. Следы глубокой древности на всем, что я видел вокруг, свидетельствовали: эти дома и вещи могли принадлежать давно исчезнувшей и забытой расе, сгинувшей в тумане прошлого.

Наш отряд спешил к входу в здание, и по знаку предводителя меня спустили на землю. Он снова взял меня за руку, и мы вошли в приемный зал. При встрече с марсианским военачальником формальности не соблюдались. Мой захватчик быстро подошел к помосту, а остальные шагали следом. Вождь поднялся на ноги и назвал моего сопровождающего по имени, а тот в свою очередь остановился и произнес имя правителя и его титул.

В тот момент церемония и слова, сказанные инопланетянами, ничего для меня не значили, но позже я узнал, что это обычное приветствие между зелеными марсианами. Если же они сталкивались с чужаком и не могли озвучить свои имена, то с мирными намерениями молча обменивались украшениями, а в противном случае открывали пальбу или завязывали знакомство с помощью иного оружия.

Мой захватчик, которого звали Тарс Таркас, являлся фактическим заместителем главы сообщества и был искусен как в политике, так и в военном деле. Судя по всему, он вкратце объяснил суть того, что произошло во время его экспедиции, включая захват меня в плен, а когда он умолк, вождь обратился ко мне и говорил довольно долго.

Я ответил на старом добром английском языке, просто чтобы показать ему: ни один из нас другого не понимает. Между тем, когда я слегка

улыбался, он делал то же самое. Сей факт, а также сходное поведение Тарса Таркаса при нашем первом разговоре убедили меня: кое-что общее у нас все-таки есть – способность улыбаться, а значит, и смеяться, и это означало наличие чувства юмора. Но позже мне пришлось признать, что улыбка марсианина – всего лишь сокращение мышц, механическая мимика, ну а марсианский смех может заставить сильного мужчину побледнеть от ужаса.

А идея смешного у зеленых жителей Марса весьма отличается от нашего представления о причинах для веселья. Зрелище смертельной агонии себе подобных вызывает у этих странных существ бурное веселье, и их главное массовое развлечение – убивать захваченных в сражении пленников самыми изобретательными и ужасными способами.

Собравшиеся воины и их вождь внимательно рассматривали меня, ощупывали мускулы и кожу. Затем главный явно выразил желание увидеть мое выступление и, жестом велел мне следовать за собой, вместе с Тарсом Таркасом направился к площади под открытым небом.

Теперь я уже не делал попыток нормально идти, поскольку знал, что ничего у меня не получится, если Тарс Таркас не будет крепко держать меня за руку, – и просто запрыгал среди столов и стульев, как какой-нибудь чудовищный кузнечик. Несколько раз сильно ушибившись – к немалому веселью марсиан, – я снова попытался ползти, но это им не понравилось, и меня грубо поднял на ноги высоченный парень, весьма радовавшийся при виде моих неудач.

Когда он, наклонившись, рывком поставил меня на пол, его лицо приблизилось к моему, и я сделал то единственное, что может сделать джентльмен при подобных обстоятельствах, отвечая на грубость, невоспитанность и неуважение к правам другого человека: врезал кулаком точно ему в челюсть, и он рухнул как подкошенный. Я обогнул упавшего и встал спиной к ближайшему столу, ожидая, что на меня набросятся мстительные приятели поверженного грубияна, полный решимости дать им хороший отпор и держаться, пока жизнь не покинет меня.

Но мои страхи оказались беспочвенными, потому что другие марсиане, поначалу ошалевшие от изумления, в итоге разразились грохочущим смехом и аплодисментами. Я, правда, не понял тогда, что это овация, но позже, когда ознакомился с местными обычаями, узнал: в тот момент мне досталась редкая награда – выражение похвалы.

Марсианин, которого я ударил, лежал на том же месте, но ни один из его дружков не подошел к нему. Тарс Таркас приблизился ко мне, протягивая одну из рук, и мы выбрались на площадь без дальнейших происшествий. Я, конечно, не знал, по какой причине мы должны были

выйти на открытое пространство, но мне недолго пришлось пребывать в недоумении. Сначала марсиане принялись повторять слово «сак», а потом Тарс Таркас несколько раз подпрыгнул на месте, твердя то же самое перед каждым прыжком; затем, повернувшись ко мне, он еще раз сказал: «Сак!»

Я наконец понял, чего они хотят, и, собравшись с силами, «сакнул» с таким удивительным успехом, что покрыл расстояние в добрых полтора фута и на этот раз не потерял равновесия, а приземлился точно на ноги, не упав. А потом вернулся к небольшой группе воинов более скромными прыжками, по двадцать пять – тридцать футов.

За представлением наблюдали несколько сотен обычных марсиан, и они тут же стали требовать повторения. Главный приказал мне это сделать, но я умирал от голода и жажды и в тот момент рассудил, что у меня есть только один способ спасения – завоевать уважение этих существ, ведь сами они не готовы были его проявить. Поэтому я проигнорировал повторявшуюся команду «Сак!», и каждый раз, когда марсиане выкрикивали это слово, я показывал на свой рот и потирал живот.

Тарс Таркас переговорил с вождем, затем вызвал из толпы какую-то молодую женщину, отдал ей распоряжение и жестом велел мне отправиться с ней. Я схватил предложенную ею руку, и мы вместе пересекли площадь, направляясь к большому зданию в дальнем ее конце.

Моя любезная спутница, примерно восьмифутового роста, еще не

достигла полной зрелости. У нее была светлая оливково-зеленая кожа, гладкая и блестящая. Звали ее, как я узнал позже, Солой, и она принадлежала к свите Тарса Таркаса. Она привела меня в просторное помещение в одном из зданий, выходивших на площадь, — судя по разбросанным на полу шелкам и шкурам, там жили несколько инопланетян.

В комнате было светло благодаря большим окнам, чудесные фрески и мозаики украшали стены, но на всем этом лежала невыразимая печать древности, что убедило меня: архитекторы и строители этих прекрасных сооружений не имели ничего общего с грубыми полудикарями, ныне обитавшими здесь.

Сола жестом предложила мне сесть на груды шелков в центре комнаты и, повернувшись, издала своеобразный шипящий звук, как бы подавая сигнал кому-то в соседнем помещении. И в ответ на ее призыв я получил возможность увидеть новое марсианское чудо. Оно вразвалку вышло на десяти коротких ногах и присело перед девушкой с видом послушного домашнего питомца. Существо это было размером примерно с шотландского пони, его голова напоминала лягушачью, вот только в пасти сверкали три ряда длинных острых клыков.

V

Я сбегаю от сторожа

Сола заглянула в свирепые глаза чудовища, произнесла какую-то команду из двух слов, показывая на меня, и вышла из комнаты. Я мог лишь гадать, на что способно столь злобное на вид существо, оставшееся без надзора рядом с относительно мягким куском мяса, но мои страхи оказались напрасными: зверь внимательно посмотрел на меня, а потом направился через комнату к единственному выходу на улицу и растянулся во весь рост на пороге.

Это был мой первый опыт общения с марсианским сторожевым псом, но далеко не последний, поскольку это существо старательно охраняло меня все то время, что я оставался в плену у зеленых инопланетян, дважды спасало мне жизнь и по собственной воле не отходило от меня ни на миг.

В отсутствие Сола я воспользовался возможностью более внимательно осмотреть комнату, которая стала местом моего заключения. На стенах изображались картины редкой и удивительной красоты: горы, реки, озеро, океан, луг, деревья и цветы, извилистые дороги, залитые солнечным светом сады. Пейзажи могли бы быть и земными, если бы не другая окраска растений. Росписи, безусловно, были выполнены рукой большого мастера; безупречные по технике, они тонко передавали атмосферу, но при этом я нигде не заметил

изображений каких-нибудь животных или людей – должно быть, исчезнувших ныне обитателей Марса.

Пока я позволял своей фантазии искать самые невероятные объяснения тем странным аномалиям, с которыми мне пришлось столкнуться на Марсе, Сола возвратилась с едой и питьем. Она поставила все на пол рядом со мной, а сама уселась неподалеку, внимательно глядя на меня. Еда состояла примерно из фунта некой твердой субстанции, похожей на сыр и почти безвкусной, а вот жидкость определенно была молоком какого-то животного. Она оказалась вполне приятной на вкус, хотя и немного кисловатой, и я очень скоро к ней привык и стал высоко ее ценить. Как я узнал позже, этот продукт был вовсе не животного происхождения, потому что на Марсе встречается лишь одно млекопитающее, да и то воистину редко. Молоко добывали из большого растения, которое может существовать практически без воды, – видимо, оно способно производить солидное количество млечного сока прямо из почвы, влаги воздуха и солнечных лучей. Один куст данного вида дает от восьми до десяти кварт молока в день.

После трапезы сил у меня весьма прибавилось, но, чувствуя потребность в отдыхе, я растянулся на куче шелков и вскоре заснул. Пробудился я, видимо, спустя несколько часов, потому что уже стемнело, вдобавок мне было очень холодно. Я заметил, что кто-то набросил на меня шкуру, но она сползла, а во тьме не удалось нащарить ничего похожего на одеяло. Тут вдруг ко мне протянулась чья-то рука и снова укрыла меня шкурой, а потом и второй.

Я предположил, что моим бдительным стражем была Сола, и не ошибся. В этой девушке – единственной из марсиан, с которыми я уже сталкивался, – я обрел приветливого, доброго и преданного друга; ее готовность заботиться обо мне была неизменной, и именно ее неусыпная опека избавила меня от многих страданий и многих трудностей.

Как мне вскоре пришлось убедиться, марсианские ночи чрезвычайно холодны, здесь практически нет сумерек или рассвета, скачки температуры внезапны и весьма неприятны, как и резкие переходы от сияющего дня к темноте. Ночи тут или очень ясные, или чернее чернил. Если не восходит ни одна из двух марсианских лун, падает беспросветный мрак, ведь из-за отсутствия атмосферы, точнее, из-за того, что она весьма разрежена, звездный свет сюда почти не проникает; с другой стороны, если в небе висят обе луны, все вокруг освещено очень ярко.

Спутники Марса намного ближе к его поверхности, чем наша Луна – к Земле; ближайший расположен примерно в пяти тысячах, а второй –

чуть дальше чем в четырнадцать тысячах миль от Красной планеты, тогда как нас отделяет от нашего спутника четверть миллиона миль. Ближайшая из лун совершает полный оборот вокруг Марса примерно за семь с половиной часов, так что она может проноситься по небу, как некий огромный метеор, дважды или трижды за ночь, каждый раз демонстрируя все свои фазы.

Дальняя луна делает полный оборот вокруг Марса примерно за тридцать с четвертью часов и вместе со своей сестрой превращает ночные марсианские пейзажи в нечто великолепное и таинственное. И очень хорошо, что природа столь милостиво и щедро озаряет марсианские ночи, ведь зеленые жители планеты, будучи не слишком прогрессивным кочевым народом, применяют лишь самые примитивные средства искусственного освещения: это факелы, подобия свечей и своеобразные масляные лампы, горящие без фитиля благодаря выделению какого-то газа.

Последнее приспособление дает весьма яркий белый свет, распространяющийся очень далеко, но, поскольку природное масло, которое для них требуется, можно раздобыть только в шахте – в одной весьма отдаленной и дикой местности, эти лампы используются редко. Зеленый народ привык жить сегодняшним днем и ненавидит ручной труд, из-за чего марсиане и остаются полудикарями в течение бесчисленных веков.

После того как Сола снова укрыла меня шкурами, я опять заснул и не просыпался до наступления дня. Пять других обитателей этой комнаты оказались женщинами, и они еще спали, навалив на себя груды шелков и шкур. На пороге все так же лежала бессонная сторожевая тварь, точно в такой же позе, в какой я ее видел накануне, – видимо, она даже лапой не шевельнула. Глаза пса буквально прилипли ко мне, и я попытался угадать, что за участь ожидала бы меня в случае побега.

Я всегда был склонен искать приключений, исследовать и экспериментировать там, где мудрый человек предпочел бы оставить все как есть. И потому мне сразу пришло в голову, что наилучшим способом выяснить отношение ко мне странного существа будет попытка выйти из комнаты. Я не сомневался, что за пределами дома смогу сбежать от пса, вздумай он за мной погнаться, – ведь у меня была способность прыгать, которой я весьма гордился. Короткие лапы чудовища помешали бы ему состязаться со мной в прыжках, более того, оно едва ли умело быстро бегать.

В общем, я медленно и осторожно поднялся на ноги, и мой страж сделал то же самое; я медленно приблизился к нему, передвигаясь шаркающей походкой, чтобы не потерять равновесия. Когда я подошел к животному, оно слегка попятилось от меня, а когда шагнул к выходу,

оно отступило в сторону, давая мне дорогу. А потом последовало за мной шагах в десяти по пустынной улице.

Я подумал, что ему приказали лишь охранять меня, но на самой окраине города пес вдруг скакнул вперед, загородив мне путь, издавая странные звуки и злобно скаля уродливые клыки. Решив немного позабавиться за его счет, я ринулся к зверю, а когда был уже совсем рядом, подпрыгнул в воздух и приземлился далеко за его спиной и вдали от города. Монстр сразу же развернулся и помчался за мной с такой скоростью, какую мне едва ли приходилось видеть. Я-то думал, что его короткие лапы станут помехой для бега, но пес несся как настоящая гончая, внезапно вскочившая с коврика у двери и кинувшаяся в погоню. Как мне пришлось узнать впоследствии, это было самое быстрое животное на Марсе. Эти псы отличались умом, преданностью и вместе с тем свирепостью, поэтому их использовали для охоты, на войне и для защиты марсиан.

Я сразу сообразил, что мне нелегко будет избежать клыков зверя, двигаясь по прямой, и в ответ на его преследование развернулся и перепрыгнул через него, когда он был совсем близко. Этот маневр дал мне значительное преимущество, и я смог добраться до города, немного опередив пса. Однако он почти нагнал меня, и тогда я устремился к окну примерно в тридцати футах над землей, на фасаде одного из зданий, смотревших на долину.

Вцепившись в раму, я подтянулся и сел, не удосужившись заглянуть внутрь, и уставился на озадаченного зверя. Но мое торжество было недолгим: едва я надежно устроился на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади за шею и бесцеремонно втащила внутрь. Тут меня бросили на спину и прижали к полу, и надо мной нависло колоссальное существо, похожее на обезьяну, белое и безволосое, если не считать здоровенного пучка волос на голове.

VI

Схватка, подарившая мне друзей

Существо куда больше походило на земных людей, чем знакомые мне марсиане. Оно придавило меня к полу огромной ногой и при этом что-то быстро лопотало и жестикулировало, обращаясь к кому-то позади меня. Этот другой, очевидно приятель первого, вскоре подошел ближе, держа громадную каменную дубину, которой явно собирался разmozжить мне голову.

Странные создания были, наверное, ростом в десять, а то и в пятнадцать футов, когда выпрямлялись во весь рост, и имели, как и зеленые марсиане, дополнительный комплект рук или ног, расположенный между верхними и нижними конечностями. Глаза у них

сидели близко друг к другу и не выпучивались; уши торчали высоко, но ближе к бокам, чем у зеленых марсиан, а мордой и зубами они удивительно напоминали африканских горилл. В целом же белые обезьяны выглядели менее неприятными по сравнению с зеленым народцем.

Дубина уже описала в воздухе дугу, устремляясь к моему лицу, когда в дверь, мелькая мириадами ног, ворвался воплощенный ужас и бросился на грудь моему мучителю. С испуганным визгом обезьяна, державшая меня, выскочила в открытое окно, но второе существо сцепилось в смертельной схватке с моим спасителем, которым оказался мой преданный страж; язык не поворачивается назвать это чудовище собакой.

Я как можно быстрее вскочил на ноги и прижался спиной к стене, наблюдая за битвой, какую достаивались увидеть лишь немногие. Сила, проворство и слепая ярость двух монстров не знали бы себе равных на Земле. Мой сторож имел преимущество напавшего, поскольку успел вонзить свои мощные клыки в грудь противника. Но огромные лапы обезьяны, чьим мускулам могли только позавидовать марсианские мужчины, сжались на горле моего хранителя и медленно выжимали из него жизнь, наклоня голову многоногого все дальше назад, и я уже ожидал, что тот вот-вот упадет со сломанной шеей.

К тому же обезьяна вцепилась в грудь своего противника челюстями, похожими на тиски. Они катались по полу взад-вперед, но никто из них не издал ни единого звука страха или боли. Я увидел, что большие глаза моего сторожа буквально вылезают из орбит, а из ноздрей течет кровь. Было очевидно, что он заметно слабеет, хотя то же самое происходило и с обезьяной, чья хватка становилась не такой жесткой.

Внезапно я спохватился, и, повинуясь непонятному инстинкту, который вечно подталкивал меня исполнить свой долг, схватил дубину, что упала на пол в самом начале схватки, и, размахнувшись, изо всех сил опустил ее на голову обезьяны, раздробив ее череп с такой легкостью, словно это была яичная скорлупа.

Едва я нанес удар, как мне стала угрожать новая опасность. Приятель обезьяны опомнился от первого испуга и вернулся на место сражения. Я заметил его как раз в тот момент, когда он появился в дверном проеме. При виде чудовища, которое с пеной на губах зарычало над простертым на полу безжизненным телом друга, я, признаюсь, решил, что мне несдобровать.

Я всегда готов был давать отпор и сражаться, если обстоятельства не слишком превосходили мои возможности, но в данном случае мне не досталось бы ни славы, ни выгоды. Я мало что мог противопоставить железным мускулам и звериной ярости этого обозленного обитателя

неведомого мира, и для меня такое столкновение наверняка закончилось бы неминуемой смертью.

Тут меня осенило. Поскольку я стоял рядом с окном, у меня был шанс очутиться в безопасности, прежде чем эта тварь нападет. По крайней мере, стоило сделать попытку перелететь на площадь, в противном случае меня ждала неминуемая смерть в безнадежной схватке.

Да, конечно, у меня была дубина, но что я мог сделать против четырех гигантских рук? Если бы я даже сломал одну из них первым ударом, обезьяна тут же постаралась бы уклониться от второго и просто разорвала бы меня, так что мне вряд ли удалось бы повторить атаку.

Эти рассуждения пронесли у меня в голове в одно мгновение, и я уже повернулся к окну, но мой взгляд остановился на моем бывшем стороже, и все мысли о бегстве улетучились. Зверь лежал на полу, задыхаясь, его большие серые глаза смотрели на меня как будто с мольбой о защите. Я не смог выдержать этого взора и, конечно, не бросил бы своего спасителя, не постаравшись воздать ему сторицей за его заслуги.

В общем, отбросив страхи, я повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с разъяренной обезьяной. Она была уже слишком близко от меня, так что размахивать дубиной не имело смысла, и потому я просто ткнул ею в атакующую махину изо всей силы. Удар пришелся ниже колена, у чудища вырвался пронзительный вой боли и злобы, и, потеряв равновесие, оно рухнуло на меня, широко раскинув руки, чтобы смягчить падение.

И снова, как накануне, я использовал земную тактику и двинул обезьяну правым кулаком в челюсть, а левым сразу же – в середину живота. Результат оказался изумительным; когда я отскочил в сторону после второго удара, зверь согнулся вдвое и упал на пол, рыча и хватая ртом воздух. Перепрыгнув через его распростертое тело, я схватил дубину и покончил с монстром до того, как он собрался с силами.

В эту минуту я услышал у себя за спиной негромкий смех и, обернувшись, увидел Тарса Таркаса, Солу и трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда я встретился с ними взглядом, они захлопали в ладоши. Так я во второй раз заслужил редкие аплодисменты.

Мое отсутствие было замечено Солой сразу после пробуждения, и она тут же сообщила об этом Тарсу Таркасу, а тот немедленно отправился на мои поиски с несколькими подчиненными. На окраине города они увидели взбешенную обезьяну, которая ворвалась в здание.

Они тут же поспешили вслед за зверем, подумав, что его действия могут быть связаны со мной, и стали свидетелями моей короткой, но решительной схватки. Эта победа вкупе с уроком, который я преподавал

марсианину накануне, и искусством прыжков весьма возвысила меня в их мнении. Явно не страдая сантиментами по части дружбы, любви или привязанности, эти люди откровенно ценили силу и храбрость, и ничто так не восхищало их, как физическая мощь и бесстрашие.

Сола, по собственному желанию присоединившаяся к поисковому отряду, была единственной из марсиан, чье лицо не исказилось от смеха, когда я сражался за свою жизнь. Наоборот, она выглядела озабоченной и серьезной и, как только я покончил с чудовищем, бросилась ко мне и внимательно осмотрела мое тело в поисках возможных ран или ушибов. Убедившись, что я вышел из боя невредимым, она осторожно улыбнулась и, взяв меня за руку, повела к выходу из комнаты.

Тарс Таркас и остальные воины вошли внутрь и остановились рядом с быстро приходившим в себя псом, который спас мою жизнь и которого я защитил в свою очередь. Они, похоже, о чем-то горячо спорили, и наконец один из них обратился ко мне, но, вспомнив о том, что я не знаю их языка, снова повернулся к Тарсу Таркасу. Тот, словами и жестами отдав ему какой-то приказ, направился к двери.

Мне почудилось нечто зловещее в их отношении к моему сторожу, и я задержался, решив подождать, чем все кончится. И не ошибся в своих подозрениях, потому что воин вынул из кобуры пистолет весьма угрожающего вида и направил его на пса. Я тут же прыгнул вперед и ударил марсианина по руке. Пуля врезалась в деревянную раму окна, пробив в ней дыру насквозь, и из стены дождем брызнули каменные осколки.

А я опустился на колени возле ужасного зверя и, подняв его на ноги, жестом велел следовать за мной. Выражение удивления, появившееся на лице марсиан при виде моих действий, было просто смехотворным; они совершенно не могли понять таких чувств, как благодарность и сострадание. Тот воин, которому я не дал убить пса, вопросительно посмотрел на Тарса Таркаса, но тот жестом дал ему понять, что меня следует оставить в покое. В итоге мы вернулись на площадь, мой здоровенный страж тащился за мной по пятам, а Сола крепко держала меня за руку.

Теперь у меня было по меньшей мере два друга на Марсе: молодая женщина, что присматривала за мной с материнской заботой, и уродливое бессловесное животное, которое, как я узнал позже, таило в своем сердце куда больше любви, преданности и благодарности, чем можно было бы обнаружить в пяти миллионах зеленых марсиан, бродивших по опустевшим городам и пересохшим морям Марса.

VII

Воспитание детей на Марсе

После завтрака, который был точным повторением ужина (за все время моего пребывания на планете меню у зеленых марсиан оставалось неизменным), Сола проводила меня на площадь, где я обнаружил местное сообщество, занятое делом: одни помогали запрягать гигантских, как мастодонты, животных в огромные трехколесные повозки, другие наблюдали за этим. Колесниц я насчитал примерно две с половиной сотни, и каждую тащило одно существо – уверен, такой «конь» без труда мог бы сдвинуть с места доверху нагруженный железнодорожный вагон.

Повозки были большими, просторными и ярко украшенными. В каждой ехала марсианка, увешанная металлическими бусами, вся в драгоценных камнях, шелках и мехах, а на спине каждого колосса, запряженного в повозку, сидел верхом молодой возница. Подобно тем животным, на которых ездили верхом воины, тяжеловозы не имели ни уздечек, ни поводьев, а управлялись исключительно средствами телепатии.

Это искусство удивительно развито на Марсе и является важной причиной простоты их языка и относительно малого количества слов, произносимых даже в долгой беседе. Телепатия и есть универсальный язык Марса, посредством которого высшие и низшие существа этого парадоксального мира могут общаться в большей или меньшей мере, в зависимости от интеллектуального развития вида в целом и самой индивидуальности.

Когда кавалькада выстроилась по порядку, Сола затащила меня в какую-то пустую повозку, и мы последовали за процессией к тому месту, где я вошел в город накануне. Во главе каравана скакали верхом две сотни воинов, примерно пятьсот выстроились по обеим сторонам, столько же сопровождающих ехали в арьергарде, и несколько отрядов двигались чуть поодаль справа и слева.

Кроме меня, все до единого – мужчины, женщины и дети – были основательно вооружены. За каждой повозкой бежала марсианская гончая, и моя псина тоже не отставала от нас; вообще-то, преданное существо ни разу по собственной воле не оставляло меня в течение всех тех десяти лет, что я провел на Марсе. Наш путь пролегал через небольшую долину перед городом, потом через холмы и вниз – на дно мертвого моря, которое я пересек во время моего путешествия от инкубатора до городской площади. Инкубатор, как выяснилось, и был конечной целью поездки в этот день, и, когда кавалькада наконец пустилась бешеным галопом, мы очень быстро добрались до обширного

морского дна и увидели круглое строение.

Доехав до места, все колесницы с военной точностью выстроились в каре вокруг ограды, и с десятков воинов, включая Тарса Таркаса и еще нескольких командиров ниже рангом, возглавляемых гигантским вождем, спешили и подошли к стене. Я видел, как Тарс Таркас что-то объясняет главному, чье имя, кстати, звучало в земном произношении как Лорквас Птомел. К нему почтительно обращались по титулу: джед.

Мне очень скоро стала ясна тема их разговора, потому что Тарс Таркас знаком велел Соле подвести меня к группе военачальников. К тому времени я уже освоился с искусством ходьбы в марсианских условиях и, быстро откликнувшись на его приказ, подошел к стене инкубатора, возле которой стояли воины.

Когда я к ним приблизился и бросил взгляд внутрь, то увидел, что почти все детеныши уже вылупились. Там кишмя кишели маленькие дьяволы. Ростом они были от трех до четырех футов и непрерывно копошились в замкнутом пространстве, как будто искали пищу.

Я остановился перед Тарсом Таркасом, он показал рукой куда-то за инкубатор и сказал: «Сак!» Мне стало понятно: он хочет, чтобы я повторил вчерашнее представление ради Лоркваса Птомела, а поскольку, должен признать, мое мастерство мне и самому нравилось, я тут же откликнулся и перепрыгнул через стеклянную крышу и стоявшие по ту сторону колесницы. Когда я вернулся, Лорквас Птомел что-то проворчал и, повернувшись к своим воинам, произнес несколько слов, явно относившихся к инкубатору. На меня больше не обращали внимания, и мне, таким образом, было позволено оставаться рядом и наблюдать за действиями марсиан. Меж тем воины пробили в стене дыру, достаточно большую, чтобы детеныши могли выйти наружу.

По эту сторону стены взрослые женщины и молодежь мужского и женского пола образовали живой коридор – он шел между колесницами до самой долины. Марсианские детки ринулись в проход, точно дикие олени; им позволяли промчаться до конца коридора, где их ловили по одному: кто-то из замыкающих хватал первого малыша, который добежал до него, стоящий напротив – следующего. Так продолжалось, пока все детеныши не выскочили из ограждения и не были пойманы. Взрослая марсианка, подхватившая какого-нибудь кроху, выходила с ним из строя и возвращалась к своей колеснице. А малышей, попавших в руки девушек и юношей, затем передавали кому-то из женщин.

Я наблюдал за церемонией, если такой процесс может быть удостоен столь пышного названия, и когда все закончилось, пошел искать Солу: и обнаружил, что она сидит в нашей повозке, крепко держа уродливое маленькое существо.

Суть воспитания юных зеленых марсиан состоит исключительно в

том, чтобы научить их говорить, а потом пользоваться оружием: с ним они знакомятся в самый первый год своей жизни. Вылупившись из яиц, в которых они лежали пять лет (таков период инкубации), малыши выходят в мир полностью созревшими, если не считать их роста. Они не знают своих матерей, а те в свою очередь затруднились бы точно назвать их отцов – новорожденные становятся детьми всего сообщества, и воспитание маленьких марсиан возлагается на женщин, которым доведется поймать их на выходе из инкубатора.

Приемные матери могут даже не оставлять яйцо в инкубаторе, как это и было в случае Сола, – она еще не начала откладывать яйца, хотя меньше года назад стала матерью чужого отпрыска. Но такое вовсе не берется в расчет у зеленых марсиан, потому что родительская и сыновняя любовь неведома им так же, как она обычна для нас. Я уверен, что ужасная система, существующая на Марсе многие века, и есть прямая причина полной утраты нежных чувств и высших гуманитарных инстинктов у этих несчастных существ. С самого рождения они не знают отцовской или материнской любви, они даже не понимают значения слова «дом»; им внушают, что лишь физическая сила и свирепость дают право на существование, а пока маленький марсианин не заслужил этого права, он живет из милости. Если же малыши оказываются калеками или неполноценными, их сразу убивают. Им не дано видеть ни единой слезинки, пролитой кем-либо при виде трудностей, которые им приходится преодолевать в самом раннем детстве.

Я не хочу сказать, что взрослые марсиане неоправданно или намеренно жестоки к юному поколению. Всему виной суровая, безжалостная борьба за существование на умирающей планете, где естественные ресурсы истощены до крайней степени, поэтому поддержание каждой жизни означает дополнительную нагрузку на сообщество.

С помощью тщательного отбора марсиане оставляют лишь самых сильных представителей каждого вида, а благодаря почти сверхъестественной силе предвидения они регулируют количество рождений так, чтобы просто возместить потери от смертей.

Каждая взрослая марсианка откладывает примерно тринадцать яиц в год, и те из них, которые проходят проверку по размеру и весу и особое испытание на гравитацию, должны быть спрятаны в тайниках подземных хранилищ, где температура слишком низка для того, чтобы начался процесс развития зародышей. Через год эти яйца тщательно исследуются советом из двенадцати вождей, и все, кроме одной сотни лучших, уничтожаются. Через пять лет из тысяч снесенных яиц выбирают пятьсот совершенных. Их укладывают в почти

непроницаемые для воздуха инкубаторы, чтобы созревали в солнечных лучах в последующие пять лет. Выход молоди, который я наблюдал в тот день, – типичное событие на Марсе; почти все детеныши, за исключением примерно одного процента, вылупляются за два дня. Если из оставшихся кто-то и появится на свет, то судьба таких маленьких марсиан остается неизвестной. Они никому не нужны, потому что их потомство может обрести склонность к затянувшейся инкубации, а это нарушает всю систему, установившуюся за века и позволяющую взрослым марсианам высчитывать правильное время для возвращения к инкубатору с точностью почти до часа.

Инкубаторы строятся в удаленных местах, где их едва ли могут обнаружить другие племена. Ведь если случится такая беда, то в данной общине детей не будет в ближайшие пять лет. Позднее я стал свидетелем того, что делают с чужим инкубатором.

Та община, в которую меня забросила судьба, составляла часть племени и была численностью примерно в тридцать тысяч душ. Эти марсиане кочевали между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты по гигантской безводной, или почти безводной, территории, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Штаб-квартира общины располагалась в юго-западной оконечности этого района, поблизости от пересечения двух так называемых марсианских каналов.

Поскольку инкубатор находился далеко на севере, в месте, предположительно, необитаемом и редко посещаемом, нам предстояло длительное путешествие, о чем я, конечно же, и не подозревал.

Когда мы вернулись в мертвый город, я несколько дней провел в относительном безделье. На следующий день после нашего возвращения все воины куда-то ускакали ранним утром и приехали обратно только перед наступлением ночи. Как я узнал потом, они ездили в подземное хранилище, чтобы перевезти яйца в инкубатор, который будет запечатан на протяжении пяти лет и, скорее всего, останется без присмотра и наблюдения все это время.

Подземные тайники, где яйца лежали до тех пор, пока не станут готовы к помещению в инкубатор, были расположены во многих милях к югу от него, и туда ежегодно наведывался совет из двенадцати вождей. Почему марсиане не устроили хранилища и инкубаторы ближе к дому, навсегда осталось для меня загадкой, как и многое на Марсе, – неразрешенной и нерешаемой с точки зрения земных рассуждений и обычаев.

Обязанности Сола теперь удвоились, поскольку ей приходилось заботиться не только обо мне, но и о юном марсианине, мы же требовали внимания примерно поровну, а так как оба были одинаково

необразованны на марсианский лад, Сола принялась обучать нас вместе.

Ее добычей стало дитя мужского пола, ростом примерно в четыре фута, очень сильное и физически безупречное; этот малыш быстро учился, так что мы весьма веселились, во всяком случае я, по поводу нашего соперничества. Марсианский язык, как уже упоминалось, довольно прост, и через неделю я мог изложить свои желания и понять почти все, что мне говорили. Равным образом я под руководством Сола развивал свои телепатические способности и вскоре ощущал практически все, что происходило вокруг меня.

Что больше всего удивляло Солу, так это мое умение с легкостью ловить телепатические сообщения других, зачастую даже те, которые мне не предназначались, но при этом никто ни при каких обстоятельствах не мог ничегошеньки прочесть в моем уме. Поначалу мне это досаждало, но позже стало радовать, потому что таким образом я получал несомненное преимущество перед марсианами.

VIII

Пленница, свалившаяся с неба

На третий день после церемонии у инкубатора все собрались ехать домой, но едва процессия выдвинулась на открытое пространство перед городом, как был отдан приказ срочно возвращаться. Зеленые марсиане, будто годами отрабатывавшие такой маневр, вмиг растаяли, точно туман, в широких дверных проемах ближайших зданий, и меньше чем через три минуты караван колесниц, мастодонтов и всадников просто растворился в пространстве.

Мы с Солой вошли в дом на краю города, тот самый, где я вступил в схватку с обезьянами. Желая выяснить, что послужило причиной столь поспешного отступления, я поднялся на второй этаж и выглянул в окно, выходявшее на долину и дальние холмы; и тут-то причина, заставившая зеленых марсиан так внезапно исчезнуть, стала очевидной. Огромное воздушное судно, длинное, низкое, серого цвета, неторопливо двигалось над вершиной ближайшего холма. За ним показалось еще одно, и еще, и еще, наконец два десятка кораблей повисли на небольшой высоте над землей; они медленно, величественно плыли к нам.

Над каждым судном развевалось странное знамя, а на носках была изображена необычная эмблема, сверкавшая золотом в солнечном свете и отчетливо видимая даже с того расстояния, на каком находились мы. Я мог рассмотреть фигуры, столпившиеся на передней палубе. Заметили они нас или просто глядели на заброшенный город, было трудно сказать, но в любом случае их ждала неприветливая встреча: внезапно, без предупреждения, зеленые марсианские воины открыли бешеный огонь из окон, смотревших на небольшую долину, которую так мирно

пересекали огромные корабли.

И в одно мгновение все изменилось как по волшебству; флагман сделал широкий разворот в нашу сторону, его орудия ответили на выстрелы неприятеля. Корабль некоторое время двигался параллельно нашему фронту, а потом повернул назад с явным намерением совершить большой круг, чтобы снова оказаться напротив линии огня; другие суда повторили его маневр, и каждое открывало огонь. Но и с нашей стороны пальба не ослабевала, и я сомневаюсь, чтобы хоть четверть выстрелов зеленых воинов не попала в цель. Мне никогда не случалось видеть такой смертоносной точности – казалось, что при взрыве каждой пули одна из маленьких фигурок на палубах падала, а знамена и верхняя оснастка тонули в языках пламени, когда их накрывало прицельным огнем из ружей, бивших без промаха.

Словом, контратака была весьма неэффективной, и причиной тому послужила, как я узнал позже, полная неожиданность первого залпа, заставшего команды кораблей врасплох; кроме того, прицельные механизмы их орудий оказались не защищены от смертельной атаки наших воинов.

Казалось, что у каждого зеленого стрелка была своя конкретная цель, при относительно равных условиях. Например, самые меткие снайперы вели огонь по беспроводным наводящим и прицельным механизмам больших орудий на палубах кораблей, определенная часть сосредоточилась на более мелких пушках; кто-то метил в стрелков противника, кто-то – только в офицеров; некоторые подразделения выбрали мишенью членов вражеских команд на верхней палубе и на рулевых устройствах и винтах.

Через двадцать минут после первого залпа огромный флот развернулся, чтобы уйти в ту сторону, откуда появился. Несколько судов были заметно повреждены и, похоже, с трудом слушались руля, поскольку численность состава неприятеля поубавилась. Огонь с кораблей прекратился совершенно, и все усилия противника были подчинены одной цели: бегству. Наши воины ринулись на крыши зданий и проводили уходящую армаду непрерывающимся смертельным огнем.

Однако корабли вереницей скрылись за грядой холмов, и на виду осталось лишь одно с трудом передвигавшееся судно. На него пришелся основной удар. Оно, похоже, почти не поддавалось управлению, впрочем на его палубе вовсе никого не было видно. Корабль медленно отклонился от курса, снова разворачиваясь в нашу сторону самым жалким и бессмысленным образом. Воины тут же прекратили огонь, потому что стало ясно: этот корабль абсолютно беспомощен и не только не в состоянии причинить нам вред, но даже не способен ретироваться.

Когда вражеское судно приблизилось к городу, марсиане помчались по равнине навстречу ему, но оно находилось слишком высоко, чтобы кто-то мог забраться на палубу. Заняв удобный наблюдательный пост у окна, я видел на палубе тела убитых, но не мог разобрать, что это за существа, к какому они виду относятся. На корабле не замечалось признаков жизни, и он медленно дрейфовал, гонимый легким ветром в сторону юго-запада.

Судно плыло примерно в пятидесяти футах над землей, и за ним гнались все, кроме сотни воинов, которым было приказано вернуться на крыши, на случай если флот придет обратно или враг пришлет подкрепление. Вскоре стало понятно, что примерно в миле к югу от наших позиций корабль должен наткнуться на здание, и я, наблюдая за погоней, увидел, как марсианские всадники помчались вперед и спешили возле него.

Перед самым столкновением воины бросились на вражескую палубу из окон здания и с помощью огромных копий смягчили удар, а через несколько мгновений бросили abordажные крючья, и огромное судно было прижато к земле.

Привязав корабль, победители хлынули на него и обыскали от носа до кормы. Я заметил, как они осматривали мертвых матросов, явно ища признаки жизни, и вскоре несколько воинов появились из трюмного отсека, таща с собой какую-то маленькую фигурку. То существо было намного меньше зеленых марсиан, должно быть в половину их роста. Из окна я мог видеть, что идет оно прямо на двух ногах, и предположил, что это еще одно странное и уродливое порождение Марса, какого я до сих пор не встречал.

Воины спустили своего пленника на землю, а потом принялись методично грабить корабль. Эта операция заняла не один час, и потребовалось пригнать несколько повозок, чтобы погрузить добычу: оружие, амуницию, шелка, меха, драгоценности, странные каменные сосуды, некоторое количество съестных припасов и емкостей с напитками, включая фляги с водой, первые, которые я увидел с того момента, как очутился на Марсе.

Когда все до последней крошки было вынесено с корабля, воины привязали к нему канаты и повлекли судно в дальнюю часть долины, на юго-запад. Несколько марсиан забрались наверх и, как мне показалось издали, из оплетенных бутылей принялись поливать чем-то тела убитых матросов и всю палубу.

Закончив свое дело, они быстро спустились по веревкам. Последний из них обернулся и что-то бросил на палубу, после чего выждал с секунду. Когда прозрачный язык пламени взметнулся в небо, воин быстро отпрыгнул в сторону и поспешил вниз. Едва он коснулся ногами

земли, как его товарищи одновременно отпустили веревки, и большое военное судно, освобожденное от груза, величественно поплыло в воздухе, превратившись в ревущий костер.

Корабль медленно дрейфовал на юго-восток, поднимаясь все выше и выше по мере того, как его деревянные части сгорали, а вес уменьшался. Я долго наблюдал за ним с крыши, пока наконец он не исчез вдаль. Это зрелище вызывало самый благоговейный страх, какой только может возникнуть при виде могучего погребального костра, плывущего по воле ветров сквозь просторы марсианских небес; корабль без команды, обреченный на гибель и подвергшийся разрушению, как будто символизировал собой историю жизни странных и жестоких существ, в чьи враждебные руки бросила его судьба.

Чувствуя себя почему-то чрезвычайно подавленным, я медленно спустился на улицу. То, чему я стал свидетелем, как будто означало унижение и уничтожение неких родственных существ, а не победу зеленой орды над себе подобными. Я не понимал этого ощущения, но не мог и избавиться от него; где-то в тайниках моей души зародилась непонятная тяга к тем неведомым врагам. Теперь я крепко надеялся, что флот вернется и отомстит зеленым воинам, столь безжалостно и беспричинно напавшим на него.

Следом за мной, как всегда, топал Вула, гончий пес; когда я вышел на улицу, ко мне стремительно подбежала Сола, словно давно и усердно меня искала. Процессия вернулась к площади, а возвращение домой было отложено; вообще-то, предполагалось, что лучше выждать целую неделю, из страха, что воздушные суда прилетят и нападут на зеленое племя.

Лорквас Птомел был слишком сообразительным и опытным воином, чтобы очутиться в ловушке на открытой равнине, с обозом и кучей детей, и потому мы остались в заброшенном городе, выжидая, пока не минует опасность.

Когда мы с Солой вышли на площадь, мои глаза узрели нечто такое, отчего все мое существо наполнилось отчаянной смесью надежды, страха, ликования и уныния, но надо всем преобладало еле уловимое ощущение облегчения и счастья; ведь когда мы приблизились к толпе зеленых марсиан, я мельком увидел захваченного на боевом корабле пленника, которого теперь грубо тащили к ближайшему зданию две зеленые марсианские женщины.

И взгляд мой упал не на что иное, как на стройную девичью фигуру, похожую на земных женщин из моей прошлой жизни. Она сначала меня не заметила, но прямо перед тем, как исчезнуть в дверях своей тюрьмы, обернулась – и ее глаза встретились с моими. У нее было овальное, невероятно прекрасное лицо с чеканными изысканными чертами и

сверкающими глазами; его обрамляли завитки угольно-черных волос, свободно уложенных в странную пышную прическу. Кожа девушки слегка отливала медью, очаровательно оттеняя яркий румянец щек и великолепно очерченные губы рубинового оттенка.

Прямо перед тем, как исчезнуть в дверях своей тюрьмы, она обернулась – и ее глаза встретились с моими.

Она была так же скудно одета, как и зеленые марсианки, сопровождавшие ее, то есть, кроме затейливых украшений, на ней ничего не было, и одежда не скрывала совершенства ее безупречной фигуры.

Когда взгляд девушки остановился на мне, ее глаза расширились от изумления и она слегка шевельнула свободной рукой, сделав некий знак, которого я, конечно же, не понял. Лишь одно мгновение мы смотрели друг на друга, а потом свет надежды и вновь вспыхнувшей отваги, озаривший ее лицо, угас, и вновь на нем возникло выражение крайнего уныния, смешанного с отвращением и презрением. Я понял, что не ответил на

поданный ею сигнал, и, оставаясь в неведении относительно марсианских обычаев, все же интуитивно догадался: она взывала о помощи и защите, а мое невежество помешало мне дать ей надежду. А потом пленницу уволокли вглубь заброшенного строения, и я ее больше не видел.

IX Я учу язык

Опомнившись наконец, я посмотрел на Солу, которая наблюдала за происходящим, и с удивлением заметил странное выражение на ее обычно непроницаемом лице. Я не знал, конечно, о чем она думала, потому что едва начал осваивать марсианский язык и выучил лишь то, что было необходимо для повседневных нужд.

Когда я подошел к дверям нашего дома, меня ожидал там странный сюрприз. Ко мне приблизился незнакомый воин, держа в руках оружие, амуницию и все принадлежности подобного рода. Он вручил мне все это с несколькими невразумительными словами, и вид у него был одновременно уважительный и угрожающий.

Чуть позже Сола с помощью нескольких других женщин, переделала

все эти принадлежности, чтобы приспособить их к моим меньшим пропорциям и, когда работа подошла к концу, меня принарядили как настоящего воина.

С этого момента Сола начала посвящать меня в тайны разных видов оружия, и я вместе с юными марсианами проводил каждый день по несколько часов, тренируясь на площади. Сперва мои успехи в боевом искусстве оставляли желать лучшего, но, поскольку я был знаком с подобными видами земного вооружения, мне удалось добиться необычайной ловкости в обращении с марсианским оружием, и я продвигался вперед весьма удовлетворительными темпами.

Меня принарядили как настоящего воина.

Учили меня и юных марсиан исключительно женщины, которые не только передавали молодежи опыт, касающийся личной обороны и нападения, но также занимались ремеслами. Именно они изготавливали все то, в чем нуждались зеленые марсиане, — порох, патроны, огнестрельное оружие; по сути, все ценное производилось именно женщинами. В военное время они создавали резервные части и, когда возникала необходимость, сражались даже с бóльшим искусством и яростью, чем мужчины.

Представители же сильного пола осваивали высокие военные науки, изучали стратегию и маневрирование больших групп войск. Они издавали законы, когда это было необходимо, — новый закон по каждому непредвиденному случаю. Мужчины Марса не ограничивали себя прецедентами при отправлении правосудия. Обычаи сохранялись веками, но наказание за их несоблюдение определялось индивидуально, неким советом, состоявшим из равных преступнику по положению. Могу сказать, что у марсианской Фемиды редко случались осечки, и это казалось скорее исключением из правил. Здесь соблюдался приоритет закона над личными интересами. По крайней мере в одном отношении я назвал бы марсиан счастливыми: у них не было адвокатов.

В течение нескольких дней, последовавших за первой встречей, я не видел пленницу, а потом столкнулся с ней мимоходом, когда ее вели в

большой приемный зал, где мне впервые довелось присутствовать на чествовании Лоркваса Птомела. Меня покорили резкость и жестокость стражей; их обращение с девушкой так контрастировало с почти материнской добротой Сола и почтительностью тех немногих марсиан, которые давали себе труд заметить меня.

Дважды я наблюдал, как пленница обменивалась фразами со своими конвоирами, и убедился, что они говорят на общем языке или, по крайней мере, могут понимать друг друга. Это послужило для меня новым стимулом, и я буквально осаждал Солу, желая ускорить свое образование, так что в короткий срок овладел марсианским языком вполне сносно для того, чтобы вести несложную беседу, и научился воспринимать речь со слуха.

К тому времени в нашей комнате вместе со мной, Солой, ее юным подопечным и гончей Вулой жили еще три или четыре женщины и парочка недавно вылупившихся юнцов. Перед сном взрослые обычно болтали о том о сем, и теперь, когда мне было все понятно, я сделался весьма внимательным слушателем, хотя сам никогда в беседы не вступал и не делал замечаний.

На следующий вечер после того, как пленницу водили в зал приемов, разговор наконец-то коснулся ее, и я весь обратился в слух. Я боялся спросить Солу о прекрасной незнакомке и невольно снова и снова припоминал странное выражение, возникшее на лице моей попечительницы после той встречи. Трудно сказать, что оно означало, однако, основываясь на земных представлениях, я решил изображать безразличие к девушке, пока не выясню, как относится Сола к предмету моего внимания.

Саркойя, одна из старших женщин, что делили с нами спальню, сопровождала пленницу на той аудиенции.

— Когда наконец, — спросила у нее соседка, — мы насладимся смертной агонией краснокожей? Или наш джед Лорквас Птомел намерен придержать ее ради выкупа?

— Они решили взять ее с нами в Тарк и показать ее смерть на Больших играх перед Талом Хаджусом.

— О, и как же это будет? — поинтересовалась Сола. — Она такая маленькая и такая красивая; я надеялась, что за нее возьмут выкуп.

Саркойя и другие женщины гневно заворчали, видя проявление такой слабости со стороны Сола.

— Очень грустно, Сола, что ты не родилась миллион лет назад, — злобно произнесла Саркойя, — когда все низкие места затопляла вода, а народы были такими же мягкотелыми, как стихия, по которой они плавали. В наши дни развитие достигло такой степени, что подобные слова говорят о слабости и атавизме. Будет нехорошо, если Тарс Таркас

узнает о твоих вырожденческих чувствах, и я сомневаюсь, что он снова доверится тебе, когда пойдет речь о такой серьезной миссии, как материнство.

— Не вижу ничего дурного в том, что проявила интерес к краснокожей женщине, — возразила Сола. — Она нам ничего плохого не сделала и вряд ли стала бы, если бы мы попались в ее руки. Мужчины из красного народа воюют с нами, но я всегда считала, что они попросту вынуждены отвечать на наши действия. Эти люди со всеми живут в мире и сражаются только из необходимости, а вот мы не можем ни с кем ужиться, постоянно враждуем и с соплеменниками, и с краснокожими и даже в собственных общинах вечно ссоримся друг с другом. Ох, да вокруг нас — сплошное кровопролитие, начиная с того момента, как мы выходим из яйца, и до того, как радостно бросаемся в таинственную реку Исс, темную и древнюю. Она несет нас в неведомое, но по крайней мере там не будет такого ужаса, как здесь! Воистину счастлив тот, кто рано встречает свою смерть. Говори Тарсу Таркасу что угодно, он все равно не сможет обречь меня на худшую судьбу, чем нынешнее кошмарное существование.

Этот яростный взрыв со стороны Сола так потряс остальных женщин, что они, пробормотав несколько общих слов неодобрения, погрузились в глубокое молчание и вскоре заснули. Однако сей эпизод дал мне понять: бедная пленница вызывает у моей опекуниши расположение. Мне чрезвычайно повезло, что я попал именно в ее руки, а не на воспитание к другой женщине. Насколько я знал, Сола испытывает ко мне нежность, а теперь выяснилось, что она ненавидит жестокость и варварство. На нее в самом деле можно положиться. Надо попросить ее помочь мне и той девушке сбежать, если, конечно, у нас есть шанс.

Кто знает, переменит ли побег мою жизнь к лучшему? Тем не менее я готов был рискнуть, лишь бы оказаться среди себе подобных, уж больно отвратительны были кровожадные зеленые жители Марса. Правда, куда идти и каким образом передвигаться, я не представлял, точно так же как земляне не имели понятия, где находится источник вечной жизни, хотя искали его испокон веку.

Я обещал себе, что при первой же возможности доверюсь Соле и открыто попрошу ее помочь мне. Преисполнившись решимости, я закутался в шелка и шкуры и заснул без сновидений.

Х

Победитель и вождь

На следующий день с самого раннего утра я пребывал в волнении. Мне предоставили большую свободу, но при одном условии: не покидать пределов города. В этом случае, пояснила Сола, я могу

уходить и приходить когда захочу. Однако она предупредила, чтобы я не бродил без оружия, потому что здесь, как и в других заброшенных поселениях Марса, водились большие белые обезьяны, – с ними я столкнулся на второй день своих приключений.

К этим объяснениям Сола добавила, что Вула так или иначе пресечет попытки уйти из города, и настойчиво просила не пробуждать звериную натуру моего сторожа, слишком приближаясь к запретным территориям. По ее словам, характер у пса таков, что он доставит меня обратно в город живым или мертвым, если я буду настаивать на нарушении границ. «Причем скорее мертвым», – закончила Сола.

Этим утром я выбрал для прогулки новую улицу и вдруг обнаружил, что очутился у окраины города. Передо мной лежали низкие холмы, рассеченные узкими заманчивыми ущельями. Мне отчаянно хотелось исследовать земли, раскинувшиеся передо мной, и, подобно моим предшественникам-первооткрывателям, узнать, что лежит за вершинами холмов, закрывавших от меня вид.

Мне также пришло в голову, что это блестящая возможность испытать Вулу. Я был убежден в том, что зверь меня любит; много раз я наблюдал в нем такие проявления привязанности, каких не видел в других существах Марса, хоть в людях, хоть в животных. Как мне верилось, благодарность за то, что я дважды спас ему жизнь, перевесит его преданность долгу, возложенному на него жестокими и бесчувственными хозяевами.

Пока я приближался к границе, Вула встревоженно бежал рядом со мной, то и дело толкаясь всем телом о мои ноги. Выражение его морды было скорее умоляющим, чем яростным, и он вовсе не скалил свои огромные клыки в пугающем предупреждении. Лишенный человеческой дружбы, я завоевал изрядную привязанность Вулы и Солы и сам привязался к ним, потому что любой нормальный человек должен найти выход своим естественным чувствам. Оттого я и предполагал в этом здоровенном звере сходные потребности и был уверен, что не разочаруюсь в нем.

Я ни разу не ласкал Вулу, но теперь сел на землю и, обняв его за толстую шею, принялся его гладить и почесывать, говоря с ним на недавно освоенном марсианском языке, как говорил бы дома с собакой или с любым из питомцев. Его отклик на мое проявление нежности оказался просто невероятным; Вула растянул губы во всю ширину, выставив напоказ весь верхний ряд клыков, и наморщил нос так, что его большие глаза почти скрылись в складках кожи. Если вы когда-нибудь видели, как улыбается колли, то можете отчасти представить себе выражение морды Вулы.

Он опрокинулся на спину у моих ног, потом подпрыгнул и навалился

на меня всем своим огромным весом, уронив меня на землю, потом стал скакать вокруг, как игривый щенок, который подставляет шерстку под ладонь и ждет ласки. Я не мог устоять перед комичной нелепостью этой сцены и, схватившись за бока, раскачивался взад-вперед от хохота, впервые за много дней одолевшего меня; собственно, я смеялся впервые с того самого утра, когда Пауэлл покидал наш лагерь: его лошадь неожиданно взбрыкнула, и он упал головой в горшок с фасолью.

Мой смех напугал Вулу, он перестал прыгать и с жалобным видом подполз ко мне, чтобы ткнуться уродливой головой в мои колени, и тут я вспомнил, что смех на Марсе означает пытку, страдания, смерть. Успокоившись, я погладил беднягу по голове и спине, поговорил с ним несколько минут, а потом уже хозяйским тоном велел идти за мной и встал, чтобы направиться к холмам.

Больше между нами не возникало вопроса о взаимоотношениях; Вула с того самого момента превратился в моего преданного раба, а я стал его единственным хозяином, чье слово было непререкаемо. Дорога заняла всего несколько минут, и я не нашел там ничего особенно интересного, такого, что меня бы вознаградило. В лощинах пышно цвели очень яркие и странные дикие цветы, а с первой же вершины открывался вид на гряды холмов. Они тянулись к северу, становясь все выше, и сливались с горами на довольно почтительном расстоянии. Позднее я узнал, что лишь немногие вершины на Марсе достигают четырех тысяч футов, – мое представление об их высоте оказалось относительным.

Моя утренняя прогулка имела весьма важные последствия: я добился абсолютного взаимопонимания с Вулой, на которого Тарс Таркас возложил ответственность за мою охрану. Теоретически я по-прежнему оставался пленником, но фактически был свободен – и поспешил вернуться в город, пока отступничество Вулы не обнаружили его бывшие владельцы. После этого приключения я решил больше не выходить за обозначенные границы, пока не буду окончательно готов отправиться в неведомое, ведь если меня поймают, я потеряю былую свободу и, возможно, Вулу – пса вполне могли убить.

По возвращении на площадь я в третий раз увидел девушку-пленницу. Она стояла рядом со своими охранниками перед входом в зал приемов, а когда я приблизился, бросила на меня надменный взгляд и повернулась ко мне спиной. Это был такой женский, такой земной жест! Хотя он задел мою гордость, мое сердце наполнилось чувством товарищества; так радостно было сознавать, что кому-то еще на Марсе присущи чисто человеческие порывы, принятые в цивилизованном обществе, пусть даже их проявление столь болезненно и обидно для меня.

**Это был такой женский,
такой земной жест!**

Если бы зеленая марсианская женщина вздумала показать неприязнь или презрение, она, скорее всего, сделала бы это при помощи меча или спустив курок, но поскольку чувства марсиан в основном атрофировались, то потребовалось бы весьма серьезное оскорбление, чтобы пробудить в ней такую страсть. Сола, позвольте заметить, была неким исключением; я никогда не видел, чтобы она совершала жестокие или грубые поступки, перестала проявлять доброту и великодушие. Она и в самом деле была своеобразным «атавизмом», как говорили о ней ее подружки-марсианки, таким желанным и драгоценным приветом из

прошлого, тенью любимых и любящих предков.

Пленница как будто оказалась в центре всеобщего внимания, и я остановился, чтобы посмотреть, что будет дальше. Мне не пришлось ждать долго – вскоре к зданию подошел Лорквас Птомел со своей свитой и, дав стражам знак следовать за ним вместе с девушкой, направился в зал приемов. Сообразив, что теперь у меня есть особые права, я решил рискнуть. К тому же воины вряд ли догадывались о моем знании марсианского языка, поскольку я умолял Солу держать в тайне мои успехи, объясняя это нежеланием говорить с другими до тех пор, пока хорошо не освою все тонкости речи. Итак, я попытался войти в зал и послушать, о чем там будут говорить.

Советники сели на корточки на ступенях вокруг помоста, а внизу перед ними стояли пленница и две ее охранницы, в том числе Саркойя. Мне стало ясно, что она присутствовала при допросах накануне, почему и смогла вечером рассказать обо всем соседкам по спальне. Ее отношение к пленнице было чрезвычайно грубым и жестоким. Когда она держала девушку, то вдавливала свои недоразвитые ногти в ее тело или же выворачивала ей руку самым болезненным образом. Когда приказывали перейти с одного места на другое, Саркойя или резко дергала пленницу, или с силой толкала ее вперед. Она как будто выплескивала на это незащитное создание всю ту ненависть,

жестокость, ярость и злобу, что накопились за девять сотен лет ее жизни и питались свирепостью и беспощадностью неисчислимых поколений предков.

Вторая охранница была не так груба, потому что ею владело полное безразличие к происходящему; если бы несчастная оказалась только в ее власти, да еще и ночью, она не подвергалась бы мучениям, на нее просто перестали бы обращать внимание.

Когда Лорквас Птомел поднял голову, чтобы обратиться к пленнице, его взгляд упал на меня. Вождь тут же повернулся к Тарсу Таркасу и что-то сказал с жестом нетерпения. Тарс Таркас ответил, я не расслышал его слов, однако они заставили Лоркваса Птомела улыбнуться; после этого марсиане больше не обращали на меня внимания.

– Как тебя зовут? – спросил Лорквас Птомел у девушки.

– Дея Торис, дочь Морса Каяка из Гелиума.

– Какова была цель твоей экспедиции? – продолжил Лорквас Птомел.

– Это была чисто научная, исследовательская группа, и отправил нас отец моего отца, джеддак Гелиума, чтобы мы заново нанесли на карты воздушные течения и провели анализы плотности атмосферы, – ответила прекрасная пленница низким, хорошо поставленным голосом. – Мы не собирались сражаться, – добавила она, – наша миссия была мирной, о чем говорили и наши знамена, и цвет наших кораблей. Работа, которую мы выполняем, приносит пользу вам, так же как и нам, ведь вы отлично знаете: если бы не наш труд и не плоды наших научных разработок, здесь не осталось бы воздуха и воды даже для одной-единственной человеческой жизни. Мы веками поддерживаем запасы воздуха и воды на том же уровне, без ощутимых потерь, и всегда делали это, невзирая на грубое и невежественное вмешательство зеленого народа. Почему, ну почему вы не научитесь жить в согласии с другими? Вы же веками стремитесь к самоуничтожению, почти не поднимаясь над бессловесными существами, что служат вам! Народ без письменного языка, без искусства, без домов, без любви – вы просто жертва бесчисленных эонов властвования ужасной идеи коммуны. Владея сообщая всем, даже женщинами и детьми, вы в результате не имеете ничего. Вы ненавидите друг друга, как и всех вокруг, кроме самих себя. Вернитесь на дорогу наших общих предков, вернитесь к свету доброты и дружбы! Этот путь открыт для вас, и вы всегда найдете руки красных людей, протянутые к вам для помощи. Вместе мы можем сделать гораздо больше для восстановления нашей умирающей планеты. Внучка величайшего и самого могущественного красного джеддака просит вас об этом. Вы согласны?

Лорквас Птомел и его воины сидели молча, пристально глядя на

молодую женщину еще несколько мгновений после того, как она умолкла. Что происходило в их умах, никому не ведомо, но я искренне уверен: их задела речь девушки, и если бы стоявший у власти человек оказался достаточно силен, чтобы подняться над нравами, этот момент мог бы стать началом новой прекрасной эры на Марсе. Вот Тарс Таркас встал для ответного слова, и на его лице было такое выражение, какого я никогда не видел на лицах зеленых воинов. Оно говорило о сильной внутренней борьбе с самим собой, с наследием, с вековыми обычаями, и, когда Тарс Таркас открыл рот, его злобные и отталкивающие черты на короткое время будто озарились светом доброты и благородства.

Но слова, готовые сорваться с его губ, так и не были произнесены, потому что какой-то молодой воин, явно ощутив рассеянность мыслей старших, внезапно прыгнул со ступени помоста и с силой ударил хрупкую пленницу по лицу. Та упала на пол, а он поставил ногу на ее распростертое тело и, обернувшись к совету, разразился чудовищным, безжалостным смехом.

На секунду мне показалось, что Тарс Таркас сейчас убьет его, но в следующую секунду старшие воины опомнились и улыбнулись. Однако то, что они не засмеялись вслух, говорило о многом, хотя подобная жестокая выходка должна была вызвать громовой хохот с точки зрения марсианского юмора.

Должен заметить: описание этого удара вовсе не значит, что я оставался бездеятельным столь долгое время. Я, должно быть, почувствовал назревание конфликта, потому что вдруг пригнулся, как

для прыжка, еле осознав свое движение, и, прежде чем увидел кулак, устремившийся к прекрасному умоляющему лицу, оказался на середине зала.

Молодой воин едва успел рассмеяться, как я уже очутился рядом. Дикарь был ростом в двенадцать футов и вооружен до зубов, но я уверен, что мог бы раскидать целую толпу в приступе безудержного гнева. Подпрыгнув, я издал предупреждающий крик и, как только марсианин обернулся, изо всех сил ударил его в лицо, а когда он выхватил меч, снова подскочил и одной ногой оперся о висевший на его поясе пистолет.

Затем, вцепившись левой рукой в огромный клык воина, правой принялся колотить его в грудь.

Он не мог воспользоваться своим коротким мечом, потому что я был слишком близко, и не мог вытащить пистолет, хотя и попытался это сделать вопреки местному обычаю, согласно которому в поединке нельзя применять оружие, какого нет у противника. По сути, марсианину оставалось лишь яростно вертеться в бесплодных попытках сбросить врага. При огромных размерах тела зеленый воин вряд ли был сильнее меня, и понадобилась всего пара мгновений, чтобы он, окровавленный и бесчувственный, опустился на пол.

Дея Торис приподнялась на локте и наблюдала за схваткой расширенными изумленными глазами. Утвердившись на ногах, я подхватил ее и отнес к одной из скамей, что стояли у стен зала.

И снова никто из марсиан не помешал мне, так что я, оторвав полосу от своего шелкового плаща, попытался остановить кровь, лившуюся из носа пленницы. Вскоре мне это удалось, и оказалось, что, кроме кровотечения из носа, никаких особых повреждений девушка не получила. Когда Дея наконец смогла говорить, она положила ладонь на мою руку и, заглянув мне в глаза, сказала:

– Почему ты это сделал? Ты, который отказался даже дружески кивнуть мне в первый час моего плена? А теперь рискнул жизнью и ради меня убил одного из своих товарищей. Я не понимаю... Как странно, ты живешь среди зеленого народа, хотя у тебя тело как у людей моей расы, вот только цвет кожи другой, чуть темнее, чем у белых обезьян... Скажи, ты человек или ты больше, чем человек?

– Моя история поразительна, – ответил я, – однако она слишком длинная, чтобы рассказывать ее прямо сейчас. Более того, я сам в ней сомневаюсь и очень боюсь, что другие мне не поверят. Пока удовлетворишься этим и учти, что в данный момент я тебе друг, а если наши захватчики позволят, то еще и твой защитник, и твой слуга.

– Так ты тоже пленник? Но тогда почему у тебя оружие и знаки вождя Тарка? Как тебя зовут? Из какой ты страны?

– Да, Дея Торис, я тоже пленник, а зовут меня Джон Картер, и я из Виргинии, одного из американских восточных штатов, там мой дом; но почему мне разрешили носить оружие, я и сам не знаю, к тому же понятия не имел, что эти украшения принадлежат вождю.

Тут нас прервал подошедший воин, он держал в руках оружие, личное снаряжение и украшения, и я сразу же получил ответ на один из вопросов девушки – все части головоломки встали на свои места. Я увидел, что с тела моего противника все сняли, и во взгляде того, кто принес мне эти трофеи, прочел угрозу и уважение. То же самое

произошло, когда я впервые надел марсианские знаки различия, и только сейчас мне стало ясно, что причиной тому явились мой удар, моя первая битва в приемном зале и смерть моего врага.

Да, теперь было понятно отношение марсиан к моей персоне. Я, так сказать, завоевал свои шпоры, и мне, согласно примитивному правосудию, чем всегда руководствовался зеленый народ (и что, среди прочего, побудило меня назвать Марс планетой парадоксов), были оказаны почести как победителю – вещи убитого и его статус перешли ко мне, то есть я стал одним из вождей. Именно поэтому мне впоследствии предоставили достаточно большую свободу и даже позволили находиться в зале приемов.

Я повернулся, чтобы принять амуницию поверженного воина, и заметил, что Тарс Таркас и еще несколько зеленых марсиан двинулись к нам. Взгляд Тарса Таркаса был насмешлив. Наконец он обратился ко мне:

– Ты говоришь на языке барсумиан слишком хорошо для того, кто всего несколько дней назад был глух и нем для нас. Где это ты научился, Джон Картер?

– Ты сам тому причиной, Тарс Таркас, – ответил я, – потому что дал мне наставницу, которая обладает выдающимися способностями; я должен поблагодарить за науку Солу.

– Она хорошо потрудилась, – кивнул Тарс Таркас, – но твое образование во всех других отношениях нуждается в шлифовке. Знаешь, чего бы стоила тебе твоя беспримерная опрометчивость, если бы ты не убил тех двух вождей, чьи регалии теперь носишь?

– Предполагаю, что тот, кого я не смог бы победить, расправился бы со мной, – с улыбкой ответил я.

– Нет, ты ошибаешься. Только в случае крайней необходимости, при самозащите, воин может убить пленника; нам хочется приберечь пленных для других целей, – сказал он, и на его лице отразились такие перспективы, о которых лучше было не думать. – Но кое-что может спасти тебя, – продолжил Тарс. – Если, учитывая твою доблесть, ярость и отвагу, Тал Хаджус сочтет тебя достойным служить ему, ты будешь принят в общину и станешь полноправным таркианином. Лорквас Птомел велит, чтобы к тебе проявляли заслуженное уважение, пока мы не добрались до главного жилища Тала Хаджуса. К тебе будут относиться как к вождю таркиан, но не забывай, что каждый равный тебе по положению отвечает за то, чтобы тебя благополучно доставили к нашему самому могучему и свирепому правителю. Я все сказал.

– Я тебя услышал, Тарс Таркас, – ответил я. – Как тебе известно, я не с планеты Барсум; ваши пути чужды мне, и в будущем я могу действовать только так, как привык раньше, в соответствии с тем, что мне диктует

моя совесть, и по правилам моего народа. Если меня оставят в покое, я буду вести себя мирно, в противном случае пусть те барсумиане, с которыми мне придется иметь дело, уважают мои права иноземца, иначе поплатятся сполна. Но прежде всего, каковы бы ни были твои намерения относительно этой несчастной молодой женщины, давай договоримся: кто бы ни попытался в будущем нанести ей вред или оскорбление, ему сперва придется иметь дело со мной. Я понимаю, что вы не цените щедрость и доброту, но мне они дороги, и я могу убедить даже самого отважного воина в том, что эти качества совсем не ослабляют способности сражаться.

Обычно я не произносил столь длинных и напыщенных речей, но предположил, что таким образом задену чувствительную струну в груди у зеленых марсиан, и нельзя сказать, чтобы я ошибся. Моя речь явно глубоко задела их, и отношение ко мне в результате стало еще более уважительным.

Тарсу Таркасу, похоже, понравился мой ответ, но его слова прозвучали загадочно:

— А я думаю, что знаю Тала Хаджуса, джеддака Тарка.

После этого я повернулся к Дее Торис и помог ей подняться на ноги, а затем направился вместе с девушкой к выходу, не обращая внимания ни на топтавшихся рядом гарпий-охранниц, ни на вопросительные взгляды вождей. Разве я не был теперь таким же вождем? Ну, значит, я могу принять на себя ответственность. Они не стали к нам цепляться, так что Дея Торис, принцесса Гелиума, и Джон Картер, джентльмен из Виргинии, сопровождаемые верным Вулой, в полной тишине вышли из приемного зала Лоркваса Птомела, джеда таркиан Барсума.

XI

Дея Торис

Когда мы вышли наружу, две стражницы, которым было поручено присматривать за Деей Торис, поспешили за нами, как будто снова собирались ее конвоировать. Бедная девочка прижалась ко мне, и я почувствовал, как ее маленькие ладошки крепко стиснули мою руку. Жестом отогнав охранниц, я сообщил им, что теперь за пленницей будет приглядывать Сола, а Саркойю предупредил: ее ожидает внезапная и мучительная смерть, если она снова посмеет жестоко обращаться с Деей Торис.

Бедная девочка прижалась ко мне

Моя угроза была весьма некстати и причинила девушке больше вреда, чем пользы, потому что, как я узнал позже, мужчины на Марсе не могли убивать женщин, а женщины – мужчин. Так что Саркойя просто злобно посмотрела на нас и отправилась строить козни против меня.

Вскоре я нашел Солу и объяснил ей, что она должна опекать Дею Торис, так же как в свое время меня, и попросил найти другое жилье, где к ним не приставала бы Саркойя. А сам я собирался поселиться вместе с мужчинами.

Сола посмотрела на предметы снаряжения, которые я нес в руках и на плече.

– Ты теперь великий вождь, Джон Картер, – сказала она, – и следует выполнять твои приказы, хотя на самом деле я рада это делать при нынешних обстоятельствах. Тот мужчина, чьи знаки различия ты несешь, был молод, но он считался великим воином и благодаря своему искусству достиг места рядом с Тарсом Таркасом, который, как ты знаешь, второй после самого Лоркваса Птомела. Ты – одиннадцатый, и лишь десять вождей в этой общине превосходят тебя доблестью.

– А если я убью Лоркваса Птомела? – спросил я.

– Ты стал бы тогда первым, Джон Картер, но добиться такой чести – сражаться с Лорквасом Птомелом – можно лишь по воле совета. Впрочем, если он нападет на тебя и ты убьешь его при защите, первое место также будет за тобой.

Я засмеялся и сменил тему. У меня не было особого желания убивать Лоркваса Птомела, а еще меньше мне хотелось быть джедом таркиан.

Вместе с Солой и Деей Торис я отправился на поиски нового жилья, и мы нашли его в здании поблизости от зала приемов, в строении куда более вычурной архитектуры, чем наше прежнее обиталище. Мы также обнаружили в этом доме настоящие спальные палаты с древними кроватями, коваными, очень красивыми, – они свисали на гигантских цепях с мраморных потолков. Росписи стен поражали чрезвычайной сложностью – в отличие от фресок в других зданиях, которые я осматривал, здесь в композиции было включено множество человеческих фигур. Я увидел людей, похожих на меня самого, с куда более светлой, чем у Деи Торис, кожей. На них были изящные

развевающиеся наряды, густо украшенные металлом и драгоценными камнями, а их пышные волосы отливали золотом или красноватой бронзой. Мужчины не носили бороду, оружие держали лишь немногие. Картины запечатлели этих светлокожих и светловолосых патрициев по большей части за развлечениями.

Дея Торис в восторге хлопнула в ладоши при виде этих великолепных произведений искусства, созданных давно исчезнувшим народом, а вот Сола как будто их и не заметила.

Мы выбрали для Деи Торис и Солы эту комнату на втором этаже, окнами на площадь; вторую же, примыкавшую к первой, и еще одно помещение, сзади, решили использовать для приготовления пищи и хранения запасов. Потом я отправил Солу за постельными принадлежностями и кухонной утварью, которая могла понадобиться, пообещав, что буду охранять Дею Торис до ее возвращения.

Как только Сола ушла, Дея Торис повернулась ко мне со слабой улыбкой:

– Ну и куда бы могла побежать твоя пленница, если бы ты ее оставил, разве что следом за тобой, с мольбой о защите? И просила бы у тебя прощения за дурные мысли, которым предавалась на твой счет в последние несколько дней.

– Ты права, – ответил я, – нам обоим бежать некуда, разве что мы пустимся в бега вместе.

– Я слышала, как ты говорил с тем, кого называют Тарсом Таркасом, и думаю, что мне ясно твое положение в зеленой орде, но чего я не могу понять, так это твоего утверждения, что ты не барсумианин. Во имя моего первого предка, – продолжила она, – откуда же ты? Ты похож на нас и в то же время не похож. Ты говоришь на моем языке, но я слышала, как ты объяснял Тарсу Таркасу, что лишь недавно его выучил. Все барсумиане говорят на одном и том же языке, от ледяного юга до ледяного севера, хотя их письменность различается. И только в долине Дор, где река Исс исчезает в затерянном море Корус, как будто звучит иная речь, но, если не считать легенд наших предков, нет никаких сведений о том, чтобы кто-нибудь из барсумиан возвращался из тех мест. И не говори мне, что ты вернулся оттуда! Если бы это оказалось правдой, они бы убили тебя самым ужасным образом; скажи, что это не так!

Ее глаза наполнились странным, таинственным светом, голос звучал умоляюще, а маленькие руки протянулись к моей груди и нажали на нее так, словно пытались выдавить отрицание из самого моего сердца.

– Мне незнакомы ваши обычаи, Дея Торис, но в моей родной Виргинии джентльмен не лжет ради собственного спасения. Я не из Дора, я никогда не видел вашу мистическую реку Исс; и затерянное

море Корус все так же затеряно, насколько я могу понять. Ты мне веришь?

И вдруг меня поразила мысль о том, что я очень тревожился, желая, чтобы она мне поверила. Нет, я вовсе не боялся последствий ее убежденности в том, что я прибыл с басурмианских небес, или из их ада, или откуда-то еще. Но почему же? Отчего я беспокоился о том, что она подумает? Я посмотрел на девушку сверху вниз; ее прекрасное лицо было обращено ко мне, ее изумительные глаза открывали самые глубины ее души; и, когда мой взгляд встретился с ее взглядом, я все понял... и содрогнулся.

Похоже, и ее душу всколыхнула такая же волна чувств; девушка со вздохом отшатнулась от меня и, снова заглянув мне в глаза, прошептала:

– Я верю тебе, Джон Картер, хотя не знаю, что такое джентльмен, и никогда не слыхала о Виргинии, но на Барсуме мужчины не лгут; если они не хотят говорить правду, они просто молчат. А где же эта Виргиния, твоя родина, Джон Картер? – спросила она, и мне показалось, что мое простое имя никогда не звучало прекраснее, чем в этих безупречных устах тем давно минувшим днем.

– Я из другого мира, – пояснил я, – с великой планеты Земля, которая вращается вокруг нашего общего Солнца на соседней орбите с Барсумом – мы называем его Марсом. Как я сюда попал, не могу тебе объяснить, поскольку сам не понимаю; но теперь я здесь, и раз уж мое присутствие дает мне возможность служить Дее Торис, я этому рад.

Она пристально посмотрела на меня, и в ее взгляде читался вопрос. Что в мое заявление трудно поверить, я и сам прекрасно знал и не слишком надеялся, что девушка сочтет мои слова правдой, как бы сильно мне ни хотелось завоевать ее доверие и уважение. Я, наверное, не обязан был рассказывать ей о своем прошлом, но ни один мужчина не смог бы заглянуть в глубину этих глаз – и отказать ей в любой просьбе.

Наконец Дея Торис улыбнулась и сказала:

– Я тебе поверю, хотя и не могу этого понять. Я готова признать, что ты не из нынешних барсумиан; ты похож на нас, да, и все же отличаешься... но зачем мне ломать мою несчастную голову над таким парадоксом, когда сердце говорит: я тебе верю потому, что хочу верить!

Это была отличная логика, отличная земная женская логика, и если девушку это устраивало, я уж точно не собирался ее разубеждать. И в действительности, пожалуй, Дея выбрала единственный вариант логики, с помощью которого можно было примириться с моей проблемой. Потом мы говорили о разном, расспрашивая друг друга о том о сем. Дею Торис интересовали обычаи моего народа, и она обнаружила

поразительные знания событий, происшедших на Земле. Когда же я поинтересовался, откуда ей известны столь далекие предметы, она рассмеялась и воскликнула:

– Да что ты! Каждый школьник на Барсуме имеет четкое представление о географии, а также о флоре и фауне твоей планеты, знает и ее историю – так же хорошо, как свою собственную. Разве мы не можем наблюдать за происходящим на Земле, как ты ее называешь, разве она не висит в небе у всех на виду?

Это меня ошеломило, должен признать, не меньше, чем ее смутили мои заявления; я ей так и сказал. Тогда Дея Торис в общих чертах пояснила: ее народ использовал и в течение многих веков совершенствовал устройства, которые позволяют передавать на экран безупречное изображение реальности. Таким образом, барсумиане могут наблюдать, что происходит на нашей планете и на многих звездах. Эти изображения столь подробны и отчетливы, что, когда их печатают в виде фотографий и увеличивают масштаб, можно без труда рассмотреть предметы не крупнее травинки. Позже, в Гелиуме, я видел много таких снимков, а также инструменты, с помощью которых они были получены.

– Раз вы тут хорошо знакомы с земными порядками, – спросил я, – почему же ты не признала во мне обитателя той планеты?

Дея Торис снова улыбнулась, как улыбаются любопытному ребенку.

– Потому, Джон Картер, – ответила она, – что почти каждая планета, имеющая сходные атмосферные условия с Барсумом, порождает идентичные формы жизни; более того, земные люди, почти без исключения, закрывают свои тела странными непроницаемыми кусками ткани и прячут голову под хитроумными приспособлениями, смысл которых мы не смогли понять; а ты, когда тебя нашли воины Тарка, был совершенно ничем не прикрыт и не украшен. Конечно, факт отсутствия украшений и есть серьезное доказательство того, что ты родился не на Барсуме, но вот отсутствие бесформенных покровов вызывает сомнение в твоей земной природе.

Тогда я рассказал Дее во всех подробностях о своем отбытии с Земли, объяснив: мое тело, с ног до головы облаченное во все то, что кажется марсианке нелепым, осталось на родной планете. В этот момент вернулась Сола, неся наши скудные пожитки, и привела своего юного воспитанника, который, конечно же, должен был делить жилище с женщинами.

Сола спросила, приходил ли кто-нибудь в ее отсутствие, и, похоже, весьма удивилась, услышав отрицательный ответ. Дело в том, что, когда она поднималась в наше новое жилье, ей встретила спускавшаяся по лестнице Саркойя. Мы решили, что та, скорее всего, подслушивала, но

махнули на это рукой, поскольку ничего важного вроде бы не говорилось. Разве что пообещали друг другу в будущем быть как можно осторожнее.

Потом мы с Деей Торис принялись изучать архитектуру и отделку прекрасных помещений нашего дома. Она объяснила, что создатели этой цивилизации, предположительно, процветали на Марсе более ста тысяч лет назад. Это были прародители ее расы, позже они смешались с другим древним народом, имевшим темную, почти черную кожу, и с желтолицым племенем, которое жило на планете в то же время.

Три великие ветви высших марсиан были вынуждены вступить в союз, потому что пересыхание морей заставило их искать сравнительно редкие и постоянно уменьшавшиеся плодородные области и защищаться, при новых условиях жизни, от диких орд зеленых людей.

Долгие века близкого соседства и перекрестных браков и породили расу краснокожих, прекрасной дочерью которой была Дея Торис. За длительный период трудностей, постоянных схваток между разными народностями и зелеными племенами, попыток приспособиться к изменившимся условиям на планете множество достижений цивилизации и произведений искусства, созданных светловолосыми марсианами, были утрачены. Но при нынешнем своем развитии красная раса ощутила необходимость заново открыть все то, что было безвозвратно похоронено вместе с древними барсумианами под покровом бесчисленных веков.

Древние марсиане были просвещенными, благородными и добрыми людьми, сведущими в литературе, однако во времена невзгод все архивы, записи, памятники письменности пропали. Дея Торис сказала, что город, в который мы пришли, некогда являлся центром торговли и культуры и назывался Корад. Его построили в окружении величественных вершин на берегу прекрасного залива. Сегодня от этой гавани, как объяснила Дея Торис, осталась маленькая долина к западу от города, а проход между невысокими холмами шел по старому дну моря – некогда там был искусственно созданный канал, по которому к городским воротам подходили корабли.

Берега древних морей густо застраивались большими и малыми городами, их число было велико, и все они тяготели к океанам, а со временем передвигались вместе с уходившей водой – люди были вынуждены делать это ради собственного спасения. Вот почему возникли так называемые марсианские каналы.

Мы так увлеклись осмотром здания и нашим разговором, что опомнились, когда прошло уже больше половины дня. К реальности нас вернул посланец, доставивший сообщение от Лоркваса Птомела. Вождь повелевал мне тотчас явиться к нему. Попрощавшись с Деей Торис и

Солой и приказав Вуле охранять их, я поспешил в зал приемов, где и обнаружил Лоркваса Птомела и Тарса Таркаса, сидевших на возвышении.

XII

Могучий пленник

Когда я вошел и приветствовал их, Лорквас Птомел знаком приказал мне приблизиться и, уставившись на меня огромными страшными глазами, обратился ко мне так:

– Ты пробыл с нами всего несколько дней и за это время благодаря своей отваге сумел подняться высоко. Но, как бы то ни было, ты не один из нас и не обязан быть преданным. У тебя особое положение, – продолжил он. – Ты пленник, и все же отдаешь приказы, которые следует выполнять; ты пришелец, и все же таркианский вождь; ты карлик, и все же убил могучего воина одним ударом кулака. А теперь мне доносят, будто ты строишь планы побега с другой пленницей чужой расы – девушкой, которая, по ее собственному признанию, наполовину верит, что ты вернулся из долины Дор. Даже одного из этих обвинений, будь оно доказано, окажется достаточно для твоей казни, но мы ведь обычные люди, поэтому следствие пройдет в Тарке, если так повелит Тал Хаджус. Однако, – говорил он дальше злобным гортанным голосом, – если ты сбежишь вместе с красной девчонкой, то отчитываться перед Талом Хаджусом буду я; именно мне придется предстать перед ним, и тогда либо моя правота будет доказана, либо знаки различия с моего мертвого тела отдадут более успешному воину, потому что таковы обычаи Тарка. Я никогда не ссорился с Тарсом Таркасом; вместе мы управляем самой большой из общин зеленых людей, и нам совсем не хочется сражаться друг с другом. Так что, если бы ты умер, Джон Картер, я бы только порадовался. Однако ты можешь быть убит нами без приказа Тала Хаджуса всего в двух случаях: в личной схватке при самозащите, если ты вдруг нападешь на кого-то из нас, или же при попытке к бегству. Ради справедливости я должен тебя предупредить: лишь при одном из этих условий мы сможем взять на себя эту огромную ответственность. Доставить красную девушку к Талу Хаджусу – дело величайшей важности. За тысячу лет Тарку ни разу не доставалась такая пленница: она ведь внучка величайшего краснокожего джеддака, который также является нашим величайшим врагом. Я все сказал. Красная девушка заявила, что нам чужды человеческие чувства, но мы просто искренняя, правдивая раса. Можешь идти.

Повернувшись, я покинул зал приемов. Значит, Саркойя начала нас преследовать! Я знал: донос, столь быстро достигший ушей Лоркваса

Птомела, – ее рук дело. Мне припомнился разговор с Деей, мы действительно касались темы бегства и моего происхождения.

Саркойя в то время была самой старшей и самой приближенной из женщин в окружении Тарса Таркаса. И в этой роли она обладала огромной властью за троном, потому что ни один из воинов не пользовался таким доверием Лоркваса Птомела, как его лейтенант Тарс Таркас.

После встречи с вождем, вместо того чтобы выбросить побег из головы, я с новой силой предался размышлениям на эту тему. И теперь во мне окрепла уверенность: бежать необходимо, в особенности это касается Деи Торис, поскольку очевидно, что в главной резиденции Тала Хаджуса ее ждет ужасная судьба.

Как рассказывала Сола, это чудовище было воистину олицетворением зла; вековая злоба, жестокость и зверство сгустились в нем до предела. Холодный, коварный, расчетливый, он был, в отличие от большинства его соплеменников, рабом звериной страсти к размножению, которая на их умирающей планете почти остыла в других марсианах.

Три мысли о том, что божественная Дея Торис может очутиться в когтях этого первобытного животного, я покрылся холодным потом. И мне подумалось, что будет куда лучше, если мы на крайний случай прибережем по последней пуле друг для друга, подобно храбрым женщинам в пограничных районах моей утраченной родины. Они были готовы расстаться с жизнью, лишь бы не попасть в руки индейцев.

Я брел по площади, погружившись в мрачные размышления, и тут ко мне подошел Тарс Таркас, следом за мной покинувший приемный зал. Видимо, его отношение ко мне не изменилось, и он обратился ко мне так, словно мы обычным образом разошлись несколько минут назад.

– Где ты живешь, Джон Картер? – спросил он.

– Я ничего пока не выбрал, – ответил я. – Похоже, будет лучше поселиться либо отдельно, либо с другими воинами, и я как раз ждал возможности попросить у тебя совета. Как тебе известно, – улыбнулся я, – мне знакомы не все обычаи фаркиан.

– Идем со мной, – приказал он, и мы вместе направились через площадь к зданию, которое, как я с радостью увидел, примыкало к дому Сола и ее подопечных.

– Мое жилье – на первом этаже, – сообщил Тарс Таркас, – а второй целиком занимают мои воины, зато на третьем этаже и выше все свободно; ты можешь устроиться там. Я понимаю, – продолжил он, – что ты отослал Солу к краснокожей пленнице. Согласен, ведь ты говорил, что идешь своим путем, а тому, кто умеет хорошо сражаться, дозволяется многое. Если тебе вздумалось отдать свою служанку дочери джеддака, это твое личное дело, но при твоём положении

полагается иметь прислугу, и в соответствии с нашими обычаями ты можешь выбрать любую женщину из свиты вождей, чьи знаки теперь носишь.

Я поблагодарил его, но заверил, что вполне могу обойтись и без помощниц, разве что еду готовить некому, и Тарс пообещал прислать ко мне стряпух. Кроме того, добавил он, эти женщины будут заботиться о моем оружии и украшениях, что совершенно необходимо. Тогда я сказал, чтобы они принесли шелка и шкуры из моих трофеев, поскольку в холодные марсианские ночи мне нечем будет укрываться.

Тарс Таркас пообещал распорядиться на этот счет и ушел. Оставшись один, я поднялся по наклонному коридору на верхние этажи, чтобы поискать подходящее помещение. Этот дом был не менее красив, чем другие, и я снова увлекся исследованиями и открытиями.

Наконец я выбрал комнату на третьем этаже, в фасадной части здания, поближе к Дее Торис, которая жила на втором этаже соседнего дома. Мне захотелось придумать средства связи, чтобы она могла подать мне сигнал – на тот случай, если ей понадобится помощь или защита.

Рядом с моей комнатой находились ванные, гардеробные, а дальше – спальни и гостиные, на всем этаже насчитывалось с десятков комнат. Окна задних помещений выходили в огромный квадратный двор, ограниченный зданиями квартала. В них теперь размещались животные, принадлежавшие воинам, что жили по соседству.

Двор полностью зарос желтыми, похожими на мох растениями, покрывавшими практически всю поверхность Марса, тем не менее многочисленные фонтаны, статуи, скамейки и похожие на перголы сооружения свидетельствовали о том, что это место было прекрасно в давно минувшие времена – когда здесь обитали светловолосые веселые люди, которых суровые и непреложные космические законы лишили не только домов, но и жизни, позволив им остаться лишь в туманных легендах потомков.

Можно было без труда представить себе роскошную марсианскую растительность, оживлявшую эту картину игрой листвы и красок, и грациозные фигуры прекрасных женщин, и стройных красивых мужчин, и радостно игравших детей... сплошной солнечный свет, счастье и мир. И тяжело было осознавать, что все они исчезли, сгинули в веках тьмы и невежества, пока наконец наследственное стремление к культуре и гуманизму не подняло их потомков, смешанную расу, до того высокого положения, которое они теперь занимали на Марсе.

Вскоре мои мысли были прерваны появлением нескольких молодых женщин, принесших оружие, шелка, шкуры, драгоценности, кухонную утварь, бочонки с едой и напитками, причем немалое количество предметов было с воздушного судна. Похоже, все это еще недавно

принадлежало тем двум вождям, которых я прикончил, и теперь, по обычаям Тарка, перешло ко мне. По моему распоряжению женщины оставили вещи в одной из задних комнат и ушли, но вскоре вернулись с новым грузом. И на сей раз их сопровождали десять или пятнадцать девушек и детей, которые, похоже, составляли свиту обоих вождей.

Но это были не родственники, и не жены, и не слуги; взаимоотношения казались своеобразными, и поскольку на Земле не существует ничего подобного, это очень трудно объяснить и описать. Все материальное богатство принадлежало общине зеленых марсиан, кроме личного оружия, украшений и постельных принадлежностей. Только на это можно было предъявлять неоспоримые права, но запрещалось иметь вещей больше, чем того требовали личные нужды. Все излишки просто находились на хранении у той или иной персоны, и при необходимости их передавали более молодым членам общины.

Женщины и дети из свиты мужчины могли быть соединены в воинское подразделение. Он нес за них ответственность и должен был их наставлять, воспитывать, кормить – словом, удовлетворять все их потребности во время продолжительных скитаний и непрерывной войны с другими общинами и с краснокожими марсианами. Его женщины ни в каком смысле не были его женами. В языке зеленого народа вообще нет такого слова, аналогичного земному. Спаривание происходит только в интересах общины, и никак иначе, и подчинено естественному отбору. Совет вождей в каждой общине контролирует этот вопрос так же строго, как какой-нибудь владелец беговых конюшен в Кентукки отбирает производителей исключительно по науке, чтобы улучшить качества потомства в целом.

В теории это звучит неплохо, как это частенько случается с теориями, но в результате долгих веков столь противоестественной практики размножение в интересах общины привело к появлению холодных, жестоких существ, которые жили уныло, без любви и радости.

И при этом, честно говоря, зеленые марсиане в целом абсолютно целомудренны, за исключением отдельных выродков вроде Тала Хаджуса; но куда лучше было бы достичь тонкого баланса человеческих черт характера, пусть даже ценой случайной потери добродетели.

Узнав, что мне, независимо от моей воли, придется принять на себя ответственность за явившихся в мой дом гостей, я выбрал лучшее из возможного. Перво-наперво я предложил им поискать себе жилье наверху, оставив для себя весь третий этаж. Затем одной девушке я приказал готовить мне простую пищу, а остальным велел вернуться к прежним занятиям. И после этого я их почти не видел, да меня это и не заботило.

XIII

Любовь на Марсе

После сражения с воздушными кораблями община еще несколько дней оставалась в городе. Возвращение домой отложили до тех пор, пока не минует опасность возвращения недруга; ведь если бы огромный обоз повозок с детьми оказался застигнутым врасплох на открытой равнине, то даже такие любители войны, как зеленые марсиане, вряд ли обрадовались бы.

В этот период бездействия Тарс Таркас ознакомил меня со многими таркианскими обычаями и приемами ведения боя, включая уроки верховой езды и управления огромными тварями, что носили на себе воинов. Эти существа, которых называли фоатами, так же опасны и злобны, как и их хозяева, но после дрессировки становятся вполне послушными и отлично служат владельцам.

Два таких животных свалились на меня после смерти воинов, чьи знаки я теперь носил, и вскоре я уже управлялся с ними не хуже местных. объездить «коня» было совсем несложно. Если фоат не откликался с должной быстротой на телепатический приказ всадника, то его со страшной силой били между ушами рукояткой пистолета, и подобное повторялось до тех пор, пока монстр не подчинялся или не сбрасывал всадника.

В последнем случае это означало схватку не на жизнь, а на смерть между человеком и зверем. Если наездник ловко обращался с пистолетом, он мог остаться в живых и снова ездить верхом, хотя и на другой твари; если же нет, то части его растерзанного тела собирали женщины из свиты и сжигали в соответствии с обычаями Тарка.

Мой опыт общения с Вулой подтолкнул меня к эксперименту, и я решил воздействовать на моих фоатов добротой. Сначала я показал им, что сбросить меня не удастся, и даже довольно резко постучал по их головам, между ушами, чтобы утвердить свою власть. А потом постепенно завоевал их доверие точно таким же способом, какой использовал бесчисленное количество раз дома с лошадьми. Я по своей натуре умел хорошо обращаться с нашими меньшими братьями, кроме того, ласка приносила куда более продолжительные и устойчивые результаты, чем жестокость. Мое отношение к животным всегда было мягким и человеческим. И при необходимости я с куда меньшими сожалениями отнял бы жизнь у человека, чем у бессловесного и беззащитного зверя.

Через несколько дней мои фоаты уже изумляли всю общину. Они таскались за мной как собачонки, терлись об меня здоровенными мордами, неловко выражая привязанность, и откликались на любую

мою команду с таким рвением и пониманием, что зеленые воины начали думать, будто я обладаю особой земной силой, неведомой на Марсе.

– Как ты умудрился их заколдовать? – однажды спросил меня Тарс Таркас, увидев, как я спокойно сунул руку в пасть одного из фоатов, потому что у того между зубами застрял камень, когда он жевал похожие на мох растения во дворе моего дома.

– Добротой, – ответил я. – Видишь ли, Тарс Таркас, всякие сантименты и нежности обладают ценностью даже для воина. И в пылу битвы, равно как и на марше, я буду знать, что мои фоаты повинуются любой моей команде, а значит, смогу лучше сражаться. Я хороший воин потому, что я добрый хозяин. Твоим подчиненным тоже нужно это понять и взять на заметку мои методы. Всего несколько дней назад ты сам мне говорил: эти огромные звери из-за неустойчивости характера частенько становятся причиной того, что победа превращается в поражение, поскольку в критический момент они могут встать на дыбы и сбросить всадника.

– Покажи-ка мне, как ты добился подобных результатов, – только и сказал Тарс Таркас.

Я объяснил, по возможности подробно, свои методы тренировки, а потом он заставил меня повторить все это перед Лорквасом Птомелом и собравшимися воинами. Тот момент стал началом новой жизни для бедных фоатов, и перед тем, как покинуть общину Лоркваса Птомела, я с удовлетворением наблюдал за появлением целого отряда послушных и усердных верховых животных. Теперь они выполняли маневры с такой точностью и быстротой, что Лорквас Птомел преподнес мне громадный золотой браслет с собственной левой ноги в знак одобрения моих заслуг перед ордой.

На седьмой день после сражения с воздушными судами Лорквас Птомел решил, что возможность новой атаки маловероятна, и мы двинулись в путь к Тарку.

В дни, предшествовавшие нашему отъезду, я почти не видел Дею Торис, потому что был очень занят, осваивая с Тарсом Таркасом искусство марсианской войны, а также объезжая своих фоатов. Я несколько раз заходил к девушке, но ее не было – то она гуляла по улицам вместе с Солой, то исследовала здания вокруг площади. Я предупредил женщин, что не следует забредать слишком далеко от дома, – есть опасность столкнуться с огромными белыми обезьянами, чья свирепость успела произвести на меня впечатление. Однако девушек всегда сопровождал Вула, а Сола брала с собой оружие, поэтому у меня не было особых причин для страха.

Вечером накануне отбытия я встретил их на широкой улице, что вела

на площадь с востока. Я сказал Соле, что возьму ответственность за безопасность Деи Торис на себя, и под каким-то пустяковым предлогом отправил свою помощницу домой. Сола мне нравилась, я ей доверял, но по ряду причин желал остаться наедине с Деей Торис, в которой нашел искреннего друга. В ней воплощалось все то, что я оставил на Земле. И похоже, наш интерес был взаимным и таким же сильным, как если бы мы родились под одной крышей, а не на разных планетах, несущихся в пространстве на расстоянии в сорок восемь миллионов миль друг от друга.

В том, что Дея Торис разделяла мои чувства, я был уверен, ведь при моем приближении выражение жалкой безнадежности тут же исчезло с ее милого лица, сменившись радостной приветливой улыбкой, и она коснулась моего левого плеча маленькой бронзовой рукой, приветствуя меня по обычаю краснокожих марсиан.

– Саркойя сказала Соле, что ты стал настоящим таркианином, – сказала она, – и что я теперь не должна видаться с тобой чаще, чем с любым другим воином.

– Саркойя – первостепенная лгунья, – ответил я, – несмотря на гордое утверждение о правдивости таркиан.

Дея Торис засмеялась.

– Я знала, что ты останешься моим другом, даже когда примкнешь к общине. Воин может сменить свои знаки различия, но не свое сердце, говорят на Барсуме. Думаю, нас просто стараются разлучить, – продолжила она. – В то время, когда ты не занят своими обязанностями, кто-нибудь из старших женщин свиты Тарса Таркаса всегда устраивает так, чтобы мы с Солой очутились где-нибудь подальше. Они заставляют меня спускаться в подвалы под зданиями, чтобы я помогала там смешивать ужасный реактивный порох из радия^[1] и делать жуткие снаряды. Ты знаешь, что их необходимо изготавливать при искусственном свете, потому что на солнце они взрываются? Ты замечал, что происходит с пулями, когда они попадают в цель? Они заключены в непрозрачную оболочку, которая разбивается при ударе, открывая стеклянный цилиндр, – он почти сплошной, а в его переднем конце скрыта крошечная частица радийной пудры. И в тот момент, когда на нее падает солнечный свет, пусть даже слабый, она взрывается с такой силой, что ничто не может ей противостоять. Если же ты увидишь ночную битву, то отметишь отсутствие взрывов, а вот утром, когда взойдет солнце, снаряды начнут рваться на месте боя. Но, как правило, по ночам зеленая орда стреляет другими снарядами, не самовзрывающимися.

Хотя меня весьма заинтересовало объяснение Деи Торис об этом чудесном марсианском веществе, применяемом в военных целях, меня

куда сильнее тревожила более насущная проблема – то, как зеленые марсиане обращались с Деей Торис. Я не слишком удивлялся тому, что они старались держать девушку подальше от меня, но ее заставляли заниматься опасным и тяжелым трудом, и это приводило меня в ярость.

– Они обращаются с тобой грубо, унижают тебя, Дея Торис? – спросил я, чувствуя, как в ожидании ее ответа горячая кровь моих воинственных предков закипает у меня в венах.

– Лишь отчасти, Джон Картер, – произнесла девушка. – Зеленые люди ничего не делают мне во вред, страдает разве что моя гордость. Они знают, что я – дочь десяти тысяч джеддаков, что могу проследить своих предков до того времени, когда был построен первый большой водный путь, и они, которые даже своих матерей не знают, завидуют мне. В глубине сердца они ненавидят свою отвратительную судьбу, а потому выплескивают свою жалкую злобу на меня, ведь я представляю собой все то, чего у них нет, но чего они жаждут, хотя и никогда не получают. Давай просто пожалеем их, мой вождь, – хотя нас ждет гибель от их рук, эта жалость уместна, поскольку мы выше их и они это знают.

Если бы мне тогда было известно значение слов «мой вождь», обращенных красной марсианкой к мужчине, я был бы изумлен, как никогда в жизни, но в тот момент я этого не понимал, как и многие месяцы потом. Да, мне нужно было еще многому научиться на Барсуме.

– Полагаю, смирение перед лицом судьбы – удел мудрых, Дея Торис, тем не менее надеюсь, что вскоре любой марсианин, будь он зеленый, красный, розовый или фиолетовый, не посмеет даже косо взглянуть на тебя, моя принцесса.

При моих последних словах у Деи Торис перехватило дыхание, она уставилась на меня расширившимися глазами, а потом быстро вздохнула и со странным коротким смешком, от которого в уголках ее губ появились лукавые ямочки, покачала головой и воскликнула:

– Ты просто дитя! Великий воин и вместе с тем ребенок, едва научившийся ходить.

– И что я такого сделал? – в полном замешательстве спросил я.

– Когда-нибудь узнаешь, Джон Картер, если мы останемся в живых, но сейчас ничего не скажу. Однако я, дочь Морса Каяка, сына Тардоса Морса, выслушала тебя без гнева, – как будто разговаривая сама с собой, закончила она.

И тут же к девушке вернулось веселое, радостное настроение; она подшучивала над моей удалью таркианского вояки, столь противоречившей моему мягкому сердцу и природной доброте.

– Мне кажется, что, если тебе придется случайно ранить какого-нибудь врага, ты возьмешь его к себе домой и будешь за ним ухаживать, пока он не поправится, – со смехом сказала она.

– Но именно так и поступают на Земле, – ответил я. – По крайней мере, цивилизованные люди.

Это снова рассмешило ее. Она не могла этого понять, потому что, при всей ее нежности и женской мягкости, все же оставалась марсианкой, а для марсианина хороший враг – это мертвый враг; ведь каждый убитый противник означал, что живым достанется больше ресурсов.

Но мне было очень любопытно, что же так смутило Дею Торис пару минут назад, и потому я продолжал докучать ей, желая объяснений.

– Нет! – воскликнула Дея Торис. – Достаточно того, что ты говорил, а я тебя слушала. А когда все узнаешь, Джон Картер, я, скорее всего, буду уже мертва, и, похоже, это случится еще до того, как луна obeжит Барсум двенадцать раз, – тогда вспомни, что я тебя выслушала и... улыбнулась.

Для меня это прозвучало все равно что по-гречески, но чем усерднее я молил ее объяснить, тем более решительно она отвергала мои просьбы. И я, окончательно сдавшись, отступил.

День уже переходил в ночь, когда мы брели по широкой дороге, освещенной двумя лунами Барсума, и лишь Земля глядела на нас ярким зеленым глазом. Мы будто остались одни во всей Вселенной – и если бы это случилось, я был бы очень доволен.

Нас охватил холод марсианской ночи, и я, сбросив с себя шелковое покрывало, накинул его на плечи Деи Торис. Когда моя рука на мгновение коснулась ее, я почувствовал, как все фибры моего существа затрепетали, такой дрожи не могло бы вызвать прикосновение к другому смертному. Мне показалось, что девушка слегка склонилась в мою сторону, но я не мог быть уверен в этом. Знаю лишь то, что моя ладонь задержалась на ее плече дольше необходимого, но Дея Торис не отпрянула и ничего не сказала. Мы шли в молчании по поверхности умирающего мира, а в груди по меньшей мере одного из нас мерцало чувство, которое было старше вечности и в то же время всегда оставалось юным.

Я любил Дею Торис. Прикосновение моей ладони к ее обнаженному плечу подтвердило это, и я понял, что люблю ее с того момента, как наши взгляды впервые встретились на площади мертвого города Корад.

XIV

Смертельная дуэль

Первым моим побуждением было сказать ей о своей любви, но потом я подумал о том, что Дея Торис находится в безнадежном и зависимом положении и только я один могу немного облегчить ей тяготы плена, защитить, по мере своих жалких сил, от тысяч закоренелых врагов, ждущих ее по прибытии в Тарк. Я не мог прибавлять ей страданий или

грусти, заявляя о любви, на которую, по всей вероятности, она не могла ответить. Позволь я себе такую несдержанность, жизнь Деи Торис могла бы стать невыносимой. Вдруг ей померещится, будто я решил воспользоваться ее беспомощностью и подавить ее волю? Эта мысль явилась последним аргументом, наложившим печать на мои губы.

– Почему ты так молчалива, Дея Торис? – спросил я. – Наверное, тебе лучше вернуться домой к Соле.

– Нет, – негромко ответила она. – Я счастлива здесь. Не знаю почему, но я всегда ощущаю себя счастливой и довольной, когда ты рядом со мной, Джон Картер. Ты чужак, пришелец, однако в твоём присутствии мне кажется, что я в безопасности и вскоре вернусь ко двору моего отца, его сильные руки обнимут меня и я почувствую на щеках слезы и поцелуи моей матери.

– А на Барсуме люди целуются? – спросил я, когда она объяснила мне значение произнесенного ею слова, потому что мне не приходилось слышать его раньше.

– Да, родители, братья и сестры. – А потом она добавила тихим задумчивым голосом: – И возлюбленные.

– И у тебя, Дея Торис, есть и родители, и братья, и сестры?

– Да.

– А... а возлюбленный?

...приказав Вуле сопровождать девушку...

Дея Торис замолчала, а я не решился повторить вопрос.

– Мужчина на Барсуме, – заговорила она наконец, – не задает женщинам личных вопросов, разве что своей матери и той женщине, за которую он сражался и которую завоевал.

– Но я сражался... – начал было я и тут же прикусил язык, отчаянно сожалея о сказанном. Дея Торис вдруг повернулась так резко, что я едва успел остановиться, чтобы не налететь на нее, и, сбросив шелковый покров с плеч, протянула его мне, а потом, не говоря ни слова, высоко вскинув голову, с видом истинной королевы быстро пересекла площадь, направляясь к дверям своего дома.

Я не сделал попытки последовать за ней, мне было важно, чтобы она

спокойно добралась до безопасного места, и, приказав Вуле

сопровождать девушку, я печально побрел домой. Несколько часов я просидел, скрестив ноги, уныло размышляя над причудами судьбы, что подшучивает над несчастными смертными.

Значит, меня настигла любовь! В течение долгих лет, скитаясь по пяти континентам и окружавшим их морям, я ускользал от нее, несмотря на встречи с прекрасными женщинами и множество благоприятных случаев, несмотря на тоску по любви и постоянное стремление найти свой идеал. И вот меня угораздило влюбиться отчаянно и безнадежно в существо из другого мира, внешне похожее на человека, но не принадлежащее к человеческому роду. Моя избранница вылупилась из яйца, и ее жизнь может продолжаться тысячу лет; у ее народа совершенно другие обычаи и идеи; ее надежды, радости, понятия о чести, добре и зле так же отличаются от моих, как мои – от взглядов зеленых марсиан.

Да, я был дураком, но я ее любил, и, хотя страдал отчаянно, как никогда, я не нашел бы любви, если бы не очутился на Барсуме. Такова уж любовь, и таков удел любящих.

Для меня Дея Торис была совершенством; она олицетворяла добродетель, и красоту, и благородство, и чистоту. Я всем сердцем, всей душой верил в это, когда в ту ночь в Кораде сидел по-турецки на шелковом покрывале, а ближайшая из лун Барсума мчалась к горизонту на западе, освещая золото, мрамор и драгоценные мозаики моей древней как мир спальни; я верю в это и сегодня, когда сижу за своим письменным столом в маленьком кабинете, чьи окна выходят на Гудзон. Двадцать лет миновало; из них десять я сражался ради Деи Торис и ее народа, а следующие десять жил воспоминаниями.

Утро нашего отъезда в Тарк было ясным и жарким, как все утра на Марсе, кроме тех шести недель, когда на полюсах тает снег.

Я нашел Дею Торис среди отъезжавших повозок, но она отвернулась от меня, и кровь прилила к ее щекам. С глупой непоследовательностью влюбленного я молчал, а мог бы молить о том, чтобы она учла мое невежество, которое стало причиной моего проступка, и это, по крайней мере, могло бы уменьшить его тяжесть... В худшем случае я добился бы примирения, пусть даже неполного.

Мне вменялось в обязанность следить за тем, чтобы Дее Торис было удобно, и потому я заглянул в ее колесницу и поправил шелка и шкуры. Занимаясь этим, я вдруг с ужасом обнаружил, что лодыжку девушки охватывает тяжелая цепь, прикрепленная к экипажу сбоку.

– Что это значит? – воскликнул я, поворачиваясь к Соле.

– Саркойя думает, так будет лучше, – ответила та, но ее лицо выразило неодобрение подобной процедурой.

Осмотрев кандалы, я увидел, что они заперты на массивный пружинный замок.

– А где ключ, Сола? Дай его мне!

– Он у Саркойи, Джон Картер, – сказала она.

Я без лишних слов развернулся и отправился искать Тарса Таркаса. Встретив его, я тут же страстно заявил, что незачем подвергать девушку столь жестокому унижению (именно так все выглядело в моих любящих глазах).

– Джон Картер, – ответил Тарс Таркас, – у вас с Деей Торис есть возможность сбежать только во время этого путешествия. Ясно, что ты не уйдешь без нее. А ты показал себя могучим бойцом, и нам совсем не хочется связываться с тобой, поэтому мы решили удержать вас обоих самым простым способом. Я все сказал.

Я сразу же оценил всю силу его решимости и понял, что тщетно было бы пытаться разубедить его, но все же попросил, чтобы ключ забрали у Саркойи и в будущем избавили пленницу от ее преследования.

– Уж это, Тарс Таркас, ты можешь сделать в ответ на мои дружеские чувства, которые, должен признать, я питаю к тебе.

– Дружеские чувства? – откликнулся он. – Ничего подобного не существует, Джон Картер, но будь по-твоему. Я распоряжусь, чтобы Саркойя оставила девушку в покое, а ключ заберу себе.

– Если только не пожелаешь, чтобы эта ответственность легла на меня, – сказал я с улыбкой.

Он долго и серьезно смотрел на меня, прежде чем заговорить:

– Дай слово, что ни ты, ни Дея Торис не попытаетесь сбежать до прибытия ко двору Тала Хаджуса, и тогда можешь взять ключ и выбросить цепи в реку Исс.

– Лучше, если ключ будет у тебя, Тарс Таркас, – ответил я.

Он улыбнулся и больше ничего не добавил, но вечером, когда мы разбивали лагерь на ночь, я увидел, как Таркас сам снимает цепь с Деи Торис.

При всей жестокости и холодности Тарсу Таркасу было присуще тщательно скрываемое чувство, он, похоже, старался подавить в себе его всплески. Не было ли это неким рудиментом человечности, доставшимся ему от предков и заставлявшим его ужасаться вырождению собственного народа?

Направляясь к колеснице Деи Торис, я прошел мимо Саркойи, и мрачный злобный взгляд, которым она меня одарила, стал для меня сладчайшим бальзамом, наградой за многие часы ожидания. Боже, как же она меня ненавидела! От нее столь ощутимо исходила ненависть, что ее можно было рубить мечом!

Несколько мгновений спустя я увидел, как Саркойя заговорила с

воином, которого звали Сэд. Этому здоровенному, неповоротливому, сильному детине ни разу не доводилось убить старшего по званию, и потому он оставался о-мадом, то есть человеком с одним именем; он мог получить второе имя только вместе со знаками различия кого-нибудь из вождей. Именно благодаря этому обычаю мне достались имена тех, кого я убил, и некоторые марсиане называли меня Дотаром Соджатом – по совокупности имен двоих воинов, чьи знаки я носил, или, другими словами, тех, кто пал от моей руки в честном бою.

Пока Саркойя говорила, Сэд посматривал в мою сторону, и похоже, она весьма настойчиво подбивала его на какой-то поступок. Я почти не обратил на них внимания, но на следующий день у меня появилась серьезная причина вспомнить эти обстоятельства, а заодно оценить всю глубину ненависти Саркойи и ту энергию, с которой она готова была мстить.

Дея Торис будто не замечала меня в этот вечер, и, хотя я несколько раз окликал ее по имени, она ни разу не ответила и даже не взглянула на меня. А я поступил, как большинство влюбленных, – попытался действовать через близкого к ней человека. В данном случае это была Сола, которую я поймал в другой части лагеря.

– Что происходит с Деей Торис? – брякнул я без предисловий. – Почему она со мной не разговаривает?

Сола как будто была озадачена, словно столь странное поведение двоих людей сбilo ее с толку, но, вообще-то, так оно и было на самом деле; бедная девочка ничего не понимала.

– Она говорит, ты ее рассердил, и вряд ли скажет что-то еще, кроме того, что дочь джеда и внучку джедака унизило существо, которому не позволили бы даже полировать зубы сорока ее бабушки.

Я немножко подумал над ее словами, а потом спросил:

– А что такое сорок, Сола?

– Маленькое животное, примерно с мою ладонь. Краснокожие марсианки их держат, чтобы играть с ними, – пояснила Сола.

Я не годился даже для того, чтобы чистить зубы кошке ее бабушки! Должно быть, я стоял очень низко в глазах Деи Торис, подумалось мне, но при этом я не мог сдержать смеха, слыша такую фигуру речи, очень обыденную и оттого очень земную. Она заставила меня затосковать по дому, ведь это прозвучало очень похоже на «недостойн чистить ее туфли». И породила во мне новую цепь размышлений. Я принялся гадать, что делают мои домашние. Я же не видел их много лет. А в Виргинии проживало целое семейство Картер, которое утверждало, что состоит со мной в близком родстве; я приходился кому-то из них двоюродным дедом или вроде того. Но мне в моем возрасте казалось чрезвычайно глупым называться дедом, пусть даже двоюродным,

потому что я себя чувствовал почти мальчишкой. Однако в семье Картер была парочка малышей, которых я любил, и они считали, что на всем свете нет никого лучше дяди Джека. Я как будто увидел их наяву, стоя там, под небом Барсума, и затосковал по ним так, как не тосковал никогда и ни по кому. Будучи по натуре бродягой, я не знал настоящего смысла слова «дом», но огромный холл Картеров всегда воплощал для меня это понятие, и теперь мое сердце устремилось к нему от холодных недружелюбных созданий, с которыми меня свела судьба. Ведь не только Дея Торис презирала меня! Я был низшим существом, по сути, ниже некуда, раз меня посчитали недостойным даже чистить зубы кошке ее бабушки; и тут мне на помощь пришло спасительное чувство юмора, я со смехом закутался в шелка и шкуры и заснул на освещенной лунами земле сном уставшего и здорового человека.

На следующий день мы снялись с места очень рано и почти до самой темноты шли без передышки. За время этого утомительного марша случились два происшествия. Около полудня мы заметили далеко справа нечто вроде инкубатора, и Лорквас Птомел отправил Тарса Таркаса проверить, так ли это. Тот взял с собой дюжину воинов, включая меня, и мы помчались по бархатному мху к небольшому сооружению.

Это действительно оказался инкубатор, но яйца в нем были очень маленькими по сравнению с теми, которые я видел в день прибытия на Марс.

Тарс Таркас спешил, внимательно осмотрел замкнутое пространство и наконец заявил, что инкубатор принадлежит зеленому племени из Вархуна и известка на стенах едва успела просохнуть.

— Они не дальше чем в дне пути от нас! — воскликнул он, и его жестокое лицо вспыхнуло жаждой битвы.

С инкубатором разобрались очень быстро. Воины пробили в стене дыру, после чего двое забрались внутрь и вскоре разбили все яйца своими короткими мечами. Потом мы снова вскочили на своих «коней» и вернулись к процессии. Во время рейда я спросил Тарса Таркаса, меньше ли ростом марсиане из Вархуна, чем их сородичи из Тарка.

— Их яйца намного мельче, чем те, что лежали в вашем инкубаторе, — добавил я.

Тарс Таркас пояснил, что яйца были только что оставлены здесь, но, подобно таркианским, они бы выросли в течение пятилетнего инкубационного периода и в итоге достигли бы тех же размеров. Это была воистину интересная информация, потому что мне всегда казалось непонятным, как марсианские женщины, пусть даже весьма крупные, могут откладывать огромные яйца, ведь я видел, как из них появлялись детеныши четырех футов ростом. Но оказалось, что едва снесенные

яйца на самом деле не намного крупнее гусиных и они не начинают расти, пока не попадут на солнечный свет, поэтому у вождей не возникает сложностей при перевозке нескольких сотен яиц одновременно из первоначального хранилища в инкубатор.

Вскоре после этого случая мы остановились, чтобы дать отдохнуть животным, и на стоянке произошел эпизод, достойный внимания. Я был занят тем, что освобождал от упряжи одного из феоатов, чтобы дальше ехать на втором, – мои «кони» работали по очереди. Вдруг ко мне подошел Сэд и, не говоря ни слова, изо всех сил ударил моего зверя длинным мечом.

Мне не нужно было заглядывать в справочник по марсианскому этикету, чтобы выяснить, как ответить на это. Я разъярился и чуть не пристрелил жестокого урода, но он стоял, выжидая, держа наготове длинный меч, и мне оставалось лишь выхватить свой и сойтись с врагом в честном поединке, причем полагалось пользоваться тем же оружием или чем-то поскромнее.

Таким образом, мне предоставлялся некоторый выбор: я имел право драться коротким мечом, кинжалом, топориком, а при желании даже кулаками, но запрещалось браться за огнестрельное оружие или копье, если у противника был в руках только длинный меч.

Я выбрал такой же вариант, зная, что Сэд весьма гордится своим искусством владения мечом, а мне, раз уж я ввязался в ссору, хотелось сразить верзилу его же оружием. Схватка между нами затянулась, и продолжение марша колонны отложили на целый час. Вся община собралась вокруг нас, оставив нам для боя площадку около ста футов в диаметре.

Сэд сначала ринулся на меня, как бык на волка, но я был намного проворнее и каждый раз уворачивался. Он проносился мимо, получая укол моего меча сзади – в руку или в спину. Вскоре марсианин был залит кровью, сочащейся из полудюжины мелких ран, но я не мог заставить его открыться, чтобы нанести решающий удар. Потом Сэд изменил тактику и стал сражаться осторожно, с крайней ловкостью, пытаясь техникой фехтования достичь того, чего не добился грубой силой. Должен признать, он был блестящим мастером, и, если бы не моя выносливость и поразительная подвижность, порожденная слабой силой притяжения на Марсе, я мог бы не выиграть этот бой.

Некоторое время мы кружили по площадке, не нанося друг другу особого вреда; длинные прямые, похожие на иглы мечи сверкали в лучах солнца, а их звон нарушал тишину, когда они сталкивались друг с другом. Наконец Сэд, понимая, что устал сильнее, чем я, явно решил положить конец схватке с честью для себя. В тот самый момент, когда он бросился вперед, меня ослепила внезапная вспышка яркого света, я

не смог вовремя отреагировать и сумел лишь вслепую отскочить в сторону в попытке избежать могучего удара меча, лезвие которого будто ощутил всеми внутренностями. Маневр не совсем удался, мое левое плечо пронзила острая боль, но при этом я, ища взглядом противника, увидел сцену, которая вознаградила меня за рану, полученную в результате временной слепоты. На колеснице Деи Торис стояли три фигуры, явно наблюдавшие за боем поверх голов таркиан, – сама Дея Торис, Сола и Саркойя, – и эта живая картина запечатлелась в моей памяти навеки.

Как раз в тот момент, когда я туда посмотрел, Дея Торис повернулась к Саркойе с яростью молодой тигрицы и что-то вышибла из поднятой руки женщины. Падающий предмет вспыхнул на солнце. И тут я понял, что ослепило меня в критический момент схватки и как именно Саркойя нашла способ убить меня, сама не нанося последнего удара. А следующий эпизод едва не стоил мне жизни, потому что на долю секунды полностью отвлек меня от противника: когда Дея Торис выбила крошечное зеркальце из руки Саркойи, та, смертельно побледнев от ярости и разочарования, выхватила кинжал и кинулась на девушку; а Сола, наша милая, преданная Сола, тут же очутилась между ними, и последним, что я увидел, был огромный нож, устремившийся к ее груди.

Я заметил, как развернулся мой враг после броска, и с неохотой вернулся к необходимости драться, однако мои мысли все же были далеко.

Мы снова и снова яростно атаковали друг друга, пока наконец я не почувствовал, как острие вражеского меча касается моей груди. Невозможно было ни уклониться от этого удара, ни парировать его, а потому я всем весом своего тела ринулся вперед, держа перед собой оружие, полный решимости хотя бы не умереть в одиночку, если уж не удастся ничего изменить. И вот сталь проникла в мою грудь, в глазах потемнело, голова закружилась, и я ощутил, как подгибаются колени.

XV

Сола рассказывает свою историю

Когда ко мне вернулось сознание – это, как выяснилось, случилось через мгновение, – я быстро вскочил на ноги в поисках своего меча и тут же нашел его. Он по самую рукоять был погружен в зеленую грудь Сэда, который лежал на коричневом мху, растущем на дне древнего моря. Я окончательно пришел в себя и ощупал вражеское оружие, пронзившее мою грудь слева, – оказалось, что лезвие лишь задело кожу и мышцы над ребрами, а потом скользнуло вверх и проткнуло насквозь мое плечо. Это произошло потому, что я все-таки вовремя уклонился в

сторону и немного вниз. Моя рана оказалась болезненной, но не опасной.

Выдержнув лезвие из своего тела, я вытащил и свой меч и, повернувшись спиной к уродливому труп, пошел, чувствуя тошноту, боль и отвращение, к повозке, в которой ехала моя свита с поклажей. Марсиане гулом и аплодисментами приветствовали меня, но мне не было до них дела.

Истекая кровью, слабея с каждым шагом, я добрался до своих женщин, и те, привыкшие к подобным происшествиям, сразу перевязали мои раны, наложив на них замечательные целебные мази, — они не помогли бы разве что при смертельных ударах. Дайте марсианской женщине шанс, и смерть стучится перед ней. В результате очень скоро я почувствовал себя сносно, разве что ощущал слабость от потери крови и легкую боль, и более не испытывал мучений от ранения, которое, без сомнения, при земных методах лечения уложило бы меня в постель на много дней.

Как только марсианки закончили свою работу, я поспешил к повозке Деи Торис, где и нашел бедняжку Солу с обмотанной бинтами грудью, но явно не слишком пострадавшую от столкновения с Саркойей; кинжал этой гарпии, судя по всему, налетел на одно из металлических нагрудных украшений Сола и, скользнув, лишь слегка порезал ее.

Подойдя ближе, я увидел, что Дея Торис лежит ничком на своих шелках и шкурах и все ее маленькое тело содрогается от рыданий. Она не заметила моего присутствия и не слышала, как я разговариваю с Солой, которая стояла поодаль.

— Ее ранили? — спросил я Солу, кивком указывая на Дею Торис.

— Нет, — ответила Сола, — она думает, что ты погиб.

— И теперь некому будет чистить зубы кошке ее бабушки? — весело спросил я.

— Думаю, ты ошибаешься на ее счет, Джон Картер, — сказала Сола. — Я не понимаю ни ее, ни тебя, но уверена, что внучка десяти тысяч джедаков никогда не стала бы вот так рыдать по тому, кто не завоевал ее высшей привязанности. Это гордый народ, но правдивый, как и все эти барсумиане, и ты должен был очень серьезно ее задеть, чтобы она перестала замечать тебя, хотя сейчас и оплакивает твою смерть. Слезы — редкое зрелище на Барсуме, — продолжила Сола, — и потому мне так трудно их объяснить. Я за всю свою жизнь только и видела двоих плачущих, кроме Деи Торис; одна из них рыдала от горя, другая — от ярости. Первой была моя мать, за много лет до того, как ее убили, второй — Саркойей, когда ее сегодня оттаскивали от меня.

— Твоя мать?! — воскликнул я. — Но, Сола, дитя, ты не могла знать свою матушку!

– Но я знала ее. И отца тоже, – добавила она. – Если тебе хочется услышать странную и совсем не барсумианскую историю, приходи сегодня вечером к нашей повозке, Джон Картер, и я тебе расскажу то, чего никому не рассказывала прежде. А теперь пора ехать дальше, уже подают сигнал.

– Я приду вечером, Сола, – пообещал я. – Только сообщи Дее Торис, что я жив и со мной все хорошо. Я не стану ей навязываться, а ты не говори, что я видел ее слезы. Если она захочет, то обратится ко мне сама, я же буду ждать ее решения.

Сола забралась в повозку, и та сразу тронулась, занимая свое место в общем строю, а я поспешил к ожидавшему меня фоату и поехал рядом с Тарсом Таркасом в конце процессии.

Она представляла собой весьма внушительное и даже вызывающее благоговейный страх зрелище. Через желтовато-коричневую равнину тянулись две с половиной сотни изукрашенных, ярко расписанных повозок, перед ними, по пять всадников в ряд, ехали около двухсот воинов и вождей, еще столько же марсиан в таком же строю следовали позади, а по сторонам от каравана скакали десятка два с лишним верховых. Под конвоем, кроме повозок, передвигались пятьдесят мастодонтов-тяжеловозов, это были животные, именуемые зитидарами, да еще пять-шесть сотен свободных фоатов, чтобы воины могли менять «коней». Сверкающий металл и драгоценности мужчин и женщин, нарядная упряжь зитидаров и фоатов, пестрые краски чудесных шелков и кожи придавали каравану варварское величие, которое заставило бы позеленеть от зависти даже восточных индусов.

Широкие колеса повозок и мягкие лапы животных не производили ни звука на мху, покрывающем морское дно; и мы продвигались вперед в полной тишине как некая гигантская фантазмагория, и молчание разве что изредка нарушал утробный рык тяжело нагруженных зитидаров или повизгивание поссорившихся фоатов. Зеленые марсиане почти не разговаривали между собой, а если и обменивались парой коротких слов, то приглушенно, и их голоса походили на далекий раскат грома.

Мы шли по бездорожью, пересекая обширное пространство мха, и мох прижимался к почве под широкими ободами колес или под лапами животных, но тут же выпрямлялся за нашими спинами, стирая след, говоривший о том, что здесь кто-то проходил. Мы с тем же успехом могли быть душами усопших, блуждающими по мертвому морю на умирающей планете. Я впервые наблюдал передвижение такой большой массы людей и животных, не поднимавшей клубов пыли и не оставлявшей следов. Дело в том, что на Марсе пыли нет вообще, лишь в распаханых областях, да и то в зимние месяцы, но даже и там отсутствие сильных ветров делает ее почти незаметной.

В эту ночь мы разбили лагерь у подножия холмов, к которым шли два дня и которые обозначали южную границу моря. Наши животные не пили в течение этого времени, но у них не было воды и прежде, а ведь они вышли из Тарка почти два месяца назад. Однако, как объяснил мне Тарс Таркас, воды им нужно совсем немного, марсианские звери могут практически обходиться одним мхом, покрывающим Барсум. В крошечных стебельках этого растения содержится достаточно влаги, чтобы удовлетворить жажду местных животных.

Разделив с женщинами ужин, состоявший из похожей на сыр еды и растительного молока, я отправился на поиски Сола и нашел ее хлопчущей над светильником. Она подняла голову при моем приближении, и ее лицо просияло радостной и приветливой улыбкой.

– Я рада, что ты пришел, – сказала она. – Дея Торис спит, и мне одиноко. Моим соплеменникам нет до меня дела, Джон Картер; я слишком не похожа на других. Моя судьба печальна, потому что я должна жить среди них, и мне иногда хочется быть настоящей зеленой женщиной, без любви и без надежды, но я познала любовь и потому растеряна. Я обещала тебе рассказать свою историю, но это, скорее, история моих родителей. Судя по тому, что я узнала о тебе и землянах, ты не сочтешь мой рассказ странным, уверена в этом, но вот среди зеленых марсиан в Тарке никто не смог бы вспомнить ничего подобного, да и в наших легендах нет похожих сюжетов.

Моя мать была довольно маленькой, то есть слишком маленькой, чтобы ей доверили долг материнства, в данном случае рост очень важен для наших вождей. И еще она была не такой холодной и жестокой, как большинство зеленых марсианок. Не слишком интересуясь их

обществом, она частенько бродила по пустынным местам Тарка в одиночестве, любила сидеть среди диких цветов на ближайших холмах и мечтать. То, о чем она думала, среди нынешних таркианок могу понять я одна – разве я не дочь своей матери?

И вот там, среди холмов, она встретила молодого воина, который охранял пасущихся зитидаров и фюатов и присматривал за тем, чтобы они не разбрелись. Поначалу они беседовали на общие темы, но постепенно, когда стали видеться чаще – и, как оба понимали, совсем не случайно, – заговорили о себе, о том, что им нравится, о своих желаниях и надеждах. Она доверилась ему и рассказала об ужасном отвращении, которое испытывала к жестокости своих сородичей, к той отталкивающей, лишенной любви жизни, какую они должны были вести, а потом ожидала, что с его холодных твердых губ сорвется целая буря порицаний, но вместо того он обнял ее и поцеловал.

Они скрывали свою любовь шесть долгих лет. Она, моя мать, состояла в свите великого Тала Хаджуса, а ее возлюбленный был простым воином, носившим лишь собственные знаки различия. Если бы их преступление против обычаев Тарка открылось, обоим пришлось бы заплатить за это, их бы наказали на большой арене на глазах у Тала Хаджуса и огромной толпы.

Яйцо, из которого я вылупилась, было спрятано под большим стеклянным сосудом в самой высокой и недоступной из полуразрушенных башен древнего Тарка. Раз в год моя мать навещала его в течение пяти долгих лет, наблюдая за процессом инкубации. Она не осмеливалась приходить чаще, потому что, чувствуя себя слишком виноватой, боялась слежки. За это время мой отец завоевал высокое воинское звание и уже носил знаки нескольких вождей. Его любовь к моей матери не угасала, он стремился достичь такого положения, при котором смог бы снять регалии с самого Тала Хаджуса и занять место правителя Тарка. Неограниченная власть позволила бы ему заявить о своих правах на мою мать и защитить свое дитя. Ведь меня убили бы, откройся вся правда.

Это была безумная мечта – добыть знаки Тала Хаджуса за пять коротких лет, но отец быстро продвигался вверх и вскоре вошел в высокий совет Тарка. Увы, его надежды спасти своих любимых разбились в прах: он получил приказ отправиться в долгую экспедицию на ледяной юг, чтобы воевать с тамошними племенами и отобрать у них шкуры. Это в обычае зеленых барсумиан; они не станут трудиться ради того, что можно отнять у других.

Он отсутствовал четыре года, а когда вернулся, все было кончено. Примерно через год после его отъезда и незадолго до того, как должна была вернуться экспедиция, проверявшая общинный инкубатор, яйцо

проклюнулось. Но и после этого моя мать продолжала прятать меня в старой башне, навещая лишь по ночам и одаряя всей той любовью, которую традиции общины отбирали у всех. Мать надеялась, что по возвращении проверяющих из инкубатора сумеет подселить меня к детям, предназначенным для двора Тала Хаджуса, и таким образом избежать судьбы, которая ждала бы ее после раскрытия ужасного преступления против древних законов зеленого племени.

Она поспешно учила меня языку и обычаям нашего народа и однажды рассказала мне эту историю, подчеркивая необходимость абсолютной секретности и величайшей осторожности. Мне было велено молчать, когда я займу место среди молодых таркиан, чтобы никто не предположил, что мне известно больше, нежели им. И уж конечно, я не должна была выдать привязанности к матери и упоминать о родителях. Потом, притянув меня поближе к себе, она прошептала мне на ухо имя моего отца.

И вдруг в темноте башни вспыхнул свет и появилась Саркойя; ее сверкающие злобные глаза остановились на моей застывшей от ужаса матери. Целый поток оскорблений выплеснулся на нее, и сердце моей матушки едва не остановилось. То, что Саркойя слышала всю историю, было очевидно. Выяснилось, что она давно уже заподозрила неладное, ведь моя мать по ночам подолгу уходила из своей спальни; и в эту роковую ночь Саркойя выследила ее.

Она не слыхала и не знала только одного – произнесенного шепотом имени моего отца. И потому непрерывно повторяла требование открыть имя соучастника преступления, но поношения и угрозы не могли заставить мою мать сообщить его, и ради моего спасения от бессмысленных пыток она солгала Саркойе, что это имя известно лишь ей одной и она никогда не говорила своему ребенку об отце.

Выкрикнув очередное проклятие, Саркойя поспешила к Талу Хаджусу, чтобы доложить о своем открытии. Когда она ушла, мать завернула меня в шелка и меха своей ночной одежды, совершенно скрыв от чужих глаз, спустилась вниз и помчалась со всех ног прочь, к окраине города, на юг, где находился человек, на чью помощь она не могла рассчитывать, но на чье лицо хотела взглянуть перед смертью.

Когда мы добрались до южной окраины, с моховой равнины до нас донеслись какие-то звуки – они долетали со стороны единственного перевала, ведущего к воротам. Через него могли войти в город караваны хоть с севера или юга, хоть с запада или востока. Мы различили повизгивание фоатов и ворчание зитидаров, да еще звяканье оружия, возвещавшее о приближении отряда воинов. У матери мелькнула мысль, что это возвращается мой отец, но осторожность истинной таркианки удержала ее, не дав побежать навстречу.

Спрятавшись у какой-то двери, мать ждала приближения каравана, и тот вскоре появился на улице, нарушив строй и заполонив все пространство от стены до стены. Когда процессия проходила мимо нас, в небо поднялась меньшая луна и залила своим ярким чудесным светом крыши и всю картину. Моя мать забилась глубже в спасительную тень и из своего укрытия увидела, что это не отряд моего отца, а караван, возвращавшийся с юными таркианами. План мгновенно созрел в ее уме, и, когда большая повозка проезжала мимо нас, матушка осторожно, пригнувшись, проскользнула к заднему откидному борту, прижимая меня к груди в неистовой любви.

Она знала то, о чем не догадывалась я, — что после той ночи ей никогда уже не прижать меня к сердцу и, скорее всего, мы вообще больше не увидим друг друга. В суматохе, царившей на площади, она сунула меня в толпу других детей, ведь охранявшие их в пути воины освободились от своей ответственности. Нас всех вместе загнали в огромную комнату, там женщины, которые не участвовали в походе, накормили нас, а на следующий день роздали свитам вождей.

После той ночи я больше не видела свою мать. Ее схватили воины Тала Хаджуса и подвергли самым ужасным и позорным издевательствам, лишь бы вырвать из ее уст имя моего отца, но она оставалась стойкой и верной своей любви до конца и во время одной из чудовищных пыток умерла под смех Тала Хаджуса и его вождей.

Как я позднее узнала, она сказала им, будто убила меня, чтобы спасти от такой же судьбы, как ее собственная, и бросила мое тело белым обезьянам. Одна только Саркойя не поверила ей. Вплоть до сегодняшнего дня я чувствовала, что она подозревает истину моего происхождения, но не осмеливается об этом заговорить. К тому же она не переставала гадать, кем был мой отец, я в этом убеждена.

Когда он вернулся из похода, Тал Хаджус рассказал ему об участии моей матери. Я присутствовала при этом. Ни единый мускул не дрогнул на его лице; он ничем не выдал своих чувств, только не засмеялся, когда Тал Хаджус описывал ее смертные муки. После этого отец сделался самым жестоким из всех марсиан. Я жду того дня, когда он добьется своей цели и наступит ногой на труп Тала Хаджуса. Уверена, отец просто ждет возможности осуществить свою месть, а великая любовь так же жива в его сердце, как почти сорок лет назад. Это такая же правда, как и то, что мы сидим здесь, на берегу старого как мир океана, пока все разумные люди спят, Джон Картер.

— А твой отец, Сола, сейчас здесь? — спросил я.

— Да, — ответила она, — но он не подозревает, что я его дочь, и не знает, кто выдал мою мать Талу Хаджусу. Только мне одной известно имя моего отца, и лишь я, Тал Хаджус и Саркойя знаем, кто навлек

страшные муки на ту, которую он любил.

Мы некоторое время сидели молча, и Сола погрузилась в мрачные мысли о своем ужасном прошлом, а я был полон жалости к несчастным существам, чьи бесчеловечные, жестокие законы привели их к жизни, полной злобы и ненависти. Наконец Сола снова заговорила:

– Джон Картер, если когда-то по холодному, мертвому дну Барсума и ходил настоящий человек, так это ты. Я могу доверять тебе, и, поскольку это знание может когда-нибудь помочь тебе, или моему отцу, или Дее Торис, или мне самой, я хочу назвать тебе имя отца, не налагая на тебя никаких обязательств. Когда придет время, скажи правду, если решишь, что так будет лучше. Мое доверие обоснованно: на тебе не лежит проклятие говорить правду и только правду, ты можешь солгать, как и любой другой джентльмен из Виргинии, если ложь спасет кого-то от тоски или страданий. Моего отца зовут Тарс Таркас.

XVI

Мы замышляем побег

Остаток пути до Тарка прошел без особых событий. Мы еще двадцать дней провели в дороге, пересекли два морских дна и миновали множество разрушенных городов, в основном не таких крупных, как Корад. Дважды мы переходили прославленные марсианские водные пути, или каналы, как их называют земные астрономы. Когда наш караван приближался к этим полосам возделанной почвы, вперед посылали воинов с мощными полевыми биноклями, и, если в окрестностях не рыскали большие отряды краснокожих марсиан, мы осторожно подходили к водным путям, стараясь, чтобы нас не заметили, разбивали стоянку до темноты и затем уже перебирались на другую сторону. Широкие полосы распаханной земли пересекали эту местность через равные интервалы. Один переход длился пять часов без остановки, а на другой ушла целая ночь, так что мы едва успели выбраться за высокую стену, ограждавшую поля, как над нашими головами встало солнце.

Поскольку эти полосы мы преодолевали во тьме, я не мог увидеть слишком много, разве что ближайшая луна, в ее бешеном и неустанном беге по барсумианским небесам, время от времени освещала пятна ландшафта, открывая взгляду огороженные стенами поля и низкие, хаотично разбросанные строения, очень похожие на земные фермы. Здесь было много деревьев, высаженных весьма аккуратно, и некоторые из них достигали огромной высоты; в каких-то постройках держали животных, и они, почуяв чужих, выдавали свое присутствие отчаянным визгом и храпом.

Лишь однажды нам встретился человек, и было это на перекрестке

широкого белого тракта – такие пути рассекают каждый возделываемый район точно по центру, вдоль меридиана. Тот парень, должно быть, спал. Когда я приблизился к нему, он приподнялся на локте и, едва бросив взгляд на процессию, с криком вскочил на ноги, бешено помчался прочь и с ловкостью перепуганной кошки перепрыгнул через стену. Таркиане не обратили на него ни малейшего внимания; они ведь не были на тропе войны, и единственным признаком того, что парня все-таки заметили, стало ускорение шага. Караван поспешил к стене, идущей вдоль пустыни, – здесь был вход в царство Тала Хаджуса.

Мне так и не довелось поговорить хоть разок с Деей Торис, и она не подавала виду, что была бы рада видеть меня в своей повозке, а моя глупая гордость удерживала меня от попыток сближения. Я искренне верю, что в отношениях мужчины и женщины действует особая логика, прямо противоположная той, которой руководствуются джентльмены в своем кругу. Слабость и простоватость часто могут очаровать противоположный пол, тогда как боец, способный без страха встретить тысячу реальных опасностей, будет сидеть где-нибудь в углу, словно напуганное дитя.

Через тридцать дней после того, как я свалился на Барсум, мы вошли в древний город Тарк, у чьих прежних обитателей, давно забытых, зеленая орда украла даже имя. Тарк населяли около тридцати тысяч марсиан, и они делились на двадцать пять общин. В каждой был собственный джед и младшие вожди, но все они находились под властью джедака Тала Хаджуса. Пять общин занимали разные районы города, и еще некоторое количество народа рассеялось по другим опустевшим поселениям древнего Марса в той области, которой управлял Тал Хаджус.

Мы вышли на огромную центральную площадь в начале дня. Никто не потрудился радостно встретить прибывшую домой экспедицию. Те, кто случайно оказался поблизости, в официальном приветствии произносили имена воинов или женщин, с которыми были лично знакомы. Но когда стало известно, что отряд привел двоих пленников, интерес к вернувшимся сразу возрос, и мы с Деей Торис стали центром внимания любопытных.

Вскоре нам показали наши жилища, и все время до вечера мы устраивались на новом месте. Я поселился на широком проспекте, что шел к площади с юга, на той самой главной артерии, по которой отряд промаршировал к площади от городских ворот. Дом стоял у дальнего конца площади и был целиком предоставлен мне. Великолепная архитектура, которой славился Корад, восхищала меня и здесь, только она была еще более грандиозной и блистательной. Я и не думал, что такое возможно. К примеру, моя квартира вполне подходила для

величайшего из земных императоров. Однако странные местные жители совершенно не интересовались роскошью и удобством, им важны были лишь размеры здания и внутренних покоев. Чем просторнее жилище, тем оно престижнее, считали марсиане. Именно поэтому Тал Хаджус занимал самое большое в городе здание, которое некогда наверняка было общественным, но при этом совершенно не годилось для проживания; второй по величине дом принадлежал Лорквасу Птомелу, в следующем – поселился джед ниже рангом, и так далее, до конца списка из пяти военачальников. Воины жили в домах тех вождей, к чьей свите они принадлежали, а если предпочитали автономию, могли найти собственное жилье среди тысяч свободных квартир; каждой коммуне выделялся свой сектор города. И выбор дома должен был соответствовать этому делению, хотя такое правило не распространялось на джедов, для них предназначались резиденции, выходившие на главную площадь.

Когда я наконец привел в порядок свое жилье или, скорее, присмотрел за тем, чтобы это было сделано, время уже близилось к закату, и я поспешил наружу с намерением выяснить, где расположилась Сола со своим питомцем. А еще я был полон решимости поговорить с Деей Торис и убедить ее в необходимости помириться, пока не отыщется способ бежать отсюда. Я тщетно искал Солу и Дею до тех пор, пока верхний край огромного красного солнца почти не исчез за горизонтом, а потом вдруг заметил уродливую голову Вулы в окне второго этажа на противоположной стороне той самой улицы, где поселился я сам, только ближе к площади.

Не ожидая приглашения, я взлетел по винтовой лестнице на второй этаж и был восторженно встречен Вулой. Пес навалился на меня всей своей тушей, едва не уронив на пол; мне подумалось, что бедолага на радостях готов меня сожрать: его пасть растянулась от уха до уха и три ряда клыков обнажились в улыбке огородного пугала.

Успокоив его несколькими словами и лаской, я огляделся в быстро наступавшей тьме, но не увидел Деи Торис и окликнул ее по имени. Из дальнего угла помещения послышался невнятный шум, и в два шага я очутился рядом с ней, съездившейся среди вороха шкур и шелков на древнем резном сиденье. Я остановился напротив, а Дея Торис встала, выпрямилась во весь рост и сказала, глядя мне прямо в глаза:

– Что нужно Дотару Соджату, таркианину, от его пленницы Деи Торис?

– Дея Торис, не знаю, чем я тебя разгневал. У меня и в мыслях никогда не было обижать ту, которую я надеялся защищать и утешать. Пусть этого не будет, раз такова твоя воля, но ты должна помочь мне при возможности устроить твой побег, и это уже не просьба, а приказ.

Когда ты снова будешь в безопасности, при дворе твоего отца, ты можешь поступить со мной как пожелаешь, но с этого момента и до того дня – я твой господин и ты должна повиноваться и помогать мне.

Она смотрела на меня долго, серьезно, и мне показалось, что она слегка смягчилась.

– Я поняла твои слова, Дотар Соджат, – ответила она наконец. – Но тебя я не понимаю. Ты представляешь собой странную смесь ребенка и мужчины, дикаря и вельможи. Мне очень хотелось бы читать в твоём сердце.

– Посмотри вниз, Дея Торис: мое сердце лежит у твоих ног, там, куда оно упало в ту самую ночь в Кораде, и оно будет вечно биться ради тебя, пока смерть не успокоит его.

Дея Торис сделала маленький шажок ко мне, ее прекрасные руки взлетели в странном жесте, словно что-то нащупывая.

– Что ты хочешь этим сказать, Джон Картер? – прошептала она. – Что такое ты говоришь?

– Я повторяю обещание, данное самому себе, но не следовало говорить тебе о нем, по крайней мере до тех пор, пока ты не перестанешь быть пленницей зеленых людей; а из-за твоего отношения ко мне в последние двадцать дней я уже думал, что никогда этого не скажу. Так вот, Дея Торис, я твой телом и душой и готов служить тебе, сражаться за тебя и умереть ради тебя. Лишь об одном сейчас прошу: не отвечай на мои слова – ни проклятием, ни одобрением, – пока не окажешься в безопасности среди своего народа, и не дари мне нежных чувств из благодарности, что бы я ни совершил ради тебя. Знай, я делаю все это прежде всего для себя, потому что мне доставляет радость и удовольствие быть твоим слугой.

– Я исполню твое желание, Джон Картер, поскольку твои мотивы мне ясны; принимаю твою службу по доброй воле и охотно склоняюсь перед твоей властью; твое слово станет для меня законом. Я дважды была несправедлива к тебе в своих мыслях и снова прошу прощения.

Далее мы повели разговор на личные темы, но его прервало появление Сола. Обычно спокойная и сдержанная, она выглядела весьма взволнованной.

– Эта ужасная Саркойя была у Тала Хаджуса, – воскликнула она, – и судя по тому, что я слыхала на площади, для вас обоих почти нет надежды!

– И что люди говорят? – спросила Дея Торис.

– Что вас бросят диким калотам (собакам) на большой арене, как только начнутся ежегодные игры.

– Сола, – заговорил я, – ты таркианка, но ненавидишь обычаи своего народа точно так же, как мы. Не составишь ли нам компанию, если мы

ударимся в бега? Я уверен, что Дея Торис предложит тебе дом и защиту на своей родине, и там твоя судьба вряд ли изменится к худшему.

– Да! – воскликнула Дея Торис. – Идем с нами, Сола! Тебе будет лучше среди красных людей Гелиума, чем здесь, и я могу обещать тебе не только дом, но и любовь и привязанность, которых жаждет твоя натура и которых ты лишена среди своих сородичей. Идем с нами, Сола; мы можем уйти и одни, но тебя будет ждать нечто ужасное, если они подумают, что ты нам помогала. Я знаю, даже страх наказания не заставит тебя помешать нашему побегу, но мы хотим, чтобы и ты отправилась с нами в страну счастливых восходов. Там живут люди, которым известен смысл любви, сочувствия, благодарности. Скажи, что пойдешь, Сола, скажи, что ты согласна!

– Великий водный путь к Гелиуму пролегает всего в пятидесяти милях к югу отсюда, – негромко заговорила Сола, будто сама с собой. – Быстрый фоат одолеет это расстояние за три часа; останется еще пять сотен миль до Гелиума, и в основном через малонаселенные районы. Зеленым марсианам это известно, и они погонятся за нами. Мы сможем некоторое время прятаться среди больших деревьев, но шансы на побег на самом деле очень малы. Нас будут преследовать до самых ворот Гелиума, рискуя жизнью на каждом шагу. Ты плохо знаешь моих соплеменников.

– А есть другой путь к Гелиуму? – спросил я. – Ты не могла бы нарисовать приблизительную карту местности, Дея Торис?

– Да, – кивнула она и, вынув из волос шпильку с огромным бриллиантом, начертила на мраморном полу первую карту барсумианских земель, какую я увидел.

Карту во всех направлениях пересекали длинные прямые линии, где-то они шли параллельно, а где-то сходились у огромных кругов. Линии, пояснила Дея Торис, изображали собой водные пути, круги – города, среди которых далеко на северо-западе был Гелиум. Попадались города и поближе, но Дея Торис сказала, что большинство из них недружелюбны к Гелиуму и она боится входить в них.

Наконец, внимательно изучив карту в лунном свете, уже заливавшем комнату, я показал на один из водных путей – он был обозначен далеко на севере и, судя по всему, вел к Гелиуму.

– Вот этот канал пересекает территории твоего деда? – спросил я.

– Да, – подтвердила Дея Торис, – но он находится в двухстах милях к северу от нас; мы перешли его, направляясь к Тарку.

– Никому и в голову не придет, что мы попытаемся пойти по такой далекой полосе, – сказал я, – и именно поэтому мне кажется, что это наилучший маршрут для нашего побега.

Сола согласилась со мной, и было решено, что мы покинем Тарк

прямо этой ночью, то есть сразу, как только я найду и оседлаю моих фоатов. Сола поедет на одном, мы с Деей Торис – на втором; каждый из нас возьмет с собой пищи и воды по крайней мере на два дня, поскольку нельзя было слишком гнать животных.

Я велел Соле направиться вместе с Деей Торис по одной из наиболее пустынных улиц к южной границе города, где я должен был забрать их, как только смогу; потом, предоставив женщинам собирать еду, шелка и шкуры, которые нам наверняка понадобятся, я тихо спустился на первый этаж и вышел во двор, где, как обычно, животные бродили с места на место, прежде чем устроиться на ночь.

В тени здания, скрытое от лучей сияющих марсианских лун, топталось большое стадо. Зитидары издавали низкий утробный звук, а фоаты время от времени пронзительно визжали – это означало, что они злятся. Для них такое состояние было делом обычным. Но сейчас они вели себя тише, поскольку рядом не было людей, – однако стоило фоатам почуять меня, как они встревожились, и шум стал громче. Было весьма рискованно входить в загон фоатов одному, ночью, прежде всего потому, что звуки могли насторожить живущих по соседству воинов, заставив их заподозрить неладное, а также по той причине, что какое-то из огромных животных ни с того ни с сего могло броситься на меня.

Совершенно не желая дразнить их в такую ночь, когда слишком многое зависело от осторожности и быстроты, я затаился в тени, готовый в любой момент метнуться в ближайшую дверь или окно. И так я бесшумно крался к большим воротам в задней части двора, что открывались на улицу, а когда добрался до выхода, тихо позвал своих двух фоатов. Теперь я благодарил доброе Провидение за то, что оно позволило мне предусмотрительно завоевать любовь и доверие этих туповатых тварей, потому что в этот момент две огромные туши помчались ко мне, проталкиваясь сквозь окружавшее их стадо.

Они подошли и принялись тереться об меня носами, выпрашивая лакомства, которыми я всегда их вознаграждал. Я приказал двум здоровенным животным выйти, а потом тихо скользнул следом за ними, заперев за собой ворота.

Я не стал прямо там седлать фоатов или садиться верхом, а вместо того, прячась в тени зданий, тихо направился к одной довольно пустынной дороге, что вела к нужному месту, где была назначена встреча с Деей Торис и Солой. С осторожностью бестелесных духов мы с фоатами крались по тихим улицам, и, лишь увидев равнину за городом, я вздохнул полной грудью. Я был уверен, что Солу и Дею Торис по пути никто не заметит, но за себя я беспокоился, ведь вместе со мной шли два гиганта, а воин едва ли мог покинуть город после наступления темноты.

Я благополучно добрался до места встречи. Дея и Сола еще не пришли, и я решил загнать животных в вестибюль большого здания. Предположив, что кто-то из домашних задержал Солу разговорами и не позволил ей скоро уйти, я не испытывал особых опасений. Но минул почти час, а женщины не явились. Через полчаса меня уже переполняла мрачная тревога. Потом ночную тишину вдруг нарушил топот, и это явно не могли быть беглянки, тайно стремившиеся к свободе. Вскоре отряд приблизился, и я, скрываясь в черной густой тени, разглядел два десятка верховых. Проезжая мимо меня, они обменялись несколькими словами, от которых мое сердце упало.

— Он, скорее всего, договорился встретиться с ними за городом, так что...

Больше я ничего не слышал, они уже удалились, но мне хватило и этого. Наши планы были раскрыты, и с этого момента все рухнуло. Я теперь надеялся лишь на то, что сумею незамеченным вернуться в жилище Деи Торис и узнать, что с ней произошло, но как это сделать в компании двух огромных чудовищ, я не представлял, ведь город наверняка уже был пробужден вестью о моем побеге...

Тут мне в голову пришла идея. Зная особенности застройки в древних марсианских городах, где внутри каждого квартала был большой двор, я вслепую двинулся через темные помещения, позвав за собой фоатов. Они с трудом протиснулись через некоторые двери, но, поскольку здания на краю города проектировались с помпезностью и строились с большим размахом, фоаты все же нигде не застряли; и таким образом, мы наконец очутились во внутреннем дворе. Как и ожидалось, он сплошь зарос похожими на мох растениями. Теперь животные будут обеспечены едой и питьем до тех пор, пока я не смогу вернуться за ними и отвести их в собственное стойло. Здесь фоаты почувствуют себя так же вольготно, как в любом другом месте, и станут вести себя тихо, в чем я был уверен. Едва ли их кто-то обнаружит, потому что зеленые марсиане избегают домов на окраинах: сюда слишком часто забредают единственные существа, которых местные жители по-настоящему боятся, — большие белые обезьяны.

Сняв с фоатов седла, я спрятал их у черного входа, через который мы и попали на это «пастбище», и, освободив животных, быстро направился к зданию напротив, чей фасад выходил на другую улицу. Я немного выждал у двери, убедился, что никого поблизости нет, а потом быстро перебежал дорогу и нырнул в другой дом. Оттуда тоже был выход во двор. Вот так, тайком, я и пробирался дворами из квартала в квартал, рискуя, что меня застанут переходящим улицу, но этого не случилось, и мне удалось благополучно добраться до жилища Деи Торис.

Во внутреннем дворе, конечно же, бродили фоаты тех воинов, которые были расквартированы по соседству, сами же они ожидали моего появления, но, к счастью, я знал иной способ попасть на верхний этаж, где рассчитывал найти Дею Торис. Для начала следовало вычислить ее окна (я ведь никогда не видел этот дом со стороны двора), а затем, пользуясь преимуществом своей относительно большой силы, — подпрыгнуть вверх.

Вот так, тайком, я и пробирался дворами из квартала в квартал

Изловчившись, я ухватился за подоконник на втором этаже. Здесь, по моим предположениям, должно было находиться окно ее квартиры. Подтянувшись и прыгнув внутрь, я осторожно двинулся вперед, но, не успев дойти до дверей комнаты, различил чьи-то голоса.

Я не стал спешить, а прислушался, желая убедиться, что встречу там именно Дею Торис и что мне можно войти. Предосторожность оказалась нелишней — за дверями разговаривали мужчины, их голоса звучали низко, гортанно, а слова, которые донеслись до моего слуха, послужили весьма своевременным предупреждением. Говоривший был кем-то из вождей, и он отдавал приказ своим воинам:

— Когда он вернется в свое жилище, а вернется он наверняка, как только поймет, что она не придет на окраину города, вы четверо сразу броситесь на него и обезоружите. Вам для этого понадобится вся ваша сила, если те донесения, что пришли из Корада, правдивы. Когда вы свяжете пришельца, тащите его в подвалы под дворцом джеддака и тщательно закуйте в цепи, пусть ждет там решения Тала Хаджуса. Не позволяйте ему ни с кем говорить и никого не пускайте к нему, пока не будет высочайшего указания привести его к правителю. Девушка уже в руках джеддака, и пусть ее предки пожалеют ее, потому что Тал Хаджус жалости не знает. Великая Саркойя отлично потрудилась этой ночью. Я уйду, и, если вы не сумеете его поймать, когда он появится, ваши тела упадут в холодные воды реки Исс.

XVII

Снова плен

Договорив, вождь собрался выйти из комнаты через ту дверь, возле которой я стоял, но мне незачем было ждать чего-то еще; я уже слышал достаточно, чтобы моя душа наполнилась страхом, и, тихо

отступив, я вернулся во двор той же дорогой, что и пришел. План действий созрел в одну секунду; я пересек площадь и выходившую на нее с той стороны улицу и вскоре оказался во дворе дома Тала Хаджуса.

Ослепительно освещенные помещения первого этажа подсказали мне, где искать, и я, подкравшись к окнам, заглянул внутрь. Стало ясно, что добраться до нужного места будет не так легко, как я надеялся, – в комнатах, смотревших во двор, толпились мужчины и женщины. Тогда я запрокинул голову и увидел, что на третьем этаже совсем нет света, значит можно было проникнуть в здание оттуда. Мне понадобилось одно мгновение, чтобы очутиться у верхних окон, и в скором времени я скрылся в спасительной тьме.

К счастью, выбранная мною комната пустовала, и я бесшумно вышел в коридор. Где-то впереди мерцал свет, – должно быть, там была дверь. Но это оказался проход в необъятное помещение, высотой от первого этажа до купола над моей головой. Внизу в круглом зале собралось множество народа, и с одной его стороны красовалось огромное возвышение, на котором сидело на корточках самое отвратительное существо из всех, что мне доводилось видеть. У него, как у всех зеленых марсиан, были холодные, жесткие, грубые черты, вдобавок искаженные звериными страстями, которым этот монстр предавался в течение многих лет. Никаких признаков достоинства или гордости не найти было в этой скотской фигуре; огромное тело чудовища расплзлось по возвышению, подобно адскому осьминогу, и шесть его конечностей лишь подчеркивали это сходство самым ужасающим и неожиданным образом.

Но что действительно заставило меня похолодеть от ужаса, так это присутствие Деи Торис и Сола – они стояли перед правителем Тарка, а он злобно скалился, не сводя с пленниц больших выпуклых глаз и обшаривая взглядом прекрасную фигуру девушки. Дея Торис что-то говорила, но я не мог слышать ее слов, как не мог разобрать и его ответов. Девушка выпрямилась, высоко вскинув голову, и даже из своего укрытия я сумел прочесть презрение и отвращение на ее лице; она надменно смотрела на Тала Хаджуса, не выказывая ни малейшего страха. Воистину она была гордой дочерью тысячи джедаков каждой клеточкой своего изящного маленького тела; она выглядела такой крошечной, такой хрупкой рядом с огромными воинами, окружившими ее, но ее королевское величие превращало их в сущих карликов; принцесса была самой могучей фигурой из всех, и я искренне верил, что и они это ощущают.

Вскоре Тал Хаджус подал знак, чтобы все покинули зал и оставили пленниц наедине с ним. Подданные постепенно растворились в тени смежных с залом помещений, а Дея Торис и Сола продолжали стоять

перед джедаком Тарка.

Лишь один из вождей помедлил перед тем, как уйти; я видел, как он замер в тени мощной колонны, его пальцы нервно плясали на рукояти огромного меча, а жестокие глаза пылали непримиримой ненавистью к Талу Хаджусу. Это был Тарс Таркас, и по выражению его лица я мог читать его мысли, словно открытую книгу. Он думал о той женщине, которая сорок лет назад стояла перед этой тварью, и, если бы я мог в тот момент шепнуть некое словечко ему на ухо, с правлением Тала Хаджуса было бы покончено. Но наконец и Тарс вышел из зала, не зная, что оставляет собственную дочь на милость существа, которое ненавидел больше всего на свете.

Тал Хаджус поднялся, и я, боясь и отчасти догадываясь о его намерениях, поспешил к винтовой лестнице, что вела на нижние этажи. Никого не было поблизости, никто не мог меня остановить, и я незамеченным добрался до главного зала и спрятался за колонной, у которой задержался Тарс Таркас. Тал Хаджус заговорил:

– Принцесса Гелиума, я мог бы выбить из твоего народа огромный выкуп, если бы вернул тебя целой и невредимой, но для меня в тысячу раз предпочтительнее увидеть, как это прекрасное лицо исказится в мучительной агонии – а она будет долгой, уж я тебе обещаю; и десяти дней такого наслаждения было бы мало, чтобы выказать ту любовь, которую я испытываю к вашей расе. Ужасы твоей смерти будут веками преследовать красный народ в ночных кошмарах; твои соплеменники будут содрогаться по вечерам, когда отцы станут рассказывать им об ужасной мести зеленых людей, о мощи и могуществе, ненависти и жестокости Тала Хаджуса. Но перед пытками ты будешь один короткий час принадлежать мне, и весть об этом также долетит до Тардоса Морса, джедака Гелиума, твоего деда, чтобы он рухнул плашмя на землю от сердечной боли. Завтра начнется пытка, а сегодня ты познаешь, как искусен Тал Хаджус!

Он соскочил с возвышения и грубо схватил Дею Торис за руку, но едва он успел коснуться ее, как я прыгнул между ними. Мой короткий меч, острый и сверкающий, был у меня в правой руке; я мог бы вонзить его в грудь монстра прежде, чем он осознал бы опасность. Я уже замахнулся перед ударом и вдруг вспомнил о Тарсе Таркасе. Несмотря на то что меня переполняли гнев и ненависть, я не смог лишиться его наслаждения местью, ради которой он жил все эти долгие тяжкие годы. Потому я просто врезал правителю кулаком в челюсть, и тот без звука рухнул на пол как мертвый.

В том же гробовом молчании я взял Дею Торис за руку и, жестом велел Соле следовать за нами, быстро повел женщин из зала на верхний этаж. Никем не замеченные, мы оказались у окна во двор, и я, сняв с

себя ремни, с их помощью спустил сначала Солу, а потом Дею Торис на землю.

После этого я легко спрыгнул вниз, и мы, укрываясь в тени высоких зданий, миновали двор и вернулись на тот путь, которым я шел сюда с далекой окраины города.

В конце концов нам удалось добраться до того места, где я оставил фоатов. Оседлав их, мы двинулись между зданиями к видневшейся за ними дороге. Сола ехала на одном фоате, а Дея Торис на втором, позади меня. Вскоре мы покинули Тарк и поскакали к южным холмам.

Вместо того чтобы обогнуть город и направиться на северо-запад, к ближайшему каналу, мы повернули на северо-восток и помчались по поросшей мхом пустоши, за которой, в двух сотнях опасных и утомительных миль, лежала другая большая артерия, что вела к Гелиуму.

Мы не произнесли ни слова, пока город не остался далеко позади, но я слышал тихие всхлипывания Деи Торис, цеплявшейся за меня и прижимавшейся своей милой головкой к моему плечу.

Наконец она заговорила:

– Если мы достигнем цели, мой вождь, Гелиум будет перед тобой в неоплатном долгу, возместить который невозможно. А в случае провала долг ничуть не станет меньше, хотя Гелиум и не узнает об этом, потому что ты спас последнюю в нашем роду от судьбы куда худшей, чем просто смерть.

Я ничего не ответил, только протянул руку назад и сжал маленькие пальцы любимой, искавшей у меня поддержки, а потом мы в молчании понеслись по желтоватому мху, освещенному луной; каждый из нас погрузился в собственные мысли. Я, наверное, мог бы радоваться и наслаждаться, если бы не обстоятельства, ведь теплое тело Деи Торис прижималось ко мне, и при всех предстоящих опасностях мое сердце пело так же бодро, как будто мы уже достигли ворот Гелиума.

Наш предыдущий план столь печально и внезапно рухнул, что теперь мы оказались без еды и питья, а оружие было только у меня. И потому мы подгоняли наших животных, что могло сказаться на них прежде, чем закончится первый этап нашего путешествия.

Скачка продолжалась всю ночь и весь день, всего несколько раз мы ненадолго останавливались для отдыха. На вторую ночь и мы, и наши фоаты были уже совершенно измучены и потому упали на мох, проспали пять или шесть часов и лишь перед рассветом двинулись в путь. Следующий день прошел в дороге, однако при всей спешке к вечеру мы не увидели вдаль деревьев, которые росли у большого канала, проходящего через весь Барсум. Перед нами блеснула ужасная истина: мы заблудились.

Стало очевидным, что мы дали круг, но в какую сторону отклонились, сказать было трудно, нам не удалось сориентироваться ни по солнцу днем, ни по лунам или звездам ночью. В любом случае никаких водных путей мы не обнаружили и уже готовы были рухнуть навзничь от голода, жажды и усталости. Далеко впереди и чуть правее маячили очертания невысоких гор. И мы решили дойти до них – в надежде, что с какой-нибудь вершины сможем увидеть исчезнувший канал. Ночь наступила прежде, чем наш маленький отряд достиг цели, и мы, почти теряя сознание от слабости, упали на землю и заснули.

Рано утром меня разбудило прикосновение – чье-то огромное тело прижалось ко мне, и я, резко открыв глаза, увидел милого старину Вулу, приткнувшегося к своему хозяину, – верный пес последовал за нами по бездорожью пустыни, чтобы разделить нашу судьбу, какой бы она ни была. Обхватив его за шею, я прижался щекой к его голове, ничуть не стыдясь своей сентиментальности и слез, выступивших при мысли о его любви ко мне. Вскоре проснулись и Дея Торис с Солой, и мы решили, что сразу же двинемся к холмам.

Проехав едва ли милю, я заметил, что мой фоат начал спотыкаться и пошатываться самым жалостным образом, хотя мы и не гнали животных с полудня предыдущего дня. Внезапно он резко наклонился вбок и упал. Дея Торис и я опустились на мох рядом с ним, едва не плача; бедное создание было в ужасном состоянии и не могло подняться, хотя и избавилось от нашего веса. Сола объяснила мне, что ночная прохлада и отдых несомненно поставят его на ноги, и потому я решил не убивать фоата. Сначала я хотел это сделать, поскольку считал слишком жестоким оставлять его здесь одного умирать от голода и жажды. Освободив скакуна от упряжи и бросив ее рядом с ним, мы предоставили бедолагу его судьбе и двинулись дальше. Мы с Солой пошли пешком, посадив Дею Торис на спину фоата, хотя она того и не желала. Таким образом, удалось приблизиться к холмам еще на милю,

но тут Дея Торис с высоты своего наблюдательного пункта заметила, что большой отряд верховых спускается с перевала между вершинами в нескольких милях от нас. Мы с Солой посмотрели туда и действительно увидели несколько сотен воинов. Они направлялись на юго-запад и вполне могли миновать нас.

Это, без сомнения, была погоня, и мы вздохнули с огромным облегчением оттого, что таркиане устремились в противоположную от нас сторону. Быстро сняв Дею Торис со спины фоата, я приказал животному лечь, и мы сами тоже бросились на землю, боясь привлечь к себе внимание преследователей.

Вскоре почти все они спустились к подножию гор и пропали из виду. Но если бы таркиане задержались наверху подольше, то наверняка обнаружили бы нас. И тут, к нашему ужасу, замыкающий остановился на перевале, приложив к глазам маленький, но мощный полевой бинокль и осматривая старое морское дно во всех направлениях. Этот марсианин явно был вождем, потому что в подобных рейдах предводители всегда ехали в самом конце колонны. Когда таркианин повернулся к нам, наши сердца на миг перестали биться, и я почувствовал, как все мое тело покрылось холодным потом.

Воин вдруг замер. Наши напряженные до предела нервы готовы были лопнуть, и я сомневаюсь, что кто-то из нас дышал в те секунды, когда он рассматривал нас. А потом вождь опустил бинокль, и мы видели, как он что-то крикнул подчиненным, которые уже скрылись из глаз. Но предводитель не стал дожидаться, пока отряд присоединится к нему, а сразу бешено погнал своего фоата в нашу сторону.

У нас оставался лишь один слабый шанс, и мы должны были немедленно воспользоваться им. Вскинув к плечу мою странную марсианскую винтовку, я прицелился и коснулся кнопки, которая служила спусковым крючком; последовала резкая вспышка, взрыв, когда снаряд достиг своей цели, и пораженный вождь покатился назад со спины скакуна.

Вскочив на ноги, я заставил фоата подняться, велел Соле садиться на него вместе с Деей Торис и изо всех сил гнать его к холмам, пока сюда не примчались зеленые воины. Я знал, что женщины смогут найти временное укрытие в ущельях и оврагах. В конце концов, лучше умереть там от голода и жажды, чем попасть в руки таркиан. Сунув беглянкам два моих револьвера для защиты, я подхватил Дею Торис и усадил ее в седло позади Соле.

– До свидания, моя принцесса, – прошептал я. – Мы можем еще встретиться в Гелиуме. Я выбирался из передряг и похуже этой. – И я попытался улыбнуться, чтобы скрыть свою ложь.

– Как! – воскликнула она. – Ты разве не едешь с нами?

– Как я могу, Дея Торис? Кто-то ведь должен задержать на время этих

ребят, а мне легче будет ускользнуть от них в одиночку, чем вместе с вами.

Она тут же прыгнула с фюата и, обняв меня за шею своими милыми ручками, обернулась к Соле и произнесла с тихим достоинством:

– Беги, Сола! Дея Торис останется, чтобы умереть с мужчиной, которого она любит.

Эти слова врезались в мое сердце. Ах, я бы с радостью тысячу раз отдал жизнь только за то, чтобы услышать их снова! Увы, мне нельзя было и лишней секунды побыть в сладостных объятиях любимой, впервые прижавшись губами к ее губам... Я снова поднял Дею на спину фюата, приказав Соле удерживать принцессу силой, а потом хлопнул животное по боку и увидел, как они уносятся прочь, причем Дея Торис изо всех сил пыталась вырваться из рук Соле.

Обернувшись, я посмотрел на зеленых воинов, которые скакали по склонам в поисках своего вождя. Скоро они заметили его, а потом и меня, но в тот самый момент я открыл стрельбу, растянувшись на животе во мху. У меня было около сотни снарядов в магазине винтовки и еще сотня – в патронташе на спине, и я поливал марсиан огнем до тех пор, пока не убедился, что преследователи, явившиеся с перевала, либо убиты, либо попрятались.

Но это была лишь краткая отсрочка. Вскоре весь отряд, около тысячи человек, появился впереди; зеленые воины яростно мчались в мою сторону. Я стрелял, пока не кончились снаряды. Враги почти добрались до меня, и в эту минуту я оглянулся. Дея Торис и Сола исчезли среди расселин. Тогда я поднялся на ноги, отбросил бесполезную винтовку и пошел прочь от холмов.

Если марсианам и доводилось когда-либо видеть искусство прыжков, так это в тот день, много лет назад; и хотя зрелище отвлекло изумленных воинов от преследования Деи Торис, но не охладило их желания поймать меня.

Они бешено гнались за мной, и вдруг моя нога застряла среди выступающих из земли кусков кварца, и я растянулся на мху. Глядя, как приближаются враги, я выхватил свой короткий меч в попытке как можно дольше защищать свою свободу, однако вскоре все было кончено. Я просто задохнулся под навалившейся на меня массой тел; у меня закружилась голова, в глазах потемнело – и я провалился в небытие.

XVIII

Заточение в Вархуне

Должно быть, прошло несколько часов, прежде чем я очнулся. Прекрасно помню, как был удивлен тому, что до сих пор жив.

Я лежал на куче спальных шелков и шкур в углу небольшой комнаты, в которой находились несколько зеленых воинов, а надо мной склонилась уродливая древняя старуха.

Как только я открыл глаза, она обернулась к воинам со словами:

– Он будет жить, о джед!

– Это хорошо, – откликнулся тот, к кому она обращалась, встал и подошел к моей постели. – Он будет отлично выглядеть на Больших играх.

Теперь, когда я его хорошо рассмотрел, мне стало ясно, что это не таркианин, – его украшения и знаки различия не принадлежали той орде. Это был здоровенный парень со множеством шрамов на лице и груди, со сломанным клыком и без одного уха. На его шее висели человеческие черепа и соответственное количество высушенных человеческих рук.

Его упоминание о Больших играх, о которых поговаривали в Тарке, убедило меня: я прыгнул из чистилища в ад.

Обменявшись со старухой еще парой фраз (причем та заверила его, что я уже полностью готов к путешествию), джед приказал седлать скакунов и догонять главный отряд.

Меня крепко привязали к самому дикому из неукротенных фоатов Марса, и в сопровождении верховых, ехавших по обе стороны от меня и следивших, чтобы тварь подо мной не взбрыкивала, я бешено поскакал вперед. Мои раны не слишком болели, потому что их быстро исцелили чудесные мази и уколы опытной знахарки, а еще она весьма искусно перевязала и залепила пластырями все ушибы и ссадины на моем теле.

Лишь перед наступлением темноты мы догнали главный отряд и вскоре после того остановились и разбили лагерь на ночь. Меня тут же отвели к главному командиру, и тот оказался джеддаком Вархуна.

Как и джед, поймавший меня, он был покрыт ужасными шрамами и увешан человеческими черепами и высушенными кистями рук, что, похоже, отмечало самых великих воинов Вархуна, а также говорило об их чудовищной свирепости. Тут они могли бы заткнуть за пояс даже таркиан.

Этот джеддак, Бар Комас, был сравнительно молод. Отчего-то он вызывал зависть и ненависть у старшего из своих военачальников Дака Ковы, который поймал меня, и я не мог не заметить, как тот преднамеренно задевал, а то и прямо оскорблял своего командира.

Дак Кова демонстративно не стал салютовать, как то было принято, когда мы предстали перед джеддаком, а просто грубо толкнул меня вперед и воскликнул низким угрожающим тоном:

– Я привел странное существо, которое носит знаки Тарка и которого я с удовольствием увидел бы сражающимся с диким фоатом на Больших

играх.

— Он умрет, если Бар Комас, твой джеддак, сочтет это нужным, — ответил молодой правитель с подчеркнутым достоинством.

— И все? — прорычал Дак Кова. — Клянусь мертвыми руками на моей шее, он умрет, Бар Комас! И даже твое плаксивое слабодушие его не спасет! О, если бы Вархуном управлял настоящий джеддак, а не какой-то мягкосердечный слабак, с которого даже старый Дак Кова мог бы сорвать знаки голыми руками!

Бар Комас мгновение-другое пристально смотрел на дерзкого вождя, и на его лице были написаны высокомерие, бесстрашное презрение и ненависть, а потом, не потрудившись взяться за оружие и не произнеся ни слова, он вдруг бросился вперед и схватил клеветника за горло.

Я ни разу не видел, чтобы два зеленых марсианских воина дрались без привычного оружия и с таким звериным бешенством. Эта картина была страшнее, чем порождение больного рассудка. Они старались выдрать друг другу глаза и оторвать уши, а их сверкающие клыки то и дело сталкивались и впивались во вражескую плоть, пока оба бойца не были исполосованы с головы до ног.

Бар Комас дрался лучше, он был сильнее, проворнее и явно умнее. И вскоре уже казалось, что схватка завершена, осталось нанести последний, смертельный удар, но тут Бар Комас поскользнулся и ослабил клинч. Возник небольшой зазор, в котором и нуждался Дак Кова, и он, бросившись всем телом на противника, вонзил свой единственный огромный клык в его пах и последним мощным усилием распорол тело молодого джеддака почти во всю длину, а его бивень застрял в челюсти Бара Комаса. Победитель и побежденный бессильно рухнули на мох, превратившись в немую огромную массу изодранной кровоточащей плоти.

Бар Комас был мертв, и лишь невероятные усилия женщин спасли Дака Кову от заслуженной кары небес. Три дня спустя он уже без посторонней помощи подошел к телу Бара Комаса, которое, по обычаю, оставили там, где он упал, и, поставив ногу на шею прежнего правителя, принял на себя титул джеддака Вархуна.

Кисти рук мертвого вождя и его голова были отрезаны, чтобы пополнить коллекцию победителя, а потом женщины сожгли то, что осталось, под дикий и ужасный хохот.

Из-за ран Дака Ковы пришлось отложить дальнейший поход, целью которого было уничтожение инкубатора одной из небольших таркианских общин. Это решили сделать после игр, так что орда, около десяти тысяч числом, вернулась в Вархун.

Мое знакомство с этим жестоким и кровожадным племенем оказалось лишь робкой прелюдией к оргии, свидетелем которой мне пришлось

стать в Вархуне. Ни дня не проходило без того, чтобы кто-то из членов разнообразных местных общин не столкнулся в беспощадной схватке. За один-единственный день я увидел целых восемь смертельных дуэлей.

Мы добрались до Вархуна после трех дней пути, и меня тут же бросили в какой-то подвал и крепко приковали цепями к полу и стенам. Еду мне приносили время от времени, но в кромешном мраке было не определить, сколько дней, недель или месяцев я там провел. Это было самое ужасное испытание за всю мою жизнь, и как мой ум не погрузился в чернильную тьму, до сих пор остается для меня загадкой. Подвал был полон каких-то ползучих существ; холодные, извилистые тела перебирались через меня, когда я ложился, и порой я замечал в темноте блеск злобных глаз, неотрывно следивших за мной. Из внешнего мира до меня не доносилось ни звука, а мои тюремщики не произносили ни слова, когда давали мне пищу, хотя поначалу я буквально бомбардировал их вопросами.

Наконец ненависть и отвращение, которые я испытывал к мерзким существам, заточившим меня в этом жутком месте, по каким-то непонятным причинам обратились на того единственного представителя орды Вархуна, который приближался ко мне.

Я заметил, что сторож, приносивший с собой слабо горящий факел, всегда оставлял еду на доступном для меня расстоянии и, когда наклонялся, чтобы положить все на пол, его голова оказывалась примерно на уровне моей груди. И вот, с хитростью безумца, я попятился в дальний угол подвала, когда в следующий раз услышал его шаги, и, подтянув потуже провисшую цепь, что удерживала мою руку, ожидал его появления, присев на корточки и напрягинив ноги, словно хищник в засаде. Когда сторож наклонился, чтобы поставить миску на землю, я взмахнул цепью над своей головой и изо всех сил обрушил ее звенья на его череп. Марсианин без звука рухнул на пол.

Смеясь и что-то бормоча, точно какой-нибудь идиот, я упал на его распростертое тело и принялся ощупывать шею мертвеца. И наконец нашарил тонкую цепочку, на конце которой болталось несколько ключей. Стоило моим пальцам коснуться их, как ко мне внезапно вернулись разум и здравый смысл. Я уже не был лепечущим нечто бессвязное сумасшедшим, я стал нормальным рассудительным человеком, державшим в руках средство для побега.

Снимая цепочку с шеи моей жертвы, я посмотрел в темноту – и увидел шесть пар сверкающих глаз, которые не мигая уставились на меня. Они медленно приближались, а я так же медленно пятился от них, полный ужаса. Очутившись снова в своем углу, я съежился, выставив перед собой ладони и неотрывно глядя на жуткие глаза, пока они не замерцали над мертвым телом у моих ног. А потом они снова начали

удаляться, но на этот раз с каким-то странным скрежещущим звуком и наконец исчезли где-то в темноте дальних углов подвала.

XIX

Сражение на арене

Я медленно пришел в себя и снова шагнул к трупу моего тюремщика, чтобы забрать ключи. Но когда я во мраке добрался до того места, где он упал, то, к своему ужасу, обнаружил, что тело исчезло. И тут только я понял: обладатели тех сверкающих глаз утащили мой приз, чтобы сожрать его где-то недалеко, в своих логовах; они ведь ждали дни, недели, месяцы – все то время, пока я находился в страшном заключении, и надеялись в конце концов насытиться моим мертвым телом.

Судя по всему, еды мне не приносили два дня, а потом появился новый сторож, и мое заключение продолжилось, но я уже не позволял своему рассудку утонуть в ужасе моего положения.

Вскоре после того в подвал привели другого пленника и заковали его. При тусклом свете факелов я увидел, что это краснокожий марсианин, и едва мог дожидаться ухода стражников, чтобы заговорить с ним. Когда их шаги затихли вдали, я негромко произнес марсианское приветствие: «Каор!»

- Кто ты, говорящий со мной из темноты? – спросил марсианин.
- Джон Картер, друг красных людей из Гелиума.
- Я из Гелиума, – сказал он, – но не припомню твоего имени.

И тогда я поведал ему свою историю – ту, что записана здесь, – утаив лишь свое чувство к Дее Торис. Марсианин был весьма взволнован вестями о принцессе Гелиума и, похоже, не сомневался в том, что она и Сола могли без труда добраться до безопасного места. Он сказал, что хорошо знает ту местность, поскольку перевал, откуда воины Вархуна увидели нас, был единственным по пути на юг.

– Дея Торис и Сола наверняка нашли укрытие в холмах милях в пяти от большого водного пути, не дальше, и теперь, скорее всего, им уже ничто не грозит, – заверил он меня.

Моего «сокамерника» звали Кантос Кан, он был падваром (лейтенантом) военного флота Гелиума и участвовал в злосчастной экспедиции, что попала под обстрел таркиан в тот день, когда они захватили в плен Дею Торис. Кантос Кан вкратце рассказал мне о событиях, последовавших за поражением боевых кораблей.

Сильно поврежденные, они плохо слушались руля и возвращались в Гелиум медленно, а когда пролетали мимо города Зоданга, столицы заклятых врагов красных барсумиан, на них напала вражеская эскадра, и все суда, кроме того, на котором находился Кантос Кан, были

уничтожены либо захвачены. А его судно несколько дней преследовали три военных корабля зоданганцев, однако красным марсианам удалось сбежать во тьме безлунной ночи.

Корабль Кантоса Кана прибыл в Гелиум месяц спустя после пленения Деи Торис (примерно в то же время, когда мы с ней добрались до Тарка). Из команды судна, что состояла из семи сотен офицеров и рядовых, уцелело меньше десятка. И сразу же семь больших флотилий, каждая по сто могучих боевых кораблей, отправились спасать Дею Торис, и с этих огромных судов постоянно вылетали две тысячи маленьких челноков, продолжавших непрерывные поиски исчезнувшей принцессы.

Две общины зеленых марсиан были стерты с лица Барсума этими флотилиями, но никаких следов Деи Торис так и не удалось обнаружить. Ее искали среди северных орд и лишь в последние несколько дней стали высылать разведку в южную сторону.

Кантос Кан управлял одним из маленьких одноместных челноков, и его, к несчастью, заметили зеленые из Вархуна, когда он обследовал их город. Храбрость и отвага этого воина завоевали мое величайшее уважение и восхищение. Он в одиночку приземлился у границы города и пешком пробирался по узким улицам вокруг площади. Два дня и две ночи он изучал квартал за кварталом, заглядывая в подвалы, надеясь обнаружить горячо любимую принцессу, – но в итоге попал в руки зеленых воинов, когда уже собирался уходить, окончательно решив, что Деи Торис тут нет.

За время нашего заточения мы с Кантосом Каном познакомились ближе, и между нами зародилась теплая дружба. Однако прошло всего несколько дней, и нас вытащили из подвала ради Больших игр. Ранним утром нас отвели в огромный амфитеатр, который был выстроен не на поверхности, а заглублен в землю. Его частично завалило обломками, так что трудно было определить первоначальные масштабы этого сооружения. В нынешнем своем состоянии оно вмещало двадцать тысяч обитателей Вархуна.

Арена была громадной, но заброшенной и чрезвычайно неровной. Вокруг нее громоздились камни от разрушенных строений древнего города – чтобы не дать зверям и пленникам сбежать и очутиться среди зрителей, – а по краям стояли клетки, в которых участников бойни держали до того момента, когда наставала их очередь встретить ужасную смерть на арене.

Нас с Кантосом Каном заперли вместе в одной из клеток. В других находились дикие калоты, фоаты, бешеные зитидары, воины и женщины из других орд, а также множество странных и злобных существ Барсума, каких я до сих пор ни разу не видел. Они

оглушительно рычали, ревели, визжали, а ужасающего вида любого из них было достаточно для того, чтобы даже самое храброе сердце омрачилось от безысходности.

Кантос Кан объяснил мне, что к концу дня один из пленников сможет завоевать свободу, а остальным придется умереть на арене. Победители разнообразных поединков будут сражаться друг с другом, пока в живых не останутся только двое; и выигравший схватку окажется на свободе, будь то человек или зверь. А на следующее утро в клетках появятся новые жертвы, и так далее – все десять дней Больших игр.

Вскоре после того, как нас затолкали за решетку, амфитеатр начал заполняться, и в течение часа в нем не осталось ни единого свободного места. Дак Кова, вместе с джедами и вождями, сидел в центре на большом возвышении с одной из сторон арены.

По сигналу Дака Ковы двери двух клеток распахнулись во всю ширь, и с дюжину зеленых марсианских женщин вытолкнули на середину арены. Каждой дали кинжал, а потом с другой стороны на них выпустили стаю из двенадцати калотов – диких собак.

Когда твари, рыча и роня пену из пасти, ринулись на почти беззащитных женщин, я отвернулся, не в силах смотреть на подобные ужасы. Визг и хохот зеленой орды зрителей, радовавшихся отличному зрелищу, оглушал; когда Кантос Кан сказал мне, что все кончено, я снова взглянул на арену и увидел всего трех торжествующих псов, рычавших и скаливших зубы над телами своих жертв. Марсианки показали себя отважными воительницами.

Следующим стал бешеный зитидар, которого натравили на оставшихся собак. Таким было продолжение этого кошмарного дня, длинного и жаркого.

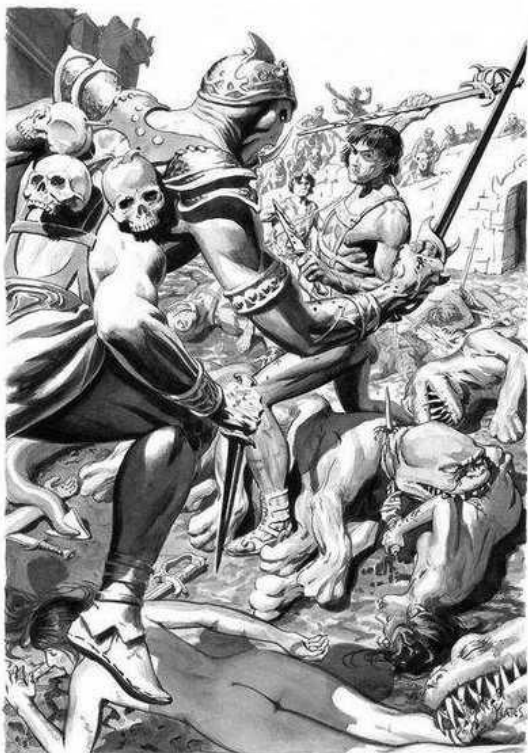
Меня заставляли драться сначала с людьми, потом со зверями, но, поскольку я был вооружен длинным мечом, превосходил своих противников в ловкости и, как правило, в силе, для меня все это выглядело детской забавой. Я снова и снова завоевывал аплодисменты кровожадной публики и к концу дня даже слышал крики, что меня нужно увести с арены и принять в орду Вархуна.

Наконец бойцов осталось всего трое – огромный зеленый воин из какой-то северной орды, Кантос Кан и я.

Те двое должны были сразиться между собой, а потом мне предстояла схватка с победителем. Оставшийся в живых получал свободу.

Кантос Кан в течение этого дня дрался уже несколько раз и, как я сам, всегда одерживал победу, но иной раз с большим трудом, в особенности когда выступал против зеленых воинов. Я все же надеялся, что он постарается совладать с последним противником, несокрушимым гигантом. Этот парень вымахал почти до шестнадцати футов, в то время

как рост Кантоса Кана не достигал и шести. Когда они двинулись навстречу друг другу, я впервые увидел особый прием марсианских воинов – трюк, благодаря которому все шансы Кантоса Кана сводились к одному-единственному броску... Очутившись примерно в двадцати футах от гиганта, он занес свой меч над головой, отведя его назад, и могучим толчком послал острием вперед.

Меч пронесся, как стрела, и пронзил сердце дьявола, уложив его бездыханным на арену.

Теперь Кантосу Кану и мне предстояло сражаться друг с другом, но, когда мы сошлись, я шепнул ему, что нужно затянуть бой до темноты, а потом мы найдем способ сбежать. Орда явно решила, что мы трусим, зрители завывали от ярости, видя, что ни один из нас не наносит смертельного удара. Как только упали сумерки, я шепотом велел Кантосу Кану сунуть меч между моей левой рукой и боком. Он сделал это, ну а я шатнулся назад, крепко ухватившись за меч рукой, и упал на

землю вместе с клинком, будто бы торчавшим из моей груди. Кантос Кан оценил мой ход и, быстро шагнув вперед, поставил ногу мне на шею и выдернул меч, тут же замахнувшись для последнего удара по горлу противника. Холодное лезвие, вместо того чтобы рассечь яремную вену, скользнуло мимо, вонзившись в песок арены. В уже наступившей темноте все были уверены, что Кантос Кан прикончил меня. Я шепнул ему, чтобы он отправился требовать заработанную свободу, а потом ждал меня в холмах к востоку от города; с этим он покинул меня.

Когда амфитеатр опустел, я осторожно заполз наверх, и, поскольку огромная котловина была расположена далеко от площади, в незаселенной части большого мертвого города, я без особых трудностей добрался до холмов.

XX

На атмосферной фабрике

Я два дня ожидал Кантоса Кана, но он так и не появился. Тогда я пешком отправился на северо-запад – в той стороне, как он мне говорил, проходил ближайший водный путь. Вся моя пища состояла из молока,

которое я добывал из растений; они же давали его весьма щедро.

Я блуждал две долгие недели, шел по ночам, ориентируясь лишь по звездам, и прятался днем за крупными камнями или между холмами, гряды которых пересекал. Несколько раз на меня нападали дикие звери, странные неуклюжие существа выпрыгивали из темноты, так что я никогда не выпускал из руки длинный меч, чтобы быть готовым к атаке. Обычно моя непонятная, недавно приобретенная телепатическая сила предупреждала меня вовремя, но однажды моей шеи коснулись злобные клыки, и волосатая морда очутилась рядом с моим лицом, прежде чем я вообще осознал наличие угрозы.

Что за монстр напал на меня, я не знал, но он был большим, тяжелым и многоногим, это я ощутил. Мои руки сжали его горло до того, как он успел сомкнуть челюсти на моей шее, затем я оттолкнул его от себя и сжал словно тисками, лишая возможности дышать.

Мы лежали на земле, не издавая ни звука, и зверь изо всех сил пытался дотянуться до меня чудовищными клыками, а я удваивал усилия, выжимая из него жизнь и не подпуская к собственному горлу. Постепенно мои руки слабели в неравной борьбе, и косматая морда дюйм за дюймом снова стала приближаться ко мне, я видел горящие глаза и блестящие клыки, потом ощутил прикосновение шерсти к своему лицу и решил, что все кончено. Вдруг из окружавшей нас тьмы вырвалась некая сокрушительная глыба и ринулась на зверя, прижимавшего меня к земле. Два существа покатались по мху, кусая друг друга самым ужасным образом, но вскоре схватка завершилась, и мой спаситель встал, опустив голову над глоткой убитого монстра, чуть не отнявшего мою жизнь.

Ближайшая луна, внезапно выскочив из-за горизонта, осветила барсумианский пейзаж, и я увидел, что спас меня не кто иной, как Вула. Откуда он здесь появился и как отыскал меня? Незачем говорить, что я был рад его компании, но мое удовольствие тут же смешалось с тревогой за Дею Торис, которую пес почему-то покинул. Я был уверен, что только ее смерть могла заставить Вулу уйти, ведь я прекрасно знал, как преданно он выполнял мои приказы.

Вышла вторая луна, и в ярком свете я увидел, что от Вулы осталась одна тень, а когда он увернулся от моей ласки и принялся жадно пожирать труп, я понял, что бедняга совсем изголодался. Я и сам находился в нелучшем состоянии, но не смог заставить себя есть сырое мясо, а добыть огонь у меня не было возможности. Когда Вула покончил с едой, мы двинулись в путь. Я снова продолжил свои тяжкие и, похоже, бесконечные блуждания в надежде отыскать ускользавший от меня водный путь.

На рассвете пятнадцатого дня я с огромной радостью увидел высокие

деревья, которые обозначали объект моих поисков. Около полудня мне с трудом удалось дотащиться до какого-то гигантского здания высотой в две сотни футов, занимавшего, наверное, около четырех квадратных миль. В его могучих стенах не было отверстий, кроме крошечной двери, возле которой я и опустился на землю в полном изнеможении, так и не заметив вокруг признаков жизни.

Я не нашел ни звонка, ни какой-то другой возможности дать знать о своем присутствии тем, кто находился внутри, разве что маленькая круглая дырка в стене рядом с дверью могла служить этой цели. Она была диаметром примерно с карандаш, и я, думая, что это нечто вроде переговорной трубки, приложил к ней губы, чтобы позвать обитателей, — но в этот момент из отверстия раздался голос, спрашивавший меня, кто я такой, откуда и с какой целью сюда пришел.

Я объяснил, что сбежал из Вархуна и умираю от голода и усталости.

— Ты носишь знаки зеленых воинов, за тобой идет калот, и ты при этом сражался за красного человека? По виду ты ни зеленый, ни красный. Во имя девятого луча, что ты за существо?

— Я друг красных людей Барсума и голоден до смерти. Во имя человечности, впустите нас! — ответил я.

Вскоре дверь начала отодвигаться от меня, пока не углубилась в стену футов на пятьдесят, после чего остановилась и легко скользнула влево, открыв короткий узкий коридор в стене, а на другом его конце я увидел еще одну дверь, абсолютно такую же, как первая. Никого не было видно, но, как только мы переступили порог, она мягко скользнула на место за моей спиной, вернувшись на первоначальную позицию в стене строения. Во время движения двери я заметил ее огромную толщину, не меньше двадцати футов, а когда она снова незыблемо утвердилась за нашими спинами, с потолка опустились огромные стальные цилиндры, точно войдя в предназначенные для них пазы в полу.

Потом передо мной выросли вторая и третья двери, которые точно так же сначала отходили в сторону и после этого возвращались на место, и наконец я добрался до большого внутреннего помещения, где нашел еду и питье, стоявшие на большом каменном столе. Голос велел мне утолить голод и накормить моего калота, и, пока я всем этим занимался, невидимый хозяин подверг меня суровому и подробному допросу.

— Твои заявления весьма необычны, — произнес голос, завершив расспросы. — Но они явно правдивы, и столь же очевидно, что ты родом не с Барсума. Я это могу сказать по структуре твоего мозга и по странному расположению внутренних органов, а также по форме и размерам твоего сердца.

— Ты видишь меня насквозь? — воскликнул я.

— Да, я могу видеть все, кроме твоих мыслей, а будь ты

барсумианином, я смог бы их прочесть.

После этого открылась дверь в дальней части помещения, и ко мне направилось нечто вроде маленькой странной мумии. Из одежды и украшений на марсианине был только небольшой золотой воротник, с которого на грудь свисал диск размером с обеденную тарелку, почти сплошь украшенный огромными бриллиантами. В его центре находился странный камень диаметром примерно в дюйм, и этот камень испускал девять четко разграниченных разноцветных лучей: семь – цветов земной радуги, а два других – неизвестных оттенков ошеломительной красоты. Я могу описать их не лучше, чем слепой человек – красный цвет. Знаю лишь одно: они были прекрасны беспредельно.

Старый марсианин сел и говорил со мной несколько часов, и самым странным в нашем общении было то, что я читал каждую его мысль, а он ни на йоту не мог проникнуть в мой ум. Мой собеседник понимал только то, что я произносил вслух.

Я не осведомил его о своих экстрасенсорных способностях, благодаря чему выяснилось очень многое. Все это весьма пригодилось мне позднее. Я никогда не узнал бы ничего подобного, догадайся собеседник о моем необычном даре, поскольку марсиане умеют безупречно контролировать свой мыслительный процесс и направлять мысли в нужное русло с абсолютной точностью.

В этом огромном здании размещались механизмы, которые производили искусственную атмосферу, поддерживающую жизнь на Марсе. Тайна процесса заключалась в использовании девятого луча, одного из двух лучей неопишуемого цвета, что исходили от огромного камня на диске старика.

Этот луч отделялся от спектра посредством точно настроенных инструментов, расположенных на крыше гигантского здания; три четверти постройки занимали резервуары, в которых и хранился девятый луч. Потом его обрабатывали электричеством или, скорее, очищали с помощью электрических вибраций и соединяли с электрическим потоком в единое целое, а то, что получилось, перекачивали в пять основных воздушных центров планеты, где этот продукт, поступая в атмосферу, превращался в пригодный для дыхания воздух.

Мой новый друг объяснил, что в огромном здании всегда находился достаточный запас девятого луча, чтобы поддерживать нынешнее состояние атмосферы тысячу лет, и единственное, чего боялись красные марсиане, так это случайности, способной разрушить передающие смесь механизмы.

Старик повел меня во внутренние помещения, где я увидел целый ряд специальных насосов, двадцать штук, и любой из них мог сам по себе выполнять задачу снабжения Марса атмосферой; все моторы работали на радию. Уже восемьсот лет, сказал старик, он наблюдает за этими помпами, которые действуют по очереди в полную силу в течение дня, то есть примерно двадцать четыре с половиной земных часа. У старика был помощник, деливший с ним вахты. Половину марсианского года, около трехсот сорока четырех земных дней, наблюдатель проводил в одиночестве в огромном строении.

Каждый красный марсианин еще в раннем детстве узнавал о важности производства атмосферного воздуха, но лишь двое знали тайну входа в гигантскую фабрику, которая была абсолютно неприступной. Толщина стен составляла сто пятьдесят футов; сверху строение защищала от воздушной атаки пятифутовая стеклянная крыша.

Единственное, чего опасались красные марсиане, так это нападения зеленых орд или какого-нибудь обезумевшего соплеменника, потому что барсумиане прекрасно понимали: существование всех форм

жизни на Марсе полностью зависит от непрерывной работы этой фабрики.

Пока я следил за мыслями старика, всплыл один любопытный факт: оказалось, что наружные двери управляются телепатически. Замки были устроены так хитроумно, что двери открывались посредством определенной комбинации мысленных волн. Чтобы поэкспериментировать со своей новой игрушкой, я самым небрежным тоном спросил старика, как он умудрился открыть передо мной такие тяжелые двери, находясь во внутренних помещениях здания. И моментально в его уме возникли девять звуковых волн, но быстро исчезли, когда старик сказал, что этим секретом поделиться не может.

Но и его отношение ко мне сразу изменилось, как будто он испугался,

что от неожиданности мог выдать великую тайну, и я прочел подозрение и страх в его взгляде и мыслях, хотя слова звучали по-прежнему вежливо и искренне.

Перед тем как отвести меня спать, старик пообещал дать письмо к живущему по соседству агроному, который должен был помочь мне добраться до Зоданги, ближайшего марсианского города.

— Но не говори ему, что ты связан с Гелиумом, ведь тамошние жители воюют с этой страной. У меня и моего помощника нет родины, мы принадлежим всему Барсуму, и талисман, который мы всегда носим, защищает нас в любых краях, даже среди зеленых людей... хотя мы все равно стараемся избегать встречи с ними. Ну что ж, спокойной ночи, друг мой, — добавил он. — Спи крепко и долго... да, долго.

Несмотря на то что старик любезно улыбнулся, в его мыслях не было полного доверия к незваному гостю. А потом в его уме вспыхнула картина: он стоит надо мной среди ночи, взмахивает длинным кинжалом и невнятно произносит: «Мне очень жаль, но так будет лучше для всего Барсума».

Когда он вышел из отведенной мне комнаты и закрыл за собой дверь, я не смог больше читать его мысли, что показалось мне странным, — впрочем, о телепатии я знал очень мало.

Что же мне делать? Как сбежать из этих могучих стен? Конечно, я был предупрежден и мог с легкостью убить старика, но тогда тем более не сумел бы выйти наружу. Кроме того, если бы остановились механизмы гигантской фабрики, я бы умер вместе с остальными обитателями планеты... всеми, включая Дею Торис... если она до сих пор жива. Ради других я бы и пальцем не шевельнул, но мысль о принцессе немедленно изгнала желание покончить с неприветливым хозяином.

Я осторожно открыл дверь комнаты и вместе с Вулой, тащившимся следом за мной, отправился искать исполинскую внутреннюю дверь. Мне в голову пришел дикий план: попытаться отпереть мощные запоры теми девятью мысленными волнами, которые я увидел в уме хозяина.

Крадясь по переходам, спускаясь по винтовым лестницам, я наконец добрался до огромного холла, где утром нарушил свой долгий пост. Хозяина я по пути не заметил и понятия не имел, где он скрывается ночью.

Я уже был готов дерзко войти в это помещение, как вдруг легкий шум позади заставил меня оглянуться и всмотреться в тени в глубине коридора. Прижав к себе Вулу, я скорчился в темноте.

Вскоре мимо меня проковылял старик, и, когда он вошел в слабо освещенный холл, который я только что собирался пересечь, в его руке блеснул длинный, остро заточенный кинжал. Старый марсианин думал о том, что нужно проверить помпы, поскольку это требовалось делать

каждые полчаса, а потом пойти в спальню гостя и прикончить его.

Когда он миновал холл и исчез в коридоре, что вел к залу с насосами, я выбрался из своего укрытия и поспешил к огромной двери, первой из тех трех, что стояли между мной и свободой.

Сосредоточившись на массивном запоре, я воспроизвел девять мысленных волн. Я ждал, почти не дыша, и наконец тяжелая дверь сдвинулась с места, скользнула в сторону. Один за другим оставшиеся могучие порталы открывались, подчиняясь моей команде, и мы с Вулой вышли в темноту, свободные, но оказавшиеся в нелучшем положении, чем до этого, разве что теперь у нас были полные животы.

Спеша уйти подальше от грозного строения, я побежал к первому перекрестку дорог, намереваясь как можно быстрее очутиться на главной магистрали. К утру я достиг цели – предо мной высилась стена, окружающая явно обитаемое поселение.

Здесь стояли низкие осыпающиеся бетонные здания, защищенные тяжелыми надежными дверями, но сколько я ни стучал в них и сколько ни кричал, никакого отклика не дождался. Усталый и измученный бессонной ночью, я просто лег на землю, велев Вуле охранять меня.

Некоторое время спустя меня разбудил грозный рык пса, и я, открыв глаза, увидел троих краснокожих марсиан, стоявших неподалеку и целившихся в меня из винтовок.

– У меня нет оружия, и я вам не враг! – поспешил сказать я. – Я был в плену у зеленых людей, а теперь иду в Зодангу. Нам с калотом нужно всего лишь немного поесть и отдохнуть, и еще я прошу, чтобы мне показали дорогу в город.

Они опустили винтовки и подошли, чтобы вежливо положить свои правые ладони на мое левое плечо, что было в их обычае и заменяло приветствие, и тут же стали задавать мне множество вопросов обо мне самом и моих скитаниях. Потом меня отвели в дом одного из марсиан, и это оказалось совсем недалеко.

Здания, в двери которых я стучал утром, оказались складами разных припасов и фермерской продукции, а жилой дом стоял среди огромных деревьев и, как все дома краснокожих марсиан, на ночь поднимался над землей футов на сорок-пятьдесят на большой круглой металлической платформе. Она двигалась вверх-вниз силой маленького радиевого мотора, который находился в вестибюле при входе в здание. Вместо того чтобы вешать множество замков и запоров на двери своих жилищ, красные марсиане придумали механизм, позволяющий спать на безопасной высоте. У них также имелись личные средства для спуска и подъема, если им нужно было выйти.

Трое братьев, что нашли меня, занимали три одинаковых дома на этой ферме. Они сами там не работали, будучи правительственными

чиновниками-снабженцами. Труд возлагался на преступников, военнопленных, должников и закоренелых холостяков, слишком бедных для того, чтобы заплатить весьма высокий налог на безбрачие, которым облагало их правительство.

Братья приняли меня со всей сердечностью и радушием, и я провел с ними несколько дней, отдыхая и приходя в себя после долгих и тяжких испытаний.

Когда марсиане узнали мою историю – хотя я не стал упоминать о Дее Торис и о старике с атмосферной фабрики, – они посоветовали мне покрасить кожу, чтобы больше походить на них, а потом уже попытаться найти себе занятие в Зоданге, либо в армии, либо во флоте.

– Слишком мало шансов на то, что тебе поверят, пока ты не докажешь свою правоту и не завоюешь друзей среди высшей знати при дворе. А это как раз легче всего сделать посредством военной службы, мы же на Барсуме все вынуждены воевать, – пояснил один из братьев, – и тому, кто хорошо сражается, скорее пойдут навстречу.

Когда я был готов отправиться дальше, братья дали мне маленького домашнего фюата, на каких ездят верхом красные марсиане. Это животное, размером примерно с лошадь, выглядело спокойным, но по масти и облику ничем не отличалось от огромных и злобных диких сородичей.

Братья снабдили меня еще и красноватым маслом, которым я вымазал все тело, а один из них подстриг мои отросшие волосы по современной моде – сзади каре, спереди челка, – так что я теперь где угодно на Барсуме мог сойти за полноправного краснокожего марсианина. Мои металлические украшения также были заменены на новые, в стиле джентльменов Зоданги, и они указывали на родство с домом Птора, к которому принадлежали мои благодетели.

А еще они наполнили маленький мешочек, висевший у меня на боку, деньгами Зоданги. В целом мелкие монеты на Марсе схожи с нашими, разве что у марсиан они овальные. Бумажные купюры выдаются дважды в год, по требованию. Если кто-то тратит больше, чем может себе позволить, правительство возвращает за него долги, а должник отработывает за это на фермах или в шахтах, которые принадлежат государству. Это устраивает всех, кроме самих должников, но уж очень нелегко найти добровольных работников для огромных удаленных ферм Марса, которые тянутся узкими полосами от полюса до полюса, через места, населенные дикими зверями и еще более дикими людьми.

Когда я посетовал на то, что мне нечем вознаградить братьев за их доброту, они меня заверили: такой случай непременно представится, если я долго проживу на Барсуме, – а потом, попрощавшись, смотрели мне вслед, пока я не исчез из виду за большой белой заставой.

XXI

Воздушная разведка

По пути к Зоданге мое внимание привлекало множество странных и интересных вещей, а в тех фермерских домах, где мне давали кров, я узнал немало нового и поучительного о жизни Барсума.

Вода, которой снабжались фермы, скапливалась в необъятных подземных резервуарах на полюсах, когда таяли ледяные шапки, а потом перекачивалась по длинным трубопроводам в различные населенные центры. По обе стороны таких акведуков, по всей их длине, и располагались земледельческие районы. Они делились на отрезки примерно одинакового размера, и каждым отрезком управлял один или несколько правительственных чиновников.

Вместо того чтобы поливать всю поверхность полей и таким образом напрасно тратить огромные количества воды, которая тут же начинала испаряться, драгоценную влагу через обширную подземную сеть тонких труб подводили прямо к корням растений. Урожаи на Марсе всегда стабильны, поскольку там нет ни засух, ни дождей, ни сильных ветров, а также насекомых или птиц, которые могли бы повредить всходы.

В этом путешествии я впервые с того момента, как покинул Землю, попробовал большие сочные бифштексы и отбивные, приготовленные из мяса отлично откормленных домашних животных. И еще я наслаждался спелыми фруктами и овощами, причем они совсем не походили на дары земной природы. Каждое растение, цветок или плод, каждое животное были так изменены веками тщательной научной селекции, что в сравнении с ними наши продукты показались бы лишь бледными копиями.

Во время второй остановки я встретился с весьма образованными и знатными людьми, и в разговоре мы упомянули Гелиум. Самый старший из этих господ бывал там с дипломатической миссией несколько лет назад и с большим сожалением говорил о причинах, по которым их страны постоянно воюют друг с другом.

– Гелиум, – сказал он, – по праву гордится самыми прекрасными женщинами на Барсуме, и главное его сокровище – дочь Морса Каяка, Дея Торис, воистину изысканный цветок. Понятно, – продолжил он, – что люди поклоняются земле, по которой она ступает, и с тех пор, как принцесса пропала в неудачной экспедиции, вся страна погрузилась в траур. А высочайший приказ атаковать обессиленную флотилию Гелиума по пути домой был ошибкой, и это, боюсь, заставит жителей Зоданги рано или поздно избрать более мудрого правителя. Даже теперь, когда наша победоносная армия окружает Гелиум, народ Зоданги выражает недовольство: война, не основанная на

справедливости или законе, не слишком популярна. Наши силы получили преимущество из-за отсутствия главного вражеского флота, брошенного на поиски принцессы, так что мы могли бы легко привести противника в жалкое состояние. Говорят, Гелиум падет через несколько оборотов ближайшей луны.

– А какова, по-твоему, судьба принцессы Деи Торис? – спросил я самым небрежным тоном.

– Она мертва, – ответил марсианин. – Это известно со слов некоего зеленого воина, недавно пойманного нашими солдатами на юге. Дея Торис сбежала от орды Тарка вместе со странным существом из другого мира, но попала в лапы людей Вархуна. Нашли ее фюатов, которые бродили по дну моря; пятна крови вокруг свидетельствовали о происшедшей там схватке.

Хотя новость никоим образом не обнадеживала, не было и доказательств гибели Деи Торис. Поэтому я решил поскорее добраться до Гелиума и известить Тардоса Морса о приблизительном местонахождении его внучки.

Десять дней спустя после того, как я покинул троих братьев Птор, мы с Вулой достигли Зоданги. С того самого момента, как я начал общаться с краснокожими жителями Марса, мне бросилось в глаза излишнее внимание к моему стражу. Огромный зверь принадлежал к тому виду, который никогда не приручался красными барсумианами. Если бы я прогулялся по Бродвею в сопровождении нумидийского льва, эффект был бы примерно таким же, какой я произвел, появившись в Зоданге вместе с Вулой.

Сама мысль о расставании с верным другом рождала во мне огромное сожаление и искреннее горе, так что я отгонял ее до тех пор, пока мы не подошли к городским воротам, но там все же пришлось распрощаться. Если бы речь шла только о моей безопасности или моем удовольствии, никакие аргументы не заставили бы меня отвернуться от единственного на всем Барсуме существа, преданного мне всецело. Однако я добровольно посвятил свою жизнь той, ради которой готов был столкнуться с неведомыми опасностями в этом чужом таинственном городе, и не мог допустить, чтобы Вуле что-то угрожало. Стоило пожертвовать сиюминутной радостью нашего общения, ибо я не сомневался, что он скоро забудет меня. И потому я нежно попрощался с моим зверем, пообещав ему, что если я выберусь из переделок целым и невредимым, то приложу все усилия, чтобы отыскать его.

Он, казалось, отлично меня понял и, когда я показал ему в сторону Тарка, грустно побрел прочь, а я просто не в силах был смотреть ему вслед... В общем, я решительно повернулся лицом к Зоданге и с болью в сердце подошел к ее хмурым стенам.

Письмо, которое я получил от братьев, позволило мне беспрепятственно войти в огромный, хорошо защищенный город. Стояло раннее утро, и улицы были почти пустыми. Жилые дома, возвышавшиеся над металлическими столбами, напоминали огромные скворечники, а их опоры были похожи на древесные стволы из стали. Магазины, как правило, стояли на земле, и их двери не запирались на замки и задвижки, поскольку воровство практически неведомо на Барсуме. Марсиане вечно боялись одного – убийства, и именно поэтому их дома поднимались высоко над землей по ночам, а также в опасные моменты.

Братья Птор дали мне подробные указания насчет того, где найти ночлег и конторы государственных чиновников, которым и адресовалось письмо. Мой путь шел к центральной площади, имеющейся во всех марсианских городах.

Площадь Зоданги была размером в квадратную милю, ее окружали дворцы джеджа, джедов и прочих представителей правящего класса и знати Зоданги, а также главные общественные здания, закусочные и магазины.

Когда я пересекал это огромное пространство, восхищенно рассматривая архитектуру и великолепные алые растения, покрывавшие широкие газоны, какой-то красный марсианин свернул с улицы на площадь и быстро пошел в мою сторону. Он не обратил на меня ни малейшего внимания, но я его узнал. Как только барсумианин поравнялся со мной, я, повернувшись, положил руку ему на плечо и воскликнул:

– Каор, Кантос Кан!

Он отпрянул со скоростью молнии, и, прежде чем я успел опустить руку, острие длинного меча коснулось моей груди.

– Ты кто такой? – прорычал он, но, когда я отскочил назад футов на пятьдесят, лезвие ткнулось в землю, и марсианин засмеялся. – Лучшего ответа и не нужно, потому что на всем Барсуме не найдется второго человека, способного прыгать, как резиновый мяч. Но ради матери дальней луны, Джон Картер, скажи, как ты здесь очутился и что за чудо изменило цвет твоей кожи?

Я вкратце описал ему свои приключения с того момента, как мы с ним расстались на арене в Вархуне.

– Ты меня напугал, друг мой, – продолжил он. – Если бы мое имя и город, откуда я явился, стали известны жителям Зоданги, я бы очень скоро оказался на берегах затерянного моря Корус вместе с моими почтенными ушедшими предками. Я нахожусь здесь в интересах Тардоса Морса, джеджа Гелиума, и занимаюсь поисками Деи Торис, нашей принцессы. Саб Тан, принц Зоданги, прячет ее в этом городе,

потому что безумно в нее влюбился. Его отец, Тан Козис, джедак Зоданги, хочет принудить ее к браку со своим сыном, а ценой этого союза станет мир между нашими странами. Однако Тардос Морс не принимает его требований и уже послал весть, что он и его народ скорее увидят свою принцессу мертвой, чем выходящей замуж против собственного желания, а сам он предпочтет, чтобы Гелиум сгорел дотла, чем соединит знаки своего дома со знаками Тана Козиса. Ответ джедаку Зоданги был самым оскорбительным по форме, но народ лишь сильнее полюбил за это Тардоса Морса, и теперь его популярность в Гелиуме выше, чем когда-либо. Я здесь уже три дня, – говорил далее Кантос Кан, – но пока что не нашел, где прячут Дею Торис. Сегодня я собираюсь присоединиться к отряду флота Зоданги. Во время воздушной разведки надеюсь завоевать доверие принца Саба Тана, который командует этим подразделением, и таким образом разузнать о местонахождении Деи Торис. Я рад, что встретил тебя, Джон Картер, – ведь ты так предан моей принцессе, а вдвоем мы сумеем сделать гораздо больше.

Площадь уже начала заполняться народом, люди шли в разные стороны по своим делам. Магазины открылись, в закусочных замелькали утренние посетители. Кантос Кан повел меня в изумительное заведение, где людей обслуживали исключительно механические аппараты. Ни одна рука не касалась продуктов с момента, когда они поступали сюда в сыром виде, и до того, как блюда появлялись на столах, горячие и аппетитные, – в ответ на прикосновение к одной из крошечных кнопок, по выбору заказчиков.

После завтрака Кантос Кан взял меня с собой в штаб воздушной разведки и представил своему начальнику, спросив, нельзя ли внести меня в список его команды. В соответствии с правилами необходим был экзамен, но Кантос Кан сказал мне, что бояться тут нечего, он все устроит. И устроил, сам отдав офицеру приказ о моей экзаменации и назвавшись Джоном Картером.

– Позже эта хитрость раскроется, – весело объяснил он мне, – когда они сверят мои данные – вес, рост и так далее – с твоими, но на это у них уйдут месяцы, а наша миссия должна быть к тому времени закончена.

Следующие несколько дней Кантос Кан учил меня управлять хитроумными летательными аппаратами, а также ремонтировать их. Челнок, рассчитанный на одного человека, имеет примерно шестнадцать футов в длину, два в ширину, толщиной он в три дюйма и заостряется к концам. Водитель сидит на этой плоскости на специальном сиденье, установленном над маленьким бесшумным радиевым мотором, который и движет суденышко. Само средство

поддержания челнока в воздухе содержится в тонкой металлической оболочке и состоит из восьмого барсумианского луча, или луча движения, как его можно назвать в соответствии со свойствами.

Этот луч, как и девятый луч, неизвестен на Земле, но марсиане обнаружили, что он присущ любому свету, независимо от его источника. Они узнали, что именно восьмой солнечный луч доставляет свет желтой звезды к разным планетам, а индивидуальный восьмой луч каждой из планет «отражает», то есть уносит свет снова в пространство. Восьмой луч Солнца мог бы поглощаться марсианской поверхностью, но мощный восьмой луч самого Барсума постоянно истекает из планетарного ядра, создавая силу отталкивания, и, если эту силу обуздать, взять в определенные рамки, она способна поднимать гигантский вес над поверхностью планеты.

Именно этот луч и дал марсианам возможность построить великолепный парк авиации: их боевые корабли превосходят все летательные аппараты землян и они легко и грациозно плывут в разреженной атмосфере Барсума, как детский воздушный шарик в плотном воздухе Земли.

В первые годы после этого открытия происходило много странных несчастных случаев, пока наконец марсиане не научились измерять и контролировать чудесную силу света. Например, около девятисот лет назад первый большой военный корабль, оборудованный накопителями восьмого луча, набрал слишком большое его количество и улетел из Гелиума с пятью сотнями офицеров и солдат на борту, чтобы никогда не вернуться.

Сила отталкивания корабля от планеты оказалась настолько велика, что унесла его в пространство, где его видно и по сей день через мощные телескопы, — он кружит в небесах в десяти тысячах миль над Марсом; флагман превратился в крошечный спутник, которому предстоит вращаться там до конца времен.

На четвертый день после моего прихода в Зодангу я совершил свой первый полет и в результате заработал повышение, причем в число наград входило размещение во дворце Тана Козиса.

Поднявшись над городом, я сделал несколько кругов — так обычно начинал полет Кантос Кан, — а потом пустил мотор на полную скорость и понесся на юг над одним из больших водных путей, что подходили к Зоданге с той стороны.

Я пролетел, наверное, около двухсот миль — с момента взлета прошло около часа. И вдруг далеко внизу появились трое зеленых всадников, они бешено неслись к маленькой фигурке пешего, который, похоже, пытался добраться до укрытия на огороженном стенами поле.

Поспешно направив свою машину в ту сторону и сделав круг над

воинами, я вскоре понял, что объект их погони – краснокожий марсианин, носивший знаки того разведывательного отряда, к которому был приписан и я сам. Неподалеку лежал крохотный летательный аппарат, а вокруг валялись инструменты, – очевидно, разведчик занимался починкой какой-то неисправности, когда враги застали его врасплох.

Они уже почти настигли его; их стремительные скакуны догоняли маленького по сравнению с ними человека с пугающей быстротой, и воины уже склонялись вправо, нацеливая на него огромные копья с металлическими наконечниками. Должно быть, каждому из них хотелось первым поразить несчастного, и при иных обстоятельствах его судьба была бы печальной, но тут очень вовремя появился я.

Я помчался за зелеными воинами и вскоре нагнал их; мой челнок на полной скорости протаранил носом спину ближайшего всадника. Такого удара хватило бы на то, чтобы пробить несколько дюймов стальной плиты. Обезглавленное тело взлетело в воздух над фоатом и тут же растянулось на мху. Скакуны двух других воинов заскулили от страха и рванулись в противоположном направлении.

Сбросив скорость, я сделал круг и опустился на землю рядом с ошарашенным зоданганцем. Он жарко благодарил меня за своевременную помощь и обещал, что мой поступок будет должным образом вознагражден, – спасенным оказался не кто иной, как двоюродный брат джеддака Зоданги.

Мы не стали тратить время на разговоры, понимая, что зеленые воины наверняка вернутся сразу, как только обуздают фоатов, и поспешили взяться за ремонт машины, прилагая все усилия, чтобы закончить работу побыстрее. Мы уже почти справились с делом, когда увидели двух зеленых монстров, приближавшихся к нам на полном скаку. Но в двухстах ярдах от нас фоаты снова взбунтовались, не желая идти дальше, так как воздушное судно их пугало.

Воины наконец спешили, бросили животных и направились к нам, обнажив длинные мечи.

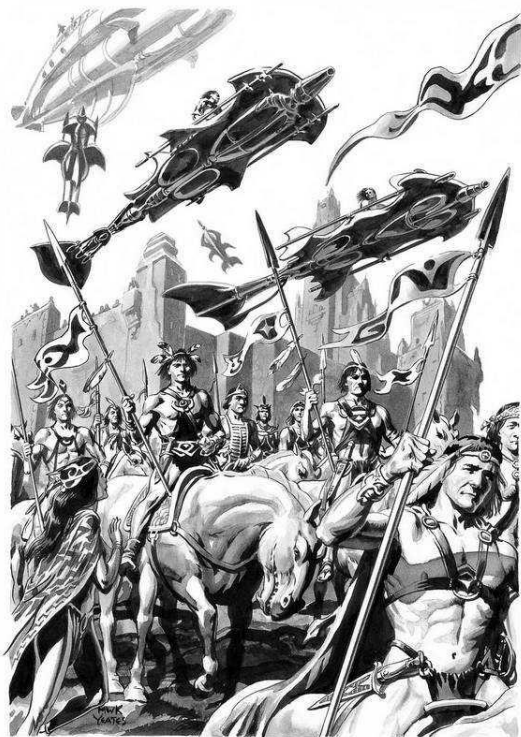
Я двинулся навстречу тому, кто был крупнее, велел зоданганцу уложить другого. Покончив со своим противником почти без усилий, поскольку теперь уже достаточно напрактиковался, я кинулся на выручку к своему новому знакомому, который попал в отчаянное положение.

Он был ранен и упал на землю, недруг наступил ему на горло своей огромной ногой и поднял длинный меч, чтобы нанести последний удар. Я одним прыжком преодолел пятьдесят футов, разделявших нас, и вонзил клинок в тело зеленого врага. Он выронил оружие и бессильно повалился рядом с зоданганцем.

Быстрый осмотр показал, что смертельных ранений красный марсианин не получил, и после недолгого отдыха мой товарищ почувствовал себя в силах пуститься в обратный путь. Но он должен был лететь на собственном челноке, потому что эти хрупкие конструкции могли поднять лишь одного человека.

Быстро закончив ремонт, мы взмыли в спокойное, безоблачное небо Марса и на большой скорости вернулись в Зодангу без дальнейших происшествий.

Приблизившись к столице, мы увидели огромную толпу горожан и военных на равнине перед городской стеной. Небо почернело от военных судов, частных летательных аппаратов и общественных воздушных лодок – а над ними развевались длинные полосы яркого шелка, знамена и флаги самых необычных расцветок.

Мой спутник подал мне знак спуститься и, когда мы полетели рядом, сказал, что внизу проходит церемония чествования офицеров и рядовых, проявивших храбрость в бою и совершивших иные подвиги. Потом он развернул небольшой флаг, который означал, что у руля член королевской семьи Зоданги. Мы вместе пробились дальше сквозь вереницу низко летевших воздушных судов и наконец зависли прямо над джеддаком и его свитой. Все они ехали верхом на маленьких домашних фоатах. Упряжь и украшения отличались невероятной яркостью и в числе прочего блистали

пестрыми перьями, так что я был поражен странным сходством процессии с отрядом краснокожих индейцев на моей родине.

Один из свиты крикнул, привлекая внимание Тана Козиса к появлению моего спутника над их головами, и правитель махнул рукой, предлагая нам приземлиться. Пока войска занимали свои позиции перед джеддаком, мой товарищ о чем-то энергично беседовал с правителем, при этом он и его сопровождающие то и дело поглядывали на меня. Я не слышал их разговора, а они вскоре умолкли и спешили, как только последний отряд замер на месте. Кто-то из свиты шагнул к строю и выкрикнул имя солдата, приказывая ему выйти вперед. Затем офицер нараспев изложил суть совершенного героического поступка, вызвавшего одобрение джеддака, а потом он сам подошел к герою и

надел металлический браслет на левую руку счастливого.

И таким образом были награждены по очереди десять человек, которых вызывал помощник.

– Джон Картер, воздушная разведка!

Никогда в жизни я не был так удивлен, но привычка к воинской дисциплине во мне чрезвычайно сильна, поэтому я легко опустил свою маленькую машину на землю и вышел вперед, как это делали все другие. Когда я встал навтыжку перед офицером, он громко, чтобы слышали все собравшиеся, обратился ко мне:

– Джон Картер! За беспримерную храбрость и доблесть, проявленные при защите кузена джедака Тана Козиса, а также за то, что ты в одиночку совладал с тремя зелеными воинами, наш правитель с удовольствием дарует тебе знак своего уважения.

Тан Козис подошел ко мне и надел на меня браслет со словами:

– Мой двоюродный брат во всех подробностях описал твой блестящий подвиг, который можно сравнить с настоящим чудом, и если тебе удалось спасти от верной гибели кузена джедака, то можно представить, как отлично ты будешь защищать своего государя. С этого момента ты назначаешься падваром стражи и будешь находиться в моем дворце.

Я поблагодарил правителя и по его указанию присоединился к свите. После церемонии я на летательной машине отправился на площадку на крыше казармы воздушной разведки и, когда из дворца за мной явился ординарец, доложил своему офицеру, что перехожу на службу в резиденцию джедака.

XXII

Я нахожу Дею

Сенешалю, который встретил меня по прибытии, были даны указания разместить нового телохранителя рядом с покоями самого джедака. В военное время тот всегда опасался нападения, поскольку в беспокойные периоды на Марсе считалось, что все средства хороши.

Поэтому распорядитель сразу же проводил меня к Тану Козису. Правитель погрузился в беседу со своим сыном Сабом Таном и несколькими приближенными, так что даже не заметил моего появления. Стены этих апартаментов были сплошь увешаны изумительными гобеленами, скрывавшими все окна и двери. Комнату освещали лучи солнечного света, хитроумно сфокусированные между настоящим потолком и фальшивым, изготовленным из материала вроде матового стекла и подвешенным на несколько дюймов ниже.

Мой провожатый отодвинул один из гобеленов, открыв проход, окружавший всю комнату, – он скрывался между стеной и коврами.

Внутри этого прохода, сказал сенешаль, мне и следовало находиться, пока Тан Козис остается в этой комнате. Когда он выйдет, я должен следовать за ним. Моей единственной обязанностью было охранять правителя – по возможности незаметно. Через четыре часа меня сменят. С этим сенешаль меня покинул.

Гобелены были вытканы весьма необычным образом: снаружи они выглядели тяжелыми и плотными, но из моего укрытия я мог видеть сквозь них всю комнату так отчетливо, как будто никакой завесы передо мной и не было.

Едва я успел занять свой пост, как раздвинулись занавеси на противоположном конце комнаты и вошли четыре стражника, которые привели какую-то женщину. Приблизившись к Тану Козису, конвоиры расступились, и перед джедаком, не более чем в десяти футах от меня, возникло прекрасное лицо Деи Торис, озаренное улыбкой.

Саб Тан, принц Зоданги, бросился к ней навстречу, чтобы приветствовать ее, и они рука об руку подошли к джедаку. Тан Козис явно удивился и, встав, отсалютовал девушке:

– Какой странной причуде я обязан этим визитом, разве принцесса Гелиума всего два дня назад не заявила, выразив исключительное почтение к моей персоне и нисколько не задев моей гордости, что скорее выберет Тала Хаджуса, зеленого таркианина, чем моего сына?

Дея Торис снова улыбнулась, отчего в уголках ее рта заиграли ямочки, и ответила:

– Испокон веку на Барсуме женщины имели право передумать, если не желали больше скрывать свои сердечные пристрастия. Ты ведь простишь мне это, Тан Козис, как простил твой сын? Два дня назад я не была уверена в его любви, но теперь это не так, и я молю тебя забыть мои поспешные слова и принять заверения принцессы Гелиума в том, что в свое время она станет женой Саба Тана, принца Зоданги.

– Я рад, что ты оказалась столь решительной, – сказал Тан Козис. – У меня нет ни малейшего желания продолжать войну с народом Гелиума, так что твое обещание будет немедленно записано, и мой народ сразу же узнает о нем.

– Было бы лучше, – перебила его Дея Торис, – если бы с таким заявлением подождали до окончания войны. И моему народу, и твоему может показаться весьма странным, что принцесса Гелиума отдает свою руку врагу прямо в разгар противостояния.

– Разве с войной нельзя покончить сразу? – заговорил Саб Тан. – Для этого достаточно указа Тана Козиса о мире. Выскажи свою волю, отец мой, произнеси слово, которое ускорит наступление моего счастья, и пусть завершится эта ненужная народам распря!

– Посмотрим, – возразил Тан Козис, – как Гелиум воспримет это. Но я,

по крайней мере, предложу противникам мир.

Дея Торис, бросив пару фраз, повернулась и вышла из комнаты, все так же в сопровождении своих охранников.

А все мои недолгие мечты о счастье рухнули и разбились, ударившись о почву реальности. Женщина, которой я был готов отдать свою жизнь и с чьих губ так недавно слетели слова любви ко мне, совершенно забыла о моем существовании и с улыбкой предложила себя врагу своего народа, самому ненавистному из всех прочих.

Но хотя я слышал все собственными ушами, невозможно было в это поверить. Необходимо разыскать апартаменты принцессы и заставить ее повторить жестокую правду мне в глаза, чтобы окончательно в ней убедиться. Я покинул свой пост и по проходам за гобеленами поспешил к двери, через которую Дея Торис вышла из комнаты. Тихо проскользнув наружу, я увидел перед собой безумную путаницу коридоров, разбегавшихся во всех направлениях.

Помчавшись сначала по одному, потом по другому, я вскоре безнадежно заблудился и, задыхаясь, прислонился к стене... Вдруг неподалеку раздались голоса. Видимо, кто-то шел мимо с той стороны перегородки, и вскоре я различил интонации Деи Торис. Слов разобрать я не мог, но знал, что не ошибся и не спутал ее с кем-то другим.

Сделав несколько шагов, я нашел другой проход, в конце которого была дверь. Дерзко шагнув к ней, я ворвался внутрь – и очутился в маленькой прихожей, где находились четверо стражей, сопровождавших Дею Торис. Один из них тут же вскочил и обратился ко мне, спрашивая о причине моего посещения.

– Я от Тана Козиса, – соврал я, – и желаю поговорить наедине с Деей Торис, принцессой Гелиума.

– А твой пропуск? – спросил парень.

Я понятия не имел, о чем он говорил, но пробормотал, что состою в дворцовой страже, и, не ожидая ответа, быстро пошел к внутренней двери, за которой и слышался голос Деи Торис.

Но просто так войти туда мне не удалось. Страж шагнул мне наперерез со словами:

– Никто не приходит от Тана Козиса без специального пропуска или пароля. Ты должен предоставить то или другое, прежде чем войдешь.

– Единственный пропуск, который мне требуется, чтобы я мог войти куда хочу, приятель, висит у меня на боку, – сказал я, похлопывая по своему длинному мечу. – Ты пропустишь меня с миром или нет?

Вместо ответа он выхватил собственный клинок, призывая на помощь товарищей, и все четверо встали передо мной с обнаженным оружием, плотно загородив мне дорогу.

– Ты здесь не по приказу Тана Козиса! – воскликнул тот, который

заговорил со мной первым. – И тебя не только не пустят в покои принцессы Гелиума, но еще и отправят обратно к джедаку под охраной, там и будешь объяснять свою недозволенную дерзость. Убери свой меч, куда тебе против нас четырех, – добавил он с мрачной улыбкой.

Моим ответом стал стремительный удар, в результате которого противников у меня осталось трое, и могу вас уверить, что они были весьма достойными. Стражники моментально заставили меня отступить к стене и драться за собственную жизнь. Я попятился в угол, где они могли нападать на меня только поодиночке, и таким образом мы сражались более двадцати минут; звон стали о сталь в маленьком помещении был просто оглушительным.

На шум из апартаментов выглянула Дея Торис. Она наблюдала за стычкой, а из-за ее плеча вытягивала шею Сола. Лицо принцессы ничего не выражало, и я понял, что они с Солой просто не узнали меня.

Наконец удачный удар избавил меня от второго стража, и, когда противников осталось всего двое, я изменил тактику и ринулся на них, применяя те приемы, которые уже не раз помогали мне побеждать. Третий воин пал через десять секунд после второго, последний спустя несколько мгновений тоже распростерся на полу в луже крови. Они были храбрыми солдатами и доблестными бойцами, и мне стало горько оттого, что пришлось их убить, но я не остановился бы ни перед чем, лишь бы очутиться рядом с моей Деей Торис.

Вложив в ножны окровавленный меч, я подошел к марсианской принцессе, которая все так же молча смотрела на меня и явно не узнавала.

– Кто ты таков, зоданганец? – шепотом спросила она. – Еще один враг, пришедший потревожить меня в моем несчастье?

– Я твой друг, – ответил я. – И когда-то был весьма близким другом.

– Никто из друзей принцессы Гелиума не носит таких знаков, – возразила она, – но этот голос... Я уже слышала его прежде... но ведь не может быть... нет, он ведь мертв...

– Тем не менее, моя принцесса, перед тобой не кто иной, как Джон Картер, – сказал я. – Разве ты не узнаешь, несмотря на эту краску и чужие знаки, сердце твоего вождя?

Я подошел ближе, и она качнулась в мою сторону, протянув ко мне руки. Но мне не посчастливилось сжать ее в объятиях: принцесса вдруг отпрянула, содрогнувшись и испустив короткий горестный стон.

– Слишком поздно, слишком поздно! – воскликнула она. – О мой вождь, я ведь думала, тебя нет в живых, почему же ты не пришел всего часом раньше... теперь все кончено!

– Что ты имеешь в виду, Дея Торис? – закричал я. – Если бы ты знала,

что я жив, то не стала бы давать обещание принцу Зоданги?

– По твоим представлениям, Джон Картер, вчера я отдала свое сердце тебе, а сегодня – другому? Я думала, ты лежишь в яме в Вархуне, и сегодня обещала свое тело врагу, чтобы спасти мой народ от проклятой победоносной армии Зоданги!

– Но я не мертв, принцесса. Я пришел за тобой, и вся Зоданга не может этому помешать!

– Слишком поздно, Джон Картер: я уже дала слово, а на Барсуме это равносильно окончательному решению. Те церемонии, что последуют потом, всего лишь несущественные формальности. Они ничего не прибавят к факту брака, как и похоронный кортеж какого-нибудь джедака не наложит еще раз печать смерти на его лицо. Я уже все равно что замужем, Джон Картер. И ты не можешь больше называть меня своей принцессой. А я не могу больше звать тебя своим вождем.

– Я плохо знаком с обычаями здесь, на Барсуме, Дея Торис, но знаю, что люблю тебя, и если ты не шутила в тот день, когда на нас ринулись орды Вархуна, если твои слова прозвучали всерьез, то никакой другой мужчина не имеет права назвать тебя своей невестой. Ты говорила тогда правду, моя принцесса, ты была уверена в своих словах! Скажи, что это так.

– Да, я говорила от всего сердца, Джон Картер, – прошептала Дея Торис. – Но не могу теперь повторить этого, потому что уже обещала себя другому. Ах, если бы ты только знал наши правила, друг мой! – продолжила она, будто размышляя вслух. – Стоило дать тебе слово много месяцев назад... и ты мог бы претендовать на мою руку первым. И пускай Гелиум пал бы, я все равно отдала бы империю моему таркианскому вождю! – Помолчав, она продолжила громче: – Помнишь ту ночь, когда я оскорбилась? Ты назвал меня своей принцессой, даже не попросив моей руки, а потом еще хвастал, что сражался за меня. Конечно, ты просто не знал, как у нас принято поступать, а мне не следовало обижаться; теперь я это понимаю. Никто не объяснил тебе – а я тем более не могла, – что в городах красного народа Барсума есть два типа женщин. За одних мужчины сражаются, а потом просят их руки, другие тоже могут стать военным трофеем, однако в жены их не берут. Когда мужчина завоевывает женщину, он может называть ее своей принцессой, что, по сути, говорит об обладании. Ты бился за меня, но не предлагал выйти за тебя замуж, тем не менее сказал «моя принцесса», поэтому... – Она слегка запнулась. – В общем, я была задета, но даже тогда, Джон Картер, не отвергла тебя, как следовало бы, пока ты не сделал вдвойне хуже: в насмешку начал утверждать, будто выиграл меня в битве...

– Мне даже незачем просить у тебя прощения, Дея Торис! –

воскликнул я. — Ты ведь должна понимать, что все это было лишь от неведения, от незнания обычаев Барсума. Но чего я не сделал тогда из-за внутреннего убеждения, что мои слова были самонадеянными и нежеланными, я делаю сейчас, Дея Торис: я прошу тебя стать моей женой и клянусь отчаянной виргинской кровью, что течет в моих венах, ты ею будешь.

— Нет, Джон Картер, все это бесполезно, — с отчаянием в голосе ответила она. — Я никогда не смогу стать твоей, пока жив Саб Тан.

— Ты подписала ему смертный приговор, моя принцесса... Саб Тан уже мертв.

— Нет, так не годится, — поспешила объяснить Дея Торис. — Я не могу выйти замуж за мужчину, убившего моего мужа, даже если он просто защищался. Мы живем по обычаям Барсума. Так что, друг мой, разделим печаль на двоих. По крайней мере это будет у нас общим. Это да еще воспоминания о тех кратких днях среди таркиан. А теперь ты должен уйти и больше не искать встреч со мной. Прощай, мой бывший вождь.

Удрученный и подавленный, я покинул ее комнату, но надежда еще теплилась во мне; не верилось, что Дея Торис потеряна для меня окончательно, пока не произошла церемония бракосочетания.

Блуждая по коридорам, я запутался вконец и никак не мог найти того поворота, откуда вышел к апартаментам Деи Торис.

Мне было ясно, что спасти меня может лишь побег из Зоданги, поскольку гибель четырех стражей потребует немедленного расследования. Я же не в силах добраться до назначенного мне поста без чужой помощи и неизбежно навлеку на себя подозрения, если попадусь кому-то на глаза.

Тут я наткнулся на винтовую лестницу, ведущую вниз, и прошел несколько поворотов, пока не уперся в дверь. За нею находилось большое помещение, где мирно беседовали несколько охранников. Стены этой комнаты также были занавешены гобеленами, за которыми я и спрятался, никем не замеченный.

Стражи говорили о разных пустяках, не пробуждая во мне никакого интереса. Вдруг вошел офицер и приказал четверым отправиться на смену тем, кто охранял комнаты принцессы Гелиума. Теперь мне несдобровать, подумалось мне, очень скоро меня начнут искать — и это случилось даже раньше, чем я предполагал. Едва сменный караул вышел за дверь, как в комнату, задыхаясь, ворвался другой страж и закричал, что все четверо их товарищей убиты в прихожей принцессы.

Дворец сразу же наполнился людьми. Стражи, офицеры, придворные, слуги и рабы носились по коридорам и залам, передавая сообщения и приказы и пытаясь обнаружить убийцу.

Это был мой шанс, и, хотя он выглядел ненадежным, я ухватился за него. Мимо моего укрытия то и дело пробегали группы солдат, я присоединился к ним и помчался по коридорам дворца, потом через огромный зал, пока наконец не увидел благословенный дневной свет, проникавший через ряд больших окон.

Тут я оставил своих вожатых и, проскользнув к простенку, стал искать дорогу к спасению. Окна выходили на громадный балкон, который нависал над одной из широких улиц Зоданги. Земля находилась примерно в тридцати футах внизу, и примерно на таком же расстоянии от здания высилась двадцатифутовая стена, построенная из отполированного стекла толщиной в фут или около того. Красному марсианину такой путь показался бы невозможным, но для меня, с моей земной силой и проворством, задача была вполне выполнимой. Я боялся лишь того, что меня обнаружат прежде, чем опустится тьма, – сейчас было слишком светло для того, чтобы прыгнуть, поскольку и во дворе, и на улице толклись зоданганцы.

Поэтому я стал искать, где спрятаться, и наконец нашел такое место, хотя и случайно, – внутри огромного потолочного украшения, висевшего примерно в десяти футах над полом. Это было нечто вроде большой вазы, я без труда запрыгнул в нее – и едва съежился внутри, как в комнату вбежали несколько человек. Группа остановилась прямо под моим убежищем, и я отчетливо слышал каждое произнесенное слово.

– Это точно провернули люди из Гелиума, – сказал кто-то.

– Да, о джеддак, но как они проникли во дворец? Я мог бы еще поверить, что даже при всем усердии твоей охраны один человек мог добраться до внутренних покоев, но как группа из шести или восьми военных сумела пройти незамеченной, остается выше моего понимания. Но мы это скоро выясним, потому что сюда идет главный медиум.

К группе присоединился еще один мужчина и после официальных приветствий правителю доложил:

– О могучий джеддак, я прочел в умах твоих погибших солдат странную историю. Они пали не в сражении со множеством врагов, а в схватке с единственным противником.

Он немного помолчал, давая возможность слушателям полностью осознать его слова, но ему едва ли поверили, о чем свидетельствовало нетерпеливое восклицание Тана Козиса.

– Что за басни ты рассказываешь, Нотан? – резко спросил он.

– Я говорю чистую правду, мой джеддак, – ответил медиум. – На самом деле, это впечатление очень ярко обрисовалось в мозгу каждого из четырех убитых. Их противником был очень высокий мужчина, носивший знаки твоей стражи. Этот воин не знает себе равных в бою –

он честно сражался со всеми четырьмя и победил их благодаря исключительной ловкости и нечеловеческой силе и выносливости. Хотя на нем были знаки Зоданги, мой джеддак, такого бойца никогда прежде не видывали ни в этой, ни в какой-либо другой стране Барсума. А вот ум принцессы Гелиума, которую я подробно расспросил, оказался непроницаем для меня, она безупречно владеет собой, и я не смог прочесть ни единой ее мысли. Принцесса сказала, что у нее на глазах прошла лишь часть боя. Когда она выглянула из апартаментов, с телохранителями сражался только один человек, и он никогда прежде ей не встречался.

— А где мой недавний спаситель? — спросил еще кто-то, и я узнал голос кузена Тана Козиса. — Клянусь знаками моего первого предка, — продолжил он, — твое описание идеально подходит к этому человеку, в особенности в части военного мастерства.

— Где он? — воскликнул Тан Козис. — Немедленно привести его ко мне! Что ты о нем знаешь, кузен? Мне теперь кажется странным, что в Зоданге мог быть такой воин, а мы до сегодняшнего дня ничего о нем не слышали. И его имя — Джон Картер — тоже странное... На Барсуме таких имен не бывает!

Вскоре правителю доложили, что меня нигде не нашли, ни во дворце, ни в моем прежнем жилище в солдатских казармах воздушного эскадрона. Кантос Кан, которого отыскивали и расспросили, ничего не знал о моем местонахождении, как и о моем прошлом; он объяснил, что совсем недавно со мной познакомился, будучи в плену в Вархуне.

— Присматривайте и за этим тоже, — приказал Тан Козис. — Он тоже чужак, и похоже на то, что оба они свалились к нам из Гелиума, а где второй, мы рано или поздно выясним. Увеличьте в четыре раза численность воздушных патрулей, и пусть каждого, кто покидает город по земле или по воздуху, проверяют самым тщательным образом.

При этих его словах в комнату вошел еще один посыльный с сообщением, что я должен все еще находиться во дворце.

— Личность каждого, кто сегодня переступал порог дворца, очень внимательно проверялась, — завершил свой доклад посыльный, — и никто не был похож на этого нового падвара стражи. Он отметился, когда пришел, и наружу не выходил.

— Значит, мы его скоро отыщем, — довольным тоном произнес Тан Козис, — а пока приведем в порядок покои принцессы Гелиума и расспросим ее еще раз. Она может знать больше, чем соизволила поделиться с тобой, Нотан. Идемте.

Они вышли в коридор. Как только наступила темнота, я легко выбрался из своего тайника и бросился на балкон. Вокруг было почти безлюдно, и, улучив момент, когда рядом и вовсе никого не оказалось, я

быстро перепрыгнул на верх стеклянной стены, а с нее – на улицу за территорией дворца.

XXIII

Затерянный в небе

Не прячась, я поспешил в сторону дома, где, без сомнений, сейчас находился Кантос Кан. Приблизившись к цели, я стал более осторожен, вполне правильно рассудив, что это место охраняется. Действительно, несколько человек с гражданскими знаками слонялись перед парадным входом и несколько – перед задним. Для меня единственным способом попасть на верхний этаж, где была наша квартира, оставался проход через соседнее здание, и после довольно долгих маневров я сумел добраться до крыши какого-то магазина, расположенного в стороне.

Прыгая с крыши на крышу, я скоро увидел открытое окно дома, в котором надеялся найти своего приятеля из Гелиума, и еще через секунду оказался в его комнате. Он был один и ничуть не удивился моему появлению, заметив, что, вообще-то, ждал меня долго, поскольку мое дежурство давно уже закончилось.

Я понял, что Кантос Кан ничего не знает о дневных событиях во дворце, а когда я его просветил, он пришел в большое волнение. Новость о том, что Дея Торис пообещала свою руку Сабу Тану, наполнила его тревогой.

– Не может быть! – воскликнул он. – Это невозможно! Да любой в Гелиуме пойдет на смерть, лишь бы нашу любимую принцессу не отдали правящему дому Зоданги! Должно быть, она сошла с ума, раз согласилась на такую чудовищную сделку! Ты ведь не знаешь, как в Гелиуме любят семью джеддака, и тебе трудно представить, какой ужас охватывает меня при мысли о столь порочном союзе! Что же делать, Джон Картер? – спросил он. – Ты человек изобретательный. Неужели не можешь придумать способ спасти Гелиум от бесчестья?

– Если бы я смог очутиться на расстоянии меча от Саба Тана, – ответил я, – то сразу разрешил бы все трудности, Гелиума, но по личным причинам я бы предпочел, чтобы кто-то другой нанес удар, который освободит Дею Торис.

Прежде чем заговорить, Кантос Кан пристально посмотрел на меня.

– Ты ее любишь! – заявил он. – А она это знает?

– Она это знает, Кантос Кан, и отвергает меня лишь потому, что дала слово Сабу Тану.

Этот замечательный парень подскочил ко мне и, схватив меня за плечо, выдернул из ножен клинок со словами:

– А если бы мне предоставили выбор, я бы предпочел сразиться за первую принцессу Барсума. Вот моя рука, Джон Картер, и вот тебе мое

слово: Саб Тан ощутит, как его пронзает острие моего меча. Я сделаю это ради моей любви к Гелиуму, Дее Торис и тебе. Этой же ночью я попытаюсь добраться до его покоев во дворце.

– Но как? – спросил я. – Везде множество стражников, да и численность воздушных патрулей увеличилась вчетверо.

Он склонил голову, немного подумал, потом посмотрел на меня с отчаянной уверенностью.

– Мне только и нужно, что проскочить мимо охраны, и я смогу это сделать, – сказал он наконец. – Я знаю тайный вход во дворец через самую высокую из башен. Я однажды случайно его обнаружил, когда пролетал над дворцом во время патрулирования. В задании пилота патрульной службы есть пункт, предписывающий исследовать необычные явления, так вот, в полете я заметил, что кто-то наблюдает за мной из окна на вершине башни, и это показалось мне любопытным. С близкого расстояния я узнал того человека в лицо. Передо мной был Саб Тан. Он слегка смутился оттого, что его увидели, и позднее приказал мне никому об этом не говорить, поскольку ход из башни ведет прямо в его личные покои и известен только ему одному. Если я смогу добраться до крыши казарм и до моей машины, то в покоях Саба Тана буду через пять минут, но как мне удрать из этого здания, так хорошо охраняемого по твоим словам?

– А насколько хорошо охраняется ангар для машин? – спросил я.

– Обычно ночью на крыше не бывает больше одного человека.

– Тогда поднимайся на крышу этого дома, Кантос Кан, и жди меня там.

Не тратя времени на объяснение своих планов, я вернулся на улицу и поспешил к казармам. Я не осмелился войти в здание, битком набитое военными из эскадрона воздушной разведки, которые вместе со всеми жителями Зоданги желали меня отыскать.

Здание это было огромным, оно возносилось на тысячу футов к небесам. Но в Зоданге нашлись бы и более грандиозные постройки. Дома высотой в несколько сотен футов вообще не считались редкостью, доки больших военных кораблей возвышались примерно на пятнадцать сотен футов над землей, причалы пассажирских и торговых судов зачастую достигали той же высотной отметки.

Карабкаться по фасаду такой махины было нелегко, это грозило немалыми опасностями, но другого пути не оставалось, и потому я взялся за столь трудную задачу. Тот факт, что архитектура Барсума весьма затейлива, сделал подъем намного проще, чем я ожидал, поскольку мне постоянно попадались декоративные карнизы и выступы: они превращались в ступени идеальной лестницы на протяжении всего маршрута. А вот у самой крыши я столкнулся с

первым реальным препятствием. Верхний карниз выступал почти на двадцать футов от стены, по которой я полз, и мне пришлось двинуться вокруг огромного дома, чтобы поискать место, где можно его миновать.

Верхний этаж был освещен и полон солдат, занятых своими обычными делами; поэтому я не мог выбраться на крышу через комнаты.

У меня оставался единственный слабый шанс, и я решился его использовать – я ведь делал это для Деи Торис, а среди живущих в мире мужчин не нашлось бы того, кто не согласился бы тысячу раз умереть ради такой, как она.

Цепляясь за стену ногами и руками, я высвободил один из длинных кожаных ремней моего снаряжения. На конце ремня крепился большой крюк (с помощью таких крюков повисали на бортах своих судов воздухоплаватели, когда нужно было что-то отремонтировать, а с военных кораблей спускались на землю штурмовые отряды).

Я несколько раз осторожно забрасывал крюк на крышу, пока тот наконец не зацепился за что-то; я мягко натянул ремень, но не знал, выдержит ли он мой вес. Острие могло соскользнуть к самому краю выступа, и, когда тяжелый груз повиснет на конце ремня, крюк вполне может сорваться, и я полечу на тротуар с тысячефутовой высоты.

Какое-то время я колебался и все же выпустил из рук завиток лепнины. Теперь мое тело болталось в воздухе на ремне. Далеко внизу были ярко освещенные улицы, твердые мостовые и... смерть. Наверху, на карнизе, что-то дернулось, послышался отвратительный скрип, заставивший меня похолодеть, но потом крюк застыл на месте, и я был спасен.

Быстро вскарабкавшись наверх, я вцепился в край карниза, подтянулся и вылез на крышу. Поднявшись на ноги, я очутился лицом к лицу с караульным и понял, что смотрю прямо в дуло его револьвера.

– Ты кто такой и зачем сюда забрался? – воскликнул страж.

– Я из воздушной разведки, едва не погиб, чудом не свалился вниз на улицу, – ответил я.

– Но как ты залез на крышу, парень? Никто тут не приземлялся, и никто не взлетал с этого здания за последний час. Быстро объясняй, или я позову остальных!

– Сам посмотри, страж, и увидишь, откуда я взялся и как был близок к тому, чтобы вообще сюда не попасть, – сказал я, поворачиваясь к краю крыши, где в двадцати футах внизу, на конце ремня, покачивалось мое снаряжение.

Караульный, движимый простым любопытством, шагнул ко мне, и это было его ошибкой. Когда он наклонился над карнизом, я схватил его за горло и за руку, державшую револьвер, и швырнул охранника на

крышу. Тот выронил оружие, а мои пальцы стиснули его горло, не давая возможности позвать на помощь. Я связал его и заткнул ему рот кляпом, а потом подвесил над пропастью, как сам висел всего несколько мгновений назад. Я знал, что до утра его никто не обнаружит, а мне нужно было как можно больше времени.

Надев на себя снаряжение и оружие, я поспешил к навесам и вскоре нашел и свой летательный аппарат, и машину Кантоса Кана. Привязав его аппарат к своему, я завел мотор и ринулся с края крыши, спустившись гораздо ниже, чем обычно летали воздушные патрули. Меньше чем через минуту мой челнок сел на крышу нашего дома, прямо рядом с ошеломленным Кантосом Каном.

Я не стал тратить время на объяснения и заговорил о наших планах на ближайшее будущее. Было решено, что я отправлюсь в Гелиум, а Кантос Кан попытается пробраться во дворец и расправиться с Сабом Таном. Если это ему удастся, он последует за мной. Кантос Кан установил для меня компас – умнейшее изобретение, которое всегда указывало на обозначенную точку на поверхности Барсума, – и, распрощавшись друг с другом, мы одновременно взмыли в воздух и помчались к дворцу, находящемуся как раз по пути в Гелиум.

Когда мы подлетали к высокой башне, из-за нее появился патруль, направивший яркий луч прожектора на мое судно, и тут же прогремел командный голос, приказавший мне остановиться; за ним последовал выстрел, поскольку я не обратил внимания на приказ. Кантос Кан тут же исчез в темноте, а я поднялся выше и с сумасшедшей скоростью понесся в марсианском небе, преследуемый дюжиной челноков воздушной разведки, что присоединились к погоне, и быстроходным крейсером с сотней солдат и батареей скорострельных орудий на борту. Бросаясь из стороны в сторону, то взлетая повыше, то падая вниз, я большую часть времени удачно уворачивался от поискового луча, но заодно потерял направление и в итоге решил наплевать на все и держаться прямого курса, положившись на судьбу и скорость своего аппарата.

Кантос Кан показал мне один фокус с приводом механизма, известный лишь военно-воздушным силам Гелиума, – с его помощью можно было лететь намного быстрее, и я не сомневался, что смогу оторваться от преследователей.

Я несся в воздухе, а свист пуль вокруг говорил о том, что спасти меня может только чудо; однако жребий был брошен, и я на полной скорости помчался к Гелиуму. Постепенно погоня отстала, и я уже готов был поздравить себя со счастливым избавлением, как вдруг снаряд с крейсера угодил точно в нос моего воздушного суденышка. От удара аппарат едва не перевернулся и тут же нырнул вниз в ночную тьму.

Долго ли я падал, не знаю, но, должно быть, земля была совсем близко. Во всяком случае в тот момент, когда я справился с управлением и челнок вновь начал подниматься, снизу отчетливо доносились крики животных. Снова взлетев, я огляделся в поисках своих преследователей и наконец заметил огни далеко позади; марсиане приземлялись, явно собираясь искать меня.

Пока свет вражеских фар не исчез вдали, я не решался включить небольшую лампочку над компасом, а потом, к великому своему ужасу, обнаружил, что осколок снаряда полностью уничтожил мой единственный ориентир, а заодно и спидометр. Конечно, можно было определить общее направление по звездам, но, не зная своего местонахождения и скорости аппарата, я вряд ли имел серьезный шанс найти Гелиум.

Город лежал в тысяче миль к юго-западу от Зоданги, и с помощью компаса, если бы ничего не случилось, я мог бы долететь до него за четыре-пять часов. Но так уж вышло, что утро застало меня несущимся над огромным пространством дна мертвого моря, и это после шести часов непрерывного полета на предельной скорости. Вскоре внизу показался большой населенный пункт, но, увы, не тот, что я искал. Гелиум, единственный из всех столичных городов на Барсуме, состоял из двух гигантских полисов, окруженных стенами и расположенных на расстоянии примерно в семьдесят пять миль друг от друга, поэтому его было бы легко узнать с высоты.

Будучи уверен в том, что залетел слишком далеко на север или запад, я повернул назад в юго-восточном направлении и до полудня успел миновать несколько крупных городов, однако ни один из них не походил на Гелиум по описанию, данному Кантосом Каном. В дополнение к двойной структуре, Гелиум имел еще одну архитектурную особенность: центры обоих городов украшали две гигантские башни-сестры в миллю высотой, ярко-алая и ярко-желтая.

XXIV

Тарс Таркас находит друга

Около полудня я низко пролетел над огромным древним мертвым городом. Когда он остался позади, я увидел на простирающейся внизу равнине несколько тысяч зеленых воинов, вступивших в яростную битву между собой. Едва я их заметил, как вокруг засвистели пули, и, поскольку многие попали в цель, мое маленькое суденышко мгновенно было разбито и стремительно понеслось к земле.

Я упал почти в центре поля битвы, среди воинов, которые и не заметили моего приближения, поскольку отчаянно сражались за свою жизнь. Мужчины дрались пешими, взмахивая длинными мечами, и при

этом время от времени выстрелы снайперов, находившихся поодаль, уносили то одну, то другую жизнь.

Когда моя машина рухнула между бойцами, я понял, что мне предстоит драться или умереть, причем смерть близка, как никогда, поэтому я спрыгнул на землю с длинным мечом в руках, готовый защищаться изо всех сил.

Рядом со мной огромный зеленый воин сражался сразу с троими, и, глянув на его лицо, пылавшее жаром битвы, я узнал Тарса Таркаса из Тарка. Он меня не заметил, потому что я находился позади, а как раз в этот момент трое воинов, судя по всему жителей Вархуна, энергично бросились на него.

Когда моя машина рухнула между бойцами, я понял, что мне предстоит драться или умереть

на Барсуме не смог бы сделать для меня то, что сделал ты. Думаю, я понял, что такая вещь, как дружба, все-таки существует.

Больше он ничего не добавил, да и возможности такой у него не было, потому что воины Вархуна уже приближались к нам. Мы с Тарсом Таркасом бились плечом к плечу весь этот долгий жаркий день, пока пик сражения не миновал и разрозненные отряды злобной орды Вархуна не отступили к своим фортам и не исчезли в сумерках.

В этой гигантской битве участвовало десять тысяч человек, и теперь три тысячи из них лежали на поле мертвыми. Ни одна из сторон не уступала другой ни на йоту, и никто не пытался брать пленных.

После сражения мы вернулись в город и сразу отправились в жилище

Здоровяк быстро расправился с одним из них, но, уходя от удара второго, споткнулся о мертвое тело за своей спиной и упал, тут же очутившись во власти противников.

Они кинулись на него с быстротой молнии, и Тарс Таркас мог бы очень скоро встретиться со своими предками, если бы я не прыгнул вперед, загораживая его, и не начал отбиваться от его врагов. Я уложил одного, а могучий таркианин вскочил на ноги и быстро прикончил другого.

Он бросил на меня короткий взгляд, по его мрачному лицу скользнула едва заметная улыбка, и, коснувшись моего плеча, он сказал:

— Я тебя узнал с трудом, Джон Картер, но никакой другой смертный

Тарса Таркаса, где меня оставили одного. В это время вожди держали совет, что обычно следовало за вооруженными столкновениями.

Пока я сидел, ожидая возвращения зеленого воина, слышался шум в соседнем помещении. Я заглянул туда, и в следующую секунду огромное и ужасное существо сбило меня с ног, повалив на груды шелков и шкур, где я до этого отдыхал. Это был Вула, верный, любящий Вула. Он сумел отыскать дорогу обратно в Тарк и, как позже рассказал мне Тарс Таркас, побежал в мою прежнюю квартиру, где принялся ждать своего хозяина с жалким и безнадежным видом.

– Тал Хаджус знает, что ты здесь, – сказал Тарс Таркас, вернувшись с совещания вождей. – Саркойя видела тебя, когда мы ехали по городу. Джеддак приказал мне привести тебя к нему сегодня вечером. У меня есть десять фоатов, Джон Картер; ты можешь выбрать любого из них, и я тебя провожу до ближайшего водного пути, что ведет в Гелиум. Возможно, Тарс Таркас – жестокий зеленый воин, но он умеет быть и другом. Идем, надо торопиться.

– А что будет, когда ты вернешься, Тарс Таркас? – спросил я.

– Дикие калоты, вероятно, или что-нибудь похуже, – ответил он. – Если только мне не выпадет долгожданный шанс сразиться с Талом Хаджусом.

– Мы останемся, Тарс Таркас, и встретимся с джеддаком. Тебе незачем жертвовать собой, и кто знает, не сбудется ли сегодня вечером то, чего ты так долго ждешь.

Тарс Таркас энергично возражал, говоря, что Тал Хаджус часто впадает в дикую ярость при мысли о том, какой удар я ему нанес, и, если ему удастся добраться до меня, я буду обречен на страшные муки.

За едой я пересказал Тарсу Таркасу историю Солы, которую услышал ночью на морском дне, во время похода в Тарк.

Он не проронил ни слова, но крупные черты его лица исказились от страдания и боли при воспоминании о страшной судьбе той единственной, которую он любил за всю свою жестокую, холодную, ужасную жизнь.

Больше он не спорил, когда я повторил свое предложение вместе отправиться к Талу Хаджусу, и лишь сказал, что сначала ему хотелось бы поговорить с Саркойей. По его просьбе я пошел с ним в ее комнату, бешеная ярость в ее глазах почти возместила мне все те будущие несчастья, которые могло принести это случайное возвращение в Тарк.

– Саркойя, – заговорил Тарс Таркас, – сорок лет назад ты послужила орудием, приведшим к пыткам и смерти женщины по имени Гозава. Я выяснил, что воин, любивший ту женщину, узнал о твоем поступке. Он не может тебя убить, Саркойя, ибо это противоречит нашим обычаям, однако ничто не мешает ему привязать один конец ремня к твоей шее, а

другой – к дикому феоату, чтобы проверить твою живучесть и помочь прославить наш народ. Он сделает это завтра, и я подумал, что лучше предупредить тебя, ведь того человека зовут Тарс Таркас. Река Исс совсем недалеко, Саркойя. Идем, Джон Картер.

На следующее утро оказалось, что Саркойя исчезла, и больше ее никто не видел.

А мы в молчании поспешили во дворец джеджака, где нас немедленно провели к нему; вообще-то, он едва мог дожидаться того, чтобы увидеть меня, и стоял на своем возвышении, выпрямившись во весь рост и злобно глядя на дверь, когда я входил в зал.

– Привяжите его вон к той колонне! – пронзительно закричал он. – Посмотрим, кто посмел оскорбить могучего Тала Хаджуса. Раскалите железо; я своими собственными руками выжгу его глаза, чтобы он больше не мог пачкать меня своим презренным взглядом!

– Вожди Тарка! – воскликнул я, поворачиваясь к собравшимся и не обращая внимания на Тала Хаджуса. – Я был таким же вождем, как вы, а сегодня я сражался за Тарк плечом к плечу с величайшим воином. Вы передо мной в долгу, так что хотя бы выслушайте меня. Я сегодня завоевал это право. Вы твердите, что вы просто люди...

– Молчать! – проревел Тал Хаджус. – Заткните рот этой твари и свяжите его, как я приказал!

– А как же правосудие, Тал Хаджус?! – воскликнул Лорквас Птомел. – Кто ты такой, чтобы нарушать вековые обычаи Тарка?

– Да, правосудие! – поддержал его с десятков голосов.

И я продолжил, пока Тал Хаджус кипел яростью:

– Вы отважный народ и цените храбрость, но где сегодня был ваш могучий джеджака во время боя? Я не видел его в гуще сражения; его там не было. Он терзает беззащитных женщин и маленьких детей в своем логове, но когда вы в последний раз видали его в поединке с равным противником? И как получилось, что даже я, карлик по сравнению с ним, сумел свалить его одним ударом кулака? Разве таким должен быть джеджака? Вот рядом со мной сейчас стоит великий таркианин, могучий воин и благородный человек. Вожди, разве плохо звучит – Тарс Таркас, джеджака Тарка?

Низкий одобрительный гул стал ответом на мои слова.

– Совету стоит лишь приказать, и Талу Хаджусу придется доказывать свое право на сан великого правителя. Будь он действительно храбрецом, он бы сам вызвал Тарса Таркаса на бой, потому что тот ему не нравится, но Тал Хаджус боится. Ваш джеджака просто трус. Я мог бы убить его голыми руками, и он это знает.

Когда я закончил, наступило напряженное молчание, и все взгляды устремились к Талу Хаджусу. Он ничего не произнес и не шевельнулся,

но его зеленая кожа побледнела, покрывшись пятнами, а на губах выступила пена.

– Тал Хаджус, – заговорил Лорквас Птомел решительным холодным голосом, – ни разу за всю мою долгую жизнь я не видел, чтобы джеддака Тарка вот так унизили. На подобное обвинение может быть только один ответ. Мы ждем его.

Но Тал Хаджус словно окаменел.

– Вожди, – продолжил Лорквас Птомел, – должен джеддак Тал Хаджус доказать свое право на верховную власть, выступив против Тарса Таркаса?

Вокруг возвышения стояли двадцать вождей, и в одно мгновение двадцать мечей взлетели в воздух в знак согласия.

Выбора у Тала Хаджуса не оставалось. Решение было окончательным. Джеддак извлек свой длинный меч и двинулся к Тарсу Таркасу.

Схватка завершилась быстро, и, поставив ногу на шею мертвого чудовища, Тарс Таркас стал джеддаком Тарка.

Его первым указом мне было возвращено звание полноправного вождя, которое я завоевал еще в начале своего плена.

Видя, что воины вполне благоприятно настроены по отношению к Тарсу Таркасу, да и ко мне тоже, я воспользовался возможностью и высказал им все свои доводы против Зоданги. Я изложил Тарсу Таркасу историю моих приключений и в нескольких словах объяснил свой замысел.

– Джон Картер внес предложение, – заговорил Тарс Таркас, обращаясь к совету, – и я с ним согласен. Я вам все сообщу вкратце. Дея Торис, принцесса Гелиума, бывшая нашей пленницей, теперь оказалась в руках джеддака Зоданги, за сына которого она должна выйти замуж, чтобы спасти свою страну от разорения зоданганцами. Джон Картер предлагает нам спасти ее и вернуть в Гелиум. В Зоданге мы захватим богатую добычу, а что касается Гелиума, то я часто думал о заключении союза с этой страной. Таким образом, мы обезопасим свои тылы и получим возможность многократно увеличить численность своего рода, поскольку наши инкубаторы будут защищены. Несомненно, после этого таркиане станут самым великим из зеленых народов Барсума. Что скажете?

Вождам посулили, что они навоюются и нагрябят вдосталь... и они заглوتили наживку, как пестрая форель глотает муху.

В общем, воины Тарка пришли в дикий восторг, и через каких-нибудь полчаса двадцать верховых посланцев помчались по дну мертвого моря сзывать орды для похода.

Через три дня к Зоданге двинулось стотысячное войско, потому что Тарс Таркас сманил к себе на службу еще три небольших орды,

пообещав им богатую добычу в Зоданге.

Во главе армии рядом с великим таркианином скакал и я, а по пятам за моим феоатом топал мой любимый Вула.

Шли мы только по ночам, рассчитывая маршрут так, чтобы в дневное время разбивать стоянку в одном из заброшенных городов, где можно было укрыться в зданиях вместе с животными. На марше Тарс Таркас, обладавший редким даром государственного деятеля, привлек на свою сторону пятьдесят тысяч воинов из разных племен. Итак, на десятый день после начала похода в лагере насчитывалось уже полтораста тысяч бойцов.

По боевой силе и оперативности орда яростных зеленых монстров в десять раз превосходила такое же количество краснокожих солдат. Никогда в истории Барсума, сказал мне Тарс Таркас, столь огромное число зеленых марсиан не отправлялось на битву сообща. Было чудовищно сложной задачей поддерживать хотя бы относительное согласие между ними, и мне казалось настоящим чудом то, что Тарс Таркас сумел довести их до вражеского города без единой междоусобицы.

Впрочем, когда мы приблизились к Зоданге, все личные ссоры утихли под напором великой ненависти к красным людям, и в особенности к зоданганцам, которые многие годы подряд вели безжалостную кампанию против зеленых барсумиан, бросая немалые силы на уничтожение их инкубаторов.

Мы были уже на подступах к городу. Задачу войти в него Тарс Таркас возложил на меня. Я велел ему разделить войско на две группировки и поставить каждую из них напротив больших ворот на некотором

расстоянии от Зоданги. Затем я взял с собой двадцать пеших воинов и подобрался к одним из малых ворот, которых было довольно много. Зоданганцы не ставили там постоянных постов, эти входы время от времени проверяли отряды, курсирующие по кольцевой улице за ограждением, — точно так же, как наша столичная полиция патрулирует свои участки. Стены Зоданги были высотой в семьдесят пять футов и толщиной в пятьдесят.

Их выстроили из гигантских блоков карбида кремния, и моим зеленым спутникам это препятствие казалось непреодолимым. Парни, которых дали мне в сопровождающие, принадлежали к одному из малых племен и потому меня не знали.

Поставив троих из них лицом к стене, я велел им скрестить руки, а двоим другим влезть им на плечи, шестому же пришлось вскарабкаться на плечи двоих верхних. Голова его, таким образом, оказалась на высоте в сорок пять футов над землей.

Потом с помощью других десяти солдат я выстроил три «ступени» — от земли до «макушки» пирамиды. После чего, взяв разбег, я быстро перепрыгнул с одной живой ступени на другую, оттолкнулся от плеч верхнего воина, ухватился за край стены и бесшумно заполз на ее широкое ребро. За мной волочились шесть солдатских кожаных ремней, связанных вместе, и, опустив один конец тому, кто стоял наверху, другой я осторожно перекинул на противоположную сторону стены, на улицу. Вокруг никого не было видно, и я, держась за свой конец ремня, тихо спрыгнул на тротуар, легко преодолев последние тридцать футов.

От Кантоса Кана я узнал, как отпираются эти ворота, и уже через мгновение двадцать здоровенных марсиан стояли рядом со мной на улице обреченной Зоданги.

К собственной радости, я обнаружил, что мы угодили как раз к нижней границе огромной дворцовой территории. Сам дворец виднелся вдали, величественно сияя огнями, и я сразу же решил сам повести отряд на его приступ, пока зеленая орда будет атаковать солдатские казармы.

Отправив гонца к Тарсу Таркасу с сообщением о моих намерениях и просьбой прислать мне пятьдесят воинов, я приказал десятерым захватить и открыть первые из больших ворот, в то время как сам с девятью оставшимися занялся вторыми. Мы действовали тихо, чтобы не прозвучало ни единого выстрела и никто не поднял бы тревоги, пока я не доберусь до дворца с полусотней таркиан. Наш план сработал безупречно. Двое стражей, встретившихся нам, были молниеносно отправлены к их предкам на берега затерянного моря Корус, и охранники ворот тоже бесшумно последовали за ними.

XXV

Разграбление Зоданги

Когда большие городские ворота, возле которых я стоял, распахнулись, мои пятьдесят таркиан, возглавляемые самим Тарсом Таркасом, промчались сквозь них на огромных фоатах. Я повел отряд к дворцовой стене и перескочил ее легко, без посторонней помощи. Пришлось изрядно повозиться с замком, однако в итоге я был вознагражден за терпение, увидев, как створки ворот поворачиваются на гигантских петлях, и вскоре мой яростный отряд уже скакал через сады джеджака Зоданги.

Когда мы приблизились к дворцу, сквозь большие, ярко освещенные окна первого этажа я рассмотрел тронный зал Тана Козиса. В огромном помещении толпились знатные барсумиане и барсумианки, как будто там происходило важное торжество. Вокруг не видно было ни единого стража, и я предположил, что и городские, и дворцовые стены считаются неприступными, а потому спокойно подошел к одному из окон и заглянул внутрь.

В глубине зала, на больших золотых тронах, украшенных бриллиантами, восседали Тан Козис и его супруга, их окружали офицеры и важные сановники. Перед ними протянулся длинный проход, по обе стороны которого выстроились солдаты, и я увидел пышную процессию, приближавшуюся к подножию тронов.

Первыми шли четыре офицера из личной стражи джеджака, они несли гигантский поднос, на котором лежала подушка из алого шелка, а на ней сверкали толстые золотые цепи с ошейниками и с висячими замками на концах. Следом вышагивала другая четверка телохранителей, тоже с подносом, на нем красовались великолепные регалии принца и принцессы правящего дома Зоданги.

У подножия тронов две эти команды разошлись в разные стороны и замерли по обе стороны прохода лицом друг к другу. Потом потянулись вельможи и офицеры, дворцовые и армейские, и наконец мелькнули две фигуры, полностью закутанные в алый шелк, так что невозможно было разобрать, кто это такие. Они остановились перед троном лицом к Тану Козису. Когда все участники процессии заняли свои места в зале, Тан Козис обратился к стоявшей перед ним паре. Я не мог слышать его слов, но вскоре два офицера подошли и сняли шелк с одной из фигур. Увы, Кантосу Кану не удалось выполнить свой замысел: передо мной стоял Саб Тан, принц Зоданги.

Тан Козис взял с подноса набор украшений и надел на шею сына золотой ошейник, защелкнув висячий замок. Сказав Сабу Тану несколько слов, он повернулся к другой фигуре, с которой офицеры

тоже сняли шелковый покров, открыв моему взгляду Дею Торис, принцессу Гелиума.

Суть церемонии была предельно ясна: еще немного – и Дея Торис навеки соединится с принцем Зоданги. Должен признать, зрелище было впечатляющим и красивым, но мне оно показалось самым ужасающим из всех, что я видел. И когда на прекрасное тело принцессы надели регалии, а ее золотой ошейник очутился в руках Тана Козиса, я вскинул над головой длинный меч, его тяжелой рукоятью разбил стекло огромного окна и бросился прямо в гущу изумленного собрания. Одним прыжком я очутился на ступенях возвышения рядом с Таном Козисом, и, пока он, застыв от удивления, таращился на меня, я мечом вышиб из его руки золотую цепь, которая должна была связать Дею Торис с другим.

Общая растерянность продлилась недолго, и вот уже тысяча мечей устремилась ко мне со всех сторон, а Саб Тан кинулся на меня с кинжалом, усыпанным драгоценными камнями и входившим в число его свадебных украшений. Я мог бы убить принца легко, как муху, но древний обычай Барсума остановил мою руку, и я, схватив его за запястье в тот момент, когда лезвие почти коснулось моей груди, сдвинул кисть Саба Тана, словно тисками, а потом указал своим мечом в конец зала.

– Зоданга пала! – воскликнул я. – Смотрите!

Все взгляды повернулись туда, к широкому входу, через который, подобно бурному потоку, в зал ворвались Тарс Таркас и его пятьдесят воинов на огромных фоатах.

Крики тревоги и изумления раздались вокруг, но в них не слышалось страха, и не прошло и секунды, как солдаты и вельможи Зоданги уже ринулись на приближавшихся к ним таркиан.

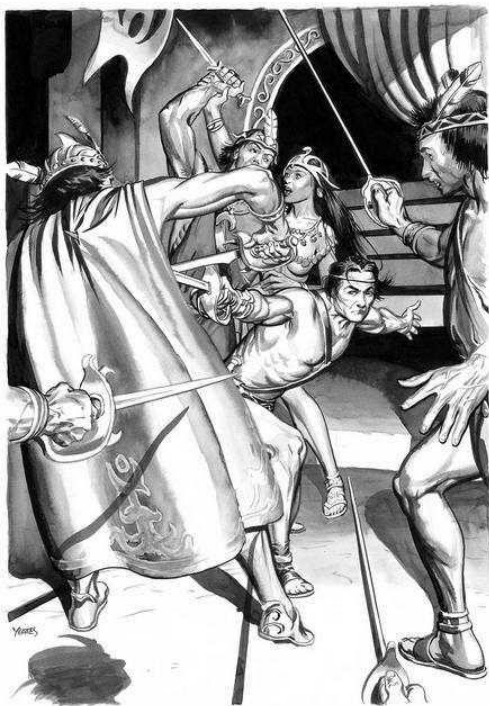
Швырнув Саба Тана на возвышение, я прижал к себе Дею Торис. Позади трона имелась узкая дверь, и в ней уже стоял Тан Козис с обнаженным клинком. Через мгновение мы схватились, и я нашел в нем достойного противника.

Пока мы кружили по широкому подиуму, я заметил, как Саб Тан взбежал вверх по ступеням, спеша на помощь своему отцу. Принц замахнулся, готовый нанести удар, но перед ним возникла Дея Торис, и как раз в этот момент мой меч превратил Саба Тана в джеддака Зоданги. Когда его отец рухнул на пол замертво, новый джеддак вырвался из рук Деи Торис, и мы снова очутились лицом друг к другу. К Сабу Тану почти сразу присоединились несколько офицеров, а я, прижавшись спиной к золотому трону, опять сражался за Дею Торис. Мне пришлось нелегко, но я лишь защищался и ни разу не задел Саба Тана, чтобы не убить вместе с ним свой последний шанс завоевать женщину, которую

любил. Я обезоружил двоих нападавших и прикончил одного, но на помощь новому правителю поспешили другие, желая отомстить за гибель предыдущего.

И тут я услышал их крики: «Женщина! Женщина! Убейте ее, это все она замыслила! Убейте ее! Убейте ее!»

Крикнув Дею Торис, чтобы она держалась за моей спиной, я начал пробиваться к небольшой двери за тронем, но офицеры разгадали мое намерение.

**Как раз в этот момент мой меч превратил
Саба Тана в джеддака Зоданги.**

Трое из них загородили мне путь, лишив меня возможности занять позицию, на которой я мог бы защитить Дею Торис от целой армии.

Таркиане сражались в центре зала, и я начал понимать, что лишь нежданное чудо может спасти Дею Торис и меня самого, – и тут увидел, как Тарс Таркас ломится сквозь толпу пигмеев, бушевавших вокруг него. Одним ударом своего могучего длинного меча он уложил сразу дюжину противников, прорубая себе дорогу, и уже через секунду стоял

на возвышении рядом со мной, сея вокруг себя смерть и разрушение.

Храбрость зоданганцев вызывала истинное восхищение; ни один из них не попытался сбежать, и если бой в конце концов затих, то лишь потому, что в живых в большом зале остались только таркиане, не считая Деи Торис и меня самого.

Саб Тан лежал рядом со своим отцом, весь цвет зоданганского рыцарства был повержен, их тела сплошь усеяли окровавленный пол.

Моя первая мысль по окончании битвы была о Кантосе Кане, и я, оставив Дею Торис на попечение Тарса Таркаса, взял с собой дюжину воинов и поспешил в подвалы под дворцом. Все тюремщики ушли оттуда, чтобы присоединиться к сражавшимся в тронном зале, так что мы без помех принялись обыскивать лабиринты тюрьмы.

Я громко выкрикивал имя Кантоса Кана в каждом коридоре и отделении и наконец был вознагражден, услышав его тихий голос. Мы пошли на звук и скоро обнаружили моего друга в темной камере, совершенно беспомощного.

Он был бесконечно рад видеть меня и узнать об исходе схватки, слабые отзвуки которой донеслись до его темницы. По словам Кантоса Кана, воздушный патруль поймал его до того, как он добрался до самой высокой башни дворца, так что он не успел найти Саба Тана.

Мы не сумели погнуть решетки и разомкнуть цепи, что держали Кантоса Кана в плену, и потому по его предложению я вернулся в зал – обыскать тела на полу и забрать ключи, чтобы отпереть и клетку, и замки на цепях.

К счастью, я почти сразу наткнулся на труп тюремщика, и вскоре Кантос Кан присоединился к нам в тронном зале.

Шум яростной битвы, смешанный с криками и плачем, донесся до нас с городских улиц, и Тарс Таркас поспешил прочь, чтобы участвовать в бое. Кантос Кан решил пойти с ним, дабы помочь разобраться в путанице городских улиц, а зеленые воины рассыпались по дворцу в поисках других зоданганцев и ради грабежа, так что мы с Деей Торис остались вдвоем.

Она села на один из золотых тронов, а когда я повернулся к ней лицом, приветствовала меня усталой улыбкой.

– Есть ли в мире другой такой человек! – воскликнула она. – Я знаю, что Барсум никогда прежде не видел подобного тебе. Неужели на Земле все мужчины такие, как ты? Одиноким, чужой, преследуемый, гонимый, ты за несколько коротких месяцев добился того, чего никто на Барсуме не смог за все прошедшие века: объединил дикие орды с морского дна и повел их на битву, сделав союзниками краснокожих барсумиан!

– Ответ прост, Дея Торис, – с улыбкой ответил я. – Все это не моих рук дело, это сделала любовь – любовь к тебе, сила, которая может творить самые великие чудеса, какие только можно себе представить.

Чудесный румянец вспыхнул на лице принцессы, и она сказала:

– Теперь ты можешь это говорить, Джон Картер, а я вправе тебя слушать, потому что я свободна.

– А я многое должен сказать, пока не слишком поздно, – промолвил я. – Так вот, в жизни я совершал немало странных поступков, на которые благоразумные люди не отважились бы, но никогда, даже в самых безумных мечтах, я не смог бы вообразить, будто сумею завоевать Дею Торис. Просто мне и в голову не приходило, что во Вселенной найдется женщина, подобная принцессе Гелиума. Твое высокое происхождение ничуть меня не смущает, однако я смотрю на тебя и думаю: не тронулся ли рассудком Джон Картер, коли просит такую принцессу выйти за него.

– Незачем смущаться тому, кто хорошо знает ответ на свою просьбу, прежде чем та была высказана! – воскликнула Дея Торис и положила свои милые ручки мне на плечи, а я заключил ее в объятия и поцеловал.

И вот так, посреди города, охваченного боями, звенящего тревожными криками, в то время, когда смерть и разрушение пожинали свои чудовищные плоды, Дея Торис, принцесса Гелиума, истинная дочь Марса, богиня войны, пообещала выйти замуж за Джона Картера, джентльмена из Виргинии.

XXVI

Сквозь кровавую бойню – к счастью

Немного позже вернулись Тарс Таркас с Кантосом Каном и доложили, что Зоданга взята. Противники были уничтожены или захвачены в плен, и стало некому оказывать нам сопротивление. Несколько военных кораблей зоданганцев ушли от расправы, но под охраной воинов Тарка остались тысячи других военных и торговых судов.

Малые орды уже начали грабить город и затевать между собой распри, так что было решено: прямо сейчас мы соберем как можно больше воинов, укомплектуем экипажами воздушные суда, используя даже зоданганских пленников, и поспешим в Гелиум, не теряя времени.

Пять часов спустя с крыш доков снялся флот из двух с половиной сотен военных кораблей, которые несли на борту почти сто тысяч зеленых воинов, за ним следовал караван грузовых судов с нашими фюатами.

Позади мы оставили разоренный город, где бушевали около сорока тысяч зеленых воинов из мелких орд. Они грабили, убивали и дрались между собой. В Зоданге полыхали сотни пожаров, и столбы густого дыма поднимались над городом, будто желая скрыть от взора небес ужасы, творившиеся внизу.

В середине дня мы увидели алую и желтую башни Гелиума, а еще немного погодя огромный флот зоданганских военных кораблей взмыл со стоянки неподалеку от осажденного города и направился к нам.

Над нашими могучими судами развевались знамена Гелиума, но зоданганцы и без того уже поняли, что мы враги, поскольку зеленые марсианские воины тут же открыли по ним огонь, стоило им подняться над землей. Со сверхъестественной точностью они посылали в сторону приближавшегося недруга залп за залпом.

Двойной город Гелиум признал союзников и выслал нам на помощь сотни кораблей. Началась воздушная битва, которую я впервые увидел своими глазами.

Над столкнувшимися эскадрами Гелиума и Зоданги кружили наши корабли – их артиллерийские батареи были бесполезны в руках таркиан, не имевших своего флота и потому не умевших стрелять из воздушных пушек. Однако ручное огнестрельное оружие зеленых барсумиан было

более чем эффективным, что в немалой степени определило, если не предрешило исход боя.

Поначалу противники летали на одной и той же высоте, поливая друг друга огнем. Вскоре в корпусе флагмана из лагеря Зоданги была пробита здоровенная дыра; корабль резко накренился и перевернулся, и маленькие фигурки его команды посыпались на землю, что лежала в тысяче футов внизу; а флагман с чудовищным ускорением рухнул следом, от удара почти полностью погрузившись в мягкую почву морского дна.

Громкие восторженные крики понеслись с кораблей Гелиума, и нападение на флот Зоданги возобновилось с удвоенной яростью. Ловко маневрируя, два фрегата Гелиума сумели занять позицию над своими противниками и тут же осыпали их снарядами из более мощных пушек днища.

Потом и остальные экипажи из Гелиума один за другим поднялись выше зоданганцев. Очень скоро несколько их судов уже беспомощно дрейфовали в сторону высокой алой башни. Кто-то из наших врагов попытался удрать, но дезертиров взяли в кольцо тысячи маленьких челноков, а над каждым зоданганским судном повис могучий корабль Гелиума, готовый спустить на палубу противника абордажную команду.

Прошло чуть больше часа с того момента, как победоносный флот зоданганцев совершил взлет, и вот уже битва закончилась их поражением, а уцелевшие корабли под управлением завоевателей брали курс на Гелиум.

Для команд захваченных судов это было в особенности печально, потому что древний обычай требовал, чтобы командир подал сигнал к сдаче в плен, добровольно прыгнув с носа корабля. И эти храбрые парни один за другим, держа над собой флаги, падали со страшной высоты на землю.

И только когда командующий флотом совершил смертельный прыжок, что означало полную капитуляцию, утихло сражение и прекратилось бессмысленное самопожертвование.

А мы теперь сигналили о своем приближении флоту Гелиума, и, когда подошли достаточно близко, я закричал, что у нас на борту принцесса Дея Торис и ее следует немедленно доставить в город на флагмане.

Когда смысл моего сообщения дошел до команды, на флагманском корабле раздались громкие восторженные крики, и уже через миг флаги цветов принцессы Гелиума взвились над верхней палубой. Когда на других судах прочитали переданные сигналы, там тоже поднялся отчаянный шум и под сияющим солнцем развернулись флаги цветов Деи Торис.

Флагман опустился и плавно заскользил рядом с нашим судном.

Десять военных перескочили на нашу палубу, но, когда их изумленному взору предстали сотни зеленых воинов, успевших покинуть укрытия, они в ужасе замерли. Правда, при виде Кантоса Кана, который спешил к ним, вожди Гелиума успокоились и обступили своего соотечественника.

Мы с Деей Торис вышли навстречу офицерам, а те не сводили с нее благоговейных взглядов. Принцесса ласково приветствовала каждого, называя всех по именам, – это были люди, занимавшие высокое положение и служившие ее деду, и она их хорошо знала.

– Положите руки на плечо Джона Картера, – сказала она им, поворачиваясь ко мне. – Это тот самый человек, благодаря которому Гелиум вернул свою принцессу и завоевал сегодня победу.

Офицеры были весьма любезны со мной и наговорили много приятных вещей, но, похоже, самое большое впечатление на них произвело то, что я привлек на свою сторону бешеных таркиан ради освобождения Деи Торис и помощи Гелиуму.

– Вы должны благодарить другого человека куда больше, чем меня, – отвечал я, – и он здесь. Позвольте вам представить величайшего солдата и государственного деятеля Барсума – Тарса Таркаса, джеджа Тарка.

И они с такой же безупречной вежливостью, с какой обращались ко мне, осыпали приветствиями великого таркианина, а он, к моему огромному удивлению, ничуть не отставал от них в искусстве красноречия. Хотя таркиане не слишком разговорчивый народ, они могут в случае необходимости показать хорошие манеры и держаться с изумительным достоинством, в соответствии с придворным этикетом.

Дея Торис перешла на борт флагманского корабля и была немало огорчена тем, что я не последовал за ней, однако конец войны еще не наступил, и мне пришлось объяснить это принцессе. В Зоданге еще оставались наземные силы, с которыми приходилось считаться, а я не мог бросить Тарса Таркаса, пока все не завершится.

Командующий военно-воздушными силами Гелиума пообещал, что его армия присоединится к нашей наземной атаке, и наши корабли разошлись в разные стороны. Дею Торис торжественно повезли ко двору ее деда, Тардоса Морса, джеджа Гелиума.

Неподалеку находился наш грузовой флот, доставивший фоатов зеленой гвардии; животные томились в трюмах во время битвы. Без разгрузочных причалов нелегко вывести этих гигантов на открытую равнину, но деваться было некуда, так что мы выбрали место примерно в десяти милях от города и принялись за дело.

Нужно было опустить животных на землю на ремнях, и это заняло у нас остаток дня и половину ночи. Дважды на нас нападали отряды кавалерии Зоданги, но мы с минимальными потерями справились с задачей и после наступления тьмы закончили работу.

Как только последний фоат оказался на твердой земле, Тарс Таркас дал приказ двигаться, и мы, разделившись на три отряда, подобрались к лагерю зоданганцев с севера, юга и востока.

Примерно в миле от их главного лагеря мы столкнулись с караульными постами и, как и было договорено, восприняли это как сигнал к нападению. С дикими оглушительными криками, под визг и рев возбужденных фоатов мы ринулись на зоданганцев.

Однако нам вовсе не удалось застать их врасплох и сонными, наоборот, мы наткнулись на отлично укрепленные позиции. Время от времени неприятель отбивал наши атаки, и наконец, ближе к полудню, я уже начал сомневаться в исходе сражения.

Зоданга собрала едва ли не миллион солдат, призвав их со всей планеты, от полюса до полюса, до которых протягивались подобные лентам водные пути, а им противостояло меньше ста тысяч зеленых воинов. Поддержка из Гелиума все еще не прибыла, мы вообще не получили известий от союзников.

В полдень вдоль линии фронта между зоданганцами и городами Гелиума началась активная перестрелка, и тогда стало ясно, что наконец-то идет столь нужное нам подкрепление.

И снова Тарс Таркас отдал приказ о наступлении, а могучие фоаты понесли своих ужасных всадников к укреплениям противника. В этот же момент линию обороны зоданганцев прорвали с тыла солдаты Гелиума, и еще через мгновение наши враги были словно раздавлены между жерновами. Да, они сражались достойно, однако все было тщетно.

Равнина превратилась в настоящую бойню, которая длилась до тех пор, пока не сдался последний зоданганец, но затем резня прекратилась, пленников отправили в Гелиум, а в самые большие городские ворота начала вливаться огромная процессия героев-завоевателей.

Вдоль широких улиц стояли женщины и дети, среди них изредка были видны и мужчины, те, которых служебная необходимость вынудила остаться в городе во время сражения. Нас приветствовали бесконечными аплодисментами и осыпали украшениями из золота, платины, серебра и драгоценных камней. Город словно сошел с ума от радости.

Свирепые таркиане выказывали бешеную радость. Никогда прежде армия зеленых воинов не входила в ворота Гелиума, а теперь их встречали как друзей и союзников, и красные марсиане радовались, завидев их.

Мое скромное служение Дее Торис явно стало известно в Гелиуме: горожане громко выкрикивали мое имя, а по дороге к дворцу меня, а заодно и моего огромного фоата с головы до ног увешали украшениями,

и даже пугающий облик Вулы не мешал жителям города подбегать ко мне.

Когда мы приблизились к величественному строению, нас встретила группа офицеров, которые тепло приветствовали нас и пригласили Тарса Таркаса, а также его джедов, джеддаков и вождей союзных племен вместе со мной спешиться и отправиться с ними к Тардосу Морсу, чтобы он выразил нам благодарность за нашу службу.

Наверху гигантской лестницы, что вела к главному входу во дворец, стояли члены королевской семьи, и, когда мы подошли к нижним ступеням, один из них спустился навстречу нам.

Это был безупречный образец мужественности – высокий, прямой как стрела, мускулистый человек с осанкой истинного правителя. Мне не нужно было говорить, что это и есть Тардос Морс, джеддак Гелиума.

Он обратился к Тарсу Таркасу, и его первые слова навеки закрепили дружбу между двумя расами.

– То, что Тардос Морс может приветствовать величайшего из живущих на Барсуме воинов, – заговорил он, – уже само по себе беспримерная честь, но возможность опустить руку на плечо друга и союзника есть куда более высокая награда.

– Джеддак Гелиума, – произнес в ответ Тарс Таркас, – лишь благодаря человеку из другого мира зеленые воины Барсума познали смысл и значение дружбы; это ему мы обязаны тем, что орды Тарка могут тебя понять, а также оценить и одобрить чувства, выраженные столь благосклонно.

Морс Каяк раз десять пытался высказать мне свою благодарность, но его голос прерывался от волнения

Тардос Морс приветствовал каждого из зеленых джеддаков и джедов и каждому сказал несколько приятных слов.

Затем он приблизился ко мне и, положив мне на плечи обе ладони, произнес:

– Добро пожаловать, сын мой. Ты завоевал, без всяких сомнений, самую великую из всех драгоценностей Гелиума – нет, всего Барсума, и я выражаю тебе свое уважение.

Затем нас представили Морсу Каяку, джеду меньшего из городов Гелиума и отцу Деи Торис. Он следовал за Тардосом Морсом и, похоже, еще более радовался

знакомству, чем его отец.

Морс Каяк раз десять пытался высказать мне свою благодарность, но его голос прерывался от волнения, и он просто не мог говорить. Между тем, как я узнал позже, у него была репутация отчаянного и бесстрашного воина, редкого даже среди воинственных марсиан.

Он вместе со всем Гелиумом боготворил свою дочь; неудивительно, что при мысли о ее чудесном спасении его обуревали глубокие чувства.

XXVII

От радости к смерти

В течение десяти дней орды Тарка вместе со своими дикими союзниками пировали и веселились, а потом, нагруженные драгоценными подарками и сопровождаемые десятью тысячами воинов Гелиума под командованием Морса Каяка, отправились в обратный путь в свои родные земли. Джед меньшего Гелиума с небольшим отрядом знати провожал их до самого Тарка, чтобы скрепить новые узы дружбы и мира.

Сола также уехала с Тарсом Таркасом, своим отцом, который перед всеми вождями признал ее дочерью.

Три недели спустя Морс Каяк и его отряд вернулись на военном корабле, посланном в Тарк специально за ними, — чтобы поспеть к церемонии, которая должна была соединить в единое целое Дею Торис и Джона Картера.

И девять лет подряд я служил и сражался в армии Гелиума как принц дома Тардоса Морса. Люди, казалось, никогда не устанут выказывать мне уважение, и не было дня, который не приносил бы новых доказательств их любви к моей принцессе, несравненной Дее Торис.

В золотом инкубаторе на крыше нашего дворца лежало снежно-белое яйцо. Почти пять лет рядом с ним несли караул десять солдат из стражи джеддака, и если я был в городе, то мы с Деей Торис каждый день рука об руку приходили к нашему маленькому алтарю, чтобы помечтать о будущем, о том времени, когда скорлупа наконец лопнет.

В моей памяти живо воспоминание о нашем последнем вечере. Мы сидели и негромко говорили о нашей странной истории, о том, как сплелись воедино наши жизни, и о том чуде рождения, которое должно было увеличить наше счастье и исполнить надежды.

Мы видели вдали яркие белые огни приближавшегося воздушного корабля, но не придали этому особого значения, поскольку зрелище было вполне обычным. Однако судно несло к Гелиуму как молния, и в конце концов стало ясно: что-то произошло.

Корабль, подавая световой сигнал о том, что несет срочное сообщение

для джедака, нетерпеливо кружил в ожидании неспешных патрульных, которые должны были сопроводить его к дворцовому причалу.

Через десять минут после того, как судно совершило посадку, за мной примчался посыльный и позвал в зал совета. Когда я пришел туда, там было уже многолюдно.

На тронном возвышении находился Тардос Морс, он нервно расхаживал взад-вперед с напряженным выражением лица. Когда все заняли свои места, он повернулся к собранию.

– Этим утром, – заговорил он, – пришла весть от нескольких правительств Барсума. Хранитель атмосферной фабрики уже два дня не подавал беспроводного рапорта, и никакие призывы к нему из двух десятков столиц не получили ответа. Посол одной из наций попросил нас срочно заняться этим и спешно отправить на фабрику помощника. Весь день воздушные патрули искали его, пока наконец не нашли его тело в яме за домом; оно было чудовищно изуродовано убийцами. Мне незачем говорить вам, что это значит для Барсума. Чтобы проникнуть за мощные стены фабрики, понадобятся месяцы. Впрочем, за дело уже принялись, и бояться было бы нечего, если бы установки надежно работали, ведь они рассчитаны на сотни лет, но, к несчастью, случилось то, чего мы больше всего опасались. Датчики показывают быстрое падение воздушного давления во всех частях Барсума... Моторы кто-то остановил. Друзья мои, – закончил он, – жить нам осталось не более трех дней.

Несколько минут царил абсолютное молчание, а потом встал молодой вельможа и, выхватив меч и держа его высоко над головой, обратился к Тардосу Морсу:

– Красный народ Гелиума всегда гордился тем, что показывал всему Барсуму, как надо жить, а теперь покажем другим, как нужно умирать. Давайте же примемся за свои дела, будто у нас впереди еще тысяча плодотворных лет.

В зале раздались аплодисменты, и, словно нельзя было придумать ничего лучшего, нежели развеять людскую тревогу собственным примером, мы разошлись с улыбками на лицах и с тоской в сердцах.

Когда я вернулся в свой дворец, выяснилось, что весть уже достигла ушей Деи Торис, и пришлось обо всем ей рассказать.

– Мы были так счастливы, Джон Картер, – сказала она, – и я благодарна судьбе за то, что она позволяет нам умереть вместе.

Следующие два дня не произвели заметных перемен в воздушном снабжении, но утром третьего дня на верхних этажах зданий и на крышах дышать стало трудно. Улицы и площади были переполнены людьми. Все дела прекратились. Большинство марсиан храбро смотрели в лицо неизбежности. Но встречались и те, кто предавался тихому горю.

Ближе к середине дня самые слабые начали сдаваться, через час уже тысячи лежали без сознания, и за этим должна была последовать смерть от асфиксии.

Я и Дея Торис вместе с другими членами королевской семьи собрались во внутреннем садике дворца. Мы разговаривали тихо, но больше молчали, а мрачная тень смерти нависала над нами. Даже Вула будто почувствовал тяжесть грядущей беды, он жался к Дее Торис и ко мне, жалобно поскуливая.

Маленький инкубатор по просьбе принцессы перенесли в сад с крыши дворца, и она тоскливо смотрела на неведомую жизнь крохотного существа, появления которого на свет уже не суждено было увидеть.

Когда дышать стало по-настоящему трудно, Тардос Морс поднялся и заговорил:

– Давайте попрощаемся друг с другом. Дни величия Барсума миновали. Завтра солнце глянет на мертвый мир, который теперь вечно будет вращаться в небесах пустым и лишенным воспоминаний. Это конец.

Он наклонился и поцеловал женщин своей семьи, поочередно положил тяжелую ладонь на плечи мужчин.

Я с грустью отвел от него взгляд и посмотрел на Дею Торис. Ее голова упала на грудь, принцесса казалась безжизненной. Я с криком бросился к ней и подхватил на руки.

Глаза ее открылись, она взглянула на меня.

– Поцелуй меня, Джон Картер, – чуть слышно произнесла она. – Я люблю тебя! Я люблю тебя! Как жестоко, что мы должны расстаться тогда, когда начали жизнь, полную любви и счастья.

Я прижался губами к ее драгоценным губам, и старое чувство с непобедимой силой вспыхнуло во мне. Боевая виргинская кровь вдруг забурлила в моих венах.

– Этого не будет, моя принцесса! – воскликнул я. – Должен, должен быть путь спасения, и Джон Картер, который пробился сквозь чуждый мир ради любви к тебе, найдет его!

При этих словах в моем уме вдруг забрезжили девять давно забытых звуков. Как вспышка молнии в темноте, их смысл и значение проявились передо мной... это был ключ к трем гигантским дверям атмосферной фабрики!

Резко повернувшись к Тардосу Морсу и все так же прижимая к груди свою умирающую любовь, я закричал:

– Мне нужен челнок, джедак! Скорее! Прикажи своему самому быстрому судну сесть на крышу дворца! Я еще могу спасти Барсум!

Джедак не стал тратить времени на вопросы, он тут же отправил гонца в доки, и, хотя воздух был уже недостаточно плотным, на крышу

сумели посадить быстреее одноместное суденышко – разведывательную машину, лучшую из всех, что создавались на Барсуме.

Я раз десять поцеловал Дею Торис и приказал Вуле, который собрался бежать за мной, остаться и охранять ее, а затем запрыгнул с прежней энергией и силой на высокую крышу дворца и скоро уже мчался туда, где могли сбыться надежды всего Барсума.

Мне пришлось лететь довольно низко из-за недостатка воздуха, но я держал прямой курс над ровным дном древнего моря, так что незачем было подниматься высоко.

Я несся с ужасающей скоростью, соревнуясь с самой смертью. Перед моим внутренним взором не исчезал образ Деи Торис. Оглянувшись в последний раз на дворцовый сад, я увидел, как она с трудом подошла к маленькому инкубатору и опустилась на землю рядом с ним. И если поступление воздуха в атмосферу не возобновится, она так и умрет там, это я прекрасно знал и потому, желая увеличить скорость аппарата, сбросил за борт все, кроме компаса, даже свои украшения. Я летел, лежа ничком на палубе, одной рукой держась за рулевое колесо, а другой – за рычаг скорости, и мой челнок разрезал скудный воздух Марса, будто метеор.

За час до наступления темноты передо мной внезапно выросли гигантские стены атмосферной фабрики, и моя машина с сильным ударом приземлилась перед маленькой дверью, за которой теплилась искра надежды – надежды на жизнь для обитателей всей планеты.

У двери группа барсумиан пыталась пробить стену, но они успели лишь едва поцарапать ее поверхность, а теперь большинство из них и вовсе заснули последним сном, от которого уже ничто не могло их пробудить.

Здесь состояние воздуха было даже хуже, чем в Гелиуме, дышалось с трудом. Но некоторые марсиане еще оставались в сознании, и с одним из них я заговорил.

– Если я открою двери, найдется ли тот, кто сумеет запустить моторы? – спросил я.

– Я могу, – ответил тот, – если ты быстро справишься. Я едва ли продержусь долго. И думаю, все бесполезно, оба хранителя мертвы, а кроме них, никто на Барсуме не знает секрета этих ужасных замков. Мы тут три дня бились у входа, и все тщетно, так ничего и не разгадали.

Времени на разговоры не оставалось, я быстро слабел, так что мне нелегко было сконцентрироваться на своих мыслях.

И все же, утомленно опустившись на колени, я сделал последнее усилие и послал девять мысленных волн в грозную цитадель напротив. Марсиане столпились рядом в мертвом молчании и не отрывали

взглядов от плоскости двери.

Она медленно сдвинулась. Я попытался встать и войти внутрь, но уже не мог преодолеть слабости.

– Идите вперед, – простонал я, – и, если доберетесь до зала с насосами, включите все сразу. Это единственный шанс для барсумиан встретить живыми завтрашний день.

Не вставая с места, я открыл вторую дверь, потом третью и увидел, как тот, в ком сейчас сосредоточились надежды Барсума, ползет вперед на четвереньках... А потом я потерял сознание.

XXVIII

В аризонской пещере

Было совсем темно, когда я снова открыл глаза. Что-то странное и давящее окутывало меня; оно затрещало и рассыпалось, как только я приподнялся и сел.

На ощупь я убедился, что одет с головы до ног, а ведь когда сознание покинуло меня перед входом на атмосферную фабрику, на мне точно ничего не было.

Впереди через небольшое отверстие с неровными краями виднелся клочок освещенного лунной небом.

Когда мои ладони скользнули вниз, обнаружились карманы и в одном из них – маленький коробок со спичками, завернутыми в промасленную бумагу. Одну я зажег и в ее слабом свете увидел нечто похожее на огромную пещеру, в глубине которой маячила странная неподвижная фигура, согнувшаяся на крошечной скамейке. Я подошел поближе. Это была мумия маленькой старухи с длинными черными волосами, склоненной над небольшой угольной жаровней. На ней стоял круглый медный котел, в котором еще сохранилось немного зеленоватого порошка.

Позади мумии на пересохших ремнях из сыромятной кожи висели человеческие скелеты. Другие ремни тянулись от них к мертвой руке маленькой женщины; когда я коснулся одного из ремней, скелеты пришли в движение и зашуршали, как сухие листья.

Это было абсурдное и ужасное зрелище, и я поспешил выбраться из мрачного логова на свежий воздух.

Перед выходом из пещеры тянулся узкий выступ, я шагнул туда, и то, что открылось моему взору, заставило меня оцепенеть.

Я увидел другое небо и другой пейзаж. Серебристые горы высились вдали, неподвижная луна висела в небе, долина внизу, утыканная кактусами, не была марсианской равниной. Я едва верил собственным глазам, но истина сама прорвалась в мой ум: я смотрел на Аризону с того же самого скального карниза, с которого десять лет назад

любовался Марсом.

Схватившись за голову, я повернулся, разбитый и охваченный горем, к тропе, что уводила от пещеры.

Надо мной, в сорока восьми миллионах миль отсюда, светился красный глаз Марса, скрывая свои ужасные тайны.

Добрались ли марсиане до зала с насосами? Достиг ли живительный воздух тех, кто нуждался в нем на далекой планете, спаслись ли они? Жива ли моя Дея Торис, или ее прекрасное тело остыло рядом с крошечным золотым инкубатором там, в маленьком внутреннем садике дворца Тардоса Морса, джеджака Гелиума?

Десять лет я ждал и молился о том, чтобы получить ответы на свои вопросы. Десять лет я ждал и молился о том, чтобы снова вернуться в мир моей потерянной любви. Было бы лучше умереть рядом с любимой, чем жить на Земле в миллионах проклятых миль от нее.

Старый рудник, который я нашел нетронутым, сделал меня невероятно богатым, но что мне теперь богатство!

И вот я сижу в своем маленьком кабинете, выходящем окнами на Гудзон, и уже двадцать лет минуло с тех пор, как я очнулся на Марсе.

Я вижу в маленьком окне эту сияющую в небе планету; она будто снова зовет меня, впервые после той долгой горькой ночи, и мне кажется, что сквозь необозримое пространство я различаю прекрасную черноволосую женщину: она стоит в дворцовом саду, а рядом с ней – маленький мальчик, который обнимает ее обеими ручонками. Она показывает ему на плывущую в небесах Землю, а возле ног ее лежит огромное чудовище с золотым сердцем.

Я верю – они ждут меня, и что-то мне подсказывает, что я очень скоро их увижу.

Боги Марса

Предисловие

Прошло двенадцать лет с тех пор, как я спрятал от посторонних взглядов тело моего двоюродного деда, капитана Джона Картера из Виргинии, в странном мавзолее на старом кладбище в Ричмонде.

Я частенько размышлял над дополнительными инструкциями, которые он мне оставил относительно устройства его мощной гробницы, и в особенности над теми пунктами, где говорилось, что тело необходимо поместить в ОТКРЫТЫЙ гроб, а увесистый механизм, контролирующий запоры склепа, должен открываться ТОЛЬКО ИЗНУТРИ.

Двенадцать лет минуло с того дня, как я прочел удивительную рукопись этого выдающегося человека, — он не помнил своего детства, и было невозможно хотя бы приблизительно угадать его возраст; он

всегда выглядел молодо, но некогда качал на колене прадеда моего деда; он десять лет провел на Марсе, сражаясь то за зеленый народ Барсума, то против него, то за красных барсумиан, то против них; он завоевал вечно прекрасную Дею Торис, принцессу Гелиума, и женился на ней, а потом почти десять лет был принцем дома Тардоса Морса, джедака Гелиума.

Двенадцать лет тому назад тело моего двоюродного деда нашли над отвесным береговым обрывом перед его коттеджем, смотревшим окнами на Гудзон, и за эти долгие годы я не раз гадал, действительно ли умер Джон Картер, или он снова блуждает по дну высохших морей умирающей планеты; не вернулся ли он на Барсум, чтобы узнать, вовремя ли открылись ворота гигантской атмосферной фабрики, успел ли он спасти миллионы марсиан, уже умиравших от удушья в тот давно минувший день, когда его вновь безжалостно швырнуло через сорок восемь миллионов миль пустого пространства на Землю. Встретил ли наконец Джон Картер черноволосую принцессу и своего сына, о которых думал постоянно, представляя, как они ждут его возвращения в королевских садах Тардоса Морса?

Или же он обнаружил, что опоздал, и очутился в мертвом мире? А если Картер действительно умер и не вернется уже ни на родную Землю, ни на любимый Марс?

Вот таким бесполезным гаданиям я предавался и в тот душный августовский вечер, когда старый Бен, мой слуга, принес мне телеграмму. Открыв конверт, я прочитал:

Встретимся завтра утром в отеле «Роли Ричмонд».

Джон Картер

На следующий день ранним утром я сел на первый поезд до Ричмонда, и через два часа меня уже проводили в номер, который занимал Джон Картер.

Когда я вошел, он встал мне навстречу, и прежняя сердечная улыбка осветила его красивое лицо. Он не постарел ни на йоту и выглядел все таким же стройным, подтянутым военным лет тридцати. Внимательные серые глаза смотрели так же остро, и если на его лице и были морщинки, то они свидетельствовали о железном характере и решимости, и я помнил их с тех пор, как помнил самого Джона Картера, то есть уже почти тридцать пять лет.

— Ну, племянник, — заговорил он, — у тебя нет ощущения, что перед тобой призрак или ты перепил виски «Анкл Бен»?

— Я бы скорее подумал о виски, — ответил я, — потому что отлично себя чувствую, но, может быть, на меня просто подействовал твой вид. Ты что, возвращался на Марс? Расскажи! Как там Дея Торис? Ты ее нашел в добром здравии, она ждала тебя?

– Да, я снова был на Барсуме и... но это длинная история, слишком длинная, чтобы ее рассказать за то время, что осталось у меня до возвращения. Я узнал некую тайну, племянник, и теперь могу пересекать бесконечное пространство по собственному желанию, путешествуя между бесчисленными планетами, но мое сердце навсегда принадлежит Барсуму, и, пока там находится моя марсианская принцесса, сомневаюсь, что еще раз покину тот умирающий мир, ведь в нем вся моя жизнь. Сюда же я явился, чтобы напоследок повидаться с любимым племянником. Наступит срок, когда ты перейдешь в другую жизнь, тайну которой мне не суждено постичь, и хотя я умирал трижды и снова умру сегодня вечером – то есть со мной произойдет то, что называется смертью, – мне столь же недоступно понимание этого, как и тебе. Даже мудрые и загадочные ферны Барсума, хранители древнего культа, которые многие века таят секреты жизни и смерти, скрываясь в недоступных убежищах на самых высоких склонах гор Оц, точно так же в неведении относительно сего таинства. Я же испытал это на собственном опыте, рискуя жизнью. Впрочем, ты все прочтешь в заметках, сделанных мной за последние три месяца, что я провел на Земле.

Он похлопал по объемистому портфелю, лежавшему на столе у его локтя:

– Знаю, тебе это интересно, ты веришь мне, да и весь мир проявит любопытство к моим записям, хотя в их правдивости будут сомневаться еще долго, многие годы и века, поскольку люди не смогут многого понять. Земляне еще не продвинулись настолько, чтобы постичь вещи, которые я описал. Можешь издать из моих заметок то, что пожелаешь, если, по твоему мнению, это никому не причинит вреда, но не огорчайся, если над тобой посмеются.

В ту ночь я отправился вместе с Джоном Картером на кладбище. У двери своего склепа он обернулся и пожал мне руку.

– Прощай, племянник, – сказал он. – Может быть, я больше тебя не увижу, потому что вряд ли смогу оставить жену и сына, пока они живы, а протяженность жизни на Барсуме частенько превышает тысячу лет.

Он вошел в склеп. Огромная дверь медленно закрылась. Могучие засовы встали на свои места. Щелкнул замок. И с тех пор я больше никогда не видел капитана Джона Картера из Виргинии.

Но вот история его возвращения на Марс, которую я выбрал для публикации из множества записей, оставленных для меня на столе в номере отеля в Ричмонде.

Очень многое здесь опущено; далеко не все я осмелился напечатать. В этой книге вы прочтете историю очередных поисков Деи Торис, принцессы Гелиума, еще более увлекательную, чем первая рукопись

Джона Картера, которую я недавно представил недоверчивому миру.
Итак, вперед – за виргинским воином по дну мертвых морей,
озаренному марсианскими лунами.
Эдгар Райс Берроуз

I Травяные люди

Ясной холодной ночью в начале марта 1886 года, когда я стоял на утесе перед моим коттеджем и благородный Гудзон плыл передо мной, словно серый и молчаливый призрак мертвой реки, меня снова охватило странное ощущение. Я почувствовал притяжение любимой планеты, могучего бога войны Марса, которого десять долгих одиноких лет молил вернуть мне потерянную любовь.

Этот неодолимый зов настиг меня впервые с тех пор, как другой мартовской ночью, в 1866 году, я услышал его у входа в аризонскую пещеру, где лежало мое неподвижное, безжизненное тело, погруженное в состояние, близкое к земной смерти.

Протянув руки к красному глазу огромной звезды, я молился о возвращении мне той неведомой силы, что уже дважды переносила меня через необъятное пространство, молился так же, как тысячи ночей до этого – целых десять лет, проведенных в ожидании и надежде.

Внезапно на меня накатила сильная дурнота, и я, потеряв сознание, упал ничком на землю, на самый край головокружительного обрыва.

В то же мгновение мои мысли прояснились, в памяти ярко вспыхнул ужас, испытанный мной в населенной призраками пещере Аризоны. Как

...упал ничком на землю, на самый край головокружительного обрыва

и в ту давно минувшую ночь, мышцы отказывались мне подчиняться, и я снова, несмотря на то что находился на берегу мирного Гудзона, слышал пугающие стоны и шорох неведомого существа, которое подкрадывалось ко мне из темной глубины пещеры.

Я опять совершил сверхчеловеческое усилие, чтобы сбросить цепи странного онемения, охватившего меня, и вот послышался резкий щелчок, как будто лопнула туго натянутая проволока... В следующий

миг я стоял, обнаженный и свободный, рядом с бездыханным телом того, кто звался Джоном Картером и в ком еще недавно пульсировала горячая кровь.

Едва удостоив его взглядом, я снова обратил свой взор к Марсу, в ожидании протянув руки к его бледным лучам.

Ждать пришлось недолго – едва я успел вскинуть вверх руки, как со скоростью мысли ринулся в ужасающую пустоту, что раскинулась передо мной. Меня, как и двадцать лет назад, мгновенно окутали немыслимый холод и беспредельная тьма, а потом я открыл глаза в другом мире, лежа под обжигающими лучами солнца, которые пробивались сквозь прорехи в куполе могучего леса.

Картина, представшая мне, была настолько не марсианской, что сердце подпрыгнуло у меня в груди и меня охватил безумный страх. Неужели безжалостная судьба забросила меня на совершенно незнакомую планету?

А почему бы и нет? Разве у меня были какие-то ориентиры при полете сквозь межпланетное пространство? Разве я мог быть уверенным в том, что меня не занесет на другую планету, в чужую галактику?

Я лежал на красной траве, короткой, словно ее подстригали, как газон, а надо мной раскинулись ветви незнакомых и прекрасных деревьев, покрытые огромными удивительными цветами, среди которых порхали яркие молчаливые птицы. Я называю эти существа птицами, потому что у них имелись крылья, но взгляд смертного никогда не останавливался на столь странных, неземных очертаниях.

Похожая трава росла на лугах на больших водных путях в стране красных марсиан, но таких деревьев и птиц на Марсе я не видел. А за лесом открывался вид, немыслимый для планеты Барсум, – там было открытое море, чьи голубые воды поблескивали под бронзовым солнцем.

Поднявшись с целью получше оглядеться вокруг, я испытал ту же самую нелепую трудность, что и при первых моих шагах по поверхности Марса. Слабое притяжение этой относительно небольшой планеты и разреженный воздух привели к тому, что сила моих мышц при попытке встать на ноги подбросила меня на несколько футов, а потом я рухнул лицом на мягкую блестящую траву неведомого мира.

Сей неудачный опыт давал слабую надежду на то, что я в конце концов очутился на Марсе, просто в каком-то дальнем его уголке. Такое было вполне возможно, ведь за десять лет моего пребывания на этой планете я исследовал сравнительно крошечную ее часть.

Я снова встал, смеясь над собственной забывчивостью, и вскоре опять освоил искусство приспособления моих земных мышц к изменившимся условиям.

Медленно спускаясь к морю по пологому склону, я поневоле отметил, что лужайки и деревья выглядят как в ухоженном парке. Трава была аккуратно подстрижена и похожа на ковер, как на некоторых старых английских газонах, а ветки деревьев явно тщательно обрезали снизу на одной высоте, примерно в пятнадцати футах над почвой, так что, куда ни посмотри, они были одинаковыми и образовывали ровную крышу над головой.

Все эти свидетельства заботы и систематического ухода убедили меня в том, что, вторично прибыв на Марс, я угодил на территории цивилизованных людей и при встрече они отнесутся ко мне с должным уважением, учитывая дарованный мне титул принца дома Тардоса Морса.

По дороге к морю я не уставал восхищаться деревьями, что росли в этом лесу. Их огромные стволы достигали иной раз сотни футов в диаметре, что, безусловно, говорило об их невероятной высоте, о которой я мог лишь гадать, поскольку не видел макушек.

Удавалось разглядеть только нижние ветви, гладкие, как новенькое полированное пианино, изготовленное в Америке. Кора некоторых деревьев была черной, будто эбонит, а по соседству сияли в полумраке леса стволы белые, точно наилучший китайский фарфор, лазурные, алые, желтые, темно-пурпурные...

И точно так же листва этих деревьев сверкала разными красками, а цветы, что густо покрывали ветви, вообще невозможно описать на земном языке, для этого воистину потребовалась бы речь богов.

Когда я дошел до опушки, впереди между лесом и морским берегом открылся широкий луг, и я уже готов был выйти из тени деревьев, но мой взгляд застыл на общей картине, романтической и поэтичной...

Слева от меня море уходило вдаль, на сколько хватало глаз, прямо передо мной смутно виднелась темная линия, обозначающая дальний берег, а справа несла свои воды река, широкая, безмятежная и величественная, спокойно стремившаяся между алыми берегами к тихому заливу.

Выше по течению реки поднимались огромные отвесные горы, — похоже, там она и брала свое начало.

Но вовсе не это волнующее и грандиозное свидетельство мощи природы отвлекло мое внимание от красоты леса. Нет, это были два десятка фигур, медленно двигавшихся по лугу неподалеку от могучей реки.

Они имели странные, гротескные очертания, не похожие ни на что, виденное мною на Марсе, и все же издали весьма напоминали людей. Самый крупный представитель, когда выпрямлялся, достигал в росте, наверное, десяти или двенадцати футов, и все пропорции его торса и

нижних конечностей были точно такими же, как у землян.

Но руки у существ оказались очень короткими и с того места, где я стоял, напоминали слоновьи хоботы, потому что двигались волнообразно, по-змеиному, словно в них вовсе не имелось костей или же эти кости состояли из одних позвонков.

Пока я наблюдал за группой из-за ствола огромного дерева, одно из существ медленно двинулось в мою сторону, сосредоточившись на важном деле, которым все они были заняты и которое заключалось в том, чтобы проводить странными руками над поверхностью травы, но для чего – я понять не мог.

Когда инопланетянин подошел довольно близко, мне удалось рассмотреть его как следует. И хотя позднее я лучше познакомился с представителями данного вида, могу сказать, что беглого взгляда на это ужасающее творение природы было достаточно для того, чтобы у меня возникло желание очутиться как можно дальше отсюда. Впрочем, даже самое быстрое судно военного флота Гелиума не смогло бы унести меня достаточно далеко от этого отвратительного существа.

Его голое тело было странного, противного синего цвета, кроме широкой белой полосы, окружавшей единственный выпученный глаз, – он целиком был мертвенно-белым, включая зрачок, радужку, белок...

Нос существа представлял собой неровную круглую воспаленную дыру в центре пустого лица – дыру, которую мне не с чем сравнить, кроме свежей огнестрельной раны, которая еще не начала кровоточить.

Под этим омерзительным отверстием кожа была гладкой до самого подбородка; никакого рта я у этого существа не увидел.

Всю голову монстра, за исключением лица, покрывала спутанная масса угольно-черных волос длиной примерно в восемь-десять дюймов. Каждый волос был толщиной с крупного дождевого червя, и, когда существо двигало мышцами черепа, его чудовищный волосяной покров как будто вертелся и извивался над пугающим подобием лица, словно каждый из волосков жил своей собственной жизнью.

Да, тело и ноги создания настолько походили на человеческие, насколько это было в силах природы, – например, ступни отличались разве что чудовищным размером. Они достигали трех футов в длину, от пятки до пальцев, будучи очень плоскими и широкими.

Когда существо подошло еще ближе, я обнаружил, что движения его странных конечностей над травой имели особый смысл: таким образом оно кормилось, срезая нежные растения похожими на бритвы ногтями, всасывая их двумя ртами, расположенными на ладонях, и глотая похожими на руки горлами.

В дополнение к тому, что я уже успел рассмотреть, существо было снабжено еще и массивным хвостом, около шести футов в длину.

Круглый в области копчика, к концу он постепенно становился плоским и тонким, как лезвие; плоскость хвоста располагалась перпендикулярно земле.

Но более всего в этом необыкновенном организме удивляли две его крошечные копии, примерно шестидюймового роста; они выглядывали из-под мышек. К телу взрослой особи они присоединялись тонкими стеблями, которые росли точно из макушек их голов.

Но были ли они отпрысками существа или же составляли с ним единое целое, будучи его частями, я не знал.

Пока я рассматривал это невероятное создание, стадо приблизилось, и стало очевидно, что мелкие копии торчали из-под мышек у многих особей, но не у всех. Потом я заметил, что малыши различались по размерам: одни были едва ли в дюйм, другие – побольше, до десяти-двенадцати дюймов ростом.

Вместе со взрослыми паслось немало мелких травоядных, не намного крупнее тех, что оставались еще привязанными к своим родителям, и их размеры также сильно разнились.

Хотя существа выглядели пугающе, я не знал, нужно ли их опасаться, ведь они были безоружны. Я уже собирался выйти из укрытия и показаться им, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на них вид человека, как вдруг мое решение, к счастью, изменил странный визгливый вой, раздавшийся откуда-то справа, со стороны скал.

Если бы я успел осуществить свое намерение, эти жестокие чудовища быстро прикончили бы нагого и беззащитного чужака. Но в тот момент, когда прозвучал крик, они разом повернулись в ту сторону, и каждый змееподобный волосок на их головах вытянулся вверх, как будто прислушиваясь к источнику звука. И это действительно было так, о чем я узнал позже; тысячи странных выростов на черепах представляли собой уши растительных людей Барсума. Их малочисленное племя принадлежало к древней расе, некогда порожденной первоначальным Древом жизни.

В следующее мгновение все взгляды устремились к одному члену стада, огромному типу, явно вожаку. Из рта на его ладони слышалось какое-то мурлыканье, и он тут же устремился к скалам, а за ним потянулись остальные.

Скорость и способ их движения также были весьма примечательными: они, подобно кенгуру, перемещались прыжками, покрывающими расстояние футов в двадцать-тридцать.

Травоядные быстро исчезли из виду, и только тогда мне пришло в голову последовать за ними, так что я, наплевав на осторожность, перескочил через луг еще более впечатляющими прыжками: мускулы тренированного землянина дают такую возможность при слабых

гравитации и атмосферном давлении.

Путь странных существ лежал к истоку реки у основания гор. Добравшись туда, я увидел, что луг здесь засыпан огромными камнями, которые время от времени падали с высоких скал.

Я постарался подкрасться как можно ближе к причине переполоха, поднялся на огромный валун... и тут моему взгляду предстала ужасающая картина. Стадо травяных людей окружило небольшую группу в шесть человек – зеленых мужчин и женщин Барсума.

У меня не осталось сомнений в том, что я находился на Марсе, поскольку передо мной были представители диких орд, обитавших на дне мертвых морей и в пустынных городах умирающей планеты.

Да, я увидел высоченных барсумиан, стоявших во весь их величественный рост; их сверкающие белые клыки, торчавшие из нижних челюстей и достигающие концами середины лбов; расположенные по бокам головы выпученные глаза, которые могли смотреть и вперед, и назад, и в обе стороны, и при этом марсианам не нужно было поворачивать голову... Я видел странные, похожие на антенны уши, поднимавшиеся надо лбами, а также вторую пару рук, что росли между плечами и бедрами.

И даже без блестящей зеленой кожи и металлических украшений, означавших принадлежность к определенному племени, я бы сразу же узнал их и понял бы, что это за планета, – разве еще где-нибудь во всей Вселенной могла возникнуть их копия?

В группе было двое мужчин и четыре женщины, их знаки говорили о том, что они из разных родов, и это слегка меня озадачило. Дело в том, что орды зеленых людей Барсума вечно пребывали в состоянии смертельной вражды. Я никогда не видел, чтобы недруги собрались вместе, – кроме единственного исторического случая, когда великий Тарс Таркас из Тарка призвал сто пятьдесят тысяч зеленых воинов из нескольких орд и повел их на обреченный город Зоданга ради спасения Деи Торис, принцессы Гелиума, из лап Тана Козиса.

Но сейчас они стояли спиной к спине, глядя на общего врага.

И мужчины и женщины сжимали длинные мечи и кинжалы, но у них явно не было огнестрельного оружия, иначе отвратительные травяные люди Барсума не успели бы даже исповедаться.

И тут я увидел, как вожак стада бросился на маленький отряд, и его способ нападения был столь же примечательным, сколь и эффективным, и при всей его странности весьма мощным. Зеленые воины, безусловно, не умели защищаться от подобных атак – и мне стало ясно, что они первый раз сталкиваются с такими чудовищами.

Травяной человек, очутившись примерно в десяти футах от зеленых людей, прыгнул через их головы. Его огромный хвост поднялся вверх и

в сторону и в момент прыжка страшным ударом разбил голову зеленого воина, словно яичную скорлупу.

Жуткое стадо тем временем с невероятной скоростью кружило возле маленькой группы жертв. Их удивительные прыжки и пронзительные, оглушительные крики были рассчитаны на то, чтобы сбить с толку и напугать пленников, и, когда еще двое чудищ одновременно прыгнули на отряд с двух сторон, могучие взмахи их хвостов не встретили сопротивления, и еще двое зеленых марсиан пали бесчестной смертью.

В живых оставались только один мужчина и две женщины, и казалось, что еще секунда-другая – и они тоже упадут бездыханными на алую лужайку.

Но когда еще двое травяных людей собрались атаковать, зеленый воин, уже опомнившийся после первых страшных минут, взмахнул над головой длинным мечом и рассек несшееся над ним тело от подбородка до паха.

Однако второй монстр все же нанес единственный удар жутким хвостом и уложил замятво сразу двух женщин.

Когда зеленый воин увидел, что последние из его товарищей повержены и стадо всей массой несется на него, он дерзко бросился навстречу, вращая длинный меч, чему я не раз был свидетелем во время яростных битв.

Рубя направо и налево, он проложил себе дорогу сквозь толпу врагов, а потом со всех ног помчался к лесу, где явно надеялся найти укрытие.

Он повернул к скалам, и погнавшееся за ним стадо уходило все дальше и дальше от валуна, за которым я прятался.

Когда я наблюдал, с какой отвагой зеленый воин сражался с огромным количеством недругов, мое сердце наполнилось восхищением, и, действуя скорее под влиянием импульса, чем по зрелом размышлении, я выскочил из-за спасительного камня и кинулся к телам убитых зеленых марсиан, потому что в моей голове созрел некий план.

Сделав несколько прыжков, я оказался на месте неравной схватки, а в следующее мгновение уже летел вслед за чудовищами, которые догоняли воина. Но теперь в моей руке был длинный меч, а в моем сердце кипела старая жажда крови и битвы, в глазах плыл красный туман, и я чувствовал, как мои губы отзываются на зов сердца улыбкой, которая всегда играла на них в пылу сражений.

Я мчался изо всех сил, но все же недостаточно быстро. Зеленый воин едва успел одолеть половину расстояния до леса, а его уже нагнали, тогда он встал спиной к огромному камню, а стадо, растерявшись ненадолго, шипело и визжало вокруг него.

Поскольку у травяных людей был всего один глаз в середине лба и все

их взгляды устремились к жертве, они просто не заметили моего бесшумного приближения, так что я налетел на них с длинным мечом — и четверо были мертвы еще до того, как осознали мое присутствие.

Перед моей бешеной атакой травоядные попятились; зеленый воин воспользовался их заминкой и, подскочив ко мне, принялся укладывать чудищ направо и налево так, как я никогда не видывал: его меч летал широкими кругами, словно рисуя восьмерку, и не останавливался до тех пор, пока не положил всех врагов замертво; острейшее лезвие рассекало плоть и металл, будто воздух.

Пока мы дрались, где-то высоко над нами снова раздался пронзительный зловещий вопль, который я уже слышал недавно, — он призывал стадо атаковать своих жертв. Крик звучал снова и снова, но мы были слишком заняты схваткой, чтобы хоть беглым взглядом поискать того, кто подавал чудовищный сигнал.

И тут огромные хвосты снова взвились над нами, острые когти стали рвать наши тела. Зеленая липкая жидкость, похожая на тину, потекла из поверженных врагов, покрывая нас с головы до ног, поскольку с каждым ударом меча целые фонтаны этой дряни извергались из разрубленных артерий травяных людей, — очевидно, то была их кровь.

В какой-то момент я ощутил гигантский вес чудища на своей спине, кинжальные когти впились в мою плоть, я почувствовал пугающее прикосновение мокрых губ, пытавшихся высосать мою жизненную силу...

Я был полностью поглощен борьбой с яростным уродом, который пытался спереди добраться до моего горла, когда еще двое напали на меня сразу с двух сторон, стараясь рубануть по мне своими хвостами.

Зеленого воина тоже одолевали противники, и мне подумалось, что неравная схватка продлится едва ли пару секунд, но тут здоровенный парень заметил мое бедственное положение и, вырвавшись из окружения, одним ударом меча смахнул сразу двоих тварей возле меня, так что я без особого труда справился с остальными.

Мы снова стояли рядом, почти прижавшись спинами к огромному камню, поэтому на нас уже не могли напасть сзади и сверху. Когда мы раскидывали оставшихся врагов, мое внимание опять привлек пронзительный призывный вой, донесшийся с высоты.

На этот раз я посмотрел вверх и высоко над нами увидел маленький естественный выступ на плоскости утеса: там маячила странная фигура, снова и снова издававшая визгливый сигнал, при этом она махала одной рукой в сторону истока реки, словно призывая кого-то оттуда, а другой указывала на нас.

Взгляд, брошенный в том направлении, куда поворачивался стоявший на скальном выступе, сразу дал мне понять, в чем смысл его визга. Меня

охватил ужас, потому что от речного истока, по лугу, из леса, с далекой равнины, видневшейся за рекой, сюда бешено несло не менее сотни тварей. Одни были такими же травоядными, с которыми мы сейчас сражались, другие бежали то на двух ногах, то на четырех.

– Это будет почетная смерть, – сказал я своему товарищу. – Посмотри туда!

Когда он бросил в указанную сторону короткий взгляд, на его лице мелькнула улыбка.

– Мы, по крайней мере, можем умереть так, как и следует великим воинам, Джон Картер, – ответил он.

В эту минуту мы добивали последнего врага, и я в удивлении обернулся, услышав собственное имя.

И тут мой изумленный взор остановился на величайшем из зеленых воинов Барсума – это был умнейший, могущественнейший генерал, мой добрый друг Тарс Таркас, джеддак Тарка.

II

Лесная битва

У нас с Тарсом Таркасом не было времени на разговоры в тот момент – мы стояли возле гигантского обломка скалы, вокруг валялись трупы наших гротескных врагов, а со всех сторон по широкой долине к нам потоками неслись страшные существа, откликнувшиеся на зов странной фигуры, что маячила высоко над нами.

– Пошли! – воскликнул Тарс Таркас. – Мы должны забраться на скалы. Это наша единственная надежда на спасение, главное – выиграть время, а там отыщется пещера или узкий проход, где даже двое смогут отбиться от этого пестрого безоружного стада.

Мы вместе побежали по алой траве, и я старался не обгонять своего более медлительного товарища. Нам нужно было преодолеть около трехсот ярдов, отделявших наш камень от сплошных скал, а потом найти подходящее укрытие, где мы могли бы выстоять против жутких тварей, преследовавших нас.

Они быстро сокращали дистанцию между нами, и тут Тарс Таркас крикнул, чтобы я поспешил вперед и постарался отыскать убежище. Предложение выглядело разумным, так можно было выиграть много драгоценных минут, которые могли спасти нас, и потому я напряг свои мускулы и одним прыжком покрыл расстояние до каменных стен, приземлившись у их подножия.

Эти громады отвесно поднимались над равниной, почти идеально плоской. Рядом со многими утесами и скалами обычно громоздятся обломки породы, по которым можно взобраться наверх, но здесь их не наблюдалось. Лишь крупные глыбы, упавшие сверху и лежавшие на

траве либо наполовину зарывшиеся в нее, были знаком частичного разрушения гигантских скальных образований.

Беглый осмотр стены наполнил мое сердце дурными предчувствиями, потому что я не нашел никаких щелей или выступов в этих скалах, кроме того единственного, на котором стоял зловеший герольд, продолжавший пронзительно призывать яростное стадо.

Справа от меня скальные основания утопали в густых зарослях леса, но вплотную к стене деревья не росли, они отступали от нее на добрую сотню футов.

Слева скалы, все такие же цельные и неприступные, уходили в широкую долину и терялись вдали, сливаясь с силуэтами окружающих горных хребтов.

Примерно в тысяче футов от меня река как будто выскакивала прямо из-под скалы, и в том направлении пути к спасению явно не было, так что я снова повернулся к лесу.

Скалы возвышались надо мной не меньше чем на пять тысяч футов. Солнечные лучи еще не освещали их, и они выглядели тускло-желтыми. Тут и там монотонную плоскость перебивали пятна и полосы темно-красного, зеленого камня, и кое-где виднелись области белого кварца.

Картина в целом была прекрасной, но, боюсь, я при первом осмотре не обратил на это особого внимания.

Мне хотелось найти лишь средство спасения, и, когда мой взгляд снова и снова скользил по огромной плоскости, ища какую-нибудь трещину или выступ, я чувствовал себя как пленник, изучающий стены своей тюрьмы.

Тарс Таркас быстро догнал меня, а следом за ним мчалось бешеное стадо.

Похоже, кроме леса, бежать нам было некуда. Я уже собирался махнуть рукой, показывая Тарсу Таркасу в ту сторону, но тут солнце, поднявшись выше, бросило свои лучи прямо на скальную стену, и, когда они коснулись камней, тусклая поверхность взорвалась миллионами сверкающих огней – золотых, красных, зеленых, белых... и более величественного и удивительного зрелища никогда не видел глаз человека.

Вся каменная стена, как это и подтвердили позднейшие исследования, была пронизана жилами чистого золота, до такой степени, что выглядела полностью золотой, кроме тех мест, где в нее врезались выходы драгоценных камней – рубинов, изумрудов и алмазов, – некие заманчивые намеки на то, какие огромные, невообразимые богатства таились глубоко под этим великолепием.

Но что куда сильнее заинтересовало меня в тот момент, когда солнечные лучи упали на плоскость скалы, так это несколько черных

точек, которые теперь стали отчетливо видны над вершинами деревьев.

Я почти сразу понял, что это такое: темные отверстия пещер, уходящих в могучую стену, – словом, возможный путь к спасению или, по крайней мере, временное убежище. Оставалось только добраться до них.

У нас не было другого способа подняться, кроме как по огромным высоким стволам, что росли справа. Я отлично знал, что способен вскарабкаться наверх, но вот Тарсу Таркасу, с его огромным телом и весом, пришлось бы нелегко, ибо марсиане искусны во многом, но не в альпинизме. На этой древней планете я ни разу не видел холма или горы, превосходившей высотой четыре тысячи футов, а поскольку все склоны были пологими, жители Барсума лишались возможности попрактиковаться в восхождении по вертикали. Да они и не стали бы рисковать, наткнувшись на крутую гору, и предпочли бы обойти ее стороной, пусть даже немного удлинив себе дорогу.

Однако сейчас выбирать не приходилось, мы должны были забраться на деревья, стоявшие возле утеса, чтобы залезть в одну из пещер наверх.

Таркианин сразу оценил и все выгоды, и все трудности такого плана, но ничего другого нам не оставалось, и потому мы прибавили скорости, устремляясь к ближайшим к утесу деревьям.

Наши неумолимые преследователи были уже близко, так близко, что казалось невозможным, чтобы джеддак Тарка добрался до леса раньше их. И я даже испугался на миг, что он и стараться не станет, поскольку зеленые воины Барсума терпеть не могли отступать, и я ни разу не видел, чтобы они пытались избежать гибели, какова бы она ни была. Однако Тарс Таркас продолжал бежать, хотя считался храбрейшим из храбрых и доказывал это тысячи раз; да, он тысячи раз вступал в смертельную битву с людьми и разными тварями. И я понял, что вовсе не страх подталкивает его вперед, тому есть веская причина, и зеленого воина гонит к спасению сила более могучая, чем гордость или честь. Для меня такой силой была любовь – любовь к божественной Дее Торис, а отчего столь внезапно неодолимая жажда жизни проснулась в таркианине, я даже вообразить не мог, поскольку зеленые воины чаще искали смерти, чем избавления от нее... Да, вот такой это странный, жестокий, бесчувственный и несчастный народ.

Но наконец мы очутились в тени деревьев, а следом за нами – самый быстрый из наших врагов, огромный травяной человек. Он несся, вытянув вперед руки с когтями и разинутыми ртами на ладонях.

Должен заметить, что он обогнал своих соплеменников на добрую сотню ярдов. Поэтому я велел Тарсу Таркасу скорее лезть на огромное дерево, ветви которого упирались в стену утеса. А я тем временем собирался снести башку уроду, чтобы не слишком проворный таркианин успел достичь цели раньше, чем все стадо прискачет сюда и отнимет у нас всякую надежду на спасение.

Но я, безусловно, то ли плохо рассчитал расстояние между нами и врагом, то ли не учел скорость, с которой мчался травоядный.

Когда я взмахнул длинным мечом, чтобы нанести смертельный

удар, существо резко остановилось, и мой клинок рубанул по воздуху, а огромный хвост пронесся над травой и сбил меня с ног. В одно мгновение злобная тварь навалилась на меня, но, прежде чем она вонзила зубы своих чудовищных ртов мне в грудь и горло, я вцепился изо всех сил в ее чувствительные ладони, из которых выступали мягкие щупальца.

Мускулистый, увесистый травяной человек дрался не на шутку, но мои земные мышцы были несравнимо сильнее, и я, безусловно, одержал бы победу, будь у меня время, но мне помешали. Пока мы барахтались под деревом, на которое с огромным трудом карабкался Тарс Таркас, я вдруг через плечо своего противника увидел огромную волну преследователей – они были почти рядом.

И только теперь я наконец понял, что представляют собой чудища, явившиеся на помощь травяным людям в ответ на зловещий призыв герольда на скале. Это были самые страшные из всех марсианских тварей – огромные белые обезьяны Барсума.

Мой прежний опыт жизни на Марсе уже дал мне возможность близко познакомиться с этими монстрами, и я знал, на что они способны. Могу сказать, что из всех пугающих и ужасных, отвратительных и гротескных обитателей странной планеты белые обезьяны вызывали во мне самый сильный, самый глубокий ужас.

Думаю, причина такого неприятия кроется в их большом сходстве с землянами, что при гигантском росте человекообразных производит зловещее впечатление.

Они достигали в высоту пятнадцати футов и ходили прямо, на задних лапах. Как и зеленые марсиане, они имели дополнительную пару рук, расположенных между верхними и нижними конечностями; уши сидели высоко, но ближе к вискам, чем у зеленых людей, а морды и зубы были почти такими же, как у африканских горилл. На головах у белых обезьян торчали огромные пучки жесткой шерсти.

Именно их я увидел, бросив взгляд через плечо моего врага, их и ужасных травяных людей, а потом на меня обрушилась чудовищная волна рычащей, визжащей, кусающейся ярости... и среди всех звуков, что резали мне слух, самым чудовищным было мурлыканье травяных людей.

В один миг с десятков острых клыков и когтей вонзились в мою плоть; холодные липкие губы искали мои артерии. Я пытался освободиться и даже под тяжестью всех этих бесчисленных тел сумел встать на ноги. Крепко сжав длинный меч и действуя им как кинжалом, я прорвался сквозь этот хаос.

Чтобы описать схватку, понадобились минуты, но на деле все произошло за несколько кратких секунд. Пока это продолжалось, Тарс Таркас, видя мое тяжелое положение, прыгнул с нижних ветвей дерева, до которых добрался с бесконечным трудом, и, когда я отшвыривал от себя последнего из ближайших противников, великий таркианин уже стоял рядом со мной, и мы снова сражались спиной к спине, как это бывало сотни раз.

Снова и снова свирепые обезьяны нападали на нас, а мы отгоняли их мечами. Огромные хвосты травяных людей проносились над нами с чудовищной силой, твари бросались на нас со всех сторон или подпрыгивали с энергией ирландских волкодавов – но каждую атаку встречали сверкающие лезвия боевых мечей, их держали руки настоящих воинов, ведь Тарс Таркас и Джон Картер не зря славились своим боевым искусством.

Но даже два меча лучших в мире бойцов не могли вечно сопротивляться гигантскому числу яростных и диких тварей, которые просто не знали, что значит слово «поражение», и напирали до тех пор, пока холодная сталь не заставляла их сердца остановиться; и в итоге мы были вынуждены отступать шаг за шагом. Так мы очутились у того огромного дерева, которое выбрали для подъема на скалу, и нам пришлось понемногу двигаться назад вокруг его необъятного ствола, отбиваясь от очередных атак.

Внезапно я услышал негромкий взволнованный вскрик Тарса Таркаса. – Наконец-то нам есть где укрыться, Джон Картер! – сказал он, и я, оглянувшись, увидел дупло у основания дерева, около трех футов в диаметре.

– Залезай туда, Тарс Таркас! – крикнул я, но он отмахнулся, заявив, что его тело слишком велико, чтобы протиснуться сквозь такую дыру, зато я могу проскользнуть внутрь без труда.

– Мы оба погибнем, Джон Картер, если ты этого не сделаешь, а так есть шанс хотя бы для одного из нас. Забирайся туда, и ты сможешь отомстить за меня, а мне и пытаться нечего пролезть в тесную щель, когда целая орда демонов насаждает со всех сторон.

– Значит, мы умрем вместе, Тарс Таркас, – ответил я, – первым я туда не полезу. Позволь мне оборонять дупло, пока ты в него не заберешишься, а потом я легко проскользну следом за тобой, и они мне не помешают.

Мы говорили отрывисто, продолжая отбиваться, нанося короткие удары по врагам.

Наконец Тарс Таркас уступил, потому что иначе ни одному из нас было бы не спастись от убийц, все прибывавших и прибывавших со всех концов широкой долины.

– Вечно ты так, Джон Картер, о собственной жизни думаешь в последнюю очередь, – сказал Тарс Таркас, – и все так же командуешь всеми, даже величайшими джеджаками, что правят Барсумом.

По его грубому лицу скользнула мрачная улыбка, и он, величайший из джеджаков, повернулся, чтобы повиноваться приказу инопланетянина – человека, чей рост не достигал и половины его собственного.

– Если ты потерпишь неудачу, Джон Картер, – пробурчал он, – знай, что жестокий и бессердечный таркианин, которому ты объяснил значение дружбы, встанет рядом с тобой, чтобы умереть.

– Как пожелаешь, друг мой, – ответил я. – Но ты уж поспеши, давай лезь головой вперед, а я прикрою твой зад.

Джеджад немного замялся, услышав это слово, потому что за всю свою жизнь, проведенную в бесконечных войнах, он не поворачивался спиной к врагу и не отступал перед ним.

– Вперед, Тарс Таркас, – крикнул я, – или мы оба проиграем без всякого смысла; я же не могу вечно удерживать этих тварей в одиночку.

Когда он опустился на землю, чтобы залезть под дерево, вся воющая орда чудовищных дьяволов с удвоенной энергией ринулась на меня. Мой клинок летал вправо и влево, он был то зеленым от липкого сока травяных людей, то красным от алой крови огромных белых обезьян, но каждый раз, перескакивая от одного противника к другому, он долю секунды колебался, прежде чем погрузиться в жизненный центр очередного дикого существа.

Я сражался, как никогда не сражался прежде, против жутких монстров, каких и вообразить было трудно, и наконец даже мощные человеческие мышцы начали уставать от этой бесконечной резни, от напавших на меня тонн яростной злобной плоти.

Твари, испугавшись, что мы можем сбежать от них, удвоили свои усилия, стараясь опрокинуть меня, сбить с ног, и, хотя земля передо мной была сплошь покрыта мертвыми и умирающими, враги сумели навалиться на меня. Я во второй раз за тот день очутился под грудой их тел и снова ощутил, как мерзкие губы впиваются в мою кожу.

Но едва я упал, как сильные руки сжали мои лодыжки, а в следующую секунду меня уже втащили в дупло под деревом. Тут в меня вцепился еще и огромный травоядный, пытаюсь удержать, но я направил на него длинный меч и одним ударом лишил его жизни.

Израненный и истекающий кровью от многочисленных жестоких ран, я, тяжело дыша, лежал на земле под древесными корнями, а Тарс Таркас защищал вход от разъяренной толпы, оставшейся снаружи.

Они еще с час бродили вокруг, но после нескольких попыток добраться до нас ограничились пугающим воем и визгом. Мерзкий рык огромных белых обезьян сливался с неописуемо отвратительным мурлыканьем травяных людей.

В конце концов у дерева остались десятка два сторожей, которые должны были пресечь наши попытки к бегству, а орда отправилась восвояси. Наше приключение, похоже, закончилось чем-то вроде осады, а возможным ее итогом будет смерть от голода. Ведь если удастся ускользнуть под покровом ночи, куда идти в незнакомой и враждебной долине? Как выбрать верное направление, если мы хотим спастись?

Когда атаки врагов прекратились, а наши глаза привыкли к полутьме нашего странного укрытия, я наконец осмотрелся вокруг.

Пустое пространство внутри дерева было около пятнадцати футов в диаметре, и, судя по гладкому твердому полу, оно раньше, до нашего появления, использовалось как жилище. Когда же я посмотрел вверх, чтобы оценить высоту дупла, то заметил вдали слабый свет.

Там, высоко над нами, маячило какое-то отверстие. Если бы мы смогли до него добраться, у нас появилась бы надежда спрятаться в пещерах в стене утеса. Мои глаза уже привыкли к слабому освещению, и при внимательном осмотре я увидел примитивную лестницу в дальнем конце дупла.

Моментально вскарабкавшись по ней, я обнаружил, что наверху она соединяется с длинным рядом деревянных перекладин. Они вели вверх по узкому, как колодец, желобу в стволе. Перекладки располагались одна над другой примерно через каждые три фута и, на мой взгляд, образовывали просто идеальную лестницу.

Снова прыгнув на пол, я сообщил о своем открытии Тарсу Таркасу, и тот предложил мне для дальнейшего исследования подняться как можно выше, а он будет охранять вход от возможных атак.

Я опять быстро забрался по ступеням, чтобы изучить странную шахту.

Оказалось, что горизонтальные перекладины тянутся на сколько хватало глаз и по мере подъема свет наверху становится все ярче и ярче.

На высоте не менее пятисот футов от земли я наконец выглянул в отверстие в стволе. Оно было примерно такого же диаметра, как и вход в дупло под корнями, и выходило прямым на огромную плоскую ветку, основательно потертую. Это свидетельствовало о том, что некие существа долгое время забирались по ней внутрь дерева и вылезали наружу.

Я не решился ступить на сук из страха, что меня могут заметить и тогда нашему плану придет конец; вместо того я быстро спустился обратно, к Тарсу Таркасу.

И вскоре мы вместе начали подниматься по длинной лестнице к выходу.

Тарс Таркас шел впереди, а я, как только добрался до первой из горизонтальных перекладин, втащил за собой лестницу и передал таркианину, тот пронес ее с сотню футов, а потом аккуратно воткнул между одной из планок и стенкой шахты. Затем я снял еще несколько нижних ступенек и отдал ему, и вскоре шансы наших преследователей подняться на сто футов от земляного пола были сведены к нулю. Таким образом, мы избежали нападения с тыла.

Как мы узнали много позже, эта предосторожность избавила нас от страшной судьбы и воистину стала для нас средством спасения.

Когда мы достигли отверстия наверху, Тарс Таркас отклонился в сторону, чтобы я мог протиснуться мимо него и испытать ветку на прочность. Благодаря меньшему весу и большей ловкости я был лучше приспособлен для подобных аттракционов.

Ветка под небольшим углом тянулась к утесу, я пошел по ней и обнаружил, что обрывается она в нескольких футах над узким скальным выступом у входа в узкую пещеру.

Когда я подбирался к концу ветки, ее тонкая часть согнулась под моим весом. Я стал осторожно раскачиваться, и она мягко склонилась к выступу, повиснув в паре футов от него.

В пяти сотнях футов подо мной раскинулся яркий алый ковер долины; почти на пять тысяч футов над моей головой поднимались могучие сверкающие скалы.

Пещеру, напротив которой я балансировал, я не видел с земли, те темные отверстия, что я заметил, находились, наверное, на тысячу футов выше. Но по-моему, она точно так же годилась для наших целей, как и любая другая, и потому я отправился за Тарсом Таркасом.

Мы вместе поползли по зыбкой дорожке, но, когда добрались до ее конца, ветка сильно согнулась, и вход в пещеру оказался слишком высоко над нами.

Наконец мы решили, что Тарсу Таркасу следует вернуться к стволу, оставив мне свой длинный и крепкий кожаный ремень. Я попробую спрыгнуть на скальный карниз и брошу таркианину конец ремня, чтобы подтянуть Тарса Таркаса к себе, если сук прогнется под его тяжестью.

Так мы и поступили и вскоре уже сидели рядом на краю крохотного выступа, на головокружительной высоте, а перед нами раскинулся потрясающий вид на долину.

На сколько мог видеть глаз, на побережье тихого моря рос великолепный лес, который перемежался алыми полянами, а над ними нависали чудовищные стражи – сверкающие скалы. Нам показалось, что вдали, среди колышущихся вершин деревьев, сияет на солнце золотой минарет, но мы тут же решили, что видим мираж, – вероятно, нам очень хотелось обнаружить признаки цивилизации в этом прекрасном, но неприступном месте.

Под нами на берегу реки большие белые обезьяны пожирали останки недавних спутников Тарса Таркаса, а огромные стада травяных людей паслись, описывая по лужайкам расширяющиеся круги и срезая траву ровно, как газонокосилки.

Зная, что нападение с дерева теперь невозможно, мы решили исследовать пещеру – у нас имелись все причины полагать, что она является продолжением пути, который мы уже прошли. Бог знает куда она ведет, но уж точно прочь от долины, где царит страшное зверство.

Когда мы заглянули внутрь, оказалось, что в утесе проложен аккуратный тоннель высотой приблизительно в двадцать футов и шириной около пяти. Его потолок был сводчатым. Источником света мы не располагали и потому ощупью медленно двинулись в сгущавшуюся тьму. Тарс Таркас касался пальцами одной стены, я – другой, а для того, чтобы не свернуть случайно в какой-нибудь боковой проход, мы держались за руки.

Как далеко мы прошагали, я не знаю, но довольно скоро некое препятствие вынудило нас остановиться. Это напоминало скорее перегородку, нежели тупик, потому что стенка на ощупь была явно не из камня, а из чего-то похожего на твердое дерево.

Я молча провел по поверхности ладонями и вскоре был вознагражден, наткнувшись на некую кнопку, которая на Марсе точно так же означала дверь, как на Земле – дверная ручка.

Мягко нажав на нее, я с радостью почувствовал, как дверь медленно поддается, – и через миг мы увидели слабо освещенное помещение, пустое, насколько можно было разглядеть.

Без излишней суеты я распахнул дверь во всю ширь и шагнул в зал, огромный таркианин вошел туда следом за мной. Мы некоторое время стояли молча, оглядываясь по сторонам, и тут позади раздался легкий

шум, заставивший меня стремительно обернуться; к моему изумлению, дверь захлопнулась, как будто ее закрыла невидимая рука.

Я тут же метнулся назад и попытался снова ее открыть. Было что-то мрачное в том, что за нами закрылась дверь; напряжение и почти осязаемая тишина в этом каменном мешке будто предвещали появление неведомого зла, затаившегося в чреве Золотых скал.

Но мои пальцы впустую шарили по твердой поверхности, а глаза тщетно искали копию той кнопки, что позволила нам проникнуть сюда.

А потом прозвучал грубый и издевательский смех, разнесшийся по пустому залу.

III

Зал тайны

Несколько мгновений после того, как ужасный смех затих, эхом прокатившись под каменными сводами, мы с Тарсом Таркасом стояли в напряженном выжидающем молчании. Но тишину больше ничто не нарушало, и мы не замечали вокруг никакого движения.

Наконец Тарс Таркас тихо усмехнулся, как это делали все зеленые люди, когда сталкивались с чем-то ужасным или опасным. Это был не истерический смех, а скорее искреннее выражение удовольствия, которое марсиане получали от вещей, способных вызывать у земного человека отвращение или слезы.

Я не раз видел, как они катаются по земле в безудержном веселье, когда видят смертельную агонию женщин и маленьких детей, подвергающихся пыткам во время дьявольского праздника зеленых марсиан – Больших игр.

Я посмотрел на таркианина и тоже слегка улыбнулся, потому что, по правде говоря, уж лучше было усмехаться в такой момент, чем дрожать от страха.

– И что ты на это скажешь? – спросил я. – В какую чертовщину мы угодили? Где мы?

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Где мы? – повторил он. – Ты говоришь мне, Джон Картер, что не знаешь, где находишься?

– Я могу лишь предположить, что мы на Барсуме, не более того, но, если бы не встреча с тобой и с большими белыми обезьянами, я бы об этом не догадался. Знаешь, местные пейзажи ничуть не похожи на природу моего любимого Барсума, который я знал долгие десять лет; ничего подобного нет и в том мире, где я родился. Нет, Тарс Таркас, я не знаю, где мы находимся.

– А где ты был с тех пор, как открыл много лет назад мощные двери атмосферной фабрики, когда ее хранитель погиб и моторы заглохли, а

весь Барсум умирал, если уже не умер, от недостатка воздуха? Твое тело так и не нашли, хотя во всем мире люди искали тебя все эти годы, ведь джеддак Гелиума и его внука, твоя принцесса, предложили столь огромное вознаграждение, что даже принцы королевской крови присоединились к поискам! Но когда все старания оказались тщетными, оставалось сделать единственно возможный вывод: что ты отправился в долгое последнее паломничество вниз по таинственной реке Исс, чтобы ждать прекрасную Дею Торис, свою принцессу, в долине Дор, на берегах затерянного моря Корус. Почему ты ушел, никто не мог понять, ведь твоя принцесса по-прежнему жива...

— Слава богу! — перебил я его. — Я не решался тебя спросить, боялся: вдруг я опоздал и уже не мог ее спасти... Она была очень слаба, когда я оставил ее в королевских садах Тардоса Морса в ту давно минувшую ночь; настолько слаба, что я почти не надеялся добраться до атмосферной фабрики вовремя, прежде чем ее дорогой дух навеки отлетит прочь. Она и правда жива?

— Жива, Джон Картер.

— Но ты мне не сказал, где мы находимся, — напомнил я ему.

— Мы там, где я и ожидал тебя найти, Джон Картер... тебя и кое-кого еще. Много лет назад ты слышал историю женщины, которая объяснила мне, что зеленых марсиан воспитывают в ненависти, — я говорю о той, что научила меня любить. Ты знаешь, какие жестокие муки и ужасную смерть принесла ей ее любовь, она погибла от рук чудовищного Тала Хаджуса. Я думал, что любимая ждет меня у затерянного моря Корус, да и ты, Джон Картер, беспечно бродишь на свободе в долине Дор — ты, человек из другого мира, подаривший свою дружбу жестокому таркианину. Именно по вас двоим я тосковал сильнее всего и в конце концов решил на долгое паломничество, к тому же Дея Торис начинала терять надежду на встречу с тобой, она была убеждена, что тебе пришлось временно вернуться на родную планету. Итак, я поддался своему желанию видеть вас и месяц назад отправился в путешествие... Чем оно закончилось, ты сегодня видел. Теперь ты понимаешь, где находишься, Джон Картер?

— Так это и есть река Исс, что впадает в затерянное море Корус в долине Дор? — спросил я.

— Перед тобой долина любви, мира и отдыха, куда каждый житель Барсума стремится с незапамятных времен, когда подходит конец его жизни, полной ненависти, войн и кровопролития, — ответил Тарс Таркас. — Это, Джон Картер, и есть рай.

Его голос прозвучал холодно и иронично, в нем слышалась горечь беспредельного разочарования, которое испытал великий зеленый воин. Для него это было крушение иллюзий. Разбились в прах надежды и

чаяния всей жизни, с корнем оказались выдраны вековые традиции, все то, на чем держалась вера.

Я положил руку ему на плечо.

– Мне очень жаль, – произнес я, поскольку больше мне нечего было сказать.

– Ты только подумай, Джон Картер, о бесчисленных миллионах барсумиан, которые испокон веков добровольно отправлялись вниз по этой реке – и лишь для того, чтобы попасть в когти злобных ужасных существ, какие сегодня напали на нас. Существует древняя легенда о том, что однажды некий человек из красного народа Барсума вернулся с берегов затерянного моря Корус, из долины Дор, поднявшись вверх по течению таинственной реки Исс, и предание гласит, что он рассказывал жуткие кошунственные истории о мерзких тварях, населяющих ту долину невиданной красоты, чудищах, которые нападают на каждого барсумианина, когда тот завершает свое паломничество, и пожирают его на берегу затерянного моря, где он надеялся обрести любовь, и покой, и счастье. Но древние казнили богохульника, поскольку традиция предписывает убивать каждого, кто возвращается с таинственной реки. Однако теперь-то мы знаем, что это было не кошунство, легенда правдива и тот человек свидетельствовал о реальных событиях, но какая нам в том польза, Джон Картер, ведь, даже если нам удастся бежать отсюда, на нас тоже будут смотреть как на богохульников. Мы очутились между диким феоатом уверенности и бешеным зитидаром факта... и нам не спрятаться ни от того, ни от другого.

– На Земле сказали бы, что мы оказались между молотом и наковальней, Тарс Таркас. Или между Сциллой и Харибдой, – невольно улыбнулся я.

– Как бы то ни было, мы можем лишь смириться с судьбой. По крайней мере, утешает то, что за наши жизни враги расплатятся бесчисленными жертвами. Будь то белые обезьяны или травяные люди, зеленые барсумиане или красные, кто бы ни вздумал нанести нам последний удар, ему не так-то просто будет справиться с Джоном Картером, принцем дома Тардоса Морса, и Тарсом Таркасом, джеджаком Тарка.

Я не удержался и засмеялся над его мрачным юмором, и он присоединился ко мне, смеясь с тем истинным удовольствием, которое и отличало этого свирепого таркианского вождя от других зеленых марсиан.

– Но как насчет тебя, Джон Картер? – воскликнул он наконец. – Если ты все эти годы провел не здесь, то где же тогда и почему я сегодня нашел тебя именно тут?

– Я был на Земле, – пояснил я. – Десять долгих земных лет я молился и надеялся, что однажды снова окажусь на этой мрачной старой планете, к которой, несмотря на ее грубые и ужасные обычаи, чувствую огромную привязанность и любовь, даже более сильные, чем к миру, где я родился. Десять лет я был живым мертвецом, мучась неизвестностью, не зная, жива ли Дея Торис, и вот теперь, впервые за все эти годы, получил ответ на свои мольбы, и мои сомнения рассеялись. Я вернулся на Барсум, однако по жестокой прихоти судьбы меня забросило в такое место, откуда, похоже, нет выхода. А если и есть, то какова же цена свободы? Но я все равно цепляюсь за малейший шанс встретить свою принцессу, покуда жив... Впрочем, ты видел сегодня, какое жалкое будущее ждет того, кто стремится к лучшему. Всего за каких-то полчаса до того, как ты вступил в схватку с травяными людьми, я стоял в лунном свете на берегу широкой реки, что течет на востоке прекраснейшего края на Земле. Я ответил тебе, друг мой? Ты мне веришь?

– Верю, – сказал Тарс Таркас, – хотя и не понимаю.

Пока мы разговаривали, я изучал взглядом зал. Длина его составляла около двухсот футов, ширина – примерно сотню, а прямо напротив того места, где мы стояли, в центре дальней стены, находилось нечто похожее на дверь.

Помещение было высечено в скале, в середине потолка тускло светила единственная радиевая лампа, врезанная в толщу камня. Тут и там на стенах и потолке виднелись отполированные вкрапления рубинов, изумрудов и алмазов. А вот пол был из другого материала, очень твердого и гладкого, точно стекло, от долгого использования. Кроме двух дверей, других признаков входа-выхода не обнаружилось, а поскольку первая дверь закрылась, я пошел ко второй.

Когда я протянул руку, чтобы поискать кнопку, снова раздался грубый и издевательский смех, и на этот раз так близко от меня, что я невольно отшатнулся, молниеносно сжав рукоятку своего меча.

А потом голос загудел из дальнего угла огромного зала:

– Надежды нет, надежды нет; мертвые не возвращаются, мертвые не возвращаются; никто не воскресает. Надежды нет, потому что нет надежды.

Хотя наши взгляды тут же обратились к тому месту, откуда исходил голос, мы никого не заметили, и должен признать, что по моей спине пробежал леденящий холод, а волосы на затылке встали дыбом, как шерсть на загривке борзой, когда ночью ее глаза видят нечто зловещее, скрытое от человеческих взоров.

Я быстро пошел на звук, но загробный прорицатель затих прежде, чем мне удалось приблизиться к дальней стене, и тут же с другого конца

зала донесся другой голос, пронзительный и визгливый.

– Глупцы! Глупцы! – верещал он. – Думаете, вам под силу победить вечные законы жизни и смерти? Или вы сможете уговорить таинственную Иссу, богиню Смерти, отказаться от своего долга? Разве не принесла вас сюда ее могучая посланница, древняя река Исс, разве не сами вы отправились в долину Дор? Неужто вы считаете, глупцы, что Исса не выполнит свой долг? Надеетесь сбежать из этого места, откуда за бесчисленные века не ускользнула ни единая душа? Вернитесь туда, откуда пришли, идите в милосердное чрево детей Древа жизни или к сияющим клыкам великих белых обезьян, потому что именно так вы скорее избавитесь от страданий. Но если вы будете упорствовать и попытаетесь углубиться в лабиринты Золотых утесов гор Оц, преодолеть бастионы неприступных крепостей священных фернов, то на этом пути смерть в самом ужасном ее облике настигнет вас, смерть столь чудовищная, что даже священные ферны, которые постигли суть бытия и небытия, отведут взгляды от ее дьявольского лика и закроют уши, чтобы не слышать страшных криков ее жертв. Вернитесь обратно, глупцы, той же дорогой, что пришли сюда.

А потом в другом конце зала опять раздался пугающий хохот.

– Весьма зловеще, – заметил я, поворачиваясь к Тарсу Таркасу.

– И что мы будем делать? – спросил он. – Мы ведь не можем драться с пустым воздухом; я бы предпочел вернуться и сразиться с теми, чью плоть ощущает мой меч, и я знал бы, что дорого продам свою шкуру, прежде чем усну вечным сном.

– Если ты, по твоим словам, не можешь драться с воздухом, Тарс Таркас, – сказал я, – так ведь и воздух нам не противник. И меня, победившего в свое время тысячи крепких воинов, не заставит повернуть назад простой ветер; да и тебя он не напугает, Тарс Таркас.

– Но таинственные голоса могут исходить от невидимых и невиданных существ, у которых имеются вполне осязаемые мечи, – возразил мой товарищ.

– Ерунда, Тарс Таркас! – воскликнул я. – Эти звуки издают такие же реальные существа, как ты и я. В их венах течет кровь, которую можно выпустить так же легко, как нашу; и они явно не слишком храбры. Подумай, Тарс Таркас, разве Джон Картер бросился бы наутек, услышав визг труса, что не осмеливается выйти и открыто обнажить меч?

Я говорил громко, чтобы те, кто желал нас напугать, наверняка меня поняли, поскольку это воздействие на нервы изрядно надоело. К тому же мне пришло в голову, что весь спектакль только для того и был затеян, чтобы заставить нас вернуться в долину смерти, ведь там нас быстро нашли бы дикие злобные существа.

Довольно долго царило молчание, а потом вдруг за моей спиной

послышался тихий осторожный звук, заставивший меня обернуться; ко мне со зловещим шорохом полз огромный многоногий банх.

Банхи – это свирепые хищники, которые блуждают среди низких холмов, окружающих мертвые моря древнего Марса. Как почти все марсианские животные, они бесшерстные, и лишь на загривках у них топорщатся жесткие гривы.

Длинное гибкое тело банха передвигается на десяти мощных лапах, его огромные челюсти, как у марсианских гончих калотов, снабжены несколькими рядами длинных, похожих на иглы клыков; пасти у них огромные, они открываются до крошечных ушей, а огромные выпученные зеленые глаза добавляют последний штрих к жуткому облику.

Подползая ко мне, банх хлестал по полу мощным хвостом, желтым по бокам, а когда он понял, что его заметили, издал оглушительный рев, способный на время парализовать жертву. Это давало хищнику возможность напасть на нее.

Взревев, банх ринулся на меня всем своим огромным телом, но его могучий голос на меня не подействовал, и его широко разинутая пасть вместо нежной плоти наткнулась на холодную сталь.

Через секунду я выдернул лезвие меча из остановившегося сердца этого огромного барсумианского льва и, повернувшись к Тарсу Таркасу, с удивлением увидел, что и он стоит лицом к лицу с таким же чудищем.

Как только он свалил своего зверя, я, повинувшись приказу настороженного подсознания, развернулся – и обнаружил еще одного злобного обитателя марсианских пустошей, что подобрался ко мне через каменный зал.

Так, в течение почти целого часа на нас пытались напасть все новые и новые чудища, они словно возникали из воздуха.

Тарс Таркас был вполне доволен; он видел перед собой врагов во плоти, которых мог проткнуть и расцечь своим огромным мечом, и я со своей стороны мог добавить, что такое нападение было куда веселее, чем зловещие предсказания, срывавшиеся с невидимых губ.

В наших противниках не было ничего сверхъестественного, судя по тому, как они были, ощутив острую сталь в своих внутренностях; из их рассеченных вен текла обычная кровь, и они умирали вполне реальной смертью.

Во время схватки я заметил, что твари появлялись лишь у нас за спиной. Мы ни разу не видели, чтобы зверь возник прямо из воздуха, так что я, ни на йоту не потеряв способности рассуждать логично, пришел к выводу: хищники попадают в каменный зал через какую-то хорошо скрытую дверь.

Среди множества украшений Тарса Таркаса, висевших на кожаных

перевязях и обычно составлявших единственную одежду марсиан (помимо шелковых плащей и балахонов, которые они надевают для защиты от холода после наступления темноты), имелось небольшое зеркало размером примерно с ручное дамское. Оно располагалось между плечами и талией на его широкой спине.

Когда Тарс Таркас стоял, глядя на только что поверженного зверя, мой взгляд случайно упал на это зеркало, и его блестящая поверхность отразила некую картину, заставившую меня прошептать:

– Не шевелись, Тарс Таркас! Ни единого движения!

Зеленый воин не спросил, зачем это нужно, а просто застыл, как надгробный памятник, пока я наблюдал за странным явлением, имевшим для нас огромное значение.

А видел я вот что. Фрагмент стены повернулся, будто на стержне, и одновременно с ним плавным круговым движением переместилась часть пола.

Подвижные плоскости были так идеально подогнаны друг к другу, что в тусклом освещении зала невозможно было заметить даже тонкую трещинку.

Когда поворот был наполовину завершен, появилась огромная тварь, сидевшая на задних лапах на той половине круга, что скрывалась за вращающейся дверью; когда движение прекратилось, зверь ринулся ко мне, а вертикальная часть хитроумного входа встала на место. Стена снова выглядела цельной. Все оказалось очень просто.

Но что меня заинтересовало сильнее всего, так это сцена, которую я увидел за вращающейся дверью. В ярко освещенном огромном помещении находились несколько мужчин и женщин, прикованных к стене, а перед ними стоял верзила со злобным лицом, явно управлявший механизмом. Он не был ни краснокожим, ни зеленым, как представители Барсума, нет – я смотрел на такого же белого человека, как я сам, с густой гривой светлых волос.

Пленниками оказались красные марсиане. Рядом с ними к стене были прикованы такие же хищники, каких натравливали на нас, и прочие монстры, не менее злобные.

Когда я повернулся навстречу новому врагу, на сердце у меня было совсем легко.

– Наблюдай за стеной в своем конце зала, Тарс Таркас, – предупредил я зеленого воина. – Этих тварей выпускают через потайную дверь.

Я стоял очень близко к Тарсу Таркасу и говорил тихим шепотом, чтобы о моем открытии не стало известно нашим мучителям.

И пока мы не сводили бдительных взоров с подозрительных углов помещения, никто больше на нас не нападал, так что мне стало совершенно очевидно: за нашими действиями каким-то образом

свелили снаружи.

Наконец в моем уме созрел некий план, и я, прижавшись спиной к Тарсу Таркасу, шепотом изложил ему схему действий, не отрывая глаз от своего конца зала.

Когда я умолк, огромный таркианин ворчаньем выразил свое согласие с моим предложением, и в соответствии с этим планом мы начали двигаться к «моей» стене, причем Тарсу Таркасу, естественно, пришлось пятиться.

Как только мы оказались примерно в десяти футах от потайной двери, я остановил своего товарища и предупредил, чтобы он стоял абсолютно неподвижно, пока я не подам сигнала, а сам быстро повернулся спиной к двери, сквозь которую почти ощутимо наблюдал за нами некто.

Мой взгляд мгновенно уперся в зеркало на спине Тарса Таркаса, и я стал внимательно следить за той частью стены, из-за которой на нас выскакивали дикие ужасные твари.

Мне не пришлось ждать долго – очень скоро золотая поверхность сдвинулась с места. Едва она частично повернулась, как я подал сигнал Тарсу Таркасу, одновременно прыгая к открывшейся в нашу сторону части вращающейся двери. Таркианин не замедлил последовать за мной.

Один-единственный прыжок перенес меня в соседнее помещение, и я очутился лицом к лицу с жестоким человеком, которого уже видел в зеркале. Он был примерно одного со мной роста, отлично сложен и выглядел как настоящий землянин.

На его поясе висели длинный и короткий мечи, кинжал и мощный радиевый пистолет, какие в ходу на всем Марсе.

По законам и правилам сражений, принятым на Барсуме, противник мог использовать против меня или такое же, или более слабое оружие. Однако тот факт, что я был вооружен лишь длинным мечом, судя по всему, совершенно не интересовал моего нового врага, потому что он схватился за пистолет еще до того, как мои ноги коснулись пола, – но мой удар снизу заставил его согнуться, и он не успел выстрелить.

Верзила тут же выхватил длинный меч, и мы на равных вступили в одну из самых жарких схваток, в каких только мне приходилось участвовать.

Этот парень мастерски владел клинком и явно не страдал от недостатка практики, а я не брался за рукоять меча долгие десять лет.

Но мне не понадобилось много времени, чтобы войти в ритм боя, и через несколько минут этот человек начал понимать, что встретил достойного противника.

Его лицо покраснело от злобы, когда он обнаружил, что ему не пробить мою защиту, а кровь уже сочилась из десятка мелких ран на его

лице и теле.

– Да кто ты такой, белый человек? – прошипел он. – То, что ты не барсумианин из внешнего мира, ясно по цвету твоей кожи. И ты не один из нас.

Последние его слова прозвучали почти как вопрос.

– А что, если я из храма Иссу? – рискнул я высказать безумное предположение.

– Хранитель судеб! – воскликнул мужчина, и его лицо залила смертельная бледность.

Я понятия не имел, как использовать свой выигрыш, но рассудительно отложил это на будущее, на тот случай, когда возникнут подходящие обстоятельства. Судя по реакции, белый человек ЗНАЛ: в храме Иссу были люди, подобные мне, и я действительно мог быть из их числа. Он либо боялся обитателей того храма, либо относился к их власти с почтением и дрожал при одной только мысли о том, что может им повредить или оказать неуважение.

Правда, в данный момент мне нужно было решить задачу совсем иного рода, не требующую абстрактных размышлений; я не знал, следует ли вонзить меч в его ребра, но в следующие несколько секунд разобрался с этим, решив не особо медлить.

Скованные пленники наблюдали за схваткой в напряженном молчании; ни звука не раздавалось в помещении, кроме звона наших сталкивающихся мечей, шороха босых ног по полу да пары слов, которые мы процедили сквозь стиснутые зубы, продолжая смертельную дуэль.

Но как только тело моего противника рухнуло недвижимой массой на пол, одна из пленниц предостерегающе закричала:

– Сзади! Сзади! Обернись!

Я развернулся на пятках при первом звуке ее пронзительного голоса и тут же очутился лицом к лицу с мужчиной, принадлежавшим к той же расе, что и поверженный враг.

Этот тип тихонько выскользнул из темного коридора и уже замахивался мечом, когда я его увидел. Тарс Таркас куда-то исчез, а потайная стенная панель, сквозь которую я вошел, была закрыта.

Как мне хотелось, чтобы зеленый воин сейчас очутился рядом! Я почти непрерывно сражался уже много часов; мне пришлось пройти через такие испытания и преграды, которые могли полностью истощить человека, и при всем этом я не ел и не спал почти сутки.

Я был изнурен и впервые за многие годы усомнился в своей способности справиться с противником, но мне ничего не оставалось, кроме как схватиться с ним и действовать с равной яростью и энергией, потому что выход у меня был один: свалить врага с ног стремительной

атакой... Выиграть продолжительную изматывающую битву я бы не смог.

Но у этого парня явно было другое на уме, потому что он отступал и отступал, парируя мои удары, пока я уже почти не падал от усталости, пытаюсь с ним разделаться.

Он был еще более искусным бойцом (если такое возможно), чем мой предыдущий противник, и я должен признать, что он изрядно меня загонял... а под конец едва не прикончил.

Я ощущал все нараставшую слабость, пошатываясь и едва не засыпая на ходу, все плыло у меня перед глазами, а мой соперник тем временем предпринял весьма удачный ход, едва не лишив меня жизни.

Он занял позицию, при которой я стоял спиной к трупку его товарища, а потом стремительно бросился на меня. Я был вынужден попятиться — и, споткнувшись об убитого, грохнулся назад.

Моя голова ударилась об пол с громким стуком, и только благодаря этому я остался в живых, потому что от удара прояснились мои мозги и ожил боевой дух: в тот момент я готов был разорвать своего врага голыми руками и, уверен, попытался бы это сделать, если бы моя правая ладонь не наткнулась на холодный металл.

Любой человек, хоть простой гражданин, хоть воин, мгновенно узнает орудие своего труда, коснувшись его, так что мне не нужно было смотреть туда или раздумывать, я и так знал: под рукой у меня пистолет убитого, лежащий там, где он упал после моего удара; и это оружие оказалось теперь в моем распоряжении.

Парень, чья хитрая уловка сбила меня с ног, уже наклонялся надо мной, и его сверкающий меч стремился к моей груди, а с его губ срывался тот самый жестокий издевательский смех, который я слышал в зале Тайны.

Так он и умер, искривив рот в гримасе злого смеха, когда пуля из пистолета его товарища вонзилась ему в сердце.

Его тело, повинаясь импульсу движения, рухнуло на меня. Рукоять его меча, должно быть, стукнула меня по голове, потому что я в ту же секунду потерял сознание.

IV

Тувия

Шум борьбы вернул меня к реальности. Первое мгновение я не мог сообразить, где нахожусь и что за звуки слышу. Но потом за глухой стеной, у которой я лежал, мой слух различил топот ног, рычание зверей, звяканье металла и чье-то тяжелое дыхание.

Поднявшись кое-как на ноги, я быстро оглядел помещение, в котором недавно встретил весьма «теплый» прием. Пленники и дикие звери

оставались в цепях у противоположной стены и смотрели на меня с любопытством, злобой, удивлением и надеждой.

Последнее чувство было откровенно написано на красивом и умном лице краснокожей марсианки, чей предостерегающий крик спас мне жизнь.

Она принадлежала к типичным представителям великолепной расы, имеющим большое сходство с теми из землян, которых можно назвать божественно прекрасными, – конечно, если не считать медно-красного оттенка кожи у марсиан. На девушке не было украшений, так что я не мог определить ее прежнее общественное положение, Впрочем сейчас она, очевидно, была либо пленницей, либо рабыней.

Прошло еще несколько секунд, прежде чем звуки, доносившиеся из-за стены, окончательно пробудили мое сознание, и вдруг я понял, что там отчаянно сражается со зверями или с людьми Тарс Таркас.

Издав ободряющий крик, я всем весом навалился на потайную дверь, но она не поддавалась. Тогда я принялся лихорадочно искать скрытую панель или замок, однако поиски были тщетными, и я уже хотел врубиться длинным мечом в золотую стену, но тут меня окликнула молодая пленница:

– Побереги меч, о могучий воин, он тебе понадобится для других целей... незачем разбивать его о бесчувственный металл, ведь тому, кто знает секрет, достаточно легкого касания пальца.

– И тебе этот секрет известен? – спросил я.

– Да. Освободи меня, и я открою тебе вход в палату ужаса, если пожелаешь. Ключи от моих оков – на первом убитом тобой враге. Но зачем тебе снова сталкиваться с дикими банхами или другими хищниками в той ужасной ловушке?

– Затем, что мой друг сражается там с ними в одиночку, – ответил я и стал спешно обшаривать труп обитателя этого мрачного зала.

Ключей на большом кольце оказалось много, но марсианская дева быстро вытащила тот, который отпер большой замок на ее поясе, и, освободившись, побежала к потайной панели.

Там она снова выбрала один ключ из связки. На этот раз он был длинным и тонким, похожим на иглу, и она вставила его в почти невидимое отверстие в стене. Дверь тут же повернулась вокруг оси, а соединенная с ней секция пола, на которой я стоял, вынесла меня в зал, где сражался Тарс Таркас.

Огромный таркианин забился в угол, а его окружили с полдюжины огромных монстров, припавших на задние лапы и ждущих возможности прыгнуть. Покрытые кровью головы и плечи объясняли их осторожность – перед ними летал меч зеленого воина, яростно отбивавший все попытки атак. Острые когти и крепкие клыки уже

изодрали в клочья руки, ноги и грудь Тарса Таркаса. Мой друг сильно ослабел от потери крови, и я усомнился в том, что он вообще удержался бы на ногах, если бы не стена за его спиной. Но с прежним упорством и стойкостью он противостоял своим лютым и неутомимым врагам, являя собой воплощение древней поговорки его народа: «Оставь таркианину голову и одну руку, и он все равно сможет победить».

Когда он заметил меня, по его губам скользнула мрачная улыбка, но означала ли она облегчение или просто веселье при виде моего собственного окровавленного тела, не знаю.

Я уже готов был вмешаться в схватку с острым длинным мечом в руке и вдруг почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу. Обернувшись, я с удивлением обнаружил, что молодая женщина вышла следом за мной в зал.

– погоди, – шепнула она, – предоставь их мне.

И, отодвинув меня в сторону, она приблизилась, безоружная и беззащитная, к рычащим банхам.

Подойдя к ним совсем близко, она произнесла какое-то слово – негромко, но властно. Огромные твари сразу же развернулись к ней, и я уже ожидал, что они разорвут ее в клочья прежде, чем к ней подоспеет помощь, – но они вместо того легли к ее ногам, как щенки, ждущие заслуженной порки. Девушка снова заговорила с ними, но так тихо, что

Она приблизилась, безоружная и беззащитная, к рычащим банхам

я не мог разобрать ни слова, а потом направилась к противоположному концу зала, и шесть могучих чудовищ потащились следом за ней. Она пропустила их одного за другим через потайную дверь в соседний зал, и, когда последний банх исчез с глаз, а мы изумленно таращились на нашу спасительницу, она повернулась и улыбнулась нам, а потом и сама вышла следом за зверями, оставив нас одних.

Какое-то время мы оба молчали. Потом Тарс Таркас сказал:

– Я слышал шум схватки за стеной, но не боялся за тебя, Джон Картер, пока не услышал выстрел. Знаю, нет на всем Барсуме человека, который дрался бы с тобой на клинках и остался жив, но выстрел лишил меня надежды, потому что я знал: у тебя огнестрельного оружия нет. Расскажи, что случилось.

Я выполнил его просьбу, а потом мы вместе стали изучать потайной ход, что помог мне сюда войти, – он был напротив двери, за которой исчезла девушка со своими яростными компаньонами.

К нашему разочарованию, подвижная панель не откликнулась на наши усилия. И снова мы ощутили, как тает надежда найти выход во внешний мир.

И все же тот факт, что пленников надежно приковали к стене, говорил о возможности бегства от тех жутких тварей, которые населяли это неопишное место.

Мы снова и снова пытались открыть то одну, то другую дверь в разных концах зала, однако ничего у нас не получалось.

Когда надежда почти угасла, одна из вращающихся плоскостей бесшумно повернулась, и та молодая женщина, что увела банхов, снова предстала перед нами.

– Кто вы такие? – спросила она. – Зачем вы здесь и почему так безрассудно пытаетесь бежать из долины Дор, от смерти, которую сами выбрали?

– Я не выбирал смерть, милая девушка, – ответил я. – Я вообще не с Барсума и вовсе не собирался добровольно отправляться по реке Исс. А мой друг – джеддак Тарка, и, хотя он еще не высказал желания вернуться в мир живых, я забираю его обратно, потому что сюда его завела обычная ложь. Я из другого мира. Я Джон Картер, принц дома Тардоса Морса, джеддака Гелиума. Возможно, в эту дьявольскую обитель случайно доходили слухи обо мне.

Женщина улыбнулась.

– Да, – кивнула она, – здесь известно все, что происходит в мире. Я слыхала о тебе много лет назад. Ферны давно гадали, куда ты мог подеваться, – в паломничество ты не отправлялся, а на Барсуме тебя искали, но не нашли.

– Расскажи мне, – попросил я, – кто ты такая и почему в плену, хотя повелеваешь свирепыми тварями и обладаешь особыми знаниями. Разве подобное могущество может быть у пленницы или рабыни?

– Тем не менее это так, – ответила она. – Пятнадцать лет я провела в рабстве в этом ужасном месте, а теперь надоела своим хозяевам, и они стали бояться меня, поскольку мне ведомы их тайны. Поэтому недавно меня приговорили к ужасной смерти.

Она содрогнулась всем телом.

– К какой смерти? – спросил я.

– Священные ферны питаются человеческой плотью, – пояснила женщина. – Но они едят лишь те тела, что высосаны травяными людьми... плоть, избавленную от грязной живой крови. Вот к такому жестокому концу меня и приговорили. И я должна была умереть через

несколько часов, если бы ваше вторжение не нарушило их планы.

– Значит, вот эти двое, что пали от тяжелой руки Джона Картера, и есть священные ферны? – спросил я.

– О нет. Те, кого ты уложил, всего лишь младшие ферны, но они принадлежат к тому же омерзительному жестокому племени. А священные ферны пребывают на склонах этих мрачных гор, они взирают на широкий мир, где выбирают себе жертв и заложников. Сложнейшие лабиринты соединяют эти пещеры с роскошными дворцами священных фернов, по ним проходят младшие ферны, у которых много обязанностей, а также толпы рабов, и пленники, и дикие звери – в общем, все обитатели этого мира, лишённого солнца. И в этих обширных запутанных переходах и бесчисленных подземельях живут мужчины, женщины и животные – они родились в этом отвратительном царстве тьмы, их глаза никогда не видели дневного света... и никогда не увидят. Пленников держат здесь, чтобы они выполняли приказания расы фернов и обеспечивали им развлечения и пропитание. Время от времени какой-нибудь несчастный паломник, добравшийся по реке Исс до тихого моря, умудряется сбежать от травяных людей и больших белых обезьян, что охраняют храм Иссу, – и попадает прямиком в безжалостные когти фернов или, как в моем злосчастном случае, на него падает взгляд священного ферна, который ненароком вышел на балкон над рекой, там, где она исторгается из чрева гор и сквозь Золотые утесы направляется в затерянное море Корус. Все, кто приходит в долину Дор, становятся законной добычей травяных людей и обезьян, а их оружие и украшения отдают фернам, но если кто-то сбегает от жутких обитателей долины хотя бы на несколько часов – ферны могут заявить на него свои права. Бывает и так, что священный ферн увидит жертву, которой ему захочется обладать, и тогда ему плевать на притязания неразумных тварей, он забирает свое любыми средствами, если не может получить это честно. Говорят, что порой среди барсумиан, павших жертвой предрассудков, находился тот, кто сбегал от многочисленных врагов; они караулят путников у выхода реки Исс из подземного тоннеля протяженностью тысячу миль и гонятся за ними. Кому-то удавалось добраться до храма Иссу, но какая судьба ожидала его там, не знает никто, даже священные ферны, поскольку входящие под золотые своды храма пропадали бесследно. Тайна этих стен никому не известна испокон веков. Для фернов храм Иссу означает то же самое, что для людей из внешнего мира – долина Дор. Ферны считают его местом вечного покоя, тишины и счастья, куда они попадут после кончины, – там они веки вечные будут наслаждаться плотскими утехами, к которым сильно привязана эта раса титанов ума и пигмеев морали.

– В общем, как я понял, храм Иссу – это рай внутри рая, – сказал я. –

Что ж, будем надеяться, что там с фернами обойдутся так же, как они здесь обходятся с другими.

– Кто знает? – чуть слышно произнесла девушка.

– Значит, по твоим словам, ферны смертны, как и мы; однако я нередко слышал, как люди Барсума говорят о них с крайним почтением и благоговением, точно о самих богах.

– Ферны смертны, – ответила девушка. – Они умирают по тем же причинам, по каким можем умереть ты и я; а те, кто прожил отведенную ему тысячу лет, по обычаю отправляются дорогой счастья, через длинный тоннель к храму Иссу. Те же, кого постигла преждевременная кончина, предположительно проводят оставшиеся им годы в облике травяного человека, именно поэтому ферны считают травоедов священными, они твердо верят, что каждый из этих чудовищных уродов прежде был их соплеменником.

– А если травяной человек умрет? – спросил я.

– Если он погибнет раньше, чем доживет до тысячелетнего срока, что отмерен бессмертному разуму переселившегося в травоеда ферна, то душа переходит в большую белую обезьяну, но если и обезьяну в одночасье настигнет злой рок, то душа навеки потеряется в телах мерзких скользких силианов. Тысячи этих существ кишат в молчаливом море и выползают на берег под блуждающими лунами, заполняя долину Дор после заката.

– Ну, значит, мы сегодня отправили нескольких фернов к силианам, – со смехом произнес Тарс Таркас.

– И потому вы умрете ужасной смертью, когда придет час, – сказала девушка. – А он придет... ускользнуть вам не удастся.

– Но кое-кто ведь сбежал несколько веков назад, – напомнил ей я. – А то, что случилось однажды, вполне может повториться.

– Нет смысла даже и пытаться, – безнадежным тоном бросила она.

– Но мы все-таки попробуем, – воскликнул я, – и ты пойдешь с нами, если пожелаешь.

– Чтобы меня потом казнил собственный народ, а память обо мне запятнала бы бесчестьем моих родных и все племя? Принцу дома Тардоса Морса следовало бы подумать, прежде чем предлагать такое.

Тарс Таркас слушал нас молча, но я почувствовал на себе его взгляд и понял, что он ждет моего ответа, как подсудимый – решения присяжных.

Совет, который я дал девушке, мог изменить и нашу собственную судьбу, если бы мы приняли его как руководство к действию. Был и другой вариант: покориться древним суевериям, которые повелевали нам остаться здесь и принять неизбежную гибель в самом ужасном, жестоком и чудовищном виде.

– Мы вправе сбежать, если у нас это получится, – сказал я. – Наше нравственное чувство не будет оскорблено в случае успеха, потому что мы знаем теперь: сказочная жизнь в мире и любви в благословенной долине Дор – всего лишь грязный обман. Мы поняли, что ничего святого здесь нет, а священные ферны вовсе не священны – это раса бессердечных мучителей, которые понятия не имеют о реальной жизни. И мы не только вправе предпринять все усилия для побега... Наш истинный долг – рассказать правду, иначе народы Барсума будут обречены на пытки и муки. Надо вернуться и избавить людей от страданий. Вероятно, сначала нам не поверят, но я вам обещаю: в будущем, как бы ни были барсумиане привязаны к своему глупому суеверию, они поймут, где истина, а где ложь. Более того, если мы упустим этот шанс, нас когда-нибудь назовут последними трусами. К тому же свидетельства нескольких человек должны вызвать доверие у наших соплеменников; по крайней мере, в качестве компромисса они могут снарядить экспедицию для исследования этой мерзкой насмешки над самим понятием рая.

Марсианка и зеленый воин несколько мгновений стояли молча. Наконец девушка нарушила паузу.

– Подобные рассуждения никогда не приходили мне в голову, – сказала она. – Действительно, я рада тысячу раз отдать жизнь, чтобы спасти хоть одну живую душу от страшной судьбы в этом безжалостном мире. Да, ты прав, и я пойду с тобой, куда бы ни завела нас дорога. Правда, сомневаюсь, что мы вырвемся на свободу.

Я повернулся и вопросительно посмотрел на таркианина.

– К воротам храма Исса или на дно Коруса, – заговорил зеленый воин, – к снегам севера или снегам юга, Тарс Таркас последует туда, куда поведет Джон Картер. Я все сказал.

– Тогда пошли! – воскликнул я. – Мы должны поспешить, нельзя более оставаться взаперти в сердце этой горы, в четырех стенах зала смерти.

– Идем, – откликнулась девушка, – но не обманывайся, во владениях фернов найдутся места и похуже.

С этими словами она повернула потайную панель, отделявшую нас от соседнего помещения, где находились другие пленники.

Там томились в оковах десять красных марсиан, мужчин и женщин, и, когда мы вкратце объяснили им наш план, они решили присоединиться к нам. Было очевидно, что узников терзают дурные предчувствия, – по их мнению, они испытывали судьбу, нарушая древние устои. Удивительно, ведь каждый из них прошел через жестокие испытания и убедился в лживости своей веры.

Тувия, та девушка, которую я освободил первой, вскоре сняла цепи с

остальных. Мы с Тарсом Таркасом забрали оружие убитых фернов – мечи, кинжалы и два пистолета того удивительного смертоносного образца, что производили краснокожие марсиане.

Мы распределили оружие между нашими новыми спутниками, отдав огнестрельное двум женщинам; одной из них была Тувия.

Именно Тувия стала нашей проводницей, и мы быстро, но осторожно зашагали по лабиринту, пересекали большие залы, высеченные в сплошной породе, поднимались по пологим ходам, время от времени прятались в темных боковых коридорах, заслышав приближающиеся шаги.

Нашей целью, как пояснила Тувия, являлось дальнейшее хранилище, где можно было заполучить много оружия и снаряжения. Оттуда она собиралась повести нас к вершине горы, где нам понадобятся и сноровка, и боевое искусство, чтобы пробить себе дорогу из крепости священных фернов во внешний мир.

– И даже тогда, о принц, – воскликнула она, – длинная рука священных фернов сможет дотянуться до нас. Возмездие настигает все народы Барсума. Тайные храмы фернов спрятаны в сердце каждой общины. Весть о нашем побеге полетит впереди нас, и прежде, чем мы загрязним воздух какой-либо местности своим нечестивым дыханием, смерть усмехнется нам в лицо.

Примерно с час наш отряд шел без помех, и Тувия как раз шепнула мне, что мы приближаемся к первому пункту нашего маршрута, когда в одном из огромных подземных залов мы наткнулись на какого-то человека, явно ферна.

На нем, кроме обычных кожаных перевязей и драгоценных украшений, был головной убор в виде широкого золотого обруча, и в самом его центре, на лбу, красовался огромный камень, точная копия того, какой я видел на груди маленького старика на атмосферной фабрике двадцать лет назад.

Это была одна из главных реликвий Барсума. Насколько известно, на планете существовало всего два таких камня, их носили, в знак своего ранга и положения, два старика – они следили за работой огромных моторов, накачивавших искусственную атмосферу во все части Марса из специальных резервуаров. Я узнал тайну мощных дверей атмосферной фабрики благодаря своей способности читать чужие мысли, и именно это спасло от немедленной гибели целый мир.

Камень на обруче ферна, стоявшего перед нами, был примерно такого же размера, как тот, что я видел прежде; пожалуй, в диаметре он достигал дюйма. Камень испускал девять отчетливых лучей разного цвета; семь принадлежали к солнечному спектру, а два были неведомы на Земле, но их невиданная красота поражала.

Когда ферн увидел нас, его глаза превратились в две злобные щелки.

– Стоп! – воскликнул он. – Что все это значит, Тувия?

Вместо ответа девушка вскинула пистолет и выстрелила в него в упор. Ферн без звука свалился замертво.

– Тварь! – прошипела Тувия. – Наконец-то я отомщена, после всех этих лет!

Потом марсианка повернулась ко мне, явно собираясь что-то объяснить, но вдруг ее глаза расширились и она с негромким вскриком шагнула ко мне.

– О принц! – заговорила она. – Судьба явно благоволит нам! Нас, конечно, ждут трудности, но благодаря поверженному злодею мы сможем пробиться во внешний мир. Ты разве не заметил своего сходства с этим священным ферном?

Тот человек чертами лица и глазами вправду сильно походил на меня, но его волосы были пышными и светлыми, как и у фернов, которых я убил, а мои – черными и коротко подстриженными.

– И что с того? – спросил я Тувию. – Или ты хочешь, чтобы я, брюнет, изображал этого желтоволосого жреца адского культа?

Тувия улыбнулась и вместо ответа подошла к телу убитого человека; опустившись рядом с ним на колени, она отложила в сторону золотой обруч, а потом, к моему крайнему изумлению, одним движением сняла с трупа скальп.

Девушка вскинула пистолет и выстрелила в него в упор

Поднявшись на ноги, она вернулась ко мне и надела на мою голову это светло-желтое подобие парика, а потом увенчала меня золотым обручем с великолепным камнем.

– А теперь надень его ремни, принц, – сказала она, – и ты сможешь где угодно в царстве фернов сойти за Сатора Трога, священного ферна Десятого

цикла, самого могущественного из всех.

Наклонившись к убитому, чтобы снять с него кожаные перевязи, я увидел, что на его голове нет ни волоска и его череп гол, как яйцо.

– Они все такие, с самого рождения, – пояснила Тувия, заметив мое удивление. – Та раса, от которой они происходят, обладала роскошными золотыми волосами, но уже многие века их потомки совершенно лысые. Однако они обязательно носят парики, и он стал такой неотъемлемой частью их облика, что появиться на публике без него для ферна

означает ужасное бесчестье.

Еще через миг я уже был увешан украшениями священного ферна.

По просьбе Тувии двое освобожденных нами пленников подняли тело мертвого ферна и, положив его себе на плечи, понесли дальше. Мы продолжили путь к хранилищу и добрались туда без происшествий.

Тувия захватила с собой ключи, взятые у мертвого надзирателя в тюремном подвале, и потому мы сразу очутились на оружейном складе и снарядились как следует.

К тому времени я уже настолько устал, что просто не мог идти дальше, поэтому лег на пол, предложив Тарсу Таркасу сделать то же самое и приказав двум бывшим пленникам стоять на страже.

Тут же я провалился в сон.

V

Путь риска

Как долго я спал на полу оружейного склада, не знаю, – должно быть, много часов.

Меня разбудили тревожные крики, и я, с трудом открыв глаза и приладив парик на голове, едва успел толком осознать, где нахожусь, как раздались выстрелы, прогремевшие в подземных коридорах и породившие оглушительное эхо.

Я вскочил на ноги. С десятков младших фернов появились в больших дверях напротив входа, через который мы вошли на склад. Передо мной лежали тела моих спутников, кроме Тувии и Тарса Таркаса. Они, как и я, спали на полу и потому избежали первого залпа.

Как только я поднялся, ферны опустили свои страшные винтовки, и на их лицах я увидел смешанные чувства досады, ужаса и тревоги.

Я тут же воспользовался случаем.

– Что все это значит? – закричал я гневным голосом. – Неужели Сатора Трога собираются убить его собственные вассалы?

– Сжался, о мастер Десятого цикла! – воскликнул один из пришедших, в то время как остальные попятились к двери, словно пытаясь исподтишка исчезнуть с глаз могущественного.

– Спроси, зачем они сюда пришли, – шепнула стоявшая рядом со мной Тувия.

– Что вы тут делаете? – воскликнул я.

– Как минимум двое из внешнего мира проникли в наши владения. Мы их искали по приказу Отца фернов. Один белокожий, с черными волосами, а второй – огромный зеленый воин...

Тут говоривший с подозрением посмотрел на Тарса Таркаса.

– Вот один из них, – промолвила Тувия, показывая на таркианина. – И если вы посмотрите на того, что лежит на полу, вы узнаете второго.

Сатору Трогу и его жалким рабам пришлось сделать то, чего не сумели младшие ферны стражи, – мы покончили с одним и взяли в плен другого; за это Сатор Трог даровал нам свободу. А вы по своей глупости явились сюда и застрелили всех, кроме меня, и, похоже, собирались убить самого великого мастера!

Пришедшие выглядели чрезвычайно напуганными.

– Может, им лучше отнести тела к травяным людям, а потом вернуться в свои жилища, о Великий? – спросила меня Тувия.

– Да. Делайте так, как она предлагает, – сказал я.

Когда ферны поднимали тела, я заметил, что тот, который наклонился над настоящим Сатором Трогом, внимательно всмотрелся в его лицо, а потом осторожно, тайком покосился на меня.

Я мог бы поклясться, что он заподозрил правду, но, поскольку это была лишь догадка, он не осмелился ее высказать, о чем свидетельствовало его молчание.

А потом, когда тело выносили из комнаты, ферн снова быстро, но внимательно оглянулся, и тут же его взгляд уперся в лысую блестящую голову мертвеца. Я еще раз мельком увидел его профиль... на губах жреца играла зловещая победоносная улыбка.

В комнате остались лишь я, Тарс Таркас и Тувия. Яростное нападение фернов лишило нас товарищей, а тех – даже того слабого шанса на свободу, который у них был.

Как только последний член мрачной процессии удалился, девушка поторопила нас, требуя двигаться дальше.

Она тоже заметила сомнения ферна, что уносил прочь Сатора Трога.

– Его поведение ничего хорошего не сулит, о принц! – сказала она. – Даже если тот человек не осмелился обвинить тебя, он может потребовать более тщательного осмотра тела, а это, принц, окажется для нас воистину фатальным.

Я лишь пожал плечами. Похоже, в нашем положении любое событие могло завершиться смертью. Я отдохнул, но все еще испытывал слабость от потери крови. Мои раны болели. Однако медицинской помощи ожидать явно не приходилось. Как я жаждал тех почти волшебных средств, тех мазей и примочек, что имелись у зеленых марсианок! Они за час привели бы меня в полный порядок.

Я был весьма озадачен. Мне никогда не доводилось испытывать такой безнадежности перед лицом опасности. Но меня отвлекли от мрачных мыслей длинные светлые локоны парика, упавшие мне на глаза под дуновением сквозняка.

Может, путь к свободе все еще открыт? Вдруг мы успеем сбежать, пока не поднимется всеобщая тревога? По крайней мере, стоило поторопиться.

– Что будет делать тот парень, Тувия? – спросил я. – Сколько времени пройдет, прежде чем они погонятся за нами?

– Он отправится напрямик к Отцу фернов, старому Матаи Шангу. Может, ему придется ждать аудиенции, но поскольку он занимает высокое положение среди младших фернов – должность ториана, то ожидание не затянется. Отец фернов выслушает его историю, и если поверит ей, то еще через час ты увидишь, как все галереи, коридоры, залы и сады заполонят поисковые группы.

– Тогда у нас всего час. Каков самый короткий путь из этой преисподней?

– Сначала на вершину горы, принц, – ответила Тувия, – а потом через сады к внутренним дворам. Оттуда дорога пойдет через храмы фернов во внешние дворы. Потом крепостной вал... О принц, наш план безнадежен! Десять тысяч воинов не смогли бы вырваться на свободу из этого ужасного места. С глубокой древности ферны понемногу, камень за камнем, усиливали свою оборону. Множество неодолимых крепостных валов проходит по склонам гор Оц. А в храмах, что лежат внутри укреплений, всегда наготове миллион воинов. Дворы и сады полны рабов, женщин и детей. Никто и камешек не может бросить незаметно.

– Но если другого пути нет, Тувия, то какой смысл раздумывать сейчас о трудностях? Мы должны противостоять им.

– Ночью шансов было бы немножко больше, но даже тогда крепостные валы хорошо охраняются, пожалуй, даже лучше, чем днем. Правда, за пределами жилищ, в садах и дворах, кажется, сторожат не так строго...

– А который час? – спросил я.

– Была полночь, когда ты освободил меня от цепей, – сказала Тувия. – Через два часа мы добрались до оружейного склада. Потом ты проспал четырнадцать часов. Сейчас солнце должно садиться. Идем, отыщем какое-нибудь окно в стене и проверим.

С этими словами она снова повела нас извилистыми коридорами, и за крутым поворотом мы увидели широкое отверстие в стене, выходившее на долину Дор.

Справа огромный красный шар солнца опускался к западному хребту гор. Немного ниже нас стоял на страже на своем балконе священный ферн. Он плотно завернулся в алый чиновничий плащ в ожидании холода, который после заката наступает мгновенно. Атмосфера Марса так разрежена, что вбирает в себя очень мало солнечного тепла. В течение дня здесь всегда чрезвычайно жарко, а ночами слишком холодно. Все не так, как на Земле. На Марсе совсем нет сумерек. Когда огромное дневное светило скрывается за горизонтом, эффект такой же,

как если бы вдруг выключили лампу. Только что сиял свет, и внезапно вы погружаетесь в непроглядную тьму. А потом выходят луны, таинственные, волшебные луны Марса, проносящиеся над поверхностью планеты, как стремительные чудовищные метеоры.

Заходившее солнце ярко освещало восточный берег Коруса, алую траву, гигантский лес. Под деревьями мы видели пасшиеся стада травяных людей. Взрослые стояли на задних лапах, опираясь на мощные хвосты, и их клыки остригали все листья и ветки, до каких только они могли дотянуться. Только теперь я понял, почему деревья выглядели аккуратно подстриженными, – ведь именно это привело меня к первоначальной ошибке, когда я во второй раз открыл глаза на Марсе и решил, что нахожусь в цивилизованном месте.

Осматривая окрестности, мы не забывали и о реке Исс, которая внизу вырывалась из-под скал. Вскоре оттуда показалось каноэ, где сидели потерянные души из внешнего мира – должно быть, с дюжину. И все они были цивилизованными и культурными представителями расы краснокожих людей, доминирующей на Марсе.

Взгляд герольда, стоявшего на балконе, тоже упал на них. Он вскинул голову и, наклонившись над низкими перилами, издал пронзительный вопль, зловещий вой, призывавший демонов этого дьявольского уголка атаковать.

На секунду свирепые твари насторожили уши, а потом огромными неровными прыжками ринулись из-под деревьев к реке.

Люди уже вышли на берег и стояли на красной траве, когда перед ними возникло чудовищное стадо. Сопротивление было недолгим. А затем наступило молчание. Огромные омерзительные твари навалились на тела своих жертв и впились жадными ртами в живую плоть, высасывая кровь.

Я отвернулся в отвращении.

– Они свое дело закончат быстро, – сказала Тувия. – Как только травяные люди осушат артерии, тела сожрут белые обезьяны. Вон, смотрите, они уже идут.

Я посмотрел в ту сторону, куда показывала девушка, и увидел с десяток громадных белых монстров, мчавшихся через долину к речному берегу. Солнце село, и темнота, почти ощутимая, окутала нас.

Тувия не стала терять времени и повела нас по коридору, который поворачивал так и эдак, но шел сквозь гору к ее склону. Выход был примерно в тысяче футов над тем местом, где мы только что стояли.

Дважды нам преграждали путь огромные банхи, свободно бродившие по коридорам, но каждый раз Тувия негромко произносила команду, и звери, скалясь, уходили.

– Если ты избавишь нас от других препятствий так же легко, как

справляешься с этими бешеными тварями, что нам может помешать? – с улыбкой сказал я девушке. – Как ты это делаешь?

Она засмеялась, потом передернула плечами.

– Я толком и не знаю, – ответила она. – Когда я впервые очутилась здесь, я разозлила Сатора Трога, поскольку отвергла его. Он приказал бросить меня в яму во внутренних садах. Там сидело множество банхов. В своей стране я привыкла отдавать приказы. И что-то в моем голосе заставило зверей отступить, когда они пытались напасть на меня. И вместо того чтобы разорвать меня в клочья, как решил мастер Десятого цикла, они легли у моих ног. Сатор Трог и его дружки так развеселились при виде этого зрелища, что оставили меня в живых, чтобы я дрессировала тварей и управлялась с ними.

Люди уже вышли на берег и стояли на красной траве

Я всех банхов знаю теперь по кличкам. Их много здесь, на нижних уровнях. Они падальщики. Пленники часто умирают в цепях, и банхи решают проблему очистки, по крайней мере в этом отношении. В садах и храмах наверху чудовищ содержат в ямах. Ферны боятся их. Именно из-за банхов они редко решаются спускаться вниз, разве что по обязанности.

При ее словах мне в голову пришла идея:

– А почему бы нам не взять с собой несколько банхов, чтобы они свободно вышли наверх?

Тувия засмеялась.

– Да, уверена, они бы отвлекли

общее внимание от нас, – сказала она.

Девушка тут же издала низкий призывный звук, похожий на мурлыканье. И продолжала мурлыкать, пока мы петляли по лабиринтам подземных переходов и залов.

Вскоре за нашими спинами послышался негромкий топот мягких лап, и когда я обернулся, то увидел пару огромных зеленых глаз, светившихся в темноте. Из бокового тоннеля к нам крадучись приближалось большое животное.

Низкий рык и сердитое ворчанье доносились со всех сторон, и мы прибавляли шаг по мере того, как свирепые твари одна за другой откликались на призыв своей хозяйки.

Когда банхи подходили, Тувия каждому говорила какое-то слово. И они, как хорошо обученные терьеры, топали по коридорам следом за нами, но я невольно замечал и выступавшую на их губах пену, и голодное выражение глаз, следивших за мной и Тарсом Таркасом.

Вскоре вокруг нас собралась примерно полусотня зверей. Двое шли рядом с Тувией по сторонам, как могли бы идти стражи. Скользкие бока других банхов то и дело касались моих обнаженных ног. Это было странное ощущение и странное переживание: бесшумные шаги босых ступней и мягких лап, золотые стены, испещренные драгоценными камнями, тусклый свет крохотных радиевых ламп, подвешенных под потолком на значительном расстоянии друг от друга... Могучий зеленый воин, возвышавшийся над нами, я сам, увенчанный бесценной диадемой священного ферна... а во главе процессии – прекрасная девушка Тувия.

Не скоро я забуду такое.

Наконец мы подошли к огромному залу, освещенному ярче, чем коридоры. Тувия остановила нас. Она тихонько подкралась к входу и заглянула внутрь. Потом махнула нам рукой, предлагая следовать за ней.

Здесь было полно странных обитателей подземного мира; мы увидели коллекцию метисов всех видов и мастей, отпрысков пленников из внешнего мира, красных и зеленых марсиан и белой расы фернов.

Постоянное пребывание под землей сделало их уродами. Эти несчастные скорее походили на мертвых, нежели на живых существ. Многие были деформированы, искалечены, а большинство, как пояснила Тувия, – слепы.

Они лежали на полу, сбившись в кучи, иногда облизывая друг друга, и мне это сразу напомнило гротескные иллюстрации к «Аду» Данте... Можно ли найти лучшее сравнение? Разве это не был настоящий ад, населенный потерянными душами, навеки проклятыми и лишенными надежды?

Мы осторожно пробирались между ними, и огромные банхи с голодным видом принюхивались к жертвам, столь соблазнительным в своей беспомощности.

Потом мы еще несколько раз прошли мимо таких же залов, битком набитых разными существами, и дважды нам пришлось пересекать подобные узилища. Везде мы видели закованных в цепи пленников и несчастных животных.

– Почему нам не встретилось по пути ни одного ферна? – спросил я Тувию.

– Они редко выходят в подземный мир ночами, потому что в темных коридорах бродят банхи в поисках добычи. Ферны боятся этих

свирепых обитателей жестокого и беспросветного мира, которых сами же вырастили и позволили жить у себя под ногами. Да и пленники иногда бросаются на них и убивают. Ферн никогда не может предвидеть, откуда убийца прыгнет ему на спину. Но днем все иначе. Коридоры и залы патрулируются стражами, туда-сюда снуют храмовые рабы, их посылают в нижние зернохранилища и на склады. Все оживает. Ты этого не видел, потому что я вас вела не по людным местам, а окружной дорогой, по коридорам, которыми редко пользуются. Но все равно мы можем где-нибудь встретить ферна. Они иногда по какой-то необходимости забредают сюда после захода солнца. Так что приходится проявлять осторожность.

Но мы добрались до верхних галерей незамеченными, и вскоре Тувия остановила нас у начала короткого крутого подъема.

— Над нами, — сказала она, — находится дверь, которая открывается во внутренние сады. Что ж, сюда я вас привела. Но дальше на протяжении четырех миль до внешнего вала нас поджидают бесчисленные опасности. Патрульные отряды осматривают храмы, сады... Каждый дюйм крепостного вала также охраняется.

Я совершенно не понимал, зачем нужно огромное количество вооруженных воинов в месте, окруженном такими тайнами и суевериями, что ни единая душа на всем Барсуме просто не осмелилась бы к нему приблизиться, даже если бы и знала его точное местоположение. Я спросил об этом Тувию, интересуясь, каких врагов могут бояться ферны в своей неприступной крепости.

Мы уже подошли к двери, и Тувия протянула к ней руку.

— Они боятся черных пиратов Барсума, о принц, — ответила мне девушка, — да хранят нас от них наши предки.

Дверь распахнулась — запах зелени хлынул мне в нос, прохладный ночной воздух коснулся моего лица. Огромные банхи, почуяв незнакомые запахи, вдруг ринулись мимо нас вперед с низким гортанным рыком и разбежались по саду под зловещим светом ближней луны.

Внезапно на крыше храма раздался громкий крик; это был сигнал тревоги, который передавался от поста к посту с востока на запад; он звенел над храмами, садами и укреплениями, пока не затих вдали.

Длинный меч огромного таркианина в секунду был извлечен из ножен. Тувия, дрожа, прижалась ко мне.

VI

Черные пираты Барсума

— Что случилось? — спросил я девушку.

Вместо ответа она показала на небо.

Я поднял голову и высоко над нами увидел темные пятна, скользившие высоко над храмом, двором и садом. Почти в то же мгновение на этих странных объектах вспыхнул свет. Потом раздался грохот ружейных выстрелов, и ответные вспышки засверкали на крышах и стенах.

– Принц, это черные пираты Барсума! – воскликнула Тувия.

Воздушные суда мародеров описывали большие круги, спускаясь все ниже и ниже над оборонявшейся крепостью фернов.

Храмовая стража давала залп за залпом; снаряды прорезали воздух, устремляясь к темным челнокам.

Когда пираты опустились ниже, солдаты-ферны выскочили из храмов в сады и дворы. При виде их два десятка пиратских кораблей ринулись в нашу сторону.

Ферны стреляли в них сквозь щиты, прикрепленные к винтовкам, но черные воздушные суда приближались. В большинстве своем они были маленькими, рассчитанными на двух-трех человек. А более крупные корабли держались высоко и бросали на храмы бомбы.

Наконец пираты, находившиеся ближе к нам, разом атаковали врагов, явно следуя общей команде.

Не дожидаясь, пока челноки коснутся земли, управлявшие ими существа прыгнули на фернов с яростью настоящих демонов. Вот это была схватка! Я никогда ничего подобного не видел. Я-то думал, что зеленые марсиане – самые бешеные воины во всей Вселенной, но та жуткая энергия, с которой черные пираты кидались на своих противников, превосходила любую фантазию.

Под сияющими лучами двух прекрасных марсианских лун вся картина представляла с полной отчетливостью.

Светловолосые и белокожие ферны с отчаянной храбростью сражались с чернокожими врагами... Прямо на яркой цветочной клумбе топталась кучка бойцов. Изогнутая сабля черного человека вонзилась в сердце ферна, и поверженный противник упал у постамента изумительной статуи, вырезанной из цельного рубина. Десяток фернов надел на одинокого пирата, прижав его спиной к изумрудной скамье, чья блистающая поверхность странного, но прекрасного

барсумианского дизайна была инкрустирована бриллиантами.

В стороне от сражения укрылись я, Тувия и таркианин. Волны битвы не докатывались до нас, но время от времени бойцы оказывались довольно близко, и я мог как следует их рассмотреть.

В особенности меня интересовали черные пираты. Во время моей прошлой жизни на Марсе до меня доходили смутные слухи о них, скорее даже легенды, но я никогда не видел пиратов и не разговаривал с теми, кто встречал их на своем пути.

Если верить мифам, обитали они на меньшей из лун, откуда спускались изредка на Барсум и творили чудовищные злодеяния. А потом уходили, увозя с собой оружие, снаряжение и юных дев. И этих пленниц, по слухам, пираты приносили в жертву некоему страшному богу во время оргий, а затем поедали их.

Теперь мне представилась прекрасная возможность рассмотреть незнакомых воинов, когда в пылу борьбы они приближались ко мне. Это были крупные люди, пожалуй, шести и более футов ростом. Их отличали правильные и очень красивые черты; большие, слегка раскосые глаза с очень черными зрачками и чрезвычайно белыми и чистыми белками придавали лицам несколько хитрое выражение. Телосложение было таким же, как у фернов, краснокожих марсиан и у меня самого. Разве что кожа выглядела как полированный эбонит, и пусть это странно звучит в устах южанина, но черный цвет кожи лишь усиливал редкостную красоту прищельцев.

Но если они и обладали божественными телами, сердца у них явно были противоположной природы. Я никогда не видывал такой кровожадности, как у этих свалившихся с неба демонов, что вели безумную битву с фернами.

По всему саду валялись зловещие флаеры, которые ферны, по непонятным причинам, не пытались уничтожить. Время от времени какой-нибудь черный воин выбегал из храма с молодой женщиной на руках. И тут же прыгал в свое воздушное судно, а товарищи прикрывали его отлет.

Ферны же, со своей стороны, пытались спасти девушку, и тут начиналась свистопляска и мясорубка под оглушительные вопли, как будто бились исчадия ада во плоти.

Но черные пираты Барсума, похоже, каждый раз одерживали победу, и девушка, каким-то чудом не пострадавшая, уносилась во тьму на палубе стремительного воздушного суденышка.

Шум битвы, подобной той, которую наблюдали мы, доносился со всех сторон, и Тувия объяснила мне, что нападения черных пиратов обычно происходят одновременно во всех владениях фернов, широкой лентой опоясывающих долину Дор по склонам гор Оц.

Когда бои рядом с нами поутихли, Тувия повернулась ко мне и сказала:

– Теперь ты понимаешь, о принц, зачем тысячи воинов охраняют священных фернов днем и ночью? Эта бойня всего лишь повторение того, что я наблюдала уже пару десятков раз за пятнадцать лет плена. С незапамятных времен черные пираты Барсума охотятся на священных фернов. И хотя они никогда не доводят дело до конца, как можно было бы предположить, видя, что это в их силах, расе фернов все же грозит истребление. Хотя похоже на то, что черные пираты на Барсуме просто забавляются: они утоляют свою жажду битвы и заодно собирают для себя игрушки – оружие, снаряжение и пленников.

– Но почему ферны не громят пиратские флаеры? – спросил я. – Они могли бы очень быстро прекратить подобные нападения или, по крайней мере, напугать чернокожих, поубавить у них дерзости. Смотри, ведь их челноки лежат безо всякой охраны, как будто дома в ангаре.

– Ферны не осмеливаются на такое. Много веков назад они пытались сделать это, но на следующую ночь прилетела тысяча пиратских военных кораблей и целую луну кружила над горами Оц, обрушивая на храмы, сады и дворы тонны снарядов. Оставшиеся в живых попрятались в подземных галереях. Ферны знают, что они живут лишь с молчаливого согласия черных людей. В тот раз их почти полностью перебили, и никто уже не рискует трогать челноки.

Как только Тувия умолкла, в конфликт вмешались новые участники. Они появились неожиданно и для фернов, и для пиратов.

Огромные банхи, которых выпустили в сад, поначалу явно испугались шума битвы: криков, выстрелов и взрывов бомб. Но теперь хищники, похоже, очень разозлились из-за непрекращающегося грохота и возбудились от запаха свежей крови. Внезапно один из них выскочил из-за невысоких кустов прямо в гущу сражения. Воздух вспорол жуткий вой разгневанного банха, почувствовавшего теплую плоть под своими мощными когтями.

И этот вой будто послужил сигналом для остальных монстров, потому что вся огромная стая ринулась на сражавшихся. Ферны и черные люди одновременно повернулись к новому врагу, потому что банхи явно их не различали.

Ужасающие твари раздавили с сотню людей весом своих гигантских тел, когда очутились в гуще боя. Прыгая в разные стороны и колотя лапами, они сбивали воинов одного за другим и лишь временами оборачивались, чтобы рвануть жертву клыками.

Картина захватывала своей чудовищной жестокостью, но мне вдруг пришло в голову, что мы напрасно теряем время, наблюдая за происходящим, хотя на самом деле нам предоставляется отличный шанс

для побега.

Ферны были настолько заняты, что именно теперь мы могли сбежать без труда. Я повернулся, чтобы поискать проход между группами бойцов. Если пробраться к внешнему крепостному валу, то можно наверняка найти место, где пираты не оставили стражей, и вырваться отсюда.

Пока я изучал сад, вид сотен воздушных судов, лежавших на земле без охраны, подсказал мне самый простой путь к свободе. И почему мне раньше не пришло такого на ум! Я ведь был прекрасно знаком с механизмами всех известных флаеров Барсума. Девять лет я летал и сражался в составе военно-воздушного флота Гелиума. Я носился в пространстве на своем крошечном одноместном судне-разведчике, командовал огромнейшим из военных кораблей, который когда-либо поднимался в разреженный воздух умирающего Марса.

По мне, думать – значит действовать. Схватив Тувию за руку, я шепнул Тарсу Таркасу, чтобы тот бежал за мной. Мы быстро скользнули к небольшому челноку, что находился подальше от гущи схватки. Еще усилие – и мы очутились на его маленькой палубе. Моя рука легла на стартовый рычаг. Я нажал большим пальцем на кнопку, что запускала луч отталкивания. Это великолепное изобретение марсиан позволяло им плавать в разреженной атмосфере их планеты на огромных кораблях, рядом с которыми наши земные дредноуты выглядели бы просто жалкими.

Суденышко слегка покачнулось, но не сдвинулось с места. Вдруг до наших ушей донесся новый крик предостережения. Обернувшись, я увидел, что с десятков черных пиратов рванулись в нашу сторону. Нас заметили. С яростными воплями демоны неслись к нам. А я с бешеной настойчивостью продолжал нажимать на маленькую кнопку, которая должна была унести нас в пространство, но челнок отказывался подчиняться. И тут я понял, почему он не мог взлететь.

Мы запрыгнули на двухместное судно. Его луч был рассчитан на подъем двоих обычных человек. А огромный вес таркианина прижал нас к земле.

Черные воины были уже близко. Времени на колебания или сомнения не оставалось.

Я вжал кнопку до упора и заблокировал ее. А потом передвинул рычаг скорости на максимум и, когда черные пираты с визгом подбежали к нам, спрыгнул с палубы и с длинным мечом в руках встретил их атаку.

В то же самое мгновение пронзительный крик девушки раздался за моей спиной, а еще через долю секунды, когда черный воин уже обрушился на меня, я услышал над головой: «Мой принц, о мой принц, лучше бы я осталась и умерла вместе...»

Но остальное заглушили вопли моих противников.

По крайней мере, я знал, что моя уловка сработала. Хотя бы на время Тувия и Тарс Таркас оказались в безопасности, и у них было средство спасения.

Поначалу казалось: мне не совладать с массой врагов, навалившихся на меня, но вскоре, как и при многих других страшных столкновениях с превосходящим числом воинов или хищников на этой планете, стало ясно, что я гораздо сильнее противников и справиться с ними будет не так уж трудно.

Мой сверкающий меч сеял вокруг смерть. Сначала черные пираты напирали на меня с короткими мечами в руках, но вскоре отступили, и уважение, которое вызвало у них мое искусство владения клинком, было написано на каждом лице.

Впрочем, я понимал, что это лишь отсрочка на несколько минут, скоро пиратов будет больше, и они либо повергнут меня, либо захватят в плен. Я должен был неминуемо погибнуть. При этой мысли я содрогнулся, ведь если меня ждет гибель в таком ужасном месте, весть о моем конце никогда не достигнет ушей Деи Торис. Умереть от рук безымянных черных людей в саду жестоких фернов?..

И тут воспрянул мой старый воинственный дух. Боевая кровь виргинских предков вскипела в моих венах. Улыбка, которая пугала тысячи бойцов, появилась на моих губах. Я выбросил из головы мысль о смерти и налетел на противников с такой яростью, что те, кому удалось от меня уйти, будут помнить об этом до дня своей смерти.

Я знал, что на подмогу этим воинам скоро подоспеют другие, и потому во время сражения искал путь к бегству.

Он нашелся совершенно неожиданно, возникнув из черноты ночи за моей спиной. Я только что обезоружил верзилу, который сопротивлялся отчаянно, и на короткое время чернокожие чуть отступили, чтобы перевести дух.

Они смотрели на меня со злобной яростью, но вместе с тем в их глазах светилось некоторое уважение.

— Ферн, — гаркнул один, — ты дерешься, как какой-нибудь датор! Но твои светлые волосы и твоя белая кожа будут поднесены перворожденным Барсума!

— Я не ферн, — крикнул я в ответ и уже хотел объяснить, что пришел из другого мира.

Возможно, заключив перемирие с этими ребятами и сражаясь вместе с ними против фернов, я мог бы завоевать свободу.

Но именно в этот миг что-то тяжелое толкнуло меня в спину между лопатками, свалив на землю.

Когда я обернулся, чтобы взглянуть на нового врага, предмет

пронесся надо мной и ударил одного из моих противников прямо в лицо, также сбив его с ног. Это был якорь довольно крупного воздушного судна – пожалуй, человек на десять.

Корабль медленно плыл над нами, не более чем в пятидесяти футах над головой. И тут я увидел, что судьба предлагает мне шанс на спасение. Судно плавно поднималось, и якорь повис над чернокожими, глядевшими на меня.

Одним прыжком я перескочил через них, что заставило чернокожих разинуть рот от изумления. Второго прыжка было достаточно, чтобы ухватиться за быстро поднимавшийся якорь.

Я сумел это сделать и теперь висел на одной руке, меня волокло сквозь ветви высоких деревьев сада, а мои противники визжали и завывали вниз.

Корабль вскоре повернул на запад, а потом плавно сменил курс и полетел на юг. Еще через мгновение меня вынесло за вершины Золотых утесов, потом я увидел долину Дор, где в шести тысячах футов подо мной блестело в лунном свете затерянное море Корус.

Я осторожно сел на лапы якоря. И подумал, не пуст ли, случаем, этот корабль. Я надеялся на это. Или, может быть, он принадлежал

дружественному народу и случайно завернул туда, где сражались пираты и ферны. Тот факт, что судно ушло от места сражения, говорил в пользу такой догадки.

Но я решил выяснить все наверняка и потому с большой осторожностью начал медленно подниматься по якорной цепи к палубе.

Моя рука потянулась к поручням, и вдруг я увидел перед собой злобное черное лицо и глаза, сверлившие меня с победоносной ненавистью.

VII

Прекрасная богиня

На долю секунды черный пират и я замерли, глядя друг другу в глаза. Потом его красивые губы искривила мрачная ухмылка, эбонитовая рука

медленно появилась над краем палубы, и холодное пустое дуло револьвера уставилось мне прямо в лоб.

Одновременно моя свободная рука метнулась к вражескому горлу, которое было уже достаточно близко, и сжала его. Черный палец застыл на спусковом крючке. Пират прошипел:

– Умри, проклятый ферн!

Но его голос был чуть слышен, поскольку мои пальцы стиснули его шею. Курок щелкнул, но выстрела не последовало.

Прежде чем он смог нажать на спусковой крючок снова, я вытащил противника за край палубы, и он был вынужден бросить оружие и обеими руками вцепиться в поручни.

Он не мог закричать, и потому мы боролись в мрачной тишине; он вырывался из моего захвата, а я старался выдавить из него жизнь.

Его лицо изменилось в цвете, глаза выпучились. Было ясно, что он вот-вот задохнется, если не освободится от стального зажима.

Огромным усилием он попятился назад, одновременно отпустив перила, и обеими руками стал отдирать от своего горла мои пальцы.

Это был тот самый момент, которого я ждал. Одним мощным рывком я сбросил его с палубы. Его падающее тело едва не сшибло меня с моего ненадежного наместа, но я успел схватиться свободной рукой за якорную цепь, чтобы не нырнуть вместе с черным воином в морские глубины.

При этом я не ослабил давления на его горло, потому что знал: единственный возглас, сорвавшийся с губ чернокожего, вызовет на помощь его товарищей, находившихся на корабле.

Нет, я упорно душил его, но он отчаянно боролся и подтаскивал меня все ближе к концу якорной цепи.

Но все же его сопротивление постепенно прекратилось. Лишь тогда я разжал пальцы, и через мгновение моего врага поглотили мрачные тени далеко внизу.

А я снова полез вверх, к поручням корабля. На этот раз я сумел благополучно осмотреть палубу и оценить обстановку.

Ближняя луна ушла за горизонт, но ясный свет ее дальней подруги заливал палубу крейсера, отчетливо обрисовывая тела шести или восьми черных воинов, спавших на палубе.

А возле скорострельной пушки я увидел крепко связанную молодую белокожую девушку. Ее глаза расширились и уставились на меня, едва я появился над бортом.

Когда же она заметила мистический камень, сверкнувший на краденом обруче на моей голове, в ее глазах мелькнуло облегчение. Она не издала ни звука. Просто взглядом предостерегла меня насчет фигур спящих воинов, окружавших ее.

Я бесшумно поднялся на палубу. Девушка кивнула, подзывая меня. Когда я наклонился к ней, она шепотом велела освободить ее.

– Я тебе помогу, – сказала она, – тебе понадобится помощь, когда они проснутся.

– Некоторые из них проснутся в Корусе, – с улыбкой произнес я.

Она сразу поняла, о чем я говорю, и жестокость ее ответной улыбки меня ужаснула. Никто бы не удивился, увидев изуверское выражение на отвратительной физиономии, но, когда оно появляется на лице богини, которая должна воплощать собой любовь и нежность, контраст просто пугает.

Я быстро освободил ее.

– Дай мне револьвер, – шепнула она. – Я им воспользуюсь, если твой меч вовремя их не утихомирит.

Выполнив ее просьбу, я повернулся, чтобы заняться неприятным делом. Однако у меня не было времени ни на угрызения совести, ни на благородные поступки; мерзкие демоны не способны их оценить, тем более не приходилось ждать от них взаимных реверансов.

Я подкрался к ближайшему из спящих пиратов. Проснулся он уже на полпути ко дну Коруса. Его пронзительный вопль долетел до нас снизу из черной бездны.

Второй открыл глаза сразу, как только я коснулся его, и, хотя мне удалось сбросить парня с палубы, его крик поднял на ноги остальных пиратов. Их осталось пятеро.

Когда они вскочили, револьвер в руках девушки издал короткое стаккато, и один черный пират упал на палубу, чтобы больше не подняться.

Остальные яростно бросились на меня с обнаженными мечами. Девушка явно боялась снова выстрелить из опасения ранить меня, но я видел, как она стала сбоку по-кошачьи подкрадываться к атакующим.

Несколько минут мне пришлось сражаться так энергично, как никогда прежде. Пространство было слишком ограниченным. Поначалу я получал куда больше ударов, чем наносил, но вскоре застал одного пирата врасплох и с удовлетворением увидел, как он падает на палубу.

Остальные удвоили усилия. Удары мечей, по-моему, издавали звон, который можно было в тишине ночи услышать за многие мили. Сталь сшибалась со сталью, летели искры, и время от времени раздавался тошнотворный звук рассекаемой плоти, попавшей под мой марсианский меч.

Теперь мне противостояли трое, а девушка старалась занять такую позицию, которая позволила бы ей сократить число врагов хотя бы на одного. Все происходило с изумительной быстротой, даже теперь я с трудом могу это осознать.

Трое теснили меня с явной целью перебросить через поручни в черную пустоту. Наконец девушка выстрелила, а мой меч сделал два быстрых взмаха. Один воин упал с пулей в голове; меч со звоном чиркнул по палубе и свалился вниз, когда я обезоружил второго, а в грудь третьего мой клинок погрузился по самую рукоять, выскочив на три фута из спины пирата; падая, тот вырвал оружие из моей руки.

Оказавшись безоружным, я очутился лицом к лицу с последним воином, чей меч лежал где-то в тысячах футов под нами, в затерянном море.

Новая расстановка сил, похоже, развеселила моего противника, потому что он оскалил зубы в улыбке удовлетворения, бросаясь на меня с голыми руками. Огромные мускулы перекатывались под его блестящей черной кожей, он явно был уверен, что перед ним легкая добыча, и поэтому решил обойтись без кинжала.

Я позволил ему приблизиться. А потом нырнул под его протянутые ко мне руки, одновременно уходя вправо. Развернувшись на месте, я нанес ему мощный удар справа в челюсть, и он рухнул как подкошенный.

Низкий мелодичный смех раздался за моей спиной.

– Ты не ферн, – произнес нежный голос моей спутницы, – невзирая на золотые волосы и перевязь Сатора Трога. На всем Барсуме не найдется ферна, который умел бы так драться. Кто ты?

– Я Джон Картер, принц дома Тардоса Морса, джеддака Гелиума, – ответил я. – А кто оказал мне честь своей помощью?

Она немного поколебалась, прежде чем заговорить. Потом опять спросила:

– Ты не ферн. Ты наш враг?

– Я был на земле фернов всего полтора дня. И все это время моя жизнь подвергалась постоянной опасности. Меня преследовали и старались убить. Вооруженные люди и свирепые звери восстали против меня. Я никогда прежде не ссорился с фернами, но ты можешь догадаться, что теперь я не испытываю к ним большой любви. Это все.

Она довольно долго пристально смотрела на меня. Как будто пыталась прочитать мои мысли, заглянуть в душу, оценить мой характер и манеру поведения.

Похоже, результаты исследования ее удовлетворили.

– Я Файдор, дочь Матаи Шанга, святого геккадора священных фернов, Отца фернов, властелина жизни и смерти на всем Барсуме, брата Иссу, принца Вечной жизни.

В этот момент я заметил, что чернокожий, которого я сбил ударом кулака, подает признаки жизни. Я прыгнул к нему. Сняв с него ремни перевязи, я старательно скрутил ему руки за спиной, а потом точно так же спутал ему ноги и привязал к тяжелой раме пушки.

– Почему не поступить проще? – спросила Файдор.

– Не понял. Что значит «проще»? – откликнулся я.

Слегка пожав милыми плечиками, девушка сделала рукой короткий жест, как бы выбрасывая что-то за борт судна.

– Я не убийца, – сказал я. – Я убиваю, только защищаясь.

Файдор прищурилась, глядя на меня. Потом сдвинула изумительные брови и покачала головой. Ей это было непонятно.

Даже прекрасная Дея Торис полагала, что моя политика в отношении врагов глупа и опасна. На Барсуме не знали пощады, и каждая смерть означала, что живым достанется больше жизненных ресурсов умирающей планеты.

Но все же была некоторая разница между тем, как эта девушка смотрела на устранение любого врага, и тем, как сожалела о суровой необходимости и неизбежной жестокости моя добросердечная принцесса.

Думаю, Файдор хмурилась оттого, что ей не удалось увидеть волнующее зрелище, а вовсе не потому, что я оставил в живых врага и тот мог угрожать нам.

Связанный пират, который теперь окончательно пришел в себя, пристально смотрел на нас. Это был

красивый парень, стройный и сильный, с умным лицом и такими чертами, что сам Адонис мог бы позавидовать ему.

Воздушное судно, которым никто не управлял, медленно плыло над долиной, и я подумал, что пора уже взяться за руль и задать ему курс. Но я лишь в самых общих чертах представлял себе расположение долины Дор. Она находилась далеко к югу от экватора, это было понятно по созвездиям, но мне не удалось настолько хорошо изучить небо Марса, чтобы зайти дальше смутных предположений без тех замечательных карт и сложных инструментов, с помощью которых я в прошлом, будучи офицером военно-воздушного флота Гелиума,

определял положение своих судов.

Я решил, что надо двигаться на север, потому что это был кратчайший путь к густонаселенной части планеты. Повинуясь моей руке, корабль плавно развернулся. Потом кнопка, что контролировала луч отталкивания, заставила судно взмыть и парить в пространстве. И наконец я коснулся рычага скорости, и мы помчались на север, поднимаясь все выше и выше над ужасной долиной смерти.

Когда мы на головокружительной высоте пересекали пространство над обителью фернов, пороховая вспышка внизу дала нам понять, что яростная битва все еще продолжается. Но мы не услышали ни единого выстрела, потому что в разреженной атмосфере звуки не достигали такой высоты; они рассеивались далеко внизу. Стало невероятно холодно. Дышать было трудно. Файдор и черный пират не сводили с меня глаз. Наконец девушка заговорила.

– На такой высоте легко потерять сознание, – тихо произнесла она. – Если ты не желаешь нам смерти, тебе лучше спуститься пониже, и как можно скорее.

В ее голосе не слышалось страха. Так кто-то мог бы сказать: «Лучше взять с собой зонтик. Похоже, дождь собирается».

Я быстро заставил корабль опуститься ниже. Но немного запоздал. Девушка упала в обморок.

Чернокожий воин также лишился сознания, ну а сам я держался, наверное, исключительно силой воли. Тот, на ком лежит ответственность, способен вынести больше, чем другие.

Теперь мы летели вдоль предгорий Оц. Здесь было сравнительно тепло и воздуха для наших истощенных легких хватало, так что я не удивился, увидев, как чернокожий открыл глаза, а после этого очнулась и девушка.

– Мы были на волосок от гибели, – сказала она.

– Зато я узнал две вещи, – ответил я.

– Какие?

– Во-первых, Файдор, дочь владыки жизни и смерти, тоже смертна, – с улыбкой промолвил я.

– Бессмертие в воле богини Исса, – усмехнулась девушка. – А Исса принадлежит исключительно расе фернов. Следовательно, я бессмертна.

Я заметил легкую усмешку, скользнувшую по лицу черного воина при этих ее словах. Я тогда не понял, почему он улыбался. Позже мне пришлось это узнать, и дочери Матаи Шанга тоже, причем самым ужасным образом.

– Если второе открытие, – продолжила Файдор, – привело тебя к таким же ошибочным выводам, что и первое, то ты не слишком обогатился знаниями.

– Во-вторых, – ответил я, – наш смуглый приятель, что сидит вон там, вовсе не свалился с ближайшей луны... он чуть не умер на высоте в несколько тысяч футов над Барсумом. Если бы мы попытались одолеть те пять тысяч миль, что лежат между Турией и этой планетой, он превратился бы в замерзшее воспоминание о самом себе.

Файдор с явным удивлением посмотрела на черного воина.

– Если ты не с Турии, тогда откуда ты? – спросила она.

Тот пожал плечами и молча отвел взгляд в сторону.

Девушка с властным видом топнула ногой.

– Дочь Матаи Шанга не привыкла к тому, чтобы ее вопросы оставались без ответа! – воскликнула она. – Человек из низшей касты должен чувствовать себя польщенным, когда представитель священной расы, рожденной для унаследования вечной жизни, замечает его!

И снова черный воин улыбнулся нехорошей, понимающей улыбкой.

– Ксодар, датор перворожденных, привык отдавать приказы, а не получать их, – заговорил наконец пират. А потом повернулся ко мне. – Что ты собираешься со мной сделать?

– Я намереваюсь взять вас обоих с собой в Гелиум, – сказал я. – Ничего плохого с вами не случится. Вы увидите, что краснокожие люди Гелиума добры и великодушны, и если они прислушаются ко мне, то никто больше не отправится в добровольное паломничество вниз по реке Исс и та нелепая вера, которую они исповедуют веками, разлетится на тысячу кусков.

– Так ты из Гелиума? – спросил чернокожий.

– Я принц дома Тардоса Морса, джедака Гелиума, – объяснил я. – Но я родом не с Барсума. Я из другого мира.

Пират несколько секунд пристально всматривался в меня.

– Я вполне могу поверить, что ты не с Барсума родом, – сказал он наконец. – Никто в этом мире не смог бы в одиночку одолеть восьмерых перворожденных. Но тогда почему у тебя светлые волосы, почему на тебе драгоценный обруч священного ферна? – Слово «священный» он произнес подчеркнуто ироничным тоном.

– Ох, я и забыл о них! – воскликнул я. – Это просто трофеи.

Быстрым движением я снял со своей головы маскировку.

Когда взгляд воина упал на мои коротко остриженные черные волосы, его глаза широко раскрылись от изумления. Он явно ожидал увидеть лысый череп ферна.

– Ты и вправду из другого мира! – вымолвил он, и в его голосе слышалось благоговение. – У тебя кожа как у фернов, черные волосы перворожденного и мускулы десятка даторов, так что даже для Ксодара нет бесчестия в том, чтобы признать твое превосходство. А будь ты барсумианином, я бы такого никогда не сделал, – добавил он.

– Послушай, приятель, я за тобой не поспеваю, – перебил его я. – Допустим, Ксодар – твое имя, но кто такие, скажи, эти перворожденные, что значит «датор» и почему ты не можешь признать победу за барсумианином?

– Перворожденные Барсума, – начал объяснять воин, – это раса черных людей, и я их датор, или, как сказали бы другие барсумиане, принц. Мой народ – старейший на этой планете. Мы прослеживаем наше происхождение прямиком до Древа жизни, что цвело в центре долины Дор двадцать три миллиона лет назад. Бесчисленные века плоды этого дерева претерпевали постепенные эволюционные изменения, проходя стадии от растительной жизни до формы, в которой объединились элементы растения и животного организма. На первых этапах плод дерева обладал лишь силой собственных мускулов, но его стебель оставался соединенным с родительским стволом; позже в плодах развился мозг, так что, продолжая висеть на длинных черешках, они двигались и думали как индивиды. Потом, с развитием ощущений и представлений, пришла способность сравнения, появилась способность суждения, и таким образом на Барсуме возник разум. Шли века. Многие формы жизни отрывались от Древа, но мы оставались привязанными к родительскому растению стеблями разной длины. И все дерево было увешано плодами, крошечными существами, как мы можем сейчас видеть уже в других масштабах в долине Дор, у травяных людей, – и эти создания соединялись с ветвями дерева стеблями, что росли из макушек их голов. Бутоны, из которых происходили существа, напоминали большие орехи, около фута в диаметре, но внутри они были разделены на четыре части. В одной подрастал травяной человек, в другой – шестнадцатиногий червь, в третьей – предок белых обезьян, а в четвертой – первобытный черный человек Барсума. Когда бутон лопался, травяной человек оставался висеть на своем стебле, но три остальные части ореха падали на землю, и их обитатели старались высвободиться, отчего орехи рассыпались в разные стороны. И со временем весь Барсум был засыпан этими скорлупками с заключенными в них существами. Бесчисленные века они жили в твердой скорлупе, прыгая и перекатываясь по всей планете; они падали в реки, озера и моря и плыли по ним, они все дальше распространялись по поверхности нового мира. Миллиарды лет прошли, прежде чем первый черный человек пробил стены своей тюрьмы и вышел на дневной свет. Подстрекаемый любопытством, он расколол другие скорлупки, и так началось заселение Барсума людьми. В моих жилах течет чистая кровь перворожденных. Наша раса никогда не смешивалась с другими существами, но от шестнадцатиногих червей, первой обезьяны и черного отступника произошли все остальные формы животной жизни

на Барсуме. А ферны, – черный воин ехидно усмехнулся, – всего лишь результат долгой эволюции белой обезьяны древности. Они занимают самую низшую ступень. На Барсуме есть лишь одна раса бессмертных. И это раса черных людей. Дерево жизни погибло, но прежде травяные люди научились отделяться от него и теперь бродят по Барсуму вместе с другими детьми Праотца. Двуполоый организм позволяет им размножаться, подобно растениям, но в остальном они почти не продвинулись вперед за долгие века своего существования. Их поступки и побуждения в основном подчиняются инстинктам, а вовсе не разуму, потому что мозг у травяного человека чуть больше, чем ноготь твоего мизинца. Травоеды питаются растениями и кровью животных, и их мозга хватает лишь на то, чтобы двигаться в сторону пищи, он улавливает запах и доносит его до глаз и ушей. У травяных людей нет чувства самосохранения, и потому они не испытывают страха перед лицом опасности. Именно поэтому они страшны в битве.

Я пытался понять, почему чернокожий воин взялся так подробно рассказывать врагу о происхождении жизни на Барсуме. Момент казался весьма неподходящим для благородного принца гордой расы – с чего бы ему вступать в беседу со своим захватчиком? В особенности с учетом того факта, что черный воин все так же лежал на палубе, надежно связанный.

Но тут его взгляд на долю секунды скользнул мимо меня, и это объяснило мне причину: он просто старался отвлечь мое внимание своей захватывающей историей.

Я держал руль, а пират лежал передо мной лицом к корме корабля. Рассказчик обращался ко мне, но, когда он заканчивал описание травяных людей, я уловил, как его глаза сфокусировались на чем-то за моей спиной.

И уж точно я не ошибся, когда заметил вспышку торжества в этих темных зрачках.

Некоторое время назад я снизил скорость, потому что долина Дор осталась далеко за кормой, и чувствовал себя в относительной безопасности.

Теперь же я бросил назад опасливый взгляд – и это заморозило проклюнувшийся в моей душе росток надежды на свободу.

Огромный военный корабль без огней бесшумно приближался в темноте ночи.

VIII

Глубины Омина

Да, теперь я понял, зачем черный пират отвлекал меня своей странной сказкой. Он уже давно заметил своих спасителей, и, если бы не его

один-единственный красноречивый взгляд, крейсер очень скоро был бы над нами, и абордажная команда спрыгнула бы с кили на нашу палубу, лишив меня всякой надежды на избавление.

Но я был слишком опытен в воздушных войнах, чтобы растеряться и не суметь выполнить правильный маневр. Я одновременно изменил направление движения и бросил наш корабль вниз на добрую сотню футов.

Над головой я видел уже готовую к прыжку абордажную команду, когда черный крейсер проносился над нами. Я тут же сделал резкий поворот и до предела выжал скорость.

Мое прекрасное судно рванулось, как стрела из лука, и его стальной нос нацелился на вращающиеся винты гиганта. Если задеть их, огромный корпус окажется неуправляемым на несколько часов, и бегство станет возможным.

В то же мгновение над горизонтом появилось солнце, осветив сотню мрачных черных лиц, смотревших на нас с кормы крейсера.

Когда они нас увидели, из сотни глоток разом вырвался рев ярости. Кто-то выкрикивал приказы, но уже невозможно было спасти гигантские винты, мы с грохотом врезались в них.

Одновременно с ударом я дал задний ход, однако нос моего корабля застрял в дыре, пробитой им в корме вражеского судна. Всего на миг я завис на месте, прежде чем вырваться, но и секунды хватило для того, чтобы на мою палубу хлынули черные дьяволы.

Драться не пришлось. Прежде всего потому, что сражаться было просто негде. Нас задавили количеством. Рядом со мной уже сверкали мечи, но тут раздалась команда Ксодара, стоявшего в окружении соплеменников.

– Свяжите их, – сказал он, – но не причиняйте вреда.

Несколько пиратов уже освободили его. И теперь он лично присмотрел за тем, чтобы меня обезоружили и как следует связали. Вероятно, он думал, что путы вполне надежны. Да, их прочности хватило бы, будь я марсианином, но я лишь улыбнулся, ощутив хилые веревки на своих запястьях. В подходящий момент я мог разорвать их, как хлопчатые нитки.

Девушку пираты тоже скрутили, а потом еще и привязали нас друг к другу. Одновременно наш корабль подогнали к борту обездвиженного крейсера и вскоре нас перевели на его палубу.

Не меньше тысячи черных воинов уже занимались огромным поврежденным мотором. Палуба большого корабля была заполнена людьми, и многие старались подойти к нам поближе – насколько позволяла военная дисциплина, – чтобы рассмотреть пленников.

Красота девушки вызвала много бесцеремонных замечаний и

вульгарных жестов. Было очевидно, что этим самоуверенным суперменам по воспитанию и галантности далеко до краснокожего народа Барсума.

Мои коротко остриженные черные волосы и телосложение, как у ферна, стали предметом еще более энергичного обсуждения. Когда Ксодар рассказал своим благородным друзьям о моей боеспособности и странном происхождении, они забросали меня вопросами.

Тот факт, что на мне были ремни и украшения ферна, убитого одним из членов моей команды, убедил их в том, что я враг их старинных недругов, и это несколько улучшило их мнение обо мне.

Все черные воины без исключения отличались красотой и прекрасным сложением. Их офицеры выделялись из общей массы благодаря невероятному великолепию своего снаряжения. Многие ремни были сплошь изукрашены золотом, платиной, серебром и драгоценными камнями.

Перевязи и портупею командира густо усеяли бриллианты. На фоне его эбонитовой кожи они сияли особенно ярко. Вообще вся картина была захватывающей. Красивые люди; варварская роскошь снаряжения; отполированная палуба; обшивка кают, сложно и прекрасно инкрустированная драгоценными камнями и металлами; пылающее золото поручней; начищенный металл орудий...

Меня и Файдор, связанных вместе, отвели в трюм и запихнули в маленькое помещение с одним-единственным иллюминатором. Затем наши конвоиры снаружи заперли дверь на засов.

Мы слышали, как команда трудилась над сломанными винтами, а через иллюминатор могли видеть, что корабль неторопливо дрейфует на юг.

Некоторое время мы оба молчали. Каждый погрузился в свои мысли. Я гадал, какова могла быть судьба Тарса Таркаса и той девушки, Тувии.

Даже если им удалось ускользнуть от преследования, они неизбежно должны были попасть в руки либо красных людей, либо зеленых и в качестве беглецов из долины Дор могли подвергнуться немедленной и ужасной казни.

Как мне хотелось оказаться рядом с ними! Думаю, я сумел бы убедить умных красных барсумиан в том, что их суеверие глупо, бессмысленно и в долине Дор их ждет жестокая гибель.

Тардос Морс поверил бы мне. В этом я не сомневался. Насколько я знал характер джеджа, он бы храбро отстоял свои убеждения. И Дея Торис поверила бы мне. На сей счет у меня тоже не возникало ни малейших сомнений. И было еще с тысячу красных и зеленых воинов, моих друзей, которые ради меня презрели бы вечное проклятие. Они пошли бы за мной, куда бы я их ни повел.

Единственной опасностью, подстерегавшей меня в случае побега от черных пиратов, была встреча с враждебными красными или зелеными племенами Барсума. Тогда я не успел бы даже исповедаться.

Впрочем, пока на этот счет тревожиться было незачем, потому что перспектива бегства выглядела весьма отдаленной.

Мы с девушкой были связаны вместе веревкой, позволявшей разойтись не более чем на три-четыре фута. Когда нас втолкнули в маленькую каюту, мы сели на низкую скамью напротив иллюминатора. Скамья, сделанная из древесины сорапуса, представляла собой единственную мебель в этом помещении. Пол, потолок и стены были из карбидного алюминия, светлого твердого сплава, который широко использовался в конструкциях марсианских военных кораблей.

Я сидел, размышляя о будущем и глядя в иллюминатор, находившийся на уровне моих глаз. И вдруг взглянул на Файдор. Она рассматривала меня со странным выражением, какого я еще не видел на ее лице. И выглядела особенно прекрасной.

Девушка тут же опустила глаза, и мне показалось, что легкий румянец выступил на ее щеках. Ее явно смутило то, что я заметил, как она разглядывает низшее существо, — так мне подумалось в тот момент.

— Что, интересно посмотреть на плебея? — со смехом спросил я.

Она опять глянула на меня с коротким смешком.

— О да, очень. Особенно когда у него такой великолепный профиль.

Настала моя очередь смутиться, но я решил обойтись без этого. Мне казалось, что она подшучивает надо мной, и я восхитился ее храбростью. У марсианской девы нашелся повод для юмора по дороге к смерти, и я рассмеялся вместе с ней.

— А ты знаешь, куда мы направляемся? — спросила она.

— Полагаю, туда, где открывается тайна вечной загробной жизни, — ответил я.

— Боюсь, меня ждет нечто гораздо худшее, — пробормотала она, вздрогнув.

— О чем это ты?

— Могу лишь строить догадки, — сказала Файдор, — потому что ни одна из многочисленных женщин нашей расы, похищенных черными пиратами за минувшие века, не вернулась, чтобы рассказать о том, что с нею было. А поскольку чернокожие никогда не берут в плен мужчин, предполагается, что судьба увезенных девушек куда хуже смерти.

— Может, это просто возмездие? — невольно вырвалось у меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве сами ферны не поступают так же с теми несчастными, которые отправляются в паломничество по таинственной реке Исс? Разве Тувия не провела пятнадцать лет в рабстве? Может быть, тебе предстоит

страдать так, как ты заставляла страдать других?

– Ты не понимаешь, – покачала головой Файдор. – Мы, ферны, – священная раса. Для низших существ великая честь стать нашими рабами. И разве мы не спасаем время от времени глупцов, которые плывут по незнакомой реке в неизвестные места к неведомому концу и должны стать добычей травяных людей и обезьян?

– Но разве вы не поддерживаете всеми силами нелепое суеверие в тех, кто живет во внешнем мире? – возразил я. – Это самое дурное из всех ваших деяний. Можешь мне объяснить, почему вы всячески поощряете это заблуждение?

– Вся жизнь на Барсуме, – заговорила девушка, – создана исключительно ради поддержки расы фернов. Как бы еще мы жили, если бы внешний мир не снабжал нас рабочими и пищей? Подумай, разве ферны могут унизиться до физического труда?

– Так это правда, что вы едите человеческое мясо? – в ужасе спросил я.

Файдор посмотрела на меня с жалостью, сочувствуя моему невежеству:

– Конечно, мы едим плоть низших существ. А вы разве не делаете то же самое?

– Мы употребляем в пищу животных, да, – ответил я. – Но не людей.

– Но если человек может есть плоть животных, то боги могут есть плоть человека. Священные ферны – боги Барсума.

Я преисполнился отвращения, и, видимо, это было заметно.

– Ты пока что неверующий, – мягко продолжила Файдор, – но если нам удастся сбежать от черных пиратов и снова вернуться ко двору Матаи Шанга, то, думаю, найдутся аргументы, способные убедить тебя в ошибочности твоего мнения. И... – Она слегка заколебалась. – Может быть, мы даже найдем способ сделать тебя... ну... одним из нас.

И снова ее взгляд уперся в пол, а на щеках заиграл легкий румянец. Я не в силах был понять ее намеки и не понимал очень долго. Дея Торис не раз говорила, что в некоторых вещах я сущий простака, и, пожалуй, она была права.

– Боюсь, мне нечем будет отплатить за гостеприимство твоему отцу, – сказал я. – Если б я сделался ферном, то немедленно отправил бы вооруженную стражу к устью реки Исс, чтобы выпроваживать несчастных одураченных путников обратно. И еще я посвятил бы свою жизнь уничтожению жутких травяных людей и их мерзких приятелей, белых обезьян.

Файдор уставилась на меня в искреннем ужасе.

– Нет-нет! – воскликнула она. – Ты не должен произносить вслух такие страшные кощунства... даже думать об этом нельзя! Если кто-

нибудь догадается, что у тебя на уме, когда мы вернемся к храмам фернов... тебя подвергнут чудовищной казни. Даже моя... моя... — Щеки ее снова порозовели. — Даже я не смогла бы тебя спасти!

Я промолчал. Ясно было, что говорить с ней об этом бесполезно. Она была даже сильнее напичкана суевериями, чем прочие марсиане. Те просто лелеяли прекрасную мечту о потустороннем мире, полном любви, покоя и счастья. А ферны боготворили чудовищных травяных людей и обезьян или, по крайней мере, почитали их как вместилища душ своих умерших.

В этот момент моих размышлений дверь каюты открылась, чтобы впустить Ксодара.

Он вежливо улыбнулся мне, и лицо его осветилось доброжелательностью, в эту минуту на нем нельзя было прочесть ни жестокости, ни мстительности.

— Поскольку вы не можете сбежать ни при каких обстоятельствах, — сказал мне черный принц, — я не вижу необходимости держать вас взаперти. С вас снимут веревки и разрешат выйти на палубу. Зато вы увидите нечто очень интересное. Ты никогда не вернешься во внешний мир, так что ничего страшного не произойдет, если перед тобой приоткроют завесу тайны. Этого никто не видел, кроме перворожденных и их рабов... Подземный вход в священную землю, в истинный рай Барсума. Кстати, дочь фернов получит хороший урок, — добавил он, — ей покажут храм Иссу, и богиня, возможно, примет ее в свои объятия.

Файдор высоко вскинула голову.

— Что это за богохульство, пиратская собака? — воскликнула она. — Иссу сметет все ваше племя, если вы вообще осмелитесь приблизиться к ее храму!

— Тебе предстоит многое узнать, женщина-ферн, — откликнулся Ксодар с недоброй улыбкой. — И таким способом, что тебе не позавидуешь.

Когда мы вышли на палубу, я, к своему удивлению, увидел, что корабль плывет над огромным пространством снега и льда. На сколько хватало глаз, ничего другого кругом не было.

У такой загадки мог быть только один ответ. Мы летели над южной полярной шапкой планеты. Лишь на полюсах Марса лежал снег или лед. Я не заметил внизу никаких признаков жизни. Стало ясно, что мы забрались на юг настолько далеко, что даже обросшие шерстью звери здесь не бродили.

Ксодар стоял рядом со мной, когда я выглядывал вниз, перегнувшись через поручни.

— И куда мы летим? — спросил я. — Каким курсом?

– Сейчас повернем на юго-запад, – ответил он. – Ты увидишь долину Оц. Мы несколько сотен миль будем двигаться вдоль нее.

– Долина Оц! – воскликнул я. – Но, приятель, разве не там находятся владения фернов, из которых я только что сбежал?

– Да, – согласился Ксодар. – Ты прошлой ночью пересек эти ледяные поля, заставив черных воинов гнаться за тобой. Долина Оц лежит в низине у Южного полюса. Она на тысячи футов ниже уровня окружающих ее земель и напоминает гигантскую круглую чашу. В сотнях миль от ее северной границы находятся горы Оц, обрамляющие долину Дор, и в самом ее центре раскинулось затерянное море Корус. На берегу этого моря, на земле перворожденных, стоит золотой храм Иссу. Туда мы и направляемся.

Глядя вниз, я начал понимать, почему за долгие века лишь одному человеку удалось бежать из долины Дор. Удивительно, как это вообще произошло. Пересечь замерзшие, продуваемые ветром бесконечные ледяные просторы пешком, в одиночку, было просто невозможно.

– Такой путь можно одолеть только по воздуху, – сказал я вслух.

– Именно поэтому за все прошлые века лишь один пленник удрал от фернов, но никто и никогда не сбегал от перворожденных, – произнес Ксодар с гордостью.

Мы к этому времени достигли южной оконечности гигантского ледяного поля. Оно внезапно обрывалось могучей отвесной стеной в тысячи футов высотой, у подножия начиналась ровная долина, тут и там перемежавшаяся низкими холмами и участками леса; ее пересекали неширокие реки, вытекавшие из-под ледяного заграждения.

Потом мы пролетели над чем-то вроде глубокого каньона, трещины, которая шла от ледяной стены на севере и тянулась через долину, на сколько мог видеть глаз.

– Это русло Исс, – пояснил Ксодар. – Река уходит под ледяное поле и под долину Оц, а здесь открыта.

Вскоре я заметил вдали поселение и, показав на него, спросил Ксодара, что это такое.

– Это деревня потерянных душ, – со смехом ответил он. – Полоса между ледяной стеной и горами считается нейтральной территорией. Некоторые паломники отказываются от дальнейшего пути по реке Исс, увидев, по какому ужасному каньону она течет дальше, и останавливаются в долине. Да еще здесь устраиваются рабы, которые время от времени сбегают от фернов. Те не пытаются поймать беглецов, поскольку знают, что из этой долины все равно не уйти, к тому же жрецы слишком боятся патрульных кораблей перворожденных, чтобы вторгаться на их территорию. А мы не трогаем несчастных в долине, потому что у них нет ничего такого, чего бы нам захотелось, и потом, их

слишком мало, чтобы устроить интересную битву... Пусть живут себе спокойно. Таких деревень несколько, и число их жителей почти не увеличивается, поскольку они много лет подряд воюют друг с другом.

Мы наконец повернули на северо-запад, покинув долину потерянных душ, и вскоре я увидел справа по борту черную гору посреди безжизненного ледяного пространства. Она была не слишком высокой, а ее вершина выглядела плоской.

Ксодар отошел по каким-то корабельным делам, и мы с Файдор остались у поручней одни. Девушка ни разу не заговорила с тех пор, как нас привели на палубу.

– Интересно, правду ли он тут рассказывал? – спросил я ее.

– Отчасти да, – ответила Файдор. – Во всяком случае, про долину беглецов. Но что касается расположения храма Иссу в центре его страны – ложь. Ведь если это так... – Она немного помолчала. – Нет, не может быть, неправда. Если пират не лжет, значит бесчисленные века подряд мой народ отправлялся на мучительную и постыдную смерть от рук наших злейших врагов, вместо того чтобы достичь прекрасной вечной жизни, какую создала для нас Иссу... Нас ведь так учат.

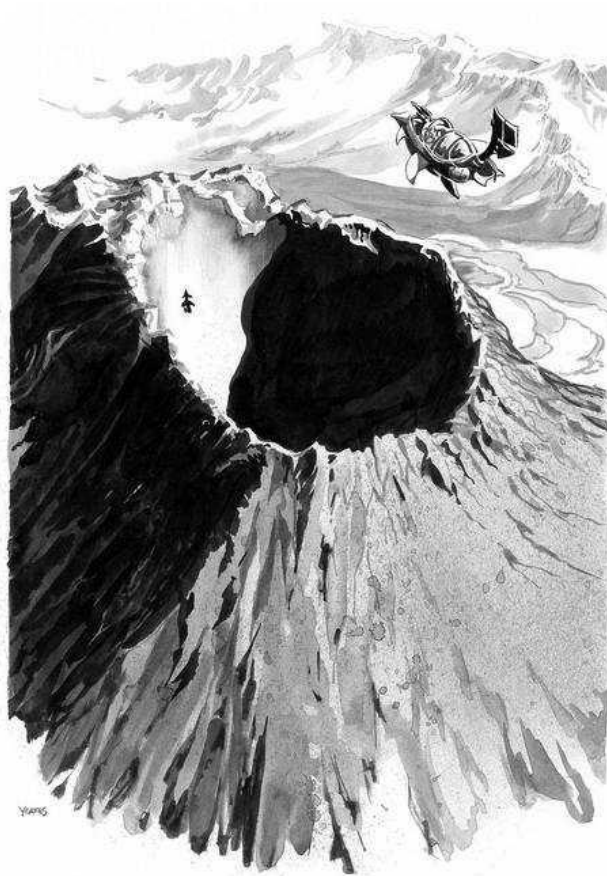
– Ну как вы, ферны, обманом привлекаете в долину Дор барсумиан из внешнего мира, так и перворожденные могли уготовить вам страшную участь, – предположил я. – Это было бы суровым и ужасным возмездием, Файдор, но только и всего.

– Я не могу в это поверить, – сказала она.

– Увидим, – проронил я, и мы снова замолчали, потому что уже подлетали к черной горе, – казалось, она непостижимым образом связана с ответами на наши вопросы.

Приблизившись к черному усеченному конусу, корабль сбросил скорость до минимума. Потом мы очутились над плоской вершиной, и я увидел зев гигантского круглого колодца, дно которого терялось в чернильной мгле.

Диаметр этой невероятной ямы был в добрую тысячу футов. Стены выглядели гладкими и как будто состояли из черного базальта. Судно неподвижно зависло точно над центром зияющей пустоты, а потом начало медленно тонуть в черной пропасти. Корабль все спускался и спускался, пока темнота не поглотила его, и лишь горевшие на нем огни испускали слабое сияние; гигантский крейсер плавно погружался в самое нутро Барсума.

Прошло примерно с полчаса, а потом шахта внезапно закончилась в куполе величественного подземного мира. Под нами вздымались морские волны. Фосфоресцирующий свет заливал всю картину. Тысячи кораблей усеяли поверхность тайного моря. Маленькие острова, покрытые бесцветной растительностью, поднимались тут и там.

Медленно, с величавой грацией, корабль сел на воду. Его огромные воздушные пропеллеры остановились, заработали маленькие, но очень мощные винты для передвижения по морю. И крейсер двинулся дальше,

одолевая новую стихию с такой же легкостью, как и воздушную.

Файдор и я были ошеломлены. Никогда нам не приходилось слышать о том, что нечто подобное может существовать под поверхностью Барсума.

Почти все суда, которые мы видели вокруг, были военными. Встречались иногда и шаланды, и баржи, но мы не заметили ничего похожего на огромные торговые суда, летавшие между городами внешнего мира.

— Это и есть гавань военного флота перворожденных, — произнес голос позади нас, и мы, обернувшись, увидели Ксодара, наблюдавшего за нами с веселой улыбкой на губах. — Это море, — продолжил он, — намного больше, чем Корус. Его питают воды мелких водоемов наверху. Чтобы поддерживать в нем определенный уровень, мы используем огромные насосные станции, они перегоняют излишки воды в резервуары далеко на севере, и именно оттуда красные люди черпают воду, которая орошает их фермерские земли.

Услышав это объяснение, я сразу многое понял. Красный народ Барсума всегда считал истинным чудом то, что из дна их каменных резервуаров иной раз начинают бить огромные фонтаны воды, увеличивая запасы драгоценной жидкости, которой было так мало во внешнем мире Марса.

Барсумианские ученые безуспешно бились над тайной внезапных

притоков громадного количества воды. Спустя века им пришлось признать это как факт и прекратить исследования.

Мы миновали несколько островов, на которых стояли странные округлые здания, явно без крыш, прорезанные посередине между землей и верхней кромкой маленькими зарешеченными окнами. Сооружения были похожи на тюрьмы, и это впечатление усиливалось при виде вооруженных стражей, которые либо сидели на низких скамьях перед строениями, либо патрулировали недлинные береговые линии.

Лишь немногие из этих островков превышали по площади акр, но вскоре мы увидели впереди куда более крупный остров. Он-то и оказался нашей целью, и вскоре большой корабль пришвартовался у крутого берега.

Ксодар дал нам знак следовать за ним, и вместе с полудюжиной офицеров и солдат мы покинули крейсер и подошли к овальному строению в сотне ярдов от берега.

– Скоро ты увидишь Иссу, – сказал Ксодар девушке. – Мы лишь немногих пленников представляем ей. Она время от времени выбирает из них замену своим рабыням. Никто не служил Иссе дольше года.

При этих словах на его губах появилась мрачная улыбка, говорившая о жестоком и зловещем смысле его простого сообщения.

Файдор, хотя и не желала верить в то, что Иссе могла оказаться столь враждебной, все же начинала понемногу поддаваться сомнению и страху. Она прижималась ко мне, это была уже не гордая дочь властелина жизни и смерти на всем Барсуме, а просто испуганное юное существо, очутившееся во власти безжалостных врагов.

Здание, в которое мы вошли, и в самом деле оказалось без крыши. В самом его центре стоял большой бак с водой, встроенный в пол на манер бассейна. У края этого резервуара плавал странный предмет черного цвета. Я не мог рассмотреть, был ли это один из местных водяных монстров или простой плотик.

Но вскоре все выяснилось. Когда мы подошли к бассейну, Ксодар выкрикнул несколько слов на неизвестном мне языке прямо над этим объектом. И тут же открылся люк на его поверхности, и из глубины странного суденышка высунулся черный матрос.

Ксодар заговорил с ним.

– Передай своему офицеру, – сказал он, – приказ датора Ксодара. Скажи ему, что датор Ксодар с офицерами и рядовыми привели двух пленников и нас нужно переправить в сад Иссе рядом с Золотым храмом.

– Да будет благословенна скорлупа твоего первого предка, наиблагороднейший датор, – ответил матрос. – Все будет выполнено по твоему приказу.

И он вскинул обе руки над головой, ладонями назад, отдавая салют так же, как все другие народы Барсума, и тут же исчез внутри своего кораблика.

Через мгновение на его месте появился офицер, блистая знаками различия, и пригласил Ксодара на борт. Мы все по очереди забрались внутрь.

Кабина, в которой мы очутились, занимала всю ширину корабля, и по обе ее стороны находились иллюминаторы ниже уровня воды. Как только пассажиры заняли места, прозвучали команды, люк закрылся и был задраен, и судно завибрировало от работы моторов.

— И куда можно уплыть в такой маленькой луже? — спросила Файдор.

— Только не вверх, — ответил я. — Так как я заметил, что на здании вместо крыши крепкая металлическая решетка.

— Так куда нас повезут? — снова поинтересовалась Файдор.

— Судя по конструкции судна, думаю, мы будем погружаться, — предположил я.

Файдор содрогнулась. Вода на Барсуме много веков была предметом почитания, и даже эта дочь фернов, рожденная на берегах единственного моря на планете, испытывала такой же ужас перед водными глубинами, как и все прочие марсиане.

Скоро ощущение того, что корабль погружается, стало явным. Мы быстро опускались. Теперь было слышно, как вода бьется в иллюминаторы, а тусклый свет, что пробивался сквозь них наружу, позволял увидеть вихрящиеся потоки.

Файдор схватила меня за руку.

— Спаси меня! — прошептала она. — Спаси меня, и все твои желания исполнятся! Все, что есть у священных фернов, будет твоим. А Файдор... — Она слегка запнулась, а потом добавила очень тихо: — А Файдор уже твоя.

Мне стало невероятно жаль несчастное дитя, и я положил ладонь на ее пальцы, цеплявшиеся за меня. Но видимо, мой жест был неверно понят, судя по ее короткому взгляду, брошенному по сторонам. Как только девушка убедилась, что никто не смотрит на нас, она обеими руками обхватила меня за шею и притянула к себе.

IX

Иссу, богиня вечной жизни

Признание в любви, вырванное у девушки простым страхом, глубоко тронуло меня, но одновременно и оскорбило. Я почувствовал, что каким-то нечаянным словом или действием дал ей повод надеяться на ответные чувства.

Я никогда не относился к дамским угодникам, меня занимали

сражения и всяческие боевые искусства, я не был похож на тех, кто тоскует над надушенной перчаткой на четыре размера меньше его собственной или целует засушенный цветок, который уже пахнет, как старая капуста. Так что я просто растерялся. Мне было бы тысячу раз проще столкнуться с дикими ордами на дне мертвого моря, чем один раз посмотреть в глаза этой юной красавицы и сказать то, чего требовал долг.

Но мне ничего другого не оставалось. И я это сделал. Боюсь, весьма неуклюже.

Я осторожно снял ее руки со своей шеи и, продолжая держать их в ладонях, рассказал историю моей любви к Дее Торис. Говорил, что из всех женщин, которых я знал и которыми восхищался за свою долгую жизнь в двух мирах, любил я только ее одну.

Похоже, эта история не понравилась Файдор. Задыхаясь, она отпрыгнула от меня, как тигрица. Ее прекрасное лицо исказилось ужасной злобой. Глаза вспыхнули бешеным огнем.

– Пес! – прошипела она. – Пес проклятый! Ты думаешь, что Файдор, дочь Матаи Шанга, тебя просит? Она приказывает. Какое ей дело до твоей жалкой страсти к низкому существу из внешнего мира, которое ты выбрал в прежней жизни? Файдор осчастливила тебя своей любовью, а ты ее отверг? Десяти тысяч самых жестоких смертей будет недостаточно за такое оскорбление. И та, которую ты называешь Деей Торис, также умрет лютой смертью. Ты сам вынес ей приговор. А ты! Ты будешь последним из ничтожных рабов на службе у богини, которую ты попытался унижить. Пытки и позор будут терзать тебя до тех пор, пока ты не упадешь к моим ногам, моля о смерти. И я, в моей бесконечной щедрости, наконец отвечу на твои мольбы и буду наблюдать с высокого балкона Золотых утесов за тем, как белые обезьяны разорвут тебя в клочья.

Она выложила мне все это одним духом. Всю эту чудесную программу от начала и до конца. Я был изумлен, что такое божественно прекрасное создание может быть одновременно столь дьявольски мстительным. Однако мне пришло на ум, что в своих планах мести Файдор кое-что упустила, и потому, не имея намерения усилить ее ярость, а просто для того, чтобы ее мысли потекли в более практичном направлении, я указал ей на ближайший иллюминатор.

Она явно забыла о своем окружении и о нынешних обстоятельствах, потому что один-единственный взгляд на темную бурлящую воду заставил девушку упасть на низкую скамью и закрыть лицо руками; ее рыдания скорее походили на плач маленькой девочки, чем на горе гордой могущественной принцессы.

А мы продолжали спускаться все ниже и ниже, пока наконец толстые

стекла иллюминаторов заметно не потеплели от температуры воды за бортом. Видимо, мы добрались до таких глубин, куда проникало тепло ядра планеты.

Скорость погружения снизилась, я услышал, как заработали винты на корме суденышка, и оно рванулось вперед. На глубине было очень темно, однако свет из кабины просачивался наружу, а на носу субмарины включились мощные прожекторы. Я видел, что несемся мы по узкому тоннелю с каменными стенами, похожему на трубу.

Еще несколько минут – и винты замерли. Мы остановились, а потом стали быстро всплывать. Вот блеснул наружный свет, и движение прекратилось.

В каюту вошел Ксодар со своими людьми.

– Идемте, – сказал он, и мы последовали за ним наружу через люк, открытый одним из матросов.

Мы оказались в небольшой подземной пещере, в центре которой находилось озерцо, где и лежала наша субмарина, и выглядела она так же, как в тот момент, когда мы увидели ее в первый раз, – то есть на поверхности оставалась лишь черная горбушка.

По краям бассейна шла ровная платформа, а дальше стены пещеры вздымались отвесно на несколько футов вверх и переходили в низкий сводчатый потолок. В стенах было прорезано множество входов в тускло освещенные коридоры.

К одному из них и повел нас Ксодар, и после недолгой прогулки мы остановились перед стальной клеткой, лежавшей на дне шахты, которая уходила далеко наверх.

Клетка оказалась обычным подъемником, какие я видел в разных частях планеты. Он двигался благодаря огромным магнитам, которые были закреплены в верхней части шахты. Благодаря электричеству магнитные генераторы регулировали его движение.

Такие лифты порой развивали поистине тошнотворную скорость, в особенности при подъеме, поскольку малая сила притяжения Марса не могла противостоять мощным устройствам наверху.

Едва дверь клетки закрылась за нами, как она взмыла вверх и быстро доставила нас на площадку для высадки.

Покинув маленькое здание, в котором размещался подъемник, мы оказались среди невероятной красоты. Во всех языках Земли, вместе взятых, не нашлось бы слов, чтобы описать увиденное.

Можно рассказать, что кругом были алые газоны и деревья с яркими пурпурными цветками и стволами цвета слоновой кости; под ногами блестели извилистые дорожки, усыпанные песком из рубинов, изумрудов, бирюзы и алмазов; впереди сверкал величественный золотой храм, украшенный изумительными орнаментами. Но где найти слова,

чтобы донести до слушателей очарование красок, неведомых землянам? Какое воображение способно представить ошеломляющий блеск неизвестных нам лучей, исходящих из тысяч безымянных драгоценных камней Барсума?

Даже я, за долгие годы привыкший к варварскому великолепию двора джеддака, был ослеплен этой картиной. И глаза Файдор тоже расширились от изумления.

– Храм Иссу... – прошептала она, будто про себя.

Ксодар наблюдал за нами с мрачной улыбкой, отчасти забавляясь, отчасти испытывая злобную радость.

В саду гуляли множество пышно разодетых черных мужчин и женщин. Среди них сновали красные и белые служанки, выполняя все желания и приказы господ. Многие места внешнего мира и храмы фернов были ограблены, многие принцессы и богини похищены, чтобы черные люди могли иметь вот таких рабынь.

Мы направились через сад к храму. У главного входа нас остановили вооруженные стражи. Ксодар сказал несколько слов офицеру, вышедшему вперед с расспросами. Потом они вместе вошли в храм и оставались там некоторое время.

Когда они вернулись, Ксодар сообщил: Иссу желает взглянуть на дочь Матаи Шанга и на странное существо из другого мира, нынешнего принца Гелиума.

Мы медленно шагали по бесчисленным коридорам невиданной красоты, через величественные апартаменты, через прекрасные комнаты. Наконец нам велели остановиться в просторном зале, предположительно в центре храма. Один из офицеров конвоя вместе с нами приблизился к большой двери в дальнем конце помещения. Здесь он, должно быть, подал сигнал, потому что она сразу же отворилась и появился другой сопровождающий в богатом наряде.

После этого меня и Файдор подвели к порогу и приказали опуститься

на четвереньки. Затем мы должны были пятиться задом наперед, чтобы предстать перед Иссу. При этом нас строго предупредили: ни в коем случае, под страхом неминуемой смерти, не поворачивать головы.

Никогда в жизни я не оказывался в столь унижительном положении. Только любовь к Дее Торис и надежда на встречу с ней удержали меня от того, чтобы встать, повернуться лицом к богине перворожденных и принять смерть, как подобает истинному джентльмену.

Когда мы проползли таким отвратительным образом примерно пару сотен футов, нас остановил конвоир.

– Пусть они встанут, – слышался позади голос, тихий, дребезжащий, однако его обладательница явно привыкла повелевать.

– Встаньте, – приказал сопровождающий, – но не поворачивайтесь к Иссу!

– Эта женщина мне нравится, – произнес высокий дрожащий голос после непродолжительного молчания. – Она будет мне служить положенный срок. А мужчину вы можете отправить на остров Шадор, что у северного берега моря Омин. Пусть женщина повернется и взглянет на Иссу. Она должна знать, что те низшие, которым посчастливилось видеть сияющий лик богини, могут упиваться этим блаженством всего год.

Я краем глаза наблюдал за Файдор. Она смертельно побледнела. И медленно, очень медленно повернулась, словно влекомая невидимой, но неодолимой силой. Девушка стояла очень близко ко мне, ее обнаженная рука касалась моей, – и вот она оказалась лицом к Иссу, богине Вечной жизни.

Я не мог видеть лица Файдор, когда ее взгляд впервые упал на высшее божество Марса, но ощутил дрожь, пробежавшую по ее телу, ведь наши пальцы соприкасались.

«Должно быть, богиня ошеломительно прекрасна, – подумал я, – раз ее вид потряс такую редкую красавицу, как дочь Матаи Шанга».

– Пусть женщина останется. Мужчину уведите.

Это было все, что сказала Иссу, и тут же тяжелая рука офицера опустилась на мое плечо. Повинуясь его приказу, я снова упал на четвереньки и пополз прочь с глаз богини. Это была моя первая аудиенция у божества, но я вынужден признать, что особых впечатлений не получил, – только уж очень глупо себя чувствовал, ползая по полу.

За порогом приемного зала меня заставили подняться на ноги. Ко мне присоединился Ксодар, и мы вместе вернулись в сад.

– Ты пощадил меня, тогда как мог с легкостью отнять у меня жизнь, – сказал он после долгого молчания, – и я помогу тебе по возможности. В моих силах сделать твою жизнь терпимой, хотя любому пленнику все

равно не избежать судьбы. В любом случае тебе нечего надеяться на возвращение во внешний мир.

– И какой же будет моя судьба? – спросил я.

– Это будет зависеть только от Иссу. До тех пор, пока она не пошлет за тобой и не откроет тебе свое лицо, ты можешь прожить долгие годы в рабстве. Но я устрою так, что оно будет необременительным.

– А зачем ей посылать за мной? – удивился я.

– Людей низших рас она частенько использует для разных забав. Такой воин, как ты, например, мог бы участвовать в ритуалах храма, они проводятся каждый месяц. Мужчины сражаются против других бойцов или хищных тварей, по желанию Иссу, для развлечения и для пополнения ее кладовых.

– Она что, ест человеческую плоть? – спросил я.

Я даже не ужаснулся – после знакомства со священными фернами меня уже ничто не удивляло; я был готов к чему-то подобному и в этом недоступном раю, который находился под диктатом всемогущей правительницы. Судя по всему, вековой узколобый фанатизм и самопоклонение искоренили широкие гуманистические взгляды, некогда свойственные этой расе.

Это были люди, упивавшиеся своей властью, смотревшие на всех других обитателей Марса так, как мы смотрим на диких зверей. Так почему бы небожителям не поедать мясо низших существ, чьи жизни для них значат не больше, чем для нас переживания домашнего скота, который гонят на убой ради людского чревоугодия?

– Она ест лишь плоть лучших из священных фернов и красных барсумиан. Мясо остальных предназначается для нашего пропитания. Животных едят рабы. А богиня любит и другие лакомства.

Я тогда не понял, о каких лакомствах говорит Ксодар. А он подразумевал нечто особенное. Мне-то казалось, что меню Иссу абсолютно по своей мерзости. Я еще не знал, как низко может пасть облеченный абсолютной властью человек, потворствуя своим жестоким и бесовским наклонностям.

Мы были почти у выхода, когда нас догнал офицер стражи.

– Иссу желает еще раз взглянуть на этого воина, – обратился он к Ксодару. – Девушка сказала богине, что он очень красив и отважен. По ее свидетельству, чужеземец в одиночку справился с семерыми перворожденными и взял в плен Ксодара голыми руками, связав датора его же собственными ремнями.

Ксодар явно смутился. Его, видимо, не порадовало, что Иссу узнала о его бесславном поражении.

Не говоря ни слова, он повернул обратно, и мы снова пришли к закрытой двери перед приемным залом Иссу, богини Вечной жизни.

Здесь церемония входа повторилась. Иссу приказала мне подняться на ноги. Несколько минут вокруг было тихо, как в могиле. Глаза божества изучали меня.

Но вскоре тонкий неуверенный голос нарушил тишину, монотонно повторяя слова, которые в течение многих веков определяли судьбу бесчисленных жертв:

– Пусть этот мужчина повернется и взглянет на Иссу. Он должен знать, что те низшие, которым посчастливилось видеть сияющий лик богини, могут упиваться этим блаженством всего год.

По приказу я повернулся, чтобы насладиться видом божественной красоты во всем ее блеске. Но сначала увидел лишь фалангу вооруженных воинов, загородивших возвышение, на котором стояла огромная резная скамья из древесины сорапуса. И на этом троне сидела на корточках чернокожая женщина. Она явно была очень стара. На ее морщинистом черепе не осталось ни единого волоска. И если не считать двух желтых клыков, она была еще и беззуба. Тонкий крючковатый нос нависал над пустым ртом. Ввалившиеся глаза горели, морщины избородили щеки и лоб. И тело было таким же сморщенным, как лицо, и таким же отвратительным.

Тощие руки и ноги, торчавшие из искривленного туловища, завершали картину «священного зрелища сияющей красоты».

Вокруг богини стояли несколько рабынь, среди которых была теперь и Файдор, бледная и дрожащая.

– Так это и есть тот, кто убил семерых перворожденных и без оружия одолел датора Ксодара, связав его офицерской перевязью? – спросила Иссу.

– Да, сияющий образ божественной красоты, – ответил конвоир, стоявший рядом со мной.

– Приведите датора Ксодара, – приказала богиня.

Ксодара тут же доставили из соседней комнаты.

Иссу одарила его огненным взглядом, в ее мерзких глазах пылала злоба.

– Так это и есть датор перворожденных? – пропищала она. – За бесчестье, которое ты навлек на бессмертную расу, ты будешь последним из низших. Ты больше не датор, а с этого момента раб рабов, ты будешь выполнять приказы тех, кто служит в садах Иссу. Снимите с него перевязи. Труссы и рабы не носят портупей и украшения.

Ксодар стоял абсолютно неподвижно. Ни единая его мышца не дрогнула, мощное тело не шелохнулось, когда стражник грубо сдирал с него великолепные регалии.

– Пошел вон! – завизжала разъяренная старуха. – Пошел вон, вот только вместо светлых садов Иссу ты будешь рабом того раба, который

захватил тебя, в тюрьме на острове Шадор в море Омин. Уведите его прочь с моих божественных глаз!

Медленно, с высоко поднятой головой Ксодар гордо вышел из зала. Иссу встала и повернулась, чтобы уйти через другую дверь.

Но сначала, оглянувшись на меня, она сказала:

– Ты пока что отправишься на Шадор. А потом Иссу посмотрит, как ты умеешь сражаться. Иди!

С этими словами она исчезла вместе со своей свитой. Лишь Файдор задержалась и, когда я уже двинулся следом за стражами по направлению к садам, вдруг подбежала ко мне.

– Ох нет, не оставляй меня в этом ужасном месте! – взмолилась она. – Прости мне все то, что я тебе наговорила, мой принц! Я ничего такого не имела в виду. Только возьми меня с собой! Позволь мне разделить твоё заключение на Шадоре! – Её сбивчивая речь не поспевала за потоком мыслей. – Ты ведь просто не понял чести, оказанной тебе. У фернов нет брака, женитьбы, как у низших существ из внешнего мира. Мы можем просто жить вместе в любви и счастье. Мы оба увидели Иссу и через год умрем. Так давай проведем этот год вдвоем, и пусть нам достанется хоть капля радости!

– Мне действительно было трудно понять тебя, Файдор, – ответил я, – как и тебе чужды мотивы, обычаи и законы общества, которыми я руководствуюсь. Я вовсе не желаю тебя обижать, и дело не в том, что я не оценил дарованной мне чести, просто исполнить твои желания невозможно. Невзирая на глупые убеждения людей из внешнего мира, или священных фернов, или чернокожих перворожденных, я еще не записал себя в мертвецы, и, пока я жив, мое сердце бьется ради одной женщины – несравненной Деи Торис, принцессы Гелиума. Когда же придет смерть, мое сердце перестанет биться, но дальнейшее мне неизвестно. И в этом я так же мудр, как Матаи Шанг, властелин жизни и смерти на Барсуме, или Иссу, богиня Вечной жизни.

Файдор секунду-другую пристально всматривалась в меня. Но на этот раз в ее глазах я не увидел гнева, лишь жалкое выражение безнадежной печали.

– Я не понимаю, – сказала она и, повернувшись, медленно пошла к двери, за которой исчезли Иссу и ее прислужницы. И через мгновение скрылась с моих глаз.

Х

Тюремный остров Шадор

Снаружи, в саду, куда вывел меня страж, я нашел Ксодара, окруженного толпой чернокожей знати. Они оскорбляли и проклинали его. Мужчины били его по лицу. Женщины плевали в него.

Когда я подошел, перворожденные тут же переключили свое внимание на меня.

– А! – воскликнул кто-то. – Так это и есть существо, которое голыми руками справилось с великим Ксодаром? Ну-ка, посмотрим, как он это сделал!

– Пусть он схватится с Туридом! – со смехом предложила какая-то красавица. – Турид – благородный датор. Пусть он покажет этому псу, как сражается настоящий мужчина!

– Да! Турид, Турид! – прозвучал сразу десяток голосов.

– Он тут! – крикнул кто-то, и я, оглянувшись, увидел огромного чернокожего, увешанного драгоценными украшениями и оружием; он шел к нам.

– В чем дело? – громко спросил он. – Что вам нужно от Турида?

Несколько человек быстро объяснили ему суть дела.

Турид повернулся к Ксодару, его глаза от презрения превратились в щелки.

– Жалкий калот! – прошипел он. – Я всегда думал, что в твоей гнилой груди бьется сердце домашнего сорака. Ты не раз брал надо мной верх на тайных советах Иссу, но на поле боя, где ценится мужская доблесть, твоя подлая натура проявилась сполна. Калот, да я тебя одним пинком одолею!

И с этими словами он собрался пнуть Ксодара.

Кровь во мне вскипела. Меня охватила ненависть к этим трусам, которые готовы были растоптать некогда могущественного соплеменника просто потому, что он лишился милости Иссу. Мне не нравился Ксодар, но я не мог вынести подобного зрелища – ведь я видел несправедливость и гонение; перед моими глазами поплыл красный туман, я подчинился влиянию импульса и сделал то, чего никогда не стал бы делать по зрелом размышлении.

Я был рядом с Ксодаром, когда Турид занес ногу для трусливого пинка. Униженный датор стоял прямо и неподвижно, как статуя. Он с истинно мужским достоинством готовился принять любые насмешки и оскорбления, которыми осыпали его бывшие товарищи.

Но как только Турид шевельнулся, я немедленно двинул его ногой по бедру, и весьма болезненно. Этот удар спас Ксодара от дополнительного позора.

Настала гробовая тишина, а потом Турид с ревом прыгнул на меня, пытаясь добраться до моего горла; то же самое в свое время сделал и Ксодар на палубе корабля. И результат был точно таким же. Я поднырнул под протянутые вперед руки, а когда противник пролетал мимо меня, изо всех сил врезал ему в челюсть сбоку.

Огромный чернокожий крутнулся, как волчок, колени его

подогнулись, и он рухнул на землю у моих ног.

Перворожденные, окружавшие нас, изумленно вытаращили глаза; они переводили взгляды с горделивого датора, лежавшего на дорожке в рубиновой пыли, на меня, словно не могли поверить в происходящее.

– Вы хотели посмотреть, как я свяжу Турида? – воскликнул я. – Ну так смотрите!

И я наклонился над распростертым в пыли телом и, сняв с него ремни с украшениями, надежно скрутил парню руки и ноги.

– Теперь можете сделать с Туридом то же, что и с Ксодаром. Отведите его к Иссу, прямо так, связанного его же портупей, и пусть она своими глазами увидит, что среди вас появился боец, который превосходит перворожденных.

– Да кто ты такой? – прошептала женщина, предложившая затеять схватку между мной и Туридом.

– Я житель двух миров, капитан Джон Картер из Виргинии, принц дома Тардоса Морса, джедака Гелиума. Отведите же этого воина к вашей богине и заодно скажите ей: точно так же, как с Ксодаром и Туридом, я могу поступить с самым могучим из ее даторов. Я вызываю цвет ее воинства на битву и буду сражаться либо голыми руками, либо длинным мечом, либо коротким, все равно.

– Идем, – сказал мне офицер, который должен был сопровождать меня на остров Шадор. – Я получил приказ, его надо выполнить. Ксодар, и ты тоже пойдешь.

Тон конвоира изменился, в нем больше не звучало презрение, когда он обращался к Ксодару или ко мне. Ясно было, что эта перемена произошла после того, как я с легкостью свалил с ног могучего Турида.

То, что офицер проявлял ко мне больше уважения, чем положено по отношению к рабу, было вполне очевидно: на протяжении всего пути он всегда шел или стоял позади меня, держа в руке короткий меч.

Возвращение к морю Омин не было богато событиями. Мы спустились на лифте по той же жуткой шахте, по которой поднялись сюда. Потом сели в подводную лодку, проплыли по длинному тоннелю под поверхностью Барсума и совершили подъем к верхнему миру, попав в тот же бассейн, с которого началось наше путешествие.

Потом нас посадили на небольшой воздушный крейсер и привезли на остров Шадор. Здесь мы обнаружили маленькую каменную тюрьму, охраняемую полудюжиной черных воинов. Без особых церемоний произошло и заключение в темницу. Один из чернокожих отпер замок огромным ключом, мы вошли внутрь, дверь за нами закрылась, проскрежетал засов, и вместе с этим звуком на меня навалилось ужасное чувство безнадежности. Подобное ощущение охватило меня когда-то в зале Тайны – в Золотых утесах, под садами священных

фернов.

Но тогда со мной был Тарс Таркас, а теперь я остался без друзей. Я принялся гадать о судьбе огромного таркианина и его прекрасной спутницы Тувии. Если даже они каким-то чудом спаслись и очутились среди дружелюбно настроенных барсумиан, разве мог я надеяться на их помощь? Хотя, конечно, они с радостью выручили бы меня, если бы это было в их силах.

Однако им бы и в голову не пришло искать меня здесь. Никто на всем Барсуме даже вообразить не мог подобного места. Да если бы мои друзья и знали, что со мной случилось и куда я попал, и решились на поход, разве перебрались бы они через тайное море, охраняемое могучим военно-воздушным флотом перворожденных? Нет, мое положение было абсолютно безнадежным.

Ну, значит, нужно либо смириться, либо действовать. И потому я отбросил бессмысленное отчаяние, уже готовое поглотить меня. Чтобы как следует изучить свою тюрьму, я начал осматриваться.

Ксодар сидел, склонив голову, на низкой каменной скамье почти в центре комнаты, куда нас втолкнули. Он не произнес ни слова с тех пор, как Исса разжаловала его.

Здание, где мы находились, было без крыши, его стены поднимались на высоту примерно в тридцать футов. Где-то посредине имелись маленькие окошки, забранные толстыми решетками. Вся тюрьма делилась на несколько помещений перегородками высотой в двадцать футов. В нашей комнате не было никого, кроме нас. Я заглянул через открытую дверь, ведущую в соседнюю камеру, и увидел, что она пуста. Далее я прошел еще через несколько помещений и наконец в последнем обнаружил молодого краснокожего юношу, который спал на каменной скамье, – такие скамьи составляли всю обстановку каждой камеры.

Видимо, юноша был тут единственным заключенным. Его лицо показалось мне смутно знакомым, но я не смог его узнать.

Молодой узник отличался правильными чертами лица и прекрасным телосложением. Его кожа была светлее, чем у большинства красных марсиан, но во всех других отношениях он являлся типичным представителем этой замечательной расы.

Я не стал его будить, потому что сон в тюрьме – это бесценный дар. Мне приходилось видеть, как люди превращались в бешеных зверей, если сокамерники лишали их пары минут счастливого забвения.

Вернувшись в свою камеру, я нашел Ксодара сидевшим на скамье в той же позе, в какой я его оставил.

– Приятель! – воскликнул я. – Никакой пользы нет в том, чтобы вот так хандрить. Как нет и бесчестья в том, что тебя победил Джон Картер. Ты же видел, с какой легкостью я справился с Туридом, а еще раньше

одолеет троих твоих товарищей на палубе крейсера.

– Лучше бы ты и меня тогда сбросил за борт, – ответил он.

– Да будет тебе, будет! – откликнулся я. – Надежда не потеряна. Мы оба живы. Мы оба отличные бойцы. Так почему бы не завоевать свободу?

Он изумленно посмотрел на меня.

– Ты просто не понимаешь, что говоришь! – сказал он. – Иссу всемогуща. Исса всезнающа. Она и сейчас слышит твои слова. Она знает твои мысли. И это просто святотатство – думать о том, что можно послушаться ее приказа.

– Чушь все это, Ксодар! – в нетерпении вскрикнул я.

Он в ужасе вскочил на ноги.

– Проклятие Иссе падет на тебя! – закричал он. – Еще мгновение, и ты будешь сражен, будешь корчиться в чудовищной агонии!

– Ты действительно в это веришь, Ксодар? – спросил я.

– Разумеется; кто бы посмел усомниться?

– Я сомневаюсь, и более того – я все это отрицаю, – возразил я. – Помилуй, Ксодар, ты утверждаешь, что она знает, о чем я думаю. Но красные марсиане многие века обладают таким умением. И еще одной удивительной способностью: делать свое сознание непроницаемым, чтобы никто не смог прочесть их мысли. Первому я научился много лет назад; второе искусство я так и не освоил, потому что на всем Барсуме не нашлось никого, кто мог бы заглянуть в потайные уголки моего мозга. Ваша богиня не может читать мои мысли; она и твоих не прочтет, если ты не стоишь прямо перед ней, разве что ты сам этого захочешь. Если она такая проницательная, то, боюсь, ее гордость пострадала весьма основательно, когда мне было приказано лицезреть ее во всей божественной красе.

– Что ты имеешь в виду? – испуганно прошептал Ксодар так тихо, что я едва его расслышал.

– Я имею в виду, что считал ее самым мерзким существом, которое когда-либо видели мои глаза.

С секунду он смотрел на меня в молчаливом ужасе, а потом с криком «Богохульство!» бросился в атаку.

Мне не хотелось снова бить его, тем более без необходимости, он ведь был безоружен и потому совершенно безопасен для меня.

Поэтому я просто схватил его за левое запястье левой рукой, когда он подскочил вплотную, и, сжав правой его левое плечо, локтем толкнул его под подбородок и швырнул назад через свое бедро.

Он беспомощно завис на мгновение, тараща на меня в бессильной ярости.

– Ксодар, – заговорил я, – давай лучше будем друзьями. Может быть,

нам целый год придется прожить рядом вот в этой тесной комнатухе. Мне очень жаль, если я тебя обидел, но мне и в голову не пришло, что человек, пострадавший от столь жестокой несправедливости Иссу, продолжает верить в ее божественность. Я еще несколько слов скажу, Ксодар, хотя мне и не хочется ранить твои чувства. Ты мог бы подумать о том, что, пока человек жив, он сам решает свою судьбу, и боги тут ни при чем. Как видишь, Иссу не поразила меня смертью и не спасла своего преданного Ксодара из когтей богохульника, усомнившегося в ее небесной красоте. Нет, Ксодар, твоя Иссу – просто старая смертная женщина. Как только ты оказываешься вдаль, она ничего не может тебе сделать. А теперь поразмысли вот о чем. Ты отлично знаешь эту удивительную страну, а я знаю мир внешний, и два таких воина, как ты и я, вполне могли бы пробить себе путь на свободу. Лучше погибнуть при попытке бегства, чем жить в неизбывном страхе перед жестокой и несправедливой тираншей – называй ее хоть богиней, хоть смертной, как пожелаешь.

Умолкнув, я отпустил Ксодара. Он не попытался снова ринуться на меня, но хранил молчание. Затем подошел к скамье и, сев на нее, на многие часы погрузился в глубокие размышления.

Прошло довольно много времени. Внезапно я услышал какой-то тихий звук со стороны двери, что вела в другие помещения, и, оглянувшись, увидел молодого красного марсианина, внимательно смотревшего на нас.

– Каор! – произнес я приветствие красного народа.

– Каор, – ответил тот. – Вы что тут делаете?

– Полагаю, я жду своей смерти, – с улыбкой ответил я.

Юноша тоже улыбнулся, храбро и даже победоносно.

– Я тоже, – сказал он. – И конец мой близок. Я узрел сияющую красоту Иссу около года назад и не перестаю удивляться, как мне удалось остаться в живых при виде этого чудовища. А ее живот! Клянусь моим первым предком, никогда в целом мире не видели столь уродливой фигуры. Не понимаю, как такое жуткое существо могут называть богиней Вечной жизни, богиней Смерти, дочерью Младшей луны и еще полусотней столь же нелепых титулов.

– А как ты сюда попал? – спросил я.

– Да очень просто. Я летел на одноместном челноке-разведчике на юг, и мне на ум пришла блестящая идея – поискать затерянное море Корус, которое, по легендам, расположено у Южного полюса. Должно быть, от отца я унаследовал жажду приключений, а заодно и пустоту в том месте, где следует быть благоговению. Над вечными льдами мой левый пропеллер забарахлил, и я сел на землю, чтобы починить его. Однако не успел я опомниться, как воздух потемнел от множества кораблей, и

сотня этих черных дьяволов, перворожденных, высадились на лед и бросилась на меня с мечами. Но прежде чем они меня одолели, многие из них испробовали остроту отцовского меча. Отец был бы доволен мной, если бы мог видеть все это.

– Твой отец умер? – спросил я.

– Да, еще до того, как лопнула скорлупа моего яйца, позволяя мне выйти в этот добрый мир. Если не считать грусти оттого, что я не знал своего отца, я был очень счастлив. И теперь меня терзает одна печаль: моя мать, должно быть, оплакивает меня, как долгие десять лет оплакивала моего отца.

– А кем был твой отец?

Молодой человек уже собрался ответить, как вдруг наружная дверь нашей тюрьмы открылась, вошел здоровенный стражник, приказал юноше вернуться на ночь в свою камеру и запер дверь за ним на замок.

– Иссу пожелала, чтобы вы двое оставались в одной камере, – сказал он, вернувшись к нам. – И этот трусливый раб рабов должен хорошо тебе служить, – обратился он ко мне, махнув рукой в сторону Ксодара. – А если он этого делать не будет, ты должен заставить его повиноваться. Это желание Иссу – чтобы ты унижал и оскорблял его как можно сильнее.

С этими словами он нас оставил.

Ксодар сидел неподвижно, закрыв лицо ладонями. Я подошел к нему и положил руку на его плечо.

– Ксодар, – заговорил я, – ты сам слышал приказы Иссу, но тебе незачем бояться, я не буду их исполнять. Ты храбрый человек, Ксодар. Хочешь, чтобы тебя унижали, пусть так и будет, но на твоём месте я бы решил утвердить свое мужское достоинство и воспротивился врагам.

– Я очень долго размышлял, Джон Картер, – произнес он в ответ, – о тех странных идеях, которые ты изложил несколько часов назад. И понемногу я проник в смысл сказанного тобой, хотя поначалу мне все это показалось богохульством. Несмотря на то что мне многое довелось увидеть в своей жизни, я никогда и думать не смел о подобном, страшась гнева Иссу. Но теперь я уверен в том, что она обманщица; в ней не больше божественного, чем в тебе или во мне. Я даже допускаю, что перворожденные не более священны, чем священные ферны, а те не выше краснокожих марсиан... Вся система нашей религии выстроена на убеждении... нет, на вере в ложь, которую нам подсовывали в течение веков те, кто занимает высокое положение, ведь правителям очень выгодно, чтобы мы продолжали курить им фимиам. И я готов сбросить оковы и отвергнуть Иссу, но что в том проку? Будь

перворожденные богами или смертными, они все равно могучая раса, а мы, их пленники, все равно что мертвы. Выхода нет.

– Знаешь, друг мой, мне в прошлом приходилось выкручиваться из передрыг и похуже, – сказал я, – и, пока во мне теплится жизнь, я не отчаиваюсь и буду искать путь с острова Шадор к берегам Омина.

– Но мы даже из стен тюрьмы не можем выйти, – стоял на своем Ксодар. – Ты только пощупай эту поверхность – она как кремьень! –

воскликнул он, стуча по сплошному камню, окружавшему нас. – И посмотри, какая она гладкая, по ней не взберешься наверх!

Я улыбнулся:

– Это как раз не проблема, Ксодар. Обещаю, что вскарабкаюсь по стене и тебя прихвачу с собой, если станешь моим проводником. Скажи лучше, когда подходящее время для побега, и покажи дорогу к той шахте, что выводит из-под купола этого бездонного мира на свет божий.

– Лучше бежать ночью, тогда есть шанс на удачу, потому что стража спит, лишь несколько человек стоят на вахте на мостиках боевых кораблей. На крейсерах и лодках охраны нет. За ними присматривают те, кто сторожит крупные суда. Между прочим, ночь уже наступила.

– Но, – возразил я, – сейчас не темно! Какая же может быть ночь?

Ксодар усмехнулся.

– Ты забыл, – сказал он, – что мы находимся глубоко под землей. Солнечный свет никогда не проникает сюда. Ни луны, ни звезды не отражаются в Омине. А фосфоресцирующее мерцание, которое ты сейчас видишь, исходит от огромных подземных сводов над нашим миром постоянно, точно так же как по этому морю вечно катятся волны – бегут и бегут, хотя ветра здесь нет. Когда наверху наступает ночь, стражи сменяются, часть из них отправляется спать, но свет здесь всегда одинаков.

– Это может создать для нас трудности при побеге, – заметил я, но потом пожал плечами; и в самом деле, что за удовольствие братья за легкую задачу?

– Давай-ка выспимся как следует, – предложил Ксодар. – А утром, возможно, созреет план.

И мы улеглись на твердый каменный пол нашей темницы и заснули крепким сном усталых мужчин.

XI

Когда ад вырывается на свободу

На следующее утро мы с Ксодаром принялись разрабатывать план побега. Прежде всего я набросал на каменном полу нашей камеры как можно более точную карту окрестностей Южного полюса, используя довольно примитивные инструменты: пряжку моего ремня и острую грань изумительного драгоценного камня, который я забрал у Сатора Трога.

С их помощью я определил направление к Гелиуму и расстояние, на котором он находился от тоннеля, ведущего к Омину.

Потом я предложил Ксодару начертить карту Омина, обозначив на ней остров Шадор и отверстие в куполе, что выводило во внешний мир.

Все это я внимательно изучал, пока планы не отпечатались намертво в моей памяти. От Ксодара я узнал об обязанностях стражей острова и об их привычках. Похоже, во время их бодрствования на посту находился только один человек. Он совершал обход тюрьмы на расстоянии примерно в сотню футов от ее стен.

Стражи ходили очень медленно, сказал Ксодар, и им требовалось почти десять минут, чтобы сделать полный круг. Это значило, что практически пять минут каждая из сторон тюрьмы оставалась без присмотра.

– Но все это, – заметил Ксодар, – будет весьма важным лишь ПОСЛЕ того, как мы выберемся наружу, а ты и не заикнулся насчет того, что нам необходимо в первую очередь.

– Мы выберемся, не беспокойся, – усмехнулся я. – Положись на меня.

– И когда мы попытаемся? – спросил он.

– В первую же ночь, когда какое-нибудь небольшое судно пришвартуется у берега Шадора, – ответил я.

– Но откуда ты узнаешь, что такое судно здесь появилось? Окна слишком высоко, нам до них не дотянуться.

– Не так уж это сложно, друг мой Ксодар. Смотри!

Резко подпрыгнув и ухватившись за решетку окна напротив нас, я быстро окинул взглядом окрестности.

В сотне ярдов от берега Шадора стояли несколько малых судов и два больших военных корабля.

«Сегодня», – подумал я и только хотел сообщить об этом Ксодару, как дверь нашей камеры распахнулась и вошел страж.

Если бы этот тип успел заметить мой прыжок, наши шансы на побег растаяли бы мгновенно. Я знал: меня сразу закуют в цепи, если кто-то

узнает, какие возможности дает мне на Марсе сила земных мышц.

Вошедший страж стоял лицом к центру камеры, спиной ко мне. В пяти футах надо мной был верхний край перегородки, отделявшей нашу камеру от соседней.

У меня оставался единственный шанс избежать провала. Если страж обернется, все пропало; я не мог спрыгнуть на пол незаметно, потому что верзила находился слишком близко, я бы неминуемо его задел.

– А где белый раб? – резко спросил стражник Ксодара. – Иссу требует его к себе.

Он уже начал поворачиваться, чтобы оглядеть камеру.

Я полез вверх, цепляясь за оконную решетку, и наконец, опершись одной ногой на подоконник, тут же прыгнул к перегородке.

– Это еще что такое? – раздался низкий голос чернокожего.

Тот услышал, как мои металлические украшения чиркнули по каменной стене, когда я соскальзывал вниз. Но я уже стоял на полу соседней камеры.

– Где белый раб? – снова крикнул охранник.

– Не знаю, – ответил Ксодар. – Только что был здесь. Я ему не сторож... сам его ищи.

Черный верзила проворчал что-то невнятное, а потом я услышал, как он отпирает камеру, расположенную напротив. Насторожившись, я уловил звук закрывшейся за ним двери. И тут же снова вспрыгнул на верх перегородки и очутился рядом с изумленным Ксодаром.

– Теперь ты понимаешь, как мы сбежим? – шепотом спросил его я.

– Я вижу, что ты сумеешь это сделать, – ответил он, – но мне-то как перебраться через стены? Ведь я не умею так прыгать.

Мы слышали, как страж переходил от камеры к камере, и наконец, завершив обход, он снова появился перед нами.

– Ох, во имя скорлупы моего первого предка! – проревел он. – Ты где был?

– Я был в этой тюрьме с того момента, как вы вчера меня сюда сунули, – ответил я. – И сидел тут, когда ты вошел. Тебе бы надо зрение проверить.

Он уставился на меня с гневом и одновременно с облегчением.

– Пошли, – сказал он. – Иссу желает тебя видеть.

Он вывел меня из тюрьмы, оставив Ксодара в камере. Снаружи я увидел еще нескольких стражей, а с ними и краснокожего марсианина, другого узника на Шадоре.

Мы проделали обратный путь к храму Иссу. Стражи держали юношу и меня подальше друг от друга, так что у нас не было возможности продолжить разговор, прерванный накануне ночью.

Лицо краснокожего юноши не давало мне покоя. Где-то я видел его

прежде. В его чертах было нечто до странности знакомое, да и остальное – манера держаться, говорить, жестикулировать – кого-то напоминало. Я бы мог поклясться, что знал его, но в то же время был уверен, что никогда не встречался с ним раньше.

Когда мы добрались до сада Иссу, нас повели не к храму, а прочь от него, через чудесные сады к могучей стене, устремлявшейся ввысь на сотню футов.

Через огромные ворота мы вышли на небольшую равнину, окаймленную таким же величественным лесом, как тот, что рос у подножия Золотых утесов.

Толпы чернокожих текли в ту же сторону, куда подгонял нас конвой, и вместе с ними топали мои старые приятели – травяные люди и большие белые обезьяны.

Свирепые твари вели себя смирно, как домашние собачки. Если они подворачивались кому-то под ноги, их грубо толкали или колотили мечами плашмя – и монстры шарахались в ужасе.

В дальнем конце равнины, примерно в полумиле от стены сада, возвышался огромный амфитеатр. Через массивную арку потоки людей вливались внутрь, и зрители рассаживались на скамьях, а нас стражи повели к небольшому крайнему входу.

Вскоре мы уже теснились в помещении под трибунами вместе с другими пленниками, пригнанными сюда. Некоторые из них были закованы в кандалы, но большинство явно слишком боялись охраны, чтобы думать о попытке бегства.

По дороге нам с товарищем по заключению не давали поговорить, но теперь, в замкнутом пространстве, наши стражи отвлеклись от своих обязанностей, и я сумел подойти к краснокожему юноше, к которому чувствовал странную симпатию.

– Что это за сборище? – спросил я его. – Нам придется сражаться для развлечения перворожденных или нас ждет кое-что похуже?

– Это часть ежемесячных ритуалов Иссу, – ответил юноша. – В это время черные люди смывают свои грехи кровью пленных из внешнего мира. Случайная гибель черного воина свидетельствует о его неверности Иссу... а это непростительный грех. Если же он уцелеет в схватке, то освобождается от обвинения. Бои бывают самыми разными. Иногда группу пленных заставляют биться против равного количества черных или против двойного их числа; мы можем сражаться и один на один со свирепой тварью или каким-нибудь прославленным черным бойцом.

– А если узник победит, – спросил я, – тогда что? Свобода?

Юноша засмеялся:

– Да уж, свобода! Единственное освобождение для нас – смерть. Если

очутился в лапах перворожденных, живым не уйдешь. Покажешь себя хорошим воином, будешь сражаться чаще. Ну а в противном случае... – Он пожал плечами. – Рано или поздно мы погибаем на арене.

– А ты уже много раз сражался? – поинтересовался я.

– Слишком много. Но мне это только в радость. За год участия в ритуалах Иссу я насчитал уже около сотни черных дьяволов... Моя мать гордилась бы мной, если бы знала, что я не посрамил славы моего отца.

– Твой отец, должно быть, был могучим воином! – сказал я. – Я знал в свое время большинство воинов Барсума – без сомнения, слышал и о нем. Как его звали?

– Моим отцом был...

– Двигайтесь, калоты! – раздался грубый голос стража. – Вперед, пусть вас там перережут!

И нас начали бесцеремонно выталкивать на крутой пандус, что вел к каким-то помещениям внизу. Видимо, там находился выход на арену.

Амфитеатр, как и все те, что я видел на Барсуме, был построен в глубокой котловине. Лишь верхние ряды сидений, образовавших невысокую стену, поднимались над уровнем земли. Сама арена располагалась на дне.

Перед нижними скамьями на одном уровне с ареной стояли клетки. Туда нас и загнали. Но к несчастью, мой юный друг оказался не рядом со мной.

Прямо напротив моей клетки стоял трон Иссу. Жуткая старуха уже сидела там, ее обступила сотня рабынь, сверкавших драгоценными украшениями. Яркая тонкая многоцветная ткань со странным рисунком образовывала мягкий балдахин вокруг тронного пьедестала.

Трон охраняли три плотно сомкнутых ряда тяжеловооруженных солдат. Перед ними расположились высшие чины этого поддельного рая – сияющие украшениями чернокожие, и на лбу каждого в золотом обруче красовался драгоценный знак его ранга.

К тому времени трибуны сплошь заполнились зрителями. Женщин здесь было не меньше, чем мужчин, и все щеголяли драгоценными символами своих домов и родовитости. При каждом чернокожем состояло от одного до трех рабов, взятых либо из владений фернов, либо из внешнего мира. Черные мнили себя знатью. Среди перворожденных вообще не было простолюдинов. Даже самый последний солдат считался богом, и у него тоже были свои рабы, ожидавшие, когда он освободится от своих обязанностей.

Перворожденные не знают труда. Мужчины воюют; это их священная привилегия и долг – сражаться и умереть за Иссу. Женщины вообще ничего не делают. Рабы их моют, рабы их одевают, рабы их кормят. У некоторых даже есть рабы, которые говорят за них. Я обратил внимание

на даму, сидевшую во время всего ритуала с закрытыми глазами, а рабыня ей рассказывала, что именно происходит на арене.

Первым событием дня было жертвоприношение богине Иссу. Оно означало смерть тех несчастных, которые увидели ее божественную красоту ровно год назад. Таких оказалось десять – изумительные красавицы из гордых приближенных могучих джедаков и из храмов священных фернов. Они служили в свите Иссу целый год. Сегодня они заплатят своей жизнью за эту неслыханную привилегию, завтра их должны были подать к столу придворных.

Огромный чернокожий вышел на арену вместе с молодыми женщинами. Он тщательно осмотрел их, ощупал их руки и ноги, потыкал в ребра. Наконец он выбрал одну и подвел ее к трону Иссу. Он сказал богине несколько слов, которых я не расслышал. Иссу кивнула. Черный вскинул руки над головой, как в салюте, схватил девушку за запястье и утащил ее с арены через маленькую дверь под тронном.

– Иссу отлично поужинает сегодня, – сказал пленник рядом со мной.

– О чем это ты? – спросил я.

– Это был ее ужин, который старина Табис поволок на кухню. Не заметил разве, как он выбирал самую пухленькую и нежную?

Я не удержался от проклятий чудовищу, сидевшему напротив нас на великолепном троне.

– Не кипятись, – посоветовал мой сосед. – Увидишь кое-что и похуже, если проведешь хоть месяц среди перворожденных.

Я снова повернулся к арене, и как раз вовремя. Дверь ближайшей клетки распахнулась, и из нее выпрыгнули три огромные белые обезьяны. Девушки испуганно сбились в кучку в центре арены.

Одна даже упала на колени и умоляюще протянула руки к Иссу, но чудовищное божество лишь сильнее наклонилось вперед в явном предвкушении интересного зрелища. А обезьяны уже заметили перепуганных девушек и с дьявольским визгом и звериным бешенством ринулись к ним.

Меня охватила ярость. Трусливая жестокость упивавшегося властью существа, чей злобный ум наслаждался столь страшными пытками, возмутила меня до глубины души. Кровавый туман, означавший смерть для моих врагов, поплыл перед моими глазами.

Страж лениво вышагивал перед незапертой дверью клетки, в которой я находился. Да и в самом деле, какая может быть нужда в запорах, ведь несчастным некуда деваться, разве что бежать туда, где их ждет неумолимая смерть по приговору божества!

Один-единственный удар отправил чернокожего в нокаут. Схватив его длинный меч, я выпрыгнул на посыпанную соломой арену. Обезьяны уже почти добрались до своих жертв, но сила моих земных мышц

позволила мне легко опередить их.

В огромном амфитеатре воцарилась тишина, а потом слышались громкие крики из клеток. Мой меч носился в воздухе, и огромные твари падали, обезглавленные, к ногам девушек, не помнивших себя от ужаса.

На меня бросились другие обезьяны, и, когда я обернулся к ним лицом, зрители наконец ответили мрачным гулом на радостные возгласы пленников. Краем глаза я заметил, как десятка два стражей помчались по песку в мою сторону. А потом за их спинами кто-то выскочил из клетки. Это был тот самый юноша, который так меня заинтересовал.

Мой меч носился в воздухе

Он на секунду остановился, высоко держа над собой меч.

– Ну же, люди внешнего мира! – закричал он. – Давайте лучше погибнем достойной смертью и вместе с этим неведомым воином превратим жертвоприношение богине Иссе в оргию мести, о которой будут говорить веками. Пусть черные шкуры бледнеют каждый раз, когда им захочется повторить свой мерзкий обряд! Вперед! На стойках рядом с клетками полно оружия!

И, не ожидая отклика на свой призыв, он ринулся мне на помощь. Из всех клеток, где сидели красные марсиане, тут же раздался оглушительный рев.

Охранники тут же пали под напором толпы, клетки изрыгнули пленников, горевших жадой убийства.

Со стоек с оружием мечи расхватили в один момент, и вооруженные узники готовы были вступить в неизбежную битву; множество решительных воинов спешили нам навстречу.

Огромные обезьяны, достигавшие пятнадцати футов в высоту, были перебиты. Черные стражи бежали ко мне, а за ними гнался краснокожий юноша. За моей спиной жались друг к дружке юные девушки, и я, ввязавшись в драку именно из-за них, оставался на месте, полный решимости дорого отдать свою жизнь, чтобы об этом долго помнили в землях перворожденных.

Я отметил изумительную скорость, с какой мчался юноша. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы марсиане бегали так быстро. Его прыжки были не намного короче моих, а ведь именно крепость земных

мышц поразила и восхитила зеленых барсумиан в тот давно минувший день, когда началось мое первое приключение на Марсе.

Стражи почти уже добрались до меня, но тут юноша напал на них с тыла, а когда они обернулись, видимо решив, что их яростно атакует не меньше дюжины врагов, я тоже бросился в атаку.

В последовавшей за этим короткой схватке я мог видеть лишь непосредственных противников, но время от времени улавливал стремительное движение меча и легкую пружинистую фигуру юноши, и это наполняло мое сердце странной тоской и непонятной гордостью.

На красивом лице молодого марсианина играла мрачная улыбка, и он даже поддразнивал своих недругов. В общем, его манера сражаться весьма напоминала мою собственную.

Возможно, именно это смутное сходство породило во мне любовь к юноше, а тот ужасный хаос, который творил его меч во вражеских рядах, внушал мне искреннее уважение к молодому бойцу.

Я со своей стороны дрался так же, как тысячи раз до этого, – то нанося удар сбоку, то уходя от чужого меча, то стремительно прыгая вперед, чтобы вонзить острие в сердце противника, пока тот не рубанул своим клинком по моему горлу.

Мы оба здорово повеселились, пока арену не заполнила личная стража Иссу. Чернокожие выскочили отовсюду с яростными воплями и окружили вооруженных пленников.

В течение получаса здесь воистину разверзся ад. Сражающиеся перемешались, словно завывающие, изрыгающие проклятия, залитые кровью демоны, и все это время меч краснокожего юноши сверкал рядом со мной.

Медленно, не раз и не два повторив приказы, я наконец сумел построить пленников в примитивный боевой порядок, и мы образовали круг, в центре которого находились обреченные на гибель девицы.

Участники битвы понесли потери с обеих сторон, однако ряды солдат Иссу заметно поредели. Я видел, как по зрительским трибунам побежали посланцы, и, когда они добирались до вельмож, те обнажали мечи и спрыгивали на арену. Первороджденные намеревались задавить нас количеством, это было совершенно очевидно.

Я заметил, как Иссу наклонялась все сильнее вперед на своем троне, ее уродливое лицо исказилось ужасной гримасой ненависти и ярости, но мне показалось, что в ее глазах светится страх. И именно выражение ее лица вдохновило меня на дальнейшие действия.

Я быстро приказал пятидесяти пленникам немного отступить назад и образовать новый круг возле девушек.

– Держитесь, защищайте их, пока я не вернусь! – крикнул я.

А потом, повернувшись к тем, кто стоял на внешней линии обороны, я

воскликнул:

– За мной, покончим с Иссу! К трону! Мы отомстим тому, кто достоин мести!

Юноша рядом со мной первым подхватил клич:

– К трону! Покончим с Иссу!

И остальные поддерживали призыв, со всех сторон слышались хриплые голоса:

– К трону! К трону!

Мы в едином порыве ринулись к гигантскому трону марсианского божества всей массой, как несется лавина, через тела мертвых и умирающих. Толпы храбрейших воинов перворожденных бросились со зрительских трибун, чтобы остановить нас. Но мы смахнули их со своего пути, как бумажных человечков.

– Вы – обходите с двух сторон! – крикнул я, подбегая к стенке, ограждающей арену. – А десять человек доберутся до трона.

Я ведь видел, что бо́льшая часть личной охраны Иссу ввязалась в схватку на арене.

Пленники разделились, справа и слева перепрыгивая через низкую ограду и рубя тех, кто пытался загородить им дорогу.

Еще миг, и весь амфитеатр наполнился воплями и визгом умирающих и раненых, звоном мечей и победоносными криками одержавших победу.

Бок о бок с краснокожим юношей я вместе с дюжиной других пленников пробивал дорогу к подножию трона. Оставшиеся стражи, которых поддерживали высшие сановники перворожденных, встали между нами и Иссу, которая все так же сидела, наклонившись вперед, на своей резной скамье из древесины сорапуса, но теперь она визгливо выкрикивала приказы свите и оглушительные проклятия тем, кто пытался осквернить ее божественность.

Перепуганные рабыни вокруг нее дрожали и непонимающе таращили глаза, не зная, молиться ли им за нашу победу или за наше поражение. Однако несколько женщин, явно дочери благородных воинов Барсума, подхватили мечи, выпавшие из рук поверженных стражей Иссу, и напали на оставшихся, но храбрых воительниц вскоре убили. Право, их подвиг был достоин святых мучениц.

Мужчины рядом с нами сражались отлично, однако с тех пор, как мы с Тарсом Таркасом плечом к плечу бились против орд Вархуна на дне мертвого моря, я не видел, чтобы двое воинов дрались столь слаженно и яростно, как я и молодой марсианин перед тронном Иссу, богини Смерти и Вечной жизни.

Под нашим напором падали один за другим те, кто стоял между нами и резной скамьей. Бреши заполняли новые противники, но дюйм за

дюймо́м, фут за футом мы пробивались все ближе и ближе к нашей цели.

А потом с ближайшей трибуны вдруг раздался крик: «Рабыни, восставайте! Рабыни, восставайте!» Его подхватили другие голоса, и эти слова пронеслись по всему амфитеатру.

На одно мгновение, словно по соглашению, мы прекратили бой, чтобы оглянуться и понять, что это значит, – но нам и секунды не понадобилось, чтобы осознать все значение призыва. Повсюду рабыни разом бросились на своих хозяев, вооружившись тем, что подвернулось под руку. Кинжалы, выхваченные у собственных хозяек, взлетели в воздух, их блестящие лезвия окрасились кровью; мечи были выдернуты из тел убитых; тяжелые металлические украшения превратились в кастеты... все пошло в ход, и слабые женщины мстили как могли, желая хотя бы отчасти отплатить за невыразимую грубость и унижения, которыми терзали их чернокожие ведьмы. А те, кто не нашел оружия, воспользовались собственными острыми ногтями и крепкими зубами.

Это было зрелище, которое могло заставить одновременно и содрогнуться, и развеселиться, но через миг мы вернулись к битве, слыша неумолкающий призыв отчаянных женщин: «Рабыни, восставайте!...»

Теперь между нами и Иссу оставался лишь жалкий ряд воинов. Ее лицо посинело от ужаса. На губах выступила пена. Она, казалось, была просто парализована страхом и не могла двигаться. Но мы с юношей пробивались вперед одни. Остальные пали, и я тоже едва не погиб от удара длинного меча, если бы чья-то рука не схватила за локоть моего противника. Юноша очутился рядом со мной и проткнул врага прежде, чем тот опомнился и смог нанести новый удар.

Но я и тогда мог погибнуть, потому что мой клинок намертво застрял в ключице датора перворожденных. Однако тот упал, я поднял его меч и бросил быстрый взгляд на того, кто спас меня... Передо мной стояла Файдор, дочь Матаи Шанга!

– Улетай, мой принц! – крикнула она. – Нет смысла дальше сражаться. Все на арене уже мертвы. Те, кто пробивался к трону, убиты, кроме тебя и этого юноши. Лишь немногие из твоих соратников остались там, на трибунах, но их и женщин-рабынь скоро перебьют. Слушай! Смолк боевой клич рабынь, потому что многих уже нет в живых. На каждого из вас придется десять тысяч черных воинов во владениях перворожденных. Беги к морю Корус. С твоей силой ты можешь прорваться к Золотым утесам и храмовым садам священных фернов. Расскажи обо всем моему отцу Матаи Шангу. Он спрячет тебя, и вместе вы сумеете меня спасти. Лети, пока еще есть возможность.

Но не в этом я видел свою задачу, да и не думал, что жестокое

гостеприимство священных фернов лучше наглости перворожденных.

– Пусть падет Исса! – закричал я, и вместе с юношей мы с новым пылом бросились в бой.

Двое черных разом рухнули под нашими ударами, и мы очутились лицом к лицу с Иссой. Когда мой меч взлетел, чтобы покончить с чудовищной старухой, паралич отпустил ее, и с пронзительным визгом богиня пустилась наутек. Прямо за ее спиной внезапно разверзлась черная дыра в полу у подножия трона. Исса прыгнула в нее. Личная стража бросилась на нас. Юношу ударили по голове. Он пошатнулся и упал бы, если бы я не подхватил его левой рукой, одновременно поворачиваясь лицом к толпе разъяренных фанатиков, взбешенных моей попыткой напасть на их богиню. Исса исчезла во тьме.

XII

Обреченные на смерть

Почти сразу же все они бросились на меня, и я вынужден был отступить на пару шагов. Я попытался нащупать позади себя опору, но нога провалилась в пустоту. Спиной вперед я полетел в ту самую яму, которая поглотила Иссу. И вместе с юношей, продолжавшим крепко держаться за мою руку, рухнул в черную бездну.

Мы ударились о полированный скат, проем над нами замкнулся таким же волшебным образом, как и открылся, и мы, совершенно невредимые, соскользнули в смутно освещенное помещение глубоко под ареной.

Когда я поднялся на ноги, то первым делом увидел злобную физиономию Иссы; богиня таращилась на меня сквозь толстые прутья зарешеченной двери в боковой стене помещения.

– Безмозглый смертный! – завизжала она. – Ты дорого заплатишь за свое богохульство здесь, в тайном подвале. Ты будешь лежать здесь один в темноте, и твой соумышленник будет гнить рядом с тобой, пока тебя, обезумевшего от одиночества и голода, не сожрут ползучие личинки, которые некогда были людьми.

На том все и кончилось. В следующий момент Исса исчезла, а тусклый свет, наполнявший подвал, превратился в непроглядную тьму.

– Приятнейшая старая леди, – произнес голос рядом со мной.

– Кто тут? – спросил я.

– Это я, твой товарищ, который сегодня имел честь сражаться плечом к плечу с величайшим воином из всех, что носили знаки различия на Барсуме.

– Слава богу, ты не погиб! – откликнулся я. – Я боялся, что тот удар по голове был слишком сильным.

– Нет, меня просто слегка оглушило, – сказал юноша. – Всего лишь царапина.

– Может, было бы лучше, если бы удар оказался посильнее, – возразил я. – Похоже, у нас тут есть все шансы умереть от голода и жажды.

– А где это мы?

– Под ареной, – пояснил я. – Мы провалились в шахту, которая поглотила Иссу, когда мы почти уже добрались до нее.

Юноша негромко рассмеялся, с облегчением и даже с радостью, а потом, пошарив рукой в чернильной тьме, нашел мое плечо и придвинулся поближе к моему уху.

– Лучше и не придумаешь, – прошептал он. – В этом тайном месте есть секреты, о которых не знает сама Исса.

– О чем это ты?

– Я здесь работал вместе с другими рабами целый год, когда перестраивались подземные галереи, и мы нашли под ними древнюю систему ходов и залов, что многие века были запечатаны.

Перворожденные, наблюдавшие за работой, исследовали их, взяв с собой кое-кого из рабов, на случай если понадобится расчистить завал, например. И я отлично изучил эти лабиринты. Под садами и храмом тянутся на сотни миль запутанные тоннели, и один из них ведет к нижним областям, откуда есть выход к колодцу, через который можно попасть в Омин. Надо тайно добраться до субмарины, выплыть в море и найти временное убежище на одном из многочисленных островов, на которые никогда не ступает нога черных. И кто знает, может, удастся с чьей-либо помощью бежать?

Он говорил очень тихим шепотом, явно боясь, что даже здесь могут найтись шпионские уши, и я тоже ответил ему как можно тише:

– Уходи один, друг мой. На Шадоре остался чернокожий Ксодар. Мы пытались устроить побег вместе, и я не могу бросить его.

– Конечно, – согласился юноша, – нельзя бросать друга. Лучше уж снова попасть в плен.

Он принялся ощупывать пол мрачного подземелья, ища люк, что открывался в нижние тоннели. Наконец юноша тихо произнес: «Тсс», я пополз на голос и нашел его стоящим на коленях на краю отверстия в полу.

– Тут высота около десяти футов, – прошептал мой юный товарищ. – Если ты повиснешь на руках на краю люка, ты легко прыгнешь на мягкий песок.

Я очень осторожно спустился из непроглядной тьмы подвала в черную-пречерную яму. Темнота была такой плотной, что мне не удалось увидеть собственные пальцы в дюйме от носа. Я вообще не подозревал о возможности абсолютного отсутствия света и о существовании подобных тоннелей под владениями Иссу.

На мгновение я повис в воздухе. Это было странное ощущение,

связанное с новым опытом, который весьма трудно описать. Когда ноги месят пустое пространство, а внизу все погружено во тьму, возникает панический страх перед тем, чтобы разжать пальцы и нырнуть в неведомые глубины.

Хотя юноша и сказал мне, что до пола не больше десяти футов, я чувствовал себя так, словно висел над бездонной пропастью. Но наконец я отпустил края люка, упал вниз – и пролетел не больше четырех футов до мягкой песчаной подушки.

Юноша последовал за мной.

– Подними меня на плечи, – попросил он, – я закрою люк.

Покончив с этим, он взял меня за руку и очень медленно повел вперед, внимательно ощупывая стены и время от времени останавливаясь, чтобы убедиться, что он не заплутал в боковых ответвлениях.

Вскоре мы добрались до начала очень крутого спуска.

– Он не длинный, – сказал юноша, – а дальше будет светлее. На нижних уровнях залегают пласты тех же самых фосфоресцирующих камней, что освещают Омин.

Мне никогда не забыть этого путешествия под владениями Исса. И хотя ничего особенного по дороге не случилось, меня наполняло странное очарование приключения и авантюры, родившееся, наверное, от ощущения невообразимой древности этих давно забытых лабиринтов. И то, что скрывала от моих глаз стигийская тьма, не могло и в сравнение идти с картинами, которые рисовало мое воображение. Я думал о древних обитателях этого мира, представлял себе их жизнь, полную труда, интриг, тайн. Они, не ведая жалости, сражались с наступавшими на них дикими ордами, однако те шаг за шагом теснили их и загнали в эти последние убежища, где бывшие хозяева Марса укрылись за непроницаемой стеной суеверий.

На Барсуме, кроме зеленого народа, были, оказывается, еще три главные расы. Черная, белая и желтая. Когда вода начала испаряться с поверхности планеты и моря обмелели, все остальные жизненные ресурсы также стали сокращаться, и на всем Барсуме началась постоянная война за выживание.

Веками одни племена и народы сражались с другими за территории, которые лучше прочих снабжались водой. Высшие расы легко взяли верх над зелеными дикарями, но постепенное исчезновение морей вынудило их бросить укрепленные города и вести жизнь более или менее кочевую. Властелины мира разделились на мелкие общины, в свою очередь ставшие легкой добычей для свирепых зеленых орд. В результате произошло частичное смешение черных, белых и желтых народов – так возникла великолепная раса краснокожих марсиан.

Я полагал, что все следы древнейших народов давно исчезли с лица

планеты, однако всего за несколько последних дней обнаружил и белокожих, и чернокожих, и в немалом количестве. Неужели где-нибудь в далеком тайном уголке Марса по-прежнему существовали представители желтой расы?

Мои размышления были прерваны негромким восклицанием юноши.

– Наконец-то стало светлеть! – произнес он, и я, посмотрев вперед, увидел вдали слабое свечение.

По мере приближения свет становился ярче, и вскоре мы вошли в отлично освещенные тоннели. С этого момента мы зашагали гораздо быстрее, и неожиданно коридор вывел нас напрямик к утесам, окружавшим бассейн с субмариной.

Судно с открытым люком лежало на поверхности воды. Юноша, прижав палец к губам и многозначительно похлопав по своему мечу, бесшумно пополз вперед. Я следовал за ним.

Мы тихо прыгнули на безлюдную палубу и на четвереньках подобрались к люку. Осторожный взгляд вниз убедил нас, что стражей рядом нет, и мы так же тихо, словно кошки, спустились в главную каюту субмарины. Здесь тоже не было признаков жизни. Мы поспешили закрыть и задраить люк.

Потом юноша встал на место водителя, коснулся какой-то кнопки – и лодка в вихрях воды устремилась ко дну шахты. Но даже тогда мы не слышали топота ног, как ожидали, и, пока молодой марсианин продолжал управлять судном, я обошел каюту за каютой в поисках членов команды. Но субмарина оказалась абсолютно пуста. Такое везение представлялось почти невероятным.

Когда я вернулся к кабине, чтобы сообщить товарищу хорошие новости, он протянул мне какую-то бумагу.

– Вот почему здесь нет экипажа, – сказал он.

Это была радиограмма командиру субмарины: «Рабы восстали. Возьми своих людей и всех, кого найдешь. Слишком поздно звать помощь с Омина. Они перебили всех в амфитеатре. Угрожали самой Иссу. Поспеш. ЗИТАД».

– Зитад – датор личной стражи Иссу, – пояснил юноша. – Мы их сильно напугали... они не скоро нас забудут.

– Будем надеяться, что это начало конца Иссу, – ответил я.

– Сие известно лишь нашему первому предку, – откликнулся юноша.

До выхода на остров мы добрались без происшествий. Потом немного поспорили насчет того, стоит ли затапливать лодку, но в итоге решили, что это ничего не добавит к нашим шансам на побег. Вокруг наружного бассейна хватало стражи, способной помешать нам, а еще больше могло подойти на помощь из садов и храмов Иссу.

Мы долго соображали, как миновать патруль. Наконец у меня созрел

план.

– Как зовут или каков титул того офицера, что командует местной стражей? – спросил я юношу.

– Утром на дежурстве был некий Торит, – ответил он.

– Отлично. А как зовут командира субмарины?

– Йерстед.

Я нашел на командном пункте пустой бланк и написал на нем следующий приказ:

«Датору Ториту. Немедленно верните двух этих рабов на Шадор. ЙЕРСТЕД».

– Это будет самый простой способ возвращения, – с улыбкой сказал я, передавая фальшивый приказ юноше. – Идем посмотрим, насколько это сработает.

– Но наши мечи! – воскликнул он. – Как мы объясним, почему они у нас?

– Поскольку объяснить это невозможно, мы просто оставим их здесь, – ответил я.

– Но разве не слишком рискованно отдаваться в руки перворожденных, да еще и без оружия?

– Это единственный способ, – возразил я. – Мы ведь уже выбрались из одной тюрьмы, и думаю, что без особого труда сможем снова вооружиться в стране, где так много солдат.

– Ну, как скажешь, – улыбнулся он и пожал плечами. – Мне еще не приходилось следовать за человеком, который вселял бы большую уверенность, чем ты. Пошли проверим твою уловку.

Мы дерзко вылезли из люка субмарины, оставив мечи внизу, и зашагали прямо к главному выходу, где находились постовые и старший офицер.

Стражи буквально подпрыгнули от удивления и направили на нас винтовки. Я протянул одному из них приказ. Он взял его и, увидев, кому адресована бумага, передал Ториту, вышедшему на шум из своего кабинета.

Чернокожий прочитал приказ, и на секунду его взгляд с откровенным подозрением уперся в нас.

– А где датор Йерстед? – спросил он, и мое сердце упало.

Я проклял себя за глупость – надо было затопить субмарину, чтобы ложь выглядела более убедительной. Но нашелся с ответом:

– Он получил приказ немедленно возвращаться к храму.

Торит сделал шаг к бассейну, словно желая убедиться в моих словах. Наша судьба повисла на волоске. Если бы он обнаружил, что пустая субмарина лежит на воде, моя выдумка бумерангом ударила бы по нам самим, но Торит, видимо, решил, что послание настоящее, тем более

что у него не было причин сомневаться в этом. Ну с чего бы двум рабам добровольно проситься под стражу? Да, план отличался чрезвычайной дерзостью, и именно это привело его к успеху.

– Вы были в числе восставших? – спросил Торит. – Мы только что получили сообщение о беспорядках.

– В бунте все участвовали, – буркнул я, – но безуспешно. Стражи быстро одолели нас и перебили большинство.

Похоже, мой ответ его удовлетворил.

– Отправьте их на Шадор, – приказал он, поворачиваясь к одному из своих подчиненных.

Мы сели в маленькую лодку, что стояла у берега острова, и через несколько минут нас высадили на Шадоре. Здесь нас снова отправили в прежние камеры: меня – к Ксодару, юношу – в одиночку. И опять мы оказались пленниками перворожденных.

XIII

Прорыв к свободе

Ксодар в изумлении выслушал мой рассказ о событиях, случившихся на арене во время ритуала жертвоприношения. Он едва мог поверить во все это, хотя уже начал сомневаться в божественности Иссу, – но чтобы кто-то мог угрожать ей с мечом в руке и не разорвался при этом на тысячу кусков по ее велению?..

– Да, это последнее доказательство, – сказал он наконец. – Больше ничего и не нужно, чтобы разбить вдребезги мою веру. Иссу просто злобная старуха, заполучившая огромную власть благодаря разным махинациям, которые уже многие века держат ее собственный народ и весь Барсум в религиозном рабстве.

– Тем не менее она до сих пор всемогуща, – возразил я. – Так что нам следует бежать при малейшей возможности.

– Надеюсь, ты сумеешь выбрать подходящий момент, – со смехом сказал Ксодар. – Признаться, я за всю свою жизнь не видел того, кто способен вырваться из рук перворожденных.

– Думаю, сегодняшний вечер так же хорош для этого, как любой другой, – заявил я.

– А вечер уже скоро наступит, – откликнулся Ксодар. – Чем я могу помочь?

– Ты плавать умеешь? – спросил я.

– Ни один из скользких силианов, что шныряют в глубинах моря Корус, не чувствует себя в воде лучше, чем Ксодар, – сообщил воин.

– Отлично. Красный юноша, скорее всего, плавать не умеет, – сказал я, – потому что в его краях нет водоемов. Там и челн на воду не спустишь. А значит, одному из нас придется поддерживать парня в

море, пока мы не доберемся до судна. Я надеялся, что мы сможем одолеть все расстояние под водой, но боюсь, юноше такого не выдержать. Даже храбрейший из красных марсиан до ужаса боится глубины – прошли века с тех пор, как они видели озеро, реку или море.

– А краснокожий пойдет с нами? – спросил Ксодар.

– Да.

– Хорошо. Три меча лучше, чем два. Особенно когда третий товарищ столь же искусно владеет мечом, как этот парень. Я много раз наблюдал, как он сражался на арене во время ритуалов Иссу. И пока я не увидел, как бьешься ты, мне казалось, что лишь он один способен на подобное. Глядя на вас, можно подумать, что вы учитель и ученик или отец и сын. Тем более что он немного на тебя похож. Это особенно заметно во время схватки – та же мрачная улыбка, то же безумное презрение к врагу в каждом жесте, в каждом взгляде.

– Так или иначе, Ксодар, он великий воин. Мне сдается, с нами троими весьма трудно будет совладать, а если бы еще и мой друг Тарс Таркас, джеддак Тарка, был с нами, мы могли бы пройти по всему Барсуму из конца в конец, даже если бы против нас восстал целый мир.

– И восстанет, – усмехнулся Ксодар, – как только они узнают, откуда ты взялся. Это одно из суеверий, которое Иссу внушила доверчивым простакам. Она действует через священных фернов, которые точно так же в неведении относительно ее истинной сущности, как и барсумиане из внешнего мира. Ферны особым образом получают ее приказы – они написаны кровью на странных пергаментах. Одураченные бедняги думают, что это некие откровения от богини и приносят их сверхъестественные посланцы, поскольку находят эти указания на охраняемых алтарях, к которым никто не может подойти незамеченным. Я сам видел такие указы и доставлял их. От храма Иссу к главному храму Матаи Шанга ведет длинный подземный ход. Его много веков назад выкопали рабы перворожденных – в такой секретности, что ни один из фернов даже не подозревает о его существовании. А храмы фернов при этом разбросаны по всему цивилизованному миру. Их жрецы, которых никто никогда не видел, проповедуют людям учение о таинственной реке Исс, о долине Дор и затерянном море Корус, и злосчастные отправляются в добровольное паломничество, что лишь прибавляет богатства священным фернам и увеличивает количество их рабов. А имущество фернов в свою очередь достается перворожденным – те просто отбирают все, когда считают нужным. Время от времени чернокожие совершают набеги и на внешний мир. Именно тогда они захватывают в плен красных женщин из самых знатных семейств, а также новейшие воздушные суда и опытных мастеров, которые их построили, чтобы те могли сделать еще множество таких же. Мы – раса,

вовсе ничего не создающая, и это предмет особой нашей гордости. Для перворожденного заниматься ручным трудом или что-то изобретать – преступление. Это удел низших, которые живут лишь для того, чтобы перворожденные могли наслаждаться долгими годами жизни в роскоши и праздности. Для нас имеет значение только война; если бы не она, то перворожденных стало бы больше, чем всех других существ на планете, и Барсум просто не смог бы их прокормить. Впрочем, насколько мне известно, ни один из чернокожих никогда не умирал естественной смертью. Наши женщины могут жить вечно, однако они нам надоедают, и мы их заменяем другими. Одна только Исса защищена от смерти. Она живет уже бесчисленные века.

– А разве другие барсумиане не могли бы жить вечно, если бы им не мешала идея добровольного ухода к реке Исс по достижении тысячелетнего возраста? – спросил я.

– Должно быть, именно так, они ведь принадлежат к тому же виду, что и наша раса. Надеюсь, что буду жить долго, чтобы сражаться за них, искупая грехи, совершенные мной по неведению, из-за ложного учения.

Когда он умолк, над водами моря Омин разнесся таинственный звон. Я уже слышал его в этот же час накануне вечером и знал, что он означает конец дня, когда местные жители расстилают на палубах кораблей шелковые покрывала и засыпают глубоким сном.

Наш страж совершил последний обход по камерам. Его сегодняшние обязанности на этом закончились, тяжелая дверь тюрьмы закрылась за ним – мы остались одни на всю ночь.

Я выждал некоторое время – как объяснил Ксодар, охранник должен был вернуться в свою казарму, – а потом запрыгнул на подоконник зарешеченного окна и осмотрел гавань. Невдалеке от острова, примерно в четверти мили, стоял огромный военный корабль, а между ним и берегом находилось несколько маленьких крейсеров и одноместных лодок. И только на флагмане был вахтенный. Я отчетливо видел его на верхней палубе. Пока я за ним наблюдал, он разостлал свою постель на крошечной платформе и вскоре растянулся на ней во весь рост. Да, дисциплина в этих краях явно страдала. Но чему тут удивляться, если предполагалось, что ни один враг на Барсуме не подозревал о существовании такого флота, более того, ничего не знал о перворожденных и о море Омин. Так зачем зря стараться?

Я спрыгнул на пол и рассказал Ксодару обо всем, что увидел.

– Там есть судно, – сообщил он, – которое принадлежит мне. Оно быстрее всех прочих. Может взять на борт пятерых. Если мы доберемся до него, то, по крайней мере, устроим отличную гонку.

И он описал оборудование своего корабля, его моторы и скоростные характеристики.

Из этих объяснений я понял, что Ксодару известен прием с увеличением скорости, которому научил меня Кантос Кан, когда мы служили с ним под вымышленными именами в военно-воздушном флоте Зоданги под командованием принца Саба Тана. Очевидно, перворожденный угнал свое судно из Гелиума, потому что только в тамошних кораблях использовалась зубчатая передача. Значит, Ксодар не напрасно восхвалял быстроходность своего небольшого судна, ведь ничто не может носиться так стремительно в разреженном воздухе Марса, как корабли Гелиума.

Мы решили выждать еще около часа, пока все вокруг не заснует покрепче. А тем временем я должен был перетащить краснокожего юношу в нашу камеру, чтобы потом вместе совершить побег.

Я подпрыгнул и ухватился за верх нашей перегородки. Затем, подтянувшись, забрался на нее. Оказалось, она примерно в фут шириной, так что я по ребру стены дошел до камеры, в которой и увидел юношу, сидевшего на скамье. Он закинул голову и смотрел вверх, на светящийся купол над Омином, а когда заметил меня, балансировавшего на перегородке, его глаза расширились от изумления. А потом по его лицу расплылась широкая улыбка.

Когда я приготовился соскочить на пол, он жестом остановил меня и, подойдя поближе, прошептал:

– Дай мне руку... я, пожалуй, могу сам запрыгнуть наверх. Я уже много раз пробовал, и каждый раз получалось немного выше предыдущего. Наверняка мне удалось бы сделать это однажды.

Я лег на живот и вытянул руку как можно дальше. Разбежавшись от центра камеры, он прыгнул, я ухватился за его руку и тут же втащил юношу на стену.

– По-моему, ты лучший прыгун среди красного народа Барсума, – сказал я.

Он улыбнулся:

– Ничего странного тут нет. Я тебе расскажу, откуда у меня такие способности, когда будет время.

Мы вернулись в камеру, где сидел Ксодар, спустились и около часа потратили на разговоры.

Вскоре план на ближайшее будущее был готов. Мы дали друг другу торжественную клятву сражаться за товарищей до самой смерти, случись врагам нас настигнуть. Ведь если побег удастся, против нас восстанет целый мир – сила религиозных предрассудков слишком велика.

Было решено, что, если мы доберемся до судна, его поведу я, чтобы затем выбраться во внешний мир и прямым ходом мчаться в Гелиум.

– Почему в Гелиум? – спросил краснокожий юноша.

– Я принц Гелиума, – ответил я.

Он как-то странно посмотрел на меня, но больше вопросов не задавал. Я в тот момент не понял, что могло означать выражение его лица, но, поскольку хватало других забот, решил подумать об этом позже.

– Идемте, – сказал я наконец. – Сейчас момент не хуже других. Вперед!

И вот я уже стоял на верху перегородки, и юноша был рядом со мной. Сняв с себя ремни, я связал их воедино и опустил вниз. Ксодар схватился за конец и вскоре сидел возле нас.

– Как просто! – засмеялся он.

– А остальное должно быть еще проще, – обещал я.

После этого я взобрался вверх по наружной стене, откуда мог отлично наблюдать за стражем, что совершал обход тюрьмы. Я ждал минут пять, и вот он появился, вышагивая лениво, не спеша.

Спустя непродолжительное время он скрылся за дальней стеной, из-за которой не смог бы увидеть беглецов. Как только охранник исчез из виду, я схватил Ксодара и втащил его наверх. Сунув ему в руки конец самодельного каната, я быстро опустил воина на землю. А потом юноша, также взявшись за ремни, соскользнул вниз.

В соответствии с нашим уговором они не стали ждать меня, а сразу же медленно пошли к воде, плескавшейся примерно в сотне ярдов от тюрьмы. Нужно было пройти мимо казармы, где спали солдаты.

Едва мои товарищи сделали дюжину шагов, как я тоже спрыгнул на землю и не спеша последовал за ними. Однако у казармы мысль о прекрасных мечях, что лежали внутри, заставила меня остановиться. Если кому-то и было позарез нужно оружие, так это нам, поскольку нас ожидало опасное путешествие.

Я посмотрел на Ксодара и юношу и увидел, что они уже соскользнули в море с края причала. До моего прихода они должны были прятаться там, держась за металлические кольца, врезанные в опоры дока, – это сооружение напоминало бетонный пирс. Я велел друзьям высовывать из воды только рот и нос.

Мне так хотелось забрать мечи из казармы, что я заколебался. Может, рискнуть и попытаться заполучить то, в чем мы так нуждались? Как говорится, промедление смерти подобно, и справедливость этого утверждения подтолкнула меня к двери казармы.

Я осторожно приоткрыл ее – щелки было достаточно, чтобы увидеть с дюжину черных тел, растянувшихся на своих постелях в просторном помещении. В дальнем конце комнаты на оружейной стойке поблескивали мечи и ружья. Я тихо потянул за дверную ручку, чтобы пробраться внутрь. Петля громко скрипнула. Один из солдат пошевелился, и мое сердце остановилось. Я проклинал себя за глупость,

ведь мы могли лишиться шанса на побег, но мне уже ничего другого не оставалось, кроме как завершить начатое.

Со стремительностью тигра я метнулся к шевельнувшемуся стражнику. Мои руки повисли над его горлом в ожидании момента, когда откроются его глаза. Казалось, прошла целая вечность, и мои нервы уже начали сдавать. Но тут парень повернулся на бок и опять погрузился в глубокий сон.

Я прокрался между солдатами к стойке с оружием. Затем окинул спящих взглядом. Все было тихо. Их ровное, спокойное дыхание показалось мне сладчайшей в мире музыкой.

Я аккуратно снял со стойки длинный меч. Шорох ножен при этом резанул мой слух, и я напрягся, ожидая нападения потревоженных стражей. Однако никто не шелохнулся.

Второй меч я достал бесшумно, но третий сильно звякнул. Я знал, что кто-то в конце концов проснется, и был готов уйти от атаки быстрым прыжком – но, к моему крайнему изумлению, чернокожие не шевелились. То ли они удивительно крепко спали, то ли шум, производимый мной, был куда тише, чем мне представлялось.

Я уже собрался уходить, когда мое внимание привлекли револьверы. Я мог прихватить только один, потому что и так был слишком нагружен для того, чтобы двигаться тихо. Но когда я взял револьвер, мой взгляд впервые упал на открытое окно позади оружейной стойки. О, это был отличный путь к отступлению – оно выходило прямо на причал и находилось не более чем в двадцати футах от края воды.

Не успел я себя поздравить с удачей, как дверь напротив открылась... и прямо передо мной появился офицер охраны. Он явно с первого взгляда все понял и оценил серьезность ситуации так же быстро, как и я, потому что наши револьверы поднялись одновременно и звуки выстрелов слились воедино.

Я ощутил, как пуля просвистела мимо моего уха, и тут же увидел, что офицер падает на пол. Осталось неизвестным, попал я в него или нет, убил или только ранил, поскольку не успело его тело коснуться пола, как я выскочил в окно. В следующую секунду воды Омина сомкнулись над моей головой, и мы втроем поплыли к воздушному кораблику, что плескался на волнах в сотне ярдов от берега.

Ксодару приходилось тащить юношу, а мне – три длинных меча. Револьвер я выронил. Хотя датор и я были хорошими пловцами, мне казалось, что мы передвигаемся со скоростью улитки. Я почти все время плыл под водой, а вот Ксодар часто выныривал, чтобы дать товарищу вздохнуть. Удивительно, что нас обнаружили не сразу.

Мы достигли корабля и поднялись на борт еще до того, как нас заметили разбуженные выстрелами вахтенные на флагмане. Потом с

носа корабля грохнул залп, гулко прокатившись под каменным куполом Омина.

От грохота проснулись тысячи спавших. Палубы множества огромных судов заполнились воинами, потому что тревога на Омине была воистину редчайшим явлением.

Мы заняли места на палубе, прежде чем замолк звук первого сигнального выстрела, а в следующую секунду стремительно взмыли с поверхности моря. Я растянулся во весь рост перед рычагами и кнопками управления. Ксодар и юноша прижались к доскам позади меня, чтобы оказывать как можно меньше сопротивления воздуху, когда мы взлетим.

– Поднимайся повыше, – прошептал Ксодар. – Они не осмелятся стрелять из тяжелых орудий под куполом... осколки камня могут повредить их собственные корабли. Если мы будем лететь достаточно высоко, килевые пластины защитят нас от винтовочных выстрелов.

Я последовал его совету. Внизу люди сотнями бросались в воду и спешили к малым крейсерам и одноместным челнокам, что спокойно колыхались на волнах вокруг больших кораблей. Крупные суда уже снялись с якоря и погнались за нами, но не поднимались над поверхностью моря.

– Немного вправо! – крикнул Ксодар.

Над Омином не пригодился бы компас, здесь все направления были северными.

Внизу возникло столпотворение. Шум стоял оглушительный. Рывкали винтовки, офицеры выкрикивали приказы, на воде и на палубах бесчисленных лодок пронзительно перекликались солдаты, и сквозь гвалт слышалось урчание пропеллеров, разрезавших воду.

Я не осмеливался гнать судно на полной скорости из опасения проскочить мимо шахты, что прорезала купол Омина и выводила к верхнему миру, тем не менее мы мчались так, как едва ли кто-то летал над этим безветренным морем.

Малые суда уже собрались оторваться от воды и рвануться к нам, когда Ксодар закричал:

– Шахта! Шахта! Прямо над нами!

И я увидел дыру, черную, зияющую, на светлом куполе этого подземного мира.

Десятиместный крейсер поднимался, чтобы отрезать нам путь к бегству. Это было единственное судно, оказавшееся у нас на пути, и, судя по траектории его движения, оно вполне могло нарушить наши планы.

Крейсер взлетал под углом около сорока пяти градусов немного впереди по курсу, с очевидным намерением зайти сверху и взять нас на абордаж.

У нас оставалась слабая надежда, и я не стал упускать последнюю возможность вырваться на свободу. Было бесполезно пытаться проскочить мимо вражеского судна, потому что оно вполне могло прижать нас к каменному куполу, а мы и так уже слишком приблизились к нему. Поднырнуть под корабль означало отдаться полностью на милость врага, он ведь именно этого и хотел. С обеих сторон не меньше сотни грозных судов уже спешили к нам. Альтернатива была чрезвычайно рискованной... впрочем, как и вся затея с побегом, имевшая минимальный шанс на успех.

Когда мы сблизились с крейсером, я поднял свой корабль, как бы желая обойти врага сверху, и тот поддался на провокацию, то есть под резким углом рванул вверх, чтобы загнать меня еще выше. А когда мы были почти над крейсером, я крикнул товарищам, чтобы держались крепче, затем бросил свое судно на предельной скорости прямо на противника, проскочив мимо его носа, и в ту же самую секунду перешел на горизонтальный ход, устремившись к корме вражеского корабля.

Его командир понял мои намерения, но было уже слишком поздно. Перед самым столкновением я развернул нос своего корабля вверх, и тут мы с жутким грохотом врезались в противника. Случилось то, на что я надеялся. Крейсер, летевший под опасным углом, перевернулся вверх килем от удара моего небольшого судна. Команда с визгом попадала в воду, и крейсер с бешено вращавшимися винтами помчался следом, чтобы погрузиться на дно моря Омин.

Авария повредила наш стальной нос, и, несмотря на все усилия, мы едва не сорвались с палубы, кубарем покотившись на самый ее край. Ксодар и я все же успели ухватиться за поручни, а вот юноша улетел бы за борт, если бы я, по счастью, не уцепился за его лодыжку.

Наш кораблик, лишившись руля, несясь куда попало. Каменный купол неумолимо надвигался на нас. Однако мне понадобилось всего мгновение, чтобы вернуться к рычагам, и, когда свод навис над нами футах в пятидесяти, я выправил судно и снова повел его к черному зеву шахты.

Столкновение затормозило суденышко, и теперь к нам приближалась целая армада шустрых корабликов. Ксодар мне объяснял, что подъем по шахте исключительно силой отталкивания может дать нашим врагам

отличную возможность догнать нас: наши винты окажутся бездействующими и нас превзойдут в скорости многие из наших преследователей. Быстроходные суда редко имели большие резервные запасы энергии, потому что такие накопители уменьшали скорость.

Поскольку перворожденные висели у нас на хвосте, они неизбежно догнали бы наш корабль и схватили бы нас или просто убили без лишних церемоний.

Но я считаю, что всегда может найтись способ преодолеть препятствие. Если нельзя перемахнуть через него, или проскочить под ним, или обойти его, то остается одно: рвануть прямо сквозь него. Я не мог игнорировать тот факт, что многие из преследователей поднимаются быстрее нас, потому что у них больше энергии, но я был полон решимости либо опередить их, либо умереть так, как сочту нужным.

– Поворачивай! – закричал рядом со мной Ксодар. – Ради первых предков, поворачивай! Мы у самой шахты!

– Держись крепче! – крикнул я в ответ. – Держи парня и держись сам... мы летим в шахту!

Едва эти слова успели слететь с моих губ, как мы очутились под угольно-черным провалом. Я резко развернул лодку носом вверх, вытянул до предела рычаг скорости и, ухватившись одной рукой за стойку, а другой за рулевое колесо, повис на нем, как в смертельной агонии, отдавшись на волю Создателя.

Я услышал легкий удивленный вскрик Ксодара, а потом его мрачный смех. Юноша тоже засмеялся и сказал что-то, чего я не расслышал за воем ветра, рожденного бешеной скоростью.

Я смотрел вверх в надежде увидеть свет звезд, к которым стремился, стараясь вести неустойчивую лодку посередине шахты. Если бы мы на такой скорости задели стену, это, без сомнения, означало бы для нас молниеносную смерть. Но звезд не было видно, в вышине царила непроницаемая тьма.

Потом я глянул вниз, на быстро тающий круг огней, – это было отверстие шахты над фосфоресцирующей поверхностью Омина. Свет служил мне подсказкой, помогая удерживать направление строго по центру вертикального тоннеля. То была, конечно, всего лишь тончайшая нить, спасавшая нас от гибели, и думаю, что я пронесся сквозь тьму скорее благодаря интуиции и слепой вере, чем искусству вождения или рассудку.

Путь занял очень мало времени, и, наверное, сама по себе безрассудная скорость спасла нас: мы сразу выбрали правильное направление, не успев изменить курс. Омин лежит, наверное, милях в двух под поверхностью Марса. Наша скорость приближалась к

двумстам милям в час – марсианские челноки весьма быстры, – так что в шахте мы провели едва ли дольше сорока секунд.

И похоже, корабль уже летел над планетой, прежде чем я осознал, что совершил невозможное. Темнота окутывала мир. Не было ни лун, ни звезд. Никогда я не видел ничего подобного на Марсе и сначала просто растерялся. Но потом пришло объяснение. На Южном полюсе стояло лето. Ледяная шапка таяла, и особое метеорологическое явление, а именно густые туманы, неведомые на большей части Барсума, скрывали небесные светила.

Для нас же это было воистину счастливое стечение обстоятельств, я не стал терять времени и воспользовался возможностью, дарованной Провидением. Я повел нашу лодку к непроницаемому покрову, который сама природа набросила на умирающий мир, чтобы спрятать нас от преследователей.

Мы нырнули в холодный липкий туман, не снижая скорости, и скоро перед нами торжественно засияли две луны и миллионы звезд. Я перевел судно в горизонтальный полет и развернул нос строго на север. Наши враги отставали от нас на добрых полчаса и при этом понятия не имели о нашем маршруте. Мы сотворили чудо, пройдя целыми и невредимыми через тысячу опасностей... и все-таки сбежали из владений перворожденных. За все века ни один из пленников не смог сделать ничего подобного, но теперь, оглядываясь назад, я понял, что на самом деле это было не так уж и сложно.

Так я и сказал Ксодару, обернувшись к нему через плечо.

– Тем не менее я поражен, – ответил он. – Никто бы не сумел довести это дело до конца, кроме Джона Картера.

При звуке этого имени юноша вскочил на ноги.

– Джон Картер! – закричал он. – Джон Картер! Да, но ведь Джон Картер, принц Гелиума, умер много лет назад! Я его сын.

XIV

Глаза тьмы

Мой сын! Я не мог поверить собственным ушам и медленно повернулся к прекрасному юноше. Теперь, всмотревшись внимательно, я начал понимать, почему его лицо и личность так сильно притягивали меня. Несравненная красота матери передалась ему, но его четкие черты дышали мужеством, а серые глаза были точь-в-точь как у меня.

Юноша стоял передо мной, и в его взгляде я видел и надежду, и неуверенность.

– Расскажи мне о твоей матери, – попросил я. – Расскажи все, что сможешь, о тех годах, которые я провел вдали от нее по воле безжалостной судьбы.

С криком радости юноша прыгнул ко мне и обнял за шею, и на краткое мгновение, когда я прижимал к себе своего мальчика, слезы наполнили мои глаза; я задыхался, как какой-нибудь плаксивый дурак... но я об этом не сожалею и нисколько не стыжусь. Долгая жизнь научила меня, что мужчина может позволить себе слабость по отношению к женщине и детям, и это не мешает ему идти вперед по суровой дороге жизни.

– Твою фигуру, манеры, страшную ярость в бою, – заговорил юноша, – тысячи раз описывала моя матушка... но при всей очевидности я не решался поверить тому, что казалось совершенно невозможным, как бы ни хотелось признать это правдой. Ты знаешь, что меня убедило сильнее всего?

– И что же, сын мой? – спросил я.

– Твои первые слова, обращенные ко мне... были о моей матери. Никто, кроме человека, любившего ее так, как мой отец, не подумал бы в первую очередь именно о ней.

– За долгие годы, сынок, едва ли я хоть на миг забывал сияющий образ твоей матушки. Расскажи мне о ней.

– Те, кто знает ее дольше всего, говорят, что она ничуть не изменилась, разве что стала еще прекраснее... если такое возможно. Но когда ей кажется, что я ее не вижу, ее лицо становится очень печальным, очень задумчивым и глаза наполняются тоской. Она думает только о тебе, отец, и весь Гелиум горюет вместе с ней. Все тебя любят и чтят твою память, ведь ты спаситель Барсума. Каждую годовщину того дня, когда ты промчался через умирающий мир, чтобы отпереть тайный ужасный портал между жизнью и смертью миллионов, отмечается большой праздник в твою честь, но с благодарностью и радостью смешиваются слезы – слезы искреннего сожаления о том, что герой, подаривший людям счастье жизни, умер ради них. На всем Барсуме нет более известного имени, чем Джон Картер.

– А как же назвала тебя твоя матушка, сынок? – спросил я.

– Народ Гелиума просил назвать меня в честь отца, но моя мать сказала «нет». Она объяснила, что вы с ней уже выбрали ребенку имя, и твердо решила исполнить твое желание. Так мне было дано имя, составленное из имен родителей, – Карторис.

Ксодар стоял у руля, пока я разговаривал с сыном, и теперь окликнул меня.

– Лодка клюет носом, Джон Картер, – сообщил он. – Пока мы шли постоянно вверх, это не было заметно, но при горизонтальном ходе поломка налицо. Пробоина в носу повредила одно из передних хранилищ луча.

Так оно и было, и после осмотра стало ясно, что повреждение куда

серьезнее, чем я мог предположить. Неприятность заключалась не только в том, что попытки удержать судно в горизонтальном положении сильно уменьшали нашу скорость, но и в утечке энергии: луч отталкивания в переднем резервуаре иссякал так быстро, что через час с небольшим корабль должен был неминуемо перевернуться кормой вверх и стать совершенно беспомощным.

Нам пришлось сбросить скорость ради безопасности, но потом я снова взялся за штурвал и заставил маленький благородный мотор работать во всю мощь. Мы опять помчались на север сломя голову. Тем временем Карторис и Ксодар, взявшись за инструменты, начали заделывать дыру в носу в безнадежном усилии хоть как-то задержать утечку луча.

Было еще темно, когда мы пересекли северную границу ледяной шапки и область туманов. Теперь внизу тянулись типичные марсианские пейзажи. Коричневатый простор давно умерших морей, низкие холмы вокруг них, тут и там мрачные замолкшие города, памятники исчезнувшего прошлого; развалины мощных строений, населенные лишь смутными воспоминаниями о некогда властной расе да большими белыми обезьянами.

Становилось все труднее и труднее удерживать маленькое судно в горизонтальном положении. Его нос опускался все ниже, пока наконец не пришлось заглушить мотор, чтобы мы не упали камнем на землю.

Когда поднялось солнце и свет нового дня вытеснил ночную тьму, наше суденышко в последний раз судорожно дернулось, почти перевернувшись набок, а потом его палуба перекосилась под головокружительным углом, и лодка описала медленный круг, все глубже и глубже зарываясь носом.

Мы крепко держались за поручни и стойки и, сознавая, что полет закончен, прикрепили поясные пряжки к кольцам в бортах. Еще секунда – и палуба встала дыбом, развернувшись почти на девяносто градусов, и мы повисли на ремнях, болтая ногами в воздухе в тысяче ярдов над землей.

Я висел достаточно близко к приборам управления и дотянулся до рычага, который регулировал лучи отталкивания. Лодка откликнулась на прикосновение, и мы начали очень медленно опускаться вниз.

Но прошло не менее получаса, прежде чем мы коснулись земли. К северу от нас поднималась довольно высокая гряда холмов, и мы решили пойти к ней, поскольку там легко было скрыться от преследователей, которые наверняка станут нас искать.

Час спустя мы уже шагали меж отрогов, сглаженных временем, вокруг цвели изумительные растения, характерные для засушливых районов Барсума. Здесь в изобилии рос крупный молочный кустарник – странный вид флоры, что служит и пищей и питьем диким ордам

зеленых людей.

Под купами этих кустов мы могли отлично спрятаться от воздушной разведки и потому легли, чтобы отдохнуть, – в первый раз за много часов. Так началось очередное утро на Барсуме; пошел пятый день с того момента, как я внезапно перенесся из моего коттеджа на берегу Гудзона в долину Дор, прекрасную и ужасную. И за все это время мне довелось заснуть лишь дважды, хотя один раз я проспал очень долго.

Было уже около полудня, когда я пробудился, оттого что кто-то сжал мою руку и покрыл ее поцелуями. Я резко открыл глаза – и увидел перед собой прекрасное лицо Тувии.

– Мой принц! Мой принц! – восклицала она в экстазе. – Это ты, а ведь я оплакивала тебя как мертвого! Мои предки добры ко мне, я живу не напрасно!

Голос девушки разбудил Ксодара и Карториса. Мой сын удивленно уставился на нее, но она явно никого не замечала, кроме меня. Тувия пыталась обнять меня и задушила бы ласками, если бы я не отстранился, мягко, но решительно.

– Полно, будет тебе, Тувия, – заговорил я. – Ты слишком устала, переутомилась от опасностей и трудностей, что свалились на тебя. Ты забываешься и забываешь, что я муж принцессы Гелиума.

– Я ничего не забываю, мой принц, – возразила Тувия. – Ты никогда не говорил мне слов любви, да я и не жду этого, но ничто не мешает мне любить тебя. Я не собираюсь занять место Деи Торис. Мое главное желание – служить тебе, мой принц, служить вечно, быть твоей рабыней. Я не хочу другой награды, мне не нужна более великая честь и большее счастье, я надеюсь только на это.

Как упоминалось выше, я вовсе не дамский угодник, поэтому в тот момент, признаюсь, чувствовал себя крайне неловко. Мне был хорошо известен марсианский обычай, позволяющий женщине состоять в свите воина, это давало ей надежную защиту; тем не менее я всегда предпочитал слуг мужского пола.

– Я возвращаюсь в Гелиум, Тувия, – сказал я. – И ты можешь отправиться со мной, но как высокорожденная и равная, а не как рабыня. А там ты найдешь много красивых знатных юношей, которые готовы будут сразиться с самой Иссу, лишь бы заслужить твою улыбку, и мы очень быстро выдадим тебя замуж за одного из них. Забудь свои глупости, ты просто принимаешь благодарность за любовь. Мне куда больше по душе твоя дружба, Тувия.

– Ты мой властелин; будет так, как ты скажешь, – просто ответила она, но в ее голосе прозвучала нотка грусти.

– Как ты здесь очутилась, Тувия? – спросил я. – И где Тарс Таркас?

– Боюсь, великий таркианин мертв, – печально произнесла девушка. –

Он был могучим воином, но полчище зеленых людей из другой орды одолело его. Последний раз я видела Тарса Таркаса, когда враги тащили его, раненого и окровавленного, в брошенный город, откуда они и выскочили, чтобы напасть на нас.

– Но ты не уверена в том, что его убили? – уточнил я. – И где тот город, о котором ты говоришь?

– Он как раз за этими холмами. Челнок, который ты благородно покинул, чтобы мы могли бежать, не слушался руля, поскольку ни я, ни таркианин толком не умели управлять им, и в результате мы бесцельно дрейфовали почти два дня. Потом было решено покинуть судно, чтобы пешком добраться до ближайшего водного пути. Вчера мы пересекли эти холмы и оказались в мертвом городе. Мы шли по его улицам к центру и на перекрестке увидели группу зеленых воинов, шагавших в нашу сторону. Тарс Таркас был впереди, его они заметили, а меня нет. Таркианин быстро прыгнул ко мне, втолкнул в какую-то дверь и велел спрятаться, а при возможности бежать в Гелиум. «А мне скрыться не удастся, – сказал он, – потому что это люди с юга Вархуна. Они видели мои знаки различия и захотят меня немедленно убить». И он шагнул им навстречу. Ах, мой принц, какая это была схватка! Враги целый час налетали на Тарса Таркаса, и мертвые уже лежали грудой вокруг него, но наконец вархунцы одолели его числом. Они так напирали, что таркианину не хватило места, чтобы размахнуться мечом. Когда Тарса несли к центру города, он был мертв – мне так кажется, потому что он не шевелился.

– Прежде чем двигаться дальше, мы должны в этом убедиться, – сказал я. – Я не могу оставить Тарса Таркаса среди вархунцев, если он жив. Сегодня вечером я проберусь в город и все выясню.

– И я пойду с тобой, – заявил Карторис.

– И я! – поддержал его Ксодар.

– Никто из вас туда не пойдет, – возразил я. – Это дело требует не силы, а осторожности и стратегии. Один человек еще может преуспеть, а вот группа наверняка навлечет на себя беду. Я пойду один. Если мне понадобится ваша помощь, я вернусь за вами.

Им это не понравилось, но оба были хорошими солдатами и подчинились приказу командира. Солнце уже стояло низко, так что мне не пришлось долго ждать – вскоре внезапная тьма Барсума поглотила нас.

Карторис и Ксодар получили последние наставления на тот случай, если я не вернусь. Затем я попрощался с ними и быстро побежал к городу.

Когда я пересек холмы, ближайшая луна уже неслась по небосклону и ее яркие лучи заливали серебром варварское величие древнего

города. Он был построен у подножия холмов, что в далеком забытом прошлом спускались к морю. Благодаря этому я без труда добрался до окраин, не будучи замеченным.

Зеленые орды, что селились в брошенных городах, редко занимали более нескольких кварталов вокруг центральной площади. Обычно завоеватели приходили и уходили по дну мертвого моря, так что со стороны холмов дорога в город была относительно пустынной.

Оказавшись на улицах, я держался в густой тени стен. На перекрестках я выжидал недолго, чтобы убедиться, что никого нет поблизости, и тогда быстро перепрыгивал в тень на противоположной стороне. Таким образом, я дошел до центральной площади без приключений. Когда же я приблизился к обитаемой части города, то сразу определил расположение воинских жилищ по визгу и храпу феоатов и зитидаров, загнанных во внутренние дворы, которые есть в каждом квартале.

Эта давно знакомая какофония была столь характерна для жизни зеленых марсиан, что меня охватила дрожь удовольствия. Так бывает, когда вернешься домой после долгого отсутствия. Именно такие звуки раздавались вокруг, когда я впервые увидел несравненную Дею Торис в древних мраморных залах мертвого города Корад.

Я стоял в тени в дальнем конце первого квартала, занятого членами зеленой орды, и наблюдал за воинами, выходившими из разных зданий. Все они шли в одном направлении, к огромному дворцу в центре площади. Мое знание обычаев зеленых марсиан подсказало мне, что там находится либо жилище главного вождя, либо зал собраний, в котором джеддак встречается с джедами и младшими вождями. В любом случае предстоящее событие вполне может быть связано с недавним пленением Тарса Таркаса.

Пробраться во дворец было просто необходимо. Для этого следовало пересечь целый квартал и перейти широкую улицу и часть площади. По реву животных, доносившемуся из каждого двора, было очевидно, что в округе живет множество воинов... пожалуй, несколько общин огромной орды Южного Вархуна.

Проскользнуть незамеченным мимо такой толпы было само по себе задачей нелегкой, но если я хотел найти и спасти великого таркианина, то должен был ожидать и более грозных препятствий, прежде чем добьюсь успеха. Я вошел в город с юга и теперь стоял на перекрестке двух дорог: первая привела меня сюда, вторая шла вдоль южной стороны площади. Здания здесь не выглядели обитаемыми, я не видел в окнах огней и потому решил добраться до внутреннего двора через одно из них.

Мне действительно никто не помешал, и я проник во двор, что

находился близко к стенам восточных зданий. Во дворе беспокойно топталось огромное стадо фоатов и зитидаров, они жевали похожую на мох траву, которой заросли практически все невозделанные территории Марса. Ветер дул с северо-запада, так что животные вряд ли могли меня почуять. Ведь если бы они обнаружили мое присутствие, их усилившийся визг и вой наверняка привлекли бы внимание жителей.

Подобравшись к восточной стене под нависавшими над двором балконами второго этажа, я вошел в густую тень и крался под ее прикрытием до северной стороны. Здесь горели окна на трех этажах, но выше было темно.

Конечно, не шло и речи о том, чтобы соваться в освещенные комнаты, поскольку там было полным-полно зеленых мужчин и женщин. Единственный возможный для меня путь лежал через верхние этажи, значит придется одолеть стену. Дотянуться до балкона второго этажа труда не составило – один прыжок, и мои руки ухватились за каменные перила наверху. В следующее мгновение я подтянулся и оказался на балконе.

Отсюда я увидел через открытые окна зеленых марсиан, сидевших на своих постелях и обменивавшихся односложными словами, что в соединении с их удивительными телепатическими способностями означало оживленную беседу. Когда я подобрался поближе, чтобы подслушать их, в комнату из коридора вошел какой-то воин.

– Идем, Тан Гама, – воскликнул он, – мы должны отвести таркианина к Кабу Кадже. Возьми кого-нибудь с собой.

Тан Гама встал и, кивнув сидевшему рядом с ним солдату, вышел вместе с ним из комнаты.

Если бы я последовал за ними, то мог бы немедленно освободить Тарса Таркаса. Или, по крайней мере, узнал бы, где его держат.

Справа от меня была балконная дверь. Она выходила в тупик неосвещенного коридора, и я, повинувшись порыву, метнулся туда. Коридор оказался широким и шел вдоль фасада. По обе его стороны было множество дверей.

Едва я очутился в коридоре, как в другом его конце увидел троих воинов – тех, которые только что вышли из комнаты. Они повернули направо и снова исчезли из

Я подтянулся и оказался на балконе

виду. Я быстро последовал за ними. Судьба воистину была благосклонна ко мне, и я не собирался упускать удачу.

В дальнем конце коридора обнаружилась винтовая лестница. Трое явно спешили именно сюда. В том, что они пошли вниз, а не вверх, я был уверен, поскольку имел представление и об архитектуре древних зданий, и о порядках вархунцев.

Я ведь тоже некогда томился в плену у этих жестоких орд из Вархуна, и воспоминание о подземной тюрьме, где меня держали, до сих пор было живо в моей памяти. Меня не покидала уверенность, что Тарс Таркас также лежит где-нибудь в темном подвале неподалеку. Я должен был проследить за тремя воинами и найти своего друга во что бы то ни стало.

И я не ошибся. В конце лестницы, на площадке нижнего этажа, я увидел шахту, уходившую вглубь, и, когда заглянул в нее, обнаружил внизу мерцание факелов, выдававшее ту троицу.

Они спускались в подвалы под зданием, а я осторожно шел на свет факелов через путаницу темных извилистых коридоров. Должно быть, через сотню ярдов эти трое резко повернули направо. Я поспешил приблизиться к ним, насколько посмел, и наконец добрался до того места, где они исчезли из виду. Там сквозь открытый дверной проем я увидел, что они снимают цепи, которыми был прикован к стене великий таркианин Тарс Таркас. Грубо подталкивая Тарса Таркаса, воины покинули подвальную камеру, причем так быстро, что чуть не заметили меня. Но я успел отбежать подальше и не попал в круг скудного света.

Естественно, я предположил, что конвоиры поведут Тарса Таркаса той же дорогой, какой пришли сюда, но они, к немалой моей досаде, повернули как раз в мою сторону. Мне ничего не оставалось, кроме как спешить вперед, чтобы остаться в тени. Я не решался укрыться в темноте поперечных коридоров, потому что не представлял, куда направится конвой. Я с равным успехом мог оказаться и в стороне от их маршрута, и прямо у них на пути.

Ощущения, испытанные при быстром передвижении по темным переходам, были далеко не из приятных. Я понимал, что в любой момент могу рухнуть вниз головой в какую-нибудь жуткую яму или столкнуться с одним из тех хищных существ, что обитают под мертвыми городами Марса. Я видел слабое свечение факелов позади, но его едва хватало для того, чтобы не налетать на стены при поворотах.

Вскоре я очутился в месте, где сходились сразу пять коридоров. Некоторое время я шел по одному из них, но вдруг мерцание позади исчезло. Я остановился и прислушался: вокруг царил гробовая тишина.

Я быстро осознал, что воины с пленником повернули в другой проход, и поспешил вернуться к разветвлению, чтобы снова идти следом за

троицей, уводившей Тарса Таркаса. Однако возвращаться оказалось гораздо труднее, потому что теперь тьма стала такой же непроницаемой, как и тишина.

Мне приходилось ощупывать ногой землю, а рукой – стену сбоку, чтобы не проскочить то место, где пять коридоров разбегались в разные стороны. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я добрался до развилки. Однако ни в одном ответвлении не было ни малейших признаков света.

Я напряженно прислушивался, но босые ноги зеленых людей не рождали эха, и далеко не сразу удалось различить негромкое звяканье оружия в глубине среднего коридора. Туда я и направился, ища свет и время от времени останавливаясь, чтобы снова услышать те же звуки, но опять мне пришлось признать свою ошибку, потому что лишь тишина и темнота вознаградили мои усилия.

Я снова пошел обратно, к разветвлению дорог, и тут, к своему удивлению, наткнулся на вход в расширение, от которого отходили сразу три коридора. Видимо, я последовал по одному из них после того, как ошибся дорогой во второй раз. Вот уж незадача! Если бы я сразу нашел то место, где разбегались пять коридоров, можно было, с изрядной долей уверенности, просто подождать, когда воины с Тарсом Таркасом вернутся. Я ведь знал их обычаи и понимал, что, скорее всего, его повели в зал приемов, чтобы объявить приговор. Я ничуть не сомневался в том, что вархунцы приберегут такого воина, как великий таркианин, для Больших игр, чтобы поразвлечься за его счет как следует.

Но если бы я не вышел обратно к развилке, то мог бы блуждать долгие дни в этой чудовищной тьме, пока, ослабевший от голода и жажды, не лег бы и не умер или... о, а это что такое?

Тихий шаркающий звук донесся сзади, и, когда я осторожно оглянулся через плечо, кровь застыла в моих венах при виде существа за моей спиной. Но страх был вызван не столько сиюминутной опасностью, сколько пугающими воспоминаниями. Когда-то я чуть не сошел с ума из-за человека, которого убил в тюрьме Вархуна. Сверкающие глаза появились из тайных углов, тело утащили прямо из моих рук, и я слышал, как монстры скребут когтями по камням, унося добычу на свой жуткий пир.

И теперь в черном лабиринте я смотрел в такие же свирепые глаза, уставившиеся на меня сквозь тьму, в которой невозможно было разглядеть самого зверя. Думаю, самое страшное в этих чудовищных тварях то, что они не производят ни звука и что никто никогда не видел их целиком... кроме зловещих зрачков, которые горят во мраке не мигая.

Крепко сжав рукоять длинного меча, я медленно попятился по коридору от твари, что наблюдала за мной, но, как я ни отдалялся, она не отступала, и все так же вокруг не было слышно ни звука, ни вдоха, лишь изредка раздавался все тот же шорох, как будто зверь волочил за собой лапу.

Я шел дальше и дальше, но не мог избавиться от своего жуткого преследователя. Внезапно что-то зашуршало справа, и, повернувшись, я увидел другую пару глаз, явно приближавшуюся по поперечному проходу. Я снова тронулся с места – и опять услышал шум за спиной, и, прежде чем успел обернуться, шорох повторился слева.

Твари окружили меня. Они заперли меня на пересечении двух тоннелей. Возможность отступления была отрезана со всех сторон. Вступить в схватку с одним из зверей? Но тогда можно не сомневаться, что остальные просто набросятся на меня сзади. А я ведь даже о размерах этих тварей не имел ни малейшего представления. То, что они были не из мелких, я мог догадаться по тому факту, что их глаза находились на одном уровне с моими.

Ну почему темнота всегда преувеличивает опасность? Днем я бы схватился с самым огромным из банхов, если бы счел это необходимым, но, окруженный во тьме молчаливыми тварями, я колебался при виде какой-то пары глаз.

Вскоре я увидел, что ситуация может вот-вот выйти из-под моего контроля, потому что зрачки справа медленно приближались, а заодно подбирались поближе и те, что были слева, сзади и спереди. Монстры подкрадывались ко мне... все в той же жуткой тишине!

Казалось, многие часы подряд кольцо хищников сжималось вокруг меня, и я почувствовал, что готов просто сойти с ума от ужаса. Я непрерывно вертелся, чтобы предотвратить внезапное нападение со спины, и наконец изнемог. Когда нервы сдали окончательно, я, стиснув покрепче рукоять меча, резко повернулся и бросился на одного из своих мучителей.

Я уже почти настиг его, но он внезапно отпрянул, однако негромкий звук сзади заставил меня развернуться; три пары глаз мчались ко мне с другой стороны. С яростным воплем я кинулся на трусливых тварей, но они ретировались, как и первый хищник. Еще один взгляд через плечо дал мне знать, что первые глаза опять близко. Я во второй раз атаковал, и монстр тут же попятился, а другие приготовились напасть сзади.

Смертельная игра продолжалась, и каждый раз глаза оказывались немного ближе, чем прежде, – должно быть, я терял рассудок от этого тяжелого испытания. Было очевидно, что хищники выжидают момент, чтобы прыгнуть мне на спину. И очень скоро я стану их жертвой, поскольку не в силах выдержать бесконечной череды нападений и

отступлений. Я действительно чувствовал, что слабее от умственного и физического напряжения.

Тут я заметил краем глаза, что одинокая пара глаз резко бросилась ко мне. Я обернулся, чтобы отразить нападение, и тут же три чудовища атаковали меня с другой стороны, но я твердо решил догнать первую тварь, рассчитаться с ней и таким образом уменьшить количество врагов.

В коридоре не было слышно никаких звуков, кроме моего собственного дыхания, но я знал, что три зловещие тени почти рядом. Глаза впереди удалялись теперь не так быстро; я почти доставал их своим мечом. Я собрался нанести удар, который должен был освободить меня, – и тут же почувствовал на своей спине тяжелое тело. Холодное, влажное, скользкое нечто тянулось к моему горлу. Я споткнулся и упал.

XV

Бегство и преследование

Я лежал в беспомощности не больше нескольких секунд, но чувств все-таки лишился, поскольку следующим, что я осознал, был свет. Он становился все ярче. Зловещие глаза исчезли.

Я был невредим, если не считать небольшого синяка на лбу – видимо, ударился о камни при падении.

Вскочив на ноги, я поискал взглядом источник света. Он исходил от факела, который держал в руке один из четырех зеленых воинов, быстро шедших по коридору в мою сторону. Они меня еще не заметили, и потому я не мешкая скользнул в первый попавшийся боковой проход. Однако на сей раз не стал отдаляться от главного тоннеля, помня о том, как потерял Тарса Таркаса и его стражей.

Отряд быстро приближался к тому месту, где я прижимался к стене. Но зеленые воины прошли мимо, и я вздохнул с облегчением. Меня не обнаружили, а еще большей удачей было то, что именно за этими людьми я гнался. То есть мне попались на глаза Тарс Таркас и трое его стражей.

Я поспешил за ними, и вскоре мы были у камеры, в которой огромный таркианин сидел в цепях. Двое воинов остались снаружи, а третий, с ключами в руках, вошел внутрь вместе с Тарсом Таркасом, чтобы снова запереть замки на его кандалах. Двое других не спеша направились к винтовой лестнице, что вела на верхние этажи, и скоро исчезли за поворотом.

Факел остался воткнутым в гнездо рядом с дверью, так что он одновременно освещал и коридор, и застенок. И когда я увидел, что двое стражей ушли, у меня созрел план действий. Я двинулся к входу в

камеру.

Хотя мне и не нравилось то, что я задумал, выбора не оставалось. Уж очень мне хотелось вернуться вместе с Тарсом Таркасом в маленький лагерь в холмах.

Держась у самой стены, я подобрался почти вплотную к двери камеры Тарса Таркаса, остановился и занес длинный меч, держа его обеими руками, чтобы резко ударить тюремщика по голове, когда тот появится.

Не стоит останавливаться на том, что случилось, когда я услышал шаги приближавшегося к двери стража. Достаточно сказать, что через минуту-другую Тарс Таркас, украшенный знаками вождя Вархуна, спешил по коридору к лестнице, с факелом в руке. А в нескольких шагах за ним следовал Джон Картер, принц Гелиума.

Двое товарищей воина, который теперь лежал у двери в бывшую камеру Тарса Таркаса, как раз начали подниматься наверх, когда их догнал таркианин.

– Эй, почему так долго, Тан Гама? – крикнул один из них.

– Замок заело, – ответил Тарс Таркас. – И оказывается, я забыл в камере короткий меч. Идите, я вернусь и заберу его.

– Как хочешь, Тан Гама, – сказал тот, что спрашивал. – Увидимся наверху.

– Да, – бросил Тарс Таркас и повернулся, как будто направляясь к камере, но он просто выждал, пока эти двое не исчезнут наверху.

Потом я догнал его, мы погасили факел и вместе прокрались по винтовой лестнице.

На первом этаже был большой холл, полный зеленых марсиан, так что через него мы никак не могли выйти во внутренний двор; нам оставалось лишь одно – добраться до второго этажа и того коридора, по которому прошел я, он проходил через все здание.

Мы осторожно поднялись выше. Слышались звуки голосов в комнате наверху, но этаж оставался неосвещенным, нам никто не встретился по пути, так что мы благополучно выбрались на балкон над двором.

Справа от нас светилось окно комнаты, в которой я видел Тана Гаму и его соратников этим же вечером, когда они отправлялись за Тарсом Таркасом. Приятели Тана Гамы уже вернулись, и мы слышали часть их разговора.

– А Тан Гама где застрял? – поинтересовался один.

– Да уж, больно долго он ищет свой короткий меч в камере, – отозвался второй.

– Короткий меч? – раздался женский голос. – О чем это ты?

– Тан Гама забыл короткий меч в камере таркианина, – пояснил первый воин, – и вернулся за ним.

– Тан Гама не брал сегодня короткий меч, – сказала женщина. – Он

сломался днем, во время схватки с таркианином, и Тан Гама отдал его мастеру. Вот он, смотри! Я его уже принесла.

И женщина извлекла короткий меч Тана Гамы из-под покрывала своей постели.

Воины вскочили.

– Тут что-то не так! – воскликнул один из них.

– Я и сам так подумал, когда он нас оставил в коридоре, – согласился другой. – Мне показалось, что его голос звучит как-то странно.

– Бежим! Скорее в подвал!

Мы не стали слушать дальше. Связав свои ремни воедино, я спустил Тарса Таркаса во двор и скоро уже стоял рядом с ним.

Мы едва обменялись десятком слов с того момента, когда я одним ударом свалил на пол камеры Тана Гаму, и теперь в слабом свете факела на лице великого таркианина отражалось бесконечное изумление.

– Пора бы уже, – сказал он, – перестать удивляться тем чудесам, на которые способен Джон Картер.

Вот и все. Ему незачем было говорить мне, что он весьма ценит дружбу, заставившую меня рисковать ради его спасения, и тем более излишними оказались бы уверения в том, что он рад меня видеть.

Этот свирепый зеленый воин был первым, кто встретился мне в тот день, когда я впервые очутился на Марсе двадцать лет тому назад. В сердце его пылала ненависть к чужаку. Он нацелил на меня копье и, пригнувшись к шее фоата, ринулся на пришельца, стоявшего рядом с инкубатором его племени на дне мертвого моря близ Корада. А теперь среди обитателей двух миров я не нашел бы лучшего друга, чем Тарс Таркас, джеддак Тарка.

Оказавшись во дворе, мы на минутку укрылись в тени под балконом, чтобы обсудить дальнейшие действия.

– Теперь нас будет пятеро, Тарс Таркас, – сказал я. – Тувия, Ксодар, Карторис и мы с тобой. Нам понадобятся пять фоатов.

– Карторис! – воскликнул Тарс Таркас. – Твой сын?

– Да. Я нашел его в тюрьме в острове Шадор, в море Омин, в землях перворожденных.

– Я ничего не знаю о таких местах, Джон Картер. Это где-то на Барсуме?

– Это в его недрах, друг мой, но подожди – как только мы сбежим отсюда, ты узнаешь необычайно странную историю, которой не слышал никто из барсумиан внешнего мира. А сейчас нам нужно украсть фоатов и поспешить на север, пока эти ребята не обнаружили обман.

Мы благополучно добрались до больших ворот в дальнем конце двора, чтобы через них вывести фоатов на улицу. Было не так-то просто справиться с пятью огромными злыми зверями, которые по своей

природе так же дики и свирепы, как и их хозяева, и которых держат в подчинении исключительно грубой силой.

Когда мы подошли к фоатам, они уловили незнакомые запахи и принялись с визгом описывать возле нас круги. Чудища вытягивали длинные мощные шеи и разевали пасти над нашими головами. Выглядели эти звери – страшнее не придумаешь, они и в спокойном состоянии могли напугать кого угодно, а уж когда злились, становились крайне опасными. Фоаты достигают добрых десяти футов в холке. Кожа у них гладкая, бесшерстная, темного аспидного цвета, переходящего в ярко-желтый на восьми лапах; подошвы же толстые, мягкие, без когтей. Живот у этих злобных марсианских скакунов белоснежный, а плоский хвост расширяется к концу. Таков боевой конь воинственного зеленого народа.

Поскольку управляют фоатами исключительно при помощи телепатии, то нет нужды в уздечке или поводьях. Оставалось найти тех, которые повиновались бы нашим приказам. Пока стадо толкалось вокруг, мы сумели более или менее успешно совладать с животными и удержать их от нападения, но шум, поднятый скакунами, наверняка привлек внимание воинов. Кто-то из них мог выйти во двор.

Наконец мне удалось подобраться к одному здоровенному зверю, и, когда он понял мое намерение, я решительно вспрыгнул на его блестящую спину. Через мгновение Тарс Таркас оседлал второго, и потом мы выбрали еще трех или четырех и погнали их между нами к большим воротам.

Тарс Таркас ехал впереди, затем, наклонившись к засову, открыл выход, а я тем временем удерживал животных, не давая им вернуться к стаду. И вот мы поскакали по улице, ведя за собой украденных фоатов, и даже не потрудились закрыть ворота, поскольку спешили к южной границе города.

До этого момента наше бегство мало чем отличалось от чуда, и фортуна по-прежнему не покидала нас, потому что мы промчались через окрестности мертвого города и добрались до нашего лагеря, так и не услышав за собой погони.

Я негромко засвистел, подавая сигнал, предупреждающий о моем возвращении, и нас встретили трое друзей, которые бурно радовались нашему воссоединению.

Однако мы не стали тратить много времени на рассказ о нашем приключении. Тарс Таркас и Карторис обменялись вежливым приветствием, принятым на Барсуме, но я сразу ощутил, что таркианину очень нравится мой сын и Карторис отвечает ему тем же.

Ксодар и зеленый джедак были официально представлены друг другу. Затем Тувия уселась на самого спокойного из фоатов, Ксодар и

Карторис вскочили на двух других, и мы помчались на восток. Ближе к городу мы повернули на север и под сияющими лучами двух лун бесшумно понеслись по дну мертвого моря, прочь от вархунцев и перворожденных, к новым опасностям и приключениям... Впрочем, так это или нет, мы не знали.

Ближе к полудню следующего дня мы остановились, чтобы отдохнуть самим и дать отдых нашим скакунам. Животные уже спотыкались, им нужно было не спеша подкрепиться коричневатými, похожими на мох растениями, которые составляли всю их пищу и питье во время нашего похода. Тувия вызвалась постоять на страже, пока остальные вздремнут хотя бы час.

Мне показалось, что едва я закрыл глаза, как тут же ощутил на плече ее руку и услышал тихий голос, предупреждавший о новой опасности.

– Проснись, мой принц! – прошептала девушка. – Там, похоже, большой отряд преследователей!

Она показывала в том направлении, откуда мы приехали, и я, встав и присмотревшись, действительно различил на горизонте темную линию. Пришлось разбудить остальных. Тарс Таркас, чей огромный рост позволял видеть дальше, также взгляделся в даль.

– Да, там множество верховых, – подтвердил он, – и они несутся на полной скорости.

Терять время было нельзя. Мы подбежали к стреноженным животным, освободили их и сели верхом. А потом снова помчались на север так быстро, как только мог бежать самый медлительный из наших фоатов.

Остаток дня и всю следующую ночь мы неслись по коричневым равнинам, а преследователи явно не собирались отставать. Хуже того, они постепенно сокращали расстояние между нами. И перед наступлением темноты наши враги были уже так близко, что мы смогли узнать в них зеленых марсиан. В течение долгой ночи за нашими спинами отчетливо слышалось звяканье их оружия и украшений.

На второй день погони восходящее солнце осветило зеленую орду не более чем в полумиле от нашего отряда. Когда воины увидели нас, над их рядами пронесся дьявольски громкий победоносный крик.

В нескольких милях впереди лежала гряда холмов – это был дальний берег мертвого моря, которое мы пересекали. Если бы нам удалось добраться туда, наши шансы на спасение многократно увеличились бы. Однако скакун Тувии изнемог от усталости, несмотря на то что вез самого легкого седока. Внезапно он пошатнулся и повалился на моего фоата, поскольку я скакал рядом. Было ясно, что бедолаге не устоять на ногах, и, прежде чем он рухнул на землю, я подхватил Тувию и перебросил ее к себе за спину, а она уцепилась за меня обеими руками.

Она уцепилась за меня обеими руками

Вскоре стало очевидно, что двойная ноша не по силам моему, и без того уставшему, «коню», и наша скорость сильно уменьшилась, потому что остальным приходилось двигаться не быстрее, чем самый медленный из нас. Никто из нашего маленького отряда не собирался бросать товарищей, хотя все мы

были из разных стран, принадлежали к различным расам с разным цветом кожи, исповедали разные религии... а один и вовсе прибыл из другого мира.

До холмов было рукой подать, но вархунцы быстро догоняли нас, и мы уже не надеялись оторваться от них. Мы с Тувией ехали последними, потому что наш фоат хромал все сильнее и сильнее. Внезапно я почувствовал, как теплые губы девушки прижались к моему плечу.

– Ради тебя, о принц! – пробормотала она.

А потом разжала руки, отпустив мою талию, и исчезла.

Я обернулся и увидел, что она намеренно прыгнула на землю прямо на пути злобных демонов, преследовавших нас. Тувия полагала, что фоат, лишившись одного седока, сумеет донести меня до холмов. Бедное дитя! Ей следовало бы лучше знать Джона Картера.

Развернув скакуна, я погнал его к ней, надеясь подхватить ее и увезти. Карторис, видимо, оглянулся и сразу все понял, потому что оказался рядом с Тувией раньше меня. Спешившись, он бросил девушку на спину фоата, повернул зверя головой к холмам и резко ударил по крупу мечом плашмя. А потом попытался проделать то же самое с моим скакуном. Отчаянное и благородное самопожертвование юноши наполнило меня гордостью, и мне было плевать на то, что мы лишаемся последнего хрупкого шанса на спасение. Вархунцы неотвратимо приближались. Тарс Таркас и Ксодар обнаружили наше отсутствие и спешили на помощь. Все указывало на то, что мое второе путешествие на Марс вскоре закончится, и закончится великолепно. Мне, конечно, было тяжело оттого, что я больше не увижу мою божественную принцессу, не сожму ее снова в объятиях, но если это написано в книге судьбы, значит так оно и должно быть, и если уж мне представилась возможность перед уходом в небытие прихватить с собой как можно

больше врагов, то я, по крайней мере, собирался оставить о себе такую память, какая не угасла бы в следующие двадцать поколений.

Поскольку Карторис оказался пешим, я тоже соскочил на землю и встал рядом с ним, чтобы встретить орду воющих демонов, несшихся на нас. Скоро подросли и Тарс Таркас с Ксодаром.

Вархунцы были, наверное, в ста ярдах от нас, когда прямо над нами раздался громкий удар, и почти в то же самое мгновение прямо в гуще зеленых воинов взорвался снаряд. Сразу начался хаос. Не меньше сотни врагов покатались на землю. Лишившись всадников, флоты носились туда-сюда среди мертвых и умирающих и растаптывали упавших своими мощными ногами. Вражеские ряды были смяты, а когда вархунцы посмотрели вверх, чтобы выяснить, кто их атаковал, беспорядок превратился сначала в бегство, а затем в дикую панику. Еще через секунду вархунцы ударили от нас с такой же скоростью, с какой за нами гнались.

Мы тоже повернулись в ту сторону, откуда раздался первый выстрел, и увидели прямо над вершинами ближайших холмов огромный военный корабль, величественно плывший в воздухе. Носовое орудие заговорило снова, и еще один снаряд разорвался в толпе бегущих вархунцев.

Когда корабль приблизился, я невольно громко закричал от восторга, потому что на его носу увидел эмблему Гелиума.

XVI

Под арестом

В то время как мы с Карторисом, Ксодаром и Тарсом Таркасом замерли, радостно глядя на огромное военное судно, чье появление значило для нас так много, из-за гряды холмов показался второй корабль, а потом и третий.

И вот уже два десятка одноместных челноков сорвались с верхней палубы ближайшего корабля и стремительно понеслись к земле.

Еще мгновение – и нас окружили вооруженные воины. Вперед вышел офицер, чтобы поговорить с нами, но тут его взгляд упал на Карториса. С удивленным восклицанием он бросился к юноше и положил ладонь ему на плечо.

– Карторис, мой принц! – воскликнул офицер. – Каор! Каор! Хор Вастус приветствует сына Деи Торис, принцессы Гелиума, и ее супруга Джона Картера. Где ты был, о мой принц? Весь Гелиум погружен в печаль. Ужасное горе охватило могучий народ твоего прадеда с того рокового дня, когда ты нас покинул.

– Не о чем горевать, мой добрый Хор Вастус, – улыбнулся Карторис, – поскольку я не просто вернулся, чтобы порадовать сердце моей матери и сердца моих любимых подданных, но также привел и того, кого

бесконечно любит весь Барсум, – величайшего воина и спасителя Джона Картера, принца Гелиума!

Хор Вастус повернулся туда, куда показывал Карторис, и, когда увидел меня, чуть не лишился чувств от изумления.

– Джон Картер! – закричал он, и тут в его взгляде вспыхнула тревога. – Мой принц, – сказал он, – где же ты...

Он умолк, но я знал, какой именно вопрос он не решился задать. Однако этому преданному воину я не мог признаться в том, что вернулся с таинственной реки Исс, пришел с берегов затерянного моря Корус, из долины Дор.

– Ох, мой принц, – продолжал он как ни в чем не бывало, – довольно и того, что ты снова здесь, и окажи честь мечу Хора Вастуса, позволь ему первым коснуться твоих ног.

С этими словами благородный воин снял с себя перевязь с мечом и бросил их на землю передо мной.

Если бы вы знали обычаи и характер красных марсиан, вы бы оценили глубокий смысл этого простого жеста; его понял и я, и все, кто был тому свидетелем. На словах это означало: «Мой меч, мое тело, моя жизнь, моя душа принадлежат тебе, и делай с ними все, что пожелаешь. До самой смерти и после нее я буду подчиняться тебе всецело. Прав ты или нет, твое слово будет для меня единственной истиной. А тот, кто поднимет на тебя руку, нарвется на мой меч».

Это клятва преданности, которую мужчины иногда дают джеддаку, чьи благородные поступки пробуждают горячую любовь его народа. Мне даже в голову не приходило, что подобная честь может быть оказана простому смертному. Ответ тут мог быть только один. Я наклонился, поднял меч с земли, поднес к губам рукоять, а потом, шагнув к Хору Вастусу, сам надел на него перевязь.

– Хор Вастус, – сказал я, положив ладонь ему на плечо, – ты подчинился прекрасному зову своего сердца. В том, что мне понадобится твой клинок, можно не сомневаться, но прими от Джона Картера торжественную клятву: никогда он не призовет тебя обнажить меч иначе как ради правды, справедливости и закона.

– Знаю, мой принц, – ответил офицер. – Если бы не так, я никогда бы не бросил свой любимый меч к твоим ногам.

Пока мы говорили, другие челноки носились между нами и кораблем. Вскоре с его палубы взлетела довольно большая лодка, которая могла поднять, пожалуй, с десятков человек, и легко опустилась на землю рядом с нами. С ее носа прыгнул другой офицер и, приблизившись к Хору Вастусу, отсалютовал.

– Кантос Кан желает, чтобы спасенные нами люди были немедленно доставлены на борт «Ксавариана», – сообщил он.

Когда мы подошли к лодке, я оглянулся на своих товарищей и только теперь заметил, что Тувии среди них нет. Тут же выяснилось, что никто не видел девушку с того момента, как Карторис посадил ее на своего фоата и отправил к холмам, в надежде спасти от беды.

Хор Вастус тут же послал с десятков разведывательных челноков на ее поиски. Думалось, что Тувия не могла ускакать слишком далеко. А мы тем временем поднялись на палубу присланного за нами судна и скоро уже всходили на борт «Ксавариана».

Первым, кто нас там встретил, был сам Кантос Кан. Мой старый друг успел получить самый высокий пост в военно-воздушном флоте Гелиума, но для меня он оставался все тем же храбрым товарищем, с которым мы коротали дни в тюрьме Вархуна, видели жестокие злодеяния во время Больших игр, а потом преодолели много опасностей в поисках Деи Торис во враждебной Зоданге.

Тогда я был всего лишь безвестным бродягой с чужой планеты, а он – простым падваром. Теперь он командовал небесной армадой Гелиума, мне же была дарована честь зваться принцем дома Тардоса Морса, джеджака Гелиума.

Кантос Кан не расспрашивал меня, где я был. Как и Хор Вастус, он слишком боялся правды и ни за что не стал бы добиваться ее от меня. Рано или поздно он обо всем узнает, а до тех пор его вполне удовлетворяло то, что я снова рядом с ним. Он приветствовал Карториса и Тарса Таркаса с искренней радостью, но и принца не спросил, где тот пропадал.

– Ты ведь не знаешь, Джон Картер, – сказал мне мой друг, – как Гелиум любит твоего сына. Как будто вся наша любовь к его благородному отцу и к его несчастной матери сосредоточилась на нем. Когда стало известно, что он пропал, десять миллионов человек рыдали.

– Что ты имеешь в виду, Кантос Кан, – шепотом спросил я, – когда говоришь «его несчастная мать»?

Мне показалось, что эти слова несут некий зловещий смысл, которого я не улавливал.

Кантос Кан отвел меня в сторону.

– Целый год, – заговорил он, – с того момента, как Карторис исчез, Дея Торис горевала по сыну. Удар, полученный ею много лет назад, когда ты не вернулся с атмосферной фабрики, несколько смягчило исполнение материнского долга, ведь твой сын вылупился из яйца как раз в ту самую ночь. О страданиях принцессы знал весь Гелиум, но ведь и весь Гелиум плакал вместе с ней о своем лорде! Но когда пропал сын и экспедиция за экспедицией возвращались с неутешительным отчетом, что никаких следов найдено не было, наша возлюбленная принцесса стала чахнуть с каждым днем. Наконец окружающие почувствовали,

что, пожалуй, остались считанные дни до того, как она присоединится к своим любимым в тайной долине Дор. И в качестве последнего средства ее отец Морс Каяк и ее дед Тардос Морс снарядили еще два многочисленных отряда и месяц назад возглавили их, чтобы исследовать каждый квадратный дюйм Северного полушария Барсума. Две недели от них не было известий, однако до нас дошли слухи, что произошла катастрофа и участники похода погибли все до единого. Примерно в то же время Сат Аррас возобновил свои попытки добиться руки принцессы. Он это делал с тех самых пор, как ты исчез. Она ненавидела его и боялась. А когда ее отец и дед пропали без вести, Сат Аррас стал весьма могущественным, ведь он по-прежнему джед Зоданги – на это место, если помнишь, его назначил Тардос Морс после твоего отказа. Он тайно встречался с принцессой шесть дней назад. Никто не знает, что там произошло, но на следующий день Дея Торис скрылась, а вместе с ней – десяток ее охранников и многие из слуг, включая Солу, зеленую женщину... это дочь Тарса Таркаса, помнишь? Они не сообщили о своих намерениях: так всегда поступают те, кто добровольно отправляется в паломничество, из которого никто не возвращается. Остается лишь предположить, что Дею Торис поманило ледяное дно реки Исс, а ее преданные слуги решили уйти вместе с ней. Сат Аррас был в Гелиуме, когда она исчезла. Он приказал нашему флоту начать ее поиски. Но мы не нашли следов принцессы, и я боюсь, что все тщетно.

Пока мы разговаривали, челноки Хора Вастуса слетались на «Ксавариан». Но никто не обнаружил Тувию. Я был подавлен новостью об исчезновении Деи Торис, а теперь к этому добавилось еще и волнение за судьбу девушки. Тувия происходила из очень гордой семьи Барсума, и я был полон решимости вернуть ее домой.

Я уже хотел попросить Кантоса Кана продолжить поиски, но тут с флагманского корабля на «Ксавариан» примчалась лодка. Прибывший офицер вручил командующему послание от Арраса.

Мой друг прочел сообщение, а потом повернулся ко мне:

– Сат Аррас приказывает мне доставить к нему «пленников». Делать нечего. Он теперь высшая власть в Гелиуме, и все же с его стороны было бы куда вежливее и благороднее самому явиться сюда и приветствовать спасителя Барсума с должным почтением.

– Ты отлично знаешь, друг мой, – с улыбкой откликнулся я, – что у Сата Арраса есть все причины ненавидеть меня. Ничто не доставит ему большего удовольствия, чем возможность унижить меня, а потом и убить. А теперь у него есть для этого хороший повод, так что давай отправимся туда и посмотрим, насколько у джеда достанет храбрости.

Взяв с собой Карториса, Тарса Таркаса и Ксодара, мы взошли на

палубу небольшой лодки вместе с Кантосом Каном и гонцом и через пару мгновений уже стояли на мостике флагманского корабля Сата Арраса.

Когда мы приблизились к джеду Зоданги, на его лице не отразилось ничего – он как будто не узнавал меня и вовсе не приветствовал; даже Карторис не дождался от него дружеского слова. Сат Аррас держался холодно, высокомерно, самоуверенно.

– Каор, Сат Аррас, – произнес я обычное приветствие, но он мне не ответил.

– Почему пленников не разоружили? – спросил он, обращаясь к Кантосу Кану.

– Они не пленники, Сат Аррас, – ответил офицер. – Двое из них – из самых знатных семей Гелиума. Тарс Таркас, джедак Тарка, – надежный союзник Тардоса Морса. А еще один человек – друг и соратник принца Гелиума... и для меня этого достаточно.

– А для меня – недостаточно, – возразил Сат Аррас. – Меня интересуют не их имена, а то, где они странствовали. Где ты был, Джон Картер?

– Я пришел из долины Дор и страны перворожденных, Сат Аррас, – ответил я.

– А! – воскликнул тот с явным удовольствием. – Так ты этого не отрицаешь? Ты вернулся со дна реки Исс?

– Я вернулся из края ложных надежд, из долины пыток и смерти; вместе с моими товарищами я избежал страшных когтей дьяволов. Я вернулся на Барсум, который спас от безболезненной смерти, чтобы снова спасти его, но на сей раз от гибели поистине ужасной.

– Замолчи, богохульник! – закричал Сат Аррас. – Не надейся спасти свою жалкую шкуру, выдумывая чудовищную ложь о...

Больше он ничего не успел сказать. Никто не мог назвать Джона Картера трусом и лжецом, да еще так небрежно, и Сату Аррасу следовало это знать. Прежде чем хоть чья-то рука поднялась, чтобы остановить меня, я уже был рядом с джедом и стиснул его горло:

– Пришел я из рая или из ада, Сат Аррас, не важно, ты увидишь, что я все тот же Джон Картер, каким был всегда; и никто не может оскорбить меня и остаться в живых... если, конечно, не принесет извинений.

С этими словами я заставил его согнуться, притиснул спиной к своему колену и еще крепче сжал его горло.

– Схватите его! – прохрипел Сат Аррас, и около дюжины офицеров бросились ему на помощь.

Кантос Кан подошел ко мне и шепнул:

– Прекрати, умоляю тебя! Ты всех нас втянешь в беду, ведь я не могу позволить, чтобы эти люди к тебе прикоснулись... Мои офицеры и

солдаты тоже ко мне присоединятся, и это может привести к мятежу, а то и к революции. Ради Тардоса Морса и Гелиума, остановись!

Я отпустил Сата Арраса, повернулся к нему спиной и отошел к поручням.

– Идем, Кантос Кан, – сказал я. – Принц Гелиума желает вернуться на «Ксавариан».

Никто не посмел нам помешать. Сат Аррас стоял среди своих офицеров, бледный и дрожащий. Кое-кто из них посмотрел на него с явным презрением и шагнул в мою сторону, а один, очень долго служивший под началом Тардоса Морса, негромко обратился ко мне, когда я проходил мимо:

– Можешь считать, что я в твоих рядах, Джон Картер.

Я поблагодарил его и пошел дальше. Мы в полной тишине сели на малое судно и вскоре вернулись на палубу «Ксавариана». Через пятнадцать минут с флагманского корабля был получен приказ следовать к Гелиуму.

Мы добрались туда без происшествий. Карторис и я погрузились в мрачайшие мысли. Кантос Кан также впал в уныние, размышляя о дальнейшей суматохе, которая могла возникнуть в Гелиуме, если бы Сату Аррасу вздумалось последовать древнему прецеденту и приговорить к ужасной смерти бежавших из долины Дор. Тарс Таркас горевал из-за потери дочери. Лишь Ксодара ничто не заботило – он был беглецом вне закона, так что в Гелиуме ему вряд ли было бы хуже, чем в любом другом месте.

– Будем надеяться, что мы, по крайней мере, уйдем, хорошенько оросив кровью наши мечи, – сказал он.

Это было самое простое желание, и, скорее всего, оно могло исполниться.

Еще до прибытия в Гелиум я заметил, что офицеры на «Ксавариане» разделились на два лагеря. Одни держались поближе к Карторису и мне и явно готовы были к любым неожиданностям, примерно такое же количество человек нас сторонились. Они обращались к нам с отменной вежливостью, но было очевидно, что каждого из них крепко опутали предрассудки насчет долины Дор, реки Исс и моря Корус. Я не мог их винить, потому что знал, как сильно могут сковывать человека религиозные убеждения, пусть самые нелепые. Они овладевают душами даже очень умных людей.

Вернувшись из долины Дор, мы совершили ужасное богохульство; рассказывая о наших приключениях и заявляя о них как о подлинных, мы оскорбили веру их отцов. Мы были святотатцами... лживыми еретиками. Даже те, кто до сих пор оставался с нами из любви и преданности, все же в глубине души сомневались в нашей

правдивости... Очень трудно принять новое учение вместо старого, но гораздо тяжелее отбросить прежнюю религию, как ненужную бумажку, и взамен не получить ничего.

Кантос Кан не желал слушать о наших мытарствах в землях фернов и перворожденных.

– Довольно и того, – сказал он, – что я подвергаю опасности свою жизнь, поддерживая вас... и не заставляйте меня грешить еще больше, выслушивая ваши рассказы. По-вашему, все, чему меня учили, просто дешевая ересь.

Я знал, что рано или поздно наши друзья и враги будут вынуждены заявить о себе. Когда мы доберемся до Гелиума, настанет момент расплаты; я боялся, что в отсутствие Тардоса Морса на нас со всей тяжестью обрушится вражда Сата Арраса. Именно он теперь представлял правительство Гелиума, и восстать против него было равносильно государственной измене. Бóльшая часть войск, несомненно, последовала бы за своими офицерами, а я не сомневался, что многие из знатных и могущественных военачальников и в сухопутных, и в воздушных силах разойдутся по разные стороны барьера, и одни будут считать Джона Картера богом, другие человеком, а третьи демоном.

С другой стороны, простой народ в большинстве своем, без сомнения, потребует, чтобы я сполна расплатился за свое богохульство. В общем, перспектива выглядела безрадостной, с какой стороны ни посмотри, но меня в тот момент терзали мысли о Дее Торис, и я мало думал о тяжести нашего положения.

Передо мной мелькали кошмарные картины того, что ожидало и, возможно, уже настигло мою принцессу: жуткие травяные люди... злобные белые обезьяны... Я иногда даже закрывал лицо ладонями в тщетном усилии изгнать эти ужасы из головы.

Утром мы долетели до алой башни высотой в милю – она находилась в более крупном городе Гелиума. Когда корабль, описывая большие круги, спускался к военным докам, можно было видеть толпы народа на улицах. Гелиум уже получил аэрограмму о моем приближении.

С палубы «Ксавариана» нас четверых – Карториса, Тарса Таркаса, Ксодара и меня – перевели на небольшую лодку, чтобы доставить в храм Воздаяния. Именно здесь творилось марсианское правосудие, решалось, кто праведник, а кто преступник. Здесь чествовали героев. Здесь проклинали виновных. Нас высадили прямо на крыше этого дворца правосудия, чтобы нам не пришлось пробиваться сквозь толпу, как это бывало обычно. Я не раз прежде видел пленников или знаменитостей, которых вели от ворот Джеддаков в храм Воздаяния по широкой Дороге Предков сквозь плотные ряды людей, либо сыпавших

проклятиями, либо выражавших восторг.

Я знал, что Сат Аррас не осмелится повести нас по городу. Он не доверял горожанам, боялся, что их любовь к Карторису и ко мне самому выльется в демонстрацию, которая сметет даже суеверный страх перед нашим преступлением. В чем состояли его планы, я мог лишь догадываться, но они были весьма зловещи, об этом говорил тот факт, что в храм Воздаяния нас сопровождали лишь самые доверенные люди джеда.

Нас привели в комнату с южной стороны дворца, выходящую окнами на Дорогу Предков, в пяти милях от нас виднелись ворота Джедаков. Люди на площади перед храмом и на улицах на протяжении более мили стояли вплотную друг к другу. Но они вели себя очень организованно – никто не шумел, нас не проклинали, но нам и не рукоплескали. А когда мы показались в окне наверху, многие закрыли лицо ладонями и заплакали.

Позже в тот же день прибыл посланец от Сата Арраса, чтобы сообщить нам: мы предстанем перед справедливым судом знатных людей в большом зале дворца в первом зоде^[2] на следующий день, то есть примерно в восемь часов сорок минут утра по земному счету времени.

XVII

Смертный приговор

На следующее утро за несколько минут до назначенного времени отряд офицеров Сата Арраса вошел в нашу комнату, чтобы проводить нас в большой зал храма.

Мы попарно вступили в зал и промаршировали по широкому Проходу Надежды, как его называли, к возвышению в центре. Впереди и позади нас шагали конвоиры, по три ряда вооруженных солдат Зоданги с обеих сторон охраняли проход от дверей до помоста.

Когда мы приблизились, я увидел наших судей. Как того требовали обычаи Барсума, их было тридцать один, и, предположительно, их избирали из знати, когда судили человека высокого происхождения. Но я, к моему изумлению, не увидел среди них ни единого дружелюбного лица. Конечно, передо мной восседали одни зоданганцы, а ведь именно мне Зоданга была обязана своим поражением от зеленых орд, из-за меня ей пришлось подчиниться Гелиуму. Едва ли судьи могли быть беспристрастны к Джону Картеру, или к его сыну, или к огромному таркианину, который командовал дикими племенами, что затопили улицы Зоданги, совершая грабежи, поджоги и убийства.

Вокруг нас просторный круглый зал-амфитеатр был набит до отказа. Здесь присутствовали все слои общества, мужчины и женщины всех

возрастов. Когда мы вошли, приглушенный шум разговоров затих, а уж когда мы остановились перед Троном Справедливости, все десять тысяч зрителей и вовсе погрузились в гробовое молчание.

Судьи сидели большим кругом по краю круглого помоста. Нас же усадили спиной к невысокому пьедесталу в его центре, лицом к судьям и зрителям. На это возвышение каждый из подсудимых должен был подниматься тогда, когда рассматривалось его дело.

Сат Аррас сидел в золоченом кресле председательствующего судьи. Когда мы заняли свои места, а стражи отошли к подножию лесенки, что вела на возвышение, он встал и назвал мое имя.

– Джон Картер! – громко произнес он. – Займи свое место на Пьедестале Правды, чтобы тебя беспристрастно судили в соответствии с твоими деяниями и воздали тебе по заслугам.

Потом он окинул взглядом зрителей, поворачиваясь в разные стороны, и изложил список моих преступлений.

– Знайте, о судьи и граждане Гелиума, – вещал он, – что Джон Картер, в прошлом принц Гелиума, вернулся, по его собственному утверждению, из долины Дор и даже из самого храма Иссу. В присутствии многих свидетелей он богохульствовал, говоря о священной реке Исс, и о долине Дор, и о затерянном море Корус, и о самих священных фермах, и даже об Иссу, богине Смерти и Вечной жизни. Сейчас вы видите его собственными глазами здесь, на Пьедестале Правды; так знайте же, что он действительно возвратился из тех священных мест и ныне разглагольствует о пустоте наших обычаев и всячески поносит святость нашей древней веры.

Он, умерший однажды, не может жить снова. Он, попытавшийся воскреснуть, должен быть умерщвлен навсегда. Судьи, ваш долг очевиден – и не может быть никаких свидетельств против чистой правды. Чего заслуживает Джон Картер в соответствии с совершенными им деяниями?

– Смерти! – выкрикнул один из судей.

Но тут же среди зрителей кто-то вскочил на ноги и, высоко подняв руку, воскликнул:

– Справедливости! Справедливости! Справедливости!

Это был Кантос Кан, и, когда все взгляды обратились к нему, он проскочил мимо зоданганских солдат и запрыгнул на возвышение.

– Разве это правосудие? – громко пристыдил он Сата Арраса. – Ты не выслушал защитника, не дал никому выступить в пользу обвиняемого! Именем народа Гелиума я требую честного и непредвзятого суда для принца Гелиума!

В зале поднялся оглушительный шум, люди кричали: «Правосудия! Правосудия!» – и Сат Аррас не осмелился противоречить им.

– Тогда говори! – рявкнул он, обращаясь ко мне. – Но не богохульствуй снова о вещах, священных для всего Барсума.

– Народ Гелиума! – воскликнул я, поворачиваясь к зрителям и говоря через головы моих судей. – Разве Джон Картер может ждать справедливого суда от людей из Зоданги? Он даже и просить об этом не станет. Его дело касается только Гелиума. И не только о его деле сейчас идет речь. Речь о ваших женах и дочерях, о тех, кто даже еще не родился. Немыслимые жестокости и унижения ожидают честных женщин Барсума в том месте, которое люди называют храмом Иссу. Надо спасти ваших близких от смертельных обрядов травяных людей, от клыков белых обезьян долины Дор, от грубой похоти священных фернов, от всего того, к чему уносит их холодная мертвая Иссу от теплых домов, полных любви, жизни и счастья. Среди тех, кто сидит здесь, не найдется ни одного, кто не знал бы историю Джона Картера. Как он явился к вам из другого мира и поднял пленников зеленых орд на бунт, как прошел через муки и преследования, чтобы занять место среди достойнейших людей Барсума. Ни один из вас не может сказать, что Джон Картер когда-то солгал ради собственной выгоды, или причинил зло кому-то из барсумиан, или дурно отзывался о вашей религии, которую всегда уважал, хотя и не понимал. И здесь, как и на всем Барсуме, не найдется сегодня человека, который не был бы обязан мне жизнью, ведь я пожертвовал собой и счастьем принцессы ради того, чтобы вы могли жить. И потому, граждане Гелиума, думаю, у меня есть право требовать, чтобы меня выслушали. Поверьте же мне и позвольте служить вам дальше, я хочу спасти вас от ложной веры в долину Дор и Иссу, так же как избавил однажды от неминуемой гибели. К тебе, народ Гелиума, я обращаюсь сейчас. И когда я закончу, пусть люди Зоданги выскажут свое решение. Сат Аррас отобрал у меня меч, так что им незачем меня бояться. Вы будете слушать?

– Говори, Джон Картер, принц Гелиума! – выкрикнул какой-то вельможа из зала, и множество голосов поддержали его, так что все здание задрожало от этого гула.

У Сата Арраса хватило ума не вмешиваться, раз народ выражает свою волю, так что моя речь перед жителями Гелиума длилась два часа подряд.

Но когда я закончил, Сат Аррас встал и, повернувшись к судьям, произнес негромко:

– О знатные люди, вы слышали слова Джона Картера; ему были даны все возможности доказать свою невиновность, раз он о ней заявляет, но вместо того он продолжал кощунствовать. Так каков ваш вердикт, джеды?

– Смерть за богохульство! – завопил кто-то, вскакивая, и все судьи тут

же встали с поднятыми мечами, подтверждая свой приговор.

Если зрители и не разобрали слов Сата Арраса, то приговор трибунала поняли все. Мрачный гул в зале становился все громче и громче, и тогда Кантос Кан, который не уходил с возвышения с того момента, как занял место рядом со мной, вскинул руку, призывая к тишине. Когда шум утих, он обратился к людям спокойным ровным голосом:

– Вы слышали, на что готовы обречь судьи из Зоданги величайшего героя Гелиума. И возможно, долг наших граждан – принять их приговор как окончательный. Но пусть каждый из вас действует по зову собственного сердца. А вот ответ Кантоса Кана, главы военно-воздушного флота Гелиума, Сату Аррасу и его судьям.

С этими словами он снял с пояса ножны с мечом и бросил их к моим ногам.

В один миг солдаты и горожане, офицеры и вельможи ринулись мимо зоданганских солдат и полезли на возвышение. Сотни мужчин хлынули на помост, сотни мечей со звоном и грохотом упали на пол у моих ног. Сат Аррас и его офицеры были в ярости, но поделать ничего не могли. А я поднимал клинки один за другим, подносил их к губам и возвращал владельцам.

– Идемте, – сказал Кантос Кан. – Мы проводим Джона Картера и его отряд в его собственный дворец.

И мои сторонники, сомкнув ряды вокруг меня, направились к ступеням, ведущим к Проходу Надежды.

– Стойте! – закричал Сат Аррас. – Воины Гелиума, не позволяйте пленнику покинуть Трон Справедливости!

Солдаты из Зоданги были единственным регулярным подразделением в храме, поэтому Сат Аррас не сомневался, что его приказ выполнят. Не думаю, будто он мог предполагать иной ход событий.

По всему амфитеатру внезапно взметнулись мечи, жители Гелиума угрожающе двинулись на зоданганцев. Кто-то крикнул: «Тардос Морс умер – да правит тысячу лет Джон Картер, джеддак Гелиума!»

Когда я услышал это и увидел, как яростно граждане нападают на солдат Зоданги, мне подумалось, что только чудо может предотвратить стычку, способную привести к гражданской войне.

– Стойте! – закричал я, снова вспрыгивая на центральное возвышение. – Остановитесь! Слушайте! Всего один удар меча – и в Гелиуме может начаться ужасная, кровавая война, исход которой не известен никому! Она обратит брата против брата, отца против сына! Ни к чему нам такие жертвы! Скорее я готов подчиниться нечестному суду Сата Арраса, чем стать причиной катастрофы в Гелиуме! Давайте лучше оставим все как есть и отложим решение до возвращения Тардоса Морса или Морса Каяка, его сына. Если же никто из них не

вернется до конца этого года, пусть заново свершится суд – такое прежде случалось. – А потом, повернувшись к Сату Аррасу, я негромко добавил: – Если ты не такой дурак, каким я тебя считаю, ты ухватишься за эту возможность, пока еще не поздно. Видишь, сколько мечей внизу? Никто на всем Барсуме, даже сам Тардос Морс, не смог бы предвидеть последствия резни в храме. Что скажешь? Решай быстрее.

Джед Зоданги крикнул, обращаясь к гневному людскому морю вокруг помоста:

– Эй, не размахивайте руками, жители Гелиума! – Его голос дрожал от ярости. – Приговор вынесен, но день его исполнения не назначен. Я, Сат Аррас, джед Зоданги, учитывая высокое родство пленника и его прежние заслуги перед Гелиумом и Барсумом, дарую ему отсрочку на год или до возвращения Морса Каяка либо Тардоса Морса. Расходитесь спокойно по домам! Ступайте!

Но никто не двинулся с места. Вместо того толпа замерла в напряженном молчании, не сводя с меня глаз, как будто ожидая сигнала к нападению.

– Очистить храм! – негромко велел Сат Аррас своим офицерам.

Испугавшись последствий этого приказа, я шагнул к краю возвышения и, указывая на главный вход, жестом предложил всем выйти. Люди как один повернулись к дверям в ответ на мою просьбу и молча, но с угрожающим видом потянулись мимо солдат Сата Арраса, джеда Зоданги, который застыл в бессильной злобе.

Кантос Кан вместе с теми, кто поклялся мне в верности, остался рядом со мной на Троне Справедливости.

– Идем, – сказал он мне наконец. – Мы тебя проводим в твой дворец, принц. Вы с нами, Карторис и Ксодар. И ты, Тарс Таркас.

И, язвительно усмехнувшись в сторону Сата Арраса, он спустился с возвышения. Мы вчетвером и еще сотня преданных мне людей последовали за ним, и ни одна рука не осмелилась подняться, чтобы нас остановить, хотя бешеные взгляды провожали нас во время триумфального шествия через храм.

На улице мы увидели огромную толпу, но она расступилась перед нами, и еще множество мечей полетело к моим ногам, когда я шел через город к своему дворцу на окраине. А там мои старые слуги упали на колени и целовали мне руки, когда я приветствовал их. Какая разница, где пропадали хозяин, – им было достаточно того, что он вернулся.

– Ох, господин! – воскликнул один из них. – Если бы наша божественная принцесса тоже была здесь, этот день стал бы незабываем!

Слезы подступили к моим глазам, так что мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть свои чувства. Карторис открыто заплакал, когда рабы

сгрудились вокруг него, выражая свою любовь и грусть о нашей общей потере. И лишь теперь Тарс Таркас узнал, что его дочь Сола вместе с Деей Торис отправилась в последнее долгое паломничество. У меня не хватило духу раньше рассказать ему об этом. Он выслушал известие, не дрогнув, как любой зеленый марсианин, и ничем не выдал своих переживаний, но я знал: его горе столь же велико, как и мое собственное. Тарс Таркас отличался от своих сородичей, ему были не чужды человеческие чувства любви, дружбы, милосердия.

Да, вечером того дня во дворце принца Гелиума за стол для приветственного пира сели люди печальные и подавленные. Нас было больше сотни, не считая моей собственной маленькой свиты, – в свое время мы с Деей Торис устроили свою жизнь в соответствии с нашим высоким рангом.

Столы, по обычаю красных марсиан, поставили треугольником, потому что в семье нас было трое. Мы с Карторисом сидели каждый в центре своего стола – на равном расстоянии от места Деи Торис посередине, резного кресла с высокой спинкой, оставшегося незанятым; на нем висели роскошные свадебные украшения принцессы. За спинкой кресла стояла рабыня, готовая выполнить любое приказание, – как и в те дни, когда ее госпожа присутствовала на пиру. Так было принято на Барсуме, и мне пришлось с этим согласиться, хотя мое сердце болело при виде пустого кресла, на котором должна была сидеть моя веселая, оживленная принцесса, всех заражавшая своей радостью.

Справа от меня уселся Кантос Кан, а рядом с пустым сиденьем Деи Торис в огромном кресле устроился Тарс Таркас. Много лет назад этот трон сделали для него по моему распоряжению, чтобы громадному таркианину было удобно. Почетное место на Марсе всегда находилось по правую руку хозяйки дома, и Дея Торис закрепила его за нашим могучим другом, который часто навещался в Гелиум.

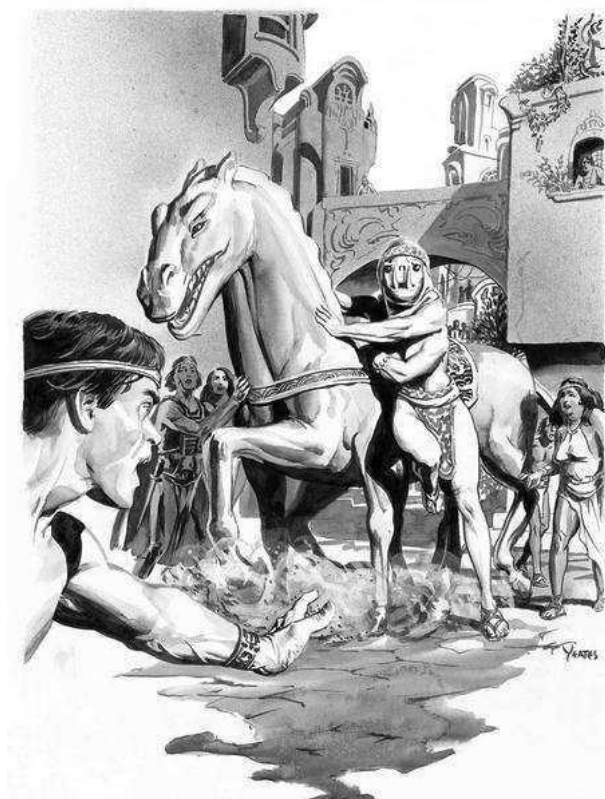
Хор Вастус занимал почетное место за столом Карториса. Разговоров почти не было слышно. Вечер протекал тихо и грустно. Утрата Деи Торис была слишком свежа в памяти каждого, к печали добавлялся страх за безопасность Тардоса Морса и Морса Каяка, а также неуверенность в общей судьбе Гелиума – вдруг окажется, что город действительно лишился своего великого джеддака.

Внезапно наше внимание привлекли далекие голоса, будто бы кричало много людей: то ли гневно, то ли радостно – разобрать было невозможно. Шум все приближался. И тут в обеденный зал ворвался какой-то раб с воплем, что огромная толпа народа входит в дворцовые ворота. Через секунду следом за ним вбежал второй, хохоча и визжа как сумасшедший.

– Дея Торис нашлась! – заорал он во все горло. – Посланник Деи

Торис!

Я не стал слушать, что он еще скажет. Чтобы добраться до огромных окон, выходящих на дорогу к главным воротам, надо было пересечь зал. Не теряя времени на обходной маневр, я одним прыжком

перемахнул через столы и головы гостей и выскочил на балкон. В тридцати футах подо мной лежал алый газон, за ним толпились барсумиане и глазели, как ко дворцу спешит всадник на здоровенном фоате. Я спрыгнул на землю и побежал навстречу.

Приблизившись, я увидел, что на фоате сидит Сола.

— Где принцесса Гелиума? — закричал я.

Зеленая девушка соскользнула с могучего скакуна и бросилась ко мне.

— О мой принц! Мой принц! — воскликнула она. — Она пропала! Ее схватили черные пираты Барсума!

XVIII

История Сола

Я привел Солу в обеденный зал дворца, и после того, как она, согласно обычаям зеленых марсиан, приветствовала своего отца, мы услышали от нее историю паломничества и пленения Деи Торис.

— Семь дней назад, после разговора с Сатом Аррасом, Дея Торис попыталась посреди ночи выскользнуть из дворца незамеченной. Хотя я не слышала ее разговора с Сатом Аррасом, мне стало ясно: случилось то, от чего принцесса впала в отчаяние. А когда я обнаружила исчезновение госпожи, мне не нужно было объяснять ее цель.

Я быстро разбудила десяток ее самых преданных стражей и сообщила им о своих страхах, и они сразу решили последовать за нашей любимой принцессой куда угодно, даже к священной реке Исс и в долину Дор. Мы пошли следом за ней. С принцессой был только преданный Вула, гончий пес, и никого больше. Заметив нас, она разгневалась и приказала всем вернуться во дворец, но мы впервые отказались повиноваться, и, когда госпожа поняла, что ей не позволят отправиться в долгий путь в одиночестве, она заплакала и обняла нас. Затем среди ночи мы все

вместе двинулись на юг.

На следующий день наш маленький отряд набрел на стадо некрупных фоатов, и дальше мы уже ехали верхом. Мы скакали очень быстро, стремясь на юг, пока наконец утром пятого дня не увидели огромный воздушный флот, летевший на север. С кораблей нас заметили раньше, чем мы сумели найти укрытие, и вскоре нас окружило множество чернокожих. Телохранители принцессы отважно сражались, но их вскоре одолели. В живых остались только Дея Торис да я.

Когда принцесса поняла, что попала в когти черных пиратов, она попыталась лишиться себя жизни, но один из них отобрал у нее кинжал, а потом нас обеих связали, чтобы мы не могли шевелить руками.

Захватив нас в плен, корабли продолжили путь на север. Во флотилии было около двадцати больших судов и множество быстроходных крейсеров поменьше. В тот вечер одна маленькая лодка ушла далеко вперед, а потом вернулась с пленницей, краснокожей девушкой, которую пираты поймали в холмах – по их словам, прямо под носом у трех военных кораблей красных марсиан.

Из обрывков разговоров, которые мы слышали, было ясно, что черные пираты ищут беглецов. Они явно считали молодую женщину важной пленницей, потому что командир флотилии очень долго и сердито говорил с ней наедине. Потом ее связали и бросили в то же помещение, где находились Дея Торис и я.

Новая пленница была очень красивой. Она рассказала Дее Торис, что много лет назад отправилась в добровольное паломничество от двора своего отца, джеджака Птарта. Ее звали Тувия. Потом принцесса Птарта спросила Дею Торис, кто она, и, когда услышала ответ, упала на колени и целовала связанные руки госпожи, уверяя, что не далее как этим утром была вместе с Джоном Картером, принцем Гелиума, и его сыном Карторисом.

Дея Торис сначала не могла в это поверить, но потом девушка поведала ей о странных приключениях, которые выпали на ее долю с тех пор, как она встретилась с Джоном Картером, и о том, что говорили ей Картер, Карторис и Ксодар о своих испытаниях в землях перворожденных. И тогда Дея Торис поняла, что речь действительно идет о ее муже, принце Гелиума. «Кто же еще на всем Барсуме, кроме Джона Картера, смог бы совершить такие подвиги!» – воскликнула она. А когда Тувия рассказала, как он предан своей супруге, Дея Торис не выдержала и заплакала, проклиная Сата Арраса и жестокую судьбу, которая увела ее из Гелиума всего за несколько дней до того, как должен был вернуться ее возлюбленный лорд. «Я не виню тебя за то, что ты его полюбила, Тувия, – вздохнула Дея Торис, – и вполне могу поверить, что твоя привязанность к нему чиста, судя по искренности

твоего признания».

Флотилия летела на север почти до границ Гелиума, но в прошлую ночь пираты пришли к выводу, что Джона Картера им уже не поймать, и потому снова повернули на юг. Вскоре после этого какой-то чернокожий вошел в наше помещение и вытащил меня на палубу. «В землях перворожденных зеленым делать нечего», – заявил он и, с силой толкнув меня, сбросил с палубы корабля. Видимо, это показалось ему самым простым способом избавить судно от моего присутствия и одновременно убить меня.

Но тут вмешалась благосклонная судьба, и я каким-то чудом избежала смерти, отделавшись несколькими ушибами. Корабль двигался очень медленно, и при падении за борт во тьму я содрогнулась при мысли об ужасном расстоянии до земли – ведь флотилия весь день шла на высоте в несколько тысяч футов. Но, к моему крайнему изумлению, я рухнула на мягкий ковер из растительности, пролетев не больше двадцати футов. Казалось, киль корабля в тот момент едва ли не задевал траву.

Я пролежала всю ночь на этом месте, а утро принесло объяснение счастливому совпадению, спасшему меня от страшной гибели. Когда поднялось солнце, я увидела перед собой простор высохшего морского дна и цепи холмов. Я была на самой высокой вершине гребня! Корабль в ночной тьме едва не налетел на нее, и как раз в этот момент черный пират сбросил меня вниз, полагая, что я расшибусь насмерть.

В нескольких милях оттуда лежал большой водный путь. Я добралась до него и, к своему восторгу, узнала, что он принадлежит Гелиуму. Там мне дали фота... а остальное вы знаете.

Очень долго никто не произносил ни слова. Дея Торис была в лапах перворожденных! Я содрогнулся при этой мысли, и внезапно меня охватил прежний огонь непобедимой веры в себя. Я вскочил на ноги и, расправив плечи и вскинув над головой меч, торжественно поклялся спасти мою принцессу и отомстить за нее.

Сотня клинков тут же вырвалась из ножен, сто воинов поднялись и предложили мне свою жизнь и солдатскую удачу. У меня уже созрел план. Я поблагодарил друзей и, оставив с ними Карториса, удалился в свои покои с Кантосом Каном, Тарсом Таркасом, Ксодаром и Хором Вастусом.

Там мы во всех деталях обсудили предстоящий поход и говорили до темноты. Ксодар был уверен в том, что Иссу прикажет Дее Торис и Тувии служить ей в течение года.

– Так что все это время они будут в относительной безопасности, – сказал он. – А мы, по крайней мере, будем знать, где искать их.

Подробный план того, как лучше снарядить флот для проникновения к морю Омин, мы поручили составить Кантосу Кану и Ксодару. Кантос

Кан решил, что необходимо как можно скорее вывести из доков суда, которые нам понадобятся, а Ксодар должен руководить их переоснащением, поскольку требовалось установить на них винты для движения по воде.

Черный воин многие годы приспособливал захваченные в верхнем мире корабли для плавания по Омину, так что был отлично знаком и с конструкцией винтов, и с их установкой, и с тем, какое нужно вспомогательное оборудование.

По предварительным оценкам, на подготовку должно уйти около шести месяцев, с учетом строжайшей секретности, дабы о наших проектах не проведал Сат Аррас. Кантос Кан уверял, что запросы этого господина выросли чрезмерно и теперь он рассчитывает получить титул джеддака Гелиума.

– Сомневаюсь, – сказал мой друг, – что он был бы рад возвращению Деи Торис, ведь в этом случае кто-то окажется ближе к трону, чем он сам. А если устранить тебя и Карториса, то ничто не помешает ему захватить власть, и ты прекрасно понимаешь: пока Сат Аррас занимает место правителя, хотя бы временно, вы с сыном будете в постоянной опасности.

– Но есть способ расстроить его планы раз и навсегда! – воскликнул Хор Вастус.

– Как? – спросил я.

Он улыбнулся:

– Я сейчас шепну это вам на ушко, но в один прекрасный день заберусь на купол храма Воздаяния и прокричу эти слова толпе.

– О чем ты? – удивился Кантос Кан.

– Джон Картер, джеддак Гелиума! – тихо произнес Хор Вастус.

Глаза моих товарищей загорелись, мрачные и в то же время довольные улыбки предвкушения расплылись на их лицах, все вопросительно посмотрели на меня. Но я покачал головой.

– Нет, друзья мои, – с улыбкой ответил я. – Я вас благодарю, но такого не может быть. Во всяком случае, сейчас. Сперва нужно убедиться, что Тардос Морс и Морс Каяк не вернутся вовек. И если я буду еще здесь, то присоединюсь к вам, и мы вместе добьемся того, чтобы граждане Гелиума честно выбрали нового джеддака. Тот, кого они выберут, сможет рассчитывать на мой меч, но для себя я такой чести не ищу. А до тех пор Тардос Морс остается джеддаком Гелиума, а Сат Аррас его представляет.

– Как пожелаешь, Джон Картер, – сказал Хор Вастус, – но... Что это? – вдруг шепнул он, показывая на открытое окно, выходившее в сад.

Эти слова едва успели слететь с его губ, как он уже выскочил на балкон.

– Вон он! – взволнованно закричал Хор Вастус. – Стража! Вон там, внизу! Стража!

Мы бросились к нему. Все видели фигуру человека, быстро пробежавшего через небольшую лужайку и исчезнувшего в зарослях кустов.

– Он был на балконе, когда я его заметил! – кричал Хор Вастус. – Скорее! Догоним его!

Мы помчались в сад и целый час обыскивали все вокруг, однако никаких следов ночного разбойника не нашли.

– Что скажешь, Кантос Кан? – спросил Тарс Таркас.

– Это шпион Сата Арраса, – ответил тот. – Он всегда так действует.

– Ему будет что рассказать своему хозяину, – засмеялся Хор Вастус.

– Надеюсь, он услышал лишь наши слова о новом джеддаке, – сказал я. – Но если он узнал о планах по спасению Деи Торис, то это грозит гражданской войной, потому что нас попытаются остановить, а я не желаю останавливаться. Я готов восстать против самого Тардоса Морса, если необходимо. Пусть из-за моего решения Гелиум утонет в крови, я все равно отправлюсь спасать мою принцессу. Ничто меня не остановит, кроме смерти, а если мне придется умереть, друзья мои, готовы ли вы поклясться продолжать поиски и вернуть Дею Торис ко двору ее деда?

Все, положив ладони на рукояти мечей, поклялись выполнить мою просьбу.

Было решено, что военные корабли, которые следовало переоборудовать, нужно направить в Хастор, второй город Гелиума, дальше к юго-западу. Кантос Кан полагал, что тамошние доки могут принять по меньшей мере шесть дополнительных судов одновременно. Поскольку он был главнокомандующим военно-воздушным флотом, ему не составляло труда отдать соответствующий приказ и потом держать корабли в отдаленной части империи, пока мы не будем готовы к налету на Омин.

Стояла поздняя ночь, когда наше совещание закончилось, но каждый теперь знал свои обязанности, и все подробности нашего плана были разработаны.

Кантос Кан и Ксодар займутся переоборудованием кораблей. Тарс Таркас свяжется с Тарком и выяснит, как там отнесутся к его возвращению из долины Дор. Если благосклонно, то он немедленно поедет на родину и соберет огромную орду зеленых воинов, которых, по плану, необходимо будет переправить прямо в долину Дор и к храму Иссу, в то время как наш флот проникнет к Омину и уничтожит корабли перворожденных.

На Хора Вастуса возлагалась непростая миссия – организовать тайные

отряды, готовые последовать за Джоном Картером, куда бы он их ни повел. Как мы подсчитали, нам должно понадобится около миллиона человек, чтобы нагрузить тысячу больших кораблей, которые мы намеревались использовать на Омине и для транспортировки зеленых воинов, а также сопровождения грузовых судов, – в общем, Хору Вастусу работа предстояла нешуточная.

Когда все разошлись, я пожелал Карторису доброй ночи, потому что очень устал, пошел в свои покои, принял ванну и улегся в постель, чтобы выспаться как следует в первый раз после возвращения на Барсум. Но опять мне это не удалось.

Не знаю, долго ли я спал. Но когда я внезапно проснулся, меня окружало с полдюжины крепких мужчин, во рту у меня торчал кляп, а мои руки и ноги были надежно связаны. Неизвестные действовали так быстро и уверенно, что я просто не имел возможности сопротивляться.

Они не произносили ни слова, мне же ни звука не давал выдавить кляп. Меня бесшумно подняли и понесли к двери спальни. Когда они проходили мимо окна, сквозь которое проникали сияющие лучи дальней луны, я увидел, что лица налетчиков плотно закрыты кусками шелка... Я не мог узнать ни одного из них.

Мои похитители вышли в коридор и сразу повернули к тайной панели в стене, за которой скрывался ход, ведущий к дворцовым подвалам. Их осведомленность говорила о том, что кто-то из этих людей служил в моем дворце, тут сомнений быть не могло. Ведь тот, кто ими руководил, не медлил ни секунды. Он уверенно подошел к панели, коснулся скрытой кнопки, а когда дверь повернулась, отступил в сторону, чтобы пропустить остальных. Потом он закрыл панель и последовал за другими.

Мы спускались по коридорам все ниже и ниже. У входа в подвал главный постучал по двери рукоятью меча – три быстрых коротких удара, пауза, еще три удара, снова пауза, два удара... Через секунду часть стены сдвинулась, и меня втокнули в ярко освещенное помещение, где сидели три пышно одетых человека.

Один из них повернулся ко мне с язвительной улыбкой на тонких жестоких губах... Это был Сат Аппас.

XIX

Глубокое отчаяние

– Ах! – воскликнул Сат Аппас. – И каким же счастливым обстоятельствам я обязан сему удовольствию? Что столь неожиданно привело ко мне принца Гелиума?

Пока он говорил, один из стражей вынул кляп из моего рта, но я не стал отвечать Сату Аппасу, стоял молча и спокойно смотрел на джеда

Зоданги. И не сомневаюсь, что на моем лице отражалось все мое презрение к этому человеку.

Взгляды присутствующих сначала остановились на мне, потом на Сате Аррасе, и наконец его лицо слегка загорелось от гнева.

– Можете идти, – бросил он тем, кто привел меня, и, когда в помещении остались лишь я и двое приближенных джеда, заговорил снова, ледяным тоном, подчеркнуто медленно, часто делая паузы, как будто подбирая каждое слово. – Джон Картер, – сказал он, – в силу обычаев, по закону нашей веры и по приговору справедливого суда ты должен умереть. Люди тебя не спасут – только я один способен это сделать. Ты полностью в моей власти, я волен поступить с тобой как угодно – убить, освободить, – а убить-то было бы разумнее всего. Если ты останешься в Гелиуме на год, согласно данной тебе отсрочке, то можно опасаться, что народ станет настаивать на исполнении вынесенного тебе приговора. Но при некоем условии ты можешь получить свободу уже через две минуты. Тардос Морс никогда не вернется в Гелиум. А также Морс Каяк и Дея Торис. Гелиум в течение года изберет нового джедака. И им должен стать Сат Аррас. Скажи, что ты меня поддержишь. Это цена твоей свободы. Я все сказал.

Я знал, что в глубине своего злобного сердца Сат Аррас желает уничтожить меня. В случае моей смерти можно было не сомневаться в том, что он с легкостью станет джедаком Гелиума, а вот мои храбрые товарищи, вероятно, не сумеют отправиться на поиски Деи Торис. К чему же приведет мой отказ? Сат Аррас, скорее всего, займет трон Гелиума, а Дея Торис неминуемо погибнет, испытав все ужасы арены Иссу.

С секунду я пребывал в растерянности, но не дольше. Гордая дочь тысячи джедаков предпочла бы смерть столь бесчестному союзу, и Джон Картер не мог сделать для Гелиума меньше, чем сделала бы его принцесса.

Я посмотрел на Сата Арраса.

– Не может быть никакого договора, – промолвил я, – между предателем Гелиума и принцем дома Тардоса Морса. Я не верю, Сат Аррас, что великий джедак мертв.

Сат Аррас пожал плечами.

– Ну, все равно это скоро случится, Джон Картер, – сказал он. – Если ты даже собственные интересы не желаешь соблюсти, так хотя бы ради других постарайся. Сат Аррас готов дать тебе время, чтобы ты еще подумал над его великодушным предложением. Можешь эту ночь провести в размышлениях, и знай, что если ты в разумный срок не примешь правильного решения, то никогда уже не выйдешь снова на свет. И не угадаешь, в какой момент настигнет тебя в тишине и тьме

подвала рука с кинжалом, что лишит тебя последнего шанса наслаждаться теплом, свободой и радостью мира.

Сат Аррас замолчал и хлопнул в ладоши. Стражи вернулись.

Джед махнул рукой в мою сторону.

– В ямы его, – бросил он.

И все.

Четверо мужчин вытолкали меня из помещения и, освещая себе путь радиевыми фонариками, повели через тоннели, казавшиеся бесконечными, вниз, в глубокое подземелье.

Наконец они остановились в какой-то большой пещере. Здесь в каменную стену были вделаны кольца. К ним крепились многочисленные цепи, а к концу одной из них был прикован человеческий скелет. Один из стражей пинком отшвырнул его в сторону и, открыв огромный висячий замок, некогда замыкавший кандалы на чьей-то лодыжке, надел металлический зажим на мою ногу. А потом они ушли и унесли свет с собой.

Вокруг было абсолютно темно. Несколько минут я еще слышал звук удалявшихся шагов, но вскоре тишина стала такой же непроницаемой, как и тьма. Я был один с моими мрачными соседями – костями мертвецов, чья судьба, похоже, предвещала мою собственную.

Долго ли я стоял, прислушиваясь в темноте, не знаю, но тишину ничто не нарушало. Тогда я опустился на твердый пол своей тюрьмы и, прислонившись к каменной стене, заснул.

Наверное, я проспал несколько часов, а проснувшись, обнаружил стоявшего передо мной молодого человека. В одной руке он держал фонарь, а в

другой – сосуд с похожей на кашу смесью, что была обычной пищей заключенных на Барсуме.

– Сат Аррас шлет тебе свои приветствия, – произнес юноша, – и велит сообщить: хотя ему известно о заговоре с целью захвата власти в Гелиуме, он все же не склонен отказаться от предложения, которое сделал тебе. Чтобы получить свободу, ты должен лишь передать Сату Аррасу, что принимаешь его условия.

Я отрицательно качнул головой. Юноша ничего больше не сказал и,

поставив еду на пол передо мной, вернулся в тоннель, унеся фонарь.

Молодой надзиратель приходил много дней подряд, дважды в сутки, приносил мне еду и каждый раз передавал все те же слова Сата Арраса. Я не раз пытался вовлечь его в разговор, но он не желал отвечать, и мне пришлось сдаться.

Месяц за месяцем я искал способ сообщить Карторису о том, где нахожусь. Долгие месяцы я царапал одно из звеньев удерживавшей меня массивной цепи, надеясь постепенно ослабить ее, чтобы потом последовать за юношей через путанные ходы – туда, где я мог бы вырваться на свободу.

Я был вне себя от тревоги, поскольку не знал, продолжается ли подготовка экспедиции по спасению Деи Торис. Чувства подсказывали мне, что Карторис не откажется от задуманного, если он свободен в своих действиях, но, насколько я понимал, он также мог стать пленником Сата Арраса.

Очевидно, шпион подслушал ту часть нашего разговора, которая касалась избрания нового джеддака, но ведь за несколько минут до того мы обсуждали подробности плана по спасению Деи Торис. Было вполне возможно, что и об этом стало известно Сату Аррасу. И тогда Карториса, Кантоса Кана, Тарса Таркаса, Хора Вастуса и Ксодара могли запросто убить или бросить за решетку.

Я решил по мере сил выпытать у надзирателя как можно больше и потому изменил свою стратегию, когда он в следующий раз явился в мою камеру. Я давно заметил, какой он красивый парень; он был примерно такого же роста и возраста, что и Карторис. И еще я обратил внимание, что потертые ремни тюремщика плохо сочетаются с его благородным и гордым видом.

Именно на этом наблюдении я и решил построить диалог.

– Ты был очень добр ко мне за все время моего плена, – заговорил я, – и, поскольку мне осталось жить недолго, я, пока не поздно, хотел бы доказать тебе свою признательность. Ты многое делал, чтобы смягчить мою участь. Ты вовремя приносил мне еду, и она всегда была хорошего качества. Ты никогда ни словом, ни поступком не пытался меня оскорбить или унижить, несмотря на мое беспомощное положение. Ты всегда вежлив и внимателен... и за это я более всего тебе благодарен. Поэтому я хочу сделать тебе подарок. В оружейной комнате в моем дворце находится много отличных перевязей для украшений и оружия. Пойди туда, выбери то, что тебе больше всего понравится, и возьми себе. Прошу, носи эти вещи, чтобы я знал: мое желание исполнилось. Скажи, что ты так и поступишь.

Глаза юноши засветились от удовольствия, пока он меня слушал, и я видел, как он перевел взгляд со своих порыжевших ремней на мои

великолепные перевязи. Мгновение-другое он думал, прежде чем заговорить, и мое сердце замерло в эти секунды... для меня слишком многое зависело от его ответа.

– Если я заявлюсь во дворец принца Гелиума с таким требованием, надо мной просто посмеются и в ответ, скорее всего, вышвырнут меня на улицу. Нет, это невозможно, хотя я благодарен тебе за предложение. К тому же, если Сату Аррасу ненароком почудится, что я способен на подобное, он вырвет сердце из моей груди.

– Да ничего страшного не случится, мальчик мой! – возразил я. – Ты можешь пойти во дворец вечером, с запиской от меня к Карторису, моему сыну. Прочтешь ее, прежде чем доставить, и убедишься, что ничего опасного для Сата Арраса в ней нет. Мой сын также будет осторожен, и никто, кроме нас троих, ни о чем не узнает. Все очень просто, и вреда в этом никакого.

Юноша снова погрузился в размышления.

– А еще там есть украшенный драгоценностями короткий меч, который я снял с тела одного северного джедака. Когда ты выберешь перевязи, скажи Карторису, чтобы он отдал тебе и этот меч. И ты станешь наконец одним из самых красивых и отлично снаряженных воинов во всей Зоданге. Принеси письменные принадлежности, когда придешь в следующий раз, и через несколько часов будешь выглядеть в соответствии с твоим происхождением и достоинством.

В глубокой задумчивости, ничего не сказав, юноша повернулся и ушел. Я представления не имел, какое решение он примет, и долгие часы сидел, гадая об исходе своего предприятия.

Если он согласится доставить записку Карторису, я таким образом узнаю, что мой сын жив и на свободе. Если юноша вернется в новых ремнях и с мечом, значит Карторис получил мое сообщение и узнал, что я жив. А поскольку посланцем будет зоданганец, принц поймет: его отец – пленник Сата Арраса.

С волнением, которое я едва ли мог скрыть, я прислушивался к шагам надзирателя при его следующем посещении. Я ничего не сказал, кроме обычного приветствия. А он, поставив на пол миску с едой, положил рядом с ней письменные принадлежности.

Мое сердце чуть не выскочило из груди от радости. Я своего добился. Пару секунд я смотрел на перо и бумагу в притворном удивлении, но быстро изобразил на лице понимание и написал краткое приказание Карторису: отвести Партака в оружейную, чтобы тот выбрал перевязи и ремни по своему вкусу, и отдать ему указанный меч. Это было все. Но послание значило слишком многое для меня и для Карториса.

Я положил записку на пол, не складывая ее. Партак поднял бумагу и, опять не сказав ни слова, вышел.

По моим подсчетам, я провел в подземелье уже триста дней. Если что-то еще могло быть сделано для спасения Деи Торис, то следовало поторопиться. Пусть до сих пор ее миновала смерть, однако страшный час близился, ведь тем, кто служил Иссу, позволяли прожить всего один год.

Когда в следующий раз в подвале слышались шаги, я едва мог дожждаться появления Партака в богатой перевязи и с мечом, но представьте мое огорчение и разочарование при виде другого юноши, принесшего еду.

– А с Партаком что случилось? – спросил я, однако новый надзиратель не ответил, поставил миску на пол, немедленно повернулся и вышел.

Дни шли и шли, тюремщик продолжал выполнять свои обязанности, не говоря мне ни слова и не отвечая ни на единый мой вопрос.

Я мог лишь гадать о том, почему отстранили Партака, но, очевидно, это было связано с моей запиской. И я, несмотря на все свои старания, чувствовал себя ничуть не лучше прежнего, потому что так и не узнал, жив ли Карторис. Вполне могло случиться, что Партак, желая подняться в глазах Сата Арраса, выполнил мою просьбу принести бумагу, а потом отнес ее хозяину в доказательство своей преданности.

Прошло тридцать дней после того, как я отдал юноше записку. Три сотни и тридцать дней минуло со дня моего заключения в подземелье. Насколько я мог подсчитать, оставалось едва ли тридцать дней до того, как Дею Торис прикажут отвести на арену для ритуала в честь Иссу.

Когда эта яркая картина вставала в моем воображении, я закрывал лицо ладонями и огромным усилием сдерживал слезы, наполнявшие мои глаза. Только подумать, что столь прекрасное существо могут разорвать грубые когти чудовищных белых обезьян! Нет, это было немыслимо. Такое ужасное событие не может произойти! И все же рассудок говорил мне, что через тридцать дней несравненная принцесса будет стоять на арене перворожденных лицом к лицу с дикими бешеными тварями, ее окровавленное тело проволокут по грязи и пыли, а потом часть его будет приготовлена на кухне и подана на стол черных вельмож.

Думаю, что я сошел бы с ума в тот момент, если бы не шаги тюремщика. Они отвлекли меня от чудовищных мыслей, разрывавших мою голову. Я преисполнился мрачной решимости. Я должен был предпринять сверхчеловеческие усилия и сбежать. Убить тюремщика, как-нибудь обманув его, и довериться судьбе в надежде, что она выведет меня наружу.

С этой мыслью я немедленно начал действовать. Я упал на пол рядом со стеной в напряженной и неестественной позе, как будто умер в конвульсиях. Тюремщику придется наклониться надо мной, а я тогда

схватчу его за горло и железной цепью ударю по голове...

Обреченный юноша подходил все ближе и ближе. Наконец я услышал, как он остановился передо мной. Потом негромко вскрикнул и шагнул ко мне. Я почувствовал, как он опускается на колени, и крепче сжал звенья цепи в руке. Юноша наклонился. Я должен был приоткрыть глаза, чтобы найти его горло, сжать его и одновременно нанести могучий удар.

Все шло по плану. Но... Насколько кратким был промежуток времени между тем, как разлепились мои веки, и тем, как свистнула цепь, не знаю, но в этот момент я узнал лицо, склонившееся надо мной... это был мой сын Карторис.

Боже! Что за жестокая и зловредная судьба, какой чудовищный конец! Что за дьявольское стечение обстоятельств! Почему мой мальчик оказался рядом со мной именно в тот момент, когда я смог ударить его и убить, не подозревая, кто он таков? Запоздавшее в своей милости Провидение сжалилось надо мной, и я упал без чувств на безжизненное тело своего единственного сына.

Когда я пришел в себя, на моем лбу лежала прохладная крепкая ладонь. На миг я замер, боясь открыть глаза. Мне нужно было собрать воедино мысли и воспоминания, спутавшиеся в моем воспаленном и переутомленном мозгу.

Наконец осознание жестокой действительности пришло ко мне, и я тем более побоялся увидеть того, кто находился рядом. Я не мог понять, кто это пытается оказать мне помощь. Должно быть, Карторис пришел не один, просто я не заметил его товарища. Ну, рано или поздно придется столкнуться с неизбежным, так почему бы не прямо сейчас...

И я со вздохом открыл глаза.

Надо мной склонялся мой сын с огромным синяком на лбу в том месте, куда ударила цепь, но живой! Больше вокруг никого не было. Протянув к нему руки, я обнял своего мальчика, и если на какой-либо из планет и звучала столь горячая молитва благодарности, так это под поверхностью умирающего Марса, когда я благодарил Вечную Тайну за жизнь своего сына.

Должно быть, в то самое краткое мгновение, когда я увидел и узнал Карториса, моя рука непроизвольно смягчила удар. Карторис сказал мне, что некоторое время он тоже лежал без сознания, но как долго, он не знал.

— Да как ты вообще сюда попал? — спросил я, не понимая, как он мог добраться до меня без провожатого.

— Но ты ведь сам догадался подать весточку через твоего тюремщика Партака. Пока он не явился за перевязью и мечом, мы думали, что ты мертв. Прочитав твою записку, я сделал, как ты велел. Партак выбрал

себе что хотел в оружейной комнате, а потом я принес ему тот самый драгоценный меч, но, как только я выполнил данное тобой обещание, мои обязательства перед Партаком закончились. И я начал его расспрашивать, но он ничего не сказал мне о том, где ты находишься. Юноша чрезвычайно предан Сату Аррасу. Наконец я заявил, что Партак может выбирать между свободой и дворцовым подвалом – а ценой свободы станут сведения о том, где тебя держат и как туда добраться, но он все равно продолжал упрямиться. В отчаянии я запер его в подzemелье, и он до сих пор там сидит. Ни угроза смерти или пыток, ни подкуп, самый щедрый, не ослабили его решимости. Он просто отвечал, что, когда бы он ни умер, сию минуту или через тысячу лет, никто не сможет сказать: «Предатель получил то, чего заслуживал». Но наконец Ксодар, истинный дьявол по части хитрости и коварства, придумал план, благодаря которому мы могли все узнать от этого юноши. Я предложил Хору Вастусу надеть знаки различия зоданганского солдата и посадил его на цепь рядом с Партаком. Пятнадцать дней благородный Хор Вастус просидел в темноте подвала, но не напрасно. Понемногу он завоевал доверие и дружбу зоданганца, но лишь сегодня Партак, думая, что говорит не только с соотечественником, но и с добрым другом, рассказал Хору Вастусу, где именно тебя прячут. Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы найти полные планы подземелий Гелиума в твоих официальных бумагах. А вот добраться до тебя оказалось немного труднее. Как ты знаешь, все тоннели под городом соединены, в каждую секцию есть лишь один вход – из соседней секции, и даже самый верхний из них расположен под землей. Конечно, сети коридоров под правительственными зданиями всегда охраняются. Я сравнительно легко нашел подземелья под дворцом Сата Арраса, у дверей стоял на карауле зоданганский солдат. Там он и остался лежать бездыханным. И вот я здесь, подоспел вовремя, чтобы ты меня едва не убил, – со смехом закончил Карторис.

Пока мы разговаривали, принц трудился над замком моих оков, наконец с радостным восклицанием он бросил цепь на пол, и я встал, свободный от железа, сковывавшего меня почти год.

Карторис принес для меня длинный меч и кинжал, и мы, вооруженные, отправились в обратный путь к моему дворцу.

По дороге мы наткнулись на убитого Карторисом стража. Его еще не обнаружили, и, чтобы на некоторое время задержать погоню и сбить с толку людей джеда, мы оттащили тело, правда не слишком далеко, и спрятали в маленькой нише главного коридора.

Примерно полчаса спустя мы дошли до подземелий под моим собственным дворцом и вскоре выбрались напрямик в приемный зал, где нас нетерпеливо ждали Кантос Кан, Тарс Таркас, Хор Вастус и

Ксодар.

Никто не стал тратить время на пустые разговоры о моем плене. Я хотел знать лишь одно: насколько осуществлены планы, которые мы разработали почти год назад.

– Времени потребовалось намного больше, чем мы предполагали, – сказал Кантос Кан. – То, что нам приходилось работать в условиях строгой секретности, сильно нам мешало. Шпионы Сата Аппаса крутятся везде. И тем не менее, насколько я знаю, ни слова о наших реальных замыслах не дошло до ушей злодея. В данный момент в больших доках близ Хастора готов флот из тысячи самых могучих воздушных кораблей, какие только бороздили небо над Барсумом, и каждое судно оборудовано для того, чтобы плыть и над Омином, и по Омину. На каждом большом корабле имеется пять десятиместных судов, десять пятиместных челноков-разведчиков и еще около сотни одноместных. В общей сложности – сто шестнадцать тысяч судов, снабженных и воздушными, и водными винтами. В Тарке стоит транспорт для зеленых воинов Тарса Таркаса, девятьсот больших грузовых судов и с ними – конвойные корабли. Семь дней назад все доложили о полной готовности, но мы ждали, надеясь, что удастся освободить тебя вовремя, чтобы ты возглавил поход. И хорошо сделали, мой принц.

– Как же получилось, Тарс Таркас, – спросил я, – что народ Тарка не возражал против твоего возвращения со дна реки Исс?

– Они прислали ко мне совет из пятидесяти вождей, чтобы обсудить это, – пояснил таркианин. – Все мы люди, и, когда я рассказал им историю от начала и до конца, вожди единогласно решили, что не следует повторять действия Гелиума против Джона Картера. И попросили меня снова занять трон джеддака, чтобы вести переговоры с соседними ордами и организовать для нашей экспедиции сухопутные силы. Я так и сделал. Двести пятьдесят тысяч воинов, собранные от ледяной шапки на севере до ледяной шапки на юге и представляющие более тысячи разных общин из множества диких мест, этим вечером пришли в великий город Тарк. Они готовы отправиться в земли перворожденных и поклялись сражаться до последнего. Но все интересовались, дадут ли им возможность грабить и предоставят ли транспорт для возвращения домой, когда война и грабежи закончатся. Я им это обещал.

– А ты, Хор Вастус, – спросил я, – каковы твои успехи?

– Около миллиона опытных воинов с малых водных путей Гелиума уже погрузились на боевые корабли, на грузовые и конвойные, – ответил он. – Каждый поклялся хранить верность и тайну, и мы не набирали много людей из одного места, чтобы не возбудить

подозрений.

– Отлично! – воскликнул я. – Каждый выполнил свой долг, а теперь, Кантос Кан, можем ли мы отправиться в Хастор немедленно и уже к завтрашнему утру окончательно все решить?

– Конечно, нам нельзя терять время, – согласился Кантос Кан. – Люди в Хасторе уже начали интересоваться, зачем нужен такой огромный флот и собрано такое войско. Я лишь удивляюсь, что слух об этом до сих пор не достиг ушей Сата Аппаса. Крейсер ждет на твоём личном причале, давай же...

Грохот выстрелов в дворцовом саду не дал ему закончить.

Мы выскочили на балкон как раз вовремя, чтобы увидеть, как с десятков дворцовых стражей исчезли вдали в кустах, словно гонясь за кем-то. Прямо под нами на алой лужайке несколько человек наклонились над чьим-то неподвижным телом.

Охранники подняли его и по моему приказу принесли в приемный зал, где проходило наше совещание. Труп положили на пол, и мы увидели, что это краснокожий марсианин, едва начавший свой жизненный путь, – его знаки были простыми, как у обычного солдата или того, кто не желает быть опознанным.

– Ещё один шпион Сата Аппаса, – сказал Хор Вастус.

– Да, похоже на то, – согласился я и велел стражам: – Можете унести тело.

– Погодите! – воскликнул Ксодар. – Если пожелаешь, мой принц, вели, чтобы принесли кусок ткани и жир фоата.

Я кивнул одному из солдат, тот вышел и вскоре вернулся с тем, что просил Ксодар. Чернокожий воин опустился на колени рядом с телом и, обмакнув край лоскута в жир, крепко потер лицо убитого. А потом с улыбкой повернулся ко мне, показывая на результат своих трудов. Я увидел, что протертый участок кожи стал белым, как у меня самого, а Ксодар тут же схватил мертвеца за черные волосы и резко дернул, открыв всем взглядам лысый череп.

Стражи и вельможи столпились вокруг, глядя на безмолвное свидетельство, лежавшее на мраморном полу. А потом раздались восклицания и вопросы, все хотели знать, подозревал ли Ксодар нечто подобное заранее.

– Это же ферн! – прошептал Тарс Таркас.

– Боюсь, даже хуже того, – откликнулся Ксодар. – Но давайте посмотрим...

С этими словами он достал свой кинжал и рассек запертый кошель, висевший на перевязи ферна, а оттуда вытащил золотой обруч с крупным драгоценным камнем... Камень был точно такой же, как тот, что я забрал у Сатора Трога.

– Это был священный ферн, – произнес Ксодар. – Да, нам крупно повезло, что он не сбежал.

Тут в зал вошел офицер дворцовой стражи.

– Мой принц, – сказал он, – я должен доложить, что спутник убитого сумел уйти от нас. Думаю, с молчаливого согласия охранников у ворот. Я приказал их всех взять под арест.

Ксодар протянул ему чашу с жиром фоата и лоскут.

– С помощью вот этого ты можешь найти шпиона, – пояснил он.

Я тут же приказал начать тайные поиски в городе, ведь каждый марсианский вельможа имеет собственную секретную службу.

Полчаса спустя офицер стражи снова явился с докладом. На этот раз он подтвердил наши худшие опасения: половина солдат, охранявших ворота в эту ночь, оказались фернами, замаскированными под краснокожих людей.

– Скорее! – воскликнул я. – Нельзя терять время! Поспешим в Хастор! Если ферны попытаются остановить нас у южного края ледяной шапки, это может разрушить все наши планы и привести экспедицию к краху.

Десять минут спустя мы уже неслись сквозь ночь к Хастору, готовые нанести первый удар ради спасения Деи Торис.

XX

Воздушная битва

Через два часа после того, как мы покинули мой дворец, то есть около полуночи, Кантос Кан, Ксодар и я прибыли в Хастор. Карторис, Тарс Таркас и Хор Вастус отправились на другом судне в Тарк.

Грузовые суда не спеша двигались на юг. Предполагалось, что флот боевых кораблей догонит их утром второго дня.

В Хасторе все было готово. Кантос Кан так безупречно разработал каждую деталь кампании, что через десять минут после нашего появления первая группа кораблей выплыла из доков, и огромные суда величественно тронулись в путь, образовав в ночных небесах длинную цепь, растянувшуюся на много миль к югу.

И только в каюте Кантоса Кана я догадался спросить о том, какое нынче число, потому что точно не знал, сколько дней мне пришлось провести в подземельях Сата Арраса. Когда Кантос Кан сообщил мне дату, я с ужасом осознал, что неверно подсчитывал время в крошечной тьме моей тюрьмы. Прошло триста шестьдесят пять дней... было уже слишком поздно для того, чтобы спасти Дею Торис.

Наш поход из спасательной операции превратился в акт мести. Я не стал говорить Кантосу Кану о том ужасном факте, что принцессу Гелиума могут убить прежде, чем мы доберемся до храма Иссу. Насколько я понимал, она могла быть уже мертва, я ведь не знал, когда

она встретила с богиней впервые.

Но какой был смысл в том, чтобы доставлять моим друзьям лишние печали... они достаточно делили их со мной в прошлом. С этого момента я решил держать свое горе в себе, так что ничего никому не сказал о нашем опоздании. Поход теперь имел для меня другую цель: показать народу Барсума грубый обман, которому они подвергались в течение бесчисленных веков, и таким образом спасти те тысячи, что каждый год отправлялись навстречу ужасной судьбе, ожидавшей их в конце добровольного паломничества.

Если бы удалось открыть красному народу истинную долину Дор, это уже значило бы многое, тем более в краю Потерянных Душ между горами Оц было множество акров земли, не нуждавшейся в орошении для того, чтобы приносить богатые урожаи.

Там, на поверхности умирающего мира, оставалась единственная область, плодородная по естественным причинам. Только там шли дожди и выпадали росы, только там было открытое море, а вода имела в изобилии, и все это превратилось в пастбище для злобных тварей. Столь прекрасные и благословенные места принадлежали свирепым потомкам двух некогда могучих народов, властвовавшим над миллионами обитателей Барсума. Если бы мне удалось сломить барьер религиозных предрассудков, которые мешали красным марсианам добраться до этого эльдорадо, это было бы достойным памятником бессмертным добродетелям моей принцессы... я бы снова послужил Барсуму, и страшная смерть Деи Торис не была бы напрасной.

Утром второго дня, с первыми лучами рассвета, мы догнали отряд грузовых судов и обменялись с ними сигналами. Я могу здесь упомянуть, что радиоаэрограммы редко используются в военное время или не используются вообще, как, впрочем, и в мирные дни, для передачи секретных сообщений. Дело в том, что, как только противник узнает новый шифр или придумывает новые аппараты для искажения сигнала на расстоянии, все усилия идут прахом. Поэтому возможности беспроводной связи весьма ограничены, никто не решается пользоваться ей в важных случаях.

Тарс Таркас доложил, что на грузовом флоте все в порядке. Военные корабли вышли вперед, и объединенные флотилии медленно двинулись к ледяной шапке полюса, держась как можно ближе к земле, чтобы нас не заметили ферны, к чьим землям мы приближались.

Далеко впереди сновали одноместные разведывательные суденышки, оберегая нас от неожиданностей, они же двигались по правому и левому флангу, и еще некоторое их число следовало за грузовыми кораблями. В таком строю флот летел к проходу в Омин уже несколько часов, когда вернулся один из разведчиков, шедших в авангарде, и сообщил, что

впереди виднеется нечто вроде конуса входа. И почти одновременно с ним на флагманский корабль примчался разведчик с левого фланга.

Сама скорость его полета говорила о важности сообщения. Мы с Кантосом Каном ждали гонца на мостике, что находится над передней посадочной площадкой. Едва маленький челнок коснулся палубы огромного корабля, как воин бросился по лесенке к нам.

– Огромный военный флот к юго-юго-востоку от нас, мой принц! – крикнул он. – Там, должно быть, несколько тысяч кораблей, и они несутся прямо к нам!

– Шпионы ферна не зря проникли во дворец Джона Картера, – сказал мне Кантос Кан. – Какие будут приказания, принц?

– Пусть десять судов охраняют вход в Омин и следят, чтобы никто не влетал в шахту и не вылетал из нее. А нам придется сразиться с флотом перворожденных. Немедленно постройте военные корабли буквой V, острым концом точно на юго-юго-восток. Пусть грузовые суда с их конвоем идут следом за боевыми кораблями, пока острое построения не столкнется с неприятельским фронтом, а потом фланги разойдутся в стороны и оттеснят врага от центральной линии. В эту брешь могут проскочить на полной скорости грузовые и конвойные суда, чтобы очутиться над храмами и садами фернов. И тогда пусть корабли приземлятся, а наши войска атакуют священных фернов со всей яростью. Те должны запомнить этот урок надолго. Я не собираюсь отвлекаться от главной цели нашей кампании, но мы должны усмирить противника раз и навсегда. Иначе ферны не дадут нам покоя, пока наш флот остается рядом с долиной Дор, и станут чинить препятствия на обратном пути.

Кантос Кан отсалютовал и отправился передавать мои приказы своим помощникам. В невероятно короткий срок вся армада боевых кораблей перестроилась, десять из них были посланы охранять путь к Омину, а грузовые корабли и их охрана сократили между собой дистанцию, готовясь прорваться сквозь вражескую линию.

Был дан приказ «Полный вперед!». Рассекая воздух, флот помчался, как стремительная гончая, и еще через мгновение мы увидели наших врагов. Их корабли шли неровным фронтом, растянувшись в обе стороны, на сколько мог видеть глаз, по три ряда в глубину. Они не ожидали внезапного нападения и просто не успели к нему подготовиться. Мы были подобны молнии в ясном небе.

Каждая часть моего замысла сработала наилучшим образом. Наши огромные корабли прорвались острием треугольника через линию врага, а потом образовали широкий проход, в который ринулись транспортные суда – прямо к сверкающим храмам, отчетливо видимым в лучах солнца. К тому времени, когда ферны опомнились, сто тысяч

зеленых воинов уже десантировались на их территорию, а сто пятьдесят тысяч других с почти нечеловеческой меткостью обстреливали врагов с воздуха. Те открыли ответный огонь из-за укрытий, пытаясь защищать свои храмы, сады и дворы.

А два огромных флота тем временем сошлись в титанической схватке над изумительными садами фернов, где сейчас творился сущий ад. Две линии боевых кораблей Гелиума медленно сошлись, а потом принялись кружить внутри вражеской массы, что было весьма характерно для воздушных битв на Барсуме.

Корабли под командованием Кантоса Кана все сближались и сближались и наконец образовали почти идеальное кольцо. Они двигались на такой высокой скорости, что представляли довольно трудную мишень для врага. Из наших орудий гремел залп за залпом, и каждый из них находил цель. Ферны пытались прорвать оцепление, но это было все равно что пытаться остановить голой рукой циркулярную пилу.

Стоя на палубе рядом с Кантосом Каном, я видел, как вражеские корабли один за другим ныряли носом вниз, что говорило о полном разрушении их летательных механизмов. А мы теперь медленно маневрировали, перемещая свое кольцо смерти, пока не повисли над садами, где уже буйствовали зеленые воины. Вниз был послан приказ поднимать суда. И они заняли позицию в центре боевого кольца.

Тем временем огонь со стороны фернов почти прекратился. Они уже были сыты по горло и только рады тому, что мы решили продолжить путь. Но наше отступление нельзя было назвать беззаботным, потому что едва мы двинулись в направлении входа к Омину, как увидели далеко на севере черную линию. Оттуда шел еще один боевой флот.

Кому он принадлежал и зачем летел сюда, мы даже догадаться не могли. Но когда чужие корабли приблизились, оператор Кантоса Кана получил радиоаэрограмму, которую тут же доставил моему товарищу. Он прочел ее и передал мне.

«Кантос Кан, – гласило сообщение, – именем джеджака Гелиума приказываю сдаться. Бежать тебе не удастся». И подпись: «Сат Аррас».

Должно быть, ферны перехватили и расшифровали послание, потому что вскоре возобновили военные действия. Значит, они поняли, что у них появился союзник.

Прежде чем флот Сата Арраса подошел достаточно близко для того, чтобы открыть огонь, мы уже яростно схватились с кораблями фернов, а когда зоданганцы атаковали, на нас обрушилось адское пламя. Корабль за кораблем выходили из строя под безжалостными выстрелами.

Так не могло продолжаться слишком долго. Я приказал грузовым судам снова сесть в сады фернов.

– Дайте волю своей мести, – передал я зеленым союзникам. – Потому что к ночи мстить будет некому.

Скоро я увидел десять боевых кораблей, которым было приказано удерживать спуск к Омину. Они возвращались на полной скорости, их кормовые батареи почти непрерывно изрыгали огонь. Объяснение тут могло быть только одно: их преследовал еще один вражеский флот. Что ж, ситуация складывалась хуже некуда. Экспедиция уже сорвалась. Как мне хотелось встать лицом к лицу с Сатом Аррасом, держа в руке длинный меч, – всего на миг перед тем, как я погибну! Ведь это он был виновником нашего провала.

Пока я наблюдал за бегством своей десятки, показались ее преследователи. Да, это был настоящий воздушный легион. На секунду я не поверил собственным глазам, но вынужден был признать, что нас настигла новая беда: сюда мчался флот перворожденных, которому следовало бы находиться на волнах Омина. Что за стечение бедствий и неудач! Что за тяжкая судьба нависла надо мной, почему мне так ужасно мешают в поисках моей потерянной любви! Неужели на меня пало проклятие Иссу? Быть может, в том уродливом существе и в самом деле затаилось злобное божество... Но мне не хотелось в это верить. Расправив плечи, я побежал на нижнюю палубу, чтобы помочь своим воинам отбиться от абордажной команды фернов. Это была отчаянная схватка, ко мне вернулась моя безудержная храбрость. Ферн за ферном падали под ударами моего меча, мне казалось, что мы в итоге должны одержать победу даже при явном перевесе вражеских сил...

Мое присутствие воодушевило бойцов. Они налетели на невезучих белокожих противников с такой яростью, что через несколько мгновений мы их опрокинули, а еще через секунду были на их собственной палубе, и я с удовлетворением увидел, как их командир спрыгнул с носа корабля в знак поражения и капитуляции.

Потом я нашел Кантоса Кана. Он наблюдал за происходящим на палубе внизу, и, похоже, это навело его на какую-то новую мысль. Он тут же передал приказ одному из своих офицеров, и вскоре флаги принца Гелиума взвились над флагманским кораблем. Их приветствовали радостные крики, другие суда нашей армады поддержали почин, и над ними также взвились флаги моих цветов.

Идея Кантоса Кана оказалась удачной. Сигнал был понятен каждому на всех кораблях, вовлеченных в яростную битву.

Он гласил: «Народ Гелиума – за принца Гелиума и против всех его врагов!»

Вскоре мои цвета заиграли над одним из кораблей флота Сата Арраса. Потом над вторым, над третьим... На некоторых палубах завязалось отчаянное сражение между солдатами из Зоданги и экипажем из

Гелиума, но спустя недолгое время флаги уже развевались над каждым судном, что следовало нашим курсом за Сатом Аррасом, – и лишь на зоданганском флагмане их не было.

Сат Аррас привел пять тысяч кораблей. Небо почернело от его необъятного флота. Но теперь на каждой палубе происходили бесчисленные дуэли. Управлять судами стало просто некому.

Флагман Сата Арраса был уже недалеко от моего собственного, так что я мог различить лицо этого человека. Его зоданганский экипаж поливал нас огнем, но мы на каждый залп отвечали с неменьшей яростью. Все ближе и ближе сходились корабли. Их разделяло лишь несколько ярдов. На поручнях уже висели абордажные крюки, наготове стояли команды. Да, мы знали, что схватка со смертельным врагом неизбежна.

И вот крюки взлетели в воздух. Я бросился на палубу, чтобы быть с моими людьми, когда они окажутся на чужом судне. Как только корабли с легким ударом столкнулись, я первым спрыгнул на палубу флагмана Сата Арраса. За мной хлынули лучшие бойцы Гелиума, отчаянно крича, ругаясь и хохоча. Каждого охватила жажда битвы, и ничто не могло им противостоять.

Зоданганцы отступили перед натиском, мои воины быстро очистили нижнюю палубу, и я вышел вперед, туда, где стоял Сат Аррас.

– Ты мой пленник, Сат Аррас! – воскликнул я. – Сдавайся, и будешь помилован.

В первый момент я не мог понять, то ли он раздумывает над моим требованием, то ли готов выхватить меч. Он замер на секунду, а потом вдруг повернулся и метнулся к противоположному борту. И прежде чем я успел его догнать, он перескочил через поручни и полетел вниз головой в чудовищную бездну.

Вот так нашел свой конец Сат Аррас, джед Зоданги.

А странная битва все продолжалась. Ферны и чернокожие не сумели объединиться против нас. Там, где сталкивались их корабли, тут же начиналась драка, именно в этом я увидел наше спасение и приказал передать сообщение флоту повсюду, где можно было не опасаться перехвата радиоаэрограмм: как можно скорее выйти из боя и занять позиции к западу и югу от сражающихся. И еще я послал воздушного разведчика к зеленым воинам, которые бились в садах. Сухопутные войска должны были немедленно погрузиться на суда и присоединиться к нам.

Моим командирам я объяснил, что каждый корабль врага с помощью маневров следует подогнать поближе к его противнику и пусть они воюют между собой. Такая стратегия сработала безупречно, и уже к закату я с удовольствием наблюдал, как мой собственный могучий флот

отошел примерно на двадцать миль к юго-западу от черных и белых, схватившихся друг с другом.

Тогда я отправил Ксодара на другой корабль, чтобы он повел все грузовые и пять тысяч боевых судов напрямик к храму Исса. Мы с Карторисом и Кантосом Каном возглавили оставшиеся флотилии и полетели к входу в нижний мир.

Мы предполагали совместно напасть на богиню Вечной жизни на рассвете следующего дня. Тарс Таркас с его зелеными воинами и Хор Вастус с красными под командованием Ксодара должны были приземлиться в садах Исса или на прилегающей к ним равнине; Карторис, Кантос Кан и я намеревались повести наши меньшие подразделения от моря Омин через ходы под храмом, которые мой сын отлично знал.

Мне только сейчас сообщили, почему десять моих кораблей отступили от шахты. Когда они подходили к ней, военный флот перворожденных уже вылетал из ее зева. Появилось сразу двадцать кораблей, и, хотя мои воины попытались загнать их обратно, силы противника были слишком велики и вынудили их бежать.

С великой осторожностью мы приблизились к огромной шахте, скрываясь в темноте. На расстоянии в несколько миль я приказал всем остановиться, и дальше Карторис отправился один в разведывательном челноке. Примерно через полчаса он вернулся с докладом, что вокруг не видно никаких патрульных судов, и мы тут же быстро и бесшумно двинулись к Омину.

У входа в шахту мы опять ненадолго задержались, чтобы все корабли подтянулись и заняли позиции вокруг, и тогда я на флагмане стремительно нырнул в черную глубину. Другие последовали за мной.

Мы сделали ставку на то, что сумеем добраться до храма подземным путем, и потому не выставили у шахты сторожевых судов. Что в том пользы, раз у нас не было возможности оставить наверху силы, способные противостоять огромному флоту перворожденных, если бы те пустились за нами в погоню.

И мы вместо безопасности предпочли положиться на дерзость. Ведь жители Омина не сразу сообразят, что под куполом подземного мира летит враг, а не их собственный возвращающийся флот.

Так оно и оказалось. Четыреста из пятисот кораблей сели на поверхность моря Омин, прежде чем раздался первый выстрел. Финал короткой и жаркой схватки был предсказуем, поскольку перворожденные совсем не заботились о защите своего дома: залив обороняла лишь горстка древних и никуда не годных судов.

По предложению Карториса мы оставили своих пленников под охраной на двух больших островах, а потом отогнали вражеские

корабли к шахте и там завели их внутрь гигантского колодца. А затем включили лучи отталкивания и предоставили этим кораблям самостоятельно подниматься вверх, где они столкнулись бы со встречными судами.

Что ж, теперь у нас наверняка было время до того, как перворожденные достигнут Омина, и следовало воспользоваться этим, чтобы добраться подземными переходами до храма Иссу. Первым делом я с хорошим подкреплением поспешил к острову, где находилась субмарина, и его мы захватили без особого сопротивления малочисленной охраны.

Подводная лодка стояла в своем бассейне. Я выставил рядом усиленный караул и стал ждать Карториса и остальных.

Среди прочих пленных оказался Йерстед, командир субмарины. Он узнал меня, я ведь встречался с ним, когда был рабом перворожденных.

– Ну и каково это, – спросил я, – поменяться ролями? Попасть в плен к своему бывшему пленнику?

С мрачной улыбкой, полной скрытой угрозы, он ответил:

– Это ненадолго, Джон Картер. Мы ждали вас и подготовились.

– Оно и видно, – кивнул я, – ведь ты сдался без единого выстрела.

– Должно быть, флот случайно тебя упустил, – возразил Йерстед. – Но он вернется на Омин, и тогда все изменится... для Джона Картера.

– А я и не знал, что флот меня упустил, – сказал я, но он, конечно, не понял моих слов и лишь недоуменно глянул на меня. – Много ли пленников ты отвез к Иссу на твоей мрачной лодке, Йерстед? – спросил я.

– Очень много, – усмехнулся он.

– Может, припомнишь женщину по имени Дея Торис?

– Ну конечно же, ведь она такая красавица, к тому же была женой первого смертного, который сумел сбежать от Иссу за бесчисленные века ее божественного правления. Так что Иссу тоже хорошо запомнила супругу одного богохульника и мать другого – того, кто поднял руку на богиню Вечной жизни.

Я содрогнулся при мысли о том, что Иссу наверняка лелеяла планы трусливой мести, желая наказать ни в чем не повинную Дею Торис за святотатство ее сына и мужа.

– И где же теперь Дея Торис? – спросил я.

Мне было страшно услышать ответ, но я так любил принцессу, что не мог больше мучиться неизвестностью. Пусть мне расскажет о ее печальной участи тот, кто совсем недавно видел ее. От этого она как будто становилась ближе ко мне.

– Вчера Иссу устроила ежемесячный ритуал, – бросил Йерстед, – и эта женщина сидела на своем обычном месте, у ног богини.

– Что? – вскрикнул я. – Дея Торис жива?

– А почему нет? – удивился чернокожий. – Года не прошло с тех пор, как она взглянула на божественное сияние прекрасного лица...

– Год еще не истек? – перебил я его.

– Ну да. Прошло всего триста семьдесят или триста восемьдесят дней.

И тут меня озарило. Каким же я был глупцом! Я с трудом сдержал охватившую меня бурную радость. Как я мог забыть об огромной разнице между марсианским и земным годом? Я провел на Барсуме десять полных земных лет, но здесь-то минуло только пять лет и девяносто пять дней! День на Марсе на сорок одну минуту длиннее нашего, а год составляет шестьсот восемьдесят семь дней!

Я успел! Я успел! Эти слова повторялись в моей голове снова и снова, и наконец я, должно быть, произнес их вслух, потому что Йерстед покачал головой.

– Успел спасти свою принцессу? – спросил он и, не ожидая моего ответа, продолжил: – Нет, Джон Картер, Иссу от своего не отступает. Она знает, что ты уже близко, и прежде, чем нога варвара ступит в пределы храма Иссу, если такая беда вообще случится, Дея Торис исчезнет навсегда, и не останется даже слабой надежды на ее спасение.

– Ты хочешь сказать, ее убьют просто мне назло? – выдавил я.

– Нет, совсем не то, – возразил чернокожий. – Ты когда-нибудь слышал о храме Солнца? Ее отправят туда. Он спрятан глубоко во внутренних садах храма Иссу, тонкий шпиль верхнего маленького купола возвышается среди башен и минаретов мощных построек, что окружают его. А под ним, в земле, и скрывается главный корпус, он состоит из шестисот восьмидесяти семи круглых залов, расположенных один под другим. В каждый зал из подвалов храма Иссу пробит сквозь сплошной камень один-единственный ход. Храм совершает полный оборот вместе с Барсумом вокруг Солнца, и раз в году дверь в каждый отдельный зал встает точно напротив входа в коридор, который соединяет его с наружным миром. Туда Иссу изгоняет тех, кто вызвал ее недовольство, но кого она не собирается казнить немедленно. Порой, чтобы наказать кого-нибудь из вельмож перворожденных, она приказывает отправить его на год в храм Солнца. Иногда она посылает вместе с приговоренным палача, чтобы ужасная смерть постигла несчастного в назначенный день, или же пленнику дают слишком мало пищи, и тогда ему долго не протянуть. Вот так и умрет Дея Торис, и ее судьба будет решена, когда первый чужак переступит порог храма Иссу.

В общем, я понял, что, хотя мне удалось совершить чудо, рано было тешить себя надеждой на встречу с моей божественной принцессой, находившейся в нескольких шагах от меня. Сейчас я был так же далеко

от нее, как если бы стоял на берегах Гудзона в сорока восьми миллионах миль отсюда.

XXI

Сквозь воду и пламя

Слова Йерстеда убедили меня в том, что времени терять нельзя. Я должен был добраться до храма Исса втайне, до того как отряды под командованием Тарса Таркаса начнут наступление на рассвете. Я не сомневался, что если снова окажусь в этих ненавистных стенах, то сумею справиться со стражей Исса и увести мою принцессу. Ведь я мог рассчитывать на крепкий тыл.

Как только Карторис и остальные присоединились ко мне, мы начали переправлять наших людей через подводный тоннель к трапу, что вел от бассейна субмарины на краю храма к подвалам.

Так или иначе мы добрались до начала конца нелегкого пути. Со мной было пять тысяч испытанных в боях краснокожих воинов, принадлежащих к самой воинственной расе Барсума.

Поскольку лишь Карторис ориентировался в тоннелях, мы не могли разделить отряд и напасть на храм с разных сторон одновременно, как было бы наиболее желательно, и потому решили, что мой сын просто поведет нас как можно быстрее к центру храма.

Когда мы готовы были покинуть бассейн и войти в тоннель, один из офицеров окликнул меня, обращая мое внимание на воду, где плавала субмарина. Поначалу казалось, что водную поверхность взбаламутило нечто крупное, поднимающееся из глубины, и я подумал о другой подводной лодке, которая преследует нас. Но скоро стало ясно: это повышается уровень воды, не слишком быстро, но равномерно, и скоро края бассейна и пол огромного зала будут затоплены.

Я не сразу понял весь ужас положения. Однако Карториса подъем воды крайне обеспокоил, поскольку от него не укрылись причины и зловещий смысл происходящего.

– Скорее! – крикнул он. – Если мы задержимся, пропадем! Насосы, что откачивают воду, остановлены. Они нас просто утопят здесь, как крыс в ловушке. Мы должны добраться до верхних уровней подвалов раньше, чем вниз хлынет вода!

– Показывай дорогу, Карторис! – воскликнул я. – Мы за тобой.

Он побежал в один из коридоров, и солдаты, построившись попарно, последовали за ним; каждое подразделение входило в тоннель только по приказу своего двара, или капитана.

Последняя рота еще не вышла из зала, а вода уже достигала лодыжек, и было очевидно, что люди начали нервничать. Они не привыкли видеть такое изобилие жидкости, на Барсуме ее едва хватало для питья и

купания в ванне, и красные марсиане инстинктивно шарахались от наступающей стихии, пугающе глубокой и подвижной. Однако они не впадали в панику, когда вода плескалась у ног, что говорило об их большом самообладании и дисциплинированности.

Я последним покидал зал с субмариной и, догоняя соратников, шагал уже по колено в воде. Тоннель был затоплен на такую же глубину, потому что его пол находился вровень с полом подземного зала, а более или менее заметный подъем начинался через много ярдов.

Отряд двигался настолько быстро, насколько позволяли ширина тоннеля и количество людей, однако обогнать наступающий прилив не удавалось. А когда уклон стал расти и мы пошли в гору, поднялась и вода, и мне, замыкавшему процессию, вскоре стало ясно, что от потопа не уйти. Я вполне понимал причины этого явления: давление нарастало по мере того, как вода стремилась к куполу над океаном, и скорость ее подъема должна была увеличиваться по мере сужения пространства, которое она заполняла.

Задолго до того, как хвост колонны достигнет верхних подвалов, находящихся выше опасного уровня, нас наверняка захлестнет с головой, на том наша экспедиция и закончится.

Лихорадочно размышляя о том, как спасти обреченных, я увидел справа боковой коридор, который как будто поднимался гораздо круче, чем тот, по которому мы шли. Вода уже добралась мне до пояса.

Мужчины, шедшие впереди меня, явно ударились в панику.

Необходимо было что-то предпринять, иначе они в безумном страхе побегут, увлекая за собой других, и люди просто передавят друг друга.

Я закричал как можно громче:

– Последние двадцать пять утанов, вернитесь обратно! Тут, похоже, есть другая дорога!

Моему приказу повиновались около тридцати утанов (взводов), и приблизительно три сотни солдат развернулись, чтобы войти в коридор, который я им показал.

Когда мимо меня проходил последний утан, я предупредил двара, чтобы все внимательно прислушивались к моим командам, и запретил высовываться на открытое место или покидать подземелья под храмом, пока меня нет рядом. «Или если вы узнаете наверняка, что меня нет в живых», – добавил я.

Офицер отсалютовал и ушел. Солдаты быстро исчезали в ответвлении коридора, которое, как я надеялся, могло вывести нас в безопасное место. Вода поднялась уже до груди. Мужчины спотыкались, двигались с трудом, падали. Я подхватил нескольких, помогая им снова встать на ноги, но в одиночку справиться не мог. Некоторых солдат просто уносило бурлящим потоком, и они пропадали. Тут передо мной

появился командир десятого утана. Это был доблестный воин Гур Тус, и мы вместе сумели навести подобие порядка в рядах перепуганных людей и спасли многих, которые иначе просто утонули бы.

Джор Кантос, сын Кантоса Кана и падвар пятого утана, присоединился к нам, когда его взвод добрался до бокового входа. И после этого мы уже не потеряли ни единого человека из тех сотен, которым еще предстояло свернуть из главного тоннеля в ответвление.

Когда последнее подразделение прошло мимо нас, вода уже покрывала наши плечи, но мы продолжали, сцепив руки, держаться на месте, пока замыкающий не нырнул в относительно безопасный новый коридор. Там действительно обнаружился крутой подъем, так что через сотню ярдов все мои солдаты оказались выше уровня воды.

Несколько минут мы быстро шагали вверх, и я надеялся вскоре попасть в верхнюю часть подземелий под храмом Иссу. Но мне пришлось испытать жестокое разочарование.

Я внезапно услышал далеко впереди крик «Огонь!» и почти сразу за ним – вопли ужаса и громкие команды дваров и падваров, которые явно предостерегали людей от какой-то новой опасности. Наконец ко мне прибежал посланец.

– Подземелье подожгли! Впереди у нас пламя, сзади – вода! Помоги, Джон Картер, люди задыхаются!

И тут же нас отбросило назад плотной волной густого дыма, и солдаты, ослепленные и кашляющие, начали отступать.

Пришлось спешно искать новый обход. Огонь и дым были в тысячу раз страшнее воды, и потому я повернул в первый же коридор, что уводил в сторону и вверх от удушающей пелены.

И снова я стоял у входа в тоннель, пока солдаты торопливо углублялись в него. Мимо меня пробежало, должно быть, уже около двух тысяч, но вот людской поток иссяк. Я не был уверен, что спаслись все; кто-то слишком близко подошел к очагу возгорания. Чтобы убедиться, что ни один бедняга

не остался на верную гибель, я помчался туда, где далеко впереди пылал пожар. Точнее, я видел там лишь тусклое мерцание.

Жара и духота усиливались. Я добрался до освещенного огнем места и стал высматривать, нет ли здесь кого-то из солдат Гелиума... Бог знает что творилось по другую сторону огненной стены, и проскочил ли кто-то из наших эту западню прежде, чем вспыхнуло химическое адское пламя, тоже было неизвестно.

Удовлетворившись осмотром, я повернулся и побежал к тоннелю, в который ушли мои люди. Но, к моему неизбывному ужасу, я вдруг увидел, что путь отрезан: поперек входа в то боковое ответвление появилась мощная стальная решетка. Ее явно опустили сверху с целью не дать мне уйти.

В том, что перворожденные знают обо всех наших передвижениях, я и до этого не сомневался, учитывая нападение на нас их флота накануне и отключение насосов Омина в психологически точный момент; да и химический взрыв в тоннеле, по которому мы приближались к храму Иссу, тоже был рассчитан совершенно точно.

И вот теперь упавшая сверху стальная преграда заперла меня между огнем и водой, и это означало, что невидимый противник продолжал наблюдение, не прекращая его ни на мгновение. И какие же у меня были шансы спасти Дею Торис, если мне приходилось противостоять врагам, которые ни разу не попались мне на глаза? Я уже тысячу раз проклял себя за то, что попался в такую ловушку. Будто я не знал, что подземелья напичканы сюрпризами. Было бы куда лучше не разделять наши силы, а устроить объединенный налет на храм со стороны долины, положившись на удачу и на наше военное искусство. Именно это помогло бы нам одолеть перворожденных и вернуть Дею Торис.

Дым вынуждал меня отступать обратно к воде, которая, насколько я мог слышать, бурлила в темноте совсем недалеко. Вместе с моими людьми пропал и последний факел, а эти тоннели не освещались фосфоресцирующими камнями, как нижние уровни. Именно сей факт и дал мне понять, что я уже близко от верхних подземелий, расположенных непосредственно под храмом.

Наконец я почувствовал, как вода лизнула мои ноги. Густой дым настигал меня. Я невыносимо страдал. Казалось, мне оставалось лишь одно – выбрать более легкую смерть, и потому я пошел дальше, пока в холодных водах Омина мои ноги не оторвались от пола. И я поплыл в непроницаемой тьме... Куда?..

Инстинкт самосохранения всегда силен, даже когда человек, бесстрашный и разумный, понимает, что смерть – неотвратимая и однозначная – нависает над ним. И я медленно плыл вперед, ожидая, когда моя макушка коснется потолка тоннеля. Тогда и настанет предел

моего существования, и я должен буду погрузиться в неведомую могилу.

Но, к моему удивлению, я наткнулся на гладкую стену до того, как вода полностью заполнила тоннель. Возможно, я ошибся? Я ощупал стену. Нет, я действительно снова был в главном тоннеле, но между водой и каменным потолком по-прежнему оставалось пространство, в котором я мог дышать. И тогда я повернул по этому тоннелю в ту сторону, куда ушли Карторис и первая часть отряда полчасом ранее. Я плыл и плыл, и на сердце у меня становилось все легче, потому что недалеко уже оставалось до того места, где уровень воды начнет падать. Я был уверен, что вскоре почувствую под ногами твердый камень, и у меня снова появится шанс добраться до храма Исса и до прекрасной пленницы, которая томится там.

Но когда надежда уже разгорелась, я внезапно ударился головой о камни наверху. Значит, произошло наихудшее. В редких случаях уровень пола в марсианских тоннелях неожиданно опускался. Насколько я знал, где-то впереди должен быть подъем, но что с того, если я не имел представления, какое расстояние нужно преодолеть под водой!

Ну, выбора-то у меня все равно не оставалось. И я, набрав полные легкие воздуха, нырнул и поплыл сквозь ледяную чернильную тьму вдоль подземного хода. Время от времени я поднимал вытянутую руку, но каждый раз касался каменного потолка.

В конце концов мои легкие стали отказывать. Я чувствовал, что сдаюсь, а о возвращении нечего было и думать. У меня не хватит сил добраться до того места, где я погрузился в воду. Смерть смотрела мне в лицо, и я припомнить не мог момента, когда так явственно ощущал на своем лбу ее ледяное дыхание.

Уже почти теряя сознание, я сделал еще один отчаянный рывок. И с трудом в последний раз поднял руку... Мои измученные легкие жаждали хотя бы глотка того странного и неосязаемого эликсира жизни... и тут я сделал вдох, и живительный воздух наполнил умирающую грудь. Я был спасен.

Еще несколько взмахов руками – и мои ноги наконец коснулись пола, а вскоре я вышел из воды и помчался как сумасшедший по длинным коридорам в поисках выхода к храму Исса. Если Дея Торис навеки потеряна для меня, я, по крайней мере, отомщу за ее смерть тем, что отниму жизнь у этого исчадия ада, которое причинило неизмеримые страдания всему Барсуму.

Я неожиданно быстро нашел дверь, похожую на вход в храм. Она находилась с правой стороны коридора, вероятно идущего к верхним подвалам.

Но для меня один вход был ничуть не хуже другого. Я ведь знал, куда все они ведут! И потому, не ожидая, пока меня обнаружат и помешают мне, я повернул в короткий крутой проход и толкнул дверь в его конце.

Она медленно открылась внутрь и не успела коснуться стенки, как я вбежал в помещение. Хотя стоял день, комната была ярко освещена. А ее единственная обитательница лежала на низком диване у дальней стены и, похоже, спала.

Судя по занавесям и роскошной обстановке, передо мной была гостиная одной из жриц, а возможно, и самой Иссу.

При этой мысли кровь вскипела в моих венах. Неужели удача оказалась столь благосклонной ко мне и ведьма попала прямо мне в руки? Захватив ее в плен, я мог бы потребовать у перворожденных все, что угодно. Я подходил ближе и ближе к дивану, но не миновал и половины комнаты, когда лежавшая фигура пошевелилась. Я резко остановился, а она поднялась и повернулась ко мне.

На лице женщины сначала отразился ужас... потом недоверие... а затем надежда и радость.

Мое сердце едва не выскочило из груди, когда я шел к ней, не сдерживая слез, и слова, что готовы были излиться сплошным потоком, застряли у меня в горле, когда я распахнул объятия и заключил в них

единственную женщину, которую любил, – Дею Торис, принцессу Гелиума.

XXII

Победа и поражение

– Джон Картер, Джон Картер! – рыдала она, прижав свою прекрасную головку к моему плечу. – Не верю глазам своим! Когда та девушка, Тувия, рассказала мне, что ты вернулся на Барсум, я ее выслушала, но сперва мое сердце оставалось глухим к ее словам – такое счастье казалось мне невозможным, ведь я долгие годы молча страдала в одиночестве. Наконец я поняла, что она говорила правду. У меня появилась надежда, что ты узнаешь, где моя ужасная темница, и

обязательно найдешь меня! Но шли дни, и луна за луной пробегали мимо, не принося известий о тебе, и я подчинилась судьбе. Но теперь ты пришел, и я едва могу поверить в это! Правда, во дворце уже примерно час слышен какой-то шум. Я не знала, что там происходит, однако, вопреки всему, надеялась, что сюда ворвались воины Гелиума, которых ведет мой принц! Но скажи, где Карторис, наш сын?

– Я видел его не больше часа назад, Дея Торис, – ответил я. – Должно быть, именно его бойцы сражаются в храме, и этот шум ты слышала. А где Исса? – вдруг спросил я.

Дея Торис пожала плечами:

– Она отправила меня в эту комнату под охраной, перед тем как в храме началось сражение. Сказала, что пришлет за мной позже. Исса выглядела весьма разгневанной и даже испуганной. Я никогда не видела, чтобы она вела себя так неуверенно, – очевидно, на нее кто-то нагнал страху. Теперь я понимаю: должно быть, она узнала, что приближается Джон Картер, принц Гелиума, чтобы потребовать у нее ответа за похищение его принцессы.

Шум боя, звон оружия, выстрелы и торопливый топот множества ног доносились до нас со всех концов храма. Я знал, что нужен там, но не осмеливался покинуть Дею Торис и в то же время боялся взять ее с собой и подвергнуть опасностям битвы.

Наконец я подумал о подземельях, из которых только что вышел. Почему бы не спрятать мою принцессу там до тех пор, пока я не смогу вернуться и вывести ее навсегда из этого ужасного места? Я объяснил Дее Торис свой замысел.

Она секунду-другую крепко прижималась ко мне.

– Мне не вынести очередной разлуки с тобой даже на мгновение, Джон Картер! – сказала принцесса. – Я содрогаюсь при мысли о том, что снова останусь в одиночестве и меня может найти это ужасное существо. Ты ее не знаешь! Вообразить нельзя ее безумной жестокости, если только сам не наблюдал за ней каждый день в течение полугода. Я даже теперь не в состоянии осмыслить все то, что видела собственными глазами!

– Я тебя не покину, моя принцесса, – ответил я.

Она немного помолчала, потом притянула меня к себе и поцеловала.

– Иди, Джон Картер! – воскликнула Дея Торис. – Там наш сын и солдаты Гелиума, они сражаются за свою принцессу. Ты должен быть с ними. А мне не следует сейчас думать о себе – только о них и о долге моего мужа. Я не могу встать у тебя на пути. Спрячь меня в подземельях и иди.

Я подвел ее к двери, в которую вошел в комнату из нижнего коридора. Потом прижал к себе мою дорогую жену и, хотя мое сердце

разрывалось от мрачных предчувствий, заставил ее перешагнуть порог, поцеловал еще раз и закрыл за ней дверь.

Не колеблясь более, я поспешил на шум. Мне пришлось пересечь с полдюжины помещений, прежде чем я добрался до театра военных действий. Черные воины толпились у входа в огромный зал, пытаюсь остановить отряд красных марсиан, которые прорывались к тайным святилищам храма.

Я вышел из внутренних покоев как раз в тыл врагам. Не трудясь сосчитать их и не задумываясь о последствиях своей лихости, я обнажил длинный меч и стремительно бросился в атаку.

Нанося первый удар, я громко крикнул: «За Гелиум!» А потом принялся крушить одного за другим изумленных перворожденных, в то время как красные, воодушевившись при звуке моего голоса, удвоили свои усилия, и прежде, чем черные успели опомниться, их ряды были смяты, а мои солдаты ворвались в зал.

Бой продолжался, и окажись тут беспристрастный наблюдатель, это сражение вошло бы в анналы истории Барсума как одно из самых яростных. Пять сотен воинов вступили в схватку в тот день, черные против красных. Никто не просил пощады, и не щадили никого. Они бились, как будто взаимно решили истребить противника до последнего солдата, — казалось, законы выживания были отменены.

Думаю, все мы знали, что от исхода битвы зависит положение двух рас на Барсуме. Это была схватка между старым и новым, и я не раз спрашивал себя, чем все это может завершиться. Я сражался за красный народ Барсума плечом к плечу со своим сыном Карторисом — мы дрались за полное и окончательное освобождение от вязких пут чудовищного суеверия.

Противники наступали и отступали, пока кровь не залила пол по самые лодыжки. Убитые лежали так густо, что мы спотыкались об их тела. В пылу сражения я повернулся к огромным окнам, что выходили в сады Иссу, и в моем сердце вспыхнула радость.

— Смотрите! — закричал я. — Эй, перворожденные! Взгляните туда!

Бой ненадолго прекратился, и все как один уставились в ту сторону, куда я показывал... Ни один из чернокожих не мог бы вообразить подобной картины.

Через весь сад, от края до края, протянулись смятенные ряды черных защитников, а на них насаждала гигантская орда зеленых марсиан верхом на могучих фоатах. И как раз в тот момент, когда все смотрели туда, свирепый и мрачный зеленый воин поистине устрашающего вида выдвинулся вперед и прокричал какую-то команду своему жуткому легиону.

Это был Тарс Таркас, джеддак Тарка. Он взял наперевес свое

огромное, длиной в четыре фута, копьё с металлическим наконечником, и его солдаты повторили движение командира. Тогда мы поняли его команду. Теперь зеленых марсиан отделяло от черных не более двадцати ярдов. Еще один приказ великого таркианина – и с ужасающим диким боевым кличем зеленые воины ринулись вперед. Черные держались одно мгновение, всего одно... а потом жуткие всадники на чудовищных зверях смяли их оборону.

Следом двинулись, утан за утаном, красные воины. Зеленая орда окружила храм. Краснокожие ворвались внутрь, и тут мы повернулись, чтобы продолжить битву... но наши враги исчезли.

Моя первая мысль была о Дее Торис. Крикнув Карторису, что я нашел его мать, я помчался туда, где оставил ее. Мой сын не отставал. А за нами спешили те, кто сумел выжить в кровавой схватке.

Когда я вбежал в комнату, то сразу понял, что кто-то побывал здесь после меня. На полу валялись шелка. Этого не было, когда я уходил. И еще я увидел кинжал и несколько металлических украшений, разбросанных по полу, словно их сорвали с кого-то в момент борьбы. Но хуже всего было то, что дверь, ведущая в подземелье, где скрылась моя принцесса, оказалась приоткрыта.

Одним прыжком я очутился перед ней и, распахнув, ринулся внутрь. Дея Торис исчезла. Я снова и снова выкрикивал ее имя, но ответа не дождался. Думаю, в тот миг я находился на грани безумия. Не помню, что я говорил или делал в приступе бешеной ярости.

– Иссу! – кричал я. – Где эта Иссу! Общайте весь храм, найдите ее, но не позволяйте никому к ней прикоснуться, кроме Джона Картера! Карторис, где апартаменты Иссу?

– Сюда! – крикнул мой сын и, не ожидая моего отклика, бросился с сумасшедшей скоростью вглубь храма.

Он несся во весь опор, однако я моментально нагнал его.

Наконец мы оказались перед большой резной дверью, и Карторис, бегущий чуть впереди меня, с размаху толкнул ее. Перед нами предстала картина, подобную которой я уже видел в храме, – огромный трон, склоненные рабыни, строй солдат вокруг.

Мы не дали солдатам шанса даже выхватить мечи – так быстро мы проскочили мимо них. Я одним ударом прорубил себе дорогу. А потом, просто по инерции, пробил два оставшихся ряда и вспрыгнул на возвышение рядом с резным троном из древесины сорапуса.

Мерзкое создание, съезжившись от ужаса, попыталось сбежать от меня и прыгнуть в люк позади. Но на сей раз меня не удалось так просто провести. Прежде чем старуха успела встать, я вцепился в ее руку, а потом, видя, что стражи готовы напасть на меня со всех сторон, выхватил кинжал и, прижав его к груди злобной гадюки, приказал всем

остановиться.

– Назад! – рывкнул я. – Назад! Если чья-нибудь черная нога ступит на возвышение, мой кинжал вонзится в сердце Иссу!

От этих слов они растерялись. Потом офицер приказал всем отойти, и в этот момент в тронный зал ворвались мои уцелевшие в битве соратники – добрая тысяча человек во главе с Кантосом Каном, Хором Вастусом и Ксодаром.

– Где Дея Торис? – закричал я твари, извивавшейся в моих руках.

Ее глаза ненадолго остановились на красных воинах. Думаю, ей понадобилось время, чтобы оценить ситуацию; богиня не сразу поняла, что храм пал под натиском чужаков из внешнего мира. А следом пришло и ужасное осознание того, что все это означало для нее самой: потерю власти, унижение, разоблачение мошенничества и лжи, с помощью которых она так долго играла собственным народом.

Для того чтобы завершить картину, не хватало лишь одного штриха. Пробел был восполнен главным из вельмож, верховным жрецом, премьер-министром правительства.

– Иссу, богиня Смерти и Вечной жизни! – воскликнул он. – Восстань в своем всемогуществе и одним взмахом своей божественной руки уничтожь этих богохульников! И пусть ни один из них не уйдет от возмездия! Иссу, твой народ полагается на тебя! Дочь Младшей луны, лишь ты одна всесильна! Только ты можешь спасти свой народ! Я все сказал. Мы ждем твоего решения. Ударь же!

И тут старуха точно взбесилась. Она визжала и отчаянно вертелась в моих руках. Она кусалась и царапалась в бессильной ярости. А потом засмеялась злобным смехом, от которого кровь стыла в жилах. Рабыни, стоявшие вокруг возвышения, завизжали и разбежались в стороны. А жуткое существо пыталось прыгнуть на них, скаля зубы, а потом принялось плевать. Боже, ну и кошмарное было зрелище...

Наконец я как следует встряхнул Иссу, надеясь вернуть ее к реальности.

– Где Дея Торис? – снова громко спросил я.

Мерзкая тварь что-то неразборчиво пробормотала, а потом ее близко сидящие глазки мстительно засверкали.

– Дея Торис? Дея Торис? – И снова раздался пронзительный нечеловеческий смех, резавший уши. – Да, Дея Торис... знаю такую. И Тувию, и Файдора, дочь Матаи Шанга. Все они любят Джона Картера. Ха-а-а! Как смешно! Они будут вместе медитировать целый год в храме Солнца, вот только до конца этого срока будет еще далеко, когда у них кончится еда. Хо-о-о! Что за божественное развлечение! – Она слизнула пену, выступившую на ее кривившихся губах. – Еды-то не будет... разве что они съедят друг друга! Ха-а-а! Ха-а-а!

От этого ужасного предположения меня едва не парализовало. Неужели эта чудовищная тварь обрекла мою принцессу на такую судьбу... Я задрожал от охватившей меня ярости. И встряхнул Иссу, богиню Вечной жизни, как терьер трясет крысу.

– Отмени свой приказ! – закричал я. – Отмени! И поскорее, или умрешь!

– Поздно уже! Ха-а-а! Ха-а-а! – закатывалась старуха в неестественном визгливом хохоте.

Мой кинжал, словно по собственной воле, устремился к ядовитому сердцу. Но что-то остановило мою руку, и теперь я этому рад. Было бы ужасно вот так убить женщину. К тому же мне пришло в голову, что ложное божество заслуживает иной участи.

– Перворожденные! – воскликнул я, поворачиваясь к тем, кто стоял в зале. – Вы сегодня видели бессилие Иссу – она ничего не может. Иссу не богиня. Это просто злобная и мстительная старуха, которая вас обманывала и издевалась над вами долгие века. Забирайте ее. Джон Картер, принц Гелиума, не станет пачкать руки ее кровью.

И с этими словами я оттолкнул от себя бешеную гадюку, которая еще полчаса назад правила миром и которой поклонялись как божеству, – и она упала с тронного возвышения в жадные руки обманутых и преданных почитателей.

Поискав взглядом Ксодара, я велел ему поскорее следовать за мной к храму Солнца и побежал прочь из зала, не интересуясь тем, что сделают перворожденные со своей богиней. За мной последовали Ксодар, Карторис, Хор Вастус, Кантос Кан и еще десятка два краснокожих военачальников.

Наш черный друг быстро вел нас через внутренние помещения храма, и наконец мы очутились в центральном дворе – огромном и круглом, вымощенном чистейшим мрамором исключительной белизны. Перед нами возвышался золотой храм изумительной и затейливой архитектуры, сплошь изукрашенный бриллиантами, рубинами, сапфирами, бирюзой, изумрудами и тысячами безымянных марсианских драгоценностей, которые яркостью и блеском превосходят самые прекрасные камни Земли.

– Сюда! – крикнул Ксодар, указывая на тоннель рядом с храмом.

Как только мы добежали до входа, со стороны храма Иссу раздался низкий рев, и тут же краснокожий падвар пятого утана Джор Кантос выскочил из ближайших ворот, крича, чтобы мы вернулись:

– Черные подожгли храм в тысяче мест! Скорее во внешние сады, или погибнете!

Мы уже и сами видели дым, вылетающий из десятков окон, он вился даже над самой высокой из башен храма Иссу.

– Назад! Назад! – закричал я своим спутникам. – Сюда! Ксодар, показывай дорогу и уходи! Я сначала найду принцессу!

– Беги лучше за мной, Джон Картер, – бросил Ксодар и, не ожидая ответа, устремился в тоннель.

Я помчался за ним по многоуровневому лабиринту, и наконец мы спустились на ровный пол последнего коридора, в конце которого виднелось освещенное помещение.

Дальше путь нам преградила мощная решетка, а за ней я увидел ее, мою несравненную принцессу, и с ней Тувию и Файдор. Заметив меня, Дея Торис бросилась к зарешеченному проему, разделявшему нас. Помещение медленно сдвигалось, и выход сужался на глазах. Вскоре от него останется лишь узкая щель, а когда и она закроется, то весь долгий барсумианский год комната будет неторопливо вращаться в скалах, пока снова на один день дверь не окажется напротив коридора.

Но за это время внутри должно было произойти нечто совершенно ужасное!

– Ксодар! – закричал я. – Есть какая-то сила, чтобы остановить эту жуткую карусель? Неужели никому не известен секрет решеток?

– Боюсь, нет никого, кого можно привести сюда вовремя, хотя я попытаюсь. Подождите здесь.

Когда он ушел, я встал перед решеткой, разговаривая с Деей Торис, а она сквозь прутья протягивала ко мне свои нежные руки, чтобы я мог держать их до последнего момента. Другие пленницы тоже приблизились, но, когда Тувия поняла, что мы предпочли бы остаться вдвоем, она отошла в дальний конец комнаты. Однако дочь Матаи Шанга так не поступила.

– Джон Картер, – заговорила она, – ты в последний раз видишь нас. Скажи, что любишь меня, и я смогу умереть счастливой.

– Я люблю только принцессу Гелиума, – тихо ответил я. – Мне очень жаль, Файдор, но я тебе с самого начала это говорил.

Девушка прикусила губу и отвернулась, но я успел заметить ее мрачный и злобный взгляд, брошенный на Дею Торис. Она отступила в сторону, но не так далеко, как того хотелось бы. А ведь мне нужно было стольким поделиться с моей любимой, которую я утратил так много лет назад. Несколько минут мы стояли, разговаривая очень тихо. Проход становился все уже и уже. И очень скоро даже моя стройная принцесса не смогла бы в него протиснуться. Ох, ну почему Ксодар не поспешит? Мы слышали доносившиеся сверху отзвуки суеты.

Похоже, множество черных, красных и зеленых марсиан пытались вырваться из горевшего храма Иссу.

Потянуло дымком. Мы всё ждали и ждали Ксодара, а дым становился

гуще. Вскоре мы услышали крики в дальнем конце коридора, потом торопливый топот ног.

— Ксодар! — закричал я. — Есть какая-то сила, чтобы остановить эту жуткую карусель?

твою принцессу живой и невредимой. Я принес много еды. Когда эта щель закроется, дым не сможет до них добраться, а если мы поспешим и погасим огонь, то, уверен, пленницам ничто не будет грозить.

— Ну так уходи и других заведи с собой, — ответил я. — Я останусь здесь, рядом с принцессой, пока милосердная смерть не освободит меня от горя. Я просто не желаю жить.

Пока я говорил, Ксодар быстро забрасывал в тюрьму многочисленные консервные банки. Ширина отверстия все сокращалась и была уже чуть более дюйма. Дея Торис стояла почти вплотную ко мне, шепча слова надежды, подбадривая меня и умоляя спастись самому.

И вдруг за ее спиной я увидел прекрасное лицо Файдор, искаженное от злобы и ненависти. Когда я посмотрел ей в глаза, она заговорила:

— Не думай, Джон Картер, что ты можешь вот так легко отшвырнуть любовь Файдор, дочери Матаи Шанга. И не надейся когда-либо снова сжать руки своей Деи Торис. Ты будешь ждать год, долгий год, но знай: когда он кончится, то приветствовать тебя будут руки Файдор, а не этой вот принцессы Гелиума. Смотри, она умирает!

Файдор умолкла, и я увидел, как она взмахивает кинжалом... Вдруг мелькнула другая фигура. Это была Тувия. Когда лезвие устремилось к незащитной груди моей любимой, Тувия метнулась между ними. Огромный клуб дыма закрыл от меня трагедию, происходящую в страшном застенке... Раздался крик, пронзительный крик, когда кинжал

— Возвращайся, Джон Картер! — кричал кто-то. — Возвращайся, подземелья горят!

И тут же с десяток человек прорвались сквозь плотную завесу дыма. Это были Карторис, и Кантос Кан, и Хор Вастус, и Ксодар, и еще несколько воинов, бывших вместе со мной в храмовом дворе.

— Ничего не вышло, Джон Картер! — крикнул Ксодар. — Хранитель ключей мертв, а ключей на его трупе не нашли. Мы можем надеяться лишь на то, что пожар удастся погасить, и довериться судьбе. Будем думать, что через год найдем

опустился...

Дым рассеялся, но мы стояли перед глухой стеной. Щель исчезла, и теперь на целый год тайна этой ужасной комнаты будет скрыта от человеческих глаз.

Меня торопили.

– Еще немного, и будет поздно! – кричал Ксодар. – Мы и так едва ли сумеем вырваться живыми! Я приказал включить насосы, и через пять минут подземелья будут затоплены. Если мы не хотим утонуть, как крысы в трюме, лучше бежать прямо через горящий храм в сады!

– Иди, – ответил я. – Дай мне умереть рядом с моей принцессой... для меня уже нет ни надежды, ни счастья. Когда чертов храм через год принесет ее тело, пусть найдут и мертвого лорда, ждущего ее.

О том, что было дальше, я имею весьма смутное представление. Кажется, я отбивался от множества людей, а потом меня все-таки потащили прочь. Я никогда об этом не расспрашивал, и никто из свидетелей не решался напоминать мне о моем горе, чтобы не растравлять сердечных ран.

Ах! Только одно я желал бы знать, и тогда тяжелое бремя свалилось бы с моих плеч! Но лишь время могло показать, в чью грудь вонзился кинжал убийцы.

Владыка Марса

I На реке Исс

Под сенью леса, что окружает пунцовую равнину возле затерянного моря Корус в долине Дор, под стремительными лунами Марса, низко летящими, как метеоры, над умирающей планетой, я крался следом за черной фигурой. Этот человек упорно прятался в самой глубокой тени, что свидетельствовало о его зловещих намерениях.

В течение шести долгих марсианских месяцев я часто бывал у ненавистного храма Солнца. Внутри его подземной части, медленно вращавшейся глубоко под поверхностью Марса, была заключена моя принцесса... но живая или мертвая, я не знал. Пронзил ли узкий нож мстительной Файдор ее нежное сердце? Лишь время могло открыть правду.

Должно было пройти шестьсот восемьдесят семь марсианских дней, прежде чем дверь камеры вновь встанет перед тоннелем – там, где я в последний раз видел свою вечно прекрасную Дею Торис.

Половина срока не сегодня завтра истекала, а в моей памяти все так же живо, затмевая предшествующие и последующие события, стояла сцена прощания. Затем клубы дыма ослепили меня, и узкая щель, позволявшая заглянуть внутрь камеры, закрылась, разлучив меня с принцессой Гелиума на долгий марсианский год.

И так же отчетливо, словно это было вчера, я помню красивое лицо Файдор, дочери Матаи Шанга, искаженное завистью и ненавистью, – в тот момент, когда она, замахнувшись кинжалом, прыгнула к женщине, которую я любил.

Еще я видел, как краснокожая девушка, Тувия из Птарта, бросилась вперед, чтобы предотвратить чудовищное деяние.

А потом тоннель заполнился дымом пожара, но в моих ушах по-прежнему звучал единственный вскрик – в тот момент, когда лезвие опустилось. И наступила тишина, а когда дым наконец рассеялся, вращающиеся стены храма все скрыли от меня, и я не мог ни видеть, ни слышать происходившего в камере, где остались взаперти три прекрасные женщины.

Много воды утекло с того страшного дня, немало забот навалилось на меня, но ни на одну секунду не померкло в моей памяти случившееся.

После того как наш победоносный флот и сухопутные силы разгромили чернокожих, у меня появились многочисленные обязанности по управлению землями перворожденных. Однако все свое свободное время я проводил рядом с мрачной шахтой храма, чьи подземелья поглотили мать моего сына Карториса. Среди чернокожего народа, веками поклонявшегося Иссу, ложной богине Марса, воцарился хаос. Я показал перворожденным, что Исса – не более чем злобная старуха. И они сами в ярости разорвали ее в клочья.

С вершин самомнения перворожденные разом были сброшены в глубину бесконечного унижения. Их божество исчезло, а вместе с ним – и вся фальшивая основа их религии. Флот, которым они так похвалялись, был разбит превосходящими силами красного народа Гелиума.

Яростные зеленые воины с коричневых равнин древнего морского дна погнали своих диких фоатов по священным садам храма Иссу, а свирепый Тарс Таркас, джедак Тарка, начал править перворожденными, в то время как союзники решали дальнейшую судьбу побежденной расы.

Почти единодушно прозвучала просьба о том, чтобы именно я занял трон черного народа, и даже сами перворожденные этого желали, но я ответил отказом. Я просто не в силах был остаться с народом, который проявил неуважение к моей принцессе и к моему сыну.

По моему предложению джедаком перворожденных стал Ксодар. Он был датором, то есть принцем, пока Исса не лишила его титула, так что уместность его назначения на высокий пост под сомнение не ставилась.

И таким образом, в долине Дор наконец был установлен порядок, зеленые воины снова рассеялись по дну высохших морей, а все, кто прибыл сюда из Гелиума, возвратились в свою страну. Здесь мне опять предложили трон, поскольку от пропавшего джедака Гелиума, Тардоса Морса, деда Деи Торис, по-прежнему не было никаких вестей, равно как и от его сына Морса Каяка, джеда Гелиума, отца Деи Торис.

Прошло уже больше года с тех пор, как они отправились на поиски Карториса в Северное полушарие, и в конце концов их огорченный народ принял как истину смутные слухи об их смерти, что долетали из ледяных полярных областей.

И я снова отказался от власти, ибо не мог поверить в то, что могучий Тардос Морс и его не менее доблестный сын погибли.

– Пусть лучше до их возвращения правит представитель их рода, – сказал я собранию вельмож Гелиума, обращаясь к ним с Пьедестала Правды рядом с Троном Справедливости в храме Воздаяния, с того же места, где год назад мне довелось выслушать свой смертный приговор, вынесенный Сатом Аррасом.

С этими словами я шагнул вперед и положил руку на плечо Карториса, стоявшего в ряду сановников на круглом возвышении в центре зала-амфитеатра.

Тут же и знать, и простые солдаты шумно выразили свое согласие. Десять тысяч мечей вырвались из ножен, и воины древнего Гелиума приветствовали своего нового джеддака.

Карторис должен был занимать трон до конца жизни, если его прадед или дед не вернется в столицу. Решив столь важный для Гелиума вопрос, я на следующий день отправился в долину Дор. Мне хотелось быть поблизости от храма Солнца вплоть до того судьбоносного дня, когда откроется тюремная камера, в которой была заперта моя вечная любовь.

Хора Вастуса и Кантоса Кана вместе с другими моими доблестными офицерами я оставил в Гелиуме с Карторисом, чтобы он мог воспользоваться их мудростью, храбростью и преданностью, выполняя нелегкие обязанности, что были теперь возложены на него. Лишь калот Вула, мой марсианский сторожевой пес, составил мне компанию.

Вот и в эту ночь верный калот не отставал от своего хозяина и крался позади на десяти коротких мускулистых лапах. Ростом он был с шотландского пони. Его жуткая голова и клыки напугали бы кого угодно, но по отношению ко мне этот зверь всегда выражал искреннюю любовь и преданность.

Ну а человек, за которым мы следили, был не кем иным, как чернокожим датором перворожденных Туридом. Он стал моим закоренелым врагом в тот день, когда я уложил его наземь голыми руками во дворе храма Исса и связал его же собственными ремнями на глазах у знатных мужчин и женщин, которые прежде всячески превозносили его доблесть и силу.

Как и многие другие перворожденные, он с виду благосклонно принял новый порядок вещей и даже поклялся в вассальной верности Ксодару, новому правителю, но я знал, что Турид люто ненавидел не только меня, в глубине души он терпеть не мог Ксодара и завидовал ему. Поэтому на всякий случай я присматривал за ним и в конце концов убедился, что Турид занят плетением какой-то интриги.

Несколько раз я видел, как он выходил за городскую стену после наступления темноты, направляясь к варварской и ужасной долине Дор, где честному человеку совершенно нечего делать.

Этим вечером он быстро шагал вдоль края леса, пока за его спиной не растаяли огни и звуки города, а потом повернул и пошел по алой траве к берегу затерянного моря Корус.

Лучи ближней луны, летевшей над долиной, отразились в многочисленных драгоценностях на перевязи датора и блеснули на его

гладкой эбонитовой коже. Турид дважды оглядывался на лес с видом человека, явно замыслившего недоброе, хотя он должен был чувствовать себя в полной безопасности.

Я не осмелился следовать за ним в лунном свете, поскольку совсем не хотел нарушать его планы; пусть он без помех доберется до своей цели, и тогда я узнаю, какое дело этот негодяй затеял под покровом ночи.

Потому я оставался в тени, пока Турид не исчез за краем крутого морского берега примерно в четверти мили от меня. Потом вместе с преданным Вулой я быстро пересек открытое пространство.

В таинственной долине смерти царила гробовая тишина, а сама долина уютно устроилась в теплом гнезде – во впадине у Южного полюса умирающей планеты. Вдали под звездным небом вздымались мощной стеной Золотые утесы; драгоценные металлы и камни, из которых они состояли, сверкали в ярких лучах двух изумительных марсианских лун.

Позади меня был лес, подрезанный и подстриженный, как ухоженный парк, поскольку его постоянно объедали травяные люди.

Передо мной лежало затерянное море, а вдалеке мягко поблескивала лента таинственной реки Исс, которая вытекала из-под Золотых утесов и впадала в Корус. Бесчисленные века сюда стремились обманутые несчастные марсиане из внешнего мира, отправлявшиеся в добровольное паломничество в этот фальшивый рай.

Травяные люди, которые высасывали из путников кровь с помощью присосок на ладонях, и чудовищные белые обезьяны, днем бродившие по долине Дор, на ночь прятались в свои берлоги.

На скальном выступе Золотых утесов над рекой Исс больше не дежурил священный ферн, который давал знать местным чудовищам о приближении паломников по холодной широкой древней Исс.

Военный флот Гелиума и перворожденные разгромили крепость и храмы фернов, когда те отказались сдаться и принять новые законы, смахнувшие их ложную религию с лица многострадального Марса.

В отдельных изолированных областях ферны все еще сохраняли свою древнюю силу, но Матаи Шанг, Отец фернов, геккадор, властелин жизни и смерти, брат Иссу, принц Вечной жизни, бежал из своего храма. Мы приложили немало усилий, чтобы изловить его, однако с помощью нескольких преданных ему перворожденных он скрылся неизвестно где.

Подкравшись к краю невысокого обрыва над затерянным морем Корус, я увидел, что Турид спускает на мерцающую воду небольшой ялик – одно из тех суденышек странной формы и немыслимого возраста, на которых священные ферны в компании младших жрецов обычно плавали вдоль берегов Исс, чтобы ускорить завершение долгого

пути своих жертв.

Внизу лежало десятка два таких яликов, и на каждом был длинный шест, с одной стороны заостренный, а с другой имевший лопасть, как обычное весло. Турид отправился в путь по воде, держась у берега, и, когда он скрылся из виду, повернув за ближайший мысок, я тоже спихнул на воду лодку и, позвав за собой Вулу, оттолкнулся от прибрежных камней.

Погоня за Туридом вела меня к устью реки Исс. Дальняя луна уже опускалась к горизонту, и под утесами, нависавшими над морем, лежала густая тень. Турия, ближайшая луна, уже закатилась. Она снова выйдет на небосклон почти через четыре часа, и по крайней мере в этот промежуток времени будет темно.

А черный воин шел все дальше и дальше. Теперь он уже находился напротив устья реки Исс. Без малейших колебаний он повернул к мрачной реке и, борясь с сильным течением, поплыл вверх по ней.

За ним следовали мы с Вулой, уже на более короткой дистанции, потому что Турид сосредоточился на том, чтобы удержат ялик, и ему некогда было оглядываться. Он приблизился к берегу, чтобы лодку не так сильно сносило.

Вскоре он уже исчез в темном ущелье среди Золотых утесов, откуда и изливалась река. Турид упорно вел свое суденышко в стигийскую тьму.

Было невозможно следовать за ним туда, где я не смог бы разглядеть даже собственную руку. Пожалуй, надо прекратить погоню и подождать возвращения Турида. Вдруг впереди, за поворотом русла, появился слабый свет.

Я снова увидел того, за кем охотился. Свечение фосфоресцирующих камней, из которых были сложены грубые своды пещеры, становилось все ярче, и теперь я мог без труда преследовать Турида.

Это было мое первое путешествие по реке Исс, и то, что я там увидел, навеки запечатлелось в моей памяти.

Именно здесь начинались ужасы, с которыми сталкивались добровольные паломники, верившие, что плывут в прекрасную долину мира, счастья, любви. Это происходило до тех пор, пока великий зеленый воин Тарс Таркас, чернокожий датор Ксодар и я не пролили свет правды во внешний мир и не прекратили это безумие, охватившее миллионы людей.

Здесь и до сих пор виднелось множество низких островков, заваленных скелетами и наполовину съеденными телами тех, кто, внезапно осознав истину и испугавшись, остановился почти в самом конце пути. В жуткой вони этих кошмарных кладбищ множество полоумных визжали и дрались среди обьедков своего чудовищного пира; на тех островках, где остались лишь голые кости, они колотили

ими друг друга, и слабейшие становились пищей для сильных, а кто-то ловил проплывавшие мимо вздувшиеся трупы...

Турид не обращал на них ни малейшего внимания и будто не слышал криков, угроз, мольбы этих существ – ему явно слишком хорошо была знакома дикая панорама подземелья. Он поднимался по реке еще с милю, потом причалил к левому берегу и вытащил свою лодку на невысокий выступ, едва видневшийся над водой.

Я не осмелился вслед за ним пересечь русло, потому что он, скорее всего, заметил бы меня. Вместо того я остановился у противоположной стороны тоннеля, под нависавшим над рекой камнем, что бросал вниз глубокую тень. С этого места я мог

наблюдать за Туридом, не боясь быть обнаруженным.

Чернокожий датор стоял на краю выступа рядом со своей лодкой, глядя в сторону истока Исс, как будто ожидал кого-то.

А я, затаившись под камнем, сразу заметил, что течение толкает меня к середине реки; мне было очень трудно удерживать на месте свой ялик. Я забрался поглубже в тень, ища, за что бы зацепиться на берегу, но, проплыв несколько ярдов, ничего не нашел. Еще немного, и я потерял бы Турида из виду, поэтому был вынужден оставаться на месте и изо всех сил колотить веслом по воде, чтобы меня не вынесло из укрытия.

Я совершенно не понимал, что могло стать причиной столь сильного бокового потока. Главное русло реки отлично просматривалось отсюда, я видел рябь на границе двух течений, и мне стало весьма интересно, что же вызвало столь странное явление.

Пока я размышлял над этим феноменом, мое внимание внезапно привлек Турид, который вскинул над головой ладони в обычном марсианском салюте и выкрикнул: «Каор!» – барсумианское слово приветствия, которое произносится низким тоном.

Я посмотрел в ту сторону, куда повернулся он, и тут в моем ограниченном поле зрения появилась длинная лодка, в ней сидели шесть человек. Пятеро из них работали веслами, а шестой восседал на

почетном месте.

Белая кожа, пышные желтые парики, прикрывавшие лысые головы, и огромные драгоценные камни в головных обручах говорили о том, что это священные ферны.

Они подплыли к мыску, на котором их ждал Турид, тот помог выйти почетному пассажиру, и я понял, что это не кто иной, как Матаи Шанг, Отец фернов.

Очевидная сердечность, с какой эти двое обменялись приветствиями, изумила меня, потому что черная и белая расы Барсума были извечными врагами... Я никогда прежде не видел, чтобы они встречались не на поле боя.

Видимо, перемены в судьбах народов, что произошли недавно, привели к союзу этих двух персон – по крайней мере, к союзу против общего врага, – и теперь я понимал, зачем Турид так часто посещал ночами долину Дор. Скорее всего, он готовился нанести удар по мне или моим друзьям.

Мне очень хотелось очутиться поближе к этим мужчинам, найти такую точку, с которой до меня долетел бы их разговор, но не было и речи о том, чтобы пересечь реку, и потому я просто тихо наблюдал за ними. О, если бы они знали, как близко к ним я нахожусь и как легко они могли бы настичь и убить своего главного врага!

Турид несколько раз показывал в мою сторону, однако не думаю, что его жесты имели ко мне отношение. Вскоре он и Матаи Шанг сели в лодку последнего и двинулись вниз по реке.

По мере их приближения я отводил свое суденышко все дальше и дальше под нависавшую скалу, но наконец мне стало ясно, что и они плывут в том же направлении. Пятеро гребцов гнали большой ялик вперед с хорошей скоростью.

Я каждое мгновение ожидал, что нос моей лодки ударится о камень. Света с реки уже не было видно, но впереди я опять заметил слабое отдаленное сияние, и вода передо мной оставалась открытой.

Тут меня осенило: я плыл по подземной реке, впадавшей в Исс как раз в том месте, где я прятался.

Ялик фернов был уже совсем недалеко от меня. Плеск его весел заглушал звуки моего собственного движения, но еще чуть-чуть – и меня увидят, ведь свет впереди становился все ярче.

Следовало поторопиться. Что бы я ни решил предпринять, это нужно было делать немедленно. Повернув свою лодку вправо, я прибил к каменистому берегу и затаился. Матаи Шанг и Турид приближались, ялик шел посередине притока, гораздо более узкого, чем Исс.

Наконец до меня донеслись голоса Турида и Отца фернов. Они спорили о чем-то.

– Говорю тебе, ферн, – твердил черный датор, – я хочу лишь отомстить Джонну Картеру, принцу Гелиума. Я не пытаюсь завести тебя в ловушку. Что я выиграю, выдав тебя тому, кто погубил и мой народ, и мой дом?

– Давай остановимся здесь ненадолго, чтобы я выслушал твой план, – ответил геккадор. – А когда нам станут ясны наш долг и наши обязательства, отправимся дальше.

Он отдал приказание гребцам, и те подвели лодку к берегу не более чем в десятке шагов от того места, где прятался я.

Если бы мои недруги встали чуть ниже по течению, то обязательно заметили бы меня – впереди сиял слабый свет, – но они причалили выше, и я оказался в такой же безопасности, как если бы нас разделяли десятки миль.

Те несколько слов, которые я уже услышал, возбудили мое любопытство, и мне отчаянно хотелось узнать, какую именно месть в отношении меня замышлял Турид. Долго ждать мне не пришлось.

– Никаких обязательств, Отец фернов, – продолжил перворожденный. – Турид, датор Иссу, цену не назначает. Когда все закончится, я буду счастлив, если ты позаботишься о вознаграждении, достойном моего древнего имени и знатности, и устроишь меня при дворе, по-прежнему верном древней религии, потому что я не могу вернуться в долину Дор или в другое место, где властвует принц Гелиума, но даже и этого я не требую... такое может произойти лишь по твоей воле.

– Будет так, как ты хочешь, датор, – ответил Матаи Шанг, – и не только власть и богатство станут твоими, если ты вернешь мне мою дочь Файдор и отдашь в мои руки Дею Торис, принцессу Гелиума. Ах, – проговорил он со злобной усмешкой, – этот человек с Земли поплатится за то, что замахнулся на святая святых, и никакие мерзости не будут достаточно жестоки для его принцессы. А если то будет в моей власти, он еще и сам станет свидетелем унижения и уничтожения этой краснокожей.

– Ты ее получишь еще до того, как минует следующий день, Матаи Шанг, – сказал Турид.

– Я знаю о храме Солнца, датор, – возразил Матаи Шанг, – но мне никогда не приходилось слышать о том, чтобы его пленники выбирались на свободу, прежде чем пройдет назначенный год их заключения. Ты намерен совершить невозможное?

– На самом деле в каждую из камер этого храма можно войти в любое время, – усмехнулся Турид. – Это знала одна лишь Иссу, но Иссу никогда не раскрывала свои тайны, разве что в силу необходимости. Однако совершенно случайно, уже после ее смерти, я наткнулся на

древний план храма и там обнаружил четкие и подробные указания на то, как проникать в камеры. И еще я узнал, что немало приспешников Иссу использовали эти тайные ходы по ее приказу. Она посылала их пытаться и убивать заключенных. Однако палачи, узнавшие секрет, неожиданно умирали после того, как докладывали богине об исполнении поручения.

– Так-так, продолжай, – произнес Матаи Шанг. – Я должен доверять тебе, но в то же время и ты должен доверять мне, ведь нас шестеро против тебя одного.

– Я не боюсь, – ответил Турид, – и тебе нечего бояться. Наша ненависть к общему врагу – это вполне достаточная причина для верности друг другу, а когда мы оскверним принцессу Гелиума, у нас появится еще больше причин укрепить наш союз... если только я не ошибаюсь насчет характера ее лорда.

Матаи Шанг что-то сказал гребцам. Лодка двинулась вверх по притоку.

Мне было очень трудно сдержаться и не броситься на них, чтобы зарезать двух мерзких заговорщиков, но я быстро понял, что нападение – не выход. В этом случае я лишился бы единственного проводника, который мог показать мне дорогу к тюрьме Деи Торис задолго до конца длинного марсианского года.

Если Турид собирался доставить Матаи Шанга к тому волшебному месту, то он точно так же мог привести туда и Джона Картера, принца Гелиума.

И я, стараясь как можно тише работать веслами, устремился вслед за большой лодкой.

II

Под горами

Пока мы продвигались вверх по реке, что извивалась под Золотыми утесами, вытекая оттуда-то из-под гор Оц, чтобы смешать свои темные воды с мрачной и таинственной Исс, слабое свечение впереди постепенно становилось ярче, превращаясь в ослепительное сияние.

Река наконец вывела нас к большому озеру, над которым возвышался каменный купол, сверкающий алмазами, сапфирами, рубинами и множеством тех безымянных драгоценных камней Барсума, которые я уже видел на золотых откосах величественных утесов.

Позади освещенного пространства озера царила тьма – и что скрывалось там, я не мог даже предположить.

Следовать за яликом фернов через сияющие воды было все равно что лезть на рожон, и, хотя мне меньше всего хотелось упускать Турида из виду, я заставил себя ждать в тени, пока большая лодка не ушла на

другой конец озера.

Потом я заработал веслами, двигаясь в том же направлении.

Казалось, я целую вечность добирался до тенистой верхней части озера. Там обнаружилось, что река впадает в него через тесную щель; я заставил Вулу распластаться на дне суденышка и сам согнулся чуть ли не пополам, чтобы не удариться головой о свод.

Но проход вскоре расширился, вот только сияющий свет здесь пропал. Лишь слабое свечение исходило от маленьких, редко разбросанных вкраплений фосфоресцирующих камней в стенах и потолке тоннеля.

Прямо передо мной река вливалась в это небольшое расширение тремя потоками из трех полукруглых проемов в стене.

Турида и фернов нигде не было видно, и в какой же из темных дыр они исчезли? Я никак не мог этого определить и потому выбрал центральное отверстие, которое ровно так же могло повести меня в нужном направлении, как и два других.

Это был путь в полной темноте. Поток сузился настолько, что я постоянно ударялся то об одну стену, то о другую, когда река петляла в своем кремнистом русле.

Вскоре далеко впереди я услышал низкий глухой рев, нараставший по мере моего приближения, а потом ворвавшийся в мои уши с такой силой, что я едва не оглох в тот момент, когда совершил резкий поворот в едва освещенной воде.

Прямо передо мной река с высоты в несколько сотен футов обрушивалась гигантским водопадом, который заполнял узкое ущелье от края до края, – зрелище столь величественное, что и вообразить трудно.

Но этот рев... ужасный, оглушающий рев воды, падающей в подземное озеро! Если бы даже водопад не преградил мне путь и не показал, что направление было выбрано неверно, я все равно наверняка повернул бы назад из-за одного безумного грохота.

Турид и ферны не могли отправиться в эту сторону. А я лишь потерял время и след, а они остались в выигрыше, и теперь мне грозила перспектива нагнать их, когда будет уже слишком поздно, – если вообще удастся их найти.

Понадобилось несколько часов, чтобы подняться сюда против сильного течения, драгоценные часы уйдут и на обратную дорогу, хотя теперь, конечно, я буду плыть гораздо быстрее.

Вздохнув, я развернул свое суденышко и, несколько раз взмахнув веслами, с опасной скоростью понесся сквозь тьму, пока не прибыл туда, где река разделялась на три потока.

Мне предстояло выбрать один из двух тоннелей, но как определить, какой именно приведет меня к заговорщикам?

Никогда в жизни, насколько могу припомнить, я не страдал так от нерешительности. От правильности выбора зависело слишком многое, равно как и от излишней поспешности.

Время, что я потерял, могло решить судьбу несравненной Деи Торис, если она не была уже мертва... А пустая трата часов, а возможно, и дней на безрезультатное исследование очередного тупика грозила стать фатальной.

Я несколько раз заглядывал в правый проток лишь для того, чтобы вернуться обратно из-за странного интуитивного ощущения, что это не та дорога. Наконец, убежденный этим повторяющимся феноменом, я сделал ставку на левый рукав реки; и все равно сомнения не покидали меня при взгляде на бурный поток, темный и грозный, что вырывался из низкой щели справа.

Но тут из непроглядной тьмы правого рукава, подпрыгивая на волнах, вылетела скорлупа от огромного сочного плода дерева сорапус.

Я едва сдержал крик облегчения при виде этого молчаливого и бесчувственного посланца, проплывшего мимо меня к реке Исс и морю Корус, – он сообщил мне, что марсиане находятся именно в этом протоке.

Они съели прекрасный фрукт, заключенный в твердую ореховую скорлупу, и швырнули ее за борт. Никто другой не мог этого сделать, кроме тех, кого я искал.

Я тут же отбросил все мысли о левом течении и через мгновение уже повернул направо. Поток вскоре расширился, а камни стали светиться ярче, указывая мне дорогу.

Я быстро преодолевал расстояние. По моим представлениям, с начала погони прошли почти сутки. Ни Вула, ни я ничего не ели со вчерашнего дня, хотя для пса это не имело большого значения, поскольку практически все звери, живущие на дне мертвых марсианских морей, способны удивительно долго продержаться без пищи.

Да я и сам не особенно страдал от голода, изредка зачерпывая ладонью холодную и приятную на вкус воду. Река была чистой в отличие от Исс, загрязненной разлагающимися трупами, а что касается еды, так одна лишь мысль о том, что я приближаюсь к моей возлюбленной принцессе, возвышала мой дух надо всем материальным.

По мере продвижения вперед русло становилось все уже, а течение быстрее, – вообще-то, оно было настолько сильным, что я с большим трудом заставлял свое суденышко двигаться вверх, одолевая едва ли сотню ярдов в час. И вдруг за очередным поворотом передо мной вырос ряд порогов, через которые вода, пенясь, летела с ревом.

У меня упало сердце. Скорлупа плода сорапуса оказалась ложным знаком, в конце концов моя интуиция меня не подвела – нужно было

поворачивать в левый рукав.

Будь я женщиной, я бы разрыдался. Справа от меня глубоко под скальным выступом виднелась большая заводь, в которой медленно кружил водоворот, – и я, чтобы дать отдых измученным мышцам перед обратной дорогой, направил туда мою лодку.

Я почти лишился сил от разочарования. Ведь все это значило, что я терял еще половину дня на возвращение, а потом мне предстояло углубиться в единственный проход, оставшийся неисследованным. Что за дьявольская судьба заставила меня выбрать из трех возможных путей два неверных?

Суденышко лениво кружилось в водовороте по краю заводи и уже дважды касалось каменного берега реки в темной глубине под выступом. Потом лодка ударилась и в третий раз, так же легко, как и прежде, но при этом раздался совершенно другой звук – древесина задела древесину.

Я тотчас же сосредоточился, потому что в подземной реке не могло быть дерева, кроме того, что доставили сюда люди. И почти одновременно с тем, как я услышал этот звук, моя рука скользнула по борту лодки, а еще секунду спустя мои пальцы вцепились в планшир другого судна.

Словно окаменев, я сидел в настороженном молчании и, напрягая глаза, всматривался в непроницаемую тьму, стараясь понять, есть ли кто в той лодке.

Ведь было вполне возможно, что там находились люди, которые еще не обнаружили моего присутствия, – их лодка легонько царапала одним бортом камни, и едва заметное прикосновение моего суденышка могло остаться незамеченным.

Изо всех сил вглядываясь в темноту, я все же не мог ничего разобрать и потому стал так же пристально прислушиваться, опасаясь уловить чье-то дыхание, но, кроме шума водоворота, скрежета лодки о камни и плеска воды под ней, ничего не услышал. И, как обычно, сразу же принял решение.

На дне моего судна лежала свернутая веревка. Я очень осторожно поднял ее и, привязав один ее конец к бронзовому кольцу на носу, перешагнул на чужую лодку. Одной рукой я держался за веревку, второй сжимал мой острый длинный меч.

Наверное, я замер на целую минуту, очутившись на незнакомом судне. Оно слегка покачнулось под моим весом, и удар борта о борт наверняка насторожил бы людей, если бы они там были.

Но я ничего не услышал и через мгновение уже ощупывал лодку от носа до кормы, убеждаясь, что в ней действительно никого нет.

Затем, проведя ладонями по поверхности скалы, возле которой была

пришвартована лодка, я нашел узкий выступ. Должно быть, именно здесь высадились те, кто причалил сюда раньше. А это мог быть только Турид со своим отрядом, в чем убедили меня размеры найденного судна.

Велев Вуле следовать за мной, я шагнул на выступ. Огромный свирепый зверь, гибкий, как кошка, полз позади.

Когда пес перебирался через лодку, в которой плыли Турид и ферны, он издал короткий низкий рык, а когда очутился рядом со мной, я положил ладонь на его шею и почувствовал, что его жесткая грива встала дыбом от ярости. Думаю, он телепатически уловил недавнее присутствие какого-то врага; я ведь не потрудился мысленно разъяснить ему, за кем мы гонимся и с какой целью.

Эту оплошность я поспешил исправить и тем же способом, каким зеленые марсиане общались со своими животными, дал ему знать – частично с помощью странной марсианской телепатии, частично просто словами, – что мы должны последовать за теми, кто приплыл на чужой лодке.

Вула негромко замурлыкал, словно кошка, выражая понимание, и я, велев ему идти следом, повернул направо по выступу, но не успел сделать и шага, как могучие клыки потянули меня за ремни перевязи.

Я обернулся, чтобы выяснить причину его поступка, но он продолжал упорно тащить меня в противоположную сторону и не отставал, пока я не согласился пойти за ним.

Я не знал ни единого случая, когда Вула ошибался, взяв след, так что теперь уверенно, хотя и очень осторожно, шагал за зверем. В крошечной тьме мы двигались по узкому выступу вдоль бурлящих порогов.

Час за часом мы шли по берегу темной мрачной реки, все дальше и дальше в недра Марса. Судя по направлению и расстоянию, мы должны были находиться под долиной Дор, а может быть, и под морем Омин... а значит, приближались к храму Солнца.

Как только в моем уме блеснула эта догадка, Вула внезапно остановился перед узким арочным проходом в стене утеса, справа от выступа. Зверь быстро попятился и обернулся ко мне.

Никакие слова не сказали бы мне более ясно о том, что вблизи – некая опасность, и потому я молча протиснулся мимо Вулы, чтобы заглянуть в проем.

Я увидел огромное помещение, которое, судя по всему, некогда было караульным: в нем находились оружейные стойки, невысокие топчаны для сна. Сейчас здесь сидели двое фернов из числа тех, что сопровождали Турида и Матаи Шанга.

Они что-то жарко обсуждали, и по их тону было понятно: им и в

голову не могло прийти, будто их кто-то слышит.

– Да говорю же тебе, – воскликнул один, – не доверяю я этому черному! Незачем было оставлять нас здесь в сторожах! Скажи на милость, от кого мы охраняем эту давно забытую подземную дорогу? Это же просто уловка, чтобы нас стало меньше! Черный датор под каким-либо предлогом заставит Матаи Шанга избавиться и от других фернов, а потом просто нападет на нас со своими приспешниками и всех перережет!

– Да я-то тебе верю, Лакор, – откликнулся второй. – Ничего не может быть между фернами и перворожденными, кроме вечной ненависти! А как тебе эти его глупости насчет света? «Пусть свет горит с силой в три радиийные единицы пятьдесят талов, а один ксат пусть светит с силой в один радиий, а потом двадцать пять талов с силой в девять единиц»! Он именно так сказал, и подумать только, что старый мудрый Матаи Шанг стал вообще слушать такую ерунду!

– Да уж, действительно глупо, – согласился Лакор. – И ничего это не значит, кроме быстрой смерти для нас всех. Датору ведь нужно было что-то ответить, когда Матаи Шанг прямо его спросил, что они будут делать, когда доберутся до храма Солнца, вот черный и брякнул что попало... могу поклясться диадемой геккадора, что он и повторить этого не смог бы.

– А давай не будем больше тут сидеть, Лакор, – предложил второй ферн. – Как знать, может, мы еще успеем спасти Матаи Шанга и сами расправимся с черным датором. Что скажешь?

– Скажу, что ни разу за всю свою долгую жизнь я не нарушал ни единого приказа Отца фернов, – ответил Лакор. – Я буду сидеть здесь до тех пор, пока не сгнию, если он не вернется и не прикажет мне сделать что-то другое.

Приятель Лакора покачал головой.

– Ты старше меня по званию, – сказал он. – Я не могу ничего сделать без твоего дозволения, но все равно считаю, что оставаться здесь глупо.

Я тоже подумал, что со стороны фернов глупо сидеть здесь, так как Вула своим поведением показывал: далее след ведет через караульное помещение. У меня не было причин питать особую приязнь к этой расе самовлюбленных демонов, и все же я предпочел бы пройти мимо них, по возможности, без кровопролития.

В общем, стоило попытаться так и сделать, потому что схватка основательно задержала бы меня, а то и положила бы конец моим поискам, ведь лучших воинов, чем ферны, среди всех, с кем мне приходилось сражаться, я не встречал.

Подав знак Вуле идти за мной, я внезапно появился перед двумя стражами. При виде меня они выхватили длинные мечи, но я вскинул

руку в мирном жесте.

– Я ищу Турида, черного датора, – сказал я. – Мне нужен он, а не вы. Дайте мне пройти спокойно, ведь, если не ошибаюсь, он такой же враг вам, как и мне, и у вас нет причин защищать его.

Ферны опустили мечи, Лакор заговорил:

– Я не знаю, кто ты таков, у тебя белая кожа ферна и черные волосы краснокожего, но если речь идет лишь о Туриде, то проходи, мы будем этому только рады, насколько это вообще нас касается. Объясни нам, кто ты и что привело тебя в не ведомый никому мир под долиной Дор, и мы, возможно, позволим тебе пройти по твоим делам, если решим, что это не противоречит полученным нами приказам.

Удивительно, что ни один из них не узнал меня; мне казалось, что я известен каждому ферну на Барсуме – либо по личному опыту, либо по слухам. Вообще, меня должны были бы узнавать в любой части планеты. Я ведь единственный на Марсе человек с белой кожей и черными волосами, да еще и с серыми глазами... ну, если не считать моего сына, Карториса.

Однако, услышав мое имя, они могли немедленно напасть на меня, потому что любой ферн на Барсуме отлично знал, кому их древняя раса обязана падением с высот духовного владычества. С другой стороны, моя репутация непобедимого бойца могла подсказать им, что безопаснее для их собственной жизни пропустить меня, вместо того чтобы вступать в смертельную схватку.

Но если быть честным до конца, скажу, что я и не пытался обмануть себя всей этой софистикой, поскольку на воинственном Марсе трусов – считанные единицы и каждый барсумианин, будь он принцем, жрецом или крестьянином, умел драться. И потому я лишь крепче сжал рукоять своего длинного меча, отвечая Лакору.

– Уверен, ты решишь, что самое мудрое – дать мне пройти без ссоры, – сказал я, – иначе ты ничего не достигнешь, кроме бессмысленной смерти в недрах Барсума, и ради чего? Ради защиты извечного врага, такого как Турид, датор перворожденных? А то, что ты погибнешь, если решишь встать против меня, доказывают трупы многочисленных барсумианских воинов, которые пали от этого вот меча... потому что я – Джон Картер, принц Гелиума.

Казалось, это имя парализовало обоих фернов, но в следующую секунду тот, что был моложе, грязно выругавшись, ринулся на меня с поднятым клинком.

Во время разговора он стоял позади Лакора, и, прежде чем ретивый молодчик подскочил ко мне, старший товарищ схватил его за перевязь и оттащил назад.

– Стой! – приказал Лакор. – Успеешь еще подраться, если мы вообще

решим, что это нужно. Конечно, хватает причин для того, чтобы любой ферн на Барсуме захотел пролить кровь богохульника, святотатца, но давай-ка добавим к нашей праведной ярости немножко мудрости. Принц Гелиума желает сделать то же, что и мы. Так пусть он пойдет и прирежет черного датора. А когда принц вернется, мы все еще будем здесь и сможем преградить ему путь во внешний мир. Таким образом, мы избавимся сразу от двух врагов и при этом не вызовем неудовольствия Отца фернов.

Пока он говорил, его глаза лукаво поблескивали, и, хотя в его словах была безусловная логика, я все же почувствовал – возможно, подсознательно, – что за его спокойной речью скрывается злобный умысел. Второй ферн повернулся к нему в явном удивлении, но, когда Лакор что-то шепнул ему на ухо, младший отступил и согласно кивнул в ответ на предложение старшего.

– Проходи, Джон Картер, – сказал Лакор, – но знай: если Турид не справится с тобой, то по возвращении тебя будут ждать здесь другие, и тогда тебе не выйти на свет верхнего мира. Иди!

Во время этого разговора Вула негромко рычал, стоя рядом со мной. Порой он заглядывал мне в лицо, жалобно поскуливая, как будто умоляя о разрешении броситься вперед и разорвать фернов. Пес тоже ощущал враждебность за вполне мирными словами.

За спинами фернов из караульной выходило несколько дверей, в сторону одной из них, крайней справа, и махнул Лакор.

– Турид пошел сюда, – сказал он.

Но когда я позвал за собой Вулу, зверь взвыл и попятился, а потом быстро побежал к первой слева двери и там замер, скаля огромные клыки. Он словно указывал верную дорогу.

Я повернулся и вопросительно посмотрел на Лакора.

– Этот зверь редко ошибается, – произнес я, – и хотя я не сомневаюсь в твоих знаниях, ферн, думаю, что поступлю правильно, если прислушаюсь к инстинктам любящего и преданного существа.

Говоря так, я мрачно улыбнулся, чтобы Лакор понял без слов: ему не верят.

– Как пожелаешь, – ответил тот, пожимая плечами. – В итоге все равно будет то же самое.

Я пошел следом за Вулой в левый коридор, чутко прислушиваясь, поскольку враги остались за спиной, однако звуков погони не уловил. Тоннель был едва освещен редкими радийными лампами, что используются на всем Барсуме.

Видимо, такие же лампы, наполненные долговечным составом, непрерывно горели в подземных ходах многие века, не требуя ухода.

Прошли мы с Вулой совсем немного и очутились перед развилкой.

Зверь не колебался ни секунды. Он двинулся к правому тоннелю, но тут я услышал звук, который говорил солдату Джону Картеру больше, чем слова родного языка, — это был звон металла, металла воинского снаряжения, и он раздавался где-то неподалеку.

Вула тоже его услышал и мгновенно подготовился к опасности: его грива встала дыбом, ряды блестящих клыков обнажились. Я жестом сдержал его, и мы вместе отступили в сторону, в другой тоннель, на несколько шагов дальше.

Здесь мы остановились, и ждать пришлось недолго: вскоре на пол главного хода упали тени двух человек. Они двигались очень осторожно, и случайное звяканье оружия больше не повторилось.

Вскоре показались и сами воины; надо сказать, я ничуть не удивился, увидев, что это Лакор и его товарищ из караульного помещения.

Они шагали с опаской, и в правой руке каждый держал наготове острый длинный меч. Ферны встали рядом с развилкой, перешептываясь.

— А может, мы уже их упустили? — спросил Лакор.

— Либо так, либо зверюга побежала в другой тоннель, — ответил второй, — потому что мы-то шли гораздо более короткой дорогой... И Джон Картер мог выбрать кратчайший путь к смерти, как ты ему и предлагал.

— Да, — согласился Лакор, — и воинское искусство не спасло бы его от вращающейся плиты. Он наверняка бы на нее наступил, и, если бы та яма имела дно, в чем Турид сомневается, Картер бы уже до него долетел. Провалиться бы этому калоту, сумел же выбрать безопасный ход!

— Ну, впереди есть и другие ловушки, — напомнил приятель Лакора. — И их так легко не избежать... если принц Гелиума вообще ускользнет от наших добрых мечей. Ты подумай, например, сколько у него может быть шансов, войди он неожиданно в комнату...

Я бы с удовольствием послушал продолжение этого разговора, чтобы знать о грозящих мне опасностях, но тут вмешалась сама судьба: именно в этот момент я чихнул.

III

Храм солнца

Теперь уже не оставалось иного выхода, кроме схватки; и у меня даже не было преимущества внезапности, когда я выскочил из тоннеля с мечом на изготовку, потому что мой несвоевременный чих уже предупредил врагов и они ждали меня.

Никто не проронил ни звука: лучше было поберечь дыхание. Само присутствие обоих фернов уже говорило об их предательстве. Они сразу

последовали за мной, чтобы напасть без предупреждения, и при этом, конечно же, понимали, что я угадал их замысел.

Мне пришлось сражаться сразу с двумя противниками, и, хотя мне неприятно само слово «ферн», я все же честно признаю, что воины они отличные, и эти двое исключения не составляли. На мой взгляд, они принадлежали к когорте самых искусных и бесстрашных бойцов своего народа.

Да, это был показательный бой, даривший ощущение торжества. По меньшей мере дважды я едва успевал отвести от своей груди смертельный удар блестящей стали, и лишь мое высокое искусство в соединении с силой земных мускулов, да еще слабая гравитация Марса спасали меня.

Тем не менее в тот день в мрачных подземельях Марса я был близок к тому, чтобы ощутить вкус смерти, потому что Лакор использовал обманный прием, подобного которому мне не доводилось видеть.

Второй ферн одновременно с ним наседали на меня, но я вынуждал его отступать, задевая острием меча то тут, то там, и противник уже истекал кровью из десятка ран, но я никак не мог окончательно пробить его великолепную защиту и дотянуться до какой-нибудь уязвимой точки, чтобы отправить его на свидание с предками.

И вдруг Лакор снял с себя перевязь, и, когда я шагнул назад, чтобы парировать серьезный удар, он внезапно захлестнул концом ремня мою левую лодыжку, и я тяжело упал на спину.

Лакор стремительно, как пантера, бросился на меня, но ферны совсем не подумали о Вуле... и прежде, чем клинок коснулся моей груди, ревущая, как тысяча демонов, туша пролетела над моим распростертым на камнях телом, и преданный марсианский калот атаковал врага.

Представьте, если сумеете, гигантского медведя-гризли с десятью лапами, снабженными мощными когтями, с огромной пастью, напоминающей лягушачью, но битком набитой длинными белыми клыками, растущими в три ряда. Наделите этого воображаемого зверя ловкостью и злобностью голодного бенгальского тигра и силой испанского быка, и вы получите некоторое, весьма слабое, представление о Вуле в действии.

Прежде чем я успел его окликнуть, он одним ударом лапы по животу свалил Лакора и буквально порвал на ленты второго ферна, однако, когда я резко прикрикнул на него, он тут же смущенно попятился, будто совершил нечто недозволенное и достойное осуждения.

За долгие годы жизни на Марсе, прошедшие с того дня, когда зеленый джед Тарка заставил Вулу охранять меня, я ни разу не наказывал пса. Думаю, я завоевал его любовь и преданность благодаря тому, что не был похож на его прежних жестоких и бесчувственных хозяев. Вместе с

тем меня не покидала уверенность, что Вула стерпел бы от своего нынешнего владельца любое наказание, столь велика была его привязанность.

Золотая диадема с драгоценным камнем в центре, что красовалась на голове Лакора, говорила о том, что он принадлежит к числу священных фернов, в то время как его спутник был жрецом более низкого ранга, хотя, судя по его сверкающим украшениям, он достиг уже Девятого цикла, то есть стоял всего на ступень ниже высшей жреческой касты.

Пока я какое-то время взирал на учиненный Вулой хаос, мне вдруг вспомнился тот случай, когда пришлось присвоить парик, диадему и перевязи Сатора Трога, священного ферна, которого убила Тувия из Птарта, и я подумал, что могу использовать ремни и украшения Лакора таким же образом.

Через секунду я уже сорвал с его лысого черепа желтый парик и вместе с диадемой натянул на собственную голову, а потом надел и все его ремни.

Вула не одобрил такую метаморфозу. Он обнюхал меня и зловеще заворчал, но, когда я заговорил с ним и похлопал по огромной башке, он признал перемены и по моей команде побежал по коридору в направлении, которое мы выбрали перед тем, как наш путь был прерван фернами.

Теперь мы шли очень осторожно; я не забывал о той части разговора, которую успел услышать. Я шагал рядом с Вулой, и мы в четыре глаза высматривали возможную угрозу.

Потом тоннель вдруг резко повернул дважды, образовав у начала узкой лестницы нечто похожее на букву «S», и один из изгибов выводил в большое помещение, весьма скудно освещенное, пол которого был полностью покрыт ядовитыми змеями и прочими отвратительными рептилиями.

Попытка пересечь этот зал означала бы верную смерть, и я на миг растерялся. Потом мне пришло в голову, что Турид и Матаи Шанг со своим отрядом должны были миновать это место, а следовательно, такая возможность имелаась.

Если бы не счастливый случай, позволивший мне подслушать небольшую часть разговора фернов, мы могли бы грубо ошибиться и сделать шаг-другой в эту извивающуюся, смертельно опасную массу, и этого было бы вполне достаточно, чтобы покончить с нами.

Кстати, я впервые видел рептилий на Барсуме, и, судя по их сходству с окаменелыми останками, предположительно, вымерших пресмыкающихся, хранившимся в музеях Гелиума, здесь находились почти все известные доисторические виды, а заодно и множество неизученных.

Никогда моим глазам не представало столь жуткое скопление чудовищ. Было бы бесполезно описывать их земным языком, поскольку этих монстров с любым известным вам существом из прошлого или настоящего объединяют лишь их ядовитость и жизненная сила. По сравнению с марсианскими пресмыкающимися очковая змея показалась бы безобиднее дождевого червяка.

Как только твари заметили меня, они ринулись к проходу, в котором я стоял, – но лучи, падавшие от радиальных ламп, встроенных в порог этого помещения, внезапно их остановили; рептилии явно не осмеливались пересечь границу света.

Я теперь вполне уверился в том, что им не выбраться отсюда, хотя и не понимал, что именно их удерживает. Никаких змей не наблюдалось в тоннеле, по которому шли мы с Вулой, и этого простого факта было достаточно, чтобы убедить меня: никуда ядовитые твари не выползут.

Я отвел Вулу от опасного входа, а потом начал тщательно рассматривать змеиный зал. Когда мои глаза привыкли к тусклому освещению, я заметил невысокую галерею в дальнем конце помещения; с нее открывалось несколько выходов.

Подойдя так близко к порогу, как только осмелился, я окинул взглядом галерею и понял, что она идет по периметру зала. Потом я посмотрел вверх, чтобы проверить, продолжается ли она над входом, у которого я стоял, и, к собственному восторгу, увидел ее не более чем в футе над головой. Тут же я запрыгнул наверх и позвал за собой Вулу.

Здесь рептилий не было, путь к противоположной стороне жуткого зала оказался свободен, так что через мгновение мы с Вулой преспокойно соскочили с галереи в дальний коридор.

Не прошло и десяти минут, как мы опять вышли в большой зал – круглый, белого мрамора. На его стенах были выложены золотом странные иероглифы перворожденных.

От пола до самого верха высокого купола высилась здоровенная круглая колонна, и, пока я рассматривал ее, она медленно повернулась.

Я видел перед собой основание храма Солнца!

Где-то надо мной находилась Дея Торис, а с ней и Файдор, дочь Матаи Шанга, и Тувия из Птарта. Но как до них добраться теперь, когда я очутился рядом с единственной уязвимой точкой конструкции этой гигантской тюрьмы, я все равно не имел понятия.

Я медленно обошел огромный столб, ища возможность проникнуть внутрь сооружения. На полпути мне попался на глаза маленький радиальный фонарь, и, с удивлением рассматривая его, не понимая, как он мог очутиться в столь недоступном и тайном месте, я вдруг заметил на металлическом корпусе драгоценную инкрустацию – знак дома Турида.

Я подумал, что нахожусь на верном пути, и сунул фонарь в поясную сумку. А потом продолжил разведку, поскольку понимал, что вход должен быть где-то здесь, но искать пришлось недолго – почти сразу я увидел маленькую дверь, столь искусно встроенную в основание колонны, что заметить ее было очень трудно.

Да, вот он, доступ в тюрьму, но как открыть дверь? На ней не было видно никаких кнопок или замков. Я снова и снова тщательнейшим образом изучал каждый квадратный дюйм ее поверхности, но сумел найти лишь крошечную, будто булавоочный укол, дырочку чуть выше и правее центра дверного полотна – она выглядела как случайный дефект материала.

Я пытался заглянуть в это микроскопическое отверстие, но было ли оно глубиной в пару дюймов или шло насквозь, понять не мог, – по крайней мере, свет там не горел. Я приложил к дырочке ухо, вслушиваясь, но и тут мои усилия не принесли результатов.

Во время моих опытов Вула стоял рядом и пристально смотрел на дверь, и, когда я взглянул на него, мне пришло в голову испытать правильность моего предположения: что именно это и есть вход, который использовали Турид, черный датор, и Матаи Шанг, Отец

фернов.

Резко отвернувшись от двери, я приказал Вуле следовать за мной. Секунду-другую он колебался, но потом прыгнул ко мне, скуля и дергая меня за ремни, пытаюсь вернуть обратно. Но я отошел от двери на некоторое расстояние и лишь тогда позволил Вуле снова идти куда вздумается – мне нужно было проверить, куда он направится.

Вула тут же потащил меня обратно к тому же месту и снова уселся перед каменной колонной, таращась на блестящую поверхность. Я целый час пытался понять, как именно можно отомкнуть проход.

Я старательно припоминал все обстоятельства моей погони за Туридом, но всегда приходил к одному и тому же выводу: датор прошел через эту дверь благодаря собственным знаниям, без какой-либо помощи изнутри. Но как он с ней справился?

Был один случай в земле фернов, когда я освободил Тувию из Птарта из подземной тюрьмы. Девушка забрала у убитого тюремщика тонкий, похожий на иглу ключ, чтобы открыть дверь, ведущую обратно в зал Тайны, где Тарс Таркас сражался за свою жизнь с огромными банхами. В той двери был весьма затейливый замок, который и открывался тончайшим ключом.

Я принялся рыться в поясной сумке, положив ее на пол перед собой. Если удастся найти тонкую стальную проволоку, то, возможно, получится проникнуть в храмовую тюрьму.

Пока я рассматривал всякие мелочи, которыми вечно набиты поясные сумки марсианских воинов, моя рука нащупала радиный фонарик черного датора.

Я уже хотел отложить его в сторону как вещь совершенно бесполезную в нынешних обстоятельствах, но тут мой взгляд уперся в несколько странных букв и цифр, явно недавно нацарапанных на мягком золоте футляра.

Простое любопытство заставило меня сосредоточиться на них, но я далеко не сразу понял их смысл. На фонарике была надпись в три ряда, один под другим:

3 – 50 Т

1 – 1 Кс

9 – 25 Т

Мой интерес тут же угас, и я уже сунул фонарик в поясную сумку... однако не успели мои пальцы разжаться, как в памяти вспыхнул разговор между Лакором и его товарищем, когда младший ферн издевательским тоном цитировал слова Турида: «А как тебе эти его глупости насчет света? „Пусть свет горит с силой в три радиные единицы пятьдесят талов...“»

Ох, но это ведь и была первая строчка на футляре фонарика! «3 – 50

Т»! «...А один ксат пусть светит с силой в один радий...» Это вторая строчка! «...А потом двадцать пять талов с силой в девять единиц».

Да, я видел перед собой ту самую формулу. Но что она означала?

Правда, мне показалось, что я это понял; схватив увеличительное стекло, имевшееся в моих запасах, я стал самым пристальным образом рассматривать мрамор вокруг крохотной дырочки в двери. И наверное, даже вскрикнул, когда обнаружил едва видимые следы, оставленные марсианскими фонариками.

Стало очевидным, что к отверстию несчетные века прижимали радийные фонари, а зачем... ну, ответ тут мог быть только один: механизм замка активировался светом; и я, Джон Картер, принц Гелиума, держал в руках код, нацарапанный рукой моего врага на его собственном фонарике!

В толстый золотой браслет на моем запястье был встроен барсумианский хронометр – прекрасный инструмент, отсчитывавший талы, и ксаты, и зоды марсианского времени.

Внимательно следя за временем, я прижал фонарик к крохотному отверстию в двери, предварительно отрегулировав силу света с помощью диска на боковой части корпуса фонаря.

Пятьдесят талов, то есть около минуты, я пускал в отверстие луч силой в три единицы, потом в течение одного ксата – силой в одну единицу, и, наконец, двадцать пять талов в отверстие вливался свет силой в девять единиц. Эти последние двадцать пять талов были самыми длинными секундами в моей жизни. Отопрется ли замок в конце этого бесконечного промежутка времени?

Двадцать три... Двадцать четыре... Двадцать пять...

Я резко выключил фонарик и отвел его в сторону. Семь секунд я ждал... но не заметил никакого воздействия на механизм замка.

Неужели вся моя теория была в корне неверна?

Стоп! Это галлюцинация из-за излишнего нервного напряжения или дверь действительно двинулась? Каменный блок медленно и бесшумно уходил в стену... Вряд ли я грежу наяву!

Плита отъехала назад футов на десять, и наконец справа показался узкий дверной проем, он вел в такой же узкий коридор, параллельный наружной стене. Едва этот вход открылся, как мы с Вулой прыгнули в него... а каменная дверь за нами тихонько вернулась на прежнее место.

В коридоре, где-то впереди, я увидел слабый отблеск, туда мы и поспешили. Свет шел из-за резкого поворота, за ним, чуть далее, было ярко освещенное круглое помещение.

В его центре находилась винтовая лестница.

Я сразу понял, что мы оказались в центре основания храма Солнца, – ступени вели к внутренним стенам тюремных камер. Где-то надо мной

томила в заключении Дея Торис, если Турид и Матаи Шанг не успели ее похитить.

Мы начали подниматься по спирали, и вдруг Вула пришел в дикое возбуждение. Он прыгал туда-сюда, хватая меня за ноги и за ремни, я уже подумал, что он свихнулся, и оттолкнул его. Но не успел я сделать шаг вперед, как пес вцепился зубами в мою правую руку и потащил меня назад.

Как я ни бранил и ни уговаривал его, он отказывался меня отпустить, и пришлось подчиниться его звериной силе. Конечно, можно было достать левой рукой кинжал, однако тронулся Вула умом или нет, я все равно не смог бы вонзить лезвие в преданного мне пса.

Вула поволок меня вниз, потом через круглый зал, в сторону, противоположную той, откуда мы вошли. Здесь оказалась еще одна дверь в очередной коридор, резко спускавшийся куда-то в недра. Вула, не колеблясь ни секунды, дернул меня в этот каменный ход.

Наконец он остановился и отпустил меня, встав между мной и выходом, глядя прямо мне в лицо, как будто спрашивая, сам ли я пойду за ним, или ему снова придется применить силу.

Грустно посмотрев на следы его здоровенных клыков на моей обнаженной руке, я решил подчиниться зверю. В конце концов его странные инстинкты могли оказаться более надежными, чем мое склонное к ошибкам человеческое суждение.

И хорошо, что он заставил меня следовать за ним. Мы ушли совсем недалеко от круглого зала и очутились вдруг в ярко освещенном лабиринте перегородок из хрустального стекла.

Мне сначала показалось, что это одно цельное огромное помещение, настолько чистыми и прозрачными были стенки этих извилистых коридоров, но, когда я пару раз стукнулся лбом о непроницаемую, хотя и почти невидимую преграду, я стал двигаться более осторожно.

Мы прошли несколько ярдов по коридору, который привел нас в этот странный лабиринт, и тут Вула внезапно испустил устрашающий рык и бросился к прозрачной перегородке слева от нас.

Отзвуки его громкого рычания еще не утихли в подземелье, когда я увидел, что разозлило моего пса.

Где-то вдали, слабо видимый сквозь множество толстых промежуточных перегородок, блеснул свет, казавшийся призрачным, нереальным... но я различил восемь человеческих фигур – три женские и пять мужских.

В то же самое мгновение эти люди, явно испуганные яростным рыком Вулы, остановились и стали оглядываться. И вдруг одна женщина протянула ко мне руки. Даже с такого огромного расстояния я мог рассмотреть, как шевелятся ее губы... это была Дея Торис, моя вечно

прекрасная и вечно юная принцесса Гелиума.

Рядом с ней стояли Тувия из Птарта, Файдор, дочь Матаи Шанга, Турид, а также сам Отец фернов и трое жрецов младшего чина.

Турид угрожающе взмахнул в мою сторону кулаком, а двое фернов грубо схватили Дею Торис и Тувию за руки и потащили прочь. Скоро они исчезли в каменном тоннеле за стеклянным лабиринтом.

Говорят, любовь слепа, но она также и прозорлива – Дея Торис сразу же узнала меня, несмотря на маскировку, я ведь был одет как ферн... и даже хрустальный лабиринт, туманящий взгляд, не сумел ее ослепить.

IV

Тайная башня

У меня просто не хватает духа описывать однообразие тех утомительных дней, когда я и Вула бродили по стеклянному лабиринту во тьме под долиной Дор и Золотыми утесами. В конце концов мы выбрались на склон гор Оц, прямо над долиной Потерянных Душ – местом, где испытывали страдания те несчастные, которые не осмелились продолжить свой путь к долине Дор, но боялись вернуться в родные края.

Здесь след похитителей Деи Торис тянулся вдоль подножия гор, через расщелины, по крутым обрывистым склонам, по краю глубоких пропастей, иногда через равнину, где нам постоянно приходилось сражаться с местными племенами, населявшими эту юдоль скорби.

И наконец мы пришли туда, где путь пролегал через узкое ущелье. С каждым шагом идти становилось все труднее, но вот перед нами выросла могучая крепость, затаившаяся под боком у нависающего утеса.

Это и было убежище Матаи Шанга, Отца фернов. Здесь жил, до сих пор отчаянно цепляясь за низвергнутую фальшивую веру, окруженный горсткой преданных воинов геккадор древней религии, которому некогда служили миллионы вассалов и подневольных, распространявших его слова среди полудюжины больших народов Барсума.

Когда мы подошли к этой с виду неприступной горной крепости, еще только начало темнеть, и, чтобы нас не заметили, я вместе с Вулой спрятался за большим гранитным выступом среди жизнестойких пурпурных кустов, что росли на голых склонах гор Оц.

Здесь мы и лежали, пока не погасли последние лучи солнца. Потом я подкрался к крепостным стенам, ища способ проникнуть внутрь.

Оказалось, стражи, то ли по небрежности, то ли от излишней самоуверенности, полагая, что к этому тайному укрытию никто не сможет пробраться, оставили приоткрытыми ворота из тройной решетки. За ними я увидел нескольких воинов, которые смеялись и болтали, играя в одну из непонятных мне барсумианских игр.

Среди них я не обнаружил никого из тех, кто сопровождал Турида и Матаи Шанга, и потому, положившись исключительно на свою маскировку, дерзко вошел в ворота и приблизился к фернам.

Мужчины прекратили игру и уставились на меня, но не выказали ни малейшего подозрения. Потом глянули на Вулу, ворчавшего у моих ног.

— Каор! — произнес я марсианское приветствие, и воины встали и отсалютовали мне. — Я едва нашел сюда дорогу через Золотые утесы, — продолжил я, — и теперь ищу встречи с геккадором Матаи Шангом, Отцом фернов. Я могу его увидеть?

— Иди за мной, — сказал один из стражей и, повернувшись, повел

меня через наружный двор крепости ко второй, внутренней стене.

Почему явная легкость, с какой их отыскал незнакомец, не вызвала у стражей ни единой дурной мысли? Об этом я не задумался, поглощенный мечтами о своей возлюбленной принцессе, и мне было на все плевать. Так что я легкомысленно шагал следом за стражем напрямиком к своей смерти.

Позже я выяснил, что ферны уже за несколько часов до моего прихода знали, что я подбираюсь к тайной крепости.

И ворота были приоткрыты намеренно, чтобы соблазнить меня. Стражи отлично сыграли свои роли в этом заговоре, а я, скорее как

наивный школьник, чем как опытный воин, ринулся головой вперед в ловушку.

В дальней части наружного двора, в углу внутренней стены, была дверь. Здесь мой провожатый достал ключ и отпер ее, потом, отступив в сторону, жестом предложил мне войти.

– Матаи Шанг в храмовом дворе за стеной, – сказал он.

А когда мы с Вулой переступили порог, скрипнули дверные петли.

До моих ушей успел долететь мерзкий смех стражника, прежде чем тяжелая, оббитая досками дверь захлопнулась и щелкнул замок; лишь тогда я забеспокоился.

Мы с Вулой очутились в маленьком круглом помещении внутри контрфорса. Передо мной была еще одна дверь. Мгновение-другое я колебался, теперь уже преисполнившись подозрений, но потом, пожав плечами, толкнул ее и шагнул во внутренний двор, залитый светом факелов.

Напротив меня возвышалась могучая башня, достигавшая добрых трехсот футов. Это был образец странной, но прекрасной архитектуры современного Барсума: фасад сооружения покрывали резные рельефы сложного и фантастического рисунка. В тридцати футах над двором находился широкий балкон, и, конечно же, на нем стоял Матаи Шанг, а вместе с ним и остальные – Турид, Файдор, Тувия и Дея Торис... причем две последние были в оковах. Позади этой небольшой группы застыли на страже воины.

Как только я вошел во двор, взгляды стоявших на балконе обратились ко мне.

Отвратительная улыбка искривила жестокое лицо Матаи Шанга. Турид поспешил поиздеваться надо мной и бесцеремонно положил руку на плечо моей принцессы. Она развернулась в его сторону стремительно, как тигрица, и с силой ударила его железным наручником, что сжимал ее запястье.

Он бы ударил ее в ответ, если бы Матаи Шанг не остановил его, и тут я увидел, что эти двое вовсе не пылают друг к другу любовью; ферн держался надменно и высокомерно, давая понять перворожденному, что принцесса Гелиума – личная собственность Отца фернов. А Турид вовсе не проявлял к древнему геккадору ни преданности, ни уважения.

Когда конфликт на балконе был исчерпан, Матаи Шанг снова повернулся в мою сторону.

– Человек с Земли, – воскликнул он, – ты заслуживаешь куда более позорной казни, чем та, которой мы в силах тебя подвергнуть. Однако ожидание смерти, что постигнет тебя этой ночью, будет вдвое горше. Знай: когда ты умрешь, твоя вдова ровно на один барсумианский год станет женой Матаи Шанга, геккадора священных фернов. А в конце

этого срока, насколько тебе известно, она будет отстранена согласно закону, но ее не отправят, как других высших жриц, в дальнейшее убежище. Нет, Дея Торис, принцесса Гелиума, станет игрушкой моих офицеров... может быть, даже твоего злейшего врага Турида, черного датора.

Умолкнув, он явно ждал от меня вспышки гнева и ярости... Это добавило бы вкуса его мести. Но я не доставил ему такого удовольствия.

Вместо того я сделал единственный жест, который мог взбесить его и усилить ненависть ко мне. Ведь я знал: после моей смерти Дея Торис найдет способ покончить с жизнью до того, как на нее падут новые пытки или бесчестье.

Более всего на свете ферны почитали желтые парики, прикрывавшие лысые черепа, — для них это была главная святыня. Следом в ранг реликвий возводились золотые диадемы. Так, диадема Лакора, украшенная искрящимися драгоценными камнями, говорила о том, что он достиг уровня Десятого цикла.

Зная это, я небрежно сорвал со своей головы парик и диадему и бросил их на камни, которыми был вымощен внутренний двор. А потом еще и поддал ногой это желтое сокровище; когда же с балкона донесся до меня рев ярости, я плюнул на священную диадему.

Матаи Шанг побледнел от злости, но на губах Турида я увидел мрачную усмешку — для него-то эти вещи священными не были; поэтому, чтобы он не слишком веселился, я крикнул:

— И то же самое я сделал с досточтимой Иссу, богиней Вечной жизни, а потом толпа, которая некогда ей поклонялась, разорвала ее в клочья в ее же собственном храме!

Это сразу стерло с лица Турида ухмылку, потому что он был весьма в чести у Иссу.

— Покончим наконец с этим богохульством! — рявкнул он, поворачиваясь к Отцу фернов.

Матаи Шанг встал и, наклонившись через перила балкона, издал тот самый зловеющий вопль, какой я уже слышал от жрецов, дежуривших на крохотном балкончике на склоне Золотых утесов над долиной Дор. В прошлом этот клич созывал жутких белых обезьян и травяных людей на чудовищный пир, и те стекались со всех сторон, чтобы сожрать несчастных, что плыли по водам таинственной реки Исс к кишащим хищными силианами волнам затерянного моря Корус.

— Выпускайте смерть! — проревел Отец фернов.

Тут же распахнулась дюжина дверей в основании башни, и во двор выскочили двенадцать жутких банхов. Я не впервые сталкивался с этими свирепыми барсумианскими львами, но никогда мне не приходилось противостоять сразу дюжине. Даже с помощью злобного

Вулы исход схватки мог быть только один.

Какое-то мгновение твари колебались, очутившись в ярком свете факелов, но очень быстро их глаза привыкли к освещению, а потом они увидели Вулу и меня и, взъерошив жесткие гривы, низко рыча, стали приближаться к нам, хлеща себя по рыжеватым бокам мощными хвостами.

В тот краткий миг жизни, что оставался мне, я бросил последний, прощальный взгляд на мою Дею Торис. На ее прекрасном лице отразился ужас, а когда наши глаза встретились, она протянула ко мне руки, борясь со стражами, схватившими ее, и попыталась броситься с балкона вниз, чтобы разделить со мной смерть. Но ей это не удалось, и, когда банхи подступили ко мне, она отвернулась и закрыла свое милое лицо ладонями.

И вдруг мое внимание привлекла Тувия из Птарта. Эта прекрасная девушка перегнулась через перила балкона, в глазах ее был огонь.

Еще миг – и банхи бросятся на меня. Но я не мог отвести взора от краснокожей красавицы. Я знал: ее возбуждение не могло быть вызвано предвкушением предстоящей трагедии, нет, лицо Тувии выражало нечто иное, потаенное...

Я сначала подумал, что мог бы положиться на свои земные мускулы, просто сбежать от банхов и запрыгнуть на балкон, это ведь было совсем нетрудно для меня. Но бросить преданного Вулу, обречь его на гибель от страшных клыков голодных банхов? Нет, так не делалось на Барсуме, и так не поступал Джон Картер.

И тут причина волнения Тувии стала ясна – с ее губ слетел мурлыкающий звук, который я уже слышал однажды; это было в недрах Золотых утесов, когда Тувия собрала вокруг себя банхов, а потом повела их за собой, как пастух ведет стадо смиренных и безобидных овец.

При первых же звуках ее голоса банхи резко остановились и задрали злобные морды – твари искали, откуда доносится знакомый зов. Вскоре они обнаружили свою повелительницу на балконе и, развернувшись, приветствовали ее громким ревом.

Стражи подбежали к Тувии, чтобы оттащить ее подальше, но девушка успела промурлыкать целый ряд приказов внимательно слушавшим зверям, и они, все как один, немедленно потрусили в свои клетки.

– Тебе больше незачем их бояться, Джон Картер! – крикнула Тувия прежде, чем ее заставили замолчать. – Эти банхи никогда не причинят вреда ни тебе, ни Вуле!

Это было все, что я хотел знать. И теперь ничто не могло помешать мне одним длинным прыжком очутиться на краю балкона.

Мое появление вызвало переполох. Матаи Шанг отпрянул назад. Турид дернулся вперед с мечом, чтобы сбросить меня вниз.

И снова Дея Торис с пронзительным криком ударила его своими тяжелыми оковами. Потом Матаи Шанг схватил ее за талию и поволок к двери во внутренние помещения башни.

Турид сначала заколебался, но тут же, словно испугавшись, что Отец фернов сбежит от него вместе с принцессой Гелиума, тоже метнулся прочь с балкона.

Одна только Файдор сохранила присутствие духа. Двоим стражам она приказала увести Тувию из Птарта, остальным велела остаться и задержать меня. А потом повернулась ко мне.

– Джон Картер, – заговорила она, – я в последний раз предлагаю тебе любовь Файдор, дочери святого геккадора. Прими ее – и твоя принцесса вернется ко двору своего деда, а ты будешь жить в мире и радости. Откажись – и судьба, которой грозил мой отец, настигнет Дею Торис. Ты теперь не можешь ее спасти, потому что ее увели в такое место, куда даже тебе не добраться. Откажись – и сам пропадешь: хотя тебе удалось проникнуть в последний оплот священных фернов, выйти отсюда у тебя не получится. Что скажешь?

– Мой ответ тебе известен, Файдор, – ответил я. – Ты его знала еще до того, как заговорила. А ну, отступите! – крикнул я стражам. – В сторону, чтобы мог пройти Джон Картер, принц Гелиума!

С этими словами я перепрыгнул низкую балюстраду, окружавшую балкон, и с длинным мечом в руке предстал перед своими врагами.

Стражей было трое, однако Файдор, должно быть, догадывалась, каким будет исход схватки, потому что тут же развернулась и умчалась с балкона.

Трое противников не стали ждать моего нападения. Они сами бросились на меня – все одновременно, и именно это дало мне преимущество. Они мешали друг другу в узком пространстве балкона, так что первый из них сам налетел на острие моего меча.

Красное пятно на стали клинка пробудило во мне старую жажду крови настоящего воина, которая никогда не была так сильна в моей груди, как в этот момент. Я действовал столь стремительно и с такой смертельной точностью, что двое оставшихся фернов сразу поняли, чем все закончится.

Когда острая сталь нашла сердце одного из них, второй повернулся и побежал, а я, предположив, что он может таким образом указать мне дорогу, позволил ему удрать достаточно далеко – пусть думает, что спасся.

Ферн неся через внутренние помещения и наконец очутился у винтовой лестницы. Он помчался вверх, а я за ним. Наверху мы оба ворвались в небольшую комнату с пустыми стенами; единственное окно выходило на склоны гор Оц и долину Потерянных Душ.

Здесь ферн стал отчаянно царапать голую стену напротив окна. Я подумал, что там имеется тайный выход, и потому остановился, чтобы дать ферну возможность его открыть, — я вовсе не желал отнимать жизнь у этого бедолаги, лишь стремился найти Дею Торис, мою давно потерянную принцессу.

Но, как молодчик ни старался, панель не поддавалась его усилиям, и в конце концов он сдался и повернулся лицом ко мне.

— Ладно, иди своей дорогой, ферн, — сказал я ему, показывая на коридор, по которому мы сюда прибежали. — Я не хочу с тобой драться, мне не нужна твоя жизнь. Иди!

Вместо ответа он прыгнул на меня с обнаженным мечом, и так неожиданно, что я чуть не отступил перед его натиском. Итак, мне ничего другого не оставалось, кроме как дать ему то, чего он искал, и как можно быстрее, ведь, если бы я стал медлить, Матаи Шанг и Турид могли увести Дею Торис и Тувию слишком далеко.

Парень оказался отличным бойцом, он умел экономить силы и знал множество приемов. Увы, он, похоже, никогда и не слышал о таком понятии, как «кодекс чести», потому что то и дело нарушал правила боев, принятые на Барсуме, — те, которые благородный человек готов соблюдать даже ценой собственной жизни.

Он зашел настолько далеко, что сорвал с головы свой священный парик и швырнул его мне в лицо, чтобы ослепить меня на мгновение и нанести удар в незащищенную грудь.

Однако его меч пронзил пустоту. Дело в том, что мне уже приходилось сражаться с фернами; и хотя никто из них не действовал в точности так, как этот парень, я знал, что это самые бесчестные и самые опасные бойцы на всем Марсе, и постоянно ожидал от них какой-нибудь новой выходки или дьявольской хитрости.

Но наконец мой враг перестарался: выхватив короткий меч, он метнул его в меня, словно кинжал, и сразу же бросился на меня с длинным мечом. Но круговое движение моего клинка выбило оружие из его руки, оно со звоном ударилось о дальнюю стену, а я, сделав шаг в сторону, позволил ферну самому всем телом налететь на лезвие.

Клинок вонзился в него по рукоять, и ферн с пронзительным криком рухнул на пол.

Задержавшись лишь затем, чтобы выдернуть меч из трупа противника, я прыгнул через всю комнату к стене напротив, к той самой, сквозь которую пытался пройти ферн. Я стал искать потайной замок, но ничего не нашел.

А дверь, через которую я попал сюда, оказалась уже заперта снаружи.

В отчаянии я налег всем весом на стену, но холодный неуступчивый камень не поддавался моим усилиям. Вообще-то, я мог бы поклясться, что

за стеной прозвучал тихий язвительный смех.

Я прекратил бесплодные попытки и подошел к окну комнаты.

Склоны Оц и далекая долина Потерянных Душ не вызвали моего интереса, зато резная стена башни, возвышавшейся надо мной, привлекла мое внимание.

Где-то внутри этой каменной громады томила в плену Дея Торис. Наверху я видел окна. Там, возможно, и находился тот путь, который мог привести меня к ней. Риск был велик, но меня это не пугало, ведь на кону стояла судьба лучшей в мире женщины.

Я посмотрел вниз. В сотне футов подо мной на краю гигантской пропасти торчали острые гранитные валуны, над ними высилась башня; и если не на этих камнях, то на дне бездны поджидала меня смерть, если нога хоть раз соскользнет или пальцы не удержатся за стену.

Но другого пути у меня не было, и я, пожав плечами (хотя, должен признать, это больше походило на содрогание), шагнул на подоконник и начал опасное восхождение.

К немалой своей тревоге, я обнаружил, что здесь, в отличие от зданий Гелиума, края барельефов закруглены, поэтому цепляться за них оказалось весьма затруднительно.

Примерно в пятидесяти футах надо мной начинался ряд выступающих из стены цилиндрических камней, около шести дюймов в диаметре. Они, похоже, опоясывали башню на расстоянии в шесть футов друг от друга, лентой в шесть футов шириной; и, поскольку каждый из этих каменных цилиндров выступал над резьбой дюймов на пять-шесть, они могли бы стать куда более удобным средством для подъема, если бы мне удалось до них добраться.

Я старательно карабкался к ним, заодно надеясь попутно заглянуть в окна, поскольку рассчитывал, что смогу проникнуть в башню через одно из них, а это уж точно ускорило бы мои поиски.

Иной раз закругленная опора под моими пальцами была настолько ненадежна, что кашель, чиханье или просто порыв ветра мог бы сбросить меня вниз с невероятной высоты.

Наконец я достиг того места, откуда мог ухватиться за подоконник нижнего окна, но едва успел облегченно вздохнуть, как из помещения до меня донеслись голоса.

– Да никогда ему не узнать тайны этого замка! – раздался голос Матаи Шанга. – Идем-ка лучше наверх, к ангару. Мы окажемся далеко на юге, прежде чем он найдет другую дорогу... если такое вообще возможно.

– Для этого злобного калота ничего невозможного нет, – ответил другой голос.

Я узнал Турида.

– Тогда поспешим, – сказал Матаи Шанг. – Но для полной

уверенности я оставлю двоих стражей на взлетной площадке. Они могут позже последовать за нами на другом челноке и догонят нас в Каоле.

Мои пальцы так и не коснулись подоконника. При первом же звуке чужого голоса я распластался на стене, изо всех сил держась за выступы резьбы, боясь даже дышать.

Вот уж незавидное у меня положение, страшно представить, что меня обнаружит Турид! Ему достаточно наклониться и ткнуть меня мечом, чтобы отправить в вечность.

Но разговор вскоре затих, я снова продолжил восхождение, однако теперь это было еще труднее, потому что приходилось огибать окна.

Упоминание Матаи Шанга о посадочной площадке и челноках означало, что мне придется ползти вот так до самой крыши башни, и именно к этой далекой цели я и устремился.

Однако самая трудная и опасная часть пути наконец завершилась, и я с радостью ощутил под пальцами нижний из каменных цилиндров.

Вообще-то, эти выступы располагались слишком далеко друг от друга, чтобы можно было считать дальнейший подъем несложным, но они, по крайней мере, находились в пределах досягаемости на тот случай, если бы я сорвался.

Примерно за десять футов до кровли вертикальная плоскость стены становилась наклонной, и башня сужалась кверху. Вот тут уже подниматься стало несравнимо легче, и в конце концов моя рука ухватилась за карниз.

Осторожно выглянув через край крыши, я увидел на ней челнок, готовый к взлету.

На палубе находились Матаи Шанг, Файдор, Дея Торис, Тувия из Птарта и несколько воинов-фернов. Турид собирался подняться на борт.

Нас с датором разделяло не более десяти шагов. Он смотрел в другую сторону. И что за жестокая насмешка судьбы заставила его повернуться именно в тот момент, когда я высунулся над краем крыши, даже и гадать не берусь.

И все же Турид обернулся. Когда взгляд датора встретился с моим, его лицо исказила злобная ухмылка. Он тут же прыгнул ко мне, а я пытался как можно скорее отползти на надежную поверхность крыши.

Видимо, Дея Торис заметила меня в тот же миг, что и Турид, потому что громко вскрикнула, однако тот уже с размаха ударил меня ногой в лицо...

И я, как подстреленный, полетел вниз спиной вперед.

V

Дорога на Каол

Если судьба иной раз и бывает ко мне жестока, то все же доброе и милосердное Провидение за мной присматривает.

Падая в чудовищную пропасть, я уже считал себя покойником; и Турид, безусловно, также был в этом уверен, потому что он, судя по всему, даже не взял на себя труд посмотреть мне вслед, а просто повернулся и пошел к челноку.

Но я пролетел всего с десятков футов, а потом ремень моей перевязи зацепился за цилиндрический камень, выступавший из стены башни... и удержал меня. А я, хотя падение и прекратилось, далеко не сразу смог поверить в чудо, спасшее меня от неминуемой гибели, и какое-то время просто висел там, обливаясь холодным потом.

После того как я пришел в себя, желания карабкаться наверх у меня не возникло. Кто знает, вдруг меня там ожидает Турид?

Однако вскоре до моих ушей донесся гул винтов воздушного судна, и, поскольку звук этот становился все тише, я понял, что челнок полетел на юг и никому из свиты Турида нет дела до моей судьбы.

Я снова с большой осторожностью поднялся и должен признать, что заглянул через край крыши без особого удовольствия, но, к моему облегчению, никого не увидел и через мгновение уже стоял на надежной плоской поверхности.

Добежать до ангара и вывести оттуда единственную машину было делом нескольких секунд; и как раз в тот миг, когда два ферна, оставленные Матаи Шангом для того, чтобы предотвратить именно такой случай, высунулись из люка на крыше, я взлетел над ними с нахальным смехом.

Потом я быстро спустился во внутренний двор, где в последний раз видел Вулу, и, к немалой радости, увидел, что преданный зверь по-прежнему там.

Двенадцать огромных банхов лежали на пороге своих клеток, наблюдая за псом и угрожающе рыча, но не смели ослушаться приказа Тувии. Я поблагодарил судьбу за то, что в свое время она сделала девушку смотрительницей зверей в недрах Золотых утесов и одарила доброй и отзывчивой натурой, позволившей завоевать преданность и любовь столь свирепых существ.

Вула радостно запрыгал на месте, увидев меня, а как только челнок коснулся камней мощеного двора, вскочил на палубу, и от его медвежьих выражений счастья суденышко едва не перевернулось.

Под злобные крики стражей-фернов мы поднялись над последним оплотом священных фернов и полетели на северо-восток, к Каолу, —

ведь именно это название произнес Матаи Шанг.

Во второй половине дня я заметил впереди точку – это было воздушное судно. Уверен, именно этот корабль уносил прочь мою потерянную любовь и моих врагов.

К вечеру расстояние между нами значительно сократилось. Понимая, что враги наверняка заметили меня и потому не зажгут огней с наступлением темноты, я отладил целевой компас – изумительный маленький марсианский механизм, который, будучи настроенным на некий объект, постоянно указывает на него и отмечает все перемены в его положении.

Всю ночь мы мчались сквозь пустоту над низкими холмами и дном мертвых морей, над поселениями красных марсиан и заброшенными городами, над похожими на ленты полосами возделанных земель. Они совпадают с водными путями, что опоясывают планету, – на Земле их называют марсианскими каналами.

Рассвет показал, что я почти нагнал воздушное судно, летящее впереди. Это был корабль гораздо крупнее моего, но не такой быстроходный, однако он успел покрыть огромное расстояние до того, как началась погоня.

Изменение растительности внизу дало мне понять, что мы быстро приближаемся к экватору. Расстояние между судами вполне позволяло использовать носовое орудие, но, хотя на палубе не было видно Деи Торис, я боялся стрелять.

Зато Турида ничто не сдерживало, правда он не сразу поверил в то, что за ним действительно гонюсь именно я, однако глазам своим не доверять он не мог. И потому датор собственноручно направил на меня кормовое орудие, а через секунду взрывной радиевый снаряд промчался в опасной близости от моей палубы.

Следующий выстрел чернокожего оказался более точным: снаряд ударил в нос моего челнока и взорвался от столкновения, проделав огромную дыру в носовых накопителях энергии. Кроме того, мотор вышел из строя.

Челнок с такой скоростью нырнул вниз, что я едва успел привязать Вулу к палубе и сам пристегнуться к якорному кольцу, прежде чем суденышко приняло вертикальное положение и устремилось к земле.

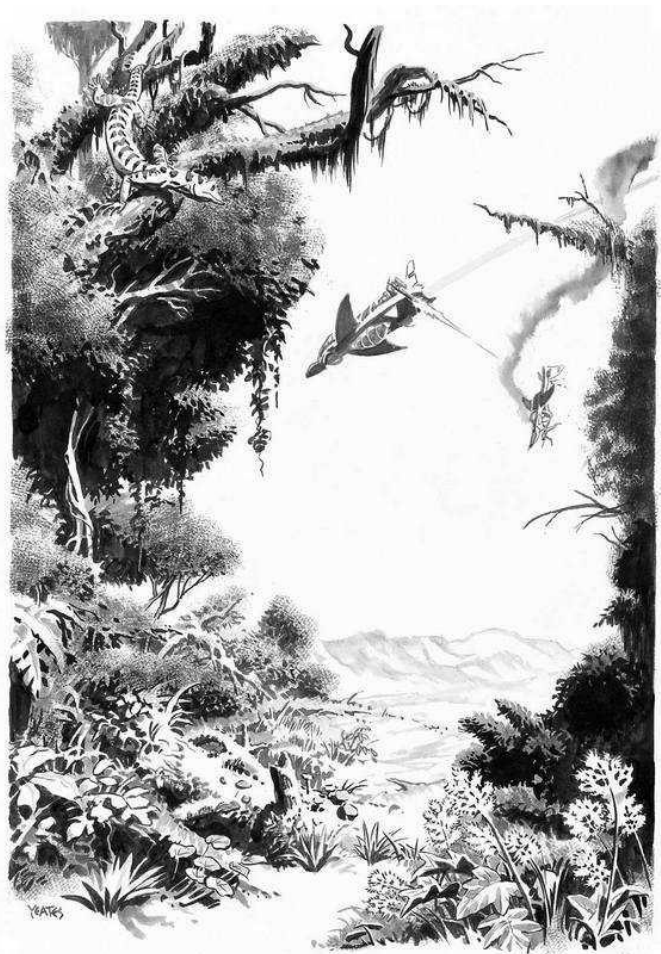
Кормовые накопители энергии все же не дали ему падать слишком быстро, но Турид продолжал атаку, рассчитывая повредить и их, и, если бы один из его выстрелов оказался удачным, я бы на этот раз действительно врезался в грунт с бешеной скоростью и не смог бы избежать смерти.

Снаряд за снарядом то пролетали мимо, то попадали в мой челнок, однако каким-то чудом не задевали ни меня, ни Вулу, и кормовые

накопители также не были повреждены. Но такое везение не могло длиться вечно, и я, уверенный в том, что Турид уже не оставит меня в живых, дождался очередного взрыва и тут же, вскинув руки над головой, растянулся во весь рост и расслабил мышцы, изображая труп.

Уловка сработала, и Турид прекратил обстрел. Вскоре я услышал удаляющийся шум винтов и понял, что в очередной раз спасся.

Подбитый челнок медленно опустился на землю. Я высвободил Вулу и себя из ремней, державших нас, и осмотрелся. Оказалось, что мы сели на краю естественного леса – весьма редкого явления на поверхности умирающего Марса. Если не считать леса в долине Дор рядом с затерянным морем Корус, я вообще до сих пор не видел на планете ничего подобного.

Из книг и от путешественников я знал, что где-то существует малоизученная земля Каол и лежит она у экватора, к востоку от Гелиума.

Говорили, что в этой низине царит чрезвычайная, тропическая жара, там живут краснокожие люди, мало чем отличающиеся по обычаям и внешности от других красных народов Барсума.

Я знал, что они принадлежали к тем обитателям внешнего мира, которые по-прежнему отчаянно цеплялись за развенчанную религию священных фернов. Матаи Шанг наверняка нашел бы у

них и добрый прием, и надежное убежище, а вот Джона Картера вряд ли могло ждать что-то, кроме бесславной гибели.

Почти полная изоляция каольцев обуславливалась тем фактом, что их земля не соединялась с местами обитания других народов водными путями, да они в том и не нуждались, поскольку низинная болотистая почва была обеспечена водой, и местные жители всегда получали богатые тропические урожаи.

Огромные пространства каменистых холмов и засушливых почв окружали Каол, расхолаживая тех, кто желал бы наладить отношения с

этим племенем. И поскольку на воинственном Барсуме практически не существовало международной торговли и каждый народ обеспечивал себя сам, о дворе джеджа Каола и его странном, но интересном народе почти ничего не было известно.

Время от времени случайные охотничьи отряды забредали в этот далекий уголок мира, но враждебность местных жителей обычно приводила к несчастьям и постепенно отвадила от этих мест самых бесстрашных любителей пострелять в неведомых зверей, бродивших в джунглях.

Мне было ясно, что мы на границе Каола, но где теперь искать Дею Торис, я представления не имел; не знал я и того, как далеко вглубь огромного леса можно проникнуть.

А вот Вула вовсе не казался растерянным.

Как только я отпустил его, он высоко вскинул голову и принялся кружить у опушки леса. Потом остановился, обернулся, проверяя, иду ли я за ним, – и ринулся напрямик в чащу, в том самом направлении, в каком мы летели до того, как выстрел Турида прервал наш полет.

Я, спотыкаясь, со всех ног бежал за ним по склону, начинавшемуся сразу за кромкой леса.

Огромные деревья вздымали над нами свои кроны, их пышные ветви совершенно скрывали небо. Легко было понять, почему в Каоле не нуждались в воздушном флоте; здешние города, спрятанные среди высоченных стволов, были абсолютно невидимы сверху, и приземлиться здесь, даже отчаянно рискуя, не смог бы самый маленький челнок.

Как и где собирались посадить свой корабль Турид и Матаи Шанг, я, конечно, и представить себе не мог, хотя позже узнал, что в каждом городе Каола есть узкая сторожевая башня, достигающая вершин деревьев, и там день и ночь стоит караул, на случай тайного нападения враждебного флота. Именно к одной такой башне и приблизился без труда геккадор священных фернов, и оттуда его отряд спокойно спустился на землю.

Когда мы с Вулой добрались до конца склона, почва стала мягкой и вязкой, так что дальше мы продвигались вперед с большим трудом.

Вокруг росла тонкая пурпурная трава с красными и желтыми листьями, похожими на папоротник, ее верхушки качались в нескольких футах выше моей головы.

Мириады ползучих растений оплетали все, протягиваясь от дерева к дереву изящными фестонами, и среди них я увидел несколько разновидностей марсианского «цветка-человека» – у него действительно имелись глаза и руки, с помощью которых хищный представитель флоры выслеживал и хватал насекомых, чтобы съесть их.

И еще тут было множество отвратительных кустарников-калотов. Это плотоядное растение размером примерно с крупный куст шалфея, что так часто встречается на наших западных равнинах. Каждая его ветка заканчивается крепкими челюстями, способными схватить и разгрызть даже крупных и сильных зверей.

И Вула, и я несколько раз с трудом уворачивались от этих жадных древовидных монстров.

Иногда мы набредали на участки твердой почвы, что давало нам возможность отдохнуть от тяжелой ходьбы по жуткому сумеречному болоту, и на одном из таких пятачков я в конце концов решил остановиться на ночь, поскольку мой хронометр говорил о ее скором приближении.

Вокруг в изобилии росли разнообразные фрукты, а поскольку марсианские калоты всеядны, Вула с удовольствием насытился тем, что я ему дал. Я тоже перекусил, а затем улегся рядом со своим преданным псом и погрузился в глубокий спокойный сон.

Лес уже был окутан непроницаемой тьмой, когда меня разбудил низкий рык Вулы. Я услышал со всех сторон осторожный шорох больших мягких лап, и время от времени во тьме сверкали злобные зеленые глаза. Вскочив, я обнажил длинный меч и замер в ожидании.

И вдруг почти рядом со мной прозвучал жуткий рев какой-то твари. Каким же я был дураком, не позаботившись найти более безопасное место для ночевки, ведь мы с Вулой могли забраться на ветви одного из деревьев!

При дневном свете я сумел бы сравнительно легко поднять Вулу наверх, однако теперь было слишком поздно. Оставалось лишь защищаться и принимать все как должное. На нас обрушился отчаянный гвалт, который начался явно по сигналу первого подавшего голос монстра, и, судя по шуму, вокруг собрались сотни, а возможно, и тысячи тварей, злобных людоедов джунглей Каола.

Они продолжали шуметь весь остаток ночи, но почему так и не напали, я не понял до сих пор, разве что звери не решались ступить на сухую почву, поросшую красной травой.

Когда настало утро, они по-прежнему сидели кругом, однако держались за границей травяного покрова. Более жуткого сборища свирепых и кровожадных чудовищ и представить невозможно.

Поодиночке и парами они продолжали бродить по джунглям некоторое время после рассвета, но вот наконец последний монстр исчез, и мы с Вулой двинулись дальше.

Порой мы и днем замечали этих тварей, но, к счастью, поблизости всегда находился клочок твердой земли, и, если даже зверье пыталось нас преследовать, погоня всегда заканчивалась у края сухой почвы.

К полудню мы добрались до отличной дороги, идущей как раз в ту сторону, куда мы направлялись. Очевидно, тракт был построен толковыми инженерами, причем в глубокой древности, и несмотря на это, он активно использовался и по сей день. Все говорило о том, что путь приведет нас в один из крупных городов Каола.

Как только мы ступили на тракт, по другую его сторону вышел из джунглей здоровенный зверь и, увидев нас, тут же бешено рванулся в нашу сторону.

Вообразите, если сможете, шершня с лысой мордой, размером с призового герефордского быка, и вы получите некоторое, весьма отдаленное представление о том крылатом уроде, что ринулся ко мне.

Пугающие челюсти и огромное, явно ядовитое жало превратили мой длинный меч в некое жалкое и бесполезное оружие. И я не мог надеяться сбежать от твари, двигавшейся со скоростью молнии, или укрыться от мириада фасеточных глаз, что покрывали три четверти кошмарной головы, предоставляя самый широкий угол обзора.

Даже мой могучий и бесстрашный Вула выглядел беспомощным как котенок перед этим существом. Но поскольку ретироваться было бессмысленно, а поворачиваться спиной опасно, я просто застыл на месте. Вула рычал, стоя рядом со мной. А мне оставалось только надеяться, что я умру так же, как жил, – в борьбе.

Тварь была уже рядом, и в это мгновение мне показалось, что у меня есть некий шанс на победу. Если бы я сумел устранить страшную угрозу, которую несло в себе жало, то борьба между нами стала бы менее безнадежной.

С этой мыслью я велел Вуле прыгнуть на морду чудовища и повиснуть на ней. Могучие челюсти калота сомкнулись на дьявольской башке, а блестящие клыки погрузились в хрящи под гигантским глазом, и я нырнул под огромное тулово в тот момент, когда тварь поднялась, оторвав Вулу от земли, и ядовитое жало устремилось к врагу, неожиданно вцепившемуся в лысую морду.

Очутиться на пути ядовитого острия означало молниеносную смерть, но другого способа не было; и, как только оно метнулось в мою сторону, я быстро взмахнул длинным мечом и отсек жало.

И тут одна из гигантских задних лап зверя ударила меня прямо в грудь, и я полетел, оглушенный, через широкую дорогу в подлесок джунглей.

Мне посчастливилось упасть между стволами; я мог здорово расшибиться о дерево, а то и погибнуть, поскольку монстр отшвырнул меня с ужасной силой.

Слегка одуревший, я с трудом поднялся на ноги и потащился обратно, на помощь Вуле. Они с чудищем сцепились не на шутку, «шершень»

отбивался от десяти ног калота своими шестью лапами.

Даже в момент внезапного полета я не выпустил из рук длинный меч и теперь ринулся к двум схватившимся гигантам и принялся колоть крылатое страшилище острием клинка.

Тварь вполне могла бы уйти от моих ударов, но она, похоже, так же не любила отступать перед лицом опасности, как Вула или я, поэтому набросилась на меня и, прежде чем я сумел отскочить, цапнула меня за плечо жуткими челюстями и подняла в воздух.

Из-за поворота появился
краснокожий воин.

Снова и снова бесполезный теперь остаток жала тыкался в меня, но это было не страшнее удара лошадиного копыта, впрочем говоря «не страшнее», я мог бы уточнить, что тварь все равно могла размолотить меня в кашу этим остаточным оружием.

Я висел в нескольких футах над дорогой и видел ее на несколько сот ярдов в обе стороны. Тракт поворачивал на восток. И когда надежда на спасение из бедственного положения уже покидала меня, из-за поворота появился краснокожий воин.

Он ехал верхом на великолепном фоате, из тех некрупных животных, которых держали красные марсиане,

а в руке у него было прекрасное длинное копье.

Скакун шел неспешной рысью, но, стоило красному воину увидеть меня, фоат тут же получил другой приказ и со всех ног помчался в нашу сторону. Длинное копье устремилось к «шершню», и, когда фоат оказался под ним, острие пронзило нашего противника.

Тварь, дернувшись, замерла, ее челюсти разжались, выронив меня на землю, а потом, перевернувшись в воздухе, жуткий зверь рухнул головой вперед, прямо на Вулу, который продолжал отчаянно цепляться за окровавленную морду поверженного неприятеля.

К тому времени, когда я встал на ноги, всадник уже подскочил к нам. Вула, обнаружив, что его враг не шевелится, разжал наконец зубы и по моему приказу выбрался из-под накрывшего его тела, и мы вместе повернулись к спасителю, смотревшему на нас сверху вниз.

Я начал было благодарить незнакомца за своевременную помощь, но

тот бесцеремонно перебил меня.

– Кто ты такой? – спросил он. – Как осмелился войти в земли Каола и охотиться в угодьях джедака? – Потом, разглядев сквозь грязь и кровь мою белую кожу, он вытаращил глаза и сменил приказной тон на шепот: – Неужели ты – священный ферн?

Я мог бы пустить пыль в глаза этому парню, ведь случалось же мне обманывать других, но я уже выбросил желтый парик и драгоценную диадему на глазах у Матаи Шанга, так что едва ли мог долго дурачить нового знакомого.

– Нет, я не ферн, – ответил я, наплевав на осторожность. – Я Джон Картер, принц Гелиума, и мое имя ты наверняка слышал.

Если глаза воина расширились при мысли о том, что я мог оказаться священным ферном, то теперь они едва не выскочили из орбит; он явно знал, кто таков Джон Картер. Я крепче сжал рукоять длинного меча, произнося эти слова, и был уверен, что следует ожидать атаки, но, к моему удивлению, ничего подобного не произошло.

– Джон Картер, принц Гелиума, – медленно повторил краснокожий воин, как будто не мог до конца осмыслить услышанное. – Джон Картер, самый могучий воин Барсума...

А потом он спешился и положил руку мне на плечо в самом дружественном из всех марсианских приветствий.

– Конечно, долг велит мне убить тебя, Джон Картер, и я сделал бы это не без удовольствия, – сказал он. – Но я всегда всем сердцем восхищался твоей отвагой и верил в твою искренность в том, что касается фернов и их религии. Правда, если бы меня заподозрили в такой ереси при дворе Кулана Тита, это означало бы верную смерть. Однако тебе стоит только приказать Торкару Бару, двару Дороги Каола, и он сослужит принцу Гелиума добрую службу.

Правдивость и искренность были буквально написаны на благородном лице этого человека, так что я не мог ему не довериться, пусть по сути он являлся моим врагом. Звание капитана Дороги Каола объясняло его своевременное появление в сердце дикого леса, потому что все пути на Барсуме охраняли доблестные воины из знати. Не было более почетной службы, чем одинокое и опасное патрулирование в малолюдных районах населенных областей Барсума.

– Торкар Бар уже заслужил мою огромную благодарность, – ответил я, показывая на труп зверюги, из сердца которой воин вытаскивал теперь свое копьё.

Краснокожий улыбнулся.

– Просто повезло, что я очутился здесь вовремя, – сказал он. – Лишь такое вот отравленное копьё, вонзившись точно в сердце сита, может убить эту тварь достаточно быстро, чтобы спасти его жертву. В этой

части Каола мы все вооружены длинными копьями против ситов, и их наконечники смазаны ядом, которым убивает эта тварь; ничто другое не действует на нее так стремительно. Смотри, – продолжил Торкар Бар, доставая кинжал и рассекая труп в футе над основанием жала; из разреза он извлек два мешочка, каждый из которых содержал в себе добрый галлон смертельного яда. – Вот так мы добываем нужное вещество, хотя, если бы не его цена, вряд ли стоило бы этим заниматься, потому что ситы почти вымерли. Лишь случайно можно наткнуться на одного из них. А вот старый Каол кишмя кишел этими чудовищами, и они частенько бродили целыми стадами по двадцать-тридцать голов, нападали на города, уносили без разбора женщин, детей, даже воинов.

Пока он говорил, я гадал, можно ли рассказать этому человеку о миссии, которая привела меня в его земли, но его следующие слова остановили меня и заставили мысленно вознести благодарность за то, что я не поспешил.

– А что касается тебя, Джон Картер, – сказал Торкар Бар, – то я не стану спрашивать, зачем ты здесь, да и знать этого не хочу. У меня есть глаза и уши и малая способность соображать, а вчера утром я видел отряд, который прибыл в город Каол с севера на небольшом воздушном корабле. Об одном я тебя попрошу: дай мне слово, Джон Картер, что не станешь замышлять ничего ни против народа Каола, ни против его джеддака.

– Даю слово, Торкар Бар, – ответил я.

– Я должен ехать дальше по этой дороге, в другую сторону от столицы, – продолжил воин. – И я никого не видел... а уж тем более Джона Картера. Да и ты не видел Торкара Бара и ничего о нем не слышал. Понятно?

– Безусловно, – кивнул я.

Воин снова опустил ладонь мне на плечо.

– Этот тракт ведет напрямик в столицу Каола, – сказал он. – Желаю тебе удачи.

С этими словами он вскочил на спину своего фюата и отправился дальше, даже не оглянувшись.

Было уже темно, когда мы с Вулой добрались до огромной стены, что окружала город Каол.

Наш путь прошел без приключений. Хотя редкие встречные с удивлением поглядывали на моего здорового калота, никто не рассмотрел мой настоящий цвет кожи сквозь красную краску, которой я старательно вымазался с головы до ног.

Но пройти окрестности столицы и попасть в тщательно охраняемый город Кулана Тита, джеддака Каола, было не одно и то же. Никто не входит в марсианские города без подробного и убедительного доклада,

и я не пытался уверить себя в том, что сумею обмануть проницательных офицеров стражи, несущих караул у каждых ворот.

Я надеялся лишь на то, что мне удастся проникнуть за городскую стену тайком, под покровом темноты. А уж оказавшись внутри, надо положиться на собственную хитрость и спрятаться в каком-нибудь густонаселенном квартале, где меня уже сложнее будет обнаружить.

С этой мыслью я окинул взглядом огромную стену и зашагал вдоль нее, держась края леса. Он рос неподалеку от города, но все же на таком расстоянии, чтобы никакой враг не смог незаметно подкрасться вплотную к столице, прячась за деревьями.

Несколько раз я пытался оценить препятствие в разных точках, но даже мои земные мускулы не смогли бы преодолеть этот отлично сконструированный крепостной вал. До высоты около тридцати футов стена слегка наклонялась наружу, еще столько же – шла вертикально и после этого снова имела небольшой наклон, на последних пятнадцати футах до верха.

И какой же она была гладкой! Даже отполированное стекло не могло быть таким. Наконец я был вынужден признать, что на Барсуме есть укрепление, которое мне не по зубам.

Обескураженный, я вернулся в лес рядом с широким трактом, подходившим к городу с востока, и улегся спать, прижавшись к теплому боку Вулы.

VI

Герой в Каоле

Уже наступил день, когда меня разбудил какой-то тихий звук.

Я открыл глаза, и Вула тоже забеспокоился, присел на задние лапы, всматриваясь в кустарник вдоль дороги, и каждый волосок его гривы встал дыбом.

Поначалу я ничего не мог рассмотреть, но вскоре заметил, как среди алых, пурпурных и желтых растений мелькнуло нечто зеленое, гладкое и блестящее.

Жестом велев Вуле замереть на месте, я осторожно пополз вперед, чтобы выяснить, что это такое. Выглянув из-за ствола огромного дерева, я увидел длинный ряд грозных зеленых воинов, пришедших со дна мертвого моря, – они прятались в зарослях вдоль дороги.

Молчаливый отряд, несший смерть и разрушение, залег в некотором отдалении от города. Объяснение тут могло быть лишь одно. Зеленые воины ждали выхода какого-нибудь воинского подразделения из ближайших ворот и собирались броситься на него из засады.

Я ничем не был обязан джедаку Каола, но он принадлежал к той же благородной расе краснокожих марсиан, что и моя принцесса, и я

просто не мог спокойно сидеть в кустах и наблюдать за тем, как его солдат перережут жестокие и безжалостные демоны из пустынных областей Барсума.

Я осторожно вернулся туда, где оставил Вулу, и, предупредив его о том, что шуметь нельзя, велел следовать за мной. Я отошел как можно дальше от засады, чтобы не оказаться случайно в лапах зеленых воинов, и наконец приблизился к огромной стене.

В сотне ярдов справа от меня находились ворота. Из них, судя по всему, и должен был выйти отряд. Однако туда мне пришлось бы идти в обход, чтобы не попасться на глаза зеленым барсумианам, и я, боясь, что мои намерения предупредить жителей Каола расстроятся, решил побежать влево – там, примерно в миле отсюда, был другой вход в город.

Я знал, что несу весть, которая может стать самым надежным пропуском в Каол. Должен признать, что стремился предостеречь жителей скорее из желания попасть за ворота, чем из любви к кровопролитию. Мне не хотелось вступать в схватку с зелеными воинами. Да, я получал удовольствие от битвы, однако не всегда потворствовал своим наклонностям, тем более что сейчас меня ждали куда более важные дела.

Если бы мне удалось проникнуть внутрь городской стены, то я, пожалуй, сумел бы в общей суматохе и волнении, которые наверняка последуют за моим сообщением о подходе немалых сил зеленых марсиан, пробраться и во дворец джеддака, где, как я был уверен, расположились Матаи Шанг и его команда.

Но едва я успел сделать сотню шагов в направлении дальних ворот, как услышал за стеной топот ног, звон металла и ворчание фюатов. Мне стало ясно, что солдаты Каола уже движутся к выходу.

Терять время было нельзя. Еще чуть-чуть – и ворота распахнутся, а затем авангард выйдет прямо на тракт, навстречу неминуемой смерти.

Снова развернувшись к судьбоносным воротам, я помчался по расчищенной полосе, делая прыжки, которые и прославили меня на Барсуме с первого дня моего появления здесь. Тридцать, пятьдесят, сто футов зараз – это было ерундой для мышц атлетичного землянина на Марсе.

Когда я несея мимо замерших в зарослях зеленых головорезов, они, конечно, увидели меня, и в то же самое мгновение, сообразив, что их обнаружили, ближайšie ко мне барсумиане вскочили и попытались отрезать мне дорогу к воротам.

А могучие створки распахивались, уже виднелась голова длинной колонны каольцев. С десятков зеленых воинов успели встать у меня на пути, но они представления не имели, кому решили помешать.

Я не сбавил скорости ни на йоту, налетев на них, и, когда они стали падать под ударами моего меча, меня охватила радость битвы. Такого чувства я не испытывал с тех пор, как сражался рядом с Тарсом Таркасом, джеджаком Тарка, самым могучим из всех зеленых воинов на Марсе. Мы стояли плечом к плечу весь долгий жаркий марсианский день и крушили наших врагов, пока горы трупов вокруг нас не поднялись выше головы.

А когда несколько молодчиков слишком уж насели на меня, я просто перепрыгнул через них и, используя ту тактику, которую применял в бою с чудовищными травяными людьми из долины Дор, срубил им головы на лету.

Красные солдаты из города уже спешили к нам, а из лесных зарослей хлынули зеленые воины. На секунду я очутился в гуще схватки, самой яростной и кровавой из тех, что происходили на моем веку.

Жители Каола были отличными воинами, но и зеленые бойцы из приэкваториальных зон отличались не меньшей свирепостью, чем их жестокие родичи из более холодных краев. Было немало таких моментов, когда любая из сторон могла отступить без позора и таким образом завершить сражение, но и те и другие с безумным самозабвением бросались друг на друга, и вскоре я пришел к выводу, что все это закончится полным истреблением одной из армий.

Вокруг бушевала битва, и я с восторгом окунулся в нее, а о том, что мое искусство было замечено жителями Каола, говорили одобрительные крики, время от времени раздававшиеся рядом со мной.

Если иногда может показаться, что я кичусь своей воинской доблестью, то следует напомнить: война есть мое призвание и моя профессия. Если вы занимаетесь воспитанием лошадей, или живописью, или чем-либо еще и умеете делать это лучше других, то вы будете просто дураком, если не станете гордиться своим талантом. И потому я был весьма горд тем, что на двух планетах едва ли рождался лучший воин, чем Джон Картер, принц Гелиума.

А в тот день я превзошел самого себя, чтобы произвести впечатление на жителей Каола, потому что мне хотелось найти дорогу к их сердцам... и в их город. И оба моих желания не остались неисполненными.

Мы сражались весь день, пока тракт не стал красным от крови. Кругом валялись мертвые тела. Эпицентр битвы то перемещался дальше от ворот, то придвигался к ним, но ни разу столице не грозила реальная опасность.

В моменты кратких передышек я успевал перебраться словечком с красными воинами, рядом с которыми бился, а один раз сам джеджак Кулан Тит опустил руку на мое плечо и спросил, как меня зовут.

– Дотар Соджат, – ответил я, припомнив, как много лет назад мне присвоили имена первых двух убитых мною воинов, что было в обычае Тарка.

– Ты могучий воин, Дотар Соджат, – сказал он, – и, когда этот день закончится, я еще раз поговорю с тобой в большом зале приемов.

Но тут на нас опять хлынули враги, и мы оказались разделенными, однако моя главная цель уже была достигнута, и я с новыми силами и радостью в душе ринулся на зеленых марсиан, отгоняя их обратно ко дну далекого мертвого моря.

И лишь по завершении битвы я узнал, ради чего красный отряд отправился в путь в этот день. Кулан Тит ожидал визита некоего могучего джеджака с севера – единственного союзника Каола – и пожелал встретить его на расстоянии целого дня пути от столицы.

Но теперь марш навстречу желанному гостю был отложен, и отряд намеревался снова выйти из Каола следующим утром. Мне не пришлось предстать перед Куланом Титом сразу после сражения, но он прислал за мной офицера, чтобы тот проводил меня в удобное жилище в той части дворца, что предназначалась для офицеров дворцовой стражи.

И там, вместе с Вулой, я прекрасно устроился на ночь и проснулся весьма освеженным после огромного напряжения последних дней. Вула накануне дрался рядом со мной. Его инстинктам и подготовке можно было доверять; издавна множество марсианских боевых псов жило при диких зеленых ордах на дне мертвых морей.

Конечно, ни один из нас не вышел из битвы совершенно невредимым, но изумительные, волшебные целебные мази Барсума за ночь привели нас в полный порядок.

Я позавтракал с несколькими офицерами Каола и нашел их такими же любезными и восхитительными хозяевами, как и вельмож Гелиума, прославленных и своими прекрасными манерами, и блестящим образованием. Завтрак не успел закончиться, как за мной явился посланный от Кулана Тита.

Когда я вошел в зал, джеджак встал и, спустившись с тронного возвышения, шагнул мне навстречу. Подобный пиетет к гостям, очевидно, был здесь редкостью.

– Каор, Дотар Соджат! – приветствовал он меня. – Я уже распорядился, чтобы народ Каола поблагодарил тебя. Если бы не твой героизм, не твоя отчаянная попытка предупредить нас о засаде, мы наверняка угодили бы прямоком в отлично подготовленную ловушку. Расскажи мне о себе... откуда ты, из каких краев и что за дело привело тебя ко двору Кулана Тита.

– Я из Хастора, – ответил я (у меня и в самом деле был небольшой дворец в этом южном городе на границе Гелиума). – А в землях Каола я

очутился скорее по случайности, потому что мой челнок сломался на краю твоего огромного леса. Я искал вход в столицу и заметил в зарослях зеленых воинов, что поджидали твой отряд.

Если Кулану Титу и было любопытно, какое дело могло привести меня на край его владений, пусть даже на воздушном судне, у него хватило ума не требовать от меня дальнейших объяснений, которые я едва ли сумел бы ему дать.

Во время приема у джеджа в зал следом за мной вошли какие-то люди. Я не видел их лиц. Но вот Кулан Тит шагнул вперед, чтобы приветствовать и их тоже, и велел мне идти с ним.

Когда я повернулся, мне трудно было взять себя в руки и не выдать своих чувств, потому что перед Куланом Титом, слушая его хвалебную речь обо мне, стояли мои злейшие враги Матаи Шанг и Турид.

– Святой геккадор священных фернов, – говорил джеджа, – дай свое благословение Дотару Соджату, доблестному воину из далекого Хастора, чей изумительный героизм и волшебная сила не далее как вчера спасли Каол.

Матаи Шанг сделал шаг вперед и положил ладонь мне на плечо. Его лицо не выразило удивления, он явно меня не узнал, значит моя маскировка была удачной.

Он благожелательно заговорил со мной и представил Туриду. Черный дотор также поддался обману. Потом Кулан Тит принялся подробно описывать, к немалому моему веселью, мои подвиги на поле сражения.

К сожалению, самое сильное впечатление на него произвело одно из моих искусств, и он снова и снова пересказывал, как я высоко подпрыгивал и на лету срубал головы врагов длинным мечом.

Мне кажется, глаза Турида слегка расширились во время этого восторженного рассказа, и несколько раз я замечал, как он пристально, слегка прищурившись, всматривается в мое лицо. Неужели он что-то заподозрил? А потом Кулан Тит заговорил о свирепом калоте, что сражался рядом со мной, и во взгляде Матаи Шанга тоже вспыхнуло недоверие... или мне это просто показалось?

К концу аудиенции Кулан Тит заявил, что он желает взять меня с собой на встречу с его царственным гостем, и, когда я уходил с вызванным офицером, чтобы мне подобрали кожаные перевязи и скакуна, Матаи Шанг и Турид как будто искренне выразили свою радость по поводу нашего знакомства. Я покинул зал со вздохом облегчения, убежденный, что на самом деле мои враги ничего не заподозрили. Мне это просто померещилось из-за тайного страха разоблачения.

Получасом позже я уже выехал из городских ворот вместе с отрядом, сопровождавшим Кулана Тита на встречу с его другом и союзником. Но

хотя я был предельно внимателен и на аудиенции у джеддака, и на прогулке по коридорам дворца, признаков присутствия Деи Торис или Тувии из Птарта заметить не удалось. В том, что женщины находились в огромном дворцовом здании, я был уверен. Чтобы приложить все усилия к их поиску, следовало избавиться от общества Кулана Тита.

Ближе к полудню мы наконец увидели огромный караван, идущий навстречу.

Джеддака, что ехал в гости, сопровождала великолепная свита; она растянулась по широкому белому тракту Каола на несколько миль. В авангарде двигались верховые, сверкая драгоценными камнями и металлами, кожа их перевязей блестела на солнце. А следом тянулись тысячи прекрасных карет, влекомых гигантскими зитидарами. Эти невысокие вместительные повозки катились по две в ряд. По обе стороны от них скакали вооруженные телохранители, поскольку в каретах ехали женщины и дети придворных. На спине каждого чудовищного зитидара сидел юноша-погонщик, и вся эта картина напомнила мне первые мои дни на Барсуме, теперь уже ушедшие в прошлое на двадцать два земных года, — именно тогда передо мной впервые предстало изумительное зрелище каравана зеленых таркиан. До этого дня я ни разу не видел, чтобы зитидары использовались краснокожими марсианами. Эти звери были огромными, как мастодонты, они возвышались даже над могучими зелеными людьми и их фоатами, ну а рядом с невысокими красными барсумианами и их некрупными скакунами любой зитидар казался Гулливером в Стране лилипутов.

Зитидары также блистали великолепной упряжью, на них были яркие шелковые седла, расшитые невероятными узорами из нитей жемчуга,

бриллиантов, рубинов, изумрудов и несметных безымянных драгоценных камней Марса, а над каждой из карет вздымались знамена, вымпелы и флажки, развевавшиеся на ветру.

Прямо перед колесницей прибывшего джеддака скакал в одиночестве белый фоат без единого пятнышка — еще одно необычное зрелище на Барсуме, — а за ним следовали бесчисленные

ряды верховых копыеносцев, стрелков и мечников. Да, это было грандиозное зрелище.

Не считая звяканья металла, редкого подвывания рассерженных фоатов или низкого рычания зитидаров, процессия двигалась почти бесшумно – ведь марсианские животные лишены копыт, а широкие ободья колес, обтянутые эластичным материалом, не издавали при езде ни звука.

Конечно, время от времени слышался беспечный смех женщин или детская болтовня, потому что красные марсиане – народ общительный и веселый, в противоположность холодной и неприятной зеленой расе.

Формальности церемонного приветствия при встрече двух джеддаков заняли добрый час, а потом мы развернулись и направились обратно к столице Каола, до которой голова процессии добралась как раз перед наступлением темноты, хотя ее хвост прошел через ворота лишь к утру.

К счастью, я находился в начале колонны и после роскошного пира, на который меня пригласили вместе с офицерами дворцовой стражи, был вправе искать отдыха. Во дворце всю ночь стояли шум и суета из-за продолжавшегося прибытия бесконечной свиты джеддака. Поэтому я не осмелился пойти на поиски Деи Торис и при первой же возможности вернулся в свою комнату.

Когда я шел по коридорам от банкетного зала к жилой части дворца, мне вдруг показалось, что за мной следят. Быстро обернувшись, я действительно успел заметить некую фигуру, метнувшуюся в открытую дверь.

Бросившись со всех ног туда, где исчезла подозрительная тень, я никого не обнаружил, хотя мог бы поклясться, что видел белое лицо, окруженное массой желтых волос.

Этот случай дал мне серьезную почву для подозрений. Если я действительно заметил шпиона, значит Матаи Шанг и Турид желают выяснить, кто я. А когда узнают правду, даже та служба, которую я сослужил Кулану Титу, не спасет меня от его религиозного фанатизма.

Но ни смутные догадки, ни бесполезные страхи относительно будущего не помешали моему отдыху, и в эту ночь я, закутавшись в шелка и шкуры, мгновенно погрузился в глубокий сон.

Калотам не дозволяется входить в стены дворца, и потому мне пришлось отправить бедного Вулу в конюшни, где содержались фоаты. Он получил удобное, даже роскошное помещение, но я бы, конечно, предпочел, чтобы пес остался рядом со мной; и если бы это было так, не произошло бы того, что случилось той ночью.

Я спал едва ли с полчаса, когда меня внезапно разбудило нечто холодное и влажное, скользнувшее по моему лбу. Я мгновенно вскочил

на ноги и стал шарить в темноте. На долю секунды моя рука коснулась человеческого тела, а потом, когда я ринулся во тьму, чтобы схватить незваного гостя, моя нога запуталась в постели – и я рухнул на пол.

К тому моменту, когда я поднялся на ноги и нащупал кнопку, включавшую свет, мой визитер исчез. Тщательный осмотр комнаты не дал никакой подсказки. Так кто же это был и зачем тайком пробрался ко мне посреди ночи?

Вряд ли меня хотели ограбить – воровство практически неизвестно на Барсуме. А вот заказные убийства здесь весьма распространены, но и это явно не было целью моего таинственного гостя – ведь он мог без труда убить спящего, если бы захотел.

Я уже готов был отказаться от бесплодных гаданий и снова лечь спать, как вдруг в мою комнату вошли стражи, человек десять. Старший офицер, приветствовавший меня утром, теперь смотрел без малейшей приязни.

– Кулан Тит приказывает тебе прийти, – сказал он. – Сейчас же.

VII

Новые союзники

В окружении стражей я снова зашагал по коридорам к большому залу приемов в центре гигантского дворца Кулана Тита, джеддака Каола.

Когда я вошел в ярко освещенное помещение, которое заполнили вельможи Каола и офицеры из чужестранной свиты, все взгляды устремились ко мне. На высоком помосте в глубине зала стояли теперь три трона, и на них сидели Кулан Тит и два его гостя – Матаи Шанг и прибывший джеддак.

По широкому проходу между толпами присутствовавших я вместе с охраной прошествовал в гробовой тишине, и остановились мы лишь у подножия возвышения.

– Выскажи свое обвинение, – сказал Кулан Тит, повернувшись к группе вельмож, стоявших справа от него.

И тогда вперед шагнул Турид, черный датор перворожденных.

– Великий джеддак, – заговорил он, обращаясь к Кулану Титу, – я с самого начала заподозрил этого чужака, очутившегося в твоём дворце. Ты сам описывал ту дьявольскую ловкость, с какой он сражался с врагами... на такое способен лишь один человек на всем Барсуме. Но чтобы не ошибиться, я отправил служителя твоей священной веры, чтобы проверить все, раскрыть маскировку и найти правду. И вот результат!

С этими словами Турид ткнул пальцем в сторону моего лба.

Глаза собравшихся последовали за этим обвиняющим жестом... и только я не сразу понял, что за роковой знак начертан на моем лице.

Офицер, стоявший рядом со мной, увидел мою растерянность, и, пока Кулан Тит мрачно хмурился, глядя на меня, знатный воин достал из своей поясной сумки маленькое зеркальце и поднес ко мне.

Одного взгляда на отражение хватило, чтобы все понять.

С моего лба рука ферна, прокравшегося в мою спальню под покровом тьмы, стерла часть маскирующей красной краски. Осталась полоса белого цвета шириной почти в ладонь, и теперь все видели, какая у меня кожа.

На секунду Турид умолк – полагаю, для того, чтобы усилить драматический эффект своего открытия. Потом он продолжил:

– Так вот, Кулан Тит, это и есть тот, кто осквернил храмы богов Барсума, тот, кто оскорбил самих священных фернов и восстановил мир против вековой веры. Перед тобой, о могучий джеддак Каола, защитник всего святого, стоит Джон Картер, принц Гелиума!

Кулан Тит посмотрел на Матаи Шанга, как будто ища подтверждений ужасным словам Турида. Священный ферн кивнул.

– Да, это действительно тот самый богохульник, – сказал он. – Видишь, он явился за мной даже сюда, прямо в твой дворец, Кулан Тит, с единственной целью – убить меня. Он...

– Это ложь! – закричал я. – Кулан Тит, выслушай правду! Узнай, почему Джон Картер последовал за Матаи Шангом в твой дворец! Выслушай меня, как выслушал их, а потом рассуди, не соответствуют ли мои поступки законам благородства и чести Барсума куда больше, чем действия вот этих мстительных фанатиков ложных убеждений, от чьих жестоких пут я освободил вашу планету.

– Молчать! – взревел джеддак, вскакивая на ноги и хватаясь за меч. – Молчать, богохульник! Кулан Тит не позволит пачкать воздух этого зала ересью, что изливается из твоего грязного горла! Ты уже сам себя проклял! Нам остается лишь выбрать, какой смертью ты умрешь! Даже та услуга, что ты оказал Каолу, не спасет тебя; никакие увертки не помогут тебе завоевать мою благосклонность и добраться до этого святого человека, чью жизнь ты жаждешь забрать. В яму его! – приказал он офицеру стражи.

Милый поворот событий, ничего не скажешь! Разве у меня были шансы, если против меня ополчился весь народ? Мог ли я надеяться на милосердие со стороны фанатичного Кулана Тита и таких его советников, как Матаи Шанг и Турид? Чернокожий злобно ухмыльнулся, глядя на меня.

– На этот раз тебе не ускользнуть, землянин! – ехидно произнес он.

Стражи окружили меня. Перед моими глазами поплыл красный туман. Боевая кровь виргинских предков закипела в моих венах. Жажда битвы и безумная ярость охватили меня.

Одним прыжком я очутился рядом с Туридом и, прежде чем ухмылка слетела с его лица, врезал ему кулаком в зубы; от этого старого доброго американского удара черный датор отлетел назад на десяток футов и рухнул к подножию трона Кулана Тита, расплескивая вокруг себя кровь и роняя выбитые зубы.

А я уже выхватил меч и резко повернулся, готовый сразиться с целым народом.

В одно мгновение стражи обнажили оружие, но прежде, чем был нанесен хоть один удар, чей-то оглушительный голос перекрыл крики воинов, и огромная фигура спрыгнула с тронного возвышения и с клинком в руке встала между мной и моими противниками.

Это оказался приехавший в гости джеддак.

— Стоять! — рявкнул он. —

Если ты ценишь мою дружбу, Кулан Тит, и давний мир, что царит между нашими народами, отзови своих солдат! Учти, где бы и с кем ни сражался Джон Картер, принц Гелиума, рядом с ним будет биться Туван Дин, джеддак Птарта!

Все разом умолкли, угрожающие мечи опустились к полу, тысячи глаз изумленно и вопросительно уставились сначала на Тувана Дина, потом на Кулана Тита. Джеддак Каола сперва побледнел от гнева, но справился с собой, и, когда заговорил, его голос звучал спокойно и ровно, как и подобало при разговоре двух великих правителей.

— Туван Дин, — медленно произнес он, — твой поступок сам по себе есть величайшее нарушение правил поведения гостя во дворце хозяина. И чтобы не забыться так же, как мой царственный друг, я предпочту помолчать, пока джеддак Птарта не соизволит объяснить причину своего возмущения.

Я видел, что Туван Дин с удовольствием вонзил бы меч в глотку Кулана Тита, но он так же хорошо владел собой, как и хозяин дворца.

— Никто не знает лучше Тувана Дина, — заговорил он, — те законы, что руководят действиями людей в землях соседей, но Туван Дин верен другому, более высокому закону — закону благодарности. И он, как никто другой на Барсуме, в долгу перед Джоном Картером, принцем Гелиума. Несколько лет назад, Кулан Тит, — продолжил он, — во время твоего визита ко мне, ты был покорен обаянием и грацией моей

единственной дочери Тувии. Ты видел, как я люблю ее, и тебе известно, что позднее под влиянием непонятной прихоти она решилась на долгое последнее паломничество по холодной таинственной реке Исс, оставив меня в одиночестве и отчаянии. Несколько месяцев назад я впервые услышал о походе, предпринятом Джоном Картером против Исса и священных фернов. Разные слухи о жестокости фернов по отношению к тем, кто бесчисленные века спускался по могучей реке Исс, дошли до моих ушей. Говорят, что были освобождены тысячи пленников, но лишь немногие из них осмелились вернуться в родные края, потому что пришедшего из долины Дор ждет ужасная смерть. Некоторое время я просто не мог поверить в эту ересь и молился о том, чтобы моя дочь Тувия умерла, прежде чем совершить святотатство возвращения во внешний мир. Но потом отцовская любовь перевесила, и, клянусь, сейчас я предпочел бы вечное проклятие разлуке с дочерью, если она найдется. И потому я отправил посланников в Гелиум, и ко двору Ксодара, джедака перворожденных, и к тому, кто ныне правит народом фернов, отказавшись от их веры; и все гонцы подтвердили одну и ту же историю о невыразимой жестокости и зверствах, что совершались священными фернами по отношению к несчастным жертвам религии. Многие видели мою дочь, кто-то даже был знаком с ней, а от приближенных Матаи Шанга я узнал об унижениях, которым он подвергал ее. Когда оказалось, что он также гостит у тебя, я очень обрадовался этому, поскольку готов был искать его хоть всю жизнь. Кроме того, я немало слышал о благородстве Джона Картера и доброте, которую он проявлял к моей дочери. Мне рассказывали о том, как он сражался за нее и спас. И вместо того чтобы самому бежать от дикарей Южного Вархуна, отправил ее на своем фоате в безопасное место, остался пешим и сражался с зелеными воинами. И после этого удивляет ли тебя, Кулан Тит, что я желаю рискнуть собственной жизнью, и спокойствием своего народа, и даже твоей дружбой, которую я ценю превыше всего, ради того, чтобы спасти принца Гелиума?

Пару минут Кулан Тит молчал. По выражению его лица я видел, что он совершенно сбит с толку. Наконец он заговорил.

— Туван Дин, — сказал он, и голос его звучал благожелательно, хотя и печально, — кто я такой, чтобы судить своего друга? В моих глазах Отец фернов все так же свят, а вера, которой он учит, для меня единственно правильная. Но если бы я столкнулся с теми же трудностями, что и ты, то, без сомнения, чувствовал бы то же самое и действовал бы так же. В том, что касается принца Гелиума, решение уже принято, но от тебя и Матаи Шанга я жду одного — примирения. Принца отвезут под охраной к границе моих владений еще до того, как сядет солнце, и там он будет волен идти, куда ему вздумается, но под угрозой смерти он никогда

больше не ступит на нашу землю. Если же между тобой и Отцом фернов есть раздор, то, думаю, мне и просить незачем, чтобы его разрешение было отложено до тех пор, пока вы оба не окажетесь вне пределов моей власти. Согласен, Туван Дин?

Джеддак Птарта кивнул, но мрачный взгляд, брошенный им на божка с бледным лицом, говорил о многом.

– Вот только принц Гелиума не согласен! – воскликнул я, грубо нарушая едва установившееся равновесие. Мир, купленный такой ценой, меня вовсе не устраивал. – Я раз десять избежал смерти, следуя за Матаи Шангом, и не намерен допустить, чтобы меня увели отсюда, как бессловесного фюата на заклятие. Не для этого я добивался цели и силой своего меча, и силой своих мускулов. И Туван Дин, джеддак Птарта, не будет удовлетворен решением правителя Каола, когда выслушает меня до конца. Знаете ли вы все, почему я гнался за Матаи Шангом и Туридом, чернокожим датором, через полмира от лесов долины Дор до Каола, преодолевая почти неодолимые препятствия? Вы думаете, что Джон Картер, принц Гелиума, был охвачен жадой убийства? Как мог Кулан Тит оказаться таким глупцом, что поверил в подобную ложь, нашептанную ему на ухо священным ферном или датором Туридом? Я преследовал Матаи Шанга совсем не для того, чтобы убить его, хотя, видит Бог моей родной планеты, у меня просто руки чесались от желания вцепиться ему в горло. Я шел за ним, Туван Дин, потому что он увозил двух пленниц – мою жену Дею Торис, принцессу Гелиума, и твою дочь Тувию. А теперь подумай, могу ли я допустить, чтобы меня вывезли за пределы Каола, если со мной не отправится мать моего сына, а твоя дочь не будет освобождена?

Туван Дин повернулся к Кулану Титу. В его умных глазах вспыхнула ярость, однако, прекрасно владея собой, он заговорил ровным голосом.

– Знал ли ты об этом, Кулан Тит? – спросил он. – Тебе известно, что моя дочь находится в плену в твоём дворце?

– Он не мог этого знать, – вмешался Матаи Шанг, побелевший теперь скорее от страха, чем от злости. – Он не мог этого знать, потому что это ложь.

Мне хотелось пристукнуть его на месте за такие слова, но, как только я дернулся вперед, Туван Дин опустил на мое плечо тяжелую руку.

– погоди, – сказал он мне и снова обратился к Кулану Титу: – Это не ложь. Насколько я слышал, принц Гелиума никогда не кривит душой. Ответь мне, Кулан Тит, я ведь задал тебе вопрос.

– С Отцом фернов приехали три женщины, – вымолвил Кулан Тит. – Файдор, его дочь, и, по его словам, две ее рабыни. Не знаю, может, это действительно Тувия из Птарта и Дея Торис из Гелиума... Я ни одной из них не видел. Но коли так, утром их приведут к тебе.

Он говорил, глядя в упор на Матаи Шанга – не как набожный фанатик взирает на высшего жреца, а как правитель народа смотрит на того, кому отдает приказ.

Отцу фернов наверняка было ясно (как и мне), что разоблачение его истинной натуры изрядно подорвало веру Кулана Тита, и нужно совсем немного, чтобы могущественный джеддак превратился в его открытого врага. Но столь велика сила суеверий, что правитель Каола все еще колебался, боясь порвать последнюю ниточку, связывающую его с древней религией.

У Матаи Шанга достало хитрости притвориться, будто он повинуетсЯ приказу, и он пообещал привести двух рабынь в зал приемов поутру.

– Скоро рассветет, – сказал он, – и мне бы не хотелось в такой час врываться в покои моей дочери и нарушать ее сон, иначе я привел бы женщин прямо сейчас, чтобы все смогли убедиться, что принц Гелиума ошибается.

Он слегка подчеркнул последнее слово, но так осторожно, что я не мог принять это за открытое оскорбление.

Я уже готов был возражать против отсрочки и требовать, чтобы принцессу Гелиума доставили сюда сию минуту, но Туван Дин придерживался иного мнения.

– Я бы предпочел увидеть свою дочь сейчас, – сказал он, – но, если Кулан Тит даст слово, что этой ночью никто не покинет дворец, а Дея Торис и Тувия будут в полной безопасности до самого рассвета, я не стану настаивать.

– Никто не покинет дворец этой ночью, – повторил джеддак Каола. – Матаи Шанг, можешь заверить, что никакого вреда не будет причинено этим двум женщинам?

Ферн ответил кивком. Вскоре Кулан Тит дал понять, что прием окончен, и я по приглашению Тувана Дина отправился с ним в его покои, где мы и просидели до наступления дня. Я рассказывал ему о своих приключениях на планете Барсум и обо всем, что довелось пережить его дочери за время нашего знакомства.

Я обнаружил, что отец Тувии – человек моего склада, и эта ночь увидела зарождение новой дружбы, которая крепла с каждой секундой, пока не стала сродни той, что связывала меня с зеленым джеддаком Тарка Тарсом Таркасом.

Вспыхнул внезапный марсианский рассвет, и вместе с ним явился посланец от Кулана Тита, приглашавшего нас в зал приемов, где Туван Дин должен был встретиться с дочерью после долгой разлуки, а я – воссоединиться с прекрасной принцессой Гелиума после двенадцати лет, что мы провели врозь.

Сердце с такой силой колотилось у меня в груди, что я смущенно

оглядывался по сторонам, уверенный, что все в зале слышат его стук. Руки у меня ныли от желания снова обнять божественное тело вечно юной и неувядающей красоты, которая, впрочем, была лишь отражением безупречной души.

Наконец посланец, отправленный к Матаи Шангу, вернулся. Я вытягивал шею, чтобы первым увидеть тех, кто должен был следовать за ним, но офицер пришел один.

Остановившись перед троном, он обратился к джеддаку так тихо, что его с трудом смогли расслышать присутствующие в зале.

– О Кулан Тит, могущественнейший из джеддаков! – сказал воин, отдав положенный салют. – Твой посланный явился один, потому что апартаменты Отца фернов опустели, как и те, что занимала его свита.

Кулан Тит побледнел.

Низкий рев сорвался с губ Тувана Дина. Он стоял рядом со мной, не пожелав занять место рядом с троном хозяина дворца. На мгновение в огромном приемном зале Кулана Тита, джеддака Каола, воцарилась гробовая тишина. Первым заговорил он сам.

Поднявшись с трона, он спустился с возвышения и подошел к Тувану Дину. Слезы блестели на его глазах, когда он положил ладони на плечи своего друга.

– О Туван Дин! – воскликнул джеддак Каола. – И такое могло случиться во дворце твоего лучшего друга! Я бы собственными руками свернул шею Матаи Шангу, если бы заподозрил его в черном замысле! Прошедшей ночью вера всей моей жизни пошатнулась... а этим утром она разбита вдребезги... но слишком поздно, слишком поздно! Ради того чтобы вырвать твою дочь и жену этого доблестного воина из когтей демонов, тебе нужно лишь призвать на помощь силы нашей могучей нации, и весь Каол будет в твоём распоряжении! Что можно сделать? Скажите, вы оба!

– Прежде всего, – заговорил я, – нужно найти тех, кто устроил побег Матаи Шанга и его свиты. Без помощи дворцовой стражи такое было бы просто невозможно. Надо отыскать виновных и заставить их дать объяснение, пусть скажут, в какую сторону направились беглецы.

Прежде чем Кулан Тит успел отдать приказ о начале расследования, вперед вышел красивый молодой офицер и обратился к джеддаку.

– О Кулан Тит, величайший из джеддаков! – сказал он. – Я один виноват в этой чудовищной ошибке. Мне поручили командовать стражей прошлой ночью. Я находился в другой части дворца в то время, как ранним утром здесь шел прием, и ничего не знал о случившемся. Отец фернов вызвал меня и передал якобы твое повеление: мол, пусть святой геккадор со свитой поскорее покинет город, поскольку здесь находится его смертельный враг. И я сделал то, чему меня всегда учили:

повиновался тому, в чьих руках власть. Я верил, что Отец фернов даже более могуч, чем ты, могущественнейший из джедаков! Пусть все последствия этого недоразумения падут на меня одного, поскольку виноват лишь я. А стражи, выпустившие беглецов, действовали по моему приказу.

Кулан Тит сначала посмотрел на меня, потом на Тувана Дина, как будто спрашивая нашего мнения. Но ошибка была настолько объяснимой, что никому и в голову не пришло наказывать молодого офицера.

– Каким образом они скрылись? – поинтересовался Туван Дин. – Куда направились?

– Они улетели на собственном воздушном корабле, так же как и прибыли, – ответил офицер. – Я некоторое время наблюдал за их судном, оно исчезло на севере.

– Где именно на севере Матаи Шанг мог бы найти убежище? – спросил Туван Дин Кулана Тита.

Какое-то время джедак Каола стоял, склонив голову, погруженный в глубокие размышления. Потом его лицо осветилось.

– Вспомнил! – воскликнул он. – Лишь вчера Матаи Шанг обмолвился о цели своего пути, он говорил о расе людей, непохожих на нас и живущих далеко на севере. Он сказал, что священные ферны всегда знали об этих преданных последователях их древнего культа. У северян геккадор намеревался найти укрытие, в котором никакие «лживые еретики» не смогли бы его найти. Уверен, туда Матаи Шанг и отправился.

– А в Каоле нет челноков для воздушной погони! – спохватился я.

– Ближе Птарта их не найти, – согласился Туван Дин.

– Погодите! – продолжил я. – Но ведь за южной границей огромного леса лежит сломанный корабль, тот, что принес меня сюда. Если вы дадите мне людей, чтобы забрать его, и механиков в помощь, я могу починить челнок за пару дней, Кулан Тит!

Я, честно говоря, весьма и весьма сомневался в искренности внезапного отречения джедака Каола от древней веры, но та живость, с которой он обнял меня, благодаря за идею, и поспешность, с какой был отдан приказ отряду офицеров и рядовых немедленно отправиться в указанное мной место, окончательно развеяли последние мои подозрения.

Два дня спустя воздушный корабль уже стоял на вершине сторожевой башни, готовый к полету. Туван Дин и Кулан Тит предложили мне все, что могли дать их государства, – миллионы солдат оказались в моем распоряжении, – но челнок не мог принять на борт более двух человек с Вулой в придачу.

Когда я поднялся по трапу, Туван Дин последовал за мной. Я удивленно посмотрел на него. Он повернулся к своему старшему офицеру, сопровождавшему его в Каол.

— Ты отвечаешь за возвращение моей свиты в Птарт, — сказал он. — Там в мое отсутствие успешно правит мой сын. Принц Гелиума не должен отправляться один в стан врагов. Я все сказал. Прощайте!

VIII

Сквозь гнилые пещеры

День и ночь мы мчались на север, и наш целевой компас вел нас следом за удирающим кораблем, на который я настроил прибор еще в тот день, когда покидал крепость фернов.

На вторую ночь воздух заметно похолодал, и, судя по расстоянию от экватора, которое мы пролетели, было ясно, что северный арктический регион совсем близко.

Я знал о многочисленных экспедициях, желавших исследовать эти неведомые земли. Увы, ни один из кораблей, проникнувших далеко за мощный ледяной барьер на южной границе арктической зоны, не возвращался обратно.

Что с ними стало, никто не знал, известно было только то, что они навсегда пропадали в мрачных и таинственных приполярных областях.

До ледяной границы оставалось несколько часов лета; предполагалось, что некая ужасная катастрофа ждет того, кто доберется до «запретной земли», как называли этот край во внешнем мире.

Именно поэтому я снизил скорость, когда мы приблизились к ледяному барьеру. В мои намерения входило осторожно двигаться при свете дня над снежными полями, дабы не угодить в ловушку, если таковая поджидала странников в пустынных землях у Северного полюса. Мне казалось, что только там Матаи Шанг мог чувствовать себя в безопасности и не бояться Джона Картера, принца Гелиума.

Мы летели со скоростью улитки, всего в нескольких футах над землей, — то есть буквально нащупывали путь в темноте, поскольку обе луны зашли; из-за облачности, характерной для полюсов Марса, стояла беспросветная ночь.

Внезапно прямо перед нами выросла высокая белая стена, я резко вывернул руль и перевел мотор на задний ход, но опоздал — избежать столкновения не удалось. С тошнотворным грохотом корабль ударился о колоссальное препятствие.

Челнок завалился набок, мотор заглох, накопители энергии взорвались, и мы полетели вниз головой на землю, что была в двадцати футах внизу. К счастью, ни один из нас не пострадал и все выбрались из-под обломков, а когда меньшая луна снова появилась над

горизонтом, стало ясно, что мы находимся у подножия мощного ледяного барьера. Из него вырастали гранитные холмы, гряда которых тянулась на юг. Что за поворот судьбы! Наше путешествие завершилось с неправильной стороны этой крутой и неприступной стены изо льда и камня! Я посмотрел на Тувана Дина. Он лишь удрученно покачал головой.

Остаток ночи мы провели, закутавшись в спальные шелка и шкуры и дрожа от холода, поскольку ничто не могло защитить нас от снега, лежавшего у основания ледяного барьера.

Когда же наступил день, мой подавленный дух слегка воспрянул, несмотря на видимую безнадежность нашего положения. Должен признать, особых причин для радости не было.

— Что будем делать? — спросил Туван Дин. — Как нам перебраться через неодолимую преграду?

— Прежде всего, мы должны убедиться в том, что это действительно невозможно, — ответил я. — Я не считаю этот горный массив неприступным, пока не обойду его вокруг и не вернусь к этому же месту. И чем скорее мы начнем, тем лучше, потому что я просто не вижу другого пути. А нам может понадобиться больше месяца, чтобы пройти все эти тоскливые ледяные мили.

А самым страшным и упорным нашим врагом был апт

Пять дней, страдая от холода и голода, мы шли по неровной замерзшей почве вдоль ледяного барьера. Злобные косматые твари нападали на нас днем и ночью. Мы ни секунды не чувствовали себя в безопасности и постоянно ждали атаки какого-нибудь огромного северного демона.

А самым страшным и упорным нашим врагом был апт.

Это огромное чудовище, обросшее белым мехом, с шестью конечностями: на четырех, коротких и мощных, зверь стремительно передвигается по снегу и льду, а еще две вытянуты вперед по сторонам длинной толстой шеи. Они заканчиваются белыми безволосыми кистями, наподобие кистей человеческих

рук, и именно ими апт хватает и удерживает жертву.

Головой и пастью апт из всех земных животных более всего напоминает гиппопотама, при этом из нижней челюсти у него растут два здоровенных, слегка загнутых клыка.

Чрезвычайное любопытство у меня вызвали громадные глаза этого полярного хищника. Они располагались в двух глубоких продолговатых глазницах, тянувшихся по обе стороны головы от макушки черепа до основания клыков, так что это грозное оружие, по сути, торчало прямо из нижней части глаз, состоявших из тысяч маленьких фасеток.

Подобное устройство глаза казалось весьма странным у зверя, который охотился на сверкающих снежных и ледяных полях. Я внимательно рассмотрел нескольких убитых нами тварей и понял, что каждый глазок снабжен собственным веком и апт может закрывать столько глазков, сколько захочет. Полагаю, природа так распорядилась потому, что основную часть своей жизни хищник проводит в темных подземных пространствах.

Вскоре мы наткнулись на громаднейшего из всех виденных нами аптов. Эта тварь достигала в холке восьми футов и была такой гладкой, чистой и блестящей, что я готов был поклясться: зверя недавно причесывали, как скаковую лошадку.

Он стоял и смотрел, как люди приближаются к нему. А мы решили, что незачем тратить время на попытки убежать от него. Эти чертовы твари постоянно клокотали от ярости и бросались на все, что движется, едва на жертву падал взгляд их зорких глаз.

Они убивают, даже если сыты до отвала, – просто для развлечения, им нравится отнимать жизнь. Однако этот апт не стал нападать, а развернулся и потрусил прочь, когда мы подошли ближе. Я был бы невероятно удивлен этим фактом, если бы в густом мехе хищника не блеснул золотой ошейник.

Туван Дин тоже его заметил и понял, что в нем вся наша надежда. Только человек мог надеть этот ошейник. Но поскольку ни одно из известных нам племен на Марсе не приручало злобных аптов, у зверя наверняка были хозяева, о существовании которых мы раньше не подозревали... Может быть, они принадлежали к мифической желтой расе? Она давно утратила былое могущество и, предположительно, была стерта с лица планеты, тем не менее некоторые теоретики считали, что потомки желтых барсумиан могли поселиться где-то на замерзшем севере.

Мы с Туваном Дином одновременно кинулись вдогонку огромному зверю. Вула сразу понял наше намерение и пошел по следу апта, который быстро исчез из поля зрения.

Почти два часа след вел вдоль ледяного барьера, а потом внезапно

повернул вглубь массива. Подступы к нему казались совершенно непроходимыми.

Огромные гранитные валуны перекрывали дорогу со всех сторон; глубокие трещины во льду грозили поглотить нас при первом же неловком шаге, а дувший с севера легкий ветер донес до наших ноздрей невыразимую вонь, едва не удушившую нас.

За следующие два часа мы с трудом сумели одолеть несколько сот ярдов у подножия барьера.

А потом, обогнув угол гранитного выступа, мы вдруг вышли на ровное пространство в два-три акра, перед основанием нагромождений льда и камней, что много дней не давали нам пройти дальше, и увидели темную пасть какой-то пещеры.

Из этого мерзкого провала и истекала жуткая вонь, и, когда Туван Дин увидел это место, он резко остановился, изумленно вскрикнув:

– Во имя великих предков! Надо же, я дожил до того, что собственными глазами увидел Гнилые пещеры! Если это действительно они, то мы нашли дорогу за ледяную стену! В первых хрониках Барсума – таких древних, что мы много веков считали их просто мифами, – говорится о бегстве желтых людей от зеленых орд, населивших Барсум, когда высыхание великих океанов согнало народы с их прежних мест. Согласно манускриптам потомки этой некогда могучей расы блуждали, пока наконец не нашли дорогу сквозь ледяной северный барьер, – она вела в некую плодородную долину на полюсе. У подземного входа в райское убежище состоялась великая битва, желтые люди победили и в этих пещерах захоронили горы трупов – павших на поле брани своих и чужих солдат, чтобы смрад предупреждал врагов и останавливал погоню. И с тех самых пор мертвых этой легендарной земли приносят в Гнилые пещеры, чтобы даже в смерти и разложении они служили своей стране и предостерегали недругов. И тут же бросают все ненужное – то, что может гнить, а значит, усиливать зловоние, которое сейчас терзает наше обоняние. Среди разлагающихся мертвецов в подземелье на каждом шагу подстерегает смерть, потому что там – логова свирепых аптов. Их объедки усугубляют тошнотворный запах. Это ужасная дорога к нашей цели, но другой просто нет.

– Значит, ты уверен, что там мы найдем страну желтых людей? – взволнованно спросил я.

– Моя уверенность основана лишь на старых легендах, – ответил Туван Дин, – но, если уж на то пошло, посмотри, насколько точно все подробности этой истории об исходе желтой расы, древней как мир, совпадают с реальностью! Да, я уверен, что тут мы найдем путь к долине, где затаились желтые люди.

– Что ж, давай молиться о том, чтобы все это оказалось правдой, –

кивнул я. – Возможно, здесь мы откроем тайну исчезновения Тардоса Морса, джеджа Гелиума, и Морса Каяка, его сына. Ведь остальные места на Барсуме уже исследованы множеством экспедиций и огромным количеством тайных агентов, которые ищут пропавших уже почти два года. Лишь эта область осталась тайной за семью печатями. Последнее сообщение от джеджа гласило, что они намерены искать Карториса, моего храброго сына, за ледяной стеной.

Разговаривая, мы шагали к входу в пещеру, а когда ступили внутрь, я перестал удивляться тому, что древние зеленые враги желтого народа останавливались перед этим ужасным провалом.

Человеческие кости покрывали пол толстым слоем, и на них лежала ядовитая масса разлагающейся плоти, сквозь которую апты протоптали жуткую тропу к смежной пещере.

Потолок был низким – как и повсюду в подземелье, через которое нам вскоре пришлось пройти, – и чудовищное зловоние сгустилось здесь до такой степени, что казалось осязаемым физически, как некая липкая субстанция. Иной раз просто хотелось выхватить короткий меч и прорубить себе дорогу сквозь завесу вони к чистому воздуху снаружи.

– Может ли человек дышать таким ядовитым смрадом и остаться в живых? – задыхаясь, спросил Туван Дин.

– Недолго, полагаю, – ответил я. – Так что давай поспешим. Я пойду первым, ты прикрывай тыл, а Вула пусть идет посредине. Вперед!

И с этими словами я ринулся вперед, через зловонную гниющую массу.

В подземелье находилось десятка два громадных зверей. Некоторые из них спали, а другие рвали на части недавно убитую добычу или спаривались.

Здесь, в тусклом свете их подземного дома, апты могли хорошо ориентироваться исключительно благодаря своим огромным глазам, ведь по мере углубления пещеры становились все темнее и темнее, и в конце концов нас окружила почти кромешная тьма.

Попытка проскочить сквозь злобное стадо хищников казалась почти безумием, и потому я предложил Тувану Дину вернуться вместе с Вулой в цивилизованный мир. Они вдвоем могли привести сюда серьезное подкрепление и одолеть не только аптов, но и любые другие препятствия на пути к нашей цели.

– А я тем временем, – продолжил я, – постараюсь добраться до земли желтых людей в одиночку, но если мне это не удастся, то в итоге пропадет только одна жизнь. Если же мы все пойдем дальше и погибнем, то уже никто не приведет спасательную экспедицию к Дее Торис и твоей дочери.

– Я не вернусь обратно и не оставляю тебя здесь одного, Джон

Картер, – ответил Туван Дин. – Идешь ли ты к победе или к смерти, джедак Птарта будет стоять рядом с тобой. Я все сказал.

По его тону я понял, что спорить и убеждать его бесполезно, и потому в качестве компромисса решил отправить обратно Вулу. Я наспех черкнул записку, которую положил в маленький металлический контейнер и повесил ему на шею.

Затем я приказал преданному псу найти в Гелиуме Карториса, и хотя между пещерами и столицей лежали полмира и бесчисленные опасности, мне было известно, что Вула сделает все возможное, чтобы исполнить мою волю.

Природа наградила его изумительной скоростью и выносливостью, а еще страшной яростью, которая помогла бы ему справиться с любым врагом на пути; острый ум и удивительные инстинкты Вулы также были залогом успешного завершения миссии.

Конечно, могучий зверь с огромной неохотой повернулся, чтобы уйти ради выполнения моего приказа. Тут уж я не удержался и обнял его за мощную шею. Он потерся об меня щекой и секундой позже уже мчался через Гнилые пещеры к выходу.

В своей записке Карторису я составил точные указания на тот счет, где расположены пещеры, объяснил, зачем нужно найти вход в долину по другую их сторону, и предупредил, чтобы он ни при каких обстоятельствах не пытался преодолеть ледяной барьер на воздушных кораблях. Я написал ему, что пока не заглядывал дальше восьмой пещеры, однако выражал уверенность, что где-то за ледяной стеной находится его мать, попавшая в лапы Матаи Шанга, и, возможно, там же найдутся его пропавшие без вести дед и прадед, если они живы.

Далее я советовал Карторису обратиться к Кулану Титу и сыну Тувана Дина с просьбой дать воинов и корабли, чтобы войско могло быть воистину грозным и добиться успеха с первым же ударом.

«И, – завершил я письмо, – было бы прекрасно, если бы ты успел связаться еще и с Тарсом Таркасом. Коль я доживу до того времени, когда ты сюда доберешься, для меня не будет большего удовольствия, чем еще раз сразиться с врагами плечом к плечу с моим старым другом».

Когда Вула нас оставил, мы с Туваном Дином, затаившись в седьмой пещере, так и эдак обсудили разные варианты предстоящего нам похода через восьмую пещеру. С нашего места было видно, как драка между аптами постепенно затихает и многие из них, нажравшись, успокоились и улеглись спать.

Вскоре стало понятно, что немного погодя все эти свирепые монстры мирно заснут, а следовательно, у нас появится возможность пересечь их логово, хотя и с немалым риском.

Твари одна за другой растягивались на кучах гниющей плоти, что покрывала пол берлоги, и наконец остался лишь один бодрствующий апт. Огромная зверюга беспокойно бродила из угла в угол, обнюхивая спящих и мерзкую массу под ногами.

Время от времени тварь останавливалась и пристально всматривалась то в один выход из пещеры, то в другой. Все поведение зверя говорило о том, что он сторожит покой своей стаи.

В конце концов пришлось поверить, что он не заснет, пока спят другие, и потому мы принялись соображать, как бы нам одурачить его. Я предложил Тувану Дину некий план, который казался ничуть не хуже прочих.

В итоге мой товарищ прижался к стене рядом с входом в восьмую пещеру, а я намеренно высунулся из-за угла, когда сторож глянул в нашу сторону. Потом я прыгнул к другой стороне проема и тоже встал у стены.

Без единого звука огромный зверь поспешил к седьмой пещере, чтобы проверить, что за наглое существо могло проникнуть так глубоко в его обитель.

Когда он сунул голову в узкую щель, что соединяла две пещеры, его уже ожидал длинный меч, и прежде, чем тварь успела испустить крик, ее срубленная голова покатила к нашим ногам.

Мы быстро заглянули в восьмую пещеру – ни один из аптов не шелохнулся. Перебравшись через тушу убитого зверя, что преграждала нам дорогу, мы с Туваном Дином с опаской вошли на запретную и опасную территорию.

Мы тихо и осторожно ползли, словно улитки, среди гигантских тел. Было слышно лишь сопение спящих тварей, перемежаемое звуками нашего дыхания да хлюпаньем ног по зловонной жиже.

На полпути через пещеру один из могучих зверей беспокойно дернулся в то самое мгновение, когда я занес ногу над его головой, чтобы перешагнуть через нее.

Я замер не дыша, балансируя на одной ноге, поскольку не осмеливался шевельнуть ни единой мышцей. В правой руке я держал острый короткий меч, острие которого застыло в дюйме от густого меха прямо напротив сердца дикого существа.

Наконец апт расслабился, вздохнул, как будто страшный сон миновал, и снова задышал ровно, спокойно. Я аккуратно опустил ногу по другую сторону его головы и сразу же перенес на нее вес своего тела.

Туван Дин шел за мной след в след, и вот уже мы очутились у второго выхода из пещеры, целые и невредимые, никем не замеченные.

Гнилые пещеры состоят из двадцати семи соединяющихся между собой подземных пустот и выглядят так, словно в незапамятные

времена их создала вода, будто некая могучая река пробивалась здесь на юг, сломив сопротивление окружающей приполярную область стены из скал и льда.

Мы с Туваном Дином прошли через оставшиеся девятнадцать пещер уже без приключений.

Впоследствии мы узнали, что только раз в месяц можно найти всех аптов Гнилых пещер в одном месте.

В другое время они бродят поодиночке или парами по всему подземелью, так что двум мужчинам было бы просто невозможно миновать все двадцать семь звеньев опасного пути, не встретив апта почти в каждой из пещер. Но раз в месяц твари спят целый день, и благосклонная к нам фортуна привела нас к полярному барьеру именно в такой момент.

И вот последняя пещера осталась позади, и мы очутились на пустынной равнине, покрытой снегом и льдом, однако увидели там и отличную дорогу, ведущую на север. Она была усыпана камнями, как и с южной стороны барьера, и прекрасно просматривалась далеко вперед.

Через пару часов мы обогнули гигантские валуны, за которыми начинался крутой спуск в долину.

И тут же впереди показались шестеро парней довольно дикого вида, с черными бородами и кожей цвета зрелого лимона.

– Желтый народ Барсума! – выдохнул Туван Дин, будто не веря собственным глазам.

Но раса, которую мы ожидали найти в этой далекой и недоступной земле, действительно существовала.

Мы попятились за валуны, чтобы понаблюдать за небольшим отрядом, остановившимся у основания скалы; желтокожие стояли спиной к нам.

Один из бородатых выглядывал через верхний край гранитной груды, словно наблюдая за кем-то, подходившим с другой стороны.

Вскоре объект его пристального внимания оказался в поле моего зрения, и я увидел, что это еще один желтокожий человек. На чужеземцах были великолепные меха – на шестерых бородачах красовались черно-желтые полосатые шкуры орлука, тот, кого они поджидали, кутался в белоснежный мех апта.

Желтокожие были вооружены каждый двумя мечами, за спинами у них висели короткие копья, а на левых руках – круглые щиты размером не более обеденной тарелки, причем не выпуклые, а вогнутые.

Щиты выглядели весьма жалко и вряд ли могли защитить в схватке даже от обычного клинка, но позже я понял, в чем их смысл, увидев, с какой изумительной ловкостью желтые люди орудуют ими.

Особая разновидность холодного оружия в руках у желтокожих сразу

привлекла мое внимание. Это было острое лезвие с крюком на конце.

Другой меч желтых воинов, прямой и обоюдоострый, достигал почти такой же длины, что и оружие с крюком. Оба были короче длинного и длиннее короткого марсианского клинка. В дополнение к уже перечисленному оружию чужеземцы носили на перевязях ножны с кинжалами.

Когда человек в белых мехах приблизился, все шестеро крепче сжали свои мечи – тот, что с крюком, в левой руке, прямой клинок – в правой, и при этом на левом запястье каждого крепко держался на металлическом браслете маленький щит.

Стоило одинокому воину оказаться напротив засады, как те, что его поджидали, ринулись на него с дьявольскими воплями, которые напомнили мне дикий воинственный клич апачей с нашего юго-запада.

Одиночка тут же выхватил оба свои меча, и, когда шестеро напали на него, я стал свидетелем изумительной битвы. О таком зрелище мне и мечтать не приходилось.

Сражавшиеся старались зацепить противника острыми крюками, но маленький вогнутый щит метался как молния, отбивая удары, и крюк попадал в углубление.

Один раз одинокий воин зацепил-таки противника крюком за бок и, подтащив к себе, пронзил вторым мечом.

Но силы были неравными, и, хотя одиночка сражался и лучше, и отчаяннее напавших на него, я видел, что победа оставшихся пятерых – всего лишь вопрос времени, они рано или поздно пробьют брешь в его обороне.

Мои симпатии всегда были на стороне слабейшей стороны, и, хотя я ничего не знал о причинах столкновения, мне больно было смотреть, как храбреца одолевают превосходящие силы противника.

Вообще-то, я и не искал для себя причин или объяснений, потому что люблю хорошую драку и мне не нужно особого повода, чтобы ввязаться в нее.

Прежде чем Туван Дин успел понять мой замысел, я очутился рядом с желтокожим в белых мехах и стал размахивать мечом как сумасшедший, сражаясь с пятеркой врагов.

IX

Среди желтых людей

Туван Дин не замедлил присоединиться ко мне; и хотя мы быстро обнаружили, что справиться с крюками – дело незнакомое нам и нелегкое, все же нас теперь было трое против пятерых.

Когда бой закончился, наш новый знакомец, сняв с запястья щит, протянул его мне. Я не знал значения этого жеста, но рассудил, что это

должно быть формой выражения благодарности.

Впоследствии мне объяснили, что таким образом человек предлагает свою жизнь в ответ на оказанную ему великую услугу; и то, что я отказался принять щит, было именно тем, чего от меня ожидали.

– Тогда прими от Талу, принца Марентины, – заговорил желтокожий, – вот этот знак его благодарности.

И он достал из-под широкого рукава какой-то браслет и положил его мне на ладонь.

Потом ту же церемонию он проделал с Туваном Дином.

И лишь после этого желтокожий воин поинтересовался, как нас зовут и из каких земель мы пришли. Похоже, он неплохо знал географию внешнего мира и, услышав, что я из Гелиума, вскинул брови.

– О, – сказал он, – так ты ищешь твоего правителя и его людей?

– Ты их знаешь? – спросил я.

– Знаю только, что они попали в плен к моему дяде Саленсусу Оллу, джеддаку джеддаков, владыке Окара, земли желтого народа Барсума. Но

об их дальнейшей судьбе мне ничего не известно, потому что я воюю с моим дядей, который желает лишить меня власти в княжестве Марентина. И те, от кого вы только что меня спасли, – его люди, посланные найти и убить меня. Им было известно, что я часто в одиночку охочусь на священников аптов, которых так почитает Саленсус Олл. Отчасти именно поэтому я ненавижу его религию, а Саленсус Олл ненавидит меня, но прежде всего он опасается моего растущего влияния на жителей страны. Повсюду мало-помалу вспыхивают волнения, поскольку люди желают видеть меня правителем Окара и джеддаком джеддаков вместо дяди. Он жестокий тиран, его все ненавидят, и, если бы не великий страх окарианцев перед ним, я бы за одну ночь собрал армию, которая смела бы кучку дядиных приверженцев. Мой собственный народ мне предан, и маленькая долина Марентина уже год не платит дани двору Саленсуса Олла. А он не в силах принудить нас к этому, потому что всего десяток человек могут легко удерживать узкий проход в долину, пусть даже против них выступит миллион воинов. Но вернемся к вашим делам. Чем я могу вам помочь? Мой дворец в вашем распоряжении, если вы окажете мне честь и направитесь в Марентину.

– Мы будем рады принять твое приглашение, после того как исполним свой долг, – ответил я. – Но сейчас ты весьма нас обяжешь, если объяснишь дорогу к владениям Саленсуса Олла и подскажешь, как можно проникнуть в город и во дворец, – в общем, туда, где могут находиться наши друзья.

Талу с сожалением окинул взглядом наши гладкие лица, красную кожу Тувана Дина, мою белую кожу.

– Нет, сначала лучше отправиться в Марентину, – сказал он, – потому что вам нужно основательно изменить внешность, прежде чем вы сможете проникнуть в столицу Окара. У вас должны быть желтые лица и черные бороды, а также оружие и перевязи, не возбуждающие подозрений. В моем дворце есть человек, который способен сделать вас такими же желтокожими, как сам Саленсус Олл.

Его совет выглядел мудрым, и, поскольку явно не было другого способа наверняка попасть в Кадабру, столицу Окара, мы направились вместе с Талу, принцем Марентины, в его маленькое, окруженное скалами государство.

Мне никогда не доводилось ходить по такой плохой дороге, и я уже не удивлялся тому, что в этих краях, где нет ни фоатов, ни воздушных челноков, Марентине незачем бояться вторжения, но наконец мы добрались до цели нашего пути.

В глубокой долине лежал город, построенный из особого марсианского бетона. Улицы, дома и площади находились под стеклянной крышей. Вокруг громоздились горы снега и льда, но покрытие купола, раскинувшегося надо всей столицей княжества, было чистым.

Потом я увидел, как именно здесь противостояли арктическому холоду. Желтокожие барсумиане научились жить в роскоши и уюте в краю вечных льдов. Все здешние города представляли собой настоящие теплицы, и, когда я вошел внутрь, мое восхищение наукой и инженерным искусством этого народа было безграничным.

Очутившись в стенах города, Талу сразу сбросил с себя меха, и мы последовали его примеру. Я увидел, что принц Марентины мало отличается от представителей краснокожей расы Барсума. Он был обнажен, если не считать кожаных перевязей и ремней, украшенных драгоценными камнями и металлами, да в этой теплой и влажной атмосфере и не нужна была одежда.

Три дня мы оставались гостями принца Талу. Он окружил нас вниманием, проявлял к нам крайнюю любезность и показал все интересное в его изумительном городе, например атмосферную фабрику.

Она может бесконечно долго поддерживать жизнь в городах

Северного полюса даже после того, как умирающий Марс лишится снабжения воздухом. Так уже случилось однажды, когда большая центральная фабрика прекратила работу и мне пришлось возвращать к жизни этот странный мир, который я успел полюбить.

Талу объяснил, как действует отопительная система, которая накапливала солнечную энергию в огромных резервуарах под городом. С ее помощью нетрудно поддерживать тепло вечного лета в великолепных садах этого арктического рая.

Широкие полосы дерна, созданного при помощи коричневатой растительности со дна мертвых морей, служили дорогами для наземных экипажей. Это был единственный вид механического транспорта, что использовался к северу от гигантского ледяного барьера.

Широкие шины этих уникальных машин представляли собой газовые баллоны из материала вроде резины, и наполнял их восьмой луч Барсума – луч отталкивания, изумительное открытие марсиан, дающее возможность подниматься в воздух огромным кораблям во внешнем мире. Эта энергия природного происхождения излучается планетой в космическое пространство как свет, а в аккумулятивном состоянии позволяет марсианским воздушным судам летать.

Наземные машины Марентины имеют точно такие же накопители в своих колесах, похожих на автомобильные, благодаря им механизмы могут ездить; и, хотя задние колеса соединены с мотором и толкают машину вперед, основная движущая сила исходит от небольшого пропеллера на корме.

Я не знаю большего наслаждения, чем поездка на такой вот роскошно украшенной машине, что как перышко летит по мягким травянистым дорогам Марентины. Эти машины несутся абсолютно бесшумно между полосами алой растительности, под великолепными деревьями с изумительными цветами – здесь я увидел множество их разновидностей.

К концу третьего дня дворцовый цирюльник – я не могу найти для него более подходящего слова – сумел так невероятно изменить и Тувана Дина, и меня, что наши собственные жены не смогли бы нас узнать. Наша кожа приобрела такой же лимонный цвет, как его собственная, а лица украсились огромными черными бородами и усами. Вооружение воинов Окара завершило преобразование, а чтобы одеться потеплее за пределами жаркого города, нам приготовили полосатые шубы из желто-черных шкур орлука.

Талу подробно объяснил нам, как добраться до Кадабры, столицы Окара (словом «окар» именуют и желтую расу). Наш добрый друг даже прошел с нами часть пути, а потом, пообещав помогать нам всем, чем сможет, стал прощаться.

При расставании он надел на мой палец удивительное кольцо с абсолютно черным матовым камнем, который больше походил на кусочек битумного угля, чем на высшую драгоценность Барсума.

— Это обработанный осколок большой друзы, принадлежавшей мне, — сказал Талу. — Другие три кристалла носят самые доверенные мои люди, и все они отправлены с тайной миссией ко двору Саленсуса Олла. Если ты окажешься в пятидесяти футах от любого из них, то сразу ощутишь быстрое покалывание в пальце под кольцом. Тот, у кого другой камень, почувствует то же самое; это происходит от электрической активности фрагментов материнской друзы. Таким образом, ты узнаешь, что рядом друг, на которого ты можешь положиться, если в том возникнет нужда. Если же другой обладатель такого кристалла призовет на помощь тебя, не отказывай ему, а если тебе будет грозить смерть, лучше проглоти кольцо, чем позволь ему оказаться в руках врага. Береги кристалл даже ценой собственной жизни, Джон Картер, потому что однажды он может стать для тебя дороже ее.

Дав мне такое напутствие, наш добрый друг отправился обратно в Марентину, а мы продолжили путь в Кадабру, ко двору Саленсуса Олла, джеддака джеддаков.

Тем же самым вечером мы увидели стены и стеклянную крышу Кадабры

Тем же самым вечером мы увидели стены и стеклянную крышу Кадабры. Город лежал в низкой долине поблизости от полюса, и его окружали каменистые, покрытые снегом холмы. С перевала, через который мы вошли в долину, открывался почти весь этот прекрасный северный город. Его хрустальный купол сверкал в лучах солнца над покрытой инеем внешней стеной, тянувшейся на сотню миль в окружности.

В ограде через равные промежутки имелись ворота, но даже издали мы видели, что все они закрыты, и, если верить предположению Талу, попасть в город до следующего утра было невозможно.

Как он и говорил, мы без труда нашли множество пещер в склонах холмов и одну из них выбрали для ночлега. Теплые одежды из шкур орлука прекрасно нас согревали, и после освежающего сна мы проснулись на рассвете.

В городе уже бурлила жизнь. Из некоторых ворот выходили группы желтокожих людей. Точно соблюдая все наставления, данные нашим добрым другом из Марентины, мы еще несколько часов прятались, пока по дороге рядом с нашим укрытием не прошел отряд из полудюжины воинов, направлявшийся в холмы тем самым путем, который мы преодолели накануне вечером.

Дав воинам время отойти подальше от нашей пещеры, мы с Туваном Дином выбрались из нее и поспешили следом.

Когда мы догнали желтокожих солдат и приблизились к ним, я громко окликнул командира, и тут же весь отряд остановился и развернулся к нам. Настал критический момент, момент главной проверки. Если мы сумеем обмануть этих людей, остальное будет сравнительно легко.

– Каор! – громко приветствовал я желтокожих.

– Каор! – ответил офицер.

– Мы из Иллала, – продолжил я, называя самый отдаленный город Окара, почти не имевший связей с Кадаброй. – Мы прибыли сюда лишь вчера, а сегодня утром капитан у ворот сказал, что вы отправились поохотиться на орлуков. В наших окрестностях не знают таких развлечений. Вот мы и поспешили за вами, чтобы попросить разрешения участвовать в охоте.

Офицер ничего не заподозрил и любезно позволил нам присоединиться к его отряду на весь день. Предположение, что мы встретим охотников, оказалось верным. По словам Талу, у нас было десять шансов против одного, что как раз с такой целью и пойдет через перевал группа людей, поскольку именно в этой стороне лежат широкие равнины, где водятся эти слоноподобные хищники.

Правда, охота не задалась, мы так и не увидели ни одного орлука, но для нас это было весьма кстати – желтокожие так огорчились своим невезением, что в город вернулись через другие ворота. Наверняка охотники слишком хвастались перед тамошним командиром стражи своим опасным искусством.

Таким образом, отряд подошел к Кадабре в нескольких милях от того места, где выходил утром, и мы избавились от лишних вопросов и объяснений со стороны охранников – мы ведь соврали, что это именно их командир отправил нас вслед за охотниками.

Мы уже были рядом с городом, когда мой взгляд привлек черный столб, что возвышался на несколько сотен футов над огромной грудой каких-то обломков, частично занесенных снегом.

Я не отважился на вопрос из страха пробудить подозрения своим откровенным незнанием того, что должно быть знакомо каждому желтокожему, но, прежде чем мы дошли до городских ворот, я уже понял, зачем нужен высокий столб и что это за свалка под ним.

У самого входа один из нашего отряда окликнул товарищей, показывая вдаль, на южный горизонт. Посмотрев туда же, я увидел корпус большого воздушного корабля, быстро летевшего к нам со стороны окружавших долину холмов.

– Еще какие-то дураки решили разгадать тайну запретного севера, – пробормотал офицер себе под нос. – И когда наконец утихнет их смертельное любопытство?

– Ну, лучше пусть не утихнет, – откликнулся один из воинов, – иначе откуда возьмутся рабы и развлечения?

– Верно, но до чего же они глупы, если продолжают соваться в наши края, после того как никто и никогда отсюда не возвращался!

– Давайте задержимся, посмотрим, чем эти закончат, – предложил кто-то.

Офицер глянул в сторону города.

– Стражи уже их заметили, – сказал он. – Но мы можем остаться, вдруг понадобится?

Я обернулся и увидел, что из ближайших ворот выходят несколько сот воинов. Они двигались лениво, словно торопиться было незачем, – так и обстояло дело, в чем я очень скоро убедился.

Потом я снова стал смотреть на корабль. Он несся к городу, но, когда подлетел достаточно близко, я с удивлением обнаружил, что его пропеллеры замерли.

А корабль летел прямоком к мрачному столбу. В последнюю минуту винты все же повернулись, пытаясь увести судно в сторону, однако его как будто притягивала некая могучая неодолимая сила.

На палубе царила настоящая паника, люди бегали туда-сюда, налаживая орудия и готовя к взлету одноместные челноки, которые всегда имелись на военных судах марсиан. Корабль подлетал все ближе и ближе к черному столбу. Еще немного – и он врежется в него, и тут я увидел знакомый сигнал, приказывавший стартовать малым судам.

Сотня крошечных челноков одновременно сорвалась с палубы флагмана, как туча огромных стрекоз, но едва они поднялись с корабля, нос которого указывал на черный столб, как и сами с устрашающей скоростью понеслись в том же направлении, и теперь было понятно: их ждет тот же неминуемый конец, что и большое судно.

Через мгновение они столкнулись со столбом. Люди посыпались во все стороны, а большой корабль, разбитый и искореженный, рухнул в кучу обломков у основания столба.

И челноки тоже заскользили вниз, хотя их падение было не таким быстрым, как ожидалось; и тут наконец я понял тайну черного столба, а также и причину того, что ни один из кораблей, слишком далеко залетевших за ледяной барьер, не вернулся.

Столб был мощным магнитом, и, когда воздушное судно попадало в зону его притяжения, никакая сила в мире не могла бы предотвратить того, чему мы только что стали свидетелями, – ведь железо широко использовалось при строительстве марсианского флота.

Позже выяснилось, что черный столб установлен точно над магнитным полюсом Марса, но добавляет ли такое положение что-нибудь к его колоссальной силе, я не знаю. Я солдат, а не ученый.

Теперь-то мне было понятно, почему не вернулись Тардос Морс и Морс Каяк. Эти отважные, неустрашимые воины в поисках Карториса осмелились столкнуться с тайнами и опасностями замерзшего севера; ведь долгое отсутствие юноши погрузило в неизбывную печаль его прекрасную мать, Дею Торис, принцессу Гелиума.

В тот самый момент, когда последний челнок упал к основанию столба, чернобородые желтокожие изуверы хлынули туда, беря в плен уцелевших и небрежно снося головы тяжелораненым.

Несколько краснокожих отчаянно бились с жестокими врагами, но большинство из них, похоже, были так ошеломлены ужасной катастрофой, что беспрекословно позволяли надевать на себя цепи.

Когда всех пленников заковали, отряд вернулся в город, и я увидел у ворот злобных аптов в золотых ошейниках. Каждого зверя вели два воина, удерживая его на золотых цепях.

Сразу за воротами погонщики отпустили свое ужасное стадо, и, когда твари ринулись к страшному черному столбу, мне и без слов стало ясно, зачем они спешат туда. И если бы в жестоком городе Кадабра не находились те, кто нуждался в помощи куда сильнее, чем несчастные мертвые и умирающие на холоде среди обломков десятков челноков, я бы не смог сдержать желание сразиться с мерзкими тварями, которые уже начали рвать на части и пожирать убитых.

Но мне оставалось лишь следовать дальше за желтыми воинами, склонив голову, и благодарить судьбу за то, что она дала мне и Тувану Дину возможность с такой легкостью проникнуть в столицу Саленсуса Олла.

Оказавшись внутри, мы без труда ускользнули от наших утренних приятелей и вскоре отыскиали постоянный двор.

X

В заточении

Постоялые дворы на всем Барсуме, как я уже знал, мало чем отличаются друг от друга. Уединения здесь не жди, разве что ты приехал с супругой.

Постояльцев, прибывших без жен, провожают в большие комнаты с полом из белого мрамора или толстого стекла, которые содержатся в идеальной чистоте. В таких номерах находится множество небольших возвышений для спальных принадлежностей, а если у гостя нет собственного постельного белья, ему предоставят казенное за скромную плату.

Когда приехавший положил свои вещи на платформу, он становится гостем постоялого двора, а место остается за ним на все время его пребывания здесь. Никто никогда не тронет его имущество, потому что воров на Марсе просто нет.

Поскольку бояться тут приходится только наемных убийц, владельцы постоялых дворов держат множество вооруженной стражи, и охранники постоянно, день и ночь, ходят через спальные помещения. Количество стражей и качество их вооружения обычно означают статус «отеля».

В самих гостиницах еду не подают, но, как правило, рядом с ними располагаются трактиры или рестораны. При спальных помещениях имеются ванные комнаты, и каждый гость может пользоваться ими в любое время.

Обычно на втором или третьем этаже находятся большие спальни для одиноких женщин-путешественниц, и обстановка там почти такая же, как в мужских номерах. Вот только стражи, охраняющие женщин, остаются в коридорах за дверями, зато рабыни, прислуживая хозяйкам, носятся туда-сюда и всегда готовы при надобности позвать охрану.

Я с удивлением отметил, что в гостинице, где мы остановились, все стражи были краснокожими, и, расспросив одного из них, узнал, что это рабы, купленные владельцем постоялого двора у правительства. Мужчина, чей пост располагался рядом с моим спальным возвышением, был некогда командиром флота великой марсианской расы, но судьба занесла его флагманский корабль через ледяной барьер, и он попал в поле притяжения гигантского магнита. Вот уже много тяжких лет этот человек влачил участь раба желтокожих.

Он рассказал мне, что среди униженных из внешнего мира есть и принцы, и джеды, и джеддаки. Но когда я поинтересовался, не слышал ли он что-нибудь о Морсе Каяке или Тардосе Морсе, охранник покачал головой, говоря, что не знает о таких пленниках, хотя ему отлично известно, кто это и какова их репутация во внешнем мире.

До него также не доходили слухи о прибытии Отца фернов и чернокожего датора перворожденных, но он поспешил объяснить, что вообще мало осведомлен о происходящем за стенами этого здания. Я прекрасно видел: страж немало удивлен тем, что какой-то желтокожий интересуется судьбой конкретных людей, пришедших из-за ледяного барьера и попавших в плен, и так плохо знаком с обычаями и правилами собственной расы.

Но на самом деле я просто забыл о своей маскировке, увидев красного марсианина рядом со своим спальным местом, однако его удивление вовремя предостерегло меня. Я совсем не собирался открываться кому-либо, разве что увидел бы в том особую пользу. К тому же неизвестно, можно ли доверять этому парню. Тем не менее я мысленно сделал себе заметку о том, что позже, возможно, найду способ помочь ему и тысячам других пленников, вынужденных служить жестоким хозяевам в Кадабре.

Мы с Туваном Дином, устроившись той ночью на своих постелях, обсудили дальнейшие планы – нам приходилось быть осторожными, потому что вокруг нас спали десятки желтокожих. Мы говорили самым тихим шепотом и, поскольку ничего другого от нас и не требовали правила вежливости в публичном месте, никаких подозрений не возбудили.

Наконец было решено, что все это пустые догадки, нужно изучить город и попытаться осуществить план, предложенный Талу; затем мы пожелали друг другу доброй ночи и заснули.

На следующее утро после завтрака мы пошли осматривать Кадабру. Благодаря щедрости принца Марентины местных денег у нас было в достатке, поэтому мы провели время прекрасно и с пользой. А во второй половине дня, в тот час, когда, как говорил Талу, чиновники могли принять посетителей, мы остановились перед величественным зданием на площади напротив королевских садов и дворца.

Мы дерзко прошли в двери мимо вооруженного стража, и внутри нас встретил краснокожий раб, спросивший, чего мы желаем.

– Скажи Сораву, твоему хозяину, что два воина из Иллала желают служить в дворцовой страже.

Сорав, как объяснил нам Талу, был командиром дворцовой стражи, и, поскольку люди из дальних городов Окара – и в особенности из Иллала – едва ли могли быть заражены интригами, годами бурлившими при дворе Саленсуса Олла, Талу был вполне уверен, что нас примут хорошо и даже не станут особо расспрашивать.

Талу снабдил нас основными сведениями, которые, как он полагал, нам понадобятся, чтобы выдержать проверку Соравы, после чего нам предстояло пройти еще одно испытание, когда уже сам Саленсус Олл

будет определять, подходим ли мы на желаемую должность по физической и воинской подготовке.

Правда, у нас совершенно не было опыта обращения со странными мечами, снабженными крюком, и щитами, похожими на тарелки. Поэтому, скорее всего, последний экзамен сдать нам не удастся. Тем не менее мы могли на несколько дней оказаться во дворце Саленсуса Олла – после того, как нас примет Сорав, и прежде, чем джеддак джеддаков найдет время, чтобы вынести окончательное решение на наш счет.

Мы несколько минут ждали в вестибюле, а потом нас проводили в личный кабинет Соравы, где нас и приветствовал весьма любезно этот чернобородый офицер свирепой внешности. Он спросил, как нас зовут, какое положение мы занимали дома, и вроде бы наши ответы его вполне удовлетворили; ведь он задавал вопросы, которые Талу предвидел, так что мы были к ним подготовлены.

В общем, интервью длилось минут десять, не больше, а потом Сорав вызвал помощника, которому велел занести нас в списки по всем правилам, после чего проводить в казармы, предназначенные для соискателей места в рядах дворцовой стражи.

Помощник сначала привел нас в свой собственный кабинет, где измерил наш рост, взвесил нас и сфотографировал с помощью специального аппарата; пять копий снимка были тут же отправлены в разные правительственные отделы, причем два из них находились в других городах, за много миль от столицы. После этого помощник проводил нас через дворцовый сад в главное караульное помещение и там оставил на попечение дежурного офицера.

Этот вояка снова вкратце расспросил нас и наконец вызвал солдата, чтобы тот показал нам спальные места. Они располагались на втором этаже дворца в обособленной башне с выходом во двор.

Мы поинтересовались у провожатого, почему нас поселили так далеко от караульной, и он ответил, что таким образом претендентов на должность хотят оградить от ссор со старыми служаками. Они, дескать, сразу начинают испытывать силы новичков, отчего многие просто гибнут, и очень трудно поддерживать личный состав дворцовой охраны на необходимом уровне, пока этот обычай не изжит. Потому Саленсус Олл и распорядился отделить казармы соискателей, к тому же их запирают для надежности, дабы предотвратить агрессивные выходки старослужащих.

Столь нерадостное известие означало полное нарушение наших планов, потому что, по сути, мы оказывались пленниками во дворце Саленсуса Олла до тех пор, пока он не решит лично проверить, годимся ли мы для службы.

И все это время мы ничего не могли сделать, чтобы продвинуться в

поисках Деи Торис и Тувии, ведь, когда наш провожатый вышел, огромный замок на двери сразу щелкнул.

Скривившись, я повернулся к Тувану Дину. Мой товарищ лишь грустно покачал головой и отошел к одному из окон в дальнем конце помещения.

Но стоило ему выглянуть наружу, как он позвал меня, и в его голосе слышались сдержанное волнение и удивление. В одно мгновение я очутился рядом с ним.

– Смотри! – сказал Туван Дин, показывая вниз.

Когда мой взор устремился туда, куда он показывал, я сразу увидел двух женщин, гулявших по окруженному стеной саду.

Я сразу же узнал их: это были Дея Торис и Тувия из Птарта!

Да, это были они, женщины, за которыми я гнался от полюса до полюса, через весь мир. Лишь десять футов и несколько металлических прутьев решетки отделяли меня от них.

Мой вскрик привлек их внимание, и, когда Дея Торис посмотрела вверх, прямо мне в глаза, я подал ей знак любви, который мужчины Барсума подают своим женщинам.

К моему изумлению и ужасу, она высоко вскинула голову с видом полного презрения на точеном лице и тут же повернулась ко мне спиной. Мое тело покрывала тысяча шрамов после тысячи схваток, но никогда за всю мою долгую жизнь я не страдал от ран так, как от ледяного взгляда этой женщины, проникшего прямо мне в сердце.

Я со стоном отшатнулся от окна и закрыл лицо ладонями. Туван Дин тоже громко окликнул Тувию, но через секунду ахнул, значит и его отвергла собственная дочь.

– Они даже слушать не хотят! – пробормотал он. – Они зажали уши и ушли в дальний конец сада! Неслыханное дело, Джон Картер! Должно быть, обе они зачарованы!

Я вскоре набрался храбрости, чтобы вернуться к окну, потому что, хотя Дея Торис и окатила меня презрением, я все равно любил ее и не

мог отвести глаз от ее божественного лица и фигуры, – но она заметила, что я смотрю на нее, и снова отвернулась.

Я совершенно не мог понять ее странного поведения. А пренебрежение Тувии к отцу казалось просто невероятным. Неужели моя несравненная принцесса до сих пор цеплялась за ту чудовищную религию, от которой я спас ее мир? Может, она смотрела на меня с гадливостью и презрением потому, что я вернулся из долины Дор? Или она оскорблена тем, что я осквернил храмы и персоны священных фернов?

Ничему другому я не мог приписать все эти странности, хотя сердце отказывалось верить, что великая любовь Деи Торис и Джона Картера может зависеть от расы, убеждений или веры.

Пока я печально взирал на затылок своей прекрасной царственной жены, ворота в другом конце сада открылись и вошел какой-то мужчина. Мимоходом он вложил что-то в руку желтокожего стража, и, несмотря на довольно большое расстояние, я разглядел, что это были деньги.

Я сразу понял, что пришедший просто подкупил охранника. А мужчина повернулся в сторону двух женщин, и стало ясно, что это не кто иной, как Турид, черный датор перворожденных.

Прежде чем заговорить, он подошел к женщинам довольно близко, и, когда они обернулись на звук его шагов, я увидел, как Дея Торис отпрянула от него.

На лице Турида появилась мерзкая усмешка; он шагнул еще ближе к женщинам и что-то сказал. Я не слышал его слов, но ответ прозвучал громко.

– Внучка Тардоса Морса всегда может умереть, – сказала моя любимая. – Но она ни за что не станет жить под твоим именем.

После этого чернокожий негодяй опустился перед ней на колени в пыль, умоляя о чем-то. Я расслышал далеко не все – хотя датор явно говорил под влиянием страсти и волнения, он в то же время боялся повысить голос из страха быть обнаруженным.

– Я бы спас тебя от Матаи Шанга, – бормотал он, насколько я мог разобрать. – Ты ведь знаешь судьбу тех, кто попадает в его руки. Неужели ты не предпочтешь этому жизнь со мной?

– Я ничего не предпочту, – ответила Дея Торис, – даже если бы я была свободна выбирать, и ты это знаешь.

– Но ты свободна! – воскликнул Турид. – Джон Картер, принц Гелиума, мертв!

– В этом я сомневаюсь, но даже если бы он погиб и мне пришлось выбирать другого мужа, то, пожалуй, меня бы больше устроил травяной человек или белая обезьяна, чем Матаи Шанг или ты, черный калот! – с

насмешкой и презрением бросила Дея Торис.

Внезапно черный мерзавец потерял власть над собой, с грязным ругательством кинулся на хрупкую женщину и злобно сжал ее горло. Тувия завизжала и бросилась на помощь своей подруге по несчастью, и в то же самое мгновение я, обезумев от ярости, рванул металлические прутья оконной решетки и выдрал их из гнезд, словно это были куски медной проволоки.

Выскочив через дыру, я очутился в саду, в сотне футов от того места, где чернокожий душил мою Дею Торис, – однако это расстояние я преодолел одним прыжком. Я не произнес ни слова, отрывая его пальцы от ее прекрасной шеи, и молча отшвырнул негодяя в сторону футов на двадцать.

Кипя яростью, Турид поднялся с земли и ринулся на меня, как бешеный бык.

– Желтокожий! – пронзительно кричал он. – Да знаешь ли ты, на кого поднял грязную руку! Ну, сейчас ты поймешь, что значит оскорбить перворожденного!

Он подскочил ко мне, пытаясь добраться до моего горла, а я сделал то же самое, что и в день нашей первой схватки во дворе храма Иссу. Я нырнул под его протянутые вперед руки, а затем врезал ему сбоку в челюсть.

Как и в тот раз, он развернулся на месте, колени его подогнулись, черный датор рухнул на землю у моих ног. И тут я услышал голос за своей спиной.

Он звучал низко, властно и явно принадлежал высокопоставленной персоне. Я обернулся и увидел огромного великолепного желтокожего, и мне без всяких вопросов стало ясно: это и есть Саленсус Олл. Справа от него стоял Матаи Шанг, а за ними толпились более десятка стражников.

– Кто ты таков, – воскликнул правитель, – и что означает это вторжение в женский сад? Я не припоминаю твоего лица. Как ты здесь очутился?

До последних его слов я вообще не вспомнил о своей маскировке и готов был прямо заявить, что перед ним – Джон Картер, принц Гелиума; но этот вопрос привел меня в чувство. Я показал на выбитую решетку окна наверху.

– Я претендент на место в дворцовой страже, – сказал я. – И оттуда, из окна башни, где мы ждали последнего испытания на пригодность для этой должности, я увидел, как вот этот человек напал... напал на вон ту женщину. Я не мог оставаться в стороне, о джедак, и смотреть, как подобное творится в садах твоего дворца, вот и решил сослужить службу твоей светлейшей особе.

Видимо, я произвел впечатление на правителя Окара своей прямоотой, и, когда Дея Торис и Тувия подтвердили мое заявление, дело явно стало оборачиваться не в пользу Турида.

Я видел, как мрачно сверкнули злобные глаза Матаи Шанга, когда Дея Торис пересказала все то, что произошло между ней и Туридом. Она упомянула о моем вмешательстве и столкновении с датором перворожденных, и в этот момент ее благодарность была совершенно очевидной, хотя во взоре принцессы мелькнула озадаченность.

Я не удивился поведению Деи Торис в присутствии посторонних, но то, что она отвергла меня, когда они с Тувией были в саду одни, все еще причиняло мне сильную боль.

Пока шло разбирательство, я взглянул на Турида и был поражен тем, что он уставился на меня во все глаза, а потом вдруг расхохотался прямо мне в лицо.

Саленсус Олл вмиг повернулся к чернокожему.

– Что ты можешь сказать в оправдание своих поступков? – спросил он крайне жестким тоном. – Как ты осмелился добиваться благосклонности той, которую выбрал Отец фернов... и которая могла бы стать достойной парой даже для самого джеджака джеджаков?

Тут чернобородый тиран внезапно бросил алчный взгляд на Дею Торис, как будто у него возникла новая идея и вспыхнуло новое желание.

Турид уже собирался ответить, зловеще ухмыляясь и обвиняюще тыча пальцем в мою сторону, но слова и выражение лица Саленсуса Олла заставили его промолчать.

Он хитро прищурился, и я сразу понял: скажет он совсем не то, что собирался.

– О могущественнейший из джеджаков! – заговорил Турид. – И этот мужчина, и женщины говорят неправду. Он явился сюда, чтобы помочь им сбежать. Я был рядом за стеной и случайно услышал их разговор, а когда я вошел сюда, женщина закричала, а мужчина бросился на меня и едва не убил. Разве кто-нибудь здесь знает этого человека? Он чужак, и осмелюсь предположить, что ты обнаружишь в нем врага и шпиона. Пусть он подвергнется испытанию, Саленсус Олл, он, а не твой друг и гость Турид, датор перворожденных.

Саленсус Олл казался слегка озадаченным. Он снова посмотрел на Дею Торис, а Турид тут же шагнул к нему и что-то прошептал ему на ухо, но что именно, я не знаю.

Почти сразу желтокожий правитель повернулся к одному из своих офицеров.

– Присмотри, чтобы этого человека как следует охраняли, пока мы не найдем время глубже вникнуть в его дело, – приказал он. – И если

простая решетка удержать его не может, добавьте к ней кандалы.

С этими словами он вышел из сада, уводя с собой Дею Торис... и обнимая ее за плечи. Турид и Матаи Шанг тоже удалились, а в воротах чернокожий обернулся и громко расхохотался мне в лицо.

Что означала эта внезапная перемена его поведения относительно меня? Неужели он заподозрил, кто я таков на самом деле? Должно быть, так и есть, а меня выдало то, что я снова повторил обманный ход, уложивший его на землю.

Когда стражи потащили меня прочь, мое сердце наполняли грусть и горечь. Теперь рядом были два моих давних врага, да еще к ним добавился третий, весьма могущественный. И я назвал бы себя последним дураком, если бы не заметил страсть к Дее Торис, вспыхнувшую в груди Саленсуса Олла, джеджака джеджаков, ужасного правителя Окара.

XI

Яма изобилия

Я не слишком долго томился в тюрьме Саленсуса Олла. И в течение того короткого срока, что я лежал там, закованный в золотые цепи, меня тревожили мысли о судьбе Тувана Дина, джеджака Птарта.

Мой храбрый товарищ последовал за мной в сад, когда я напал на Турида, а после того, как Саленсус Олл ушел с Деей Торис и остальными, Туван Дин остался в саду вместе с дочерью, явно никем не замеченный, потому что он был в таких же украшениях, что и дворцовые стражи.

Когда я видел его в последний раз, он стоял, ожидая, чтобы сопровождавшие меня воины закрыли за собой ворота и оставили его наедине с Тувией. Удалось ли им бежать? Несмотря на сомнения, я все же надеялся на это всем сердцем.

На третий день моего заключения явилась сразу дюжина воинов, чтобы отвести меня в зал приемов, где Саленсус Олл собирался подвергнуть меня испытанию. Огромное количество придворных собралось в этом зале, и среди них я увидел Турида, а вот Матаи Шанга тут не было.

Дея Торис, как всегда сияя красотой, сидела на невысоком троне рядом с Саленсусом Оллом. Выражение безнадежной грусти на ее лице ранило меня в самое сердце.

Ее место рядом с джеджаком джеджаков не предвещало ничего хорошего ни ей, ни мне. В тот самый момент, когда я увидел там свою жену, в моем уме вспыхнуло твердое намерение не выходить живым из этого зала, если придется оставить ее в когтях могучего тирана.

Я убивал и более сильных воинов, чем Саленсус Олл, причем голыми

руками. А теперь я поклялся самому себе, что расправлюсь с ним, если увижу, что это единственный способ спасти принцессу Гелиума. То, что этим решением я обрекаю себя на смерть, совершенно не заботило меня, разве что потом я не смог бы действовать в интересах Деи Торис. Лишь по этой единственной причине я предпочел другой путь, ведь убийство Саленсуса Олла вряд ли вернет мою любимую супругу ее родному народу. Я решил ждать исхода испытания, чтобы узнать как можно больше о намерениях правителя Окара и далее действовать по обстоятельствам.

Как только я очутился перед джеддаком, Саленсус Олл вызвал также и Турида.

– Датор Турид! – заговорил он. – Ты обратился ко мне со странной просьбой, но в соответствии с твоим желанием и твоим обещанием, что все это лишь в моих интересах, я принял решение в твою пользу. Ты сказал, что благодаря некоему сообщению появится способ осудить этого пленника и в то же время открыть путь к исполнению моего величайшего желания.

Турид молча кивнул.

– Тогда я делаю это сообщение перед лицом моих придворных, – продолжил Саленсус Олл. – Уже год рядом со мной на троне нет королевы, и теперь мне кажется уместным взять в жены ту, кто славится как самая прекрасная женщина на всем Барсуме. И едва ли кто-то может оспорить такое заявление. Вельможи Окара, обнажите свои мечи, чтобы приветствовать Дею Торис, принцессу Гелиума и будущую королеву Окара, потому что через десять дней, отведенных на подготовку к церемонии, она станет супругой Саленсуса Олла.

Придворные выхватили мечи и высоко подняли их в соответствии с древним обычаем Окара – так поступали, когда джеддак сообщал о своем намерении жениться. Дея Торис вскочила и, вскинув вверх руки, громко воскликнула:

– Я не могу быть женой Саленсуса Олла! – Ее голос звучал умоляюще. – Я уже и супруга, и мать. Джон Картер, принц Гелиума, жив! Я знаю, что это так, я слышала, как Матаи Шанг говорил своей дочери Файдор, что видел его в Каоле, при дворе Кулана Тита. А джеддак не имеет права жениться на замужней женщине, не может Саленсус Олл так грубо нарушить узы чужого брака!

Правитель повернулся к Туриду и одарил его неприязненным взглядом.

– Так вот какой сюрприз ты приберег для меня? – закричал он. – Ты уверял, будто между мной и этой женщиной нет неодолимых преград, а теперь я узнаю, что существует одно из самых серьезных препятствий? Ты что задумал, приятель? Что скажешь?

– А если я передам в твои руки Джона Картера, Саленсус Олл, разве ты не сочтешь, что твой преданный друг Турид сделал больше, чем обещал? – спросил датор.

– Не болтай глупостей! – разъярился джеддак. – Я не дитя, чтобы играть со мной!

– Я говорю так потому, что отвечаю за свои слова, – возразил Турид. – Говорю как человек, который знает, что может выполнить обещание.

– Тогда приведи мне Джона Картера в течение десяти дней, или тебя ждет такой конец, что я и сам готов тебя пожалеть! – рявкнул джеддак джеддаков, грозно хмурясь.

– Незачем ждать десять дней, Саленсус Олл, – сказал Турид, а потом, внезапно повернувшись ко мне, обвиняюще ткнул в меня пальцем и заявил: – Вот он стоит, Джон Картер, принц Гелиума!

– Дурак! – завизжал Саленсус Олл. – Дурак! Джон Картер – белый человек! А этот тип такой же желтый, как я! У Джона Картера лицо гладкое, Матаи Шанг подробно описывал мне его! А у этого пленника усы и борода такие же черные, как у любого в Окаре! Эй, стража, сейчас же бросить черного безумца в яму! Он решил расстаться с жизнью ради того, чтобы глупо подшутить над своим правителем!

– Стойте! – закричал Турид и прыгнул вперед быстрее, чем я успел угадать его намерение.

Он схватил мою бороду и сорвал ее вместе с фальшивыми усами и париком, открыв мою собственную чистую загорелую кожу и коротко подстриженные черные волосы.

В зале приемов Саленсуса Олла поднялась суматоха. Одни воины ринулись вперед с обнаженными клинками, решив, что я, возможно, задумал убить джеддака джеддаков; другие, желая увидеть того, чье имя было знакомо всей планете от полюса до полюса, столпились за спинами воинственно настроенных бойцов.

Когда меня разоблачили, я увидел, как Дея Торис вскочила... да, на ее лице было написано изумление... и она внезапно бросилась вперед сквозь толпу, протягивая ко мне руки, и никто не успел ее остановить. Не прошло и секунды, а она уже стояла рядом со мной, и ее глаза сияли великой любовью.

– Джон Картер! Джон Картер! – кричала она, а я прижал ее к груди, и тут наконец меня осенило, почему Дея Торис так вела себя в саду под башней.

Каким же я был глупцом! Я не принял во внимание великолепную маскировку, работу прекрасного цирюльника из Марентины! Дея Торис меня не узнала, только и всего, а когда увидела, что какой-то незнакомец подает ей знаки любви, почувствовала себя оскорбленной и вполне справедливо вознегодовала. Да, я пострадал из-за собственной

глупости.

– Так это был ты, – всхлипывала Дея Торис, – это ты смотрел на меня из башни! Да разве я могла вообразить, что мой возлюбленный из Виргинии прячется за этой дикой бородой и желтой кожей?

Когда Дея Торис называла меня джентльменом из Виргинии, она выражала особую ласку, потому что знала, как мне нравится слышать название моей родины. Оно становилось в тысячу раз прекраснее оттого, что его произносили ее нежные губы, и теперь, когда я через много лет снова услышал это, мои глаза наполнились слезами, а голос сорвался от волнения.

Но в ту минуту, когда я прижал к себе любимую, Саленсус Олл, дрожа от ярости и ревности, бросился к нам, расталкивая придворных.

– Схватить этого человека! – закричал он воинам, и сотня рук протянулась ко мне и принцессе, чтобы оттащить нас друг от друга.

Повезло этим придворным, что Джон Картер не был вооружен. Прежде чем они спохватились, человек десять под ударами моих кулаков повалились на пол, а я уже был на полпути к трону, к которому Саленсус Олл поволок Дею Торис.

Но потом на меня навалилась добрая полусотня стражников, однако до того, как сознание покинуло меня, я услышал слетевшие с губ Деи Торис слова, которые вполне компенсировали все мои страдания.

Стоя рядом с великим тираном, крепко державшим ее за руку, она показала в ту сторону, где я в одиночку сражался против огромной толпы.

– Неужели ты думаешь, Саленсус Олл, что жена такого человека, как он, – воскликнула Дея Торис, – когда-нибудь опозорит его память, пусть даже он тысячу раз умрет, и свяжет свою судьбу с ничтожеством? Есть ли еще в каком-либо из миров такой же человек, как Джон Картер, принц Гелиума? Найдется ли тот, кто готов мчаться через всю воинственную планету и бороться с дикими зверями и толпами двуногих дикарей ради любви к женщине? Я, Дея Торис, принцесса Гелиума, принадлежу ему. Он сражался за меня и завоевал мою любовь. Будь ты человеком храбрым, ты бы оказал честь его доблести и не стал его убивать. Сделай его рабом, если желаешь, Саленсус Олл, но сохрани ему жизнь. А я скорее стану рабыней такого, как он, чем королевой Окара!

– Ни рабыни, ни королевы не могут приказывать Саленсусу Оллу, – процедил джеддак джеддаков. – Джон Картер умрет естественной смертью в Яме Изобилия, и в тот самый день, когда он скончается, Дея Торис станет моей супругой.

Ее ответа я не слышал, потому что в этот момент сильный удар по голове отправил меня в нокаут, а когда я очнулся, в зале приемов со мной остались лишь несколько охранников. Как только я открыл глаза, они принялись тыкать в меня остриями мечей, вынуждая встать на ноги.

Потом меня повели по длинным коридорам в какой-то двор, весьма далеко от центра дворца.

В середине этого двора находилась глубокая яма, а вокруг нее стояли стражи,

ожидавшие меня. Один из них держал наготове длинную веревку.

Мы были футах в пятидесяти от них, когда я вдруг ощутил странное быстрое покалывание в пальце.

Поначалу это меня озадачило, но потом я вспомнил о том, что совсем выскочило у меня из памяти за время последних событий: о кольце, даре принца Талу из Марентины.

Я вскинул голову, всматриваясь в стражей, к которым мы приближались, и одновременно поднес левую руку ко лбу. И тут же один из воинов точно так же прижал ко лбу левую ладонь, как бы отводя назад волосы, и на одном из его пальцев я увидел копию собственного кольца.

Мы обменялись короткими понимающими взглядами, и я тут же потупился и больше не смотрел на этого мужчину, из страха, что могу возбудить подозрения окарианцев. Мы подошли к краю ямы. Я увидел, как она глубока, и тут же понял, что сейчас смогу в точности оценить ее размеры, потому что воин, державший в руках веревку, шагнул ко мне и обвязал ее вокруг моей талии таким образом, чтобы конец можно было постепенно выпускать сверху; а потом, когда и другие ухватились за

нее, он просто толкнул меня вперед, и я полетел в разверстую пасть ямы.

Веревка натянулась, сильно дернувшись, а дальше меня спускали быстро, но без толчков и рывков. Перед тем как меня сбросили вниз, двое или трое стражей помогали обвязывать меня веревкой, и один из них, почти прижав губы к моей щеке, шепнул мне на ухо:

– Держись!

Яма, которая воображалась мне бездонной, оказалась глубиной не более сотни футов, но, поскольку стены отличались идеальной гладкостью, она могла достигать и тысячи футов, потому что нечего было и надеяться выбраться из этой подземной тюрьмы без посторонней помощи.

Целый день я провел в темноте, потом мою странную камеру внезапно залил яркий свет. Я, естественно, к этому времени проголодался и очень хотел пить, ведь у меня не было ни маковой росинки во рту со вчерашнего дня.

К своему изумлению, я увидел, что вдоль стен ямы, которые я считал совершенно гладкими, устроены полки и на них красуются самые изысканные кушанья и напитки, какие только мог предложить Окар.

С восторженным вскриком я бросился к ним, чтобы взять немного возжеленной еды, но свет тут же погас, и мне не удалось нащупать в темноте ничего, кроме все той же скользкой и твердой стены.

Голод и жажда обуяли меня с бешеной яростью. Если до этого лишь слегка подводило живот, то теперь желание добраться до пищи буквально разрывало меня на части, и все из-за того, что на мгновение передо мной предстала дразнящая картина изобилия, находившегося всего в паре шагов.

Но меня снова окружали тьма и тишина – тишина, которую нарушил только короткий язвительный смешок.

Еще день прошел без событий, ничто не прерывало монотонность моего заключения и не облегчало страданий, причиняемых голодом и жаждой. Постепенно боль стала менее острой, поскольку активность нервных клеток начала угасать, а потом снова вспыхнул свет – и передо мной возникли ряды соблазнительных блюд, и огромные бутылки чистой воды, и фляги освежающего вина, покрытые каплями холодной влаги.

И снова с яростью голодного зверя я бросился к полкам, пытаюсь схватить спасительную еду, но, как и прежде, свет погас, а я налетел на твердую стену.

И во второй раз прозвучал язвительный смех.

Яма Изобилия!

Ах, чей же мрачный и жестокий разум изобрел столь утонченную, столь дьявольскую пытку? Она повторялась день за днем, пока я не

дошел до грани настоящего безумия, но потом, как это уже было в ямах Вархуна, я взялся за ум и заставил себя вернуться на путь рассудительности.

Исключительно силой воли я овладел измученным сознанием, и так в этом преуспел, что в следующий раз, когда вспыхнул свет, я спокойно сидел на месте и безразлично смотрел на свежую соблазнительную еду, лежавшую на расстоянии вытянутой руки. И я очень рад, что поступил именно так и наконец-то сумел разгадать тайну исчезающего пира.

Поскольку я не шелохнулся, мой мучитель оставил свет зажженным, видимо в надежде, что я не смогу более сдерживаться и повторю тщетную попытку достичь недостижимого.

Но я сидел, внимательно рассматривая нагруженные продуктами полки, и вскоре понял, насколько прост замысел моих врагов. Удивительно, что я не сообразил этого раньше. Стена моей тюрьмы была из прозрачного стекла, и за ним стояли соблазнительные блюда.

Свет на этот раз горел почти полчаса, но смешка я так и не услышал, — по крайней мере, мой мучитель молчал, зато я сам, избавившись наконец от иллюзии, негромко засмеялся, но мой смех никак нельзя было принять за хихиканье свихнувшегося.

Прошло девять дней, я ослабел от голода и жажды, но более не страдал — я уже миновал эту стадию. А потом из тьмы над головой к моим ногам вдруг упал маленький пакет.

Я без особого интереса взял его, думая, что это новое изобретение моего тюремщика, желающего усилить мои мучения.

Бумажный пакет был привязан к длинному тонкому шнуру. Я развернул бумагу, и на пол высыпалось несколько маленьких предметов в форме ромба. Я их собрал, ощупал, понюхал и понял, что это таблетки концентрированной пищи, вполне обычной во всех частях Барсума.

Мне подумалось, что это может быть яд.

Ну и что? Почему не покончить со всем этим прямо сейчас, а не сидеть еще неведомо сколько в темной яме? Я поднес маленькую пилюлю к губам.

— Прощай, Дея Торис! — прошептал я. — Я жил и сражался ради тебя, а теперь осуществится еще одно мое желание — умереть ради тебя.

И я положил крошечный ромбик в рот и проглотил.

Я съел все таблетки, одну за другой. В жизни ничего не пробовал вкуснее, чем эти крохи еды, внутри которых могли скрываться семена смерти — возможно, ужасной и невероятно мучительной.

Пока я спокойно сидел на полу своей тюрьмы, ожидая конца, мои пальцы случайно коснулись бумаги, в которую были завернуты таблетки. Я стал бесцельно теревить ее, устремившись мыслями в прошлое: мне хотелось перед смертью заново пережить несколько

кратких счастливых моментов моей долгой счастливой жизни. И тут я нащупал на бумаге, похожей на пергамент, какие-то странные выпуклости.

Поначалу мой ум не зафиксировал в них ничего особенного, я просто лениво гадал, что бы это могло быть, но наконец они будто обрели форму, и тогда я осознал, что эти выпуклости выстроились в одну линию, строчку, как при письме.

Во мне пробудился интерес, пальцы стали заново ощупывать бумагу. Я обнаружил четыре отдельные группы выпуклых линий. Неужели это каких-то четыре слова? Неужели кто-то послал мне весточку?

Чем больше я об этом думал, тем сильнее волновался, и мои пальцы нервно бегали по крохотным холмикам и долинам на обрывке бумаги.

Но я ничего не мог понять и в конце концов решил, что моя торопливость мешает разгадать загадку. Я взялся за дело медленнее. Снова и снова прослеживал пальцами четыре группы выпуклых линий.

Марсианское письмо довольно трудно объяснить земному человеку; оно представляет собой нечто среднее между стенографией и пиктограммами, и при этом письменный язык радикально отличается от разговорного.

Разговорный язык на всем Барсуме один.

Все расы и народы говорят на нем с самого начала существования человечества на планете. Язык развивался вместе с наукой и прочими отраслями, но он настолько оригинален и хитроумен, что новые слова для выражения новых мыслей или описания неких новых условий либо открытий формируются сами собой, – и никакое другое понятие не может означать того, что описывает заново возникший термин, появившийся естественным образом, – а потому барсумиане, даже живущие в разных частях света, прекрасно понимают друг друга.

А вот с письменностью дело обстоит совсем иначе. Она у всех разная, и частенько даже в двух городах одного государства могут быть совершенно различные формы письменного выражения.

Так что линии на бумаге действительно означали какую-то фразу, однако потребовали немало времени для расшифровки, но наконец я разобрал первое слово.

Это было слово «держись», написанное знаками Марентины.

«Держись!»

Именно это шепнул мне на ухо желтокожий страж, когда я стоял на краю Ямы Изобилия.

Послание явно получено от него, я ведь уже знал, что это друг.

С заново вспыхнувшей надеждой я занялся расшифровкой остальной части сообщения, и в конце концов мои усилия были вознаграждены...

я прочитал все четыре слова!
«Держись, следуй за веревкой».

XII

«Следуй за веревкой»

Но что это могло означать?

«Следуй за веревкой». За какой веревкой?

Тут я вспомнил о шнуре, привязанном к упавшему рядом со мной пакету, и, пошарив вокруг, нащупал его. Шнур тянулся откуда-то сверху, и я, подергав его, понял, что он тщательно прикреплен к чему-то, возможно к краю ямы.

Внимательно изучив плетение, я пришел к выводу, что шнур очень прочный, хотя и тонкий, и вполне способен выдержать вес нескольких человек. Затем я сделал еще одно открытие – нашел второе послание, болтавшееся примерно на высоте моей головы. Его я прочел быстрее, поскольку теперь имел ключ.

«Возьми веревку с собой. За узлами опасность».

И это было все. Записку явно писали второпях, спохватившись в последний момент.

Я не стал более медлить. Хотя я не слишком понял последнее предостережение – «За узлами опасность», – все же хотелось верить, что передо мной лежит путь к бегству. Чем скорее я воспользуюсь этим шансом, тем более могу надеяться на обретение свободы.

И наконец, едва ли меня могло ждать нечто худшее, чем эта яма.

Однако, прежде чем я выбрался из проклятой дыры, обнаружилось, что еще пара минут промедления – и случилось бы кое-что похуже.

Я поднялся примерно на пятьдесят футов над дном Ямы Изобилия, когда мое внимание привлек какой-то шум наверху. К моей досаде, крышка ямы высоко надо мной сдвинулась, вниз проник свет со двора, и я увидел нескольких желтокожих воинов.

Неужели я так старательно полз навстречу новой ловушке? А записки оказались фальшивками? Но тут, когда моя надежда и храбрость уже готовы были угаснуть, я заметил две вещи.

Во-первых, навстречу мне в яму опускали огромного апта, рычащего и бившегося... а во-вторых, в стенке оказалась дыра, причем довольно широкая, и именно в нее уходила моя веревка.

Едва я успел заползти в темное отверстие, как апт пролетел мимо, попытавшись попутно цапнуть меня. Он рычал, ревел и щелкал клыками самым ужасным образом.

Теперь я отчетливо представлял, какой конец приготовил для меня Саленсус Олл. После того как узника долго мучили голодом, джеддак велел натравить на ослабевшего человека жуткого хищника, чтобы тот

закончил дело, задуманное этим дьяволом во плоти.

И тогда в моем уме вспыхнула другая догадка: ведь прошло уже девять дней из тех десяти, что назначил Саленсус Олл, и теперь он собирался сделать Дею Торис своей королевой. Очевидно, апт был спущен в яму для того, чтобы моя смерть наступила раньше десятого дня.

Я чуть не засмеялся вслух, подумав, что изобретательность Саленсуса Олла пойдет мне на пользу, ведь, когда стража увидит одного апта, сидящего в Яме Изобилия, все подумают, что он сожрал меня целиком, и ни у кого не возникнет даже мысли о моем побеге, никто не станет меня искать.

Придерживаясь за шнур, который уже увел меня достаточно далеко, я искал другой его конец, но «путеводная нить» все тянулась и тянулась куда-то. Вот, значит, каков был смысл слов «Следуй за веревкой».

Тоннель, по которому я полз, был низким и темным. Я уже преодолел несколько сотен ярдов, когда ощутил под пальцами узел. «За узлами лежит опасность».

Теперь я продвигался вперед с предельной осторожностью, и довольно скоро резкий поворот вывел меня к отверстию, выходившему в большое, ярко освещенное помещение.

Поскольку тоннель шел вверх под небольшим уклоном, этот зал, видимо, находился либо на первом этаже дворца, либо в подвале.

На противоположной стене висело множество странных инструментов и устройств, а в центре комнаты стоял длинный стол, за которым беседовали двое мужчин.

Тот, что сидел ко мне лицом, был желтокожим – маленьким, сморщенным стариком с большими выпуклыми глазами.

Его чернокожего собеседника я узнал бы и со спины. Это мог быть только Турид, поскольку по эту сторону ледяного барьера просто не было других перворожденных.

Вскоре я подполз достаточно близко, чтобы отчетливо слышать их голоса. Турид говорил:

– Солан, тут нет никакого риска, а награда будет солидной. Ты и сам понимаешь, при твоей ненависти к Саленсусу Оллу ничто не доставит тебе такого удовольствия, как расстройство его самых лелеемых планов. А джеддаку больше всего на свете хочется жениться на прекрасной принцессе Гелиума, но я тоже ее желаю и с твоей помощью могу принцессу завоевать. Тебе только и нужно, что ненадолго выйти из этой комнаты, когда я подам знак. Остальное я сделаю сам, а затем исчезну, ну а ты сможешь вернуть большой выключатель на место, и все будет по-прежнему. Мне необходим всего час, чтобы оказаться на безопасном расстоянии от той дьявольской силы, которой ты управляешь в этом

тайном зале под дворцом твоего хозяина. Ну, видишь, задание совсем нетрудное!

С этими словами черный датор встал со своего места, пересек комнату и положил ладонь на большой отполированный рычаг, что торчал из стены.

– Нет! Нет! – закричал маленький старик, спрыгивая со стула и спеша к Туриду. – Не этот! Не этот! Этот управляет солнечными накопителями, и, если ты опустишь его слишком низко, вся Кадабра сгорит от жары раньше, чем я успею вернуть все на место! Отойди! Отойди! Ты же ничего не знаешь о тех великих силах, которыми играешь! Вот тот рычаг, который тебе нужен. Запомни как следует символ, вот, смотри: белый знак на черной рукоятке!

Турид подошел и внимательно рассмотрел выключатель.

– Ах, магнит! – сказал он. – Я запомню.

Старик смотрел на него в явном сомнении. На неприятном лице Солана отражались страх и жадность.

– Удвой награду, – сказал он наконец. – И даже этого будет слишком мало. Я ведь рискую жизнью, даже просто впустив тебя сюда, в запретную часть станции. Если Саленсус Олл узнает об этом, он тут же бросит меня аптам!

– Он не посмеет, и тебе это отлично известно, Солан, – возразил чернокожий. – Ты обладаешь слишком большой властью над жизнью и смертью народа Кадабры, так что Саленсус Олл не рискнет даже угрожать тебе. Прежде чем его приспешники протянут к тебе руки, ты можешь изменить положение рычага, насчет которого меня предостерегал, и просто смахнуть с лица Барсума весь город.

– А заодно и самого себя, – содрогнувшись, сказал Солан.

– Но если тебе все равно суждено будет умереть, ты наверняка проявишь решительность.

– Да, – пробормотал Солан. – Я частенько и сам об этом думаю. Ну, перворожденный, стоит ли твоя красная принцесса той цены, которую я прошу за свою услугу, или ты сбежишь без нее и завтра вечером она очутится в объятиях Саленсуса Олла?

– Бери свои деньги, желтенький, – выругавшись, буркнул Турид, – половину сейчас, а остальное после выполнения договора.

С этими словами датор бросил на стол туго набитый кошель.

Солан открыл его и дрожащими пальцами пересчитал монеты. Его жутковатые выпуклые глаза горели алчностью, а дурно подстриженные борода и усы дергались от движений рта и подбородка. Было совершенно очевидно, что Турид безошибочно угадал главную слабость старика... даже дрожь крючковатых пальцев говорила о его безграничной жадности.

Убедившись, что сумма правильная, Солан снова собрал монеты в кошель и встал.

– А теперь скажи, – спросил он, – уверен ли ты в том, что знаешь дорогу к своей цели? Ты должен двигаться очень быстро, чтобы добраться до пещеры, а оттуда – за пределы действия Великой Силы, на это у тебя всего лишь час, потому что на большее я не осмелюсь.

– Давай я снова все повторю, – предложил Турид, – и ты проверишь правильность.

– Начинай, – ответил Солан.

– Через вон ту дверь, – заговорил Турид, показывая в дальний конец помещения, – я выхожу в коридор, миную три поперечных прохода справа от меня, потом поворачиваю в четвертый справа, дохожу до места, где соединяются три коридора; там я снова поворачиваю направо, держась поближе к левой стене, чтобы не провалиться в яму. В тупике будет винтовая лестница, и по ней я пойду вниз, а не вверх; далее мне нужно пройти по коридору, который там всего один. Так?

– Именно так, датор, – согласился Солан. – А теперь уходи. Ты и без того слишком долго испытывал судьбу, находясь в столь запретном месте.

– Сегодня ночью или завтра утром можешь ожидать сигнала, – сказал Турид, вставая.

– Ночью или утром, – повторил Солан, провожая гостя, а когда дверь за ним закрылась, старик все еще что-то бормотал, возвращаясь к столу.

Там он снова сунул руку в кошель, перебирая пальцами груды сверкающих монет, потом он высыпал их на стол и стал строить из них маленькие башенки; он считал, пересчитывал и наслаждался своим богатством, непрерывно бурча что-то себе под нос.

Наконец его пальцы устали играть; глаза старика расширились еще сильнее, и он уставился на дверь, через которую вышел Турид. Голос Солана повысился и быстро перешел в безобразный рык.

Потом старик встал из-за стола и потряс кулаком, обращаясь к закрытой двери. Он уже говорил во весь голос, я отчетливо его слышал.

– Дурак! Ты думаешь, что ради твоего счастья Солан отдаст свою жизнь? Если ты сбежишь, Саленсусу Оллу нетрудно будет догадаться, с чьей помощью ты добился успеха. И за мной тут же придут. И что ты мне предложил сделать? Превратить в пепел и город, и самого себя? Нет, дурачина, есть способ и получше... получше для Солана, он ведь может и денежки сохранить, и Саленсусу Оллу отомстить! – Старик мерзко захихикал. – Несчастный глупец! Ты можешь повернуть большой рычаг, который даст тебе свободу в воздухе Окара, и потом, обретя эту бесполезную свободу, помчаться со своей красной принцессой навстречу воле... или смерти. Когда ты уйдешь отсюда и

отправишься в полет, что может помешать Солану вернуть рычаг на то место, где он был до того, как твоя подлая рука его коснулась? Ничто! А потом северная стража найдет тебя и твою женщину, и Саленсусу Оллу, который увидит ваши мертвые тела, даже в голову не придет, что Солан причастен ко всему этому.

Голос старика снова упал, он что-то бормотал и бурчал, но я уже услышал достаточно для того, чтобы догадаться об остальном, и поблагодарил милостивое Провидение за то, что оно в нужное время привело меня в нужное место.

Но как мне миновать теперь этого старика? Шнур, почти невидимый на полу, тянулся прямым через это помещение к двери в дальнем его конце!

Другой дороги я, само собой, не знал, да и не собирался игнорировать указание «следовать за веревкой». Я должен был пересечь эту комнату, но как это сделать и остаться незамеченным, представляло трудную загадку.

Конечно, я мог бы просто прыгнуть на него и голыми руками заставить его умолкнуть навсегда, но я услышал достаточно для того, чтобы понимать: если старик останется в живых, новое знание может сослужить мне службу в будущем, а если я его убью и кто-то другой займет его место, Турид не сможет увести Дею Торис от Саленсуса Олла, как он явно намеревался сделать.

Пока я прятался в темноте тоннеля, ища разумный выход из положения и наблюдая за каждым движением старика, тот взял кошель с деньгами и пошел в угол комнаты, где, опустившись на колени, стал копаться в одной из стенных панелей.

Я сразу же догадался, что там у него тайник, где он хранит свои богатства. Солан стоял спиной ко мне, я же на цыпочках спрыгнул в комнату и с предельной осторожностью направился к противоположной стене, к двери. Старик в любой момент мог обернуться. Мне пришлось сделать едва ли тридцать шагов, но должен признать, что мое воображение рисовало стену в нескольких милях от меня. Наконец я до нее добрался, не сводя глаз с затылка старого скряги.

Он не поворачивался, и вот уже мои пальцы коснулись кнопки, открывавшей дверь, а когда я вышел и аккуратно закрывал дверь за собой, Солан повернул голову, но в другую сторону.

Я задержался на мгновение, прижался ухом к дверному полотну, выясняя, не заподозрил ли что-нибудь старик, но внутри было тихо, и я поспешил по очередному коридору, следуя за шнуром, который подбирал и сворачивал кольцом по мере продвижения вперед.

Но немного погодя шнур оборвался, и именно в этом месте расходились в стороны пять коридоров. Что мне было делать? Куда

повернуть? Я растерялся.

Внимательный осмотр конца шнура показал, что его обрезали каким-то острым инструментом. Поскольку меня предостерегали об опасности, лежавшей за *узлами*, я сделал вывод, что шнур был перерезан уже после того, как мой друг проложил его как мою путеводную нить, ведь я миновал только один узел, а их явно должно быть два или больше.

Я оказался в весьма затруднительном положении, не зная, куда повернуть и какая опасность поджидает меня впереди, но мне ничего не оставалось, как пойти вперед по одному из коридоров, поскольку я ничего не выигрывал, оставаясь на месте.

В общем, я выбрал центральный проход и направился в его темную глубину с молитвой на устах.

Коридор довольно круто поднимался вверх, и вскоре я уперся в тяжелую дверь.

За ней ничего не было слышно, и я, со своей обычной дерзостью, толкнул ее и вошел в комнату, полную желтых воинов.

Первый заметивший меня широко раскрыл глаза от изумления, а я в тот же самый момент ощутил покалывание в пальце, говорившее о близости друга с кольцом.

Остальные тоже увидели меня, и всем сразу захотелось схватить беглеца, потому что дворцовым стражникам было хорошо знакомо мое лицо.

Однако первым рядом со мной оказался обладатель такого же странного кольца, как мое, и он быстро прошептал: «Сдайся мне!» – а потом громко крикнул: «Ты мой пленник, белый человек!»

И сделал вид, что угрожает мне двумя мечами.

И вот Джон Картер, принц Гелиума, покорно сдался одному-единственному противнику. Остальные сгрудились вокруг нас, задавая множество вопросов, но я не желал отвечать, и наконец тот, кто меня «захватил», заявил, что отведет меня обратно в тюрьму.

Какой-то офицер приказал нескольким стражам присоединиться к нему, и скоро мы уже шли обратно той же дорогой, по которой я сюда добрался. Мой друг шагал очень близко ко мне и засыпал меня глупыми вопросами о моей родной стране, пока его приятели не перестали обращать внимание на его болтовню.

А он постепенно все понижал и понижал голос, так что вскоре смог тихо говорить со мной, не привлекая к себе внимания. Это был умный ход, и он показывал, что Талу не ошибся, выбрав такого человека для опасного задания.

Окончательно убедившись в том, что никто из стражей его не слушает, он спросил, почему я не пошел по веревке. Я объяснил, что

кто-то обрезал ее у разветвления пяти коридоров. Мой друг решил, что шнур, должно быть, просто кому-то понадобился, поскольку «глупые кадабранцы вряд ли догадались бы, для чего он там лежит».

Прежде чем мы дошли до места стыковки пяти коридоров, марентинец умудрился вместе со мной переместиться в самый хвост процессии, а когда показалась развилка, он прошептал:

– Беги в первый коридор справа. Он ведет к сторожевой башне на южной стене. Я направляю погоню в соседний проход.

С этими словами он сильно толкнул меня в темноту коридора, а сам закричал как бы от боли и рухнул на пол, словно я основательно ему двинул.

Громкие крики стражей отдавались эхом, но быстро затихли, потому что шпион Талу отправил их по ложному пути в погоне невесты за чем.

Я мчался со всех ног ради спасения собственной жизни по проходам под дворцом Саленсуса Олла и, наверное, представлял собой то еще зрелище, если бы кто-то мог меня видеть: несмотря на смертельную угрозу, я широко улыбался при мысли об изобретательности безымянного героя из Марентины, которому теперь я был обязан всем.

Он напомнил мне друзей из моего любимого Гелиума, и, когда я встречал кого-то похожего на них – не важно, какого цвета была у него кожа, – мое сердце устремлялось к такому человеку. Как же иначе, ведь мой новый друг рискнул своей жизнью ради меня просто потому, что я, как и он сам, носил на пальце подаренное принцем кольцо.

Коридор, по которому я бежал, долго шел по прямой и завершался у начала винтовой лестницы, по ней я взлетел в круглую комнату на первом этаже башни.

Здесь около десятка краснокожих рабов занимались тем, что ремонтировали и полировали оружие. Вдоль стен выстроились оружейные стойки с сотнями прямых и крючковатых мечей, копий и кинжалов. Это явно была оружейная комната. Работающих охраняли всего три стража.

Одним взглядом я охватил всю картину. Как много здесь оружия! И сколько крепких красных воинов, способных держать его в руках!

И еще здесь был Джон Картер, принц Гелиума, которому как раз требовались и оружие, и солдаты!

Когда я вошел в оружейную, и стражи, и рабы уставились на меня.

Рядом с входом находилась стойка с прямыми мечами, и, когда мои пальцы сомкнулись на рукоятке одного из них, мой взгляд упал на двух пленников, работавших бок о бок.

Один из стражей шагнул ко мне.

– Ты кто такой? – резко спросил он. – Что тебе нужно?

– Я пришел за Тардосом Морсом, джеддаком Гелиума, и его сыном

Морсом Каяком, – воскликнул я, показывая на двух краснокожих пленников, которые тут же вскочили на ноги, явно меня узнав. – Встаньте, краснокожие! Прежде чем мы умрем, давайте оставим о себе память во дворце тирана Окара, и пусть войдет в анналы Кадабры весть о чести и славе Гелиума!

Я уже видел, что все эти пленники – воины с кораблей Тардоса Морса.

Тут ближайший страж бросился на меня, и началась схватка, но едва были нанесены первые удары, как я, к своему ужасу, заметил, что краснокожие рабы прикованы к полу.

XIII

Выключатель магнита

Стражи ничуть не тревожились насчет заключенных. Те не могли передвинуться дальше чем на два фута от огромных колец, к которым были прикованы цепями, хотя каждый из них тут же схватил первое попавшееся под руку оружие и вступил бы в схватку, если бы смог.

Желтые стражи сосредоточились на мне, но очень быстро обнаружили, что даже троим непросто одолеть Джона Картера. Ох, если бы в тот день у меня в руке был мой собственный длинный меч! Но пришлось удовлетвориться незнакомым оружием желтокожих.

В первые секунды боя я уворачивался от лезвий с крюками, но через минуту-другую добрался до обычного меча, выхватив его со стойки у стены, и тогда уже, используя его для того, чтобы отбивать крюки противников, почувствовал себя вооруженным не хуже них.

Все трое бросались на меня одновременно, и, если бы не счастливое стечение обстоятельств, я мог бы найти здесь свой конец. Когда они втроем прижали меня к стене, первый ринулся на меня с крюком, но я сделал шаг в сторону и вскинул руку, острие скользнуло мимо меня и воткнулось в стойку с копьями, где и застряло.

Прежде чем желтый воин успел осознать свой промах, я пронзил его насквозь, а потом, используя тактику, сотни раз спасавшую меня в затруднительные моменты, атаковал двоих оставшихся, вынуждая их отступать под градом моих ударов и выпадов.

Наконец один из них принялся звать на помощь, но было уже слишком поздно.

Они оказались полностью в моей власти, я теснил обоих назад, пока не загнал туда, куда хотел, — в пределы досягаемости мечей рабов, прикованных к полу. В следующее мгновение оба стража лежали бездыханными. Но крики о помощи были услышаны, уже раздавались ответные голоса и топот множества ног, звон оружия, приказы офицеров.

— Дверь! Скорее, Джон Картер, запри дверь! — крикнул Тардос Морс.

Сквозь распахнутую дверь я уже видел стражу, бежавшую по двору внизу под башней.

Им нужно было не больше десяти секунд, чтобы подняться в оружейную. Я одним прыжком очутился у входа. И захлопнул дверь с громким стуком.

— Засов! — предупредил Тардос Морс.

Я попытался сдвинуть огромный засов, но он сопротивлялся моим усилиям.

— Приподними его немного, чтобы высвободить защелку! — крикнул кто-то из краснокожих.

Я уже слышал, как желтые воины топали по лестнице. Я приподнял засов и поставил его на место в тот момент, когда первый из стражей всем телом ударился о полотно двери с другой стороны.

Запор выдержал... и я успел это сделать, но все случилось за долю секунды.

После этого я повернулся к пленникам. Сначала я подошел к Тардосу Морсу и спросил, где найти ключи, чтобы освободить всех от оков.

— Они у старшего офицера стражи, — ответил джеддак Гелиума, — а он там, снаружи. Что-то надо придумать.

Но большинство заключенных уже принялись рубить кандалы с помощью подручных средств. Желтые воины колотили в дверь копьями и топорами.

Я обратил внимание на цепи, что удерживали Тардоса Морса. Я снова и снова ударял по ним острым лезвием, и на дверь удары снаружи падали непрерывно, и все быстрее и быстрее.

Наконец одно из звеньев поддалось моим усилиям, и через мгновение Тардос Морс был свободен, хотя несколько дюймов цепи и продолжали висеть на его лодыжке.

Щепки разбитой двери, полетевшие в комнату, означали, что враги готовы прорваться к нам.

Могучее деревянное полотно дрожало и сгибалось под атакой разъяренных желтокожих.

Из-за грохота снаружи и стука металла внутри шум в оружейной стоял просто оглушительный. Тардос Морс, едва освободившись сам, сразу бросился помогать другим пленникам, а я старался вызволить из оков Морса Каяка.

Мы должны были действовать быстро и разрубить все кандалы до того, как дверь рухнет. Крупные щепки разбитой древесины падали на пол, но вот уже Морс Каяк прыгнул к образовавшейся в двери дыре, чтобы защищать вход, пока мы не освободим всех.

Схватив одно из копий, он устроил настоящий хаос в первых рядах окарианских стражей, а мы тем временем сражались с бесчувственным металлом, вставшим между нашими друзьями и свободой.

Наконец почти все пленники были освобождены, а потом дверь рухнула под мощным напором, поскольку стража притащила самодельный таран, – и желтая орда накатилась на нас.

– На верхний этаж! – крикнул красный воин, все еще остававшийся прикованным к полу. – Наверх! Там вы сможете защищать эту башню даже против всей Кадабры! Не медлите из-за меня, я не мог бы желать лучшей смерти, чем смерть ради Тардоса Морса и принца Гелиума!

Но я не собирался терять ни единого бойца, а уж тем более не хотел бросать такого героя с львиным сердцем.

– Рубите его цепь! – крикнул я двоим краснокожим. – А остальные пока удержат врагов!

Нас теперь было десять воинов, готовых сражаться с окарианцами, и могу ручаться, что эта древняя сторожевая башня никогда не видела более жаркой и яростной схватки, чем случилась в тот день в ее мрачных стенах.

Первая волна желтых стражей отступила под ударами десятка ветеранов Гелиума. Десяток трупов загородил дверь, но через этот жуткий барьер бросились еще два десятка солдат с хриплыми воинственными криками.

Мы столкнулись прямо над кровавой горой, действуя кинжалами там, где было не размахнуться мечом, рубя, если была возможность; и одновременно с дикими воплями желтых воинов зазвучали прекрасные слова: «За Гелиум! За Гелиум!» Этот клич многие века зажигал сердца храбрейших из храбрых, вдохновляя их на дела, достойные великих героев Гелиума, и эти подвиги становились известными во всем мире.

Наконец оковы упали с последнего из красных пленников, и теперь уже тринадцать мечей встретили новую атаку солдат Саленсуса Олла. Кое-кто из нас уже получил несколько ран, однако ни один не погиб.

Изнутри мы видели уже сотни желтых воинов, заполнивших двор перед башней, а в коридоре, по которому я пришел в оружейную,

слышались звон металла и громкие голоса.

Вот-вот нас должны были атаковать уже с двух сторон, и при всей нашей силе мы не могли надеяться выстоять против превосходящих сил противника, ведь нам пришлось бы разделиться, а нас было слишком мало.

– Наверх! – закричал Тардос Морс, и мы начали отступать к пандусу, что вел на верхний этаж.

При отходе наш небольшой отряд выдержал бешеный натиск ворвавшихся в оружейную желтых солдат. И тут мы потеряли первого бойца, благородного воина, но наконец все очутились на пандусе, кроме меня, а я продолжал прикрывать отступление.

Перед узким входом на винтовую лестницу враги могли атаковать меня лишь по одному, так что мне не составляло труда отбиваться, пока мои соратники поднимались наверх. А потом и сам я начал медленно догонять их, шагая со ступени на ступень спиной вперед.

Всю долгую дорогу к вершине башни стражи наседали на меня. Когда один падал от удара моего меча, другой тут же перепрыгивал через тело и занимал его место; и таким образом, оставляя на лестнице по вражескому трупу через каждые несколько футов, я в конце концов добрался до просторного помещения со стеклянными стенами наверху сторожевой башни Кадабры.

Здесь мои товарищи были готовы принять бой вместо меня, и я ради передышки отступил в сторону, давая им возможность громить врага.

С высоты этой башни все было видно на многие мили вокруг. На юг до самого края ледяного барьера протянулась суровая замерзшая пустыня. На востоке и западе, а также вдали на севере раскинулись другие города Окара, а прямо передо мной, сразу за стенами Кадабры, высился мрачный сторожевой столб магнита.

Потом я посмотрел вниз, на улицы города, где началась настоящая суматоха, и увидел за стеной вооруженные отряды, направлявшиеся к ближайшим воротам и вливавшиеся в них.

Я прижался к стеклянной стене наблюдательного пункта, не веря своим глазам. Но наконец я просто не мог более сомневаться и, издав радостное восклицание, весьма странно прозвучавшее среди проклятий и стонов сражавшихся у входа в зал, окликнул Тардоса Морса.

Когда он подошел ко мне, я показал вниз, на улицы Кадабры и на воинов по другую сторону стены: над ними в арктическом ледяном воздухе развевались флаги и знамена Гелиума.

Скоро уже все бывшие пленники на вершине башни увидели вдохновляющую картину, и вокруг раздались такие благодарственные крики, каких, конечно же, никогда не слышала эта древняя груда камней.

Но мы продолжали драться. Да, наши войска подходили к Кадабре, однако город не собирался сдаваться, и до захвата дворца было еще далеко. Мы по очереди защищали узкий вход наверх, а остальные в это время наслаждались видом наших доблестных соотечественников, сражавшихся далеко внизу. И вот они уже добрались до дворцовых ворот! Гигантские тараны ударили по мощным укреплениям. Со стен на воинов Гелиума обрушился град копий.

А потом из соседних улиц выплеснулись массы желтых воинов и смяли голову красного отряда, и солдаты Гелиума падали под напором врагов, продолжая биться до последнего мига.

Дворцовые ворота вдруг распахнулись, из них вышли отряды личной стражи джеддака, цвет окарианской армии, намеревавшийся окончательно разбить ослабленных нападавших. И действительно могло показаться, что поражение неизбежно, но тут я увидел некую фигуру на огромном фоате – не на маленьком скакуне краснокожих, а на его гигантском сородиче со дна мертвых морей. Этот воин пробивался вперед, а за ним уже без всякого порядка неслись солдаты Гелиума. Когда предводитель вскинул голову, чтобы крикнуть что-то желтокожим на дворцовой стене, я разглядел его лицо, и мое сердце переполнилось гордостью и счастьем, потому что это был мой сын Карторис, принц Гелиума.

Рядом с ним бешено дрался громадный марсианский калот, боевой пес, и мне не нужно было его рассматривать, чтобы понять – это Вула, мой преданный Вула, который отлично выполнил свою задачу и вовремя привел нам на помощь огромные войска.

Вовремя ли?

Никто не знал, успеют ли они нас спасти, но отомстить за нас им было по силам. Какое прекрасное возмездие! Ведь они могли разбить непобедимую армию ненавистного Окара! Я вздохнул при мысли о том, что могу и не дожить до того момента, когда это свершится.

И снова я повернулся к

стеклянной перегородке. Красные воины еще не одолели наружную дворцовую стену, но они с успехом сражались с элитными войсками Окара – и отважно завоевывали дюйм за дюймом, продвигаясь вперед.

Потом мое внимание привлекло нечто новое за городской стеной – крупный кавалерийский корпус. Высокорослые всадники возвышались над краснокожими верховыми. Это были союзники Гелиума – дикие зеленые орды со дна мертвых морей, с далекого юга.

В мрачном и пугающем молчании они неслись к воротам, и мягкие лапы их страшных скакунов не издавали ни звука. Они ворвались в обреченный город и рассыпались по широкой площади перед дворцом джеджака джеджаков. Впереди я увидел могучую фигуру их вождя – Тарса Таркаса из Тарка.

Да, мое желание исполнилось, потому что мне снова довелось встретить моего старого друга на поле битвы, и, хотя я не стоял плечом к плечу с ним, нас объединяла одна цель – победа над общим врагом, с которым я боролся здесь, в высокой башне Окара.

А осаждавшие нас противники явно не собирались ослаблять напор, потому что с их стороны подходили и подходили новые силы, хотя вход в зал на вершине башни то и дело полностью закрывали тела убитых. Временами окарианцам приходилось останавливать атаку, чтобы убрать трупы, но потом новые солдаты рвались вперед, чтобы испить чашу смерти.

Как раз настала моя очередь встать на защиту нашего убежища, когда Морс Каяк, наблюдавший за битвой на улице, вдруг громко и взволнованно вскрикнул. В его тоне звучало явное опасение, так что я тут же уступил свое место другим и бросился к нему; когда я подбежал, он показывал куда-то далеко, через ледяные поля, в сторону южного горизонта.

– Увы! – воскликнул он. – Мне придется увидеть жестокую гибель этих несчастных, не имея возможности их предостеречь! Но что тут поделаешь?

Я посмотрел туда, куда он показывал, и сразу понял причину его волнения. Могучий воздушный флот величественно плыл к Кадабре со стороны ледяного барьера. И скорость кораблей все увеличивалась.

– Тот мрачный столб, который здесь называют Стражем Севера, тянет их к себе, – печально произнес Морс Каяк. – Точно так же он погубил корабли Тардоса Морса; видишь, вон там они лежат, разбитые и побежденные, – жуткие и скорбные свидетели огромной разрушительной силы магнита, которой нельзя противиться.

Да, я это видел, но недавно мне показали и еще кое-что, о чем и не подозревал Морс Каяк. Перед моим мысленным взором встала тайная комната в подвале, зал, на стенах которого висели странные

инструменты и приспособления.

Центр того подземного зала занимал длинный стол, за ним сидел маленький старик с выпученными глазами, считающий деньги, но отчетливее всего я увидел ряд огромных выключателей с маленькими магнитами, встроенными в их черные рукоятки.

Потом я глянул на приближавшийся флот. Через пять минут эта армада рассыплется в никчемные обломки, и они упадут к подножию столба за городской стеной, а желтые орды вырвутся из других ворот, чтобы уничтожить или захватить в плен немногих выживших, запутавшихся в порванных снастях. Я содрогнулся при этой мысли, уж слишком живо мне представилась страшная картина.

Я всегда умел быстро принимать решения и моментально начинал действовать. Причина и следствие были фактически одновременными. Мой ум миновал скучную стадию рассуждений, должно быть, все происходило на подсознательном уровне. Психологи мне объясняли, что, поскольку подсознание не способно строить логические схемы, мне не следовало бы ему подчиняться, но я ведь частенько преуспевал там, где здравомыслящий человек стоял бы столбом, перебирая и сравнивая варианты.

А уж в этот момент скорость играла важнейшую роль при выполнении задуманного.

Покрепче сжав рукоять меча, я крикнул красным воинам у входа, чтобы они отступили в сторону.

– Дорогу принцу Гелиума! – рявкнул я.

И прежде чем ошеломленные желтокожие успели осознать свое фатальное невезение, я ринулся на них как бешеный бык, снося головы направо и налево.

– Дорогу принцу Гелиума! – кричал я, прорубая себе дорогу сквозь толпу одуревших стражей Саленсуса Олла.

Я мчался вниз по винтовой лестнице, а желтым воинам, наверное, показалось, что на них наступает целая армия, и те, что находились ниже, просто развернулись и кинулись прочь.

Оружейная на первом этаже была пуста, когда я туда ворвался, окарианцы все до единого удрали во двор, так что никто не увидел, как я побежал вниз, в подвальный коридор.

И там я со всей возможной для моих ног скоростью понесся к тому месту, где сходились пять коридоров, а оттуда – к залу старого скряги.

Не трудясь соблюдать формальности, я без стука вломился в дверь. Старик сидел за столом; при виде меня он вскочил и выхватил меч.

Мельком глянув в его сторону, я прыгнул к большому выключателю, но старый черт неожиданно опередил меня.

Как ему это удалось, неизвестно. Я недоумевал: уроженец Марса мог

соревноваться в скорости со мной, чьи земные мышцы отличались такой большой силой?

Но он бросился на меня, словно тигр, и я сразу понял, почему именно Солана избрали для этой важной работы.

Ни разу за всю свою жизнь я не встречал столь великолепного владения мечом и такого сверхъестественного проворства. Старик одновременно оказывался сразу в сорока местах, и прежде, чем я успевал осознать опасность, он уже кидался на меня с ловкостью обезьяны, причем обезьяны смертельно опасной.

Даже странно, как могут непредвиденные обстоятельства пробуждать столь же неожиданные способности.

В тот день в подземном зале под дворцом Саленсуса Олла я узнал, что такое настоящее искусство меча и каких высот в этом я мог бы достигнуть, если бы тренировался с таким чародеем, как Солан.

Поначалу он брал надо мной верх, но вскоре скрытые возможности, которые, судя по всему, дремали во мне всю жизнь, пробудились, и я начал сражаться так, как и вообразить бы никто не мог.

Вся эта царственная дуэль происходила в темном подвале без единого зрителя, и никто не мог нас увидеть, что позже мне стало казаться подлинной мировой трагедией – во всяком случае, с точки зрения барсумианина, поскольку на Марсе кровавые схватки любого масштаба ценились превыше всего.

Я бился за то, чтобы добраться до выключателя, а Солан – за то, чтобы этого не допустить; и хотя мы находились в каких-то трех футах от рычага, я не мог и на дюйм приблизиться к нему, потому что Солан поначалу уверенно теснил меня назад.

Я знал, что если не смогу вовремя сбросить рычаг, то приближавшийся к городу флот погибнет, а времени оставалось совсем немного, и потому я попробовал применить старую тактику броска, но с таким же успехом можно было бросаться на кирпичную стену, потому что Солан уверенно держал оборону.

Вообще-то, я уже был готов упасть грудью на острие меча противника, лишь бы дотянуться до рычага. Думаю, сознание собственной правоты делает человека, вступившего в поединок, уверенным – в отличие от того, кто сражается отнюдь не с благородными намерениями.

И когда я в следующий раз атаковал Солана сбоку, ему пришлось повернуться, чтобы отразить удар, и мы теперь дрались совсем рядом с желанной целью – большим выключателем, который маячил справа на расстоянии вытянутой руки.

Конечно, открыть хотя бы ненадолго грудь означало верную гибель, но я не видел другого пути и другого шанса, ведь лишь так я мог спасти

приближавшиеся корабли. И потому под угрозой стремительного удара я протянул руку и схватился за рычаг, дернув его вниз.

Солан был настолько изумлен и испуган, что забыл сделать решающий выпад; вместо этого он бросился к выключателю с громким криком... с криком, который стал для него последним: прежде чем рука старого скряги коснулась черной рукоятки, мой меч пронзил его сердце.

XIV

В пылу битвы

Последний крик Солана слышали, и через мгновение дюжина стражей ворвалась в подземный зал, но уже после того, как я согнул и отломил от основания огромный рычаг. Теперь его нельзя было вернуть на прежнее место, чтобы запустить заново мощный магнит.

Внезапное появление солдат охраны вынудило меня искать убежища в первом попавшемся коридоре, и, к моему разочарованию, я впопыхах промахнулся: этот проход оказался незнакомым.

Видимо, стражи либо слышали, либо угадали, куда я бросился, и потому очень скоро за спиной раздался шум погони. Я совсем не хотел задерживаться и сражаться с этими людьми, ведь бои шли по всей Кадабре, и куда более значимые для меня, чем какая-то бессмысленная драка под дворцом.

Но эти парни догоняли меня, а я совсем не знал дороги и скоро понял, что они вот-вот нападут, если мне не удастся спрятаться. Когда они проскочат мимо, я вернусь обратно к башне или же сумею выбраться на улицы города.

Коридор сначала шел вверх, а теперь стал прямым и ярко освещенным на всем протяжении. Я знал, когда мои преследователи минуют подъем, они сразу меня заметят, потому что ускользнуть от них было просто некуда.

Но вскоре я увидел несколько дверей по обе стороны прохода и, поскольку все они выглядели абсолютно одинаковыми, ткнулся в первую из них. За ней оказалась небольшая, роскошно обставленная комната, явно прихожая какого-то кабинета или дворцовой гостиной.

В дальнем конце находился занавешенный дверной проем, и оттуда доносился гул голосов. Я кинулся туда и, раздвинув занавеси, заглянул в смежный зал.

Моим глазам предстало пышное собрание. Около пятидесяти великолепно одетых придворных стояли перед троном, на котором сидел сам Саленсус Олл. Джеддак джеддаков обращался к подданным.

— Близится назначенный час, — говорил он в тот момент, когда я ступил за порог прихожей. — И хотя враги Окара ворвались в ворота столицы, ничто не может противостоять воле Саленсуса Олла. Великая

церемония должна быть совершена, и лишь пятьдесят избранных по обычаю станут свидетелями моего брака с новой королевой Окара. Через минуту все завершится, и мы сможем вернуться к битве, а та, что сейчас зовется принцессой Гелиума, полюбуется из королевской башни, как будут разбиты ее бывшие соотечественники, и убедится в величии своего супруга.

И, повернувшись к одному из придворных, правитель что-то негромко приказал.

Тот, к кому он обратился, поспешил к маленькой двери в другом конце зала, распахнул ее во всю ширь и воскликнул:

– Дорогу Дее Торис, будущей королеве Окара!

В тот же самый момент появились два стража, тащившие сопротивлявшуюся невесту к алтарю. Руки принцессы были по-прежнему скованы у нее за спиной, видимо, для того, чтобы предотвратить самоубийство.

Ее растрепанные волосы и бурно вздымающаяся грудь говорили о том, что даже в кандалах она отчаянно боролась, не желая сдаваться.

Увидев ее, Саленсус Олл встал и обнажил меч, а клинки придворных взлетели в воздух, образовав арку, под которой прекрасную пленницу и поволокли навстречу горестной судьбе. Это вызвало на моих губах мрачную усмешку, я подумал, что придется пробудить джедака от грез самым бесцеремонным образом, и мои пальцы сжались на рукояти окровавленного меча.

Наблюдая за медленно двигавшейся к трону процессией, которая состояла из горстки жрецов, тащившихся за Деей Торис и двумя стражами, я заметил нечто необычное. Занавеси, что скрывали стену за тронным возвышением, на котором стоял ожидавший свою невесту Саленсус Олл, колыхнулись, и за ними мелькнуло черное лицо.

Но стражи уже подталкивали принцессу Гелиума к ступеням сбоку от возвышения, и я забыл обо всем на свете. Жрец открыл какую-то книгу и, подняв ладонь, начал мелодично начитывать текст некоего ритуала. Саленсус Олл протянул руку к своей невесте.

Я собирался подождать, пока обстоятельства не дадут мне какой-либо

разумной надежды на успех. В конце концов церемония не имела бы законной силы, поскольку я был жив. Меня больше всего заботило то, как мне спасти Дею Торис, – я хотел вызволить ее из дворца Саленсуса Олла, если то было возможно; однако случилось бы это до или после заключения фальшивого брака, особого значения не имело.

Но когда я увидел, как подлая рука Саленсуса Олла протянулась к моей возлюбленной принцессе, я уже не мог сдерживаться, и прежде, чем придворные Окара поняли, что должно произойти, я прыгнул прямо сквозь их неплотный ряд и очутился на возвышении рядом с Деей Торис и джеддаком.

Я ударил мечом плашмя по его грязной руке и, обхватив Дею Торис за талию, толкнул назад и загородил собой; теперь мы стояли спиной к драпировкам и лицом к северному тирану и толпе его придворных.

Джеддак джеддаков был человеком огромным – впрочем, я назвал бы его громадной грубой тварью, – он буквально нависал надо мной, и его черные усы и бакенбарды встопорщились от ярости; мне нетрудно было вообразить, как трепетали перед ним менее закаленные воины.

Зарывав, он бросился на меня с обнаженным мечом, но хорошим он был бойцом или нет, я так и не узнал. Когда за моей спиной очутилась Дея Торис, из обычного человека я превратился в сверхгероя, и никто не мог мне противостоять.

С коротким криком «За принцессу Гелиума!» я вонзил лезвие прямо в гнилое сердце подлого правителя Окара, и на глазах ошеломленных придворных Саленсус Олл, искривив рот в страшной гримасе смерти, покатился со ступеней возвышения, на котором стоял его брачный трон.

На миг в свадебном зале воцарилась мертвая тишина. А потом полсотни вельмож ринулись на меня. Бились мы яростно, однако преимущество было на моей стороне, потому что я стоял на высоком месте и сражался за самую прекрасную женщину в мире, за свою великую любовь и за мать моего сына.

А позади меня серебристый голос запел боевой гимн Гелиума, тот, который пели краснокожие женщины, когда их мужчины шли побеждать.

Одного этого было достаточно, чтобы воодушевить меня на победу над любым числом противников, и я совершенно уверен, что, если бы в тот день в свадебном зале дворца в Кадабре было в десять раз больше желтых воинов, ничто не помешало бы мне расправиться с ними.

Разгорелся яростный бой, придворные Саленсуса Олла снова и снова пытались подняться на тронное возвышение, но падали под ударами, а моя рука как будто обрела новое искусство после схватки с коварным Соланом.

Двое из вельмож как раз напали на меня, когда послышался шорох за

спиной, но я не смог обернуться и посмотреть туда, лишь отметил, что боевой гимн больше не звучит. Неужели Дея Торис собиралась встать рядом со мной?

Героическая дочь героического народа! Было бы вполне в ее духе схватить меч и сражаться бок о бок со мной. Хотя женщины Марса не изучали боевые искусства, воинственность всегда жила в них, и во множестве случаев они легко ввязывались в драку.

Но Дея Торис не присоединилась ко мне, и я был этому рад: меня отвлекали бы заботы о том, чтобы до нее не дотянулся кто-нибудь из врагов. Она наверняка это поняла, и я не сомневался в том, что божественная принцесса где-то неподалеку.

Не менее получаса мне пришлось драться с вельможами Окара, пока бóльшая их часть не полегла перед возвышением, на котором я стоял. Остальные с безумным видом выстроились в ряд, чтобы в последний раз кинуться на меня. Однако не успели они сделать и шага, как дверь в дальнем конце зала распахнулась и ворвался гонец. Глаза его вылезали из орбит, словно у сумасшедшего.

— Джеддак джеддаков! — кричал он. — Где джеддак джеддаков? Город пал, в него вломились орды из-за ледяного барьера, а теперь и главные ворота дворца взяты, и дикари с юга проникли в святая святых! Где Саленсус Олл? Только он может оживить боевой дух наших воинов! Только он способен еще спасти Окар! Где Саленсус Олл?

Придворные отступили в стороны от мертвого тела правителя, и один из них показал на усмехающийся труп.

Посланец в ужасе отшатнулся, словно его ударили в лицо.

— Тогда бегите, вельможи! — крикнул он. — Потому что ничто уже вас не спасет! Слышите? Они идут!

И тут мы все услышали низкий рев гневных голосов в коридоре, звяканье металлических украшений и мечей.

Не глядя более на меня, зрителя этого трагического спектакля, придворные развернулись и бросились бежать из зала через другую дверь.

И почти сразу множество желтокожих воинов ворвались в зал с той стороны, откуда прибежал посланец. Вот только двигались они спиной вперед, упорно отбиваясь от горстки красных воинов, напавших на них и медленно теснивших все дальше и дальше.

Через головы противников я, стоя там же, на возвышении, увидел моего старого друга Кантоса Кана. Он возглавлял небольшой отряд, пробивавший себе дорогу в самое сердце дворца Саленсуса Олла.

В ту же минуту я понял, что если нападку на окарианцев сзади, то могу моментально дезорганизовать воинов, и их дальнейшее сопротивление станет просто невозможным; с этой мыслью я прыгнул с возвышения,

бросив через плечо пару слов Дее Торис в объяснение своего поступка, но не обернулся, чтобы посмотреть на нее.

Ведь между нею и врагами находился я, а поскольку Кантос Кан и его воины уже, по сути, захватили зал, ей ничто не могло грозить, даже если бы она оставалась в одиночестве рядом с троном.

Мне хотелось, чтобы люди Гелиума увидели меня и поняли, что с ними их любимая принцесса. Я знал: это вдохновит их на деяния еще более великие, чем те, что они совершали в прошлом, хотя подвиг и так был беспримерным... Они ведь прорвались в неприступную крепость северного тирана!

Когда я спешил, чтобы напасть на желтых с тыла, слева в стене открылась маленькая дверь, и оттуда, к немалому моему удивлению, выглянули Матаи Шанг, Отец фернов, и его дочь Файдор.

Быстрым взглядом они окинули происходящее. На мгновение их глаза, расширившись от ужаса, остановились на мертвом теле Саленсуса Олла, потом на крови, окрасившей пол в алый цвет, на телах придворных, павших у подножия трона, на сражавшихся у противоположной двери воинах... Наконец они увидели меня.

Они не сделали попытки войти в зал, просто осмотрели каждый его угол, и на лице Матаи Шанга мелькнуло выражение злобной ярости, а губы Файдор тронула ледяная коварная усмешка.

И тут же они исчезли, но женщина успела нагло рассмеяться прямо мне в лицо.

Я не понял причин бешенства Матаи Шанга или радости Файдор, но понимал, что ничего хорошего для меня это не предвещает.

Через мгновение я уже напал на желтокожих с тыла, и, когда люди Гелиума увидели меня за спинами своих врагов, под потолок взлетел мощный крик, ненадолго заглушивший даже шум битвы.

– За принца Гелиума! – гремели воины. – За принца Гелиума!

И, как кидается на свою жертву голодный лев, они снова бросились на ослабевших защитников северного города.

Желтокожие, зажатые с двух сторон, сражались с отчаянием, порожденным безнадежностью. Я и сам точно так же дрался бы на их месте, желая прихватить с собой на тот свет как можно больше врагов, прежде чем погибну. Мы вытеснили окарианцев в коридор.

Да, исход блестящей битвы казался очевидным... и тут из коридора за спинами воинов Гелиума к желтокожим подошло подкрепление.

Теперь отряды поменялись ролями, и уже представлялось, что именно солдаты Гелиума обречены на гибель, стиснутые между двумя жерновами. Мы были вынуждены развернуться лицом к новым врагам, к превосходящим силам противника, поскольку из первой группы почти никого не осталось.

Да, мне пришлось попотеть, так попотеть, что я уже стал гадать, смогу ли вообще справиться с северянами. А меня загоняли обратно в зал, и, когда им это удалось, один из желтых закрыл и запер на засов дверь, отрезав меня от людей Кантоса Кана.

Ход был умный – я остался наедине с десятком желтокожих, а моим соратникам в коридоре перекрыли путь к отступлению. И что им делать, окажись перевес на стороне неприятеля?

Но мне приходилось справляться с ситуациями и похуже этой, ну а Кантос Кан выбирался из куда более опасных ловушек. Так что не было смысла впадать в отчаяние, и я сосредоточился на самом насущном.

Но при этом мои мысли непрестанно возвращались к Дее Торис, я с нетерпением ждал окончания боя, когда смогу наконец обнять ее, снова услышать слова любви, которых был лишен так много лет.

Во время жестокой схватки я ни разу не взглянул туда, где за моей спиной, возле трона поверженного правителя, стояла прекрасная принцесса Гелиума. Мне попросту не представилось такой возможности. Я не понимал, почему любимая больше не подбодряет меня звуками военного гимна ее страны, но мне было вполне достаточно сознания того, что я сражаюсь во имя Деи Торис, и это пробуждало во мне все новые и новые силы.

Было бы слишком утомительно и скучно описывать все подробности этих кровавых минут; мы продвигались от двери через весь зал, к подножию трона, и наконец последний из моих противников пал, пронзенный мечом прямо в сердце.

И лишь тогда я с радостным криком повернулся, протягивая руки к моей принцессе, а мои губы уже горели в ожидании вознаграждения, трижды более желанного после кровопролитной битвы, после тяжелого пути, от Южного до Северного полюса, что я преодолел ради Деи Торис.

Но мой голос затих, губы окаменели, руки безжизненно упали вдоль тела, и я, словно смертельно раненный, пошатнулся на ступенях перед троном. Дея Торис исчезла.

XV

Вознаграждение

С трудом осознав, что Деи Торис больше нет в тронном зале, я с запозданием вспомнил темное лицо, мелькнувшее за драпировками позади трона Саленсуса Олла. Это произошло в тот момент, когда я так неожиданно появился на сцене, где разыгрывался весь этот странный спектакль.

Почему вид этого злобного лица не предостерег меня, не заставил быть осторожнее? Почему водоворот бурных событий отвлек меня от

грозившей опасности? Но, увы, сожаления были тщетны, ведь беда уже грянула.

Дея Торис снова очутилась в лапах этого дьявола Турида, черного датора перворожденных. И снова все мои усилия пошли прахом. Мне лишь теперь стали понятны и бешеная ярость, вспыхнувшая на лице Матаи Шанга, и злобная радость на физиономии Файдор.

Они знали или подозревали правду. Святой геккадор священных фернов явился сюда явно для того, чтобы помешать Саленсусу Оллу совершить предательство против высшего жреца, который сам жаждал заполучить Дею Торис. Он наверняка сообразил, что Турид похитил драгоценный приз прямо у него из-под носа.

А Файдор была довольна тем, что я получил сокрушительный удар, к тому же ее так разъедала ревнивая зависть к принцессе Гелиума, что она не могла не радоваться ее похищению.

Первым делом я решил заглянуть за драпировки, ведь именно там прятался Турид. Сорвав ткани с креплений, я увидел скрытую за ними узкую дверь.

Можно было не сомневаться в том, что именно этим путем и сбежал датор, даже если бы на полу коридора не обнаружились рассыпанные мелкие драгоценные украшения.

Подобрав несколько бусин, я заметил на них знак принцессы Гелиума и, прижав их к губам, бешено помчался по извилистому коридору, что полого спускался к нижним галереям дворца.

Очень скоро я добрался до того помещения, где еще недавно властвовал Солан. Его тело лежало на прежнем месте, и вокруг не было никаких признаков того, что кто-то побывал здесь после моего ухода, но я знал: кое-кто сюда все же приходил – Турид, чернокожий датор, вместе с Деей Торис.

Я замер в растерянности, потому что из помещения было несколько выходов. Неизвестно, какой поведет меня в нужную сторону. Я попытался вспомнить все повороты и направления, которые перечислял Турид в разговоре с Соланом, и наконец медленно, как сквозь густой туман, в памяти всплыли слова перворожденного: «Через вон ту дверь я выхожу в коридор, минуя три поперечных прохода справа от меня, потом поворачиваю в четвертый справа, дохожу до места, где соединяются три коридора; там я снова поворачиваю направо, держась поближе к левой стене, чтобы не провалиться в яму. В тупике будет винтовая лестница, и по ней я пойду вниз, а не вверх; далее мне нужно пройти по коридору, который там всего один».

Я вспомнил и то, на какую именно дверь показывал Турид.

Мне не понадобилось много времени, чтобы отправиться неведомой дорогой, и я махнул рукой на предосторожности, хотя ловушки могли

подстерегать меня за каждым углом.

Большая часть коридоров хорошо освещалась, однако в некоторых из них было темно, как в погребе. На отрезке пути, где следовало держаться левой стены, чтобы не провалиться, мрак оказался абсолютно беспросветным, и я едва не рухнул вниз, прежде чем осознал близость опасности. Узкий выступ шириной не более ступни шел вдоль стены над краем ямы, готовый поглотить путника при первом же неосторожном шаге. Но мне удалось благополучно миновать этот участок, а дальше идти было нетрудно благодаря слабому освещению; и в конце последнего коридора внезапно блеснул яркий дневной свет – я вышел на равнину, покрытую снегом и льдом.

Моя одежда (вернее, почти полное ее отсутствие) соответствовала тепличной атмосфере Кадабры, так что крепкие объятия арктического холода едва ли можно было назвать приятными. А что хуже всего, долго на открытом воздухе я бы не продержался. Мороз убил бы меня прежде, чем я смог бы догнать Турида и Дею Торис.

То, что меня остановила сама могучая природа, перед которой человек порой бессилен, представлялось мне жестоким поворотом судьбы, и я попятился назад, в теплый тоннель, чувствуя себя беспомощным, как никогда.

Я не мог продолжать погоню, поскольку у меня не было снаряжения, да и не хотелось погибать напрасно. Стоило немного задержаться и поискать иной, более надежный способ достичь цели, чтобы добраться до Деи Торис в боеспособном состоянии.

Едва я вернулся в тоннель, как наступил на клочок меха, лежавший на полу у стены. В темноте я не мог понять, откуда он взялся, и, ощупав все вокруг, убедился, что мех торчит из-под какой-то закрытой двери.

Распахнув ее, я оказался на пороге небольшой комнаты. По стенам здесь была развешена одежда желтокожих, в которой они появлялись за пределами городской стены.

Поскольку помещение находилось у выхода из тоннеля, нетрудно было догадаться, что это специальная гардеробная, которой пользовались вельможи, покидая жаркий город. Турид прекрасно об этом знал и наверняка остановился здесь, чтобы одеться самому и одеть Дею Торис перед тем, как очутиться среди арктических льдов.

В спешке он уронил кое-какие вещи на пол; предательский мех упал у порога и выдал мне расположение гардеробной, чего Турид, конечно, хотел бы в последнюю очередь.

Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы облачиться в шубу из орлука и надеть тяжелые, отделанные мехом ботинки, – такая обувь является весьма существенной частью гардероба для того, кто хочет идти к цели, не сгибаясь под ударами ледяных ветров бледной северной

земли.

Я снова вышел из зева тоннеля, чтобы найти свежие следы Турида и Дея Торис на недавно выпавшем снегу. Наконец-то передо мной стояла легкая задача, потому что я больше не сомневался в выборе направления и мне не угрожала тьма или удары кинжалом из-за угла.

Дорога шла по засыпанному снегом ущелью в сторону гряды невысоких холмов. За ними она ныряла вниз, в другую расселину, а четверть мили спустя опять поднималась на перевал к каменистому гребню.

Я прекрасно видел следы тех, кто двигался впереди меня, потому что Дея Торис постоянно сопротивлялась и чернокожему приходилось практически волочить ее. В снегу отпечатались лишь подошвы его ботинок, кое-где он проваливался очень глубоко; я понимал, что Турид вынужден был иногда нести принцессу, и весьма живо воображал, как она отчаянно борется с ним на каждом шагу.

Когда я обогнул выступ сбоку от вершины холма, моим глазам предстала картина, которая заставила мое сердце заколотиться в два раза быстрее. В небольшой впадине между этим холмом и соседним, перед входом в большую пещеру, стояли четыре человека, а рядом с ними на сверкающем снегу лежал челнок, явно только что выведенный из тайного укрытия.

Эти четверо были Дея Торис, Файдор, Турид и Матаи Шанг. Мужчины о чем-то жарко спорили – Отец фернов явно угрожал, а чернокожий огрызался, продолжая заниматься делом; он готовил судно к полету.

Я осторожно пополз в их сторону, стараясь подобраться как можно ближе, прежде чем меня заметят. В эту минуту мужчины наконец достигли компромисса, потому что они вместе, с помощью Файдора, потащили сопротивлявшуюся Дею Торис на палубу.

Там они связали ее, и мужчины снова спустились на землю, чтобы завершить подготовку к отлету. Файдор же ушла в маленькую каюту на палубе судна.

Между нами оставалось около четверти мили, когда Матаи Шанг меня обнаружил. Он схватил Турида за плечо и развернул в мою сторону, ну а я был полностью на виду... И я в тот же миг распрямился и с безумной скоростью помчался к челноку.

Те двое взялись за пропеллер, спеша закончить работу, – его явно снимали на какое-то время, возможно для ремонта.

Они справились с ним еще до того, как я одолел половину разделявшего нас расстояния, и тут же бросились к трапу.

Турид первым прыгнул на него и с ловкостью обезьяны взлетел на палубу, где одно прикосновение к кнопке накопителя энергии тронуло

судно с места; оно стало подниматься вверх, хотя далеко не с такой скоростью, какая присуща кораблю в отличном состоянии.

Мне оставалось пробежать еще несколько сотен ярдов, и я понимал, что беглецы ускользают.

Позади, рядом с Кадаброй, стоял огромный воздушный флот – могучие корабли Гелиума и Птарта, которые я спас от гибели утром этого дня, но до них было слишком далеко, и Турид успел бы скрыться.

На бегу я видел, что Матаи Шанг карабкается по трапу к палубе, но лесенка вертелась и раскачивалась в воздухе, а над жрецом нависло злобное лицо перворожденного. Причальный канат, свисавший с кормы, дал мне новую надежду: если я успею уцепиться за него раньше, чем челнок поднимется слишком высоко, можно с его помощью попасть на палубу.

Воздушное судно было в нелучшем состоянии, ему явно не хватало плавучести, и, хотя Турид дважды повернул рычаг запуска, лодка все так же неподвижно висела в воздухе, чуть заметно дрейфуя в потоке северного ветра.

Матаи Шанг уже почти добрался до фальшборта. Его длинная, похожая на лапу рука потянулась к металлическим поручням.

Турид наклонился к своему сообщнику.

И вдруг в воздухе сверкнул кинжал, зажатый в пальцах чернокожего. И устремился к белому лицу Отца фернов. Святой геккадор с пронзительным визгом вцепился в угрожавшую ему руку.

Я был уже почти рядом с причальным канатом. Судно все еще медленно поднималось и одновременно скользило прочь. Вдруг я налетел на какой-то кусок льда и упал плашмя, ударившись головой о камень, на расстоянии вытянутой руки от конца каната, который как раз оторвался от земли.

Удар был слишком сильным, я потерял сознание.

Наверное, я всего несколько секунд лежал без чувств на льду, пока моя дорогая улетала все дальше вместе с черным дьяволом. Когда я открыл глаза, Турид и Матаи Шанг все еще боролись у верхней части трапа, а челнок отнесло на сотню ярдов к югу, и конец троса теперь висел в добрых тридцати футах над землей.

Чувствуя, что готов сойти с ума от жестокого невезения, помешавшего мне тогда, когда удача была почти в моих руках, я рванулся наперерез судну и вложил всю свою земную силу в отчаянный прыжок.

Я должен был во что бы то ни стало ухватиться за тонкий канат – единственную ниточку, что могла связать меня с любимой, исчезающей в небе!

В футах над нижним концом троса мои пальцы сомкнулись. Я крепко

сжал их, чувствуя, как канат проскальзывает между ними, и попытался поднять свободную руку, чтобы перехватить чертову веревку, но из-за того, что положение тела изменилось, я лишь быстрее стал съезжать вниз.

Судьба дразнила меня – трос не поддавался захвату. В одно мгновение я мог потерять все, что сумел завоевать... но тут мои пальцы наткнулись на узел на самом конце каната и перестали скользить.

С благодарственной молитвой на устах я полез вверх, к палубе судна. Я не мог теперь видеть Турида и Матаи Шанга, но слышал шум драки и потому знал, что они еще не уgomонились; ферн сражался за жизнь, а черный датор – за то, чтобы облегчить вес лодки.

Если Матаи Шанг погибнет, прежде чем я достигну края борта, мои шансы на победу сведутся к нулю. Чернокожему достаточно будет перерезать канат, чтобы избавиться от меня навсегда, – челнок сейчас плыл над пропастью, чей разверстый зев мог поглотить мое тело и превратить его в бесформенную массу.

Наконец я ухватился за поручни судна, и в тот же самый момент раздался оглушительный, жуткий крик; кровь застыла у меня в жилах, и я с ужасом обратил взгляд в ту сторону.

Нечто летело, кувыркаясь и дергаясь, прямоком в страшную пропасть.

Это был Матаи Шанг, святой геккадор, Отец фернов. Турид расквитался с ним окончательно.

Теперь он спешил ко мне с кинжалом в руке. Датор был еще по другую сторону каюты, и я попытался вскарабкаться на корму. Нас разделяло всего несколько шагов. И никакая сила в мире не могла поднять меня на палубу быстрее, чем до меня добрался бы взбешенный чернокожий.

Пришел мой конец. Я понимал это, но вовсе не выражение

победоносного торжества на отвратительном злобном лице вызвало во мне новый прилив сил. За спиной Турида я увидел Дею Торис, испуганную, с расширившимися глазами... она изо всех сил пыталась вырваться из пут. Неужели ей суждено стать свидетельницей моей ужасной гибели? Это казалось мне чудовищным.

Я оставил усилия перебраться через поручни. Вместо того я крепко ухватился за них левой рукой и достал свой кинжал.

Я должен был, по крайней мере, умереть так же, как жил, — сражаясь.

Но когда Турид очутился напротив двери каюты, в мрачной атмосфере трагедии материализовался новый персонаж, остававшийся до сих пор за кулисами сцены, то есть палубы челнока Матаи Шанга.

И это была Файдор.

С пылающим лицом, растрепанными волосами, глазами, покрасневшими от самых обыкновенных слез (от которых эта гордая богиня всегда удерживалась), она выскочила на палубу прямо передо мной.

В руке Файдор держала длинный узкий кинжал. Я бросил последний взгляд на свою возлюбленную принцессу, улыбаясь, как то и подобает мужчине, готовому встретить смерть. А потом посмотрел на Файдор в ожидании удара.

Никогда ее лицо не было таким прекрасным, как в это мгновение. Казалось просто невероятным, что в божественной груди бьется столь жестокое и безжалостное сердце. Но на сей раз я вдруг увидел в ее сказочных глазах незнакомое выражение мягкости и страдания.

Турид был уже рядом с ней и хотел оттолкнуть ее, чтобы добраться до меня. Дальнейшее произошло так быстро, что все закончилось раньше, чем я успел что-либо осознать.

Изящная левая рука Файдор крепко схватила Турида за запястье. Ее правая рука взметнулась вверх, сжимая сверкающее лезвие.

— Это тебе за Матаи Шанга! — закричала она и вонзила кинжал в грудь датора. — А это за все то, что ты сделал с Деей Торис!

И клинок второй раз ударил в уже окровавленную плоть.

— А это, а это, а это, — продолжала пронзительно кричать Файдор, — это тебе за Джона Картера, принца Гелиума!

И с каждым словом острая сталь снова и снова вонзалась в подлое сердце великого злодея.

А потом мстительная фурия с силой столкнула труп перворожденного с палубы, и его тело в жуткой тишине полетело следом за его жертвой.

Я был настолько ошеломлен, что не сделал ни единого движения для того, чтобы подняться на палубу, а просто наблюдал за поразившей меня сценой. Еще больше изумил меня следующий поступок Файдор: она протянула мне руку, чтобы помочь взобраться наверх, и вот я уже стоял рядом с ней, не скрывая ни потрясения, ни глупого восторга...

А на губах Файдор появилась усталая улыбка... совсем непохожая на обычную ехидную усмешку той богини, с которой я когда-то был знаком.

— Ты пытаешься понять, Джон Картер, — заговорила она, — что могло

так изменить меня? Это любовь... любовь к тебе.

Но когда я неодобрительно сдвинул брови при этих ее словах, она вскинула руку, прося меня помолчать.

– Подожди, – сказала она. – Это совсем другое чувство... Видишь ли, ваша с принцессой взаимная любовь открыла мне вершины, от которых так далека была моя прежняя эгоистичная и ревнивая страсть. Я изменилась. Теперь я умею любить так, как любит Дея Торис, и потому для меня будет истинным наслаждением знать, что вы с ней опять воссоединились, ведь лишь с ней одной ты можешь обрести подлинное счастье. Я же страдаю из-за злобности, в которой воспитана. Мне нужно искупить множество грехов, исправить много ошибок, и, хотя я бессмертна, все равно моя жизнь слишком коротка для этого. Но есть и другой способ. И если Файдор, дочь святого геккадора священных фернов, натворила много дурного, то сегодня она уже отчасти искупила свои промахи. А если ты сомневаешься в искренности ее торжественного заявления и признания в новой любви, которая распространяется и на Дею Торис, то Файдор докажет тебе это тем единственным способом, который считает правильным, – спасая тебя для другой и оставляя в ее объятиях.

С этими словами Файдор развернулась и шагнула с палубы в бездонную пропасть за бортом.

С криком ужаса я прыгнул к ней в тщетной попытке спасти жизнь, которую целых два года рад был бы уничтожить. Но я опоздал.

На моих глазах выступили слезы, я отвернулся, не в силах смотреть вниз, на ужасную картину.

Через мгновение я снял оковы с Деи Торис. Ее милые руки обвились вокруг моей шеи, безупречные губы прижались к моим, и я забыл об ужасах, преследовавших меня, и о страданиях, выпавших на мою долю, – я был полностью вознагражден.

XVI

Новый правитель

Воздушное судно, на борту которого мы с Деей Торис очутились после двенадцати долгих лет разлуки, оказалось совершенно бесполезным. Энергия не держалась в накопителях. Мотор не запускался. Мы беспомощно висели в воздухе над арктическим льдом.

Суденышко дрейфовало над пропастью, поглотившей тела Матаи Шанга, Турида и Файдор, и наконец достигло невысокого холма. Открыв клапаны накопителей и выпустив остатки энергии, я позволил лодке медленно опуститься к самой земле, и, когда судно остановилось, мы с Деей Торис сошли с палубы и рука об руку повернули назад, чтобы через ледяную пустыню вернуться в Кадабру.

По тому самому тоннелю, по которому я гнался за своей любимой, мы теперь шли не спеша, потому что нам нужно было многое сказать друг другу.

Дея Торис рассказала мне об ужасных событиях последних месяцев, происшедших с тех пор, как дверь камеры под храмом Солнца медленно закрылась. О том, как Файдор метнулась к ней с кинжалом, как закричала Тувия, поняв, что именно собирается совершить богиня фернов.

Тот крик по сей день звучал в моих ушах, все эти долгие месяцы я слышал его, мучась сомнениями, жива ли моя принцесса. Я ведь не мог знать, что Тувия вырвала кинжал у дочери Матаи Шанга, прежде чем тот коснулся Деи Торис или ее самой.

Принцесса также поведала мне о страхе перед вечным заточением. О жестокой ненависти Файдор, о нежной привязанности Тувии, о надежде, которая не покидала обеих подруг во мраке отчаяния. Они верили, что Джон Картер найдет способ освободить их.

Наконец мы добрались до комнаты Солана. Я шел, не думая о предосторожностях, поскольку был уверен, что и город, и дворец к этому времени уже в руках моих друзей.

Однако, перешагнув порог зала, я очутился прямо перед десятком придворных Саленсуса Олла. Они направлялись к тому самому коридору, по которому мы с принцессой только что прошли, – видимо, хотели выбраться во внешний мир.

Увидев нас, окарианцы застыли на месте, а потом по лицу их предводителя расплылась мерзкая улыбка.

– Вот он, виновник всех несчастий! – воскликнул вельможа, показывая на меня. – Мы можем хотя бы отчасти отомстить за поражение, если оставим здесь изуродованные трупы принца и принцессы Гелиума! Их найдут, – продолжил он, тыча пальцем вверх, где стоял над подземельями дворец, – и узнают, как дорого обходится врагам месть желтой расы. Готовься умереть, Джон Картер, твой конец окажется еще тяжелее оттого, что ты будешь знать об участи принцессы... возможно, ее пощадят ради того, чтобы она немного позабавила моих знатных друзей!

Я остановился рядом со стеной, на которой висели разные инструменты, и Дея Торис стояла рядом. Она с удивлением посмотрела на меня, видя, что желтые воины приближаются ко мне с клинками на изготовку, а мой меч висит в ножнах на боку, и я при этом еще и улыбаюсь.

Желтые вельможи также выглядели озадаченными. Поскольку я сохранял полное спокойствие, они заколебались, боясь подвоха, но их предводитель подгонял их вперед. Когда окарианцы подошли почти на

расстояние длины меча, я поднял руку, взялся за большой полированный рычаг и, все так же мрачно улыбаясь, посмотрел прямо в лицо своим врагам.

Они разом остановились, испуганно поглядывая то на меня, то друг на друга.

– Стой! – закричал старший. – Ты не посмеешь этого сделать!

– Именно посмею, – ответил я. – Джон Картер может все. Он знает... знайте же и вы: сделаете еще один шаг к Дее Торис, принцессе Гелиума, – и я поверну этот рычаг. Да, мы с ней погибнем, но погибнем не одни.

Вельможи попятились, перешептываясь. Наконец их вожак обратил свой взгляд на меня.

– Иди своей дорогой, Джон Картер, – сказал он. – А мы пойдем своей.

– У пленников нет своей дороги, – ответил я, – а вы – пленники принца Гелиума.

Прежде чем кто-то из них успел ответить, распахнулась дверь в противоположной стене комнаты, внутрь ворвались десятка два желтокожих воинов. На секунду на лицах вельмож отразилось облегчение, но потом их взгляды остановились на том, кто вел этот новый отряд... Окарианцы побледнели, потому что это был Талу, мятежный принц Марентины, и они прекрасно поняли, что от него не приходится ждать ни помощи, ни милосердия.

– Хорошо сделано, Джон Картер! – воскликнул Талу. – Ты обратил их собственную могучую силу против них же. Повезло Окару, что ты оказался здесь вовремя и не дал им сбежать, потому что это самые великие злодеи к северу от ледяного барьера, а уж вот этот... – Талу показал на вожака, – этот собирался стать джеддаком джеддаков вместо погибшего Саленсуса Олла. И тогда мы получили бы еще более злобного и подлого правителя, чем тот, что пал от твоего меча!

Окарианские вельможи уже смирились с арестом, поскольку их не ждало бы ничего, кроме смерти, вздумай они сопротивляться, и в сопровождении воинов Талу мы отправились в большой зал приемов Саленсуса Олла. Там уже собралось множество воинов.

Здесь были красные марсиане из Гелиума и Птарта и желтые северяне, стоявшие бок о бок с чернокожими перворожденными, которые пришли под водительством моего друга Ксодара, чтобы помочь найти меня и мою принцессу. Явились и зеленые дикари со дна мертвых морей на юге, и горстка белых фернов, что отказались от прежней веры и поклялись в верности Ксодару.

Были здесь и Тардос Морс, и Морс Каяк, а также высокий могучий воин в прекрасных украшениях – мой сын Карторис. Они втроем сразу бросились к Дее Торис, стоило нам с ней войти в зал, и хотя вся жизнь и

воспитание марсиан королевской крови не допускали вульгарного выражения чувств, думаю, мои доблестные родственники могли бы и задушить мою жену в своих объятиях.

Сюда пришли и Тарс Таркас, джедак Тарка, и Кантос Кан, мои старые друзья, и еще мой дорогой старый Вула, который тут же прыгнул на меня и принялся облизывать с головы до ног, сходя с ума от радости.

Нас приветствовали долго и шумно; оглушительно звенели украшения и оружие, ведь каждый из воинов всех рас Марса рад был провозгласить общую победу, но, когда я шел между ними, на сердце у меня было тяжело, потому что я не видел в зале Тувана Дина и Тувию.

Я расспрашивал о них представителей всех народов и наконец от одного из желтых военнопленных узнал, что моих друзей задержал какой-то дворцовый офицер, когда они пытались добраться до Ямы Изобилия, в которой меня держали.

Без дальнейших вопросов я понял, что произошло с храбрым джедаком и его преданной дочерью. Но мой информатор сказал, что их бросили в один из многочисленных тайных подвалов, где узники томятся, пока северный тиран не решит их судьбу.

Сразу же древнее строение начали обыскивать поисковые группы, и моя чаша счастья наполнилась до краев, когда я наконец увидел, как моих друзей вводят в зал в сопровождении почетного караула.

Тувия первым делом бросилась к Дее Торис, и мне не нужно было других доказательств любви между этими двумя женщинами – ведь они обнялись с бесконечной искренностью.

И на этот переполненный зал молча взирал пустой трон правителя Окара.

Наверное, за бесконечные века правления окарианских джедаков здесь впервые происходило событие такого масштаба и значения. Размышляя о прошлом и будущем этой обособленной расы черноволосых желтокожих людей, я подумал, что они могли бы занять более достойное место в великой семье дружественных народов, чьи владения простирались от Южного полюса почти до двери этого зала.

Двадцать два года назад меня, обнаженного чужака, судьба забросила в этот неведомый дикий мир. Все племена Марса пребывали тогда в постоянной войне и ссоре друг с другом. Но теперь благодаря силе моего меча и преданности моих друзей черные и белые, красные и зеленые стояли плечом к плечу в мире и дружбе. Народы Барсума пока не стали едины, но большой шаг к этому уже был сделан. И если бы желтый народ присоединился к остальным, я почувствовал бы, что завершил дело всей жизни и вернул Марсу хотя бы часть необъятного долга благодарности, который лежал на мне просто потому, что я нашел

здесь Дею Торис.

Думая об этом, я видел лишь один путь и лишь одного человека, который мог бы осуществить мои надежды. И я, как обычно, тут же начал действовать, без промедления и без сомнений.

Те, кому не нравятся мои планы и способы их осуществления, всегда имеют при себе мечи и могут выразить свое неодобрение, но, похоже, в этот момент никто не собирался протестовать, хотя я, схватив Талу за руку, прыгнул на тронное возвышение.

– Воины Барсума! – воскликнул я. – Кадабра пала, а вместе с ней пал и ненавистный северный тиран, но необходимо сохранить единство Окара. Красной расой правят красные джеджаки, зелеными воинами со дна древних морей повелевают зеленые вожди, перворожденные с Южного полюса подчиняются власти чернокожего Ксодара; и никому не нужно, чтобы на трон Окара взошел человек другой расы.

Но я знаю лишь одного воина, полностью достойного древнего и могущественного титула джеджака джеджаков северных земель. Народ Окара, поднимите мечи в честь нового правителя – Талу, мятежного принца Марентины!

В ответ раздался ликующий крик множества голосов, радовались и свободные люди Марентины, и пленники Кадабры, потому что все они боялись того, что власть теперь перейдет к краснокожей расе, расе победителей, как это обычно бывало на Барсуме, а им потом придется бунтовать против чужестранного джеджака.

Победоносные воины, пришедшие с Карторисом, присоединились к общему безумному веселью, и под оглушительный шум и суматоху этого торжества мы с Деей Торис вышли в великолепный сад джеджаков, что украшал внутренние дворы дворца Кадабры. Следом за нами плелся Вула.

На резной скамье изумительной красоты, стоявшей под купой кустов, украшенных пурпурными цветами, мы увидели тех двоих, что вышли сюда раньше нас, – Тувию из Птарта и Карториса из Гелиума.

Прекрасные юноша и девушка склонились друг к другу. Я с улыбкой посмотрел на Дею Торис и шепнул ей на ухо:

– А почему бы и нет?

И в самом деле, почему нет? Что значит возраст в этом мире вечной юности?

Мы оставались в Кадабре в качестве гостей Талу до его официального восшествия на трон, а потом вместе с тем огромным флотом, который я так удачно спас от гибели, отправились на юг через ледяной барьер, но сначала мы стали свидетелями окончательного уничтожения Стража Севера по приказу нового джеджака джеджаков.

– Отныне и навеки, – сказал он, когда дело было сделано, – корабли

красных и черных людей вольны летать через ледяной барьер так же, как через свои собственные земли. Гнилые пещеры должны быть очищены, чтобы зеленый народ мог легко попадать в земли желтой расы, а охота на священных аптов пусть станет спортивным развлечением для моей знати до тех пор, пока на холодном севере эти твари не исчезнут все до последней.

Мы распрощались с нашими желтокожими друзьями с искренним сожалением и наконец отправились в Птарт. Целый месяц гостили мы у Тувана Дина; и я видел, что Карторис остался бы здесь навсегда, если бы не был принцем Гелиума.

Потом мы летели над могучими лесами Каола, пока не добрались до единственной причальной башни Кулана Тита, и там целый день и половину ночи с кораблей спускались воины. И столицу Каола мы посетили, скрепляя новые узы дружбы, возникшие между этой страной и Гелиумом, а когда минул еще один долгий и навсегда запомнившийся нам день, мы увидели стройные башни городов-близнецов Гелиума.

Народ давно уже готовился встретить нас. В небе сверкали ярко украшенные челноки. Над каждой крышей в обоих городах взметнулись флаги и вымпелы.

Улицы и площади блистали золотом и драгоценностями, и оба города как будто пылали огнем благодаря изумительным камням и блестящему металлу, отражавшему солнечные лучи.

Наконец-то после долгих двенадцати лет королевская семья Гелиума воссоединилась в своем величественном городе, окруженная безумствующими от радости миллионами жителей. Женщины, дети и даже воины плакали от благодарности судьбе, что вернула им горячо любимого Тардоса Морса и божественную принцессу, которой все поклонялись. Да и всем нам, испытавшим неописуемые трудности и вернувшимся со славой, народ рукоплескал.

В этот вечер, когда я сидел с Деей Торис и Карторисом на крыше моего городского дворца, там, где мы давно уже разбили чудесный садик, в котором можно было уединяться и тихо радоваться семейному счастью вдали от церемонности и пышности королевского двора, ко мне явился некий посланник. Нас приглашали в храм Воздаяния, «где этим вечером состоится суд», как говорилось в сообщении.

Я покопался в памяти, пытаюсь сообразить, какое важное дело могло призвать королевскую семью из их дворца сразу по возвращении в Гелиум после многолетнего отсутствия, но если приказывает джеддак, никто не может сказать «нет».

Когда наш воздушный корабль опустился на причальную площадку на крыше храма, мы увидели великое множество улетающих либо прибывающих судов. На улицах внизу толпы народа вливались в

огромные ворота храма Воздаяния.

Я наконец-то вспомнил об отложенном приговоре, что ждал с тех самых пор, когда меня судил здесь Сат Аррас – за то, что я вернулся из долины Дор и с берегов затерянного моря Корус.

Неужели такое было возможно – чтобы жажда правосудия, присущая всем народам Марса, заставила людей забыть о том великом добре, что смыло мои преступления? Неужели им безразлично, что благодаря мне, и только мне одному, спасены и Карторис, и Дея Торис, и Морс Каяк, и Тардос Морс?

Я не в силах был в это поверить, и все же с какой еще целью меня могли вызывать в храм Воздаяния сразу после возвращения джеджака в столицу?

Но когда я вошел внутрь и приблизился к Трону Справедливости, то был несказанно удивлен. На месте судей сидели Кулан Тит, джеджака Каола, с которым мы расстались всего несколько дней назад; Туван Дин, джеджака Птарта... Он-то как сумел добраться до Гелиума одновременно с нами?

Судейские места занимали также Тарс Таркас, джеджака Тарка, и Ксодар, джеджака перворожденных; я увидел и Талу, джеджака джеджаков с севера, который, как я мог бы поклясться, должен был находиться сейчас в своем жарком городе за ледяным барьером; в зале присутствовали и Тардос Морс, и Морс Каяк, и еще многие вожди. Все они образовали круг из тридцати одного судьи, как полагалось.

Воистину это был королевский трибунал, и, могу ручаться, такого вообще не знала история древнего Марса.

Когда я подошел к судьям, в огромном зале стало тихо, люди умолкли. Тардос Морс встал.

– Джон Картер! – заговорил он низким глубоким голосом. – Займи свое место на Пьедестале Правды, потому что тебя должны честно и беспристрастно судить твои соратники.

Не сводя с него глаз, я выполнил приказ с высоко поднятой головой. А когда я посмотрел на лица людей, которых еще мгновение назад мог с чистой совестью назвать своими лучшими друзьями на Барсуме, – я не увидел ни единого дружеского взгляда; вокруг сидели суровые, бескомпромиссные судьи, готовые выполнить свой долг.

Встал служащий и прочел записанный в большой книге длинный список благородных дел, которые, как я думал, сами говорили в мою пользу, – список охватывал собой период в двадцать два года, с того момента, когда я впервые ступил на коричневатое дно мертвого моря возле инкубатора таркиан. Далее следовал перечень всего остального, включая и то, что произошло в кольце гор Оц, где правили священные ферны и перворожденные.

Таков обычай Барсума – перечислять и добрые, и дурные дела человека, подвергнувшегося суду, и потому я не удивился тому, что все это зачитывается перед моими судьями, которые и сами все это знали, – и перечисление шло вплоть до последнего дня. Когда список закончился, встал Тардос Морс.

– О справедливые судьи, – заговорил он, – вы слышали перечень всего того, что совершил Джон Картер, принц Гелиума, – и хорошего, и дурного. Каково ваше мнение?

Медленно поднялся Тарс Таркас. Он возвышался надо всеми, похожий на огромную зелено-бронзовую статую. Таркианин обратил ко мне мрачный взгляд – он, Тарс Таркас, рядом с которым я сражался бесчисленное количество раз! Тот, кого я любил как брата!

Я бы заплакал, если бы не был так взбешен; я едва не выхватил меч и не перебил их всех прямо на месте!

– Судьи! – начал Тарс Таркас. – Мы выносим только один приговор. Джон Картер более не может быть принцем Гелиума... – Он сделал выразительную паузу. – Он должен быть джеддаком джеддаков, главнокомандующим всем Барсумом!

И все судьи, тридцать один человек, тут же вскочили и выхватили мечи, соглашаясь с приговором, а в зале поднялся такой шум, какого никогда не слыхало древнее здание; мне даже показалось, что его крыша может рухнуть от грома людских голосов.

Наконец-то я понял мрачноватый юмор, с которым мне оказали величайшую честь, – и, несмотря на то что на самом деле в дарованном мне титуле была явная мистификация, искренние поздравления с избытком компенсировали розыгрыш.

И тут пятьдесят знатнейших вельмож самых крупных государств Марса прошествовали по широкому Проходу Надежды, неся на плечах великолепную повозку. Когда люди увидели, кто в ней сидит, радость выплеснулась из их сердец, и мне, по сравнению с громом оваций, все прочее показалось незначительным. То была Дея Торис, любимая всеми принцесса Гелиума.

Ее поднесли прямо к Трону Справедливости, и здесь Тардос Морс помог ей выйти и проводил ко мне.

– И пусть самая прекрасная в мире женщина разделит честь со своим мужем! – сказал он.

А я, прямо на глазах у всех, прижал к себе свою жену и поцеловал в губы.